W
51
44

W 51/44
801-90
12091-9

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ

о

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

I.

2007058741

W 57/44

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЕРЪ, НАЕРЛЕ, МАРЖЕРЕТЪ и ДЕ-ТУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЪ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 15 мая 1857 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Никогда отечество наше, до восшествія на престолъ знаменитаго поколѣнія Романовыхъ, не было такъ сильно и счастливо, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова: рукою опытною, искусною онъ правилъ кормиломъ государства, устраняя отъ него бѣдствія, указывая народу новые источники благоденствія, помышляя о наукахъ, о смягченіи нравовъ, объ Европейской образованности. Народъ любилъ его какъ отца, зная, что Борисъ готовъ былъ пожертвовать для счастія подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на него сосѣды; въ юномъ сынѣ Борисовомъ Россія видѣла залогъ будущаго благоденствія, а въ дочери его, въ прелестной Ксеніи, опору своего могущества.... И все это рушилось, и все это исчезло, какъ мечта! Сила Годунова онѣмѣла предъ тѣнію отрока, 12 лѣтъ лежавшаго въ могилѣ; тронъ его палъ, родъ его погибъ; бродяга явился

на Русскомъ престолѣ; но правилъ умно, дѣйствовалъ смѣло, хотѣлъ быть выше королей и цесаря, готовилъ важный переворотъ, и упоенный счастіемъ, слетѣлъ съ высоты величія скорѣе, чѣмъ достигъ до нея. Тутъ настало время неустройствъ безпримѣрныхъ; имя Димитрія, какъ волшебный гласъ, какъ приговоръ судьбы, взволновало наше отечество, разорвало всѣ узы, ниспровергло всѣ законы, привело въ Россію, къ самой Москвѣ, Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ, Крымцевъ, Донцовъ, Запорожцевъ, Черемисъ, Чувашей, Казанцевъ. Предки наши въ непонятномъ ослѣпленіи стремились съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу каждому, кто только хотѣлъ назваться Димитріемъ, и — повѣритъ ли потомство? — нѣсколько сотъ тысячъ Россіянъ съ боярами, съ князьями, предались жиду, Вору Тушинскому! До сихъ поръ видны слѣды лагеря, гдѣ онъ болѣе двухъ лѣтъ стоялъ подъ Москвою. Судьба нашего отечества зависѣла отъ одного слова Сигизмунда, и если бы не твердость Ермогена, не великодушіе Минина, не мужество Пожарскаго, прощай Россія, и на вѣки. Къ счастію заблужденіе исчезло; предки наши образумились, стали дружно, твердо за вѣру, за отечество; явили доблести героевъ, и подъ сѣнію Михаила вздохнули наконецъ свободно, какъ пловцы послѣ страшной бури.

Если исторія, изображая судьбу царствъ и народовъ, должна вселять въ насъ покорность Провидѣнію, уваженіе къ святынѣ и законамъ, любовь къ истинѣ, кра-

сотѣ, добродѣтели, и если уроки ея тѣмъ сильнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ разительнѣе примѣры, ею приводимые: то едва ли найдемъ въ лѣтописяхъ человѣчества эпоху столь достопамятную, какую представляетъ наша исторія въ началѣ XVII вѣка; по крайней мѣрѣ для насъ, Русскихъ, знать время Самозванцевъ должно быть поучительнѣе и занимательнѣе чтенія исторіи многихъ народовъ иноплеменныхъ. Самые легкіе, даже неправильные очерки добродѣтелей и злодѣйствъ, ознаменовавшихъ сіе время, врѣзываются глубоко въ нашей памяти и оставляютъ въ душѣ впечатлѣнія непзгладимыя.... Ермогенъ, Мининъ, Пожарскій! кто безъ трепета сердечнаго произноситъ священныя имена ваши, хотя мы знаемъ о васъ по темному преданію, хотя до сихъ поръ, въ сумракѣ временъ, вы стоите какъ величественныя тѣни, безъ жизни, безъ выраженія! Памятники дѣлъ вашихъ, сказанія современниковъ, ваши собственныя, истлѣваютъ въ архивахъ....

Въ эпоху Самозванцевъ болѣе, нежели когда либо раскрылся характеръ народный: тутъ явился въ полномъ блескѣ Россіянинъ, непоколебимый въ вѣрѣ, въ законѣ праотцевъ, непоколебимый въ преданности царю и престолу, но врагъ всего не Русскаго, ужасный на войнѣ, въ пылу страстей, добрый и привѣтливый въ спокойной хижинѣ. И нынѣ Русскій народъ не измѣнилъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, своему характеру: его одушевляетъ та же преданность къ вѣрѣ, къ

престолу, къ обычаямъ предковъ, которая спасла Россію отъ ига иноземцевъ, отъ власти Сигизмунда, та же ненависть ко всему не родному, которая въ началѣ XVII вѣка однихъ ознаменовала подвигами доблести, другихъ довела до слѣпаго заблужденія, до мрачныхъ злодѣйствъ. Въ исторіи Самозванцевъ вы узнаете народъ со всѣми его добродѣтелями и недостатками.

Кромѣ пользы, кромѣ спасительныхъ уроковъ, это достопамятное время даетъ обильную пищу воображенію: тамъ найдетъ поэтъ или художникъ картины очаровательныя; тамъ увидитъ онъ и героевъ необыкновенныхъ и злодѣевъ невѣроятныхъ, тѣмъ не менѣе истинныхъ, каждаго съ выразительною физіогноміею. Пусть наши юные пѣвцы, наши романисты познакомятся съ Борисомъ Годуновымъ, съ Димитріемъ Самозванцемъ, съ Мариною, съ Воромъ Тушинскимъ, а болѣе всего пусть узнаютъ Ермогена, Ляпунова, Минина, Пожарскаго, даже враговъ нашихъ, гетмана Жолкѣвскаго, налета Лисовскаго, пана Струся, Делагарди: пусть обрисуютъ дѣла и характеры ихъ кистію вѣрною, красками живыми, не измѣняя духу времени въ малѣйшихъ подробностяхъ, и мы перестанемъ исключительно читать Вальтеръ-Скотта, по крайней мѣрѣ, не промѣняемъ своего на чужое.

Но никто, можетъ быть, не обрѣтетъ въ нашей исторіи перваго десятилѣтія XVII вѣка столь неисчерпаемаго источника наслажденій, какъ любитель бытопи-

санія, который углубляется въ минувшіе вѣки съ благороднымъ желаніемъ открыть истину, разгадать характеръ людей, духъ времени, тайныя пружины событій, однимъ словомъ, хочетъ видѣть и узнать человѣка. Для такого ума испытательнаго одинъ Борисъ Годуновъ доставитъ обильную пищу къ размышленію. Потомство обвиняетъ его въ злодѣйствѣ, едва не погубившемъ Россіи: если онъ дѣйствительно обагрилъ руки свои кровію св. отрока, мы забудемъ все хорошее, что ни сдѣлалъ Годуновъ для отечества; но если онъ правъ, если его обвиняютъ по одному подозрѣнію, по стеченію обстоятельствъ, какими взорами станемъ смотрѣть и на Бориса, и на сына его, и на злополучную Ксенію? Такой предметъ стоитъ изслѣдованія. Димитрій Самозванецъ представляетъ загадку не менѣе любопытную: нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ обманщикъ, но кто же именно? Отрепьевъ ли, сынъ ли Баторіевъ, орудіе ли езуитовъ? Далѣе, въ поступкахъ Шуйскаго, Ляпунова, въ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, мы видимъ явленія непостижимыя.

И на всѣ сіи предметы мы смотримъ съ какимъ-то безпримѣрнымъ равнодушіемъ! Вотъ почему вся наша исторія представляетъ, по большой части, однѣ *загадки:* не говоря о временахъ древнѣйшихъ, мы не знаемъ еще ни царя Іоанна, ни Алексѣя, ни Софіи, ни знаемъ, къ стыду нашему, и Петра Великаго. А болѣе всего блуждаемъ въ смутномъ времени Самозванцевъ: Карамзинъ

начерталъ картину плѣнительную; но многое въ ней темно, неполно, нетвердо. На чемъ основанъ его строгій приговоръ о Годуновѣ? Разгадалъ ли онъ Димитрія Самозванца, Шуйскаго, Басманова? Почему онъ вѣритъ одному свидѣтелю и отвергаетъ другаго, даже ссылаясь на одного и того же автора, почему говоритъ, что это сказаніе справедливо, а то ложно? Однимъ словомъ, читатель размышляющій находитъ и въ его прелестномъ твореніи много, много случаевъ сомнительныхъ; ихъ разрѣшить не льзя, если не будемъ знакомы съ современниками: когда сами выслушаемъ свидѣтелей, дадимъ очную имъ ставку, увидимъ, какія страсти ими руководствовали, сличимъ ихъ показанія; тогда многія загадки исчезнутъ сами собою; духъ времени, характеръ народа, дѣйствія, нравы, обычаи, все будетъ живо, ясно. Одинъ Беръ откроетъ многія истины; а онъ-то менѣе всѣхъ извѣстенъ.

Вотъ мысль, побудившая меня собрать Сказанія современниковъ иноземцевъ о Димитріи Самозванцѣ, и издать ихъ въ Русскомъ переводѣ. Я употребилъ всѣ силы, чтобы принести удовольствіе и пользу любителямъ Русской исторіи. Впрочемъ сколько ни лестно для меня благосклонное вниманіе публики; но если трудъ мой, по своимъ недостаткамъ, не заслужитъ ея одобренія, я буду утѣшать себя воспоминаніемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя провелъ я въ бесѣдѣ съ свидѣтелями судьбы нашего отечества.

Такъ писалъ я въ 1831 году. Оставаясь при тѣхъ же мысляхъ и теперь, долгомъ считаю сказать, что при новомъ изданіи *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, въ двухъ томахъ, безъ всякой перемѣны содержанія прежнихъ пяти томовъ, съ маловажною поправкою слога, я замѣнилъ приложенный къ первому изданію портретъ Лжедимитрія вѣрною копіею съ современнаго портрета, гравированнаго въ 1606 году въ Аугсбургѣ Лукою Кіліаномъ, художникомъ въ свое время знаменитымъ многими гравюрами съ картинъ Павла-Веронеза и Тинторета, съ портретовъ Густава-Адольфа, Маріи-Елеоноры, принца Нассаускаго, князя Радзивила, Албрехта Дюрера. Кіліановъ портретъ Самозванца сообщенъ мнѣ почтеннымъ любителемъ и знатокомъ отечественной исторіи, княземъ М. А. Оболенскимъ. Онъ выгравированъ въ нашемъ изданіи черта въ черту, за исключеніемъ только рамки, на которой находится надпись: DEMETRIUS IOANNIS, DEI GRATIA CZAR, ET MAGNUS DUX TOTIUS RUSSIAE, AC MONARCHIAE MOSCOVITICAE DOMINUS ET REX. Внизу, послѣ трехъ строкъ на Греческомъ языкѣ изъ Премудрости Соломоновой: *Admiratione virtutis, quam Deus in luce populorum posuit, sculpsit Lucas Kilianus Augustae Vind. An. MDCVI.* — Снимки съ подписей перваго и втораго Самозванцевъ заимствованы изъ 2 тома Румянцовскаго *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Подпись Маржерета сообщена мнѣ въ 1833 году Управляющимъ Московскимъ Главнымъ

архивомъ А. Ѳ. Малиновскимъ; она находится на слѣдующей роспискѣ въ полученіи окладнаго жалованья, хранящейся въ архивѣ: «Нововые^{в}же^{и} капито^{н} Яко^{в} ма-«ререто^{в} Гдр҃ва цр҃ва і великаго кн^{я}зя Бориса Ѳедоро-«вича. всеа русиі. ему жалова^{н}я на р҃ві го^{д} окла^{д} его «сполна восмидеся^{т} рубле^{в} дано де^{н}ги взя^{л} самъ. Ich «Jacob Margeret Capitain sub Keiserliche Ma^{tet} begnadigung «empfang».

Н. Устряловъ.

1 іюня 1858 года.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

Мартинъ Беръ, Martinus Bäer, родомъ изъ Нейштата, жилъ въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василіи Шуйскомъ и во все время Междуцарствія. Неизвѣстно, кто вызвалъ его изъ Германіи, Борисъ ли Годуновъ, усердно искавшій образованныхъ иностранцевъ, или Нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, пригласили его отъ себя, какъ искуснаго проповѣдника? Достовѣрно только то, что онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1600 году, съ званіемъ студента, и тогда же былъ избранъ въ пасторы Московскими лютеранами, коимъ царь Борисъ дозволилъ выстроить божницу за рѣкою Яузою. При семъ государѣ, Беръ спокойно отправлялъ свои обязанности и заслужилъ всеобщее уваженіе; по смерти же его, пріобрѣлъ дружбу и довѣренность славнаго Басманова, который нерѣдко съ нимъ бесѣдовалъ, повѣрялъ ему самыя тайныя мысли свои и не скрывалъ самозванства мнимаго Димитрія. Беръ, сколько можно догадываться, былъ въ чести и у легкомысленнаго Отрепьева, такъ что съ его дозволенія заговорилъ лютеранскія проповѣди во дворцѣ Кремлевскомъ. По восшествіи Шуйскаго на престолъ, онъ убрался изъ Москвы, гдѣ злоба народная преслѣдовала всѣхъ вообще иноземцевъ, и съ семействомъ своимъ удалился въ городъ Козельскъ; тамъ онъ мирно жилъ среди своей паствы, но недолго: по навѣтамъ злыхъ людей, Тушинскій Воръ приказалъ привести его въ Калугу и со многими Нѣмцами утопить въ Окѣ. Къ счастію бѣдныхъ Нѣмцевъ, вступилась за нихъ Марина: убѣжденная слезами своихъ *фрейлинъ*, Нѣмокъ, духовныхъ дщерей оклеветаннаго пастора, она, съ опасностію собствен-

ной жизни, смягчила кровожаднаго Самозванца. Въ надеждѣ на покровительство Марины, Беръ переселился изъ Козельска въ Калугу. Когда же Воръ Тушинскій кончилъ бѣдственную для Россіи жизнь отъ руки Татарина Уруса, и на Русскій престолъ избранъ былъ Владиславъ, онъ снова пришелъ въ Москву къ друзьямъ своимъ Полякамъ, и тамъ видѣлъ страшное кровопролитіе, вызвавшее Минина и Пожарскаго къ мести, къ спасенію отечества. Почему и когда удалился Беръ изъ Россіи, неизвѣстно; знаемъ только, что знаменитый Олеарій, уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, бесѣдовалъ съ нимъ въ Нарвѣ и слушалъ его сказанія о Московіи.

Внимательный свидѣтель любопытнѣйшей эпохи нашего отечества, очевидецъ происшествій, почти невѣроятныхъ, Беръ рѣшился передать воспоминаніе объ нихъ потомству, и въ 1612 году написалъ Лѣтопись Московскую. * Она заключаетъ въ себѣ извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ нашей исторіи съ 1584 года по 1612, т. е. со времени восшествія на престолъ Ѳеодора Іоанновича до разоренія Москвы Поляками. Большую часть происшествій сего времени Беръ видѣлъ собственными глазами, или свѣдалъ отъ лицъ достовѣрныхъ: довольно припомнить, что онъ бесѣдовалъ съ

* Chronicon Muscoviticum, continens res a morte Ioannis Basilidis Tyranni, omnium, quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584 — 1612. Подлинникъ писанъ старинным языкомъ Нѣмецкимъ, съ примѣсью Латинскихъ изрѣченій и пословицъ; списки съ рукописи хранятся у немногихъ любителей исторіи. Кельхъ и Трейеръ, имѣвшіе Берову Лѣтопись, несправедливо называли сочинителя ея Конрадомъ Буссау или Буссо: кромѣ современнаго свидѣтельства Петреева, мы находимъ въ самой Лѣтописи ясные признаки, что авторомъ ея былъ Мартинъ Беръ. См. Петрееву Mußkow. Chron. стр. 391. Въ 1851 году Археографическою Коммиссіею напечатаны: *Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи.* Въ предисловіи къ сему изданію сказано, что авторомъ Московской Хроники былъ Конрадъ Буссау; мы, основываясь на свидѣтельствѣ Петреи, остаемся при прежнемъ мнѣніи, что оригиналъ изданнаго нами перевода принадлежитъ Мартину Беру.

Басмановымъ, съ Маржеретомъ, зналъ лично обоихъ Лжедимитріевъ, Марину, пана Сапѣгу, однимъ словомъ зналъ всѣхъ людей, исключая развѣ Сигизмунда, которые играли столь важную ролю въ нашемъ отечествѣ въ началѣ XVII вѣка. Отъ сего, рѣдкое извѣстіе Бера нельзя подтвердить свидѣтельствами несомнѣнными, напримѣръ государственными актами; рѣдкое событіе утаилось отъ его любопытнаго и проницательнаго взора; онъ разгадалъ характеръ Бориса Годунова, Димитрія Самозванца, Василія Шуйскаго; каждое лице, имъ упоминаемое, даже мимоходомъ, имѣетъ свою отличительную физіогномію, а главные герои исполнены жизни и души. Все сочиненіе его есть вѣрная картина бѣдствій Россіи, терзаемой Самозванцами, Нѣмцами, Поляками, Татарами: краски и черты ея выразительны, ибо историкъ описывалъ все, что онъ видѣлъ и зналъ, перомъ наблюдателя умнаго, опытнаго и нерѣдко безпристрастнаго. Сверхъ того, Беръ объясняетъ многіе случаи своего времени, бывшіе загадкою для потомства: такъ, отъ него узнаемъ навѣрное, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ.

Однимъ словомъ, твореніе Бера есть сокровище неоцѣненное для Русской исторіи; одного только не достаетъ къ полному совершенству его: авторъ слишкомъ строго смотрѣлъ на слабости нашихъ предковъ и не умѣлъ цѣнить ихъ добродѣтелей, потому ли, что тайная злоба руководила перомъ его, или онъ не постигъ духа времени; по крайней мѣрѣ, часто судилъ о Русскихъ весьма несправедливо: тамъ, гдѣ они отъ историка безпристрастнаго заслужили бы легкія укоризны, даже похвалу, Беръ клянетъ ихъ безъ пощады, не различая ни времени, ни обстоятельствъ. Именуя Русскихъ, непоколебимыхъ въ вѣрѣ, въ благочестіи, въ законѣ праотцевъ, въ безпредѣльной преданности государю, варварами, идолопоклонниками, не находя въ нихъ ни одной добродѣтели, онъ въ то же время говоритъ съ какимъ то сердечнымъ умиленіемъ о Нѣмцахъ и Полякахъ, превозноситъ ихъ до небесъ за малѣйшее доброе дѣло и слегка укоряетъ за мрачныя преступленія; пристрастіе къ Нѣмцамъ отчасти извинительно; но выхваляя По-

дяковъ и безъ пощады порицая Русскихъ, авторъ обнаруживаетъ явную несправедливость: ему не льзя было не знать, что истинными виновниками всѣхъ неустройствъ и злополучія Россіи были Поляки: самъ же описываетъ мрачными красками ихъ злодѣйства; при всемъ томъ говоритъ о нихъ несравненно снисходительнѣе, нежели о Русскихъ, такъ, что по его словамъ не Поляки, а мы были во всемъ виновны. Впрочемъ эта явная несправедливость не уменьшаетъ достоинства Берова сочиненія: потомство судитъ по фактамъ и не вѣритъ укоризнамъ, не подкрѣпленнымъ доказательствами; факты же описаны Беромъ такъ вѣрно и точно, что мы не будемъ затрудняться въ сужденіи, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Съ сей же точки должно смотрѣть на упреки, коими авторъ осыпаетъ нашихъ праотцевъ въ дѣлахъ вѣры: не забудемъ, что онъ былъ лютеранинъ XVII вѣка, когда невѣроятный фанатизмъ ослѣплялъ всѣ умы и готовилъ для Европы войну тридцатилѣтнюю: если самые католики въ глазахъ лютеранъ казались хуже язычниковъ, могли ли ожидать пощады мы, Русскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣлившіеся отъ Западной церкви? И потому пусть злой пасторъ честитъ насъ идолопоклонниками, пусть отвергаетъ нашу святыню, и разсказываетъ нелѣпую басню о св. Димитріи: мы смѣемся его сказкамъ, и въ самыхъ укоризнахъ находимъ доказательства истиннаго благочестія, которое всегда одушевляло нашихъ предковъ.

Руководствуясь сею мыслію, я смѣло передавалъ всѣ сужденія автора, даже самыя нелѣпыя; на нѣкоторыя изъ нихъ указалъ въ примѣчаніяхъ, другія же оставилъ безъ всякаго поясненія, бывъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ никто изъ насъ не приметъ словъ его за чистую монету.

Читатель найдетъ въ числѣ примѣчаній нѣсколько выписокъ изъ Московской хроники Петрея и вѣроятно спроситъ, для чего многія изъ нихъ приложены? На сіе считаю долгомъ сказать: Шведскій посланникъ Петрей, Petrus Petreius de Erlesunda, жившій въ Москвѣ 4 года, въ царствованіе Годунова, Лжедимитрія и

Шуйскаго, издалъ въ 1620 году хронику Московскую, * гдѣ разсказываетъ исторію Россіи отъ основанія государства до мира Столбовскаго и описываетъ гражданское состояніе нашего отечества въ началѣ XVII вѣка: свѣдѣнія о Русской исторіи до смерти Іоанна IV Петрей выбиралъ изъ Герберштейна, Гваньини, Одерборна, а самыя любопытныя извѣстія о Борисѣ Годуновѣ и Самозванцахъ заимствовалъ изъ Мартина Бера, т. е. переписалъ его Лѣтопись почти цѣликомъ, съ немногими выпусками и дополненіями, въ коихъ отчасти поясняетъ Бера, отчасти разсказываетъ нѣкоторые случаи совсѣмъ иначе; сверхъ того вездѣ поправляетъ слогъ оригинала, и всегда почти неудачно, растягивая его излишнимъ многословіемъ. Переводить Петреевы сказанія о Самозванцахъ вполнѣ, значило бы повторять Бера; посему я рѣшился выписать изъ Московской хроники все, чего не говоритъ Беръ, и эти выписки присоединить къ его сочиненію въ примѣчаніяхъ, въ надеждѣ оказать читателю двойную услугу.

* Historien und Bericht von dem Groszfürstenthum Muschkow, mit dero schönen fruchtbaren Provincien et caet. Lipsiae, 1620 in 4°. На Шведскомъ издана 1619.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАЯ,

съ 1584 года по 1612.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАЯ.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

1584—1598.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Ѳеодора. Годуновъ правитель. Свойства его. Младенчество Димитрія. Убіеніе царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Ѳеодора. Романовы отвергаютъ скипетръ.

Въ пятое воскресенье велицкаго поста 1584 года, умеръ государь Московскій Іоаннъ Васильевичъ Мучитель;[1] послѣ него остались два сына, Ѳеодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ; младшій удалился, вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою покойнаго государя, Маріею Ѳеодоровною, изъ рода Нагихъ, въ назначенное ему княжество Углицкое, лежащее отъ Москвы въ 90 верстахъ, или 18 миляхъ.[2]

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, государь набожный, какъ и всѣ Москвитяне, заботился болѣе о своихъ иконахъ, нежели о правленіи, и охотнѣе посѣщалъ церкви св. Николая и пречистой Дѣвы Маріи, чѣмъ совѣтъ государственный. Собравъ князей и бояръ своихъ, онъ объявилъ имъ, что правленіе столь обширною державою для него слишкомъ обременительно и что онъ желаетъ единственно служить своему Господу въ тишинѣ безмятежной; почему и велѣлъ вельможамъ избрать мужа благоразумнаго, на

1584-1598. котораго могъ бы возложить всю тяжесть заботъ государственныхъ. Въ слѣдствіе сего, правителемъ царства былъ избранъ дворянинъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, человѣкъ рода не знатнаго, но проницательный и умный. По совершеніи приличныхъ обрядовъ, Ѳеодоръ всталъ съ своего мѣста и, снявъ съ себя золотую цѣпь, украсилъ ею правителя, сказавъ ему: «Вмѣстѣ съ «сею цѣпью снимаю я, царь и самодержецъ всея Руси, бремя съ «моей выи и возлагаю его не тебя, Борисъ Ѳеодоровичъ! Рѣшай «въ моемъ государствѣ всѣ дѣла, кромѣ важнѣйшихъ, которыя «докладывай мнѣ, не приводя ихъ въ исполненіе безъ моей цар«ской воли: я буду по прежнему царемъ-государемъ». [3]

Возведенный въ достоинство правителя, Борисъ Годуновъ исполнялъ свою обязанность весьма усердно и благоразумно; привелъ въ порядокъ запущенныя дѣла, пресѣкъ многія злоупотребленія, оградилъ права вдовъ и сиротъ. Изумленные дѣятельностію его, Москвитяне говорили, что во всей Россіи нѣтъ равнаго ему умомъ и что если, по кончинѣ царя, умретъ и Димитрій безъ наслѣдника, то въ цѣломъ государствѣ не льзя найти человѣка способнѣе Бориса къ правленію. [4] Узнавъ о сей молвѣ чрезъ своихъ шпіоновъ, Годуновъ задумалъ хитрыми и незамѣтными средствами отвладѣть со временемъ престоломъ; для сего онъ принялъ столь искусныя мѣры, что набожный и слабоумный царь не имѣлъ отъ супруги своей, Ирины Ѳеодоровны, сестры Борисовой, ни одного наслѣдника. [5]

Въ то же время Годуновъ приказалъ наблюдать внимательно за всѣми словами и забавами юнаго Димитрія; вскорѣ замѣтили въ царевичѣ отцовское жестокосердіе; однажды онъ велѣлъ своимъ товарищамъ, молодымъ дворянамъ, сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изображеній, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ бояръ, поставилъ рядомъ и началъ рубить: одному отсѣкъ голову, другому отбилъ руку, ногу, иного прокололъ насквозь, приговаривая: «это такой-«то бояринъ, такой-то князь: такъ имъ будетъ въ мое царство-«ваніе». [6]

Многіе бояре, тѣмъ устрашенные, видѣли въ Димитріи подо- 1584
біе Іоанна Васильевича и весьма желали, чтобы сынъ скорѣе отп- 1598.
равился за отцемъ своимъ въ могилу; а болѣе всѣхъ желалъ этого Годуновъ, коего фигуру царевичъ поставилъ выше прочихъ и отсѣкъ ей голову. Видна птица по полету, думалъ Годуновъ и рѣшился, подобно Проду, предупредить опасность: подкупленные имъ нѣсколько человѣкъ зарѣзали царевича, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игрывалъ, и тѣмъ проложили Борису путь къ престолу; но сами получили худую награду: Годуновъ, опасаясь, чтобы злодѣйство его не обнаружилось, приказалъ ихъ умертвить на обратномъ пути въ Москву. Царь же Ѳеодоръ Іоанновичъ, не умѣя открыть истиннаго виновника, велѣлъ казнить многихъ изъ дворцовыхъ стражей и прислужниковъ юнаго Димитрія; инымъ отрубили голову, другихъ побрасали въ воду, или предали пыткѣ, такъ что невинные люди лишились жизни или здоровья. [7] Между тѣмъ Годуновъ чрезъ своихъ клевретовъ поджегъ Москву во многихъ мѣстахъ и обратилъ въ пепелъ нѣсколько тысячъ домовъ по обѣимъ сторонамъ Неглинной, въ томъ предположеніи, что одна скорбь прогонитъ другую и что каждый будетъ заботиться болѣе о собственномъ несчастіи, нежели о смерти юнаго Димитрія. [8] Такъ царевичъ простился съ міромъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, на 10 году. Его похоронили въ Угличѣ.

Въ 1597 году смиренный Ѳеодоръ занемогъ тяжкою болѣзнію, отъ которой онъ умеръ на другой день послѣ Богоявленія Господня. [9] Когда государь лежалъ на смертномъ одрѣ, бояре приступили къ нему съ вопросомъ: «Если Богу будетъ угодно отозвать тебя, государь! отъ сей жизни, кому царствовать въ Россіи, оставляемой безъ законнаго преемника?» Царица Ирина, сестра правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему государствомъ. Но умирающій царь предложилъ его старшему изъ Никитичей, Ѳеодору, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Ѳеодоръ Никитичъ отказался отъ царскаго скипетра и уступалъ его брату своему Александру; Александръ предла-

1598. галъ честь другому брату, Ивану; Иванъ третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному князю, такъ, что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять его, какъ послѣ увидимъ. Умирающій царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишился наконецъ терпѣнія и сказалъ: «возми же его кто хочетъ; я не въ силахъ болѣе держать». Тутъ, сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ.[10] Царь, между тѣмъ, скончался; на другой день, по Русскому обычаю, его похоронили въ церкви, гдѣ погребаются государи. Онъ царствовалъ 12 лѣтъ.

ГЛАВА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ѲЕОДОРОВИЧА.

1598—1604.

Дѣятельность правителя и сестры его. Избраніе Годунова царемъ. Посолъ хана Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о государствѣ. Намѣреніе просвѣтить Россію. Благосклонность къ иноземцамъ. Густавъ, герцогъ Шведскій. Врачи иноземные. Союзъ съ Римскимъ императоромъ. Посолъ Турецкаго султана. Сношеніе съ разными государями Іоаннъ, герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Честь Львовскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Строеніе городовъ. Замыселъ Богдана Бѣльскаго. Романовы.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, первостепенные вельможи начали жалѣть о своей оплошности, и досадуя на проворнаго Бориса, говорили, что сей человѣкъ, низкій родомъ, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Но все это не помогло: правитель былъ коронованъ на зло Русскимъ пузанамъ. При семъ случаѣ онъ и сестра его, Ирина, вдова умершаго государя, поступили весьма хитро: царица, призвавъ къ себѣ тайно много сотниковъ и пятидесятниковъ, склонила ихъ деньгами и лестными обѣщаніями къ убѣжденію воиновъ и гражданъ не избирать на царство, если потребуется ихъ голосъ, никого, кромѣ Бориса, говоря, что онъ безпрерывно заботился о благѣ подданныхъ, правилъ государствомъ лучше

всѣхъ прежнихъ царей, и что онъ наградитъ щедро своихъ доброжелателей. Правитель и самъ нашелъ многихъ приверженцевъ, при содѣйствіи монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, при помощи вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжебъ, и при усердіи бояръ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая наградить и болѣе, если изберутъ его государемъ. Этой цѣли онъ скоро достигъ. 1598.

Въ продолженіе траура, Годуновъ пересталъ заниматься дѣлами: вездѣ открылись безпорядки; не было суда, ни расправы; все пошло къ верху дномъ. Посему, какъ скоро миновалъ шестинедѣльный (по Русскому обычаю) трауръ, находившіеся въ Москвѣ государственные чины спѣшили избрать царя изъ князей и бояръ. Среди сихъ чиновъ явился Борисъ съ жезломъ и скипетромъ, сложилъ званіе правителя, изъявилъ радость объ освобожденіи себя отъ тяжкаго бремени, отъ заботъ безпрестанныхъ и, казалось, весьма равнодушно смотрѣлъ на корону. Первостепенные вельможи не могли надивиться такому хладнокровію, не зная, что таилось въ его душѣ. Онъ вышелъ изъ собранія.

Князья, между тѣмъ, другъ за другомъ подаютъ голоса: одинъ предлагаетъ того царемъ, другой другаго; а какъ дошла очередь до бояръ, выступилъ изъ нихъ впередъ какой-то старецъ, понимавшій видно, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ, и отъ имени боярскаго сословія сказалъ: «Высокоименитые князья! Дѣло сіе касается не «одного званія, но каждаго Русскаго; что опредѣлятъ всѣ чины «государственные, не будетъ и намъ боярамъ противно». Тогда всѣ чины собрались вмѣстѣ и большинствомъ голосовъ опредѣлили: «Хотя много князей и бояръ въ государствѣ; но нѣтъ мудраго и «разумнаго царя. А какъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ доселѣ «управлялъ престоломъ лучше всѣхъ прежнихъ вѣнценосцевъ; то, «кромѣ его, никого другаго имѣть царемъ не желаемъ». Тогда-то оправдалась пословица: *гласъ Божій—гласъ народа;* кого всѣ избираютъ, тотъ и Богомъ избранъ.

Опредѣленіе чиновъ, вѣроятно, не очень понравилось князьямъ

1598. и боярамъ: но дѣлать было нечего; послали за правителемъ. Хитрецъ однако не явился; отвергнулъ корону (такъ искусно онъ притворялся) и ушелъ въ Дѣвичій монастырь, къ сестрѣ своей, Иринѣ, съ которою желалъ онъ (такъ разгласили въ народѣ) посовѣтоваться, на что ему рѣшиться, постричься ли въ монахи, или что-либо другое сдѣлать. Клевреты же его спѣшили воспользоваться временемъ, убѣждали народъ дѣйствовать рѣшительно, и говорили, что если дозволятъ Борису принять схиму, то во всемъ государствѣ не найдется другаго столь мудраго правителя. «Пре«кратите ваши совѣщанія», завопили толпы черни къ боярамъ, «слѣдуйте за нами въ монастырь и дѣлайте дѣло».

И такъ, въ слѣдствіе опредѣленія государственныхъ чиновъ, знатнѣйшія духовныя особы, князья и бояре, купцы и царедворцы, воины и ремесленники, отправились въ монастырь, для предложенія правителю царской короны. Борисъ велѣлъ имъ сказать, что онъ довольно послужилъ міру и заботился о государствѣ; теперь желаетъ одного спокойствія. «Государь! Борисъ Ѳеодоровичъ!» завопилъ народъ, «сжалься, смилуйся надъ нами; будь намъ царемъ-государемъ!» Долго раздавались сіи вопли; наконецъ онъ вышелъ изъ келліи; благодарилъ за честь и сказалъ, что престолъ должно предложить тѣмъ князьямъ и боярамъ, которые знатнѣе его родомъ. Народъ не хотѣлъ этого слышать, палъ на колѣна, кланялся въ землю, взывая и умоляя: «Государь! сжалься надъ нами: будь царемъ нашимъ!» Борисъ опять скрылся, отринувъ просьбу. Тутъ, по волѣ избирателей, два отрока [11] подошли къ монастырю и начали пѣть, довольно непріятнымъ голосомъ, въ надеждѣ смягчить правителя: «Смилуйся, государь Борисъ «Ѳеодоровичъ! Если отцы наши прогнѣвали тебя своими грѣхами, «тронься моленіемъ нашимъ: мы еще ни въ чемъ невиновны; хотя «ради насъ будь царемъ! По всей землѣ Русской блуждаютъ овцы «безъ пастыря: будь нашимъ пастыремъ! Богъ вознаградитъ «тебя!» Борисъ явился опять, уже съ сестрою, и все еще упорствовалъ въ отказѣ; тогда всѣ обратились къ ней съ просьбою,

сжалиться надъ блуждающими овцами и убѣдить брата. Царица, 1598.
съ низкимъ поклономъ, просила его согласиться на желаніе бѣднаго народа. «Вижу», сказалъ наконецъ Борисъ, обращаясь къ собранію, «что всѣ сословія рѣшились возвести меня на царство: видно такъ угодно Богу! Но желая удостовѣриться, дѣйствительно ли на то есть воля Божія, прошу нѣсколько недѣль отсрочки; между тѣмъ въ іюнѣ мѣсяцѣ пусть соберутся всѣ граждане подъ Серпуховымъ, для похода на Крымскихъ Татаръ. Всеобщее повиновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ». Такъ долго правитель отказывался отъ высокой чести, которой онъ давно добивался!

Повѣстили немедленно во всемъ государствѣ, чтобы Русскіе къ іюню мѣсяцу собрались подъ Серпуховымъ, для встрѣчи непріятелей и для возведенія Бориса на престолъ: въ слѣдствіе сего, къ назначенному времени собралось 800.000 человѣкъ, [12] вооруженныхъ копьями и саблями, луками и стрѣлами; привезли также нѣсколько сотъ исправныхъ орудій. Туда вскорѣ прибыли Персидскій и Татарскій посланники: ихъ встрѣтили пушечною пальбою и среди чистаго поля дали имъ аудіенцію. При семъ случаѣ столько тратили пороху, такое было великолѣпіе, что послы, изумленные многочисленностію войска, громомъ орудій, богатствомъ и пышностію двора, называли Бориса величайшимъ изъ владыкъ земныхъ. [13] Отправивъ ихъ въ Москву, новый царь изъявилъ благодарность усердному народу и согласился принять корону, давъ обѣщаніе радѣть неусыпно о благоденствіи своихъ подданныхъ. Народъ пожелалъ ему всякаго благополучія, а знатнѣйшіе чины отправились съ нимъ въ столицу.

Наконецъ, 1 сентября 1598 года, принявъ въ церкви пресвятой Богородицы отъ патріарха, Русскаго первосвященника, царскій вѣнецъ, онъ достигъ той цѣли, къ которой втайнѣ давно уже стремился. По выходѣ изъ храма, новый царь велѣлъ бросить черни множество денегъ; низшимъ сословіямъ простилъ годовую подать; вдовамъ и сиротамъ, своимъ и чужеземнымъ, роздалъ

1598. деньги и съѣстные припасы; заключеннымъ въ темницахъ даровалъ свободу и вспоможеніе. [14] Сверхъ того онъ обѣщалъ торжественно, въ теченіе пяти лѣтъ, никого не казнить смертью, указавъ преступниковъ ссылать въ отдаленныя области; велѣлъ строить домы для судилищъ и приказовъ; издалъ мудрые законы и постановленія. Желая истребить грубые пороки, онъ запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора или убійцу, нежели того, кто вопреки указу осмѣлится открывать кружечный дворъ. «Пусть дома», говорилъ Борисъ, «каждый ѣстъ и пьетъ, сколько хочетъ: можетъ и гостей пригласить; но никто да не дерзнетъ продавать вино Москвитянамъ; если же содержавшіе питейные домы, не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, пусть подадутъ просьбы: они получатъ земли и помѣстья». Плѣннымъ Нѣмцамъ онъ дозволилъ свободное богослуженіе.

Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ образованными, Борисъ предложилъ государственному совѣту вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, и для изученія разныхъ языковъ учредить школы; [15] но попы и монахи противились такому намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единовѣріе, единоправіе; если же настанетъ разноязычіе, поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ. Борисъ оставилъ свое намѣреніе; однакожъ послалъ въ чужія земли, для образованія, 18 молодыхъ дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ; но только одинъ возвратился въ Россію, именно Димитрій, данный Шведскимъ королемъ въ переводчики Понту Делагарди: прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего отечества. [16] Лифляндскимъ купцамъ изъ Дерпта, Нарвы и Феллина, плѣненнымъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, Борисъ дозволилъ ѣздить внутри государства, отправляться за-границу, промышлять и торговать, гдѣ хотѣли, чѣмъ угодно; далъ изъ царской казны въ ссуду, безъ пошлинъ и процентовъ, иному 300, другому 400 рублей, [17] на безсрочное

время, доколѣ самъ не потребуетъ занятой ими суммы (чего одна- 1599.
кожъ и доселѣ не случилось). Все это дѣлалось съ намѣреніемъ прослыть вездѣ *благотворителемъ*. Впрочемъ каждый изъ купцовъ обязался клятвою не оставлять Россіи навсегда безъ дозволенія, никого не увозить за-границу и не распускать худой молвы о государѣ.

Въ 1599 году, узнавъ, что Густавъ, герцогъ Шведскій, сынъ короля Эриха, въ молодости путешествовавшій въ Германіи по желанію своей матери. живетъ въ Ригѣ весьма скудно, почти безъ всякой прислуги, Борисъ хотѣлъ явить ему царское великодушіе и пригласилъ его къ себѣ чрезъ посла, но тайно; приказалъ великолѣпно встрѣтить на границѣ, поднести царскіе дары и предложить къ услугамъ всѣ силы Россіи, если онъ хочетъ отмстить вѣроломнымъ Шведамъ и желаетъ овладѣть отцовскимъ престоломъ: царь задумалъ выдать за него единородную дочь свою. Герцогъ не принялъ вспоможенія, объявивъ, что скорѣе самъ погибнетъ, нежели согласится опустошать отечество и губить народъ; говорилъ много и другихъ неумѣстныхъ словъ, изъ коихъ было видно, что онъ или слишкомъ заучился, или чрезъ мѣру сокрушался. Ему, сверхъ того, не хотѣлось разстаться съ своею любовницею, замужнею женщиною, бѣжавшею съ нимъ изъ Данцига. Этимъ онъ навлекъ на себя презрѣніе его величества и не могъ уже получить руку царской дочери. Впрочемъ Борисъ далъ ему Угличъ, гдѣ онъ получалъ приличное содержаніе. Густавъ умеръ въ царствованіе Василія Шуйскаго, и предъ кончиною жаловался на любовницу, которую называлъ виною всѣхъ своихъ дѣйствій. Нѣмецкій пасторъ Леве, изъ Нейштата, похоронилъ его 22 февраля 1607 года, въ Кашинскомъ монастырѣ Димитрія Солунскаго. [18]

Въ 1600 году Борисъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколько аптекарей и докторовъ медицины. Сверхъ того, по желанію царя, Англійскій посланникъ уступилъ ему своего собственнаго медика, родомъ Баварца, Христофора Рейтлингера, врача весьма искуснаго, знавшаго разные языки. [19] Доктора же, прибывшіе въ Россію изъ Герма-

1600. нiи, были: Давидъ Васмеръ, Генрихъ Шредеръ изъ Любека, Іоаннъ Гилькенъ изъ Риги, Каспаръ Фридлеръ изъ Кенигсберга, да студентъ медицины Эразмъ Бенскій изъ Праги. Всѣ они должны были пользовать только государя, не смѣя лечить никого изъ постороннихъ; самый знатный бояринъ не иначе получалъ отъ нихъ пособіе, какъ съ дозволенія его величества. Опредѣливъ имъ по 200 рублей годоваго жалованья, царь велѣлъ давать каждому изъ нихъ ежемѣсячно немолотый хлѣбъ для всего дома, по 60 возовъ дровъ и по 1 бочкѣ пива; ежедневно по 1 штофу водки и уксуса; чрезъ два дни значительную часть свинаго сала; ко всякому обѣду присылалъ съ царскаго стола въ подачу по три и четыре блюда превосходнаго кушанья (блюда же были столь огромны, что самый сильный человѣкъ едва могъ нести одно изъ нихъ); давалъ, кромѣ того, по 12 и по 14 рублей деньгами, и по окончаніи мѣсяца, свѣжій харчъ, для вседневнаго употребленія; подарилъ имъ изъ собственной конюшни по 5 лошадей (на нихъ отпускалось ежемѣсячно столько овса, сѣна и соломы, что легко можно было прокормить и семь лошадей), по хорошей верховой лошади для ѣзды лѣтнею порою въ дворцовую аптеку, по другой для употребленія зимою въ саняхъ, по двѣ каретныхъ къ услугамъ ихъ женъ, когда онѣ отправлялись въ церковь, и по одной ломовой для домашней работы. Въ заключеніе, пожаловалъ каждому по 30 и по 40 душъ крестьянъ. Если случалось царю принимать лекарство и оно помогало, то каждый докторъ получалъ кусокъ бархата или камки на кафтанъ и нѣсколько дорогихъ соболей; не оставались они безъ хорошаго подарка, если, съ дозволенія царскаго, успѣшно пользовали какого нибуть знатнаго боярина. Однимъ словомъ, они были въ такой чести, что сами казались князьями и боярами. Государь нерѣдко разсуждалъ съ ними о важныхъ предметахъ, особенно о дѣлахъ религіи, и просилъ ихъ не забывать въ молитвахъ о благѣ души его. Они имѣли все, кромѣ церкви; наконецъ Борисъ внялъ ихъ просьбѣ и дозволилъ выстроить храмъ лютеранскій въ Нѣмецкой слободѣ, разстояніемъ отъ Москвы на четверть мили. Они

собрали значительную сумму (самый бѣдный Нѣмецъ не скупился пожертвовать частію своего имущества), и выстроили въ честь Бога такую церковь, что Борисъ предпочелъ ее своимъ, Русскимъ, похоронивъ въ ней брата короля Датскаго, Іоанна; [20] при семъ случаѣ онъ велѣлъ построить надъ храмомъ колокольню, гдѣ звонили въ воспоминаніе о покойномъ принцѣ и его единоземцахъ, умершихъ въ Россіи. 1600.

Складочная сумма была столь значительна, что Нѣмецкіе прихожане, воздвигнувъ Божій храмъ, могли на остатки ея содержать, кромѣ прежнихъ пасторовъ, полоненныхъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи, еще двухъ проповѣдниковъ, Германа Губемана изъ Вестфаліи и студента Мартина Бера изъ Нейштата: они, прибывъ въ Россію 1600 года, не жалѣли трудовъ своихъ на ученіе и дѣла богоугодныя; въ скоромъ времени составился хоръ изъ 6, 7 и 8 человѣкъ, въ коемъ и господа медики участвовать не стыдились. Нѣмцы плакали отъ умиленія, что дожили въ Москвѣ, по милости Божіей, до столь счастливаго времени.

Въ самомъ началѣ своего правленія, Борисъ заключилъ союзъ съ Римскимъ императоромъ Рудольфомъ, и отправивъ его величеству въ подарокъ, на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, дорогіе мѣха черно-лисьи, куньи, собольи, изъявилъ готовность выставить 10,000 воиновъ противъ Турковъ, на помощь христіанамъ. Въ то же время султанъ Турецкій прислалъ въ Москву своего посла, съ весьма значительными дарами, предлагая дружбу и миръ Борису Ѳеодоровичу. Царь не принялъ даровъ и отвѣчалъ султану, что не хочетъ быть другомъ закоренѣлому врагу христіанства, непріятелю любезнаго брата своего, императора Римскаго, что во всю жизнь свою не примирится съ Турками и будетъ вредить имъ, сколько силъ достанетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ султану свиную шкуру для шубы и большой кожаной мѣшокъ, обтянутый серебряною парчею, туго набитый свинымъ навозомъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ Турецкій посолъ въ Москвѣ не являлся. [21]

Кромѣ того, Борисъ Ѳеодоровичъ заключилъ вѣчный миръ съ

1601. королемъ Шведскимъ, перемиріе на 21 годъ съ королемъ Польскимъ, далъ слово не воевать съ Татарами и сдѣлался другомъ нынѣ царствующему королю Датскому, рѣшившись отдать за королевскаго брата, герцога Іоанна, единородную дочь свою. Герцогъ прибылъ въ Москву; но, чрезъ шесть недѣль по пріѣздѣ, умеръ горячкою. Его похоронили, какъ выше сказано, въ Нѣмецкой церкви съ приличнымъ великолѣпіемъ; до сихъ поръ уцѣлѣла гробница, гдѣ покоятся его бренные остатки, хотя церковь и сожжена вторымъ Димитріемъ; имущество герцога, привезенное имъ изъ отечества, также и царскіе подарки, все было послано въ Данію, вмѣстѣ съ находившимися при немъ господами и служителями, коихъ царь наградилъ щедро, не забывъ и послѣдняго конюха.

4 октября 1601 года, Борисъ принялъ подъ свое покровительство многихъ Ливонцевъ, покинувшихъ родину по слѣдующимъ причинамъ: Ливонія издревле зависѣла отъ Польши; потомъ, бывъ оставлена Поляками на произволъ судьбы, она подпала власти Шведскаго герцога Карла, который почти всю ее покорилъ; когда же счастіе ему измѣнило, и Поляки снова овладѣли тою страною, разбивъ Шведовъ при Эларѣ и Кокенгаузенѣ, тогда многіе честные люди, бросивъ свои помѣстья, искали убѣжища, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, въ крѣпостяхъ Сесвегенѣ, Маріенбургѣ и Кирієнбургѣ. [22] Но какъ ветхіе замки, лишенные войска, не могли оградить ихъ отъ злобы непріятелей, то 35 Ливонскихъ дворянъ и гражданъ отправились въ крѣпость Нейгаузенъ, находившуюся близъ Русской границы, въ надеждѣ найти пристанище и защиту отъ преслѣдовавшихъ Поляковъ.

Комендантъ ея, Ливонскій дворянинъ Отто Фитингофъ, возведенный въ достоинство герцогомъ Карломъ, не хотѣлъ принять изгнанниковъ, подъ предлогомъ, что въ крѣпости была тѣснота, хотя вскорѣ послѣ того для Поляковъ нашлось довольно мѣста. И такъ, по милости этаго коменданта, бѣдные странники должны были перейти на Русскую сторону и искать убѣжища въ Печорскомъ монастырѣ. [23] Игуменъ, извѣстивъ о томъ царя Бориса Ѳеодоровича,

испрашивалъ повелѣнія, что дѣлать съ пришельцамм: оставить ли 1601.
ихъ въ покоѣ, или прогнать за границу? Царь велѣлъ немедленно дать имъ убѣжище, объявить благоволеніе, увѣрить ихъ въ своемъ участіи къ бѣдственной судьбѣ ихъ, угостить въ монастырѣ отъ своего имени и предложить, не угодно ли будетъ имъ отправиться въ Москву, гдѣ онъ дастъ имъ втрое болѣе того, что они потеряли въ Ливоніи. Игуменъ исполнилъ приказаніе въ точности. Только Ливонцы не желали ѣхать въ Москву: они любили свободу и не хотѣли быть рабами; посему, изъявивъ признательность за царскую милость, за христіанское состраданіе и великодушныя щедроты его величества, просили одного убѣжища на краткое время и остались близъ монастыря въ одной деревнѣ, гдѣ было пристанище.

Въ слѣдующіе дни, посѣтили ихъ бояре и монахи, которые совѣтовали имъ отправиться въ Москву, увѣряя, что они, по милости царя, не будутъ раскаяваться. Однакожъ ни одинъ Нѣмецъ на предложеніе не согласился. Чрезъ нѣсколько дней, пришелъ къ нимъ изъ монастыря переводчикъ, природный Русскій, знавшій языкъ Нѣмецкій, коему научился онъ въ Швеціи, гдѣ былъ прежде въ плѣну: воспоминая съ живѣйшею благодарностію одолженіе Нѣмцевъ и стараясь самъ оказать имъ услугу, онъ съ своей стороны убѣждалъ Ливонцевъ не отвергать царскаго предложенія, говоря, что война Шведовъ съ Поляками не скоро можетъ прекратиться, что презирая милость государя, странники навлекутъ на себя его негодованіе, исполнивъ же его волю, будутъ счастливы; притомъ открылъ имъ, по довѣренности, что игуменъ и Печорскіе дворяне получили царское повелѣніе слѣдующаго содержанія: просить Нѣмцевъ неотступно ѣхать въ столицу; если же они на то не согласятся, не отпускать ихъ въ отечество, задержать, какъ лазутчиковъ, и прислать въ Москву скованными. Эти слова привели въ удивленіе бѣдныхъ людей; они весьма сокрушались и проклинали Фитингофа, который не принялъ ихъ въ крѣпость, а Поляковъ между тѣмъ впустилъ. «Не было намъ мѣста въ Ливоніи», думали они; «еще тѣснѣе будетъ въ Россіи, гдѣ иностранцы или

1601. навсегда должны остаться, или испытать всю тяжесть царскаго гнѣва». Наконецъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они рѣшились изъ двухъ золъ избрать меньшее: объявили игумену, что согласны ѣхать въ Москву, если только тамъ не будутъ считать ихъ плѣнниками. Игуменъ старался ихъ утѣшить, совѣтовалъ не думать ничего дурнаго и клялся Христомъ Богомъ, что они не встрѣтятъ никакой непріятности.

Успокоенные нѣсколько клятвою, унылые Нѣмцы явились въ монастырь, гдѣ игуменъ и монахи говорили имъ привѣтствіе царскимъ именемъ; помѣстили ихъ на постояломъ дворѣ и содержали иждивеніемъ государя такъ, что никто изъ нихъ не истратилъ ни гроша, какъ въ самой обители, такъ и во время пути чрезъ Псковъ, Новгородъ, Тверь и другіе города; ежедневно давалось имъ столько вина, пива, меду, кушанья рыбнаго и мяснаго, вареная и жаренаго, что всего было вдоволь и въ излишествѣ. Псковской воевода Андрей Васильевичъ Трубацъ, провождаемый всѣми гражданами, встрѣтилъ Нѣмцевъ съ особенною почестію; спрашивалъ, кого какъ зовутъ, не исключая ни женъ, ни дѣтей, ни служителей, какого кто званія, чего лишился въ отечествѣ, и сдѣлавъ всѣму вѣдомость, послалъ ее впередъ къ государю. Потомъ угощалъ ихъ истинно по-царски 8 дней сряду; совѣтовалъ имъ продать своихъ лошадей и взять вырученныя деньги себѣ, говоря, что для нихъ довольно у царя подводъ; сверхъ того, одарилъ ихъ шубами. И такъ, во имя Божіе, они отправились въ Москву на казенныхъ подводахъ и благополучно прибыли въ столицу 21 ноября.

Царь велѣлъ немедленно отвести имъ боярскіе домы, недалеко отъ дворца на Арбатѣ, и снабдить ихъ всемъ необходимымъ для хозяйства: дровами, рыбою, мясомъ, солью, масломъ, сыромъ, виномъ, пивомъ, медомъ, хлѣбомъ. Сверхъ того, каждому дому назначенъ былъ приставъ для разныхъ покупокъ.

23 декабря, Нѣмцы получили приказаніе нарядиться въ лучшее платье, для представленія государю на другой день по утру. Многіе изъ нихъ желали отказаться отъ сей чести, говоря, что

не смѣютъ предстать предъ его величество въ своей бѣдной одеж- 1601.
дѣ; но царь велѣлъ имъ сказать, что имъ нѣчего стыдиться, что онъ желаетъ видѣть ихъ, а не платье, и что пріѣхавъ къ нему, по его высокому приглашенію, они получатъ все нужное.

24 декабря, Нѣмцы явились во дворецъ. Государь сидѣлъ съ своимъ сыномъ въ пріемномъ залѣ; его окружали князья и бояре, въ парчевыхъ платьяхъ, украшенные золотыми цѣпями и дорогими каменьями. Потолокъ, стѣны и полъ были обиты дорогими коврами Турецкими. Нѣмцевъ подводили къ государю по старшинству лѣтъ: сперва старыхъ, потомъ среднихъ, напослѣдокъ молодыхъ. Они кланялись ему и сыну его по своему обычаю. Царь сказалъ имъ чрезъ переводчика: «Поздравляю васъ, чужеземцы, вѣрноподданные Римскаго императора, и васъ, Нѣмцы изъ Ливоніи и Шведскаго королевства, съ прибытіемъ въ мое государство; радуюсь благополучію вашего путешествія; меня трогаетъ несчастіе, которое принудило васъ покинуть родину и собственность; вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ отечествѣ. Васъ, дворяне! я сдѣлаю князьями; васъ, граждане! боярами; ваши жены и въ моемъ царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работниками; одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вамъ не царь, не господинъ, а истинный отецъ; вы будете не подданные, а Нѣмцы, дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить вашихъ споровъ. Дарую вамъ свободу въ обрядахъ богослуженія. Присягните только Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему; не уходить тайно къ Туркамъ, Татарамъ, Персамъ, Шведамъ, Полякамъ; не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ; не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ: тогда получите такую награду, что объ ней будетъ говорить вся Римская имперія!»

Ливонскій дворянинъ Детлефъ фонъ-Тизенгаузенъ, мужъ весьма краснорѣчивый, произнесъ отъ имени всѣхъ Нѣмцевъ краткую рѣчь, въ коей благодарилъ царя за милостивое, отеческое предложеніе,

1601. и клялся, что всѣ они будутъ до гроба вѣрны отцу своему, государю Всероссійскому. Царь отвѣтствовалъ: «Молитесь, Нѣмцы, Богу о «моемъ здоровьи; пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуж- «даться», и указавъ на жемчужное ожерелье свое, примолвилъ: «и этимъ подѣлюсь съ вами». Потомъ протянулъ къ нимъ руку съ жезломъ и дозволилъ каждому цѣловать ее; царевичъ также всѣхъ допустилъ къ своей рукѣ. За тѣмъ приглашены они къ обѣду.

Русскіе господа удалились изъ залы; остались только царскіе совѣтники; внесли столъ и поставили прямо противъ государя и сына его. Пожилые и знатнѣйшіе изъ Нѣмцевъ должны были занять мѣста такъ, что царь всѣхъ ихъ хорошо могъ видѣть; а младшіе сидѣли къ нему спиной. Всѣмъ прислуживали бояре. На столѣ, покрытомъ скатертью, находился бѣлый, вкусный хлѣбъ, съ солью въ серебряныхъ солонкахъ. Пиръ начался такимъ образомъ: въ первой ношѣ подано было столь много блюдъ, что на столѣ, при всей обширности его, не осталось почти мѣста, гдѣ было бы можно положить кусокъ хлѣба. Носили кушанья до самаго вечера. Много было всякаго сорта пива, меду и винъ иностранныхъ. Царь поставилъ первое блюдо предъ собою и, отвѣдавъ, сказалъ: «приглашаю васъ, любезные Нѣмцы! на мою царскую хлѣбъ-соль». «Даруй, Гос- «поди! здравіе и благоденствіе царю, отцу нашему!» отвѣчали они почтительно, вставъ съ своихъ мѣстъ и благословляя царскую трапезу; такимъ же образомъ привѣтствовалъ онъ Нѣмцевъ при первомъ бокалѣ, назвалъ каждаго по имени и примолвилъ: «пью за ваше здоровье; слѣдуйте моему примѣру!» Бояре старались напоить гостей; но гости хотѣли быть умѣренными, узнавъ отъ приставовъ, что царь любилъ трезвость и ненавидѣлъ пьянство. Царь, замѣтивъ это, разсмѣялся и спрашивалъ ихъ, почему они не веселятся и не пьютъ за здравье другъ друга, какъ у нихъ водится? Когда Нѣмцы отвѣчали, что они, благоговѣя предъ его величествомъ, не смѣютъ предаваться шумному веселію, и что предъ лицемъ его должно быть трезвымъ, онъ возразилъ: «Я васъ потчи- «ваю, какъ хозяинъ; веселитесь, какъ угодно, не опасаясь нареканія;

«пейте за мое здоровье! Лошади готовы: когда настанетъ время, 1601.
«васъ отвезутъ невредимо». Сказавъ, государь всталъ, чтобы итти къ царицѣ; для гостей же велѣлъ принести напитки въ серебряныхъ бочкахъ съ золотыми обручами, и поручилъ боярамъ употчивать ихъ такъ, чтобы они забыли всѣ житейскія горести: воля царская была исполнена, и Нѣмцы большею частію не знали, какъ домой добрались.

28 декабря ихъ призвали въ Розрядъ (государственную канцелярію) и раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, коимъ объявили, что царь, отецъ ихъ, благоволилъ осчастливить каждаго изъ нихъ своею милостію: сверхъ ежемѣсячнаго содержанія, жалуетъ имъ по 50 рублей въ подарокъ, по венгерскому кафтану изъ золотой парчи, по куску чернаго бархата, по связкѣ дорогихъ соболей, для приличной одежды, да по 50 рублей годоваго жалованья и по 800 четвертей земли съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомственное владѣніе.[24] Все это они получили на другой день. Ко второй статьѣ причислены были дворяне среднихъ лѣтъ; каждому изъ нихъ пожаловалъ государь: 30 рублей въ подарокъ, 30 рублей годоваго оклада, кусокъ красной камки, 40 соболей, парчевой кафтанъ и 500 четвертей земли съ 50 крестьянами. Въ третьей статьѣ находились молодые дворяне и заслуженные воины; каждый изъ нихъ получилъ 20 рублей въ подарокъ, столько же въ годовой окладъ, кусокъ простаго бархату и кармазину, 40 соболей и помѣстье съ 30 крестьянами. Четвертая состояла изъ молодыхъ людей, большею частію изъ слугъ; каждому изъ нихъ дано было 15 рублей въ подарокъ, столько же на жалованье, кусокъ кармазину и желтой камки, небольшая связка соболей и 300 четвертей съ 20 крестьянами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было Нѣмцамъ, что послѣ такой награды, царь имѣетъ право требовать отъ нихъ обязательства быть готовыми на войну съ врагами, если онъ ихъ потребуетъ. Такимъ образомъ, по милости Бориса Ѳеодоровича, иной бѣднякъ въ короткое время сдѣлался богачемъ. Нѣмцы, до сихъ поръ уг-

1602. нетенные горестію, не помнили себя отъ радости и прославляли великодушіе Русскаго государя.

Въ 1602 году прибыло въ Россію посольство отъ города Любека, состоявшее изъ бургомистра Конрада Гермерса, ратсгера Генриха Керхринга и секретаря Іоанна Брамбахія, съ просьбою отъ имени всей Ганзы даровать ей полную свободу въ торговлѣ съ Россіею, возобновить старинныя привиллегіи купцовъ Ганзейскихъ и возстановить въ Москвѣ прежнюю ихъ контору. Борисъ Ѳеодоровичъ отвѣчалъ посольству, что съ Ганзою онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла, ибо вовсе ея не знаетъ; съ Любекомъ же, городомъ извѣстнымъ и уже получившимъ въ Россіи значительныя торговыя выгоды, не уклоняется быть въ дружбѣ и добромъ согласіи; въ слѣдствіе чего, даетъ ему право учредить контору на прежнемъ основаніи. Столь доброе расположеніе царя могло бы доставить Любеку важные выгоды, если бы Россія наслаждалась спокойствіемъ.[25]

Однимъ словомъ, царь Борисъ старался управлять государствомъ такъ, чтобы имя его славилось въ земляхъ отдаленныхъ, и чтобы держава его процвѣтала въ мирѣ и благоденствіи. Онъ любилъ строить новые города и поправлять старые: обвелъ Москву бѣлою каменною стѣною, а Смоленскъ весьма высокою и крѣпкою, въ 23 фута толщиною; построилъ, сверхъ того, на южной границѣ, для защиты отъ Татарскихъ набѣговъ, двѣ крѣпости, изъ которыхъ одну назвалъ своимъ именемъ, Борисоградомъ, а другую, во имя всѣхъ царей, Царевымъ городомъ.[26] При всемъ томъ Богъ не благословилъ правленія сего государя, потому, что онъ достигъ престола коварствомъ и злодѣяніемъ. Небесное правосудіе жестоко наказало его, воздавъ ему по дѣламъ: все семейство его погибло.

Жестокій врагъ Нѣмцевъ, Богданъ Бѣльскій, виновникъ многихъ неистовыхъ дѣлъ царя Іоанна Васильевича,[27] первый возмутилъ спокойствіе Годунова: посланный имъ на Татарскую границу, для надзора надъ строеніемъ Борисограда, Бѣльскій исполнилъ царское порученіе; но достроивъ крѣпость, объявилъ, что Борисъ Ѳеодоровичъ есть царь Московскій, а онъ Борисоградскій. Впро-

чемъ измѣнникъ недолго величался пышнымъ титуломъ: Борисъ 1602.
велѣлъ привезти его въ такомъ уборѣ, который приличествовалъ не государю, а гнусному бунтовщику, и который Богдану былъ весьма кстати. Помня клятву, въ теченіе пяти лѣтъ никого не казнить смертью, царь даровалъ преступнику жизнь, но велѣлъ описать все его имѣніе, отпустилъ всѣхъ крѣпостныхъ людей его на волю, съ правомъ служить кому хотятъ, и приказалъ своему капитану, Шотландцу Габріелю, бывшему, до пріѣзда вышесказанныхъ докторовъ, лейбъ-медикомъ, вырвать у самодѣльнаго царя, Богдана, длинную густую бороду; послѣ чего сослалъ его въ Сибирь, гдѣ, вѣроятно, пропала у него охота выдавать себя за царя.[28]

По усмиреніи этаго крамольника, явились другіе зложелатели Борису; то были четыре брата Никитичи, которые, какъ выше сказано, по смерти царя Ѳеодора, могли бы взойти на престолъ, если бы не отказались отъ скипетра и не упустили его изъ рукъ своихъ. Они были раздражены поступками царя съ Богданомъ Бѣльскимъ; однако таили свою злобу и всегда казались покорными; между тѣмъ наученные неудачею Бѣльскаго, замышляли инымъ средствомъ избавиться отъ Бориса, отравою. Собственные ихъ слуги открыли умыселъ: Никитичи лишились всего, что имѣли, и были сосланы, подобно первому измѣннику.[29]

Послѣ сего происшествія, царь сдѣлался весьма остороженъ: бережно употреблялъ пищу, и для своей безопасности учредилъ тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ: они должны были оберегать его во дворцѣ днемъ и ночью и провождать всюду, даже въ церьковь. Однимъ словомъ онъ велъ такую жизнь, что бояре не могли вредить ему ни ядомъ, ни желѣзомъ. Тогда злоумышленники, оставивъ прежнее оружіе, убійство и отраву, прибѣгнули къ другому: коварству; а исполнителемъ своего замысла избрали настоящаго демона, при помощи коего совершили чудеса. Справедливо говоритъ одинъ писатель: «И самъ Стигійскій Плутонъ не отважится на то, что сдѣлаетъ неутомимый чернецъ и коварная старуха».[30]

ГЛАВА III.

БОРЬБА СЪ САМОЗВАНЦЕМЪ.

1604—1605

Отрепьевъ. Явленіе Самозванца. Князь Вишневецкій. Письмо къ нему отъ Годунова Донесеніе Тирфельда. Волненіе казаковъ. Неудача Степана Годунова. Недоумѣніе Бориса. Страшный голодъ. Цесарскій посолъ въ Москвѣ. Знаменія. Развратъ вѣка. Царскій астрологъ. Осада Путивля Самозванцемъ. Ополченіе Борисово. Мужество Басманова. Сраженіе Добрыничское Маржеретъ. Измѣна бояръ. Осада Кромъ. Атаманъ Корела. Кончина Годунова

Былъ въ одномъ Русскомъ монастырѣ монахъ, именемъ Гришка Отрепьевъ. Зная хорошо всѣ происшествія своего отечества, онъ вмѣстѣ съ крамольниками распускалъ о Борисѣ худую славу; но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оставилъ Россію, достигъ береговъ Борисѳена, нашелъ въ Бѣлоруссіи какого-то благороднаго юношу (то былъ побочный сынъ Стефана Баторія, какъ открыли мнѣ, по довѣренности, Польскіе вельможи) и далъ ему нужныя наставленія для своего умысла: уговорилъ его сдѣлаться слугою князя Адама Вишневецкаго и потомъ, при удобномъ случаѣ, открыть съ притворною горестію, будто бы ему, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть.[31] Послѣ того Отрепьевъ возвратился въ Россію; пришелъ въ землю казаковъ и началъ тамъ разглашать, что у князя Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести законный наслѣдникъ Русскаго престола, Димитрій Іоанновичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Распустивъ молву, Отрепьевъ проситъ, убѣждаетъ казаковъ подать помощь царевичу и сулитъ имъ знатную награду; убѣжденія этого дьявольскаго монаха не остались безъ дѣйствія, какъ вскорѣ увидимъ.[32]

Наученный имъ юноша, мнимый Димитрій, исправно служилъ князю Вишневецкому, въ званіи камердинера.[33] Случилось ему однажды, въ банѣ, подать своему господину не то, что было нужно. Князь далъ ему пощечину и примолвилъ: Curvin sin. Жестоко обиженный слуга со слезами говоритъ князю: «Еслибъ зналъ «ты, князь Адамъ! кто тебѣ служитъ, не услышалъ бы я столь

«обиднаго слова, да еще съ побоями, за такую бездѣлицу! Но дѣ- 1602.
«лать нечего: я долженъ все терпѣть, назвавъ самъ себя слугою».
«А кто же ты?» спросилъ Вишневецкій, «и откуда пришелъ?»
Тутъ юноша признался, что онъ сынъ царя Іоанна Васильевича;
разсказалъ весьма складно приключенія дѣтства и умыселъ Бориса
на жизнь его; открылъ, какимъ образомъ онъ избавился отъ
смерти, кто спасъ его и какъ онъ странствовалъ по Бѣлоруссіи;
притомъ показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными ка-
меньями, подаренный ему, будто бы, крестнымъ отцемъ. Всю
эту сказку сочинилъ Отрепьевъ. Мнимый Димитрій упалъ, по
Русскому обычаю, въ ноги Вишневецкому и воскликнулъ: «Предаю
«себя въ твою волю; дѣлай со мною, что угодно! Горькая жизнь
«не мила мнѣ. О, еслибъ ты помогъ мнѣ возвратить то, чего я
«лишился, какая награда была бы тебѣ, съ Божіею помощію!»

Князь изумился; повѣрилъ всему, что ни говорилъ скромный и красивый собою юноша; извинялся предъ нимъ за пощечину и бранное слово; просилъ остаться въ банѣ и подождать его; а самъ пошелъ къ женѣ, приказавъ между тѣмъ своимъ людямъ приготовить яства и напитки, для угощенія въ тотъ же вечеръ Русскаго царя. Дивились немало всѣ домашніе столь неожиданному пріѣзду царя Всероссійскаго. Князь велѣлъ, сверхъ того, приготовить 6 верховыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ; конюхамъ нарядиться какъ можно лучше; заложить шестерней дорожную карету и убрать покои драгоцѣнными коврами, такъ, что никто не могъ придумать, кого ожидастъ князь себѣ въ гости.

Когда все было устроено, Вишневецкій возвратился въ баню съ двѣнадцатью слугами, поднесъ бывшему камердинеру богатую одежду, прислуживалъ ему при выходѣ изъ бани, предложилъ въ подарокъ запряженную карету, 6 верховыхъ лошадей, со всѣмъ уборомъ, сѣдлами, палашами, пистолетами, со всѣми находившимися при нихъ людьми, и просилъ *его величество* принять эту бездѣлку, изъявляя готовность служить ему всѣмъ, что имѣетъ. Юноша благодарилъ князя за такое одолженіе и далъ обѣтъ воз-

1603. наградить ему сторицею; великолѣпное пиршество заключило этотъ день.

Между тѣмъ, молва о царевичѣ Димитріи, болѣе и болѣе распространяясь, достигла и до Бориса: она его ужаснула. Справедливо опасался Годуновъ, чтобы враги его, Поляки, не воспользовались обманомъ на бѣду его; посему желая предупредить опасность, онъ тайно послалъ гонца къ Бѣлорусскому князю [34] съ просьбою выдать измѣнника и обманщика, за что обѣщалъ уступить ему нѣсколько пограничныхъ городовъ Русскихъ; но Вишневецкій, еще болѣе убѣжденный такимъ предложеніемъ, что мнимый Димитрій былъ истинный царевичъ, спряталъ царское письмо и отпустилъ гонца безъ отвѣта; между тѣмъ, опасаясь мести Годунова, спѣшилъ удалиться отъ Русской границы, близъ которой находилось его помѣстье, [35] въ принадлежащій ему городъ Висніовецъ: тамъ показалъ царевичу письмо Борисово и хотѣлъ знать его мысли. Мнимый Димитрій, упавъ на колѣна, со слезами отвѣчалъ: «Богу и тебѣ извѣстно, кто я; дѣлай со мною, что хо«чешь; я въ твоей власти: предаю себя въ твою волю!»

Князь старался его успокоить, обѣщалъ никогда не измѣнять ему, говорилъ, что одно только опасеніе понудило его удалиться отъ Русскихъ предѣловъ; въ заключеніе просилъ царевича остаться въ городѣ Висніовецѣ подъ защитою вѣрныхъ слугъ, объявивъ, что самъ онъ возвратится въ Бѣлорусское помѣстье, откуда извѣститъ его немедленно, если что либо провѣдаетъ о Борисѣ.

Царь, между тѣмъ, отправивъ къ Вишневецкому другое письмо, съ предложеніемъ еще выгоднѣйшимъ перваго, подослалъ нѣсколько человѣкъ, съ тайнымъ приказаніемъ застрѣлить Самозванца. Но бдительный князь проводилъ мнимаго царевича въ Великую Польшу, къ воеводѣ Сендомирскому, который принялъ его, какъ истиннаго государя. [36]

Въ январѣ 1604 года, Іоаннъ Тирфельдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому коменданту, что несправедливо разгласили, будто бы сынъ Іоанна Мучителя былъ умерщвленъ; что онъ живъ и здо-

ровъ, находится у казаковъ и старается овладѣть престоломъ; въ 1601.
Россіи же страшное волненіе. Посланнаго съ этимъ письмомъ задержали и заключили въ Ивань-городѣ, откуда перевезли въ Москву. Такое письмо, какъ легко можно догадаться, не весьма обрадовало Бориса. Въ томъ же году и мѣсяцѣ, отправленный имъ съ какимъ-то порученіемъ въ Казань и Астрахань (города, отстоящіе отъ Москвы первый на 250, а второй на 500 миль) дальній родственникъ его, Степанъ Степановичъ Годуновъ [37] встрѣтилъ шайку свирѣпыхъ казаковъ, которые, по убѣжденію проклятаго Отрепьева, шли къ Путивлю, городу на Бѣлорусской границѣ, съ намѣреніемъ подать помощь закопному, по ихъ мнѣнію, наслѣднику Русскаго престола. Казаки напали на Степана Годунова, побили многихъ изъ его людей, остальныхъ же взяли въ плѣнъ (самъ онъ едва могъ спастись бѣгствомъ); послѣ того, послали къ Борису нѣсколько плѣнниковъ съ вѣстью, что они скоро придутъ въ Москву съ царевичемъ Димитріемъ.

Царь, получая такія вѣсти со всѣхъ сторонъ, изъ Бѣлоруссіи, Литвы, Ливоніи, самъ началъ сомнѣваться въ убіеніи Димитрія и приказалъ развѣдать обо всемъ обстоятельно; новыя свидѣтельства въ смерти царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелатели его, бояре. Ослѣпленный Борисъ не могъ замѣтить, что все это было дѣломъ небеснаго Промысла, который хотѣлъ явить ничтожность премудрости человѣческой въ сравненіи съ божественною. Годуновъ мечталъ однимъ коварствомъ утвердить себя на престолѣ, и вскорѣ убѣдился, что козни его безсильны предъ Богомъ. При всемъ благоразуміи своемъ, ни въ одномъ предпріятіи онъ не имѣлъ желаннаго успѣха: не принесли ему никакой выгоды союзы съ иноземными государями; безполезны были щедроты и благодѣянія, оказанныя Нѣмцамъ; никто не умѣлъ цѣнить его неусыпной заботливости, его мудрыхъ распоряженій о благоденствіи Россіи; наконецъ неимовѣрныя суммы, раздаваемыя сряду нѣсколько лѣтъ на вспоможеніе подданнымъ, не предохранили бѣднаго народа его отъ губительнаго глада и мора.

1604 Въ 1601 году началась неслыханная дороговизна; она продолжалась до 1604 года; бочка ржи стоила отъ 10 до 12 гульденовъ.[38] Насталъ такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испыталъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іосифа Флавія, Евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы, голубиный навозъ, и благородная женщина, терзаемая нестерпимымъ голодомъ, умертвивъ собственное дитя свое, изрубила его на части, сварила, сжарила и съѣла. Вотъ самое ужасное событіе изъ всѣхъ происшествій, описанныхъ Еврейскимъ историкомъ! Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотинѣ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ навозомъ, человѣческій калъ. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ.[39]

Когда разнеслась молва о столь ужасныхъ, неслыханныхъ злодѣяніяхъ, и на улицахъ находили ежедневно трупы умершихъ отъ голода, Борисъ Ѳеодоровичъ рѣшился помощію казны своей облегчить народное бѣдствіе: приказалъ близъ самой городской стѣны, имѣющей въ окружности 4 Нѣмецкія мили, устроить четыре ограды и раздавать тамъ каждое утро бѣднымъ жителямъ по деньгѣ (Польскій грошъ); свѣдавъ о томъ, окрестные земледѣльцы оставили свои жилища и устремились въ Москву съ женами и дѣтьми, чтобы участвовать въ царскомъ благодѣяніи. Такимъ образомъ раздавалось ежедневно около 50,000 денегъ (Польскихъ грошей), во все время дороговизны, ни мало впрочемъ не уменьшавшейся.[40] Сверхъ того, по волѣ государя, назначены были особенные люди, которые подбирали на улицахъ мертвыя тѣла, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлое полотно, обували въ красные башмаки и вывозили въ *Божій домъ* для погребенія.[41] Безъ содроганія не льзя было смотрѣть на множество труповъ, отправляемыхъ въ такомъ видѣ за городъ ежедне-

но! До какой же степени, во время четырехлѣтней всеобщей доро- 1604.
говизны, казна оскудѣла отъ царскаго милосердія, легко судить изъ слѣдующаго соображенія: самъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцовъ и достовѣрныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500,000 человѣкъ, которыхъ его величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи. [42] Если въ одномъ городѣ была такая смертность, сколько же людей долженствовало погибнуть отъ глада и мора во всемъ государствѣ, и чего стоило казнѣ погребеніе ихъ? Страшенъ Божій гнѣвъ, карающій царства и народы!

Но сколь ни очевидно было наказаніе небесъ, ослѣпленный Борисъ не хотѣлъ смириться и думалъ одною казною своею прекратить бѣдствіе. По изволенію долготерпѣливаго Бога, прибыло изъ Нѣмецкихъ приморскихъ городовъ въ Русскую Нарву нѣсколько кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ многія тысячи могли бы прокормиться; но царь запретилъ Русскимъ, подъ смертною казнію, его покупать, думая, что для него было бы стыдно, если бы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался чужестранный; почему иноземные купцы, не сбывъ товара, возвратились назадъ. [43] Послѣ того, Борисъ велѣлъ освидѣтельствовать свои владѣнія: нашлись на поляхъ огромные скирды, длиною въ 1000 саженъ, болѣе полувѣка неприкосновенные и уже поросшіе деревьями. Царь приказалъ немедленно молотить ихъ и везти хлѣбъ въ Москву и въ другіе города. [44] Вездѣ отворены были царскіе хлѣбные магазины, и нѣсколько тысячъ четвертей ежедневно продавалось за половинную цѣну; бѣднымъ же вдовамъ и сиротамъ, особливо Нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно. Князья и бояре, исполняя царскую волю, сжалились надъ всеобщею нуждою и дешевле обыкновеннаго продавали народу съѣстные припасы. Но къ довершенію бѣдствій, Божій промыслъ допустилъ преступному сребролюбію овладѣть богатыми Московскими барышниками, которые, скупивъ за малыя деньги, чрезъ бѣдныхъ людей, нѣсколько тысячъ бочекъ муки изъ царскихъ и

1604. княжескихъ магазиновъ, продавали ее весьма высокою цѣною. Это беззаконіе продолжалось до тѣхъ поръ, когда Богъ, смягченный гибелью несчетнаго множества людей, устранилъ одно бѣдствіе, дороговизну, и послалъ другое, войну кровопролитную.

Въ іюнѣ 1604 года прибылъ въ Россію императорскій посланникъ, баронъ фонъ-Логау, изъ Праги, съ значительною свитою; до пріѣзда его отдано было повелѣніе, чтобы ни одинъ нищій не встрѣчался ему на пути, и чтобы всѣ рынки, которые могъ онъ видѣть, изобиловали жизненными потребностями: Борисъ хотѣлъ истребить и малѣйшій слѣдъ дороговизны. Въ Москвѣ же, всѣ князья и бояре, всѣ Нѣмцы, Поляки и другіе чужестранцы должны были нарядиться какъ можно великолѣпнѣе, сообразно съ царскимъ достоинствомъ, въ одежды бархатныя, шелковыя, камчатныя, парчевыя, подъ опасеніемъ потерять годовой окладъ своего жалованья. Не одному бѣдняку пришлось покупать товары вдвое дороже обыкновеннаго, и многіе нарядились въ такія платья, какихъ ни сами, ни отцы и дѣды ихъ носить никогда не воображали. Дворяне приготовили для себя свиты и кафтаны, столь богато выложенные позументомъ, что ни одинъ князь не постыдился бы надѣть ихъ. Кто былъ пышнѣе другихъ наряженъ, тотъ казался болѣе усерднымъ царю слугою: ему прибавляли жалованья и помѣстьевъ. Кто же по бѣдности не могъ равняться великолѣпіемъ одежды съ своими товарищами, тому объявляли царскій гнѣвъ и грозили уменьшить его жалованье, хотя многіе изъ такихъ дворянъ едва имѣли насущный хлѣбъ и должны были заложить свою одежду, чтобы не умереть съ голода. Угощали посла съ роскошью удивительною: изобиліе яствъ и напитковъ, богатство одеждъ, все скрывало дороговизну, которая таилась въ однихъ сердцахъ и жилищахъ. Ни одинъ царскій подданный не смѣлъ, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія, разсказывать кому либо изъ посольской свиты о великой нуждѣ народной: надобно было говорить, что все дешево' всего въ изобиліи. Столь безполезнымъ высокомѣріемъ Борисъ раздражилъ Всевышняго; Россія, терзаемая голодомъ и моромъ, испытала новое бѣдствіе: началась война.

Не задолго до этой войны, случились странныя явленія: видны 1604.
были по ночамъ огненные столбы на небѣ, которые, сталкиваясь другъ съ другомъ, представляли сраженіе воинствъ; они свѣтили подобно мѣсяцу. Иногда всходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; страшныя бури низвергали городскія ворота и колокольни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы исчезали въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ; мясо же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его ни приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, страшно выли въ той странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и станицами рыскали по полямъ, такъ, что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ 8 миляхъ отъ Москвы, Нѣмецкій серебряникъ поймалъ орла и, убивъ его, привезъ въ Москву. Въ самой столицѣ ловили руками лисицъ разнаго рода, какъ бурыхъ, такъ и черныхъ; цѣлый годъ такое было множество ихъ, что никто не могъ придумать, откуда онѣ брались. Такъ въ сентябрѣ 1604 года, недалеко отъ дворца, убили черную лисицу, за которую одинъ купецъ заплатилъ 90 рублей.

Москвитяне смотрѣли на чудныя явленія, какъ на предзнаменованія благоденствія; а Татары предсказывали, что вскорѣ многіе народы овладѣютъ Москвою: слова ихъ почти оправдались. Странную же злобу собакъ и волковъ, взаимно пожиравшихъ себя, вопреки пословицѣ, *волкъ волка не ѣстъ*, изъяснилъ одинъ Татаринъ такимъ образомъ: «Москвитяне», говорилъ онъ, «измѣнятъ сами себѣ, и какъ псы, будутъ язвить и истреблять другъ друга».

Были и другіе предвѣстники близкаго несчастія: во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ

1604. невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ; о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ. [45] Всевышній не могъ болѣе терпѣть; казнь была необходима: Онъ послалъ мечъ и пламя.

1604 года, во второе воскресенье послѣ Сошествія святаго Духа, въ самый полдень, явилась на небѣ комета; Русскіе смотрѣли на нее съ удивленіемъ, даже и тѣ, которые не вѣрили предзнаменованіямъ. Царь, замѣтивъ ее, призвалъ къ себѣ одного старика, пріѣхавшаго изъ Германіи за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, и спрашивалъ его мнѣнія о новой звѣздѣ, чрезъ государственнаго канцлера. «Богъ посылаетъ такія знаменія», отвѣчалъ сей мужъ, «въ предостереженіе великихъ государей: тамъ, гдѣ они случаются, обыкновенно бываютъ важныя перемѣны»; почему совѣтовалъ царю быть осторожнымъ, оберегать границы и внимательно смотрѣть за тѣми людьми, которымъ онъ ввѣряется. «Тебѣ грозитъ великая опасность!» говорилъ старикъ. Слова его сбылись: въ сентябрѣ того же года собралось на Русской границѣ до 6,000 казаковъ, по наущенію монаха Отрепьева, который увѣрилъ ихъ, какъ выше сказано, будто бы законный царь живъ и скрывается въ Польшѣ; въ тоже время далъ знать мнимому Димитрію, что казаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразиться за него съ Борисомъ, что самъ онъ, Отрепьевъ, съ ними и готовъ служить ему совѣтами.

Димитрій, [46] уже честимый какъ царевичъ многими Польскими вельможами, получилъ отъ нихъ значительное вспоможеніе и, соединясь съ казаками, имѣлъ до 8,000 воиновъ. Съ этимъ отрядомъ онъ началъ свое дѣло, осадилъ Путивль и, благодаря содѣйствію проклятаго Отрепьева, овладѣлъ пограничнымъ городомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла: жители Путивля покорились ему добровольно, какъ законному государю.

Вѣсть о такомъ происшествіи ужаснула Бориса. Онъ сказалъ 1604.
князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола. Между тѣмъ, разослалъ гонцовъ по всему государству съ повелѣніемъ: всѣмъ князьямъ, боярамъ, стрѣльцамъ, иноземцамъ, явиться къ 28 октября въ Москву непремѣнно, угрожая отнять у ослушниковъ имѣніе и самую жизнь. На другой день разослалъ другихъ гонцовъ, а на третій третьихъ, съ указами такого же содержанія. Въ теченіе одного мѣсяца собралось болѣе 100,000 человѣкъ: царь послалъ ихъ, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго, противъ непріятеля къ Новгороду-Сѣверскому, куда гнали изъ деревень прочихъ людей военныхъ. Кто не слушался, былъ наказанъ: иныхъ лишали помѣстья, другихъ сажали въ тюрьму, или сѣкли плетьми, такъ, что на спинѣ у нихъ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, гдѣ было бы можно уколоть иглою. Строгія мѣры принудили всѣхъ итти къ войску, которое, около Мартинова дня, состояло уже почти изъ 200,000 человѣкъ. [47]

Димитрій осадилъ Новгородъ-Сѣверскій, но безъ успѣха: воевода Новгородскій, Петръ Оедоровичъ Басмановъ, оборонялся упорно и много вредилъ непріятелю. Между тѣмъ, подступила главная рать Московская. Самозванецъ, оставивъ осаду, пошелъ ей на встрѣчу: оба войска сразились подъ самымъ Новымгородомъ. Димитрій, съ малочисленнымъ отрядомъ, бросился прямо въ средину враговъ. Битва была упорная. Князь Мстиславскій получилъ пятнадцать ранъ, и Москвитяне потерпѣли бы навѣрное пораженіе, если бы 700 Нѣмецкихъ всадниковъ сильнымъ ударомъ не поддержали ихъ. [48] Димитрій отступилъ и удалился изъ области Сѣверской. Спаситель Новгорода, Петръ Оедоровичъ Басмановъ прибылъ въ Москву предъ Валеріановымъ днемъ; царь наградилъ его весьма щедро за вѣрную службу и храбрость. Высланы были ему на встрѣчу знатнѣйшіе князья и бояре, которые говорили привѣтствіе отъ имени его величества; онъ ѣхалъ по городу на царскихъ саняхъ до самаго дворца, провожали его такъ точно, какъ

1605. государя. Явившись во дворецъ къ царю, онъ получилъ изъ собственныхъ рукъ его, въ награду за свою храбрость, золотое блюдо вѣсомъ въ 6 фунтовъ, насыпанное червонцами; сверхъ того 2,000 рублей,[49] множество серебра изъ царской казны, помѣстье съ крестьянами, достоинство боярина и мѣсто въ царскомъ совѣтѣ. Народъ любилъ и уважалъ его.[50]

Въ январѣ 1605 года, Московская рать, изъ 200,000 человѣкъ состоявшая, опять выступила противъ Димитрія и 2 января остановилась при Добрыничахъ.[51] У Димитрія было всего на все 15,000 Поляковъ, казаковъ и Русскихъ. Съ отрядомъ столь малочисленнымъ онъ устремляется на враговъ: Москвитяне бѣгутъ и бросаютъ свои пушки. Уже вся рать Годунова казалась совершенно истребленною; но два знамя удержали побѣдоноснаго непріятеля: однимъ изъ нихъ начальствовалъ Валтеръ фонъ-Розенъ, Ливонецъ, а другимъ Яковъ Маржеретъ, Французъ. Воскликнувъ: Hilf Gott! (помоги, Боже!) иноземцы бросаются на побѣдителя, не даютъ ему преслѣдовать бѣгущихъ Москвитянъ, заставляютъ его бросить отнятыя у Русскихъ орудія и въ бѣгствѣ искать спасенія. Преслѣдуя, истребляя войско Димитріево, они безпрестанно призываютъ Бога на помощь. Москвитяне, увидѣвъ торжество малочисленныхъ витязей, ободрились, ударили на враговъ, восклицая также: Hilf Gott! и цѣлыя три мили ихъ преслѣдовали, вмѣстѣ съ Нѣмцами, которымъ весьма было забавно слышать, что Русскіе такъ скоро выучились ихъ языку. При томъ случаѣ самъ Димитрій попался было въ плѣнъ: раненный въ ногу конь едва могъ вынести его; да и всѣ 15,000 воиновъ его навѣрное погибли бы до послѣдняго, если бы зложелатели Борисовы не удержали Нѣмцевъ, посылая къ нимъ гонца за гонцомъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу и безполезное кровопролитіе: ибо главные виновники, по ихъ словамъ, были уже пойманы. И такъ Нѣмцы возвратились; Москвитяне полюбили ихъ, выхваляли ихъ храбрость и говорили: «Нѣмецкій «Богъ сильнѣе Русскаго; горсть Нѣмцевъ одолѣла, а мы бѣжали «тысячами».[52]

Димитрій съ величайшимъ трудомъ достигъ Рыльска и думая, 1605.
что здѣсь не можетъ быть ему безопаснаго убѣжища, по малочисленности его дружины, пробрался въ Путивль, пограничную крѣпость. Несчастная битва его сокрушала; всѣ Русскіе воины его оставили, исключая нѣсколько сотенъ казаковъ, которые еще держались въ ничтожномъ гнѣздѣ, Кромахъ. Москвитяне же, послѣ побѣды, занимались казнію своихъ единовѣрцевъ, присягнувшихъ Димитрію въ Комарницкой волости: [53] они повѣсили на деревьяхъ за ноги нѣсколько тысячъ крестьянъ, съ женами и дѣтьми, и стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Далеко были слышны вопли несчастныхъ!

Но злодѣи Борисовы не дремали: тайно совѣтовали Димитрію не терять бодрости отъ неудачнаго сраженія, коего виною были Нѣмцы; обѣщали склонить ихъ на его сторону; просили только, чтобы онъ разсылалъ по Россіи грамматы, съ доказательствами права своего на Русскій престолъ и съ увѣщаніемъ къ народу признать его государемъ. Димитрій слѣдовалъ совѣту: объявилъ подробно, сколько было ему лѣтъ, когда хотѣли его умертвить; кто замышлялъ на жизнь его; кто былъ его спасителемъ, крестнымъ отцемъ; какъ воспитывали его въ Бѣлоруссіи, какъ помогали ему Польскіе вельможи, и какимъ образомъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ пріѣзжалъ съ Польскимъ посломъ, великимъ канцлеромъ Сапѣгою, въ Москву, гдѣ видѣлъ на прародительскомъ престолѣ злодѣя своего, Бориса. Такія грамоты, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ государства, имѣли удачное слѣдствіе: многіе Русскіе явились въ Путивль и признали Димитрія государемъ.

Между тѣмъ, Борисъ прислалъ воеводамъ своимъ, стоявшимъ въ лагерѣ при Добрыничахъ, 10,000 рублей, съ повелѣніемъ изъявить Нѣмцамъ свою признательность за вѣрную ихъ службу, выдать имъ полное жалованье, и сказать, что если они всегда столь же вѣрно будутъ служить ему, то получатъ прибавку годовыхъ окладовъ и помѣстьевъ, что царь раздѣлитъ съ ними и послѣднюю рубаху; главному же полководцу, князю Мстиславскому, приказалъ всѣми силами осадить Кромы, взять эту крѣпость непремѣнно и

1605. истребить скопище казачьяго атамана Корелы.[54] Многіе вельможи однако были недовольны царемъ за то, что онъ назначилъ князя Катырева[55] въ товарищи Мстиславскому, еще не совсѣмъ излечившемуся отъ 15 ранъ, и съ нѣсколькими тысячами передались Димитрію.

Мстиславскій и товарищъ его осадили гнѣздо мятежниковъ: иноземцы сожгли деревянныя укрѣпленія, такъ что ни одного дома не уцѣлѣло; но казаки обвели городъ рвомъ, насыпали валъ, а подъ валомъ вырыли землянки, гдѣ скрывались, какъ мыши, отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Изъ главнаго рва они прокопали нѣсколько небольшихъ, откуда выползали на Москвитянъ и отражали ихъ приступы. Если же Москвитяне устремлялись къ городу всѣми силами, казаки немедленно уходили въ свои норы и тамъ ожидали враговъ, которые однакожъ не осмѣливались нападать на нихъ въ этомъ убѣжищѣ. Около трехъ мѣсяцевъ войско Борисово стояло подъ Кромами, истратило множество огнестрѣльныхъ снарядовъ и ничего не сдѣлало; измѣна бояръ была очевидна: присланные Димитріемъ изъ Путивля 500 казаковъ, среди бѣлаго дня, провезли въ городъ съѣстные припасы на 100 подводахъ, пробравшись чрезъ одинъ изъ Русскихъ лагерей, такъ, что въ другомъ того не замѣтили:[56] столь явная измѣна побудила воеводъ немедленно донести государю, что они въ крайней опасности, что царская рать со дня на день уменьшается, а войско Димитріево усиливается предательствомъ бояръ и толпами Поляковъ, что наконецъ не остается и надежды одолѣть Самозванца. Сраженный этою вѣстью, Борисъ принялъ ядъ. Утромъ 13 апрѣля онъ былъ еще здоровъ и свѣжъ, а къ вечеру скончался.[57] На другой день его похоронили вмѣстѣ съ прочими царями. Друзья его сокрушались немало. Бориса постигла почти такая же участь, какую приготовилъ онъ истинному царевичу Димитрію: и тотъ, и другой погибли насильственною смертію. Сколько ни покушались разные люди на жизнь Годунова во все время его царствованія, онъ не имѣлъ утѣшенія умереть отъ руки непріятеля, и былъ самъ себѣ палачемъ. Грѣшная совѣсть — робкая тварь! Онъ царствовалъ слишкомъ шесть лѣтъ, съ 1 сентября 1598 года по 13 апрѣля 1605.

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА БОРИСОВИЧА.

1605.

Басмановъ главный вождь. Измѣна войска. Вѣрность Нѣмцевъ. Мятежъ въ Красномъ селѣ Бунтъ въ столицѣ. Заточеніе царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдствіе врачей иноземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Ѳеодора и матери его.

16 апрѣля 1605 года, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, возведенный Борисомъ, какъ выше сказано, въ достоинство боярина, посланъ былъ подъ Кромы, на мѣсто воеводы Мстиславскаго, котораго отозвали ко Двору, для управленія внутренними дѣлами, въ помощь юному государю. Прибывъ въ Кромской станъ, Басмановъ привелъ войско къ присягѣ новому царю; но эту присягу Русскіе исполняли такъ точно, какъ голодный песъ наблюдаетъ постъ: не прошло и трехъ недѣль, а воеводы-со всѣмъ войскомъ уже измѣнили сыну Борисову! Это случилось 7 мая; одни только Нѣмцы, удалившіеся въ Москву, остались вѣрными государю: онъ изъявилъ имъ милость и благодарилъ ихъ предъ цѣлымъ народомъ. Воеводы же Кромскіе, большею частію, явились въ Путивль къ Димитрію и съ восхищеніемъ смотрѣли на своего новаго царя; потомъ проводили его въ Кромы.[58] Онъ, между тѣмъ, посылалъ гонца за гонцомъ съ письмами къ Москвитянамъ, совѣтовалъ имъ одуматься заблаговременно, убѣждалъ покориться ему, какъ истинному государю, и истребить враговъ его, Годуновыхъ, обѣщая милость въ случаѣ повиновенія и угрожая гнѣвомъ, если заставятъ его притти въ Москву съ войскомъ. Годуновы приказали схватить гонцовъ и замучить до смерти.

1 іюня прибылъ знатный бояринъ въ Красное село, подмосковное царское помѣстье, гдѣ жили богатые купцы и серебряники, имѣвшіе въ Москвѣ друзей и родныхъ; бояринъ[59] привезъ граммату: въ ней Димитрій писалъ къ жителямъ Красносельскимъ, что онъ присылалъ и въ Красное село, и въ столицу многихъ гонцовъ, изъ коихъ ни одинъ не только не возвратился, но и въ живыхъ

1605. не остался; что не зная, народъ, или Годуновы ихъ погубили, онъ хочетъ непремѣнно открыть виновниковъ такого злодѣянія, и для того отправляетъ послѣдняго гонца къ нимъ, Красносельцамъ, которые, какъ ему извѣстно, не имѣютъ дѣла ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ. «Если же и этотъ гонецъ не возвратится съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ», писалъ Димитрій, «то знайте, что и младенцамъ въ материей утробѣ пощады не будетъ; а если онъ привезетъ повинную отъ васъ граммату, оставайтесь покойны: я не злопамятенъ!»

Красносельцы приняли гонца почтительно, многочисленною толпою проводили его въ Москву до главной церкви, называемой Іерусалимомъ, и возвели на Лобное мѣсто, откуда онъ читалъ грамматy къ жителямъ столицы. Граждане Московскіе и Красносельскіе, выслушавъ гонца, разсуждали, что преданность князей, бояръ, всего государства Димитрію, доказываетъ неоспоримое право его на престолъ, что время подумать о собственной участи: уже Димитрій приближается съ войскомъ, противъ котораго невозможно устоять; а Москва не имѣетъ людей ратныхъ; одни же Годуновы, неправедно завладѣвшіе престоломъ, не могутъ защитить гражданъ: всѣ должны погибнуть неминуемо, если сами не откроютъ глазъ и не примутъ мѣръ для собственной безопасности и для пользы всего государства. Наконецъ опредѣлили единогласно: не раздражая Димитрія безполезною медленностію, послать къ нему повинную грамматy, съ раскаяніемъ въ прежнихъ поступкахъ, и молить его о милосердіи; а кровожадныхъ Годуновыхъ, заставившихъ царевича въ бѣгствѣ искать спасенія, взять подъ стражу.[60]

Между тѣмъ, прибѣгаютъ изъ дворца преданные Годуновымъ бояре и хотятъ схватить присланнаго Димитріемъ; но уже поздно: отъ нихъ требуютъ отвѣта, куда дѣвались прежніе гонцы? и съ этимъ словомъ всѣ граждане взволновались. «Да здравствуетъ Дими«трій!» воскликнули они единогласно. «Мы были во тьмѣ кромѣш«ной! Красное солнце наше всходитъ!» Потомъ съ неистовствомъ бросились во дворецъ, славили имя Димитрія и поносили Году-

нова со всѣмъ родомъ его такими словами, что и сказать невозможно. Никто не вспомнилъ добрыхъ дѣлъ царя, 8 лѣтъ благотворившаго государству; все было забыто, какъ будто ничего не бывало! Схватили вдову его, дочь его, самого сына, коему недавно присягнули, и приставили къ нимъ стражу; а прочихъ его родственниковъ раздѣли до-нага, оковали цѣпями, посадили въ навозныя телѣги, везли чрезъ пни и колоды, безъ покрова и тюфяковъ, въ ненастное время, за нѣсколько миль отъ Москвы, и бросили въ темницы. Дворы ихъ, между тѣмъ, были разграблены. Одни изъ несчастныхъ погибли еще дорогою, другіе въ темницахъ съ голоду. Надъ ними-то исполнилось изреченіе Пророка: «Въ плѣнъ увлекутся сильные, въ нуждѣ и горестяхъ погибнутъ роскошные». Юный царь, уже сведенный съ престола, вмѣстѣ съ матерью и сестрою былъ заключенъ въ домѣ, принадлежавшемъ покойному отцу его. 1605.

Повеселившись такимъ образомъ на счетъ Годуновыхъ, Москвитяне хотѣли попировать въ царскихъ погребахъ, и какъ во дворцѣ уже не было господина, то они объявили о своемъ желаніи старому боярину Бѣльскому, который называлъ себя крестнымъ отцемъ Димитрія. Этотъ вольможа не задолго предъ тѣмъ, уже по смерти Бориса, возвратился изъ ссылки и хотя болѣе всѣхъ старался вредить Годуновымъ, однакожъ не допустилъ народа до исполненія его намѣренія, объявивъ ласково, сколь будетъ не хорошо, когда пріѣдетъ Димитрій и найдетъ погреба свои пустыми. При семъ случаѣ Бѣльскій рѣшился излить злобу на врачей Нѣмецкихъ: онъ злился на нихъ за то, что исправлявшій прежде ихъ должность врача Борисова, капитанъ Габріель выщипалъ ему бороду по царскому повелѣнію; докторъ уже умеръ, но для Бѣльскаго было все равно: онъ шепнулъ народу, что врачи иноземные были душою и совѣтниками Бориса, получали отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами; что граждане могутъ попировать у нихъ и напиться, какъ угодно; онъ же беретъ всю отвѣтственность на себя. Толпы черни броси-

1605. лись немедленно въ домы врачей, и получивъ дозволеніе повеселиться на ихъ счетъ, не только осушили всѣ бочки, но и самое имѣніе хозяевъ разграбили, причинивъ убытку отъ 2 до 3 тысячъ талеровъ При семъ случаѣ многіе честные люди, вовсе посторонніе, лишились послѣдняго имущества, которое они перевезли изъ загородныхъ мѣстечекъ и спрятали въ докторскихъ домахъ, надѣясь тамъ лучше спасти его отъ приближавшагося воинства. Въ чужомъ пиру имъ было похмѣлье!

3 іюня послана Димитрію повинная граммата отъ имени всѣхъ жителей Московскихъ съ просьбою оказать имъ милость, какъ вѣрнымъ подданнымъ, и пожаловать въ Москву, гдѣ изъ всѣхъ враговъ его остался въ живыхъ одинъ молодой Ѳеодоръ съ матерью и сестрою, крѣпко стерегомый и слѣдовательно уже неопасный.

Димитрій отвѣчалъ изъ Серпухова, что онъ вступитъ въ Москву только тогда, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго, и что если Москвитяне хотятъ быть у него въ милости, юный Ѳеодоръ и мать его должны быть преданы смерти. Сей указъ полученъ въ столицѣ 10 іюня; его прочитали и немедленно исполнили: Ѳеодора и мать его удавили въ темницѣ; [61] а дочь Борисову, невѣсту Іоанна герцога Датскаго, коему Богъ не продлилъ жизни, отвели въ Дѣвичій монастырь, откуда въ послѣдствіи взялъ се Димитрій себѣ въ наложницы. [62] Сдѣлали два гроба: въ одинъ положили мать, въ другой сына; потомъ вырыли отца, и всѣхъ тропхъ погребли на Срѣтенскомъ кладбищѣ, безъ всякихъ обрядовъ. [63]

Такъ погибъ родъ Бориса Годунова, достигшій до такой степени величія, до коей не восходилъ еще никто во все время существованія Русскаго царства. Борисъ былъ самъ виною своего бѣдствія: умертвивъ сына стараго тирана и овладѣвъ престоломъ посредствомъ хитрости и коварства, онъ воспламенилъ войну, которая низринула его. Объ немъ можно справедливо сказать: жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ собака. [64] Сынъ его Ѳеодоръ считался царемъ 2 мѣсяца безъ двухъ дней; коронованъ не былъ.

ГЛАВА V.

ЦАРСТВОВАНІЕ ДИМИТРІЯ I.

1605—1606.

Самозванецъ подъ Москвою. Преданность народа. Милость Нѣмцамъ. Вшествіе въ столицу. Свиданіе съ матерью св. Димитрія. Свойство обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Капитанъ Маржеретъ. Притѣсненіе духовенства. Неудачи Шуйскаго. Воинскія потѣхи. Прибытіе Марины. Всеобщее негодованіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедимитрія.

Димитрій, узнавъ, что враговъ его не стало, выступилъ изъ Серпухова со всѣмъ войскомъ и расположился лагеремъ за милю отъ Москвы; здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ, чтобы развѣдать, между тѣмъ, мысли народныя. Москвитяне старались доказать свою преданность и, въ изъявленіе радости о благополучномъ его прибытіи, поднесли ему хлѣбъ-соль (несомнѣнное свидѣтельство глубочайшаго почтенія, по Русскому обычаю), съ напитками и богатыми дарами, состоявшими въ золотѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, жемчугѣ. Увѣренный въ покорности народа, онъ объявилъ, что все прошедшее предаетъ забвенію, что будетъ не царемъ, а отцомъ своихъ подданныхъ, и что приложитъ неусыпное попеченіе объ ихъ благоденствіи.

20 іюня знатнѣйшіе вельможи поднесли Димитрію богатыя одежды, парчевыя, бархатныя, шелковыя, унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и убѣждали его принять безъ отлагательства прародительскую корону, милосердіемъ Творца такъ скоро ему возвращенную; говорили, что для него все готово, что ему нечего опасаться и печалиться, а должно веселиться: ибо тотъ, кто хотѣлъ съѣсть его, теперь не укуситъ.

Въ тотъ же день, всѣ Нѣмцы отправились къ Димитрію въ лагерь съ просьбою не гнѣваться на нихъ за пораженіе при Добрыничахъ, когда и долгъ присяги, и совѣсть повелѣвали имъ быть вѣрными царю своему, Борису; нынѣ, видя на престолѣ Димитрія, они готовы съ тою же вѣрностію служить и ему. Принявъ

1605. челюбитную, новый царь призвалъ къ себѣ начальниковъ Нѣмецкой дружины, изъявилъ имъ не гнѣвъ, не угрозы, которыхъ они большою частію ожидали, но ласки и благоволеніе; хвалилъ ихъ за непоколебимое мужество при Добрыничахъ, гдѣ они обратили его въ бѣгство и почти всю силу его истребили; хвалилъ и за упорное сопротивленіе подъ Кромами, гдѣ они явили новый знакъ преданности Борису, не хотѣли измѣнить съ прочимъ войскомъ и возвратились въ Москву; въ заключеніе сказалъ, что онъ будетъ доволенъ, если увидитъ отъ нихъ такую же услугу, и что имъ вѣритъ болѣе, нежели своимъ Русскимъ. Потомъ спросилъ: «Кто былъ знаменосцемъ въ Добрынской битвѣ?» Тотъ немедленно явился. Димитрій, потрепавъ его по щекѣ и по груди, примолвилъ: «Сохрани насъ, Боже, отъ зла!»

Наконецъ онъ вступилъ въ Москву;[65] когда кончилось шествіе и все было приведено въ порядокъ, Богданъ Бѣльскій вышелъ изъ дворца съ нѣсколькими князьями и боярами, сталъ на Лобномъ мѣстѣ, произнесъ къ народу рѣчь, славилъ Бога за спасеніе государя и убѣждалъ Москвитянъ быть вѣрными новому царю, истинному сыну Іоанна Васильевича; потомъ снялъ съ груди своей крестъ, съ ликомъ чудотворца Николая, поцѣловалъ его и воскликнулъ: «Брегите и чтите своего государя!» Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ: «Богъ да сохранитъ царя-государя и погубитъ всѣхъ «враговъ его!»

29 іюня, въ субботу, Димитрій короновался въ церкви пречистой Богоматери по Русскому обычаю, съ тѣми же обрядами, о коихъ было сказано выше, по случаю вѣнчанія Годунова.

18 іюля Димитрій послалъ нѣсколько тысячъ всадниковъ въ Троицкій монастырь[66] за своею матерью, постриженною въ иноки по волѣ Борисовой; да и самъ выѣхалъ ей на встрѣчу. Увидѣвъ другъ друга, они обнялись, изъявляя радость неописанную. Старая царица весьма искусно представила нѣжную мать, хотя на душѣ у нея было совсѣмъ другое: по крайней мѣрѣ она опять стала царицею. Димитрій пѣшкомъ провождалъ ея карету; многіе

при этомъ зрѣлищѣ плакали отъ умиленія и дивились неисповѣди- 1605.
мымъ путямъ Божіимъ. Потомъ царь снова сѣлъ на лошадь и ускакалъ впередъ съ своими вельможами, для приготовленій къ принятію царицы. Въ послѣдствіи онъ отдѣлалъ для нея въ самомъ Кремлѣ, у воротъ Іерусалимскихъ, противъ монастыря св. Кирилла, богатые покои, которые назвалъ монастыремъ своей матери; назначилъ ей царское содержаніе, посѣщалъ ее каждый день и оказывалъ самую нѣжную почтительность. Многіе готовы были присягнуть, что онъ сынъ ея.

Не проходило дня, когда бы царь не присутствовалъ въ совѣтѣ, гдѣ сенаторы докладывали ему дѣла государственныя и подавали объ нихъ свои мнѣнія.[67] Иногда, слушая долговременныя, безплодныя прѣнія ихъ, онъ смѣялся и говорилъ: «Столько часовъ вы «разсуждаете, и все безъ толку! Такъ я вамъ скажу, дѣло вотъ «въ чемъ»: и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми сановитые бояре долго ломали свои головы. Онъ владѣлъ убѣдительнымъ даромъ краснорѣчія, любилъ приводить примѣры изъ бытописаній разныхъ народовъ, или разсказывалъ случаи собственной жизни; нерѣдко, впрочемъ всегда ласково, упрекалъ господъ сенаторовъ въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились; обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образовать себя; велѣлъ объявить народу, что два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, будетъ самъ принимать на крыльцѣ челобитныя; а въ облегченіе бѣдняковъ, изнуряемыхъ долговременными тяжбами, предписалъ всѣмъ приказамъ рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ. Сверхъ того, какъ Русскимъ, такъ и чужеземцамъ, даровалъ свободу въ торговлѣ и промышлености. Отъ такихъ мѣръ, дорогизна мало по малу исчезла и обиліе водворилось въ государствѣ. За столомъ онъ охотно слушалъ музыку и пѣніе; но отмѣнилъ многіе обряды, напримѣръ, не молился иконамъ предъ началомъ обѣда, и не умывалъ рукъ по окончаніи; чему удивляясь, закоренѣлые въ предразсудкахъ Москвитяне[68]

1605. уже стали подозрѣвать, точно ли новый царь природный Русскій? Эта мысль сокрушала ихъ Послѣ обѣда, онъ не любилъ отдыхать, вопреки обычаю прежнихъ царей и всѣхъ вообще Москвитянъ, а осматривалъ сокровища своей казны, посѣщалъ аптеки и лавки серебряниковъ; для чего нерѣдко выходилъ изъ дворца самъ-другъ и такъ тихо, что стрѣльцы, не замѣтивъ, какъ онъ вышелъ, должны были искать его. Это казалось не менѣе страннымъ: ибо въ старину, Русскіе цари, желая быть величественнѣе, не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою князей, которые вели ихъ подъ руки, или лучше сказать, переносили. Отправляясь въ церковь, онъ ѣздилъ не въ каретѣ, а верхомъ на конѣ, и притомъ не на смирномъ; садился же на него не такъ, какъ прежніе цари, которые становились на скамью, подставляемую двумя боярами, и влезали на лошадь: Димитрій, взявъ одною рукою поводъ, другою едва прикасался къ сѣдлу, уже былъ на конѣ, и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравняться съ нимъ въ искусствѣ и ловкости; нерѣдко онъ забавлялся конскимъ ристаніемъ, также охотою соколиною и псовою; однажды самъ убилъ огромнаго медвѣдя, котораго спустили съ цѣпи въ селѣ Тайнинскомъ, вопреки желанію князей и бояръ. Для сего завелъ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли Англійскихъ договъ. Между тѣмъ, приказавъ слить множество пушекъ и мортиръ, отправилъ ихъ въ Елецъ, [69] городъ стоящій на Татарской границѣ, намѣреваясь въ слѣдующее лѣто посѣтить враговъ христіанства, Татаръ и Турокъ. Узнавъ о семъ предпріятіи, Татарскій ханъ спѣшилъ удалиться въ степь изъ столицы своей, Азова. Въ Кремлѣ Димитрій построилъ для себя и будущей супруги своей великолѣпныя палаты. Однимъ словомъ, его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки, все доказывало, что онъ былъ совсѣмъ другой Гекторъ, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій.

Не забывая услугъ воеводы Сендомирскаго и помня свое обѣщаніе жениться на дочери его Маринѣ, Димитрій отправилъ къ

нему для сватовства, въ сентябрѣ 1605 года, государственнаго кан- 1605.
цлера Аѳанасія Ивановича Власьева, съ богатыми для невѣсты подарками, золотыми цѣпями, кольцами, деньгами.[70] Въ слѣдствіе сего, съ дозволенія его величества короля и государственныхъ чиновъ Польскихъ, совершилось торжественное обрученіе. Русскіе были весьма недовольны такимъ поступкомъ: давно уже они замѣтили, что попались въ сѣти обманщика; теперь же, узнавъ о сватовствѣ Димитрія на дѣвицѣ племени поганаго (т. е. некрещенаго, невѣрнаго: такъ величаютъ они всѣхъ иноземцевъ), еще болѣе удостовѣрились, что царь ихъ былъ не Русскій. Три брата Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ попами и монахами во всемъ государствѣ, затѣяли свергнуть его съ престола; но замыселъ ихъ заблаговременно открылся. Съ тѣхъ поръ Димитрій, не довѣряя князьямъ и боярамъ, учредилъ охранительную стражу изъ однихъ Нѣмцевъ; а въ январѣ 1606 года, назначилъ ей трехъ капитановъ: старшимъ изъ нихъ былъ Яковъ Маржеретъ, родомъ Французъ, человѣкъ весьма разумный, хорошо знавшій языкъ Нѣмецкій; дружина его состояла изъ сотни копьеносцевъ, вооруженныхъ бердышами съ золотымъ царскимъ гербомъ; древки, обтянутые краснымъ бархатомъ, прикрѣпленными вызолоченными серебряными гвоздями, были увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Этой сотнѣ, чрезъ каждые три мѣсяца, производилось такое жалованье, что воины большею частію могли носить плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ, и вообще одѣваться весьма богато. Ливонецъ Кнутсенъ былъ капитаномъ второй сотни алебардщиковъ: они имѣли алебарды съ царскимъ гербомъ по обѣимъ сторонамъ, и носили кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными снурками; рукава же были изъ красной камки. Третьимъ капитаномъ былъ Шотландецъ Албертъ Вандеманъ, прежде называвшійся панъ Нотницкій, потому, что онъ долго жилъ между Поляками. Его отрядъ состоялъ также изъ сотни алебардщиковъ, которые оружіемъ не отличались отъ воиновъ второй сотни, но исподнее платье и кафтаны ихъ имѣли зеленую

1605. бархатную обшивку, а рукава были изъ зеленой камки. Всѣ они, получая хорошіе оклады, немало гордились и поднимали носъ. Эта гвардія раздѣлялась на двѣ половины, которыя смѣнялись чрезъ сутки, охраняя Димитрія денно и нощно. Господа Москвитяне смотрѣли на нее весьма неблагосклонно. «Очевидно», говорили они, «что царь насъ не любитъ и намъ не вѣритъ. Чего же намъ ждать, когда пріѣдетъ изъ Польши невѣста и привезетъ съ собою Поляковъ? Сколько тогда накопится иноземной сволочи!»

Димитрій вскорѣ далъ новый поводъ къ негодованію народному: онъ велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ помѣстья, и оставивъ изъ нихъ только необходимое для содержанія праздныхъ монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску, готовившемуся въ походъ противъ враговъ христіанства; сверхъ того, принудилъ Арбатскихъ и Чертольскихъ священниковъ уступить Нѣмцамъ свои домы, находившіеся вблизи дворца, для того, чтобы въ случаѣ надобности имѣть подъ рукою вѣрныхъ тѣлохранителей. «Пора за дѣло, бѣда за плечами», думалъ старшій изъ братьевъ Шуйскихъ, князь Василій Ивановичъ, и спѣшилъ воспользоваться временемъ: имѣя въ Москвѣ многихъ сообщниковъ, онъ составилъ заговоръ, коего цѣлію было, до прибытія новыхъ чужеземцевъ, умертвить царя, со всѣми людьми, ему преданными.

Но умыселъ обнаружился: многіе священники и стрѣльцы, въ мученіяхъ пытки, признались, что князь Василій Шуйскій былъ главнымъ всему виновникомъ. Попы отдѣлались одною пыткою; а стрѣльцовъ Димитрій отдалъ на произволъ ихъ товарищей, объявивъ, что только тотъ будетъ признанъ не участвующимъ въ заговорѣ, кто наложитъ руку на виновныхъ. Всѣ вѣрные стрѣльцы бросились на измѣнниковъ и, подобно псамъ, растерзали ихъ зубами, въ доказательство своей невинности. [71] Начальникъ же заговора, князь Василій Ивановичъ, по приказанію царя, взятъ былъ подъ стражу, наказанъ плетьми и осужденъ на смерть. Его вывели на мѣсто казни, между дворцемъ и каменными лавками; тамъ

прочли смертный приговоръ; палачъ раздѣлъ осужденнаго, под- 1605.
велъ его къ плахѣ, и уже готовъ былъ отсѣчь ему голову, какъ вдругъ увидѣли бѣгущаго изъ дворца Нѣмца, который держалъ въ рукахъ царскую грамоту и еще издали кричалъ палачу: *стой!* Онъ объявилъ, что царь, простивъ многихъ измѣнниковъ, милуетъ и сего преступника для знатнаго рода его, требуя одного обѣщанія не замышлять новой измѣны. [72]

Это неумѣстное милосердіе принесло гибельные плоды, какъ ниже увидимъ. Гораздо было бы лучше, если бы Димитрій казнилъ крамольника, уличеннаго въ явной измѣнѣ; онъ не думалъ, что тотъ, кому даровалъ жизнь, будетъ въ послѣдствіи виною его злосчастія: ему казалось, что строгое наказаніе Шуйскаго отниметъ охоту у другихъ къ подобнымъ покушеніямъ. И такъ безстрашный царь былъ совершенно спокоенъ. Коварные князья и бояре старались еще болѣе усыпить его, вели себя скромно, ничего не затѣвали, ѣздили съ Димитріемъ на охоту и участвовали во всѣхъ его забавахъ.

Въ 30 верстахъ отъ Москвы, есть обитель Вяземская: царь велѣлъ обвести ее ледяною крѣпостью и прибылъ туда съ Нѣмецкою гвардіею, двумя отрядами Польской конницы, также со всѣми боярами, въ намѣреніи показать имъ искусство осаждать крѣпости. Конницу расположилъ въ недальнемъ разстояніи отъ монастыря; князьямъ и боярамъ поручилъ защищать крѣпость, назначивъ одного изъ нихъ воеводою, а самъ, предводительствуя Нѣмцами, пошелъ на приступъ; воинамъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комки. Въ первый день потѣха была чудесная. Только Нѣмцы переранили многихъ бояръ, бросая въ нихъ, вмѣстѣ съ снѣгомъ, каменьями. Знали, чѣмъ взять! Царь первый ворвался въ крѣпость; за нимъ вся гвардія. Торжествуя побѣду, онъ говорилъ коменданту ледяной крѣпости: «Дай Боже! взять со временемъ такимъ же образомъ и Азовъ». Потомъ велѣлъ готовиться къ новой потѣхѣ; между тѣмъ, подали пива, меду, и всѣ пили за общее здоровье. Въ это время подходитъ къ царю одинъ бояринъ и проситъ его

1606. оставить такія забавы «Бояре», говорилъ онъ, «весьма сердиты на Нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ каменьями; не забудь, что между князьями и боярами много тебѣ зложелателей; каждый изъ нихъ имѣетъ по длинному острому ножу; а у тебя съ Нѣмцами одни снѣжные комки. Не вышло бы худой шутки!» Царь одумался, прекратилъ потѣхи и возвратился въ Москву; вскорѣ узналъ онъ, что бояре въ самомъ дѣлѣ хотѣли погубить его съ Нѣмцами, распустивъ молву, будто бы царь далъ приказаніе Поля́скимъ всадникамъ и Нѣмецкимъ тѣлохранителямъ умертвить вельможъ. Честнымъ Нѣмцамъ и въ умъ не приходило такое злодѣйство.

Около сего же времени, Димитрій, получивъ пріятную вѣсть о приближеніи своей невѣсты къ предѣламъ Россіи, немедленно отправилъ для ея путешествія 15,000 рублей, а Смоленскимъ дворянамъ предписалъ встрѣтить ее со всѣми спутниками почтительно, угостить какъ царицу, и проводить до самаго Дорогобужа. Такое же приказаніе послалъ въ Дорогобужъ, Вязьму, Царево-Займище, Можайскъ, повелѣвая принимать невѣсту, какъ его самого. Отъ Смоленской границы вплоть до Кремля исправили дороги; на рѣкахъ построили мосты, а улицы такъ чисто вымели, что ни въ какомъ домѣ не могло быть опрятнѣе.

Между тѣмъ, какъ царская невѣста съ отцемъ и братомъ праздновала въ Можайскѣ Свѣтлое Воскресеніе, Димитрій, выѣхавъ изъ столицы тайно, съ немногими людьми, изумилъ любезныхъ гостей нечаяннымъ прибытіемъ. Онъ провелъ съ ними двое сутокъ; потомъ возвратился въ Москву и отдалъ приказаніе приготовить все нужное для ихъ встрѣчи.

На другой день Пасхи, 24 апрѣля, пріѣхалъ въ Москву воевода Сендомирскій, отецъ Марины: его пышно встрѣтили князья, бояре и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1 мая, и царская невѣста пожаловала. Димитрій, выславъ къ ней на встрѣчу весь дворъ и до 100,000 казаковъ, Татаръ, стрѣльцовъ, въ богатѣйшихъ одеждахъ, самъ нарядился въ простое платье, выѣхалъ за городъ верхомъ и устроилъ войско по обѣимъ сторонамъ дороги; потомъ

возвратился въ Кремль, приказавъ вывести 12 верховыхъ коней въ 1606.
богатыхъ чапракахъ и сѣдлахъ, подъ дорогими покрывалами изъ мѣховъ рысьихъ и барсовыхъ, съ золотыми удилами, съ серебряными стременами; 12 конюховъ, въ великолѣпной одеждѣ, вели этихъ коней въ подарокъ невѣстѣ. За ними слѣдовала карета, запряженная 12 бѣлыми лошадьми, обитая внутри краснымъ бархатомъ, съ парчевыми подушками, унизанными жемчугомъ. Князь Мстиславскій, сказавъ невѣстѣ отъ имени царя привѣтственную рѣчь, встрѣтилъ весьма почтительно какъ ее, такъ брата и зятя ея, со всѣми спутниками, исполняя въ точности волю своего государя; вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ пересѣсть въ царскую карету и принять ее въ подарокъ. Какъ скоро Марина поднялась съ мѣста, знатнѣйшія особы взяли ее на руки съ почтеніемъ и посадили. Тогда началось шествіе: впереди было 300 гайдуковъ, которые играли на флейтахъ и били въ барабаны; за ними ѣхали Димитріевы Польскіе всадники, по 10 человѣкъ въ рядъ, съ трубами и литаврами; потомъ вели 12 вышеупомянутыхъ коней; тутъ ѣхала невѣста съ братомъ и зятемъ въ царской каретѣ, окруженной Польскими гайдуками и знатнѣйшими Русскими сановниками. По обѣимъ сторонамъ шли 200 Нѣмецкихъ алебардщиковъ; за каретою и вельможами слѣдовала сотня казаковъ; за ними четыре конюха вели двѣ богато-убранныя верховыя лошади, принадлежащія невѣстѣ его величества; потомъ везли карету ея, запряженную 8 конями сѣрыми въ яблокахъ, съ красными хвостами и гривами; далѣе въ каретѣ шестеркою, ѣхала гофмейстерина, госпожа Казановская; за нею слѣдовали одна за другою еще 13 каретъ, въ которыхъ сидѣли Польки изъ невѣстиной свиты; позади ихъ находились всадники, прибывшіе съ Мариною изъ Польши, въ панцыряхъ и въ полномъ вооруженіи, съ трубами и флейтами. Русская конница съ своими набатами заключала шествіе; тамъ уже тянулся весь Польскій обозъ, съ поклажею и припасами..

Въ продолженіе всего этого дня, какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ, играли безъ умолку Московскіе музыканты.

1606. Не всѣ однако веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, какъ и въ день пріѣзда Димитріева, о чемъ выше сказано: многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности пріуныли Москвитяне; они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что Польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ Нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали Поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей, опасенія Москвитянъ еще болѣе увеличились: они ждали большой бѣды. Уже и прежде народъ, замѣтивъ особенную милость Димитрія къ Полякамъ и Нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими боярами, разглашалъ, что царь есть самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ Поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: Москвитяне жалѣли о Борисѣ и думали, что Поляки и Нѣмцы непремѣнно ихъ перебьютъ.

Шуйскій, котораго Димитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленныхъ бояръ, купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности; что онъ давно это предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю; но Москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ Поляковъ. Да и самъ Димитрій Полякъ: его признали царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь впрочемъ найти въ юномъ героѣ защитника вѣры и отечественныхъ обычаевъ, но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ; презираетъ святыхъ, оскверняетъ храмы чудотворца Николая и пречистой Дѣвы Маріи, дозволивъ входить въ нихъ некрещенымъ Ляхамъ, да еще съ собаками; изгоняетъ пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ Латышамъ; а самъ женится на поганой Полькѣ «Если мы», продолжалъ Шуйскій, «не примемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія

православной вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы 1606.
мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностію: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что царь есть самозванецъ, и что онъ замышляетъ злое съ своими Поляками; пусть посовѣтуются съ гражданами Московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ Поляковъ; да и тѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ, вмѣстѣ съ обманщикомъ!» Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ, и обѣщалъ принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, Москвитяне долженствовали броситься во дворецъ съ воплемъ: «Поляки губятъ царя», и, окруживъ государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ Польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены Русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая однакожъ Нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Такъ составленъ былъ тайный заговоръ! Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ; но нимало не безпокоился: онъ думалъ имѣть довольно силы для усмиренія Русскихъ; а того не размыслилъ, что Поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

8 мая совершилось царское бракосочетаніе; вскорѣ потомъ царица была коронована. Наканунѣ свадьбы, Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими боярами: Поляки хотѣли нарядить невѣсту въ Польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла; Русскіе же требовали, чтобы какъ царь, такъ и царица вѣнчались постаринѣ, въ Русскомъ. Послѣ долговременнаго прѣнія, Димитрій сказалъ: «Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе «бояръ и обычай народной, чтобы никто не жаловался, будто я за«мышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значитъ!»

1606. Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть Русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви пресвятой Богородицы. [73] Но въ слѣдующій день (9 мая), прислалъ къ супругѣ Польскую одежду, объявивъ притомъ; «Вчера я сдѣлалъ угодное народу; теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ». Съ того времени царица всегда наряжалась по-Польски. Праздновали эту свадьбу очень весело, вдоволь ѣли и пили, пѣли и плясали; не говоря о музыкѣ инструментальной, скажу только, что вокальная состояла изъ 32 голосовъ: всѣ пѣсенники привезены были изъ Польши. Поляки, при семъ случаѣ, напились до-пьяна и, возвращаясь домой, дозволяли себѣ самые наглые поступки: рубили саблями встрѣчавшихся Москвитянъ и извлекали изъ каретъ знатныхъ боярынь для удовлетворенія гнусному сладострастію. Народъ же все это бралъ на замѣчаніе.

Въ субботу, 10 мая, царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: такую пищу Русскіе признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о томъ въ народѣ, и Москвитяне еще болѣе убѣдились, что царь ихъ Полякъ; но скрыли свое негодованіе, выжидая удобнаго случая.

11 мая Мартинъ Беръ, урожденецъ Нейштатскій, говорилъ во дворцѣ, съ дозволенія государя, первую лютеранскую проповѣдь, для господъ капитановъ, докторовъ и другихъ Нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу.

12 мая разнеслась въ городѣ молва, что Димитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіе храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ образомъ чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу съ своею поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что царь не истинный Димитрій, и что страшная бѣда грозитъ отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ рынкахъ. Двое алебардщиковъ,

схвативъ одного изъ такихъ говоруновъ, привели его во дворецъ и 1606.
донесли государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные бояре смотрѣли на бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ; говорили притомъ, что государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ Нѣмцевъ, и что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы кто либо его затѣялъ. Эти увѣренія успокоили безстрашнаго героя; онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ капитановъ, которые 13, 14 и 15 мая, увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ; спряталъ ихъ письменные извѣты, и сказавъ: «все это ничего не значитъ!» оставилъ изъ всей гвардіи во дворцѣ, по прежнему, не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Но справедливо говоритъ пословица: чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается. Димитрій оправдалъ изрѣченіе св. апостола Павла: «Егда бо рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство». Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ сраженъ измѣнниками прежде, нежели успѣлъ опомниться.

Ночью на 16 мая, случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли. Это не предвѣщало ничего добраго.

Наконецъ 17 мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часа по полуночи, когда царь и Польскіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго похмѣлья, измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола, коихъ въ каждой церкви по пяти и по шести, въ нѣкоторыхъ же по двѣнадцати, а церквей въ Москвѣ по крайней мѣрѣ три тысячи. Народъ взволновался; нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, схативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ (бѣшенство ихъ вооружало) устремились ко дворцу съ крикомъ: «Кто умерщвляетъ царя?» *Поляки!* отвѣчали бояре.

1606. Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу, Басманову, узнать о причинѣ смятенія. Но коварные бояре отвѣчали вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отъ чего волнуется народъ, и что вѣроятно случился гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ царскихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, а самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться. Басмановъ видитъ весь дворъ наполненный людьми вооруженными, и спрашиваетъ: чего они хотятъ? что значитъ колокольный звонъ? Народъ завопилъ:.... «Выдай Самозванца; тогда узнаешь отвѣтъ нашъ!»[74]

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: «Бѣда, государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: за чѣмъ не послушалъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!» Между тѣмъ, одинъ изъ бояръ ворвался, сквозь толпу тѣлохранителей, въ царскій покой и закричалъ Димитрію: «Ну, безвременный царь! проспался ли ты? За чѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Вѣрный Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, срубилъ голову наглецу. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его алебардщики, выхватилъ мечъ у Курляндскаго дворянина Вильгельма Шварцгофа и, грозя имъ народу, кричалъ: *я вамъ не Борисъ!*[75] Но встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ же подошелъ къ толпѣ бояръ и просилъ ихъ не выдавать государя. Татищевъ, знатный вельможа, обругалъ его, какъ нельзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре бросили его съ крыльца, вышиною въ 12 саженъ. Такъ погибъ за царя этотъ герой, другъ и покровитель Нѣмцевъ.[76]

Мятежники, ободренные смертію храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ; но легко ли было одолѣть такое множе-

тво! Черпь вырубила нѣсколько досокъ въ стѣнѣ. вломилась въ 1606.
палаты и обезоружила копьеносцевъ. Димитрій же едва могъ убѣжать во внутреннie покои.[77] Нѣмцы заперлись изнутри и стали за дверями.

Устрашенный царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Русскie, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили Нѣмцевъ отойти въ сторону: наконецъ раздробили ее топорами. «О для чего» говорили между собою алебардщики «мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славою и спасли бы царя: это оружie годится только для красы, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ! Горе и царю, отвергшему совѣты наши! Погибая самъ, онъ губитъ и насъ!» Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но видя, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третью, гдѣ также его не было.

Царь, между тѣмъ, пробѣжавъ царицины покои, достигнулъ каменнаго дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 сажень; но вся надежда на спасенie исчезла: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Русскie, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на тѣлохранителей, стоявшихъ подлѣ царской умывальни, и отнявъ у нихъ оружie, приставили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденiю; причемъ распрашивая, куда дѣвался царь, обыскивали дворецъ и похитили множество сокровищъ.

Бояре же и князья вломились къ царицѣ: женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. «Гдѣ царь и царица» воскликнули бояре (имя грубыхъ мужиковъ было имъ приличнѣе)? «Вамъ лучше должно знать, куда вы дѣвали царя; мы не обязаны его караулить» было отвѣтомъ. «Непотребныя!» закричали бояре, «гдѣ..... царица ваша?» «На что же вамъ царица?» спрашиваетъ гофмейстерина. Ей отвѣчаютъ страшными угрозами.[78] Послѣ того, бояре раздѣлили меж-

1606. ду собою всѣхъ дѣвицъ, благородныхъ Полекъ, и отослали ихъ въ свои домы, гдѣ онѣ черезъ годъ стали матерями. Гофмейстерину же, толстую старуху, подъ платьемъ коей притаилась Марина, бояре оставили въ покоѣ, только бранили ее безъ пощады и требовали непремѣнно, чтобы она призналась, куда скрылась ея царица. «Сего дня рано поутру», сказала гофмейстерина, «мы отправили ее въ домъ пана воеводы Сендомирскаго: тамъ она и теперь».

Между тѣмъ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у Чертольскихъ воротъ, увидѣвъ лежащаго государя и услышавъ стоны его, спѣшили помочь ему и хотѣли отнести его во дворецъ. Народъ, замѣтивъ это, увѣдомилъ бояръ, которые тотчасъ оставили гофмейстерину, и бросились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить Димитрія; тщетно стрѣльцы, имъ убѣжденные, старались спасти его: положивъ на мѣстѣ одного или двухъ бояръ ружейными выстрѣлами, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

Бояре схватили разбившагося въ паденіи царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы сказать съ плѣнникомъ Плавта: слишкомъ несправедливо тащить и колотить въ одно время. Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно убранныя, но тогда уже разграбленныя и изгаженныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохранителей подъ стражею, обезоруженныхъ и печальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ къ одному изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни слова; что думалъ, извѣстно только Богу сердцевѣдцу; можетъ быть онъ вспомнилъ неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ! Одинъ изъ копьеносцевъ, Ливонскій дворянинъ, Вильгелмъ Фирстенбергъ, пробрался въ комнату, желая знать, что будетъ съ царемъ; но былъ заколотъ однимъ изъ бояръ, подлѣ самого государя. «Смотри», говорили нѣкоторые вельможи «какъ усердны псы Нѣмецкіе! И теперь не покидаютъ своего царя; побьемъ ихъ до послѣдняго!» Но другіе не согласились.

Принесшіе Димитрія въ комнату поступали съ нимъ не лучше жидовъ: тотъ щипнетъ, другой кольнетъ. Вмѣсто царской

одежды, нарядили его въ платье пирожника и осыпали насмѣшка- 1606.
ми. «Поглядите на царя Всероссійскаго», сказалъ одинъ: «у меня такой царь на конюшнѣ!» «А я бы этому царю далъ знать», говорилъ другой. Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: «Говори, к... с... кто ты, кто твой отецъ и откуда ты родомъ?» «Вы всѣ «знаете», отвѣчалъ Димитрій, «что я царь вашъ, сынъ Іоанна Василь«евича. Спросите мать мою: она въ монастырѣ; или выведите «меня на Лобное мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться». Тутъ выскочилъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ, и сказавъ: «чего толковать съ еретикомъ? вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна!» пострѣлилъ его насквозь.[79]

Между тѣмъ, старый измѣнникъ Шуйскій разъѣзжалъ на дворѣ верхомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бросились ко дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они остановились на дворѣ и хотѣли знать, что говорилъ Польскій шутъ; имъ отвѣчали: Димитрій винится въ самозванствѣ (чего онъ впрочемъ не сдѣлалъ). Тутъ всѣ завопили: «Бей его, руби его». Князья и бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзали въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басмановъ, и сбросивъ его съ крыльца, кричали: «Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ!» Такимъ образомъ тотъ, кто вчера гордился своимъ могуществомъ и въ цѣломъ свѣтѣ гремѣлъ славою, теперь лежалъ въ пыли и прахѣ. Бѣдствіе поразило и его, и супругу, и гостей въ девятый день послѣ брака. Не худо было бы и другимъ остерегаться такой же свадьбы: она была не лучше Парижской. Димитрій царствовалъ безъ 3 дней 11 мѣсяцевъ.

ГЛАВА VI.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

1606.

Убійство Поляковъ. Изступленіе народа. Переговоры бояръ съ Мариною и отцемъ ея. Трупъ Самозванца на Красной площади. Мнимое чудо надъ тѣломъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца Доказательства, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ.

Во время бунта, нѣсколько сотъ Русскихъ окружили домъ, гдѣ жилъ воевода Сендомирскій съ своими гайдуками и служителями: этотъ домъ находился въ Кремлѣ, недалеко отъ царскихъ и патріаршихъ палатъ, и принадлежалъ нѣкогда Борису Годунову; поставивъ противъ воротъ пушки, Русскіе такъ крѣпко стерегли его, что не только человѣку, но и собакѣ не льзя было выскочить. И такъ господинъ воевода не могъ подать помощи своему зятю; впрочемъ рѣшился дорого продать свою жизнь, если бы на него напали.

По убіеніи царя и Басманова, первыми жертвами злобы народной были музыканты и пѣсенники, люди невинные, благонравные и въ своемъ дѣлѣ искусные: всѣ они, человѣкъ до 100, были побиты въ Кремлѣ, въ монастырскихъ домахъ, пожалованныхъ имъ покойнымъ государемъ. Потомъ дошла очередь до Поляковъ, жившихъ въ Китаѣ-городѣ и другихъ частяхъ Москвы. Многіе изъ нихъ вскакивали съ постелей въ однѣхъ рубахахъ и прятались въ погреба, въ солому, даже въ навозъ; но тщетно: Москвитяне находили ихъ и убивали, иныхъ кольями, другихъ каменьями или саблями; а женъ и дочерей отвели къ себѣ.

Но братъ царицынъ, панъ староста, при помощи слугъ и благородныхъ Поляковъ, оборонялся весьма храбро въ своемъ домѣ, находившемся противъ пушечнаго двора: здѣсь пало много Русскихъ. Такую же твердость явили и царицыны зятья, которые вмѣстѣ съ Польскими послами, вооруживъ до 700 человѣкъ, въ томъ домѣ, гдѣ умеръ Датскій герцогъ Іоаннъ, объявили народу,

что они станутъ палить по городу, зажгутъ свой домъ, сядутъ на 1606.
коней и до послѣдняго человѣка будутъ защищать себя, если Русскіе не поклянутся оставить ихъ въ покоѣ. То же сдѣлали и Димитріевы Польскіе всадники: никто изъ Русскихъ не смѣлъ войти къ нимъ на дворъ. Напослѣдокъ Москвитяне привезли пушки, навели ихъ на домъ царицына брата и начали палить: послѣ двухъ выстрѣловъ, Поляки согласились сдаться, только съ тѣмъ, чтобы жизнь и имущество ихъ были неприкосновенны. Русскіе дали слово и цѣловали крестъ. Но осажденные не вѣрили имъ и хотѣли говорить съ знатнѣйшими особами: тогда явился старый измѣнникъ Шуйскій съ товарищами и далъ клятву не трогать Поляковъ; только просилъ ихъ дня два не выходить изъ дома, потому, что Москвитяне злятся на нихъ за оскорбленіе своихъ женъ и дочерей.

Народъ столь же милостиво поступилъ и съ тѣми Поляками, которые по многолюдству могли обороняться; если же находили въ домѣ человѣкъ 6, 8, 10, 12 и 14, всѣхъ побивали безъ пощады, какъ собакъ.

Нѣсколько Поляковъ, сѣвъ на коней, спѣшили ускакать въ Нѣмецкую слободу; но къ несчастію, попались къ такимъ людямъ, которыхъ въ Ливоніи, или Германіи, казнили бы позорною смертію: то были перекрещенные мамелюки, враги христіанъ, преданные болѣе Русскимъ, нежели Нѣмцамъ; Димитрій не удостоилъ ихъ чести принять въ свою гвардію, справедливо думая, что они, измѣнивъ Богу, не будутъ вѣрны и царю. Бездѣльники, ожесточенные противъ Димитрія и Поляковъ болѣе самихъ Русскихъ, схватили несчастныхъ бѣглецовъ, думавшихъ найти у нихъ спасеніе, раздѣли ихъ до-нага и всѣхъ умертвили.

Дьявольская рѣзня продолжалась съ 3 часовъ до 11. Поляковъ погибло 2135;[80] въ числѣ убитыхъ были студенты, Нѣмецкіе ювелиры и купцы Аугсбургскіе, имѣвшіе много денегъ и всякаго добра. Злодѣи бросали тѣла убіенныхъ на улицы, въ жертву собакамъ и Русскимъ площаднымъ лекарямъ, которые вырѣзывали

1606 жиръ изъ труповъ Двое сутокъ лежали мертвые подъ открытымъ небомъ; въ третій день убійца Шуйскій приказалъ ихъ подобрать и похоронить въ Божіемъ домѣ. Никогда, доколѣ міръ стоитъ, потомство не забудетъ 17 мая: какъ ужасенъ былъ этотъ день для иностранцевъ! Не льзя изобразить его словами; повѣритъ ли читатель? шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ безъ умолка, раздавались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, топотъ коней, громъ колесницъ и крикъ остервенившагося народа: «Сѣки, руби к.... д... Поляковъ!» Гласъ милосердія замолкъ въ душахъ Москвитянъ: жестокіе не слушали ни просьбъ, ни моленій.

Одинъ благородный Полякъ, пробужденный тревогою, вскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и, взявъ кошелекъ съ сотнею червонцевъ, кинулся въ погребъ, гдѣ зарылся въ песокъ. Русскіе, думая, что тамъ закопаны сокровища, нашли его: бросивъ имъ свой кошелекъ, онъ молилъ объ одной жизни, отдавался въ плѣнъ, увѣрялъ, что не знаетъ за собою никакой вины ни противъ царя, ни противъ народа; предлагалъ все свое имѣніе, бывшее и въ Москвѣ, и въ Польшѣ; просилъ только отвести его во дворецъ, гдѣ онъ дастъ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Его вывели изъ погреба; на дворѣ онъ увидѣлъ своихъ людей, раздѣтыхъ до-нага и изрубленныхъ: принужденный итти по трупамъ ихъ, добрый человѣкъ погрузился въ печаль неизъяснимую; съ какою горестію смотрѣлъ онъ, какъ тяжки были вздохи его! Между тѣмъ встрѣтился одинъ Москвитинъ и закричалъ: «Бей этого к... с....» Несчастный Полякъ кланялся ему почти до земли и умолялъ ради Бога пощадить жизнь его такими словами, которыя смягчили бы самый камень; видя же непреклонность злодѣя, сталъ просить именемъ св. Николая и пречистой Дѣвы Маріи. Жестокосердый Москвитинъ ударилъ его саблею: тутъ вырвался несчастный изъ рукъ проводниковъ, отскочилъ назадъ, снова поклонился и воскликнулъ: «О Москвитяне! Вы называетесь христіанами: гдѣ же христіанское ваше милосердіе? Пощадите меня, ради святой вѣры вашей, ради жены и дѣтей моихъ, покинутыхъ мною въ оте-

чествѣ!» Все было напрасно: убійца разсѣкъ ему плечо; кровь 1606.
полилась ручьями. Отчаянный Полякъ бросился бѣжать; злодѣи догнали и изрубили его: онъ умеръ въ жестокихъ мукахъ; потомъ бросились на трупъ и поссорились другъ съ другомъ за рубашку и портки убитаго: я самъ былъ тому свидѣтелемъ. Такъ бѣдный дворянинъ, потерявъ все свое имущество, всѣ одежды, золото, серебро, слугъ, коней, оружіе, лишился и самой жизни! Не радостную вѣсть получили его дѣти и жена, братья и родные, друзья и знакомые.

Въ этотъ несчастный для иностранцевъ день, многіе негодяи, ровно ничего не имѣвшіе, нашли пребогатую добычу: нахватали бархатныхъ и шелковыхъ платьевъ, собольихъ и лисьихъ шубъ, золотыхъ цѣпей и колецъ, ковровъ, золота, серебра, всякой всячины, чего ни сами, ни предки ихъ никогда не имѣли. Довольно было пищи и самохваламъ: «Кому устоять противъ насъ, Москвитянъ? намъ числа нѣтъ. Цѣлый свѣтъ не сладитъ: все должно покориться намъ!» Такъ, любезные Москвитяне! Вы очень храбры, когда сотнями нападете на одного безоружнаго, особливо соннаго; иначе и въ нѣсколькихъ тысячахъ не много найдется храбрецовъ.

Наконецъ въ 11 часу трагедія кончилась: спасеннымъ отъ смерти Полякамъ дарована пощада; въ Москвѣ водворилась тишина; иноземцы могли теперь вздохнуть свободно. Какъ веселятся мореплаватели послѣ ужасной бури и свирѣпаго рѣва морскихъ волнъ, при наступленіи ясной погоды; такъ радовались и мы, узнавъ, что убійства прекратились и что нашихъ осталось въ живыхъ еще нѣсколько сотъ человѣкъ. Когда мятежъ затихъ, измѣнники бояре и князья собрались предъ покоями царицы и велѣли ей сказать, что имъ извѣстно ея знатное происхожденіе; кто же былъ тотъ воръ и обманщикъ, который выдавалъ себя за Димитрія, должна вѣдать она, ибо знала его еще въ Польшѣ; и что если ей угодно возвратиться къ отцу, то выдала бы всѣ вещи, присланныя бездѣльникомъ Самозванцемъ къ ней на родину и подаренныя въ Москвѣ. Царица, немедленно отдавъ имъ не только свой гарде-

1606. робъ, всѣ драгоцѣнные каменья, жемчугъ, золотыя издѣлія, но и послѣднее платье, которое носила (она осталась въ одномъ спальномъ капотѣ), обѣщала заплатить за всѣ издержки, если бояре тотчасъ отправятъ ее къ отцу. Не говоря ни слова объ издержкахъ, Русскіе требовали только 55,000 рублей со всѣми вещами, подаренными ей Самозванцемъ. Царица сказала въ отвѣтъ: «Для чести Москвитянъ и въ удовольствіе моему государю, всѣ эти деньги я истратила на путешествіе, прибавивъ къ нимъ столько же своихъ. Бояре все добро мое отобрали: у меня нѣтъ болѣе ничего». Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила прислать къ ней одного изъ отцовскихъ служителей, обѣщая доставить все, что только имѣетъ, а остальное прислать изъ Польши, если дозволено будетъ ей туда возвратиться. Бояре согласились.

Узнавъ о такомъ условіи, царицинъ отецъ пригласилъ къ себѣ бояръ и сказалъ имъ: «Вы не хотите, господа, отпустить ко мнѣ дочь мою, не получивъ прежде 55,000 рублей, которые прислалъ ей на дорогу царь вашъ, Димитрій, желавшій поддержать какъ свою честь, такъ и достоинство народа? Но вы забываете, что отправляя невѣсту, я истратилъ по крайней мѣрѣ столько же: вы все у нея обобрали, и еще требуете отъ насъ денегъ! У меня есть теперь 60,000 талеровъ и 20,000 Польскихъ злотыхъ: если вы отпустите меня въ отечество съ дочерью и со всѣми Поляками, я согласенъ вручить вамъ сіи деньги, а остальную сумму пришлю въ послѣдствіи.» Бояре отвѣчали: «Освободить тебя еще не время. Но мы согласны прислать къ тебѣ дочь, какъ скоро получимъ твои 80,000 талеровъ». «Такъ и быть!» воскликнулъ добрый панъ воевода. «Я хочу жить и умереть съ нею. Деньги готовы, только приведите мою дочь съ ея гофмейстериною и другими женщинами.» Князья и бояре удалились; чрезъ нѣсколько времени привели царицу къ отцовскому дому; но до тѣхъ поръ не отдавали ея, пока воевода Сендомирскій не выслалъ обѣщанной суммы. Огорченный столь жестокимъ поступкомъ, онъ сказалъ имъ: «Вы поступаете съ нами безсовѣстно. Когда покойный зять мой

пришелъ въ Россію съ малочисленнымъ отрядомъ, вы признали 1606.
его истиннымъ Димитріемъ и тѣмъ удостовѣрили насъ, Поляковъ, что онъ имѣлъ неоспоримое право на Русскій престолъ; вы были виною смерти Борисовой, истребили весь родъ его, короновали Димитрія, велѣли посламъ своимъ благодарить насъ за наше объ немъ попеченіе; наконецъ торжественною грамматою, за своею печатью, увѣрили насъ, что онъ сынъ царя Іоанна Васильевича: это свидѣтельство и теперь хранится въ Польшѣ. Не я предлагалъ дочь свою вашему государю; онъ самъ просилъ ея руки чрезъ васъ, князей и бояръ. Я же только тогда согласился отпустить ее, когда все Русское царство изъявило на то желаніе и когда Русскій посолъ, предъ лицемъ его королевскаго величества, засвидѣтельствовалъ право Димитрія на престолъ Московскій. Послѣ того, можете ли говорить, что онъ былъ Самозванецъ и что мы, Поляки, васъ обманули? Такъ! мы были виновны; но только въ томъ, что слишкомъ вѣрили вашей клятвѣ: вы обманщики, а не мы! Мы пріѣхали сюда друзьями, жили среди васъ въ безпечномъ спокойствіи, разсѣялись по городу, иной тамъ, другой здѣсь, чего вѣрно бы не сдѣлали, если бы замышляли какое либо зло; а вы губили насъ, какъ злѣйшихъ враговъ, подобно тайнымъ смертоубійцамъ; словами насъ привѣтствовали, душою проклинали! Многія сотни горестныхъ вдовъ и сиротъ, несчастныхъ родителей и друзей, оплакиваютъ смерть своихъ милыхъ, погубленныхъ вашею злодѣйскою рукою, и на васъ непрестанныя жалобы возсылаютъ къ престолу Всевышняго. Чѣмъ вознаградите ихъ за потерю? Положимъ, что покойный зять мой былъ не сынъ царя Іоанна, хотя вы сами утверждали противное, чѣмъ провинились предъ вами 100 музыкантовъ? что сдѣлали вамъ ювелиры и купцы, которые никогда васъ не трогали и всегда продавали хорошіе товары? чѣмъ виновны жены и дѣвы, столь жестоко вами оскорбленныя? Если бы мы таили дурной замыселъ, не три, или четыре тысячи явилось бы тамъ, гдѣ милліонъ жителей: мы привели бы цѣлое войско. Мы пріѣхали къ вамъ на свадьбу, а встрѣтили смерть!

1606. Уже ли вы думаете, что Богъ оставитъ безъ наказанія такое злодѣйство? Нѣтъ, нѣтъ! Безвинная кровь, вами пролитая, вмѣстѣ со слезами вдовъ и сирыхъ, вопіетъ къ престолу Всевышняго и требуетъ возмездія! Вы можете, если хотите, погубить всѣхъ насъ: Богъ будетъ нашимъ судьею! Совѣсть ничѣмъ насъ не упрекаетъ».

Бояре и князья отвѣчали: «Не ты виноватъ, господинъ воевода! Мы также не виновны. Всему причиною твои надмѣнные Поляки: они срамили женъ и дочерей нашихъ, безчинствовали въ городѣ, оскорбляли Русскихъ, грозили намъ смертію; на нихъ возсталъ народъ. Не намъ было укротить толпу разъяренную! Не менѣе виноватъ и самъ зять твой: онъ презиралъ наши нравы, обычаи, нашу вѣру; предпочиталъ намъ всякаго иностранца, вопреки своей присягѣ. Предавъ ему землю Русскую, мы ожидали отъ него благодарности, думали, что онъ не забудетъ, на какую степень возвели его, и не станетъ любить чужихъ, болѣе своихъ. Если бы онъ не обманулъ насъ, никто не отрекся бы служить ему, какъ Димитрію, хотя бы онъ былъ и Самозванецъ. Мы приняли его, чтобы низложить Бориса и поправить свою участь; вмѣсто того, все пошло къ верху дномъ: онъ ѣлъ телятину, жилъ какъ басурманецъ, и принудилъ насъ къ такому поступку, который намъ ни чуть не пріятенъ. И теперь, если бы онъ живъ былъ, мы сдѣлали бы тоже самое.[81] А музыкантовъ и другихъ невинныхъ людей, вмѣстѣ съ нимъ убитыхъ, по истинѣ весьма намъ жалко: они были жертвою неукротимаго изступленія народнаго; мы не могли спасти ихъ. Но прислужницы твоей дочери теперь находятся вмѣстѣ съ нашими женами и дочерьми: имъ гораздо лучше, нежели самой дочери твоей. Можешь взять ихъ немедленно, если желаешь. Но поклянись: во-первыхъ, не мстить намъ, ни отъ своего лица, ни чрезъ своихъ родственниковъ; во-вторыхъ, примирить насъ съ королемъ Польскимъ, коего подданные убиты во время смятеній; въ-третьихъ, доплатить остальныя изъ числа 55,000 рублей деньги, и возвратить подаренныя Димитріемъ твоей дочери вещи; не то, готовься въ темницу со всѣми единоземцами. Выбирай!»

Воевода возразилъ: «Все, что было прислано зятемъ моей до- 1606.
чери, вмѣстѣ съ отцовскимъ приданымъ, она привезла въ Россію, и все у нея отобрано до послѣдней шубы. Вамъ лучше знать, куда дѣвалось это добро: у васъ, князья и бояре, всѣ ея дѣвицы. Что можемъ дать мы, до-гола обобранные? Вы не могли требовать и 80,000 талеровъ, данныхъ мною за дочь: въ числѣ ихъ не было ни полушки вашей! Теперь мы болѣе ничего не имѣемъ. Впрочемъ охотно клянемся за себя и за всѣхъ родственниковъ не мстить вамъ; пусть разсудитъ сіе дѣло Тотъ, Кто говоритъ *мщеніе мнѣ подобаетъ*. Но согласится ли простить его величество, мы не знаемъ, и слѣдовательно ручаться за него не можемъ; многіе изъ убіенныхъ были его подданные: участь ихъ будетъ ему горестна. Онъ властенъ въ моей жизни; я не могу вмѣшиваться въ дѣла его. И такъ не требуйте отъ меня невозможнаго!»

Москвитяне отвѣчали: «Какъ исполнить нашего требованія ты не хочешь, или не можешь, то изволь оставаться у насъ въ плѣну со всѣми Поляками, до тѣхъ поръ, когда узнаемъ мысли короля Польскаго, и получимъ отъ тебя остальную сумму, да сверхъ того вознагражденіе за всѣ издержки на войну съ твоимъ зятемъ» «Буди воля Божія!» сказалъ воевода Синдомирскій; «Онъ послалъ мнѣ это бѣдственное бремя: перенесу его терпѣливо. Есть предѣлъ, далѣе котораго вредить мнѣ вы не можете: исполняйте волю Всевышняго; мы ничего не страшимся!»

Послѣ того, бояре заключили воеводу съ дочерью, сыновьями и родственниками въ одинъ домъ, гдѣ содержали ихъ подъ строжайшимъ карауломъ, не дозволяя ни кому входить и выходить изъ дома, безъ дозволенія бояръ.[82] Прочіе же Поляки, исключая королевскаго посланника, 31 мая были разосланы по темницамъ въ разные города: въ Новгородъ, Переславль, Ростовъ, Галичъ, Кострому, Бѣлоозеро, Вологду; тамъ они сидѣли на хлѣбѣ и водѣ и отдали за половинную цѣну все свое серебро, спасенное отъ грабителей, чтобы не умереть съ голода. Наконецъ Димитрій II освободилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

1606. Описавъ выше смерть боярина Басманова, допросъ и убіеніе царя Димитрія, бѣдствіе Поляковъ, всѣ ужасы мятежа, безпрерывный звонъ, непрестанную тревогу, разскажу теперь, что сдѣлали Русскіе съ своими жертвами. Обнаженныя тѣла побитыхъ Поляковъ двое сутокъ лежали на улицахъ; тамъ терзали ихъ псы и площадные лекари, которые вырѣзывали изъ труповъ жиръ. Наконецъ высокоименитые бояре велѣли подобрать остатки тѣлъ, вывезти за городъ и бросить въ Божій домъ.

Бѣдные Поляки заключили праздникъ совсѣмъ не такъ, какъ начали: начали пиръ слишкомъ весело, а кончили чрезъ мѣру печально. Димитрій же и Басмановъ не удостоились чести пролежать во дворцѣ до вечерни: какъ скоро затихъ мятежъ, неистовая чернь, привязавъ къ ногамъ ихъ веревки, потащила обнаженные трупы кругомъ всего дворца, чрезъ ворота Іерусалимскіе, на площадь, гдѣ находятся суконныя лавки: тамъ положили царя на столъ, а Басманова на скамью, такъ, что ноги Димитрія лежали на груди его любимца. Между тѣмъ пришелъ изъ дворца одинъ бояринъ, бросилъ царю на животъ маску, на грудь волынку, а въ ротъ всунулъ дудку, и притомъ сказалъ: «Долго мы тѣшили тѣбя, к.... с.... и обманщикъ! Теперь самъ насъ позабавь!» Другіе же бояре и граждане, приходившіе смотрѣть убитыхъ, сѣкли трупъ Самозванца плетьми, приговаривая: «Сгубилъ ты наше царство, разорилъ казну, дорогой пріятель Нѣмцевъ!» А бабы Московскія, безстыдно ругаясь надъ тѣломъ Димитрія, поносили царицу такими словами, что и сказать не возможно. Басманову было легче: съ дозволенія бояръ, Иванъ Голицынъ, сводный братъ умершаго, взялъ съ площади трупъ его и 18 мая похоронилъ подлѣ его сына, за Англійскимъ подворьемъ. Димитрій же трое сутокъ оставался на площади и былъ предметомъ ругательствъ.

Въ третью ночь, около стола показался свѣтъ: когда часовые хотѣли подойти, свѣтъ исчезалъ; и снова являлся, какъ скоро удалялись. Испуганные такимъ явленіемъ, они тотчасъ донесли о томъ высокимъ господамъ, которые на другое же утро приказали отвезти

тѣло въ Божій домъ, за Серпуховскіе ворота. Когда везли его, под- 1606.
нялась ужасная буря, но не во всемъ городѣ, а только по дорогѣ въ Божій домъ, и едва миновали ворота на Кулишкѣ, самые внѣшніе, съ тремя башнями, вихрь сорвалъ съ одной башни кровлю и повалилъ деревянную стѣну до Калужскихъ воротъ. Потомъ сдѣлалось чудо въ Божіемъ домѣ, куда бросили тѣло Димитрія вмѣстѣ съ другими мертвецами: утромъ оно очутилось при входѣ; близъ него сидѣли два голубя, которые тотчасъ улетали, если кто либо приближался, и опять садились на трупъ, когда никого не было. Бояре приказали завалить мертвеца землею; но онъ не долго оставался въ могилѣ: 17 мая нашли его на другомъ кладбищѣ, далеко отъ Божіяго дома. Ужасъ напалъ на всѣхъ жителей Москвы: одни считали Димитрія необыкновеннымъ человѣкомъ, другіе діаволомъ, морочившимъ людей; иные же чернокнижникомъ, научившимся адскому искусству у Лапландцевъ, которые велятъ убивать себя и послѣ оживаютъ. Наконецъ 28 мая рѣшились его сжечь, и пепелъ развѣяли по воздуху.

Уже въ первый день мятежа, Поляки распустили молву, что умерщвленъ былъ не Димитрій, а простой Нѣмецъ, на него похожій: это сказка, которою Поляки думали со временемъ воспользоваться. Сочинитель сей книги, знавъ Димитрія лично и видѣвъ его мертвымъ, можетъ увѣрить, что Русскіе умертвили и сожгли того самаго человѣка, который правилъ государствомъ, и который уже не воскреснетъ. Пусть явятся еще трое Самозванцевъ подъ именемъ Димитрія: всѣ они будутъ обманщики.

Димитрій отличался многими превосходными качествами и необычайною храбростію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ и важные недостатки: былъ очень безпеченъ и высокомѣренъ; за что, безъ сомнѣнія, навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Гордость его была такъ безпредѣльна, что онъ приходилъ въ ярость, когда получалъ свѣдѣнія объ измѣнѣ Москвитянъ; затмѣвая пышностію всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ величалъ себя именемъ царя царей. [83] Тѣлохранители должны были становиться на колѣни, когда выходилъ

1606. къ нимъ царь, или являлась царица: и Богу такую честь не всегда изъявляютъ! Надъ нимъ-то сбылось изрѣченіе пророка Исаіи: *Высоціи укоризною сокрушатся, и высоціи смирятся.*

Заключенная царица не могла, безъ слезъ раскаянія, вспомнить о своемъ высокомѣріи и неблагодарности къ Богу, который возвелъ ее, дочь простаго пана, на столь высокую степень; посему приписывая и свое несчастіе, и бѣдствіе супруга этому грѣху, она дала обѣтъ никогда не быть высокомѣрною, какъ скоро получитъ свободу. Да исполнитъ Богъ, ради Христа Спасителя, ея желаніе! Аминь.

Не худо было бы всѣмъ государямъ заглядывать въ это трагическое зеркало, и замѣтивъ въ себѣ подобный недостатокъ, заранѣе исправлять его, не дожидаясь гнѣва Божія. Справедливо говоритъ пословица: что было разъ, случится и въ другоредь.

Разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи, котораго одни признаютъ сыномъ царя Іоанна Васильевича, а другіе иноземцемъ, побудило меня развѣдать истину.

1. Однажды просилъ я Басманова убѣдительно сказать мнѣ: имѣетъ ли всемилостивѣйшій государь нашъ законное право на Русскій престолъ? Басмановъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, отвѣчалъ мнѣ, по довѣренности, слѣдующее: «Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе государи; молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный царевичъ, однакожъ государь нашъ: мы ему присягнули; да и лучшаго царя найти не можемъ».

2. Такимъ же образомъ открылъ мнѣ правду одинъ аптекарь, служившій лѣтъ 40 сперва старому тирану, потомъ сыну его, послѣ того Годунову и наконецъ Димитрію: онъ зналъ хорошо юнаго царевича, имѣвъ случай видѣть его ежедневно. Аптекарь увѣрялъ меня, что Димитрій не сынъ Іоанновъ; что царевичъ былъ похожъ на свою мать, Марію Ѳеодоровну, а царь ни мало съ нею не сходствуетъ.

3. То же самое говорила мнѣ одна благородная Ливонка, взятая въ плѣнъ Іоанномъ и въ послѣдствіи освобожденная въ 1611

году. Она была повивальною бабкою старой царицы и находилась 1606.
при Дворѣ безотлучно, воспитывая царевича.

4. Вскорѣ по убіеніи Димитрія, я отправился въ Угличъ, съ Нѣмецкимъ купцомъ Берндтомъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути, въ одной деревнѣ, мы встрѣтили стопятилѣтняго старца, служившаго въ Угличѣ дворцовымъ сторожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ государѣ, мы просили его неотступно объяснить намъ, дѣйствительно ли царь былъ сынъ Іоанновъ? Старикъ, убѣжденный нашимъ обѣщаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ съ своего мѣста и, перекрестившись, сказалъ: «Убитъ государь весьма храбрый; въ теченіе одного года онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдей. Умертвивъ его, Москвитяне поступили очень неблагоразумно: ибо сами возвели его на престолъ; конечно онъ не всегда наблюдалъ наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать осторожнѣе. Онъ былъ человѣкъ разумный; однако не сынъ Іоанна Васильевича: тотъ зарѣзанъ въ Угличѣ, уже 17 лѣтъ, и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я самъ видѣлъ его мертваго, лежавшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ князей и бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счастливѣе!»

5. Многіе Поляки увѣряютъ, что Димитрій былъ побочный сынъ короля Стефана Баторія. Предводитель Польскихъ войскъ, осаждавшихъ Троицкій монастырь, Янъ-Петръ Сапѣга однажды за столомъ выхваляя храбрость Поляковъ и доказывая, что они превосходили ею самыхъ Римлянъ, между прочимъ говорилъ: «За три года предъ симъ, вооруженною рукою мы посадили на Русскій престолъ бродягу, подъ именемъ сына царя Іоанна Грознаго; теперь въ другой разъ даемъ Русскимъ новаго царя и уже завоевали для него половину государства: онъ также будетъ называться Димитріемъ. Пусть ихъ лопнутъ съ досады: оружіемъ и силою мы сдѣлаемъ, что хотимъ!» Я самъ это слышалъ.

6. Въ Угличѣ князья и бояре вообще не любили юнаго царевича, потому что въ немъ, еще отрокѣ, обнаруживались признаки

1606. жестокосердія; люди же незначительные не могли похитить его изъ дворца.

7. Русскіе, особливо знатнаго рода, согласятся скорѣе уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли; развѣ царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское; что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, не вѣрующіе въ истиннаго Бога; что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ. Но если бы Русскіе ввѣрились иностранцамъ, многія высокія особы спасли бы и себя, и дѣтей, и имѣніе отъ бѣдствій войны долголѣтней. Они этаго не сдѣлали, полагаясь на защиту св. Николы; такъ пусть ихъ терпятъ все, что онъ имъ ни посылаетъ! Изъ вышесказаннаго очевидно, что Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а иноземецъ; Русскіе же признали его царевичемъ только для того, чтобы свергнуть осторожнаго Бориса, котораго иначе не льзя было бы низложить съ престола. [84]

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

1606.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Отвѣтъ короля. Крамолы. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Чудеса Измѣна и бѣгство князя Шаховскаго. Волненіе въ Путивлѣ. Начало войны междоусобной. Пораженіе царскаго войска. Честь праху Бориса Годунова. Бѣдствіе царевны Ксеніи.

Въ осьмой день по смерти Димитрія, т. е. 24 мая 1606 года, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый, коего голова за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ лежала на плахѣ, возведенъ былъ на царскій престолъ. Не всѣ чины земскіе избрали его государемъ: многіе изъ нихъ вовсе ничего не вѣдали; ему поднесли корону одни только жители Москвы, вѣрные соучастники въ убіеніи Димитрія, купцы, сапожники, пирожники и немногіе бояре. Когда же

патріархъ со всѣмъ духовенствомъ короновалъ его, и всѣ жители 1606.
Москвы, Русскіе и Нѣмцы, дали присягу въ вѣрности; тогда уже разослали по всей Россіи указы, въ коихъ предписано было народу слѣдовать примѣру столицы.

Первымъ дѣломъ новаго царя было объясниться съ королемъ Польскимъ. Желая узнать, что побудило Польшу къ нарушенію мира, Шуйскій отправилъ къ Сигизмунду посла съ значительными дарами, просилъ его величество запретить подданнымъ безпокоить набѣгами Русскіе предѣлы, изъявлялъ готовность жить въ добромъ согласіи, какъ было прежде, и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на Поляковъ, которые, пріѣхавъ въ Россію съ воеводою Сендомирскимъ, позволяли себѣ столь наглые поступки и такъ озлобили народъ, что граждане возстали на своихъ оскорбителей. «Впрочемъ» присовокупилъ Шуйскій «хотя въ день мятежа погибло много Поляковъ, но воевода Сендомирскій, подъ моею защитою, остался невредимъ».

Король съ своей стороны, ласково привѣтствуя Шуйскаго, просилъ отпустить въ Польшу его посланника, бывшаго при Димитріи. «Что же касается до убитыхъ Поляковъ», писалъ Сигизмундъ «не мое дѣло требовать возмездія. Поляки народъ вольный, располагаютъ собою, какъ хотятъ, и если нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавъ въ Москву съ воеводою Сендомирскимъ, на свадьбу его дочери, пострадали отъ собственнаго неблагоразумія, это дѣло до меня не относится. Впрочемъ не могу также отнять права мести у родственниковъ и друзей ихъ, если они захотятъ имъ воспользоваться». Въ заключеніе присовокупилъ, что царскіе дары ему ненужны; отослалъ ихъ назадъ; просилъ только поскорѣе отпустить посланника.

Шуйскій, исполняя желаніе Сигизмунда, дозволилъ послу выѣхать изъ Россіи; но прочіе Поляки были задержаны: ихъ бросали изъ одной темницы въ другую. Между тѣмъ, царь, стараясь очистить городъ православный отъ нехристей (такъ называютъ Москвитяне всѣхъ вообще иноземцевъ), 23 іюня выгналъ изъ столицы четырехъ медиковъ, навлекшихъ на себя его подозрѣніе короткимъ знакомствомъ съ Поляками, оставивъ при себѣ одного Давида Вас-

1606. мера, не имѣвшаго съ этими врагами никакой дружбы; онъ принятъ ко дворцу и сдѣланъ лейбъ-медикомъ.

Въ тоже время распространилась молва, будто бы царь Димитрій спасся отъ смерти и своихъ гонителей: Русскіе были въ недоумѣніи. Шуйскій спѣшилъ убѣдить народъ какъ въ самозванствѣ своего предшественника, такъ и въ неосновательности новыхъ толковъ; для того 30 іюня послалъ въ Угличъ за прахомъ царевича; а между тѣмъ, велѣлъ умертвить тамъ десятилѣтняго поповскаго сына, положить его въ гробъ и привести въ Москву; самъ встрѣтилъ тѣло мнимаго Димитрія съ боярами, священниками, монахами, съ крестами и хоругвями,проводилъ его въ церковь, и велѣлъ объявить народу, что покойный царевичъ въ молодости безвинно пострадавшій, есть святой мученикъ: ибо тѣло его, преданное землѣ еще за 17 лѣтъ, нынѣ такъ свѣжо, какъ будто онъ только вчера скончался; самые орѣхи, бывшіе въ рукѣ его предъ смертію, до сихъ поръ цѣлы; платье не истлѣло и гробъ не согнилъ. Всякъ, кто хотѣлъ видѣть угодника, могъ приходить въ дворцовую церковь. Между тѣмъ нѣсколько здоровыхъ людей, подкупленныхъ Шуйскимъ, притворяясь хворыми, хромыми, слѣпыми, ковыляли и приползали къ тѣлу Димитрія съ мольбою послать имъ исцѣленіе — и, о чудо! безногіе вдругъ пошли, слѣпые прозрѣли! Тѣ и другіе утверждали, что царевичъ подалъ имъ помощь; а глупая чернь слушала ихъ съ благоговѣніемъ, и до такой степени вдалась въ суевѣріе, что Богъ, разгнѣванный обманомъ, наказалъ виновныхъ: одинъ мнимый слѣпецъ, умолявшій Димитрія о зрѣніи, дѣйствительно ослѣпъ; а другой обманщикъ, принесенный къ святому, какъ разслабленный, умеръ. Наконецъ даже дѣти примѣтили, что всѣ эти чудеса были только безстыднымъ обманомъ. Тогда Шуйскій приказалъ церковь запереть и никого въ нее не впускать, объявивъ, что народъ, не давая царевичу покоя, прогнѣвалъ его.[85]

Князь Григорій Шаховской, въ день мятежа, похитивъ золотую государственную печать, удалился въ Путивль съ двумя Поляками, одѣтыми въ Русское платье. Переправясь чрезъ Оку, близъ Серпу-

хова, онъ далъ перевозчику 6 Польскихъ злотыхъ и спросилъ его: 1606.
«Знаешь ли, пріятель, кто мы?» «Почему мнѣ знать!» отвѣчалъ перевозчикъ. «Такъ слушай!» сказалъ Шаховской «только никому «не говори: ты перевезъ Димитрія, царя Всероссійскаго. Вотъ онъ «(указавъ на одного Поляка), вотъ, нашъ юный, храбрый царь, кото- «раго Москвитяне хотѣли убить! Онъ спасся и, съ Божіею помо- «щію, приведетъ войско изъ Польши, а тебя сдѣлаетъ большимъ «человѣкомъ»

Такую же сказку слышала въ Серпуховѣ одна Нѣмка вдова, у которой Шаховской обѣдалъ; давъ ей горсть денегъ, князь примолвилъ: «Вотъ тебѣ, хозяйка, на медъ и пиво! Скоро мы сюда возвратим- «ся съ сильною ратью, и вы, Нѣмцы, тогда будете счастливы». Когда же Нѣмка сказала: «Что за странные рѣчи? Кто вы»? Шаховской отвѣчалъ: «Я князь: ѣду изъ Москвы, и скажу тебѣ: ты угощала «царя Димитрія! Москвитяне хотѣли его убить; но обманулись: «убитъ другой человѣкъ, а Димитрій спасся». Съ этимъ словомъ, бѣглецы пустились въ дорогу къ Путивлю; на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, они сказывали ту же басню, и притомъ такъ искусно, что всѣ Русскіе, отъ Москвы до Польской границы, начали вѣрить молвѣ о спасеніи Димитрія.

Достигнувъ Путивля, оба Ляха разлучились съ княземъ Шаховскимъ, перешли за границу и, давъ знать супругѣ воеводы Сендомирскаго о происшествіяхъ Московскихъ, увѣдомили ее, что одинъ князь, которому они обязаны спасеніемъ, взялся отмстить за смерть своего государя. Между тѣмъ Шаховской, открывъ затайну жителямъ Путивля, что Москвитяне хотѣли умертвить Димитрія и перебили всѣхъ его Поляковъ, но что самъ онъ удалился къ тещѣ своей въ Польшу, откуда возвратится съ новыми силами и отмститъ измѣнникамъ, убѣждаетъ народъ не оставлять государя и помочь ему въ благомъ предпріятіи. Путивльцы съ радостью услышали такую вѣсть: немедленно призвали нѣсколько тысячъ казаковъ, назначили воеводою Истому Пашкова и поручили ему привести къ присягѣ окрестные города: вездѣ, куда ни приходилъ

1606. Пашковъ, жители изъявляли готовность служить Димитрію, и на пространствѣ 400 верстъ, до самаго Ельца, всѣ присягнули ему съ радостію.[86]

Свѣдавъ о томъ, Шуйскій ужаснулся и спѣшилъ собрать войско; а для лучшаго успѣха, распустилъ молву, что Крымскіе Татары, въ числѣ 50,000 человѣкъ, напали на Россію, полонили многія тысячи христіанъ, и уже идутъ къ Ельцу. Въ слѣдствіе чего, войско цареубійцы приблизилось къ сему городу въ августѣ мѣсяцѣ 1606 года; но къ удивленію, встрѣтило тамъ, вмѣсто Татаръ, земляковъ своихъ, князей, бояръ и казаковъ Путивльскихъ. Обѣ стороны сразились: Москвитяне разбиты были наголову и отступили къ столицѣ. Путивльцы, захвативъ многихъ плѣнниковъ, поносили ихъ такими словами: «Вы думаете, к.... д.... «съ своимъ шубникомъ (такъ называли Шуйскаго) умертвить го- «сударя, перебить его людей и упиться ихъ кровію: пейте же воду, «бездѣльники, и трескайте свои блины! Царь проучитъ васъ за «кровопійство; пусть только придетъ войско его изъ Польши!» Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, избитые плетьми до полусмерти, получили свободу; но едва пришли въ Москву, съ непріятною для царя и причета его вѣстію, были заключены въ темницы и тамъ погибли.

Шуйскій, узнавъ о пораженіи своего войска, велѣлъ объявить народу, что Поляки, поддерживая Самозванца, низринули Россію въ бездну злополучія, истощили казну, обагрили землю кровію христіанскою, погубили царя Бориса Ѳеодоровича съ сыномъ и супругою; нынѣ измѣнники снова разглашаютъ, что Димитрій не убитъ, а спасся бѣгствомъ: но это ложь очевидная; если бы даже молва была справедлива, во всякомъ случаѣ Димитрій есть обманщикъ, затѣявшій ввести въ государство поганую вѣру.

Кромѣ того, думая тронуть народъ жалостнымъ зрѣлищемъ, царь Василій Ивановичъ приказалъ вырыть изъ могилы тѣла Бориса Годунова, сына и жены его, лежавшія въ одной бѣдной обители 15 мѣсяцевъ, и похоронилъ въ Троицкомъ монастырѣ съ царскимъ великолѣпіемъ; тѣло Борисово несли 20 монаховъ; супру-

гу же и сына его по 20 бояръ. Вельможи, иноки, священники, 1606.
провождали усопшихъ пѣшкомъ до Троицкихъ воротъ: тамъ сѣвъ на коней, а гробы поставивъ на сани, отвезли ихъ въ монастырь съ торжественною тишиною. Позади ѣхала въ закрытыхъ саняхъ единородная дочь Годунова Ксенія, испуская жалобные вопли: «Горе мнѣ, злосчастной сиротѣ! Злодѣй погубилъ весь родъ мой, «отца, мать и брата; самъ онъ въ могилѣ, но и мертвый онъ тер- «заетъ царство Русское. Суди его, Боже!»

Всѣ вообще Русскіе жалѣли о Борисѣ и охотно согласились бы видѣть его на престолѣ; но уже поздно: вольно же имъ было покидать его въ жертву Самозванцу; пусть-пеняютъ сами на себя. Правду говоритъ пословица: старый другъ лучше новыхъ двухъ.

ГЛАВА VIII.

1607—1608.

Пашковъ подъ Москвою. Болотниковъ. Свиданіе его съ новымъ Самозванцемъ. Измѣна Калуги. Лжепетръ вступаетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Вѣроломство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Стародубѣ. Взятіе Тулы. Твердость Болотникова. Неудачи Васильевы. Лжедимитрій подъ Брянскомъ и Болховымъ. Битвы. Предатель Ламсдорфъ. Димитрій подъ Москвою. Марина въ его рукахъ. Недоумѣніе столицы. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ.

Путивльскій воевода Истома Пашковъ въ августѣ мѣсяцѣ двинулся на Москву, покоряя на пути до самой Коломны всѣ города и села Димитрію безъ всякаго сопротивленія. Ставъ лагеремъ въ семи верстахъ отъ столицы, при деревнѣ Котлахъ, онъ требовалъ, чтобы жители Московскіе признали Димитрія своимъ государемъ и выдали измѣнниковъ, Шуйскихъ. Многіе изъ обитателей Москвы, Русскіе и иностранцы, не имѣя надежды на спасеніе, удалились изъ города.

Вскорѣ послѣ Мартинова дня, Истома Пашковъ соединился съ опытнымъ витяземъ, Иваномъ Исаевичемъ Болотниковымъ, который пришелъ къ нему на помощь чрезъ Калугу изъ Камарницкой волости, лежащей между Орломъ и Путивлемъ. Всѣ города, бывшіе на пути его, также присягнули Димитрію. Болотниковъ ро-

1606. домъ былъ Русскій;[87] увезенный въ молодости Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ работалъ на галерѣ, какъ невольникъ; въ послѣдствіи, при помощи Нѣмцевъ, получивъ свободу, отправился въ Венецію, гдѣ услышалъ о странныхъ явленіяхъ въ своемъ отечествѣ и спѣшилъ пробраться въ Польшу; тутъ узналъ онъ, что царь Димитрій, убѣжавъ отъ кровожадныхъ Москвитянъ, скрывается у супруги воеводы Сендомирскаго. Чрезъ нѣсколько времени, Болотникова схватили и представили мнимому Димитрію, который, распрашивая его о родѣ и племени, замѣтилъ въ немъ опытность и предложилъ ему итти противъ измѣнниковъ. Болотниковъ съ радостію согласился пожертвовать жизнію за царя своего. «Теперь я не могу еще наградить тебя», сказалъ Самозванецъ; «на первый разъ возьми эту шубу, саблю и 30 червонныхъ. А это письмо вручи въ Путивлѣ князю Григорію Шаховскому; онъ дастъ тебѣ денегъ изъ казны моей и войско. Скажи ему, что ты видѣлъ меня здѣсь и говорилъ со мною».

Жители Путивля приняли Болотникова съ радостію и охотно вѣрили его разсказамъ, будто бы онъ проливалъ кровь свою за Димитрія и потерялъ все, что имѣлъ. Могли ль сомнѣваться въ этой сказкѣ тѣ люди, которые недавно повѣрили князю Шаховскому?

Болотниковъ, въ слѣдствіе письменнаго и словеснаго повелѣнія Лжедимитріева, получивъ званіе большаго воеводы, съ 12,000 отрядомъ[88] отправился чрезъ Камарницкую волость къ Москвѣ и вмѣстѣ съ Пашковымъ осадилъ столицу. Они однакожъ поссорились: Болотниковъ, избранный воеводою самимъ царемъ, не хотѣлъ быть подъ начальствомъ Пашкова, избраннаго Шаховскимъ; прогналъ его и остался главнымъ полководцемъ. Пашковъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, завелъ переговоры съ царемъ Василіемъ, получилъ отъ него знатные подарки и, явившись въ Москвѣ съ боярами Касимовскими и Рязанскими, среди бѣлаго дня, объявилъ всенародно, что въ Путивлѣ никто не видалъ Димитрія, что о спасеніи и бѣгствѣ его въ Польшу распустилъ слухъ князь Шаховской; но справедлива ли эта молва, ему, Пашкову, неизвѣстно.

Москвитяне отправились въ лагерь Болотникова съ требованіемъ 1606.
показать имъ царя Димитрія. «Мы готовы присягнуть ему», говорили они, «если только царь твой истинный Димитрій». «Царь въ Польшѣ», отвѣчалъ Болотниковъ; «я видѣлъ его своими глазами; онъ скоро сюда будетъ и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить о томъ». «Нѣтъ!» возразили Москвитяне, «это не царь, а обманщикъ: мы сами убили Димитрія. Не проливай крови напрасно, покорись государю; онъ сдѣлаетъ тебя знатнымъ господиномъ!» Болотниковъ отвергъ предложеніе. «Давъ клятву царю», говорилъ онъ «жертвовать за него самою жизнію, я сдержу свое слово и не буду бездѣльникомъ, подобно Пашкову. Вы заботитесь о своей пользѣ: я не менѣе думаю о собственной, еще болѣе о государѣ. Пдите: мы скоро увидимся!»

Послѣ того онъ отправилъ гонца къ князю Шаховскому, съ просьбою, какъ можно скорѣе доставить царя изъ Польши: «Я довелъ Москвитянъ до того», писалъ Болотниковъ, «что они готовы предаться Димитрію, лишь только увидятъ его. Царь долженъ пріѣхать одинъ, безъ войска: народъ и безъ того выдастъ ему измѣнника Шуйскаго». Но тотъ, кого Шаховской именовалъ Димитріемъ и отъ кого получилъ онъ въ Путивлѣ письма, не хотѣлъ вѣрить извѣстію, жилъ въ Польшѣ богатымъ паномъ, и не искалъ престола, предоставивъ право спорить объ немъ кому угодно.[89]

И такъ не видя мнимаго Димитрія, разувѣренные Москвитяне ежедневно дѣлали вылазки; наконецъ самъ Шуйскій повелъ 100,000 на враговъ: множество побилъ, 10,000 взялъ въ плѣнъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Отступивъ къ Серпухову, Болотниковъ сказалъ жителямъ крѣпости, что если они согласятся довольствовать его войско въ продолженіе года, онъ останется съ ними; въ противномъ случаѣ долженъ будетъ удалиться. Ему отвѣчали, что въ Серпуховѣ и самимъ нечего ѣсть. Тогда онъ отступилъ далѣе, въ Калугу, на 36 миль отъ Москвы, городъ обильный съѣстными припасами. Калужане, въ угожденіе царю Димитрію, приняли его защитника дружелюбно.

*

1607. Болотниковъ обвелъ Калугу тыномъ съ двойнымъ рвомъ и выдержалъ осаду съ 30 декабря 1606 года по 3 мая 1607; но какъ Димитрій все еще не являлся, ибо въ Польшѣ не было охотниковъ итти на вѣрную смерть, то князь Григорій Шаховской выдумалъ новое средство и безъ Польскаго Димитрія поработить Москвитянъ. Степные казаки увѣдомили его, что сынъ слабоумнаго царя Ѳеодора, Петръ, едва спасенный отъ Годунова еще въ младенчествѣ, и нашедшій убѣжище въ ихъ степяхъ, желаетъ повидаться съ дядею своимъ Димитріемъ, въ намѣреніи испросить себѣ удѣлъ для приличнаго мѣстопребыванія. Шаховской, имѣя въ рукахъ Димитріеву печать, написалъ отъ имени государя къ царевичу Петру граммату, въ коей просилъ набрать казаковъ какъ можно болѣе, и привести ихъ въ Путивль, для покоренія Россіи, съ тѣмъ, что царевичъ будетъ управлять престоломъ до прибытія Димитрія изъ Польши. Такъ онъ предавалъ въ руки Петра прекраснѣйшее царство![90]

Петръ привелъ въ Путивль, на помощь дяди своему Димитрію, 10,000 человѣкъ; отсюда онъ отправился къ Тулѣ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, который рѣшился возвести его на Русскій престолъ, если Богъ поможетъ имъ одолѣть Москвитянъ, и никто не вздумаетъ пріѣхать изъ Польши, чтобы выдать себя за Димитрія; впрочемъ все дѣлалъ и говорилъ именемъ царя, который давно былъ въ могилѣ.

Въ томъ же году Карлъ герцогъ Шведскій, желая предостеречь Василія Шуйскаго, увѣдомилъ его чрезъ нарочнаго посланника,[91] что король Польскій и папа Римскій умышляютъ злое на Россію, что опасность, грозящая Русскому царству, обратится и на Швецію; почему, предостерегая своего любезнаго сосѣда, герцогъ изъявлялъ готовность выслать къ Новгороду въ пособіе 10,000 воиновъ Шведскихъ или Нѣмецкихъ, если царь согласится содержать ихъ на счетъ своей казны. Шуйскій не принялъ предложенія и отвѣчалъ герцогу, что Россія всегда умѣла собственными силами управляться съ врагами, безъ помощи сосѣдей,

и никогда искать ея не будетъ. Однако онъ ошибся въ своемъ 1607.
расчетѣ; послѣ и самъ искалъ защитниковъ въ Швеціи, да уже поздно: пришелъ наконецъ Делагарди; но призвать его стоило царю большихъ трудовъ и издержекъ. Не даромъ говоритъ пословица: куй желѣзо, пока горячо.

Между тѣмъ, легкомысленный Нѣмецъ, именемъ Фридрихъ Фидлеръ, родомъ изъ Кёнигсберга, явился къ Василію Шуйскому съ предложеніемъ избавить его и Россію отъ Болотникова ядомъ, если только будетъ награжденъ помѣстьями и деньгами. Шуйскій, давъ Фидлеру на первый разъ 100 талеровъ и коня, объявилъ, что онъ получитъ въ награду 100 душъ крестьянъ и 300 талеровъ ежегоднаго оклада, если сдержитъ свое слово и присягнетъ въ непремѣнномъ исполненіи своего обѣщанія: царь не совсѣмъ вѣрилъ ему, какъ извѣстному хвастуну и обманщику. Легкомысленный Фидлеръ произнесъ такую клятву, что у всякаго, кто слышалъ ее, дыбомъ становились волосы. Потомъ взялъ деньги, отправился въ Калугу, и вручилъ Болотникову ядъ, въ присутствіи многихъ людей, объявивъ, что это подарокъ Василія Шуйскаго, и что воевода можетъ употребить его какъ хочетъ. Болотниковъ осыпалъ его наградами; но клятвопреступникъ, продавъ душу свою дьяволу и обезславивъ имя Нѣмцевъ, мало выигралъ: потерялъ все имущество, ни въ чемъ не находилъ утѣшенія; самый видъ его сдѣлался страшнымъ и дикимъ; въ послѣдствіи онъ попался въ руки Шуйскаго и былъ сосланъ въ Сибирь. Вотъ его клятва:

«Во имя пресвятой и преславной Троицы, во имя предвѣчнаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа святаго, я, Фридрихъ Фидлеръ, даю сію клятву въ томъ, что хочу погубить ядомъ врага царю Василію Ивановичу и всему царству Русскому, Ивана Болотникову; если же того не исполню и обману моего государя, да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отрпнетъ меня навѣки отъ своего милосердія единородный сынъ Божій Іисусъ Христосъ, кровь свою за насъ проліявшій; да не будетъ подкрѣплять душу мою сила св. Духа; да покинутъ меня всѣ ан-

1607. гелы, христіанъ охраняющіе. Пусть обратятся во вредъ мнѣ стихіи міра сего, созданныя на пользу человѣка; пусть земля поглотитъ меня живаго; да будутъ земныя произрастенія мнѣ отравою, а не пищею; да овладѣетъ тѣломъ и душею моею діаволъ. Если даже духовный отецъ разрѣшитъ меня отъ клятвы, которую исполнить я раздумалъ бы, да будетъ таковое разрѣшеніе недѣйствительно. Но нѣтъ! я сдержу свое слово и симъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божію помощь и св. Евангеліе».

1 мая 1607 года, царевичъ Петръ выслалъ изъ Тулы войско на помощь Калугѣ, уже давно осаждаемой Москвитянами. Царскіе воеводы отправили противъ этаго отряда нѣсколько тысячъ человѣкъ; враги встрѣтились на Пчельнѣ и сразились. Москвитяне, разбитые на голову, съ ужасомъ прибѣжали въ окопы свои подъ Калугу. На другой день Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и такъ перепугалъ царское войско, что, кинувъ всѣ орудія, всѣ военные снаряды, всѣ жизненные припасы, оно бросилось къ Москвѣ; а побѣдитель, избавившись отъ осады, перешелъ къ Петру въ Тулу.

Шуйскій однако ободрился, хотѣлъ овладѣть городомъ, гдѣ собрались главные мятежники, и отправилъ всю рать свою къ Серпухову. Узнавъ о такомъ намѣреніи, царевичъ Петръ, князь Шаховской и Болотниковъ спѣшили врагамъ на встрѣчу и сразились съ ними подъ Серпуховымъ; битва была упорная; Москвитяне разбѣжались бы навѣрное, еслибъ одинъ изъ Тульскихъ воеводъ не передался на ихъ сторону съ 4,000 человѣкъ. Эта измѣна ужаснула сподвижниковъ Петра: они оставили поле сраженія и возвратились въ Тулу. Послѣ кратковременнаго отдыха, мятежники опять выступили на встрѣчу Василію Ивановичу, который уже приближался къ этому городу; но какъ царское войско несравненно было многочисленнѣе, простираясь до 100,000 человѣкъ, то они возвратились въ крѣпость. Царь, въ іюнѣ мѣсяцѣ окруживъ Тулу со всѣхъ сторонъ, приказалъ запрудить въ полумили отъ города, рѣку Упу, среди его протекающую. Вода остановилась и наполнила всѣ улицы, по коимъ можно было ѣздить только на

паромахъ; [92] между тѣмъ пресѣкся подвозъ съѣстныхъ припасовъ 1607.
и насталъ голодъ: жители начали ѣсть собакъ, кошекъ, стерву, лошадей и воловьи кожи; дороговизна была страшная: за бочку ржаной муки платили 100 гульденовъ; пива не было и въ поминѣ; голодъ погубилъ многихъ. Напрасно Болотниковъ нѣсколько разъ писалъ въ Польшу, къ тому, кто отправилъ его въ Россію, съ просьбою поспѣшить на помощь: Димитрій не являлся.

Наконецъ казаки и всѣ граждане Тульскіе, разувѣренные въ молвѣ о спасеніи Димитрія, рѣшились выдать царю Василію главныхъ виновниковъ обмана, князя Шаховскаго и Болотникова; послѣдній не терялъ мужества и сказалъ недовольнымъ: «Когда пріѣхалъ я изъ Венеціи въ Польшу, молодой человѣкъ, лѣтъ 24 или 25, призвалъ меня и объявилъ, что онъ Димитрій, бѣжавшій изъ Москвы во время бунта. Я далъ ему клятву въ вѣрности и сдержу мое слово. Не знаю, точно ли онъ Димитрій, коего видѣть въ Москвѣ мнѣ не случалось; но люди, знавшіе царя, увѣряютъ, что тотъ человѣкъ на него похожъ».

Болѣе всего негодовали на князя Шаховскаго, который разгласилъ, будто бы Димитрій бѣжалъ съ нимъ изъ Москвы; посадили его подъ стражу, съ угрозною выдать, какъ виновника войны, Василію Шуйскому, если не явится Димитрій. Наконецъ Болотниковъ далъ Поляку Ивану Мартиновичу Заруцкому порученіе развѣдать, что случилось съ тѣмъ, который называлъ себя Димитріемъ, и будетъ ли онъ въ Россію, или нѣтъ. Заруцкій доѣхалъ до Стародуба, остался тамъ и ничего не отвѣчалъ.

Не имѣя свѣдѣній отъ Заруцкаго, Болотниковъ и Шаховской отправили въ Польшу другаго гонца: то былъ казакъ; онъ переплылъ Упу, достигъ Польши и увѣдомилъ друзей воеводы Сендомирскаго, что если никто изъ нихъ не согласится выручить осажденныхъ изъ бѣды неминуемой; то всѣ города, покоренные во имя Димитрія, будутъ преданы его величеству королю Польскому, лишь только бы не достались они Шуйскому. Друзья воеводы Сендомирскаго тотчасъ приступили къ дѣлу; сыскали въ Бѣло-

1607. русскомъ городѣ Соколѣ[93] проворнаго молодца, именемъ Ивана, родомъ изъ Россіи: онъ былъ учителемъ у какого-то священника, и хорошо разумѣлъ языкъ Русскій и Польскій. Давъ этому плуту роль Димитрія съ нужными наставленіями, Поляки отправили его въ Путивль съ паномъ Мѣховецкимъ.[94] Жители Путивля съ радостію признали его Димитріемъ. Отсюда обманщикъ въ концѣ іюля пошелъ въ страну Сѣверскую и прибылъ въ Стародубъ съ двумя спутниками, Григоріемъ Кашпецомъ и писаремъ Алексѣемъ; но здѣсь выдавалъ себя не за царя, а за царскаго родственника, Нагаго; говорилъ, что царь недалеко съ паномъ Мѣховецкимъ и многими тысячами всадниковъ; что Стародубцы должны радоваться прибытію государя, который за вѣрную службу осыплетъ ихъ милостями.

Мѣховецкій однакожъ не явился къ назначенному времени; жители Стародубскіе, раздраженные обманомъ, схватили писаря Алексѣя, Григорія Кашпеца, даже мнимаго родственника царскаго, Лжедимитрія II, и повели ихъ къ пыткѣ; начали съ писаря: раздѣли его и стали исписывать ему спину плетьми, допрашивая, живъ ли царь и гдѣ онъ? Къ такому письму писарь не привыкъ. «Пусть будетъ со мной, что Николѣ угодно», размышлялъ онъ, «скажу правду; открою, что этотъ Нагой не родственникъ царя, а «самъ Димитрій». Наконецъ рѣшился и закричалъ: «Пощадите, дайте сказать, гдѣ царь вашъ!» Пытку прекратили. «Дураки!» говорилъ Алексѣй народу, «ну какъ вамъ не грѣшно тиранить меня за государя? Да развѣ не знаете его? Онъ здѣсь; онъ видитъ мою муку: вотъ онъ! Это не Нагой, а царь вашъ. Коли хотите и его погубить съ нами, губите! Для того-то и не открывался онъ, чтобы узнать, будете ли вы рады ему». Тутъ бѣдные простодушные Стародубцы пали предъ Самозванцемъ на колѣни и завопили: «Виноваты, государь; клянемся жить и умереть за тебя!» Его проводили съ почтеніемъ въ царскія палаты. Такимъ образомъ Димитрій, убитый въ Москвѣ, опять явился въ Стародубѣ.

Обрадованный этимъ событіемъ, Иванъ Мартиновичъ Заруцкій,

котораго послали, какъ выше сказано, къ царю изъ Тулы, неме- 1607.
дленно явился къ Самозванцу, представилъ письмо, и хотя съ перваго взгляда замѣтилъ, что Димитрій есть обманщикъ, но въ присутствіи народа, призналъ его своимъ прежнимъ государемъ, котораго впрочемъ никогда не видывалъ. Стародубцы еще болѣе убѣдились въ истинѣ словъ писаря Алексѣя.

Въ тотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими эскадронами Польской конницы. Димитрій тотчасъ отправилъ его освободить Козельскъ отъ осады; а самъ обѣщалъ итти въ слѣдъ, для освобожденія Тулы и Калуги; остался же въ Стародубѣ только для того, чтобы увѣриться въ усердіи народномъ; для чего употребилъ слѣдующую хитрость: Ивану Заруцкому приказано было выѣхать съ копьемъ въ рукахъ за городъ и ожидать тамъ Димитрія, который хотѣлъ состязаться съ нимъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ и въ ристаніи. Какъ скоро соберется народъ на зрѣлище, Заруцкій долженъ былъ ударить въ царя копьемъ по платью, такъ, чтобы онъ свалился съ лошади, будто бы отъ удара, а самъ немедленно ускакать въ городъ и скрыться: все это дѣлалось для того, чтобы видѣть, равнодушно ли перенесетъ народъ паденіе своего государя. Въ слѣдствіе такого условія, царь упалъ съ коня и притворился полумертвымъ; граждане бросились на Заруцкаго съ крикомъ: «лови, держи измѣнника!» схватили его въ воротахъ, изрядно отпочивали дубинами, привели къ царю связаннаго и спрашивали, что прикажетъ дѣлать съ виновнымъ. Димитрій, видя, что бѣдному Заруцкому довольно досталось, отвѣчалъ со смѣхомъ: «Спасибо вамъ, православные! вижу преданность вашу; я цѣлъ и невредимъ. Это была шутка; мы хотѣли испытать васъ.» Стародубцы дивились такой хитрости и смѣялись отъ чистаго сердца; а Заруцкій остался при своихъ побояхъ.

Между тѣмъ, панъ Мѣховецкій прогналъ Москвитянъ отъ Козельска и ожидалъ тамъ своего государя. Димитрій выступилъ 1 августа съ намѣреніемъ освободить Тулу и Калугу; но скоро возвратился къ Самову, узнавъ, что Шуйскій старается склонить

1607. на свою сторону города Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ и разставляетъ ему сѣти. Эти города въ самомъ дѣлѣ поддались Шуйскому и вѣрно поймали бы Самозванца, если бы онъ не успѣлъ удалиться и не ушелъ въ Самовъ, гдѣ жилъ цѣлую зиму, пока не получилъ подкрѣпленія.

Послѣ отпаденія Болхова, Бѣлева и Лихвина, Тула не могла долѣе держаться: голодъ усиливался, вода прибывала; однакожъ осажденные не хотѣли покориться; ждали только пониженія воды, чтобы сдѣлать вылазку и пробиться сквозь непріятелей. Какой-то чародѣй, старый монахъ, изъявилъ Петру и Болотникову готовность прорыть плотину и спустить воду; требовалъ только 100 рублей за услугу. Когда обѣщали ему награду, онъ раздѣлся до-нага и бросился въ воду: вдругъ послышался въ глубинѣ страшный шумъ; монаха не видно было долѣе часу; всѣ думали, что онъ попался въ когти дьяволу. Но чародѣй наконецъ выплылъ, только весь изцарапанный, и на вопросъ, гдѣ онъ такъ долго былъ, отвѣтствовалъ: «Не дивитесь! Мнѣ было довольно дѣла: 12,000 бѣсовъ помогали Шуйскому сдѣлать плотину и запрудить Упу. Съ ними-то я все возился, не щадя себя, какъ вы можете судить по этимъ язвамъ; 6,000 демоновъ я склонилъ на нашу сторону; но прочіе 6,000, самые злобные, не даютъ разрушить плотину: съ ними я не могъ сладить!»

Димитрія все не было; въ Тулѣ утратили послѣднюю надежду на спасеніе; изнуренные голодомъ жители едва могли держаться на ногахъ; наконецъ Петръ и Болотниковъ извѣстили Шуйскаго, что они готовы сдать ему крѣпость, если имъ даровано будетъ помилованіе; въ противномъ случаѣ умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ и скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели сдадутся.

Изумленный Шуйскій отвѣтствовалъ: «Я далъ клятву не щадить никого изъ Тульскихъ жителей; но ваша доблесть и неизмѣнное соблюденіе присяги, хотя и *вору* данной, побуждаетъ меня даровать вамъ жизнь, если только вы согласитесь служить и мнѣ съ тою же вѣрностію». Такія слова Царь подтвер-

дилъ крестнымъ цѣлованіемъ. Тула покорилась 1607 года въ 1607.
день Іуды и Симеона.

Выѣхавъ въ заднія ворота, гдѣ разлитіе воды было не такъ сильно, Болотниковъ явился предъ ставкою Шуйскаго, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, ударилъ челомъ въ землю и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой; служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ (справедливо, или нѣтъ, не знаю: никогда прежде царя я не видывалъ). Я не измѣнялъ своей клятвѣ; но онъ выдалъ меня; я въ твоей власти! Если хочешь головы моей, вели отсѣчь ее этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь, послужу тебѣ столь же вѣрно, какъ и тому, кто оставилъ меня». Шуйскій послалъ его съ княземъ Петромъ и 25 Нѣмцами въ Москву, подъ надзоромъ приставовъ. Нѣмцы могли видѣться съ друзьями своими; но Болотниковъ и Петръ ни съ кѣмъ не имѣли сношенія и находились нѣсколько времени подъ стражею. Василій сдержалъ царское слово такъ свято, какъ только можно ожидать отъ подобныхъ ему людей: князя Петра, который могъ быть истиннымъ царевичемъ,[95] приказалъ повѣсить; Болотникова отправилъ въ Каргополь и заключилъ въ темницу, а потомъ велѣлъ утопить; Нѣмцевъ разослалъ въ Сибирскія степи, на 800 миль отъ Москвы, гдѣ они болѣе 4 лѣтъ, до сего 1612 года, живутъ среди народовъ дикихъ, варварскихъ, не видятъ ни куска хлѣба, питаются только рыбою и мясомъ. Да поможетъ имъ милосердый Богъ, ради Іисуса Христа, освободиться изъ этой неволи! Князь Григорій Шаховской, главный виновникъ войны, счастливо спасся отъ петли, благодаря своей тюрьмѣ: искусному плуту все сходитъ съ рукъ. Казаки и Тульскіе граждане посадили его въ темницу за ложное увѣреніе въ помощи Димитрія; Шуйскій, овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ числѣ ихъ и Шаховскаго, который увѣрилъ царя, что народъ озлобился на него за намѣреніе покориться государю. И такъ грубый обманщикъ получилъ полную свободу; но въ послѣдствіи, при первомъ удобномъ случаѣ, передался Ди-

1607. митрію II и сдѣлался его главнымъ воеводою и вѣрнѣйшимъ совѣтникомъ.

Въ знакъ благодарности за покореніе Тулы, Василій отправился на богомолье въ Троицкій монастырь, въ ненастное осеннее время; усердно молился тамъ св. Сергію, просилъ его заступленія противъ прочихъ враговъ Калужскихъ, Козельскихъ, особливо противъ сопостата Самовскаго, именовавшаго себя Димитріемъ, и далъ обѣтъ въ честь св. Сергія установить въ Троицкой обители празднество, когда смиритъ измѣнниковъ.

Всѣ люди военные, осаждавшіе Тулу, получили дозволеніе отлучиться въ домы для отдыха, до перваго зимняго пути; тѣ же воеводы и ратники, которые стояли подъ Калугою, обязаны были оставаться на службѣ. Царь отправилъ въ сей городъ боярина Егора Беззубцева, (бывшаго прежде на сторонѣ измѣнниковъ, сперва въ Калугѣ, потомъ въ Тулѣ), съ обѣщаніемъ даровать милость мятежникамъ, если они покорятся добровольно. Калужане отвѣчали, что они и не думаютъ о сдачѣ; что не знаютъ другаго царя, кромѣ Димитрія, который не замедлитъ подать имъ помощь; потомъ сдѣлали вылазку и побили множество Москвитянъ.

Раздраженный такимъ упорствомъ, Василій рѣшился овладѣть городомъ непремѣнно; не хотѣлъ ожидать войска, распущеннаго до зимняго пути, и приказалъ объявить плѣннымъ казакамъ, отбитымъ у Болотникова подъ Москвою 2 декабря 1606 года, что если они желаютъ получить свободу, оружіе и деньги, пусть присягнутъ ему въ вѣрности и пойдутъ на враговъ. 4000 Казаковъ поклялись немедленно; получили нѣсколько бочекъ пороха и отправились подъ Калугу, чтобы взять ее приступомъ. Но тамъ вскорѣ поссорились съ боярами и замыслили измѣну. Воеводы Шуйскаго, бросивъ станъ, бѣжали въ Москву.

На другой день, казаки подошли къ стѣнамъ крѣпости, разсказали осажденнымъ о бѣгствѣ Москвитянъ, совѣтовали скорѣе воспользоваться порохомъ и съѣстными припасами, въ лагерѣ оставленными, и просили дозволенія войти въ городъ. Но какъ вое-

вода Шотуцкій не вѣрилъ ихъ словамъ, то они переправились 1608.
чрезъ Оку, ниже крѣпости, и объявили, что пойдутъ искать царя своего Димитрія. Калужане рѣшились осмотрѣть лагерь Московскій, и увидѣвъ, что онъ оставленъ непріятелемъ, послали вслѣдъ за казаками съ просьбою возвратиться; но уже поздно: огорченные отказомъ, казаки продолжали путь; воротились только 100 человѣкъ и нѣсколько атамановъ для покупки разныхъ припасовъ: казаки остались въ Калугѣ, атаманы же уѣхали обратно.

Между тѣмъ Калужане захватили все, что нашли въ станѣ Московскомъ, и потомъ храбро оборонялись до пріѣзда Димитрія II, признали его истиннымъ Димитріемъ, присягнули ему въ вѣрности, и не измѣняли клятвѣ до самой смерти Самозванца, какъ ниже будетъ сказано въ концѣ сей книги.

Желая выгнать Димитрія II изъ Самова, Шуйскій вывелъ въ полѣ всѣхъ бояръ и отправилъ ихъ съ войскомъ подъ Болховъ; но глубокій снѣгъ, выпавшій въ январѣ 1608 года, остановилъ военныя дѣйствія; можно было вредить только однимъ кормовщикамъ. Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ о многочисленности Василіевой рати, отправилъ въ Польшу гонца съ требованіемъ прислать какъ можно болѣе конницы. По призыву его, Самуилъ Тишкевичъ привелъ къ нему 700 всадниковъ; потомъ явился съ такимъ же отрядомъ Александръ Лисовскій.

Димитрій выступилъ со всѣмъ войскомъ изъ Самова и осадилъ Брянскъ. Здѣсь начальствовалъ сотнею Нѣмцевъ плѣнный Ливонецъ Гансъ Бергъ, мошенникъ преискусный: за годъ предъ тѣмъ, онъ оставилъ Шуйскаго и передался Димитрію; потомъ измѣнилъ своимъ товарищамъ, осажденнымъ въ Калугѣ, явился къ Василію и былъ щедро награжденъ; спустя нѣсколько времени, снова перебѣжалъ къ Димитрію, покинувъ въ Москвѣ дѣтей и взявъ съ собою только жену; Самозванецъ хотѣлъ его повѣсить; но паны Польскіе испросили ему прощеніе. Не прослуживъ и года Димитрію, Гансъ Бергъ выдалъ Тулу, опять очутился въ Москвѣ и снова заслужилъ милость царскую. Сообщникомъ сему измѣннику былъ

1608. другой старый плутъ, также Ливонецъ, Теннигъ фонъ-Виссенъ: они выдали Димитрію боярина Ивана Ивановича Годунова, мужа добраго и благочестиваго, котораго Самозванецъ велѣлъ утопить въ Калугѣ.[96]

Не взявъ Брянска, Димитрій двинулся къ Орлу, куда уже прибылъ князь Адамъ Вишневецкій съ 2,000 конныхъ копѣйщиковъ и князь Романъ Рожинскій съ 4,000. До сихъ поръ главнымъ полководцемъ Димитріевымъ былъ Мѣховецкій; Рожинскій, отнявъ у него начальство надъ войскомъ, въ апрѣлѣ 1608 года приступилъ къ Болхову. Москвитяне ужаснулись; многіе князья, бояре и Нѣмцы, видя многочисленность Поляковъ, увѣрились, что ихъ привелъ истинный Димитрій, перешли къ нему и въ награду получили столько помѣстьевъ, сколько никогда прежде не имѣли; почему хотя въ послѣдствіи и увидѣли въ мнимомъ царѣ обманщика, однакожъ не хотѣли его оставить. Димитрій еще болѣе увеличилъ число приверженцевъ, объявивъ въ разныхъ городахъ, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могутъ присвоить земли господъ своихъ, служившихъ Василію, и жениться на дочеряхъ боярскихъ, которыхъ успѣютъ захватить въ помѣстьяхъ. Такимъ образомъ многіе холопи сдѣлались боярами; а господа ихъ, преданные Шуйскому, умирали съ голоду.

17 апрѣля начальники Нѣмецкой дружины послали къ Димитрію II ротмистра Бартольда Ламсдорфа, юношу неопытнаго, никогда въ чужихъ краяхъ не бывавшаго, поручика Іохима Берга и прапорщика Георга фонъ-Аалена, людей столь же малоопытныхъ, но въ плутовствѣ довольно искусныхъ: они предлагали Димитрію свои услуги и просили не останавливаться походомъ, обѣщая при первомъ сраженіи перейти на его сторону съ распущенными знаменами. Надобно знать, что эти люди присягнули Шуйскому, около двухъ лѣтъ служили съ честію, брали деньги, и притомъ слышали, что Димитрій — Самозванецъ. Вѣроломные уговаривали и прочихъ Нѣмцевъ передаться Димитрію, хотя многіе изъ нихъ имѣли въ Москвѣ женъ и дѣтей. Если бы то случилось, Шуйскій не поща-

дилъ бы ни одного Нѣмецкаго младенца; но Всевышній, по вѣчной 1608.
своей премудрости, удержалъ простыхъ воиновъ отъ измѣны, а начальниковъ такъ ослѣпилъ, что они ежедневно напивались допьяна и забыли о своемъ предложеніи непріятелю. 23 апрѣля, въ день св. Георгія, Димитрій встрѣтился съ Русскимъ войскомъ при Кашинѣ: битва завязалась. Начальники Нѣмецкой дружины были такъ трезвы, что вовсе позабыли свою измѣну; простые же всадники, ничего объ ней не зная, по первому приказанію, ударили на Поляковъ и побили ихъ до 4,000 человѣкъ. Раздраженные потерею, Димитрій и полководецъ его Рожинскій вѣрно перевѣшали бы Нѣмецкихъ переметчиковъ, если бы они не скрылись. Рожинскій отдалъ приказъ не щадить ни одного Нѣмца въ слѣдующемъ сраженіи.

24 апрѣля Димитрій двинулся всѣми силами подъ Болховъ на Москвитянъ. Конные копѣйщики его, ударивъ на самый многочисленный отрядъ, обратили его въ бѣгство. Предатель же Ламсдорфъ отвелъ въ сторону своихъ всадниковъ и хотѣлъ итти къ Димитрію съ распущенными знаменами. Многіе честные люди говорили ему: «Все кончено! Русскіе бѣгутъ; Поляки насъ окружаютъ: одни мы не въ силахъ устоять. Куда же идешь ты, капитанъ?» «Тотъ будетъ бездѣльникъ», воскликнулъ Ламсдорфъ, «кто оставитъ свое знамя!» «Называй насъ какъ хочешь», отвѣтствовали воины; «мы не останемся: сраженіе проиграно, а ты замышляешь передаться; жены и дѣти еще слишкомъ для насъ милы, чтобы губить ихъ измѣною. Плутовства не любимъ!» Сказавъ это, они поскакали за Русскими въ Москву. Вскорѣ Запорожскіе казаки, окруживъ покрытаго латами измѣнника Ламсдорфа и всѣхъ единомышленниковъ его, исполнили въ точности приказаніе Рожинскаго: всѣ Нѣмцы, числомъ до 200 человѣкъ, были изрублены, оставивъ женъ своихъ горестными вдовицами, а дѣтей несчастными сиротами. Никогда не загладитъ своей вины легкомысленный ротмистръ, рано затѣявшій быть слишкомъ умнымъ: въ преисподнія ада низринутъ его слезы вдовъ и сиротъ, коихъ мужья и отцы сдѣлались жертвою столь постыднаго поступка! Измѣна его была бы еще пагубнѣе, если бы онъ живой

1608. передался непріятелю: тогда всѣхъ Нѣмцевъ, оставшихся въ Москвѣ, Шуйскій велѣлъ бы навѣрное перебить. Теперь же, когда многіе изъ ихъ единоземцевъ пали на полѣ битвы, Русскіе жалѣли о страдальцахъ и не отняли помѣстьевъ у вдовъ беззащитныхъ. Ламсдорфъ и единомышленники его затѣяли измѣну единственно для того, чтобы заслужить почтеніе Поляковъ; пускай другіе лишились бы головы, съ женами и дѣтьми: для нихъ было все равно. Правосудіе Божіе покарало предателей; не найдутъ они себѣ покоя и въ могилѣ: и тамъ будутъ преслѣдовать ихъ невинныя жертвы!

Разбитый Шуйскій возвратился въ Москву, въ день Вознесенія Христова; ему казалось, что всѣ Москвитяне хотятъ навострить лыжи изъ Москвы и бѣжать къ Самозванцу: и точно народъ оставилъ бы Василія навѣрное, еслибъ Димитрій поспѣшилъ пришествіемъ. «За чѣмъ не возвращаются бояре, которые передались ему?» толковала чернь. Многіе граждане уже помышляли о средствахъ оправдать себя предъ Димитріемъ, когда онъ овладѣетъ столицею, и всю вину слагали на бояръ, называя ихъ предателями, себя же оправдывая невѣдѣніемъ. «Говорятъ, что Димитрій весьма проницателенъ», сказалъ одинъ Москвитинъ, «и что онъ можетъ по глазамъ узнать виновнаго». «Пропалъ же я», вскричалъ устрашенный мясникъ, «если онъ меня увидитъ: этимъ ножомъ я закололъ пятерыхъ его Поляковъ!» Однимъ словомъ, Москва была въ ужасѣ.

9 іюня Димитрій со всѣми силами подступилъ къ Москвѣ и, остановясь въ селѣ Тайнинскомъ, осматривалъ окрестныя мѣста, гдѣ бы расположиться лагеремъ. Въ томъ же мѣсяцѣ прибылъ къ нему изъ Литвы Янъ-Петръ-Павелъ Сапѣга съ 7000 конныхъ копѣйщиковъ. Василій съ своей стороны выслалъ изъ столицы сильное войско, подъ начальствомъ князя Михаила Скопина; но это войско, оградивъ станъ свой острогами, оставалось въ бездѣйствіи. Димитрій, напавъ на него 24 іюня, въ ночь на Пановъ день, такъ потревожилъ сонъ Московскихъ ратниковъ, что многіе изъ нихъ никогда уже не проснутся. Ожидая приступа къ самой Москвѣ,

Василій велѣлъ поставить пушки на городскихъ валахъ. Поляки 1608.
навѣрное овладѣли бы столицею, если бы напали на нее немедленно; но Димитрій, надѣясь на покорность жителей, не хотѣлъ разорять столь обширнаго города и неоднократно удерживалъ нетерпѣливыхъ Поляковъ, шедшихъ самовольно на приступъ. «Если разорите мою столицу и сожжете мою казну», говорилъ онъ «чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?» Не другъ, а злѣйшій врагъ внушилъ Димитрію такую мысль! Гораздо было бы лучше истребить одинъ городъ, чѣмъ разорять половину царства: въ Россіи скоро явилась бы новая Москва; спасая столицу, онъ предавалъ множество селъ и городовъ разрушенію.

29 іюня 1608 года въ день Петра и Павла, Димитрій расположился лагеремъ въ 12 верстахъ отъ Москвы, при селѣ Тушинѣ; тамъ стоялъ онъ до 20 декабря 1609 года. Въ продолженіе этаго времени была не одна схватка между непріятелями; не одинъ гордый витязь палъ на полѣ сраженія. Москвитяне, опасаясь, чтобы Поляки не освободили воеводы Сендомирскаго, Марины, вдовы Димитрія I, пана Стадницкаго и другихъ Польскихъ господъ, заключенныхъ въ Ярославлѣ и Ростовѣ, перевезли ихъ въ Москву, въ надежныя темницы; въ послѣдствіи согласились отпустить плѣнниковъ въ отечество; требовали только клятвеннаго обѣщанія не переходить къ непріятелю и не воевать съ Россіею. Поляки съ радостію присягнули и благодарили Бога за спасеніе себя отъ смертоубійцъ. И такъ Москвитяне повезли ихъ въ Польшу, окольными путями, чтобы не попасть въ руки непріятеля. Свѣдавъ о томъ, Димитрій II выслалъ на дорогу нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые, побивъ провожатыхъ Марины, взяли царицу и, со всѣми находившимися при ней Поляками, отвезли въ Тушинскій лагерь. Не помня себя отъ радости, Димитрій велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ; царица также хотѣла радоваться, но по нѣкоторымъ причинамъ не могла; впрочемъ для лучшаго обмана притворилась веселою; только не поѣхала прямо въ Тушинскій лагерь, а остановилась въ шатрахъ за версту отъ него. Тутъ начались переговоры;

1608. наконецъ условились: воеводѣ Сендомирскому надлежало отправиться въ Польшу, а Марина согласилась остаться съ мнимымъ Димитріемъ, который однако долженъ былъ отказаться отъ правъ супруга, пока не завоюетъ Москвы и не достигнетъ престола. Самозванецъ обѣщалъ свято хранить договоръ и поклялся Богомъ. Послѣ того было торжественное свиданіе; царь и царица искусно играли свои роли и привѣтствовали другъ друга съ радостными слезами, съ такою непритворною нѣжностію, съ такимъ восхищеніемъ, что комедія ослѣпила многихъ зрителей. По всему государству разнеслась молва объ этомъ происшествіи; вездѣ признавали Самозванца Димитріемъ; бояре со всѣхъ сторонъ стремились въ Тушинскій лагерь.

Не получая помощи отъ Бога, Шуйскій обратился къ дьяволу: пустился колдовать, собралъ всѣхъ чернокнижниковъ, какихъ только могъ найти (чего не успѣвалъ сдѣлать одинъ, за то принимался другой), приказывалъ вырѣзывать младенцевъ изъ чрева беременныхъ женъ, и убивать коней, чтобы достать сердце; все это зарывали въ землю, около того мѣста, гдѣ стояло царское войско. «Оно было невредимо», увѣряли чародѣи, «доколѣ не выходило за черту; но лишь только переступало ее, всегда было поражаемо. Съ Поляками случалось тоже: едва подходили къ чертѣ, люди и кони падали или обращались въ бѣгство». Но все было тщетно: знатные вельможи оставляли Шуйскаго и толпами стремились къ Димитрію, пока не увѣрилъ Москвитянъ въ обманѣ князь Василій Масальскій, который, въ числѣ другихъ передавшись Самозванцу, чрезъ нѣсколько дней со многими боярами возвратился въ Москву, и объявилъ торжественно, что мнимый Димитрій есть новый *воръ* и обманщикъ. Съ тѣхъ поръ Москвитяне стали усердно защищаться. Шуйскій, по совѣту бояръ, рѣшился призвать на помощь чужеземцевъ и отправилъ въ Швецію храбраго героя, Михаила Скопина.[97] Новые свидѣтели еще болѣе удостовѣрили Москвитянъ въ истинѣ словъ Масальскаго: то были два плута и измѣнники, Лифляндецъ Гансъ Шнейдеръ и Австріецъ Генрихъ Ка-

нельсенъ: бездѣльники убѣжали отъ Димитрія въ Москву, 1608.
взошли на Лобное мѣсто и, хорошо разумѣя по-Русски, поклялись народу всѣмъ священнымъ, что Тушинскій воръ есть обманщикъ, а не первый Димитрій. Канельсенъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ бѣжалъ изъ Австріи въ Турцію и принялъ тамъ за деньги мусульманскую вѣру; потомъ ушелъ отъ Турковъ и нѣсколько лѣтъ жилъ въ Германіи; наконецъ, въ правленіе Бориса Годунова, пріѣхалъ въ Москву, разбогатѣлъ, зазнался, перекрестился, отрекся отъ своего Бога, котораго изъ дѣтства исповѣдывалъ, плевалъ троекратно чрезъ плечо, и поклонился Русскому Богу Николаю: [98] одною смертію можно изгладить такое преступленіе! До трехъ разъ онъ перебѣгалъ отъ Шуйскаго къ Димитрію, отъ Димитрія къ Шуйскому; но Москвитяне вѣрили богоотступнику.

Утративъ надежду на добровольную покорность Москвитянъ, Димитрій далъ пану Сапѣгѣ 15,000 воиновъ, съ повелѣніемъ осадить Троицкій монастырь и пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ столицѣ. Сапѣга осаждалъ Троицкій монастырь въ продолженіе всего времени, когда Димитрій находился подъ Москвою; но не могъ овладѣть имъ. Этотъ монастырь лежитъ въ 12 миляхъ отъ Москвы. Шуйскій послалъ ему на помощь всѣхъ всадниковъ, сколько могъ собрать (числомъ до 30,000), подъ начальствомъ меньшаго брата своего Ивана Ивановича, съ повелѣніемъ отразить войско Самозванца. Непріятели встрѣтились при Воздвиженскомъ и сразились. Сапѣга ударилъ стремительно; но дважды былъ отбитъ, и Поляки уже начали трусить. «Друзья!» воскликнулъ Польскій военачальникъ, «бѣгство насъ погубитъ; Польша далеко; луч«ше пасть на полѣ битвы, чѣмъ терпѣть побои, подобно женщинамъ «непотребнымъ. Каждый изъ васъ дѣлай съ Богомъ свое дѣло. Я вез«дѣ буду впереди. За мною, храбрые товарищи! Ударимъ еще разъ: «Богъ даруетъ намъ побѣду». Смѣло бросились Поляки на враговъ, побили нѣсколько тысячъ и одержали побѣду; съ тѣхъ поръ Шуйскій не показывался въ полѣ и не безпокоилъ Поляковъ подъ Троицкимъ монастыремъ, до прибытія Понтуса-Делагарди. Сапѣга же от-

1608. рядилъ небольшую дружину, состоявшую изъ Нѣмцевъ, казаковъ и Поляковъ, подъ начальствомъ Испанца Дона Жуана Крузатти, для покоренія окрестныхъ селъ и городовъ. Переславль присягнулъ Димитрію; но Ростовъ, отстоящій отъ него не далѣе 12 миль, не хотѣлъ покориться. 11 октября онъ былъ преданъ огню и мечу. Всѣ сокровища, въ немъ найденныя, золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнные каменья, достались побѣдителямъ. Свирѣпые воины не щадили и св. иконъ, даже разрубили серебряный гробъ св. Леонтія; а изображеніе угодника, вылитое изъ золота, въ 200 фунтовъ вѣсомъ, присвоили себѣ. Митрополитъ Ростовскій князь Ѳеодоръ Никитичъ взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ подмосковный лагерь, гдѣ Самозванецъ принялъ его ласково и возвелъ въ достоинство патріарха; митрополитъ вынулъ изъ своего жезла восточный яхонтъ, цѣною въ полбочки золота, и подарилъ его Димитрію.[99]

Несчастіе Ростова было урокомъ многолюдному и богатому Ярославлю; онъ изъявилъ готовность признать Димитрія царемъ и служить ему, чѣмъ могъ, если только права гражданъ останутся неприкосновенными, домы не будутъ разграблены, а женъ и дѣтей не тронутъ Поляки. Заключивъ такое условіе, жители Ярославля, Русскіе и иностранцы, Англичане и Нѣмцы, присягнули назначенному къ нимъ воеводою перекрещенному Шведу, Греческой вѣры,[100] и отправили въ Тушинскій лагерь 30,000 рублей для раздачи войску; сверхъ того обязались снарядить тысячу всадниковъ и выставить значительное количество съѣстныхъ припасовъ. Но паннбраты не сдержали слова: грабили купеческія лавки, били народъ, оскорбляли бояръ, и безъ денегъ покупали все, чего хотѣли. То-то была славная торговля! Это вѣроломство имѣло пагубныя слѣдствія, какъ ниже увидимъ,

Кострома, Галичъ, Вологда также покорились Димитрію и безъ сомнѣнія не измѣнилибъ присягѣ, если бы не взбунтовалъ ихъ проклятый перекрещенецъ Даніилъ Эйловъ, прибывшій изъ Нидерландъ и промышлявшій въ Россіи выварною соли. Себѣ на бѣду и народу на пагубу, Эйловъ сперва разглашалъ въ окрест-

ныхъ городахъ, что мнимый Димитрій есть обманщикъ, и что Рус- 1608.
скіе не обязаны сохранять присяги, данной Самозванцу; наконецъ рѣшился перебить Поляковъ и собралъ въ свою соловарню до 200 человѣкъ простаго народа, вооруженныхъ луками, стрѣлами и копьями. Но едва Поляки свѣдали о заговорѣ и явились предъ соловарнею, нашъ храбрецъ спрятался въ погребъ съ тремя старшими дочерьми, предавъ бѣдныхъ крестьянъ въ жертву непріятеля. Вскорѣ, т. е. 11 декабря, онъ и самъ попался въ руки Поляковъ, которые заставили его внести выкупу 600 талеровъ, а дочерей задержали и вѣрно возвратили бы ихъ къ отцу совсѣмъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ онѣ были до плѣна, если бы не вступился за нихъ Ярославскій воевода Іохимъ Шмитъ; этому благородному человѣку Эйловъ и дѣти его должны быть обязаны вѣчною благодарностію. 12 декабря, Поляки умертвили близь вышеозначенной соловарни 1000 Русскихъ и сожгли многія деревни. Въ тотъ же день прибыли въ Ярославль изъ Тушинскаго и Троицкаго лагерей панъ Александръ Лисовскій съ 500 казаковъ[101] и Янъ Шучинскій съ 900 конныхъ копѣйщиковъ; изъ Ярославля они двинулись къ Даниловскому монастырю, сожгли его и умертвили всѣхъ жителей; потомъ пошли къ Костромѣ, Галичу и другимъ непокорнымъ городамъ: все обратили въ пепелъ и овладѣли несмѣтною добычею. Такъ миновалъ 1608 годъ, бѣдственный для Россіи; много пострадала она отъ стотысячнаго войска Димитріева!

ГЛАВА IX.

1609.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Лапуновъ. Волненіе сѣверовосточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго воеводы Шмита. Марина жена Тушинскаго вора. Высокомѣріе Самозванца. Побѣды Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго.

Много страдала Россія въ 1608 году; 1609 былъ для нея несравненно злополучнѣе: во всѣхъ концахъ государства воспламенились войны; все доказывало, что Богъ прогнѣвался на Русскихъ,

1609. и рѣшился ихъ наказать; Димитрій продолжалъ осаду Москвы и Троицкой обители; воины его, числомъ до 100,000 человѣкъ, вездѣ, гдѣ только могли, обращали въ пепелъ города и села, грабили, убивали Москвитянъ. Добыча была несмѣтная; и въ Тушинѣ, и въ Троицкомъ лагерѣ войско плавало въ изобиліи: нельзя было надивиться, откуда бралось такое множество съѣстныхъ припасовъ, всякаго рода скота, масла, сыру, муки, меду, солоду, вина; даже собаки не успѣвали пожирать головъ, ногъ и внутренностей животныхъ, разбросанныхъ по улицамъ и производившихъ столь ужасный смрадъ, что уже опасались мороваго повѣтрія. Польскіе солдаты готовили для себя кушанья ежедневно изъ наилучшихъ припасовъ; а пива такъ много забрали у крестьянъ и монаховъ, что его некуда было дѣвать: пили только медъ.

Въ семъ же году, Сигизмундъ король Польскій вступилъ въ Россію съ 20,000 воиновъ, явился подъ Смоленскомъ и хотѣлъ, чтобы этотъ городъ, изстари принадлежавшій Польшѣ, добровольно ему покорился. Но какъ жители отвѣчали на предложеніе пушечными выстрѣлами, то король осадилъ Смоленскъ и простоялъ подъ нимъ около 2 лѣтъ, т. е. до 13 іюня 1611 года. Во время столь продолжительной осады, пали на приступахъ многіе храбрые Нѣмцы, служившіе Сигизмунду; изъ цѣлаго полка ихъ осталось не болѣе 400 человѣкъ.[102] Осажденные могли и долѣе обороняться; но между ними появилась тяжкая болѣзнь, происшедшая отъ недостатка въ соли и уксусѣ; при взятіи Смоленска, нашлось не болѣе 300 или 400 здоровыхъ людей, котрые уже не могли защищать его обширныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ цѣлую милю въ окружности; городской валъ былъ толщиною въ 23 фута и такъ высокъ, что штурмовыя лѣстницы, въ 35 ступеней, не доставали до верха;[103] наваливъ вокругъ всей стѣны нѣсколько тысячъ возовъ съ каменьями, Смоляне даже безъ пушекъ, пороха, копей, саблей, легко могли бы отбить непріятеля, еслибъ при каждомъ отверстіи въ стѣнѣ было хотя по одному человѣку. Осадныя орудія мало вредили городскому валу, и только со стороны Днѣпра открылся проломъ въ 40 саженъ

шириною. Но это несчастіе такъ испугало жителей Смоленска, 1609.
что они, прекративъ защиту, гибли безъ всякаго сопротивленія; немногіе граждане думали найти спасеніе съ женами и дѣтьми въ крѣпкомъ замкѣ, и всѣ тамъ погибли отъ взрыва пороховаго погреба. Комендантъ Смоленска взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Польшу.[104] Двухлѣтняя осада погубила 80,000 человѣкъ, разоривъ въ конецъ область Смоленскую, гдѣ не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка: враги все истребили.

За годъ до покоренія Смоленска, Василій Шуйскій предлагалъ Сигизмунду чрезъ нарочнаго посла престолъ Московскій, съ тѣмъ условіемъ, чтобы король пособилъ одолѣть плута Лжедимитрія. Но чрезъ два дни послѣ предложенія, Поляки схватили Русскаго переметчика съ царскою грамматою къ Смоленскому воеводѣ. «Обороняйся», писалъ Шуйскій «какъ можно долѣе всѣми средствами; я между тѣмъ постараюсь вооружить Сигизмунда сладкими рѣчами противъ Самозванца; когда не станетъ обманщика, мы подумаемъ и о томъ, чтобы не многія изъ этихъ стриженыхъ головъ вышли изъ Россіи». Прочитавъ письмо, его королевское величество не мало дивился лукавству Москвитянъ. «Можно ли вѣрить теперь Русскимъ?» воскликнулъ Сигизмундъ. «Только дай, Боже, помощь: я проучу этаго бездѣльника, Шуйскаго; забудетъ онъ меня обманывать!»[105]

Между тѣмъ князь Михаилъ Скопинъ, посланный Шуйскимъ для набора иноземныхъ войскъ, возвратился изъ Швеціи и привелъ съ собою 3000 Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Понтуса-Делагарди.[106] Въ послѣдствіи скажемъ, какимъ образомъ Скопинъ хотѣлъ освободить Москву при помощи бояръ Новгородскихъ.

Лѣтомъ того же года, Татары напали на Россію съ другой стороны, и въ три или четыре недѣли увели множество плѣнниковъ. Бѣдные разоренные крестьяне скитались изъ края въ край; вездѣ были слышны вопли несчастныхъ: иной потерялъ жену и дѣтей, другой родителей; слезы вдовъ и сиротъ могли бы самый камень тронуть.

1609. Тогда же явился новый врагъ: то былъ Московскій боярин Ляпуновъ. Овладѣвъ нѣсколькими городами и принявъ имя *Бѣлаго Царя*, онъ воевалъ и съ Димитріемъ II, и съ Сигизмундомъ III и съ Василіемъ Шуйскимъ, для спасенія Русской вѣры. Гдѣ проходило его войско, тамъ трава не росла.[107]

Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, вспыхнулъ бунтъ въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ Россіи: Вологда, Галичъ, Кострома, Романовъ, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинскъ, Угличъ измѣнили Димитрію; со всѣхъ сторонъ являлись толпы необузданныхъ крестьянъ, которые истребляли Нѣмцевъ и Поляковъ съ неимовѣрною злобою. Бѣда, если остервенится грубая чернь! Упаси, Боже, отъ рукъ ея каждаго честнаго воина! Причиною мятежа была наглость панибратовъ: эти пришельцы, недовольные усердіемъ народа, охотно дававшаго имъ все нужное для продовольствія, грабили безъ милосердія бѣдныхъ Русскихъ, какъ будто непріятелей; несчастные стали прятать свои вещи, даже зарывали ихъ въ землю; но и это не помогало. Вѣсть о прибытіи Скопина и Понтуса-Делагарди наконецъ ободрила притѣсняемыхъ; народъ вооружился и отмстилъ Полякамъ: иныхъ повѣсилъ, другихъ изрубилъ, а нѣкоторыхъ побрасалъ въ проруби, съ такими словами: «Полно вамъ, глаголи, жрать нашихъ коровъ и телятъ! Ступайте въ Волгу ловить нашу рыбу». Для усмиренія мятежа, посланы были паны Самуилъ Тишкѣвичъ и Лисовскій, первый въ Романовъ, а второй въ Ярославль; не успѣвъ одолѣть мятежниковъ, которые укрѣпились острогами и засѣками, они отправили къ жителямъ Ярославля для переговоровъ прежняго воеводу ихъ Іохима Шмита, избѣжавшаго смерти съ немногими Поляками. Шмитъ старался образумить Ярославцевъ, увѣряя, что Димитрій пришлетъ къ нимъ воеводу знатнаго, котораго Поляки будутъ бояться. Бунтовщики, подозвавъ несчастнаго мужа къ стѣнамъ крѣпости, вдругъ окружили его и увели въ городъ; онъ погибъ злою смертію: его бросили нагаго въ огромный котелъ, наполненный кипящимъ медомъ. Виновникомъ же неслыханнаго злодѣйства, зачинщикомъ всего мятежа, былъ тотъ самый богоотступ-

никъ Эйловъ, который однажды уже измѣнилъ Димитрію, попался 1609.
въ руки Поляковъ съ тремя дочерьми и только по ходатайству честнаго Шмита избавилъ себя отъ плѣна, а дочерей отъ посрамленія. Не довольствуясь несчастіемъ своего благодѣтеля, онъ старался еще болѣе озлобить Русскихъ. Злополучный Шмитъ до тѣхъ поръ варился въ котлѣ, когда тѣло его уже начало отставать отъ костей; наконецъ былъ выкинутъ за городскую стѣну на съѣденіе свиньямъ и собакамъ. Друзья не смѣли предать землѣ печальныхъ остатковъ мученика; вдова же его испытала горькія оскорбленія болѣе отъ измѣнника перекрещенца и его сообщниковъ, нежели отъ Русскихъ.

Смерть достойнаго мужа въ послѣдствіи отмстилъ панъ Лисовскій: предавъ огню городскія предмѣстья, онъ разорилъ въ конецъ область Ярославскую, истребивъ все, что ни встрѣтилъ; не пощадилъ ни женъ, ни дѣтей, ни дворянъ, ни земледѣльцевъ; сжегъ Кинешму, Поволжскъ, Георгіевскъ, и обремененный добычею, возвратился въ Троицкій лагерь. Перо не можетъ выразить всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ 1609 году. Я нерѣдко удивлялся, какъ могла она столь долгое время переносить злополучіе!

Димитрій II, узнавъ о прибытіи Скопина въ январѣ 1609 года съ войскомъ Делагарди въ Новгородъ, отправилъ противъ него 4000 конныхъ копѣйщиковъ, подъ начальствомъ пана Керносицкаго. Этотъ панъ въ одномъ сраженіи разбилъ Шведовъ, прогналъ ихъ въ Новгородъ и осадилъ его. Осада продолжалась цѣлую зиму до мая мѣсяца. Димитрій не помнилъ себя отъ радости, и думая, что уже все выигралъ, тайно женился на вдовѣ Димитрія I, жившей въ Тушинскомъ лагерѣ, забывъ клятву, данную воеводѣ Сендомирскому, не прежде сочетаться бракомъ съ его дочерью, какъ по восшествіи на престолъ.[108] Онъ былъ упоенъ мечтою о своемъ величіи до такой степени, что только себя называлъ христіанскимъ царемъ во всей подсолнечной. Вотъ его титулъ: «Мы, Димитрій Ивановичъ, царь и государь всея Россіи, Богомъ избранный и дарованный, Богомъ хранимый и чтимый, Богомъ помазанный и

1609. возвышенний надъ всѣми прочими царями, подобно второму Израилю руководимый и управляемый силою Божіею, единый царь христіанскій въ подсолнечной, повелитель многихъ княжествъ и проч. и проч. и проч».

Между тѣмъ, не задолго до праздника св. Троицы, Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Новгорода, перешли болото, напали на Поляковъ врасплохъ и многихъ положили на мѣстѣ. Керносицкій долженъ былъ отступить въ Тушинскій лагерь. Раздраженный неудачею, Димитрій проклиналъ Нѣмцевъ, даже злился и на тѣхъ, которые ему служили. Скопинъ же и Делагарди, одержавъ побѣду, двинулись впередъ, перешли Волгу и заняли Тверь; тутъ встрѣтились они съ 5,000 конныхъ копѣйщиковъ, высланныхъ Димитріемъ подъ начальствомъ пана Зборовскаго, сразились съ ними и, разбитые на голову, бѣжали за Волгу; но вскорѣ ободрились: на другой день опять начали битву и съ такимъ мужествомъ ударили на Поляковъ, что Зборовскій не могъ устоять; покрытый стыдомъ, потерявъ многихъ воиновъ, онъ удалился въ Тушинскій лагерь. [109] Эта неудача еще болѣе озлобила Димитрія противъ Нѣмцевъ.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, Скопинъ прибылъ къ Колязину монастырю и укрѣпился въ немъ съ Русскими боярами; Делагарди же сталъ подлѣ монастыря. Димитрій снова выслалъ противъ нихъ пана Зборовскаго, назначивъ ему въ помощь полководца Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь. Оба военачальника, предводительствуя 12,000 конныхъ копѣйщиковъ, до самаго сентября мѣсяца испытывали свое счастіе и старались вытѣснить непріятеля; но каждый разъ были отражаемы; наконецъ произошла рѣшительная битва. Понтусъ-Делагарди велъ Нѣмцевъ, Скопинъ Русскихъ бояръ: оба они напали на враговъ такъ стремительно, что Поляки бѣжали стремглавъ, и только подъ Троицкимъ монастыремъ могли опомниться отъ ужаса.

Не зная о такомъ происшествіи, Александръ Лисовскій смѣлою хитростію воинскою хотѣлъ покорить мятежный Ярославль; шелъ день и ночь, и уже достигалъ своей цѣли: раскинувъ лагерь въ 3 миляхъ отъ Ярославля, онъ хотѣлъ выдать себя за героя Скопина,

чтобы овладѣть городомъ нечаянно; но Скопинъ и Делагарди ус- 1609.
пѣли занять его. Лисовскій спѣшилъ отступить въ ночное время, но уже поздно: дорога къ Троицкому монастырю была занята Нѣмцами, которые, какъ объявилъ плѣнный бояринъ, поджидали только другаго отряда съ Давидомъ Шерупцовымъ, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ напасть на врага. Лисовскій не надѣялся на своихъ казаковъ, отступилъ къ Суздалю, гдѣ укрѣпился острогомъ, и держался цѣлую зиму; иногда дѣлалъ вылазки, опустошалъ сосѣдственные города и монастыри и всегда возвращался съ богатою добычею; наконецъ, узнавъ, что владычество Димитрія II кончилось и что войско Тушинское передалось Сигизмунду, оставилъ Суздаль въ маѣ мѣсяцѣ 1610 года, сдѣлалъ большой кругъ и вышелъ на Псковъ; Псковитяне приняли его съ радостію, надѣясь имѣть защитника отъ Нѣмцевъ, которые нападали на нихъ изъ Шведскаго города Нарвы. Лисовскій въ самомъ дѣлѣ успѣлъ посредствомъ разныхъ происковъ переманить на свою сторону 300 Ирландцевъ и 500 Англичанъ; тогда Нѣмцы не смѣли болѣе тревожить Псковскихъ предѣловъ. Самъ же онъ, дѣйствуя въ пользу Сигизмунда, зимовалъ въ Мирошичахъ; наконецъ свѣдавъ, что казаки и Русскіе хотятъ измѣнить ему, выступилъ изъ крѣпости, овладѣлъ Краснымъ и распустивъ всѣхъ иноземцевъ, набралъ дружину изъ 300 Поляковъ. Тамъ онъ находится и теперь, не измѣняя въ вѣрности Сигизмунду. Такимъ образомъ, отрѣзанный Делагардіемъ отъ своихъ сообщниковъ, Лисовскій долженъ былъ, подобно хитрой лисицѣ, искать другой норы для выхода изъ Россіи.

Принудивъ Ярославль снова присягнуть Шуйскому, Скопинъ и Делагарди укрѣпились со всѣмъ войскомъ своимъ въ Слободѣ Александровской; тутъ они оставались до перваго пути. Поляки иногда нападали на нихъ; но ничего не выигравъ, спѣшили убраться восвояси. Въ день св. Мартина, Скопинъ и Делагарди рѣшились посѣтить Троицкій монастырь, чтобы покушать тамъ съ панибратами Мартинова гуся. [110] Поляки вовсе не ожидали такихъ незваныхъ гостей, забыли о гусяхъ и отступили къ Дмитровску, гдѣ въ укрѣпленномъ станѣ держались противъ Нѣмцевъ нѣсколько времени.

ГЛАВА X.

1610.

Рожинскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Нѣмцевъ. Волненіе Тушинскаго лагеря. Смерть воеводы Студницкаго. Тайный пріѣздъ Марины въ Калугу. Скопинъ и Делагарди спасаютъ Россію Смерть Скопина. Переговоры Сигизмунда съ Поляками. Битва Клушинская. Звѣрство Лжедимитрія. Веръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нѣмцевъ.

Въ декабрѣ 1609 года Сигизмундъ прислалъ въ Тушинскій лагерь пановъ Стадницкаго, Збаражскаго, Людвига Мейера и ротмистра Манчина съ письмомъ къ главному полководцу Димитрія II, князю Роману Рожинскому, и къ Польской шляхтѣ. «Вспом«ните», писалъ король, «какое преступленіе вы сдѣлали въ минув«шемъ году, взбунтовавшись противъ своего государя! Я готовъ «забыть его и возвратить все, чего вы лишились, если только со«гласитесь выдать обманщика, который называетъ себя Дими«тріемъ». Королевскіе послы вели переговоры съ княземъ Рожинскимъ весьма скрытно, и Димитрій, ничего не подозрѣвая, съ каждымъ днемъ ожидалъ ихъ торжественнаго представленія. Но видя, что послы къ нему не являются, онъ призвалъ Рожинскаго и спросилъ: «Съ какимъ намѣреніемъ пріѣхали посланники и почему они «до сихъ поръ не идутъ ко мнѣ, хотя живутъ въ лагерѣ нѣсколько «недѣль?» Князь, уже задумавшій со многими господами исполнить королевское повелѣніе, притомъ же будучи пьянъ, грозилъ Димитрію побоями и отвѣтствовалъ: «Какое тебѣ дѣло к.... с.... «зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ! «Довольно мы за тебя крови пролили, а награды еще не видимъ». Много подобныхъ вѣжливостей наговорилъ панъ Рожинскій. Димитрій выскочилъ изъ комнаты, прибѣжалъ къ своей супругѣ и, упавъ ей въ ноги, сказалъ со слезами: «Мнѣ, или Рожинскому «должно погибнуть! Этотъ панъ такъ оскорбилъ меня, что я буду «недостоинъ видѣть твои очи, если не отмщу ему. Онъ за-одно «съ своимъ королемъ; тутъ скрывается злой умыселъ; я долженъ «удалиться! Ты же, моя милая супруга, останься здѣсь. Богъ да со-

«хранитъ насъ!» Сказавъ это, Димитрій нарядился въ крестьянское 1610.
платье, и ночью, 29 декабря 1609 года, въ навозныхъ саняхъ отправился въ Калугу, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ. Въ лагерѣ никто не могъ придумать, куда дѣвался царь; нѣкоторые полагали, что онъ тайно убитъ.

Димитрій остановился въ монастырѣ, близъ Калуги, и отправилъ къ жителямъ города нѣсколько монаховъ съ такимъ извѣстіемъ: «Поганый король неоднократно требовалъ отъ меня страны «Сѣверской, называя ее вмѣстѣ съ Смоленскомъ своею собствен«ностію; но какъ я не хотѣлъ исполнить такого требованія, опа«саясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая: то Сигизмундъ «замыслилъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, «склонить на свою сторону полководца моего Рожинскаго и всѣхъ «Поляковъ, въ станѣ моемъ находящихся. Къ вамъ, Калужане, я «обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы «согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію «св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, «отмстить не только Шуйскому, но и коварнымъ Полякамъ. Въ «случаѣ же крайности, готовъ умереть съ вами за вѣру православ«ную: не дадимъ только торжествовать ереси; не уступимъ королю «ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города, или княжества!»

Такая рѣчь очень полюбилась кровожаднымъ жителямъ Калуги: они явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, проводили Димитрія въ городъ съ торжествомъ, дали ему домъ воеводы Скотницкаго, снабдили его всѣмъ нужнымъ: одеждами, конями, винами, съѣстными припасами. Утвердясь въ Калугѣ, Димитрій послалъ немедленно за княземъ Шаховскимъ, который, выступивъ съ нѣсколькими тысячами козаковъ противу короля Польскаго, находился въ то время при Царево-Займищѣ, недалеко отъ Вязьмы. Князь прибылъ въ Калугу въ пятый день послѣ Крещенія. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ для себя новый Дворъ и во всѣ мѣста, гдѣ только были его приверженцы, разослалъ повелѣнія истреблять Поляковъ при всякомъ случаѣ. Отъ такого неожиданнаго поступка

1610. погибло много несчастныхъ жертвъ. Нѣмцы также пострадали: нѣсколько сотъ Нѣмецкихъ купцовъ, которые везли въ Тушинскій лагерь, по дорогамъ Смоленской и Путивльской, бархатъ, шелкъ ружья, вино мальвасійское и пряныя коренья, бывъ перехвачены казаками и приведены въ Калугу, лишились всего, что имѣли, нѣкоторые и самой жизни; а спасшіеся отъ смерти пошли по-міру. Богу одному извѣстно, чего не претерпѣли они въ Калугѣ, Перемышлѣ и Козельскѣ! Сколько прежде Димитрій любилъ Нѣмцевъ, столько возненавидѣлъ ихъ въ послѣдствіи, когда потерпѣлъ важный уронъ въ битвахъ съ Делагардіемъ, и тѣмъ болѣе, когда бѣжалъ изъ Тушинскаго лагеря. Думая, что Нѣмцы благопріятствуютъ королю Польскому, онъ приказалъ отнять у нихъ помѣстья, самые домы, и отдать Русскимъ. Съ часу на часъ они ожидали насильственной смерти и не смѣли исполнять обрядовъ своего богослуженія. А болѣе всѣхъ претерпѣлъ гоненій въ городѣ Козельскѣ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ, котораго старались всѣми силами погубить 25 Русскихъ поповъ, желавшихъ завладѣть его имуществомъ: Богъ спасъ его чудеснымъ образомъ.

На другой день послѣ бѣгства Димитріева, Поляки, Русскіе бояре и патріархъ Филаретъ Никитичъ, въ общемъ совѣтѣ положили единогласно: жить въ мирѣ другъ съ другомъ, не передаваться ни королю, ни Шуйскому, не вѣрить никому, кто вздумаетъ явиться подъ именемъ Димитрія, а тѣмъ менѣе служить прежнему обманщику. Во время совѣщанія, Русскіе безъ пощады поносили царицу Марину, такъ, что она боялась остаться въ лагерѣ и тайно удалилась въ городъ Дмитровскъ, къ пану Салѣгѣ.

7 января 1610 года Димитрій отправилъ изъ Калуги въ Тушинскій лагерь боярина Ивана Плещеева, съ приказаніемъ развѣдать мысли Польскихъ воиновъ; когда же замѣтитъ, что они желаютъ его возвращенія, объявить имъ, что царь пріѣдетъ съ казною и дастъ имъ жалованье за многія трети впередъ, если только они представятъ въ Калугу измѣнника Рожинскаго живымъ или мертвымъ. Это покушеніе было неудачно: Поляки не хотѣли измѣнить

клятвѣ, данной ими другъ другу послѣ Димитріева бѣгства. Пле- 1610.
щеевъ думалъ склонить по крайней мѣрѣ казацкаго атамана, Ивана Мартиновича Заруцкаго, и убѣждалъ его итти съ казаками въ Калугу; но и тутъ не имѣлъ успѣха: Заруцкій съ большею частію своего отряда отправился къ Сигизмунду подъ Смоленскъ; прочіе же казаки, наскучивъ столь странною войною, удалились въ свои степи, а служить Димитрію согласились не болѣе 500 человѣкъ, которые пошли въ Калугу; но были настигнуты Поляками и большею частію побиты.

Вскорѣ послѣ того, Димитрій подослалъ въ Тушино Калужскаго воеводу пана Казимира, настоящаго Вертумна: съ Поляками онъ былъ добрый Полякъ, съ Русскими Русскій; видя, что у самихъ Поляковъ ничего нельзя выиграть, Казимиръ успѣлъ поддѣлаться къ Рожинскому, который дозволилъ ему даже возвратиться въ Калугу, куда хитрый панъ хотѣлъ съѣздить, по словамъ его, только для того, чтобы взять свое имѣніе и навсегда бросить Димитрія. Рожинскій далъ ему письмо къ прежнему воеводѣ Скотницкому, который потерялъ милость Димитрія отказомъ итти подъ Смоленскъ, противъ короля Польскаго. Въ слѣдствіе письма, Скотницкій долженъ былъ склонить на сторону Рожинскаго находившихся въ Калугѣ Поляковъ и, схвативъ при помощи ихъ Димитрія, привезти его въ Тушинскій лагеръ. Но лукавый царедворецъ вручилъ письмо самому Димитрію, который, узнавъ содержаніе его, закипѣлъ гнѣвомъ и тотчасъ велѣлъ палачамъ бросить Скотницкаго ночью въ Оку. Добрый человѣкъ, видя смерть неизбѣжную, хотѣлъ знать по крайней мѣрѣ, за какую вину онъ погибаетъ? Палачи отвѣчали: «Царь велѣлъ намъ не разсуждать съ то-«бою, а бросить тебя въ воду». Потомъ, накинувъ на шею петлю, потащили его, какъ дохлую собаку. Вотъ послѣднія слова несчастнаго: «Такой ли награды ожидалъ я за вѣрную службу и двухлѣтнюю «оборону Калуги! Господи, помилуй меня!» Жена и дѣти его лишились своего имущества. При томъ случаѣ раздраженный Димитрій сказалъ: «Только бы взойти мнѣ на престолъ: не оставлю въ

1610. «живыхъ ни одного иностранца; не пощажу и младенцевъ въ «матерней утробѣ!»

13 января того же года, пріѣхалъ въ Калугу царицынъ коморникъ,[111] юноша красивый и ловкій, съ словеснымъ донесеніемъ о прибытіи Марины въ городъ Дмитровскъ; царь вскорѣ отправилъ его обратно и просилъ царицу какъ можно скорѣе пріѣхать въ Калугу, чтобы не попасть въ руки Поляковъ, которые, какъ онъ извѣстился, хотѣли отвезти ее къ королю Польскому въ Смоленскій лагерь. Между тѣмъ Скопинъ и Делагарди приступили къ Дмитровску; устрашенный Сапѣга убѣждалъ царицу удалиться въ Калугу, если не желаетъ отправиться къ отцу своему. «Мнѣ ли, царицѣ Всерос«сійской», сказала ему Марина, «въ такомъ презрѣнномъ видѣ явиться «къ роднымъ моимъ! Я готова раздѣлить съ царемъ все, что Богъ «ни пошлетъ ему». Она рѣшилась ѣхать въ Калугу; велѣла сшить для себя мужской Польскій кафтанъ изъ краснаго бархату, купила сапоги со шпорами, вооружилась пистолетами, саблею и, сѣвъ на коня, отправилась въ путь. Сапѣга далъ ей въ провожатые 50 казаковъ и всѣхъ Нѣмцевъ, бывшихъ въ Дмитровскѣ: проскакавъ 48 Нѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутрени, и назвала себя Димитріевымъ коморникомъ, привезшимъ важное извѣстіе, коего никому, кромѣ царя, сообщить не можетъ. Димитрій тотчасъ догадался: велѣлъ казакамъ отпереть ворота и впустить мнимаго коморника. Марина, подъѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня, и всѣ увидѣли царицу! Пріѣздъ ея произвелъ радость неизъяснимую Не имѣя при себѣ ни одной Польки, она учредила новый штатъ изъ Нѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію.

Между тѣмъ, Скопинъ овладѣлъ наканунѣ масляницы Дмитровскимъ острогомъ и принудилъ пана Сапѣгу отступить къ монастырю св. Іосифа. Оставивъ здѣсь нѣсколько сотъ казаковъ, Сапѣга уѣхалъ къ королю, подъ Смоленскъ; войско же его расположилось зимовать на берегахъ Угры, въ странѣ плодородной, обильной съѣстными припасами и еще не испытавшей опустошительной войны: теперь

дошла очередь и до нея! По удаленіи Сапѣги, вскорѣ опустѣлъ и 1610.
Тушинскій лагерь.

Въ то же время Иванъ Тарасовичъ Граматинъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, люди пронырливые и лукавые, со многими боярами явились къ Сигизмунду и совѣтовали ему овладѣть Русскимъ государствомъ, сиротѣющимъ безъ достойнаго и законнаго правителя. «Дорога къ престолу», говорили они «уже проло-«жена Димитріемъ; вся страна, до самой Москвы, ему покорилась; «никогда не будетъ тебѣ столь удобнаго случая къ покоренію «Россіи; мы же съ своей стороны убѣдимъ соотечественниковъ «покинуть Шуйскаго и покориться вашему величеству». Тогда же Поляки, оставленные Димитріемъ, прислали къ Сигизмунду просьбу, въ коей изъявляли готовность служить ему противъ Русскихъ, если король заплатитъ имъ жалованье, невыданное Димитріемъ за прошедшее время. Сигизмундъ отвергнулъ условіе, объявивъ, что согласенъ производить жалованье только съ того времени, когда Поляки поступятъ къ нему въ службу. Огорченные отказомъ, они проклинали Рожинскаго, измѣнившаго царю; не щадили и самихъ себя за безчестное нарушеніе клятвы, данной Димитрію. Весьма немногіе изъ Тушинскихъ Поляковъ пришли въ станъ королевскій; товарищи ихъ соединились большею частію съ войскомъ Сапѣги, стоявшимъ на Угрѣ, и ожидали тамъ отвѣта на свою просьбу о выдачѣ жалованья, рѣшившись дѣйствовать сообразно съ отзывомъ: между тѣмъ, грабили и опустошали окрестную страну, которую въ конецъ разорили.

Скопинъ и Делагарди вошли въ столицу безъ всякаго препятствія. Въ теченіе одного года, они очистили все пространство отъ Ливоніи до самой Москвы, такъ, что изъ стотысячной рати, около двухъ лѣтъ осаждавшей Москву и Троицкій монастырь, не видно было ни одного Поляка, ни одного Казака: все бѣжало отъ горсти Нѣмцевъ! Шуйскій весьма ласково принялъ своихъ защитниковъ; часто угощалъ ихъ за царскимъ столомъ; одарилъ всѣхъ офицеровъ золотою и серебряною посудою; выпла-

610. тилъ всему войску жалованье золотомъ, серебромъ, соболями. Эта щедрость такъ избаловала Нѣмцевъ, что они дѣлали въ Москвѣ разныя безчинства, и Москвитяне съ нетерпѣніемъ ожидали весны, чтобы выпроводить гостей противъ непріятеля. Храбрый же Скопинъ, спасшій Россію, при помощи Нѣмцевъ, набранныхъ имъ въ Швеціи, получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду — ядъ. Царь приказалъ отравить его, досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого. Вся Москва погрузилась въ печаль, узнавъ о кончинѣ великаго мужа.[112]

Около пасхи, въ концѣ зимы, Сапѣга возвратился къ войску, стоявшему на Угрѣ, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ Сигизмунда: король велѣлъ сказать, что Димитрія онъ и знать не хочетъ, а согласенъ давать жалованье чрезъ каждую четверть года только тѣмъ Полякамъ, которые согласятся служить въ королевскомъ войскѣ. Недовольное отвѣтомъ Польское рыцарство, служившее прежде подъ начальствомъ Сапѣги и Рожинскаго, спѣшило оправдаться предъ Димитріемъ и отправило къ нему посла, который объявилъ, что Поляки никогда и не думали измѣнять его величеству, что предателемъ былъ одинъ Рожинскій съ немногими сообщниками; что Богъ уже наказалъ смертью вѣроломнаго измѣнника; что Сигизмунду передались только его клевреты; рыцарство же Польское не хотѣло нарушить присягу, не выходило изъ лагеря и теперь готово послужить царю, если только получитъ жалованье за прежніе 9 мѣсяцевъ, соглашаясь ожидать терпѣливо уплаты остальнаго въ послѣдствіи. Димитрій, очень обрадованный такою вѣстію, отвѣчалъ Полякамъ, что онъ вскорѣ пріѣдетъ къ нимъ съ деньгами; и собравъ не одну тысячу рублей со всего народа, ему покорившагося, немедленно отправился съ Русскими и казаками на берега Угры. Тамъ примирился съ своими старыми сподвижниками, выдалъ имъ жалованье за три четверти года, взялъ новую присягу въ вѣрности и отдалъ приказъ: послѣ Троицына дня снова двинуться на Москву.

Между тѣмъ Шуйскій выслалъ войско подъ начальствомъ сво-

ихъ бояръ, чтобы очистить Смоленскую дорогу и отразить Сигиз- 1610.
мунда отъ Смоленска; при семъ случаѣ Делагарди получилъ отъ царя много денегъ на жалованье своимъ воинамъ. Нѣмцы и большая часть Русскихъ остановились въ городѣ Можайскѣ, а Григорій Волуевъ съ значительнымъ отрядомъ отправился впередъ, чтобы развѣдать о числѣ непріятелей, стоявшихъ подъ Смоленскомъ; но узнавъ въ Царево-Займищѣ о приближеніи Станислава Жолкѣвскаго съ великими силами, Волуевъ расположился лагеремъ близъ лѣса, и укрѣпившись окопомъ, увѣдомилъ о томъ прочихъ воеводъ. Жолкѣвскій не замедлилъ осадить его, а Русскіе воеводы вмѣстѣ съ Делагардіемъ спѣшили отъ Можайска выручить передовой отрядъ. Это случилось 23 іюля. Свѣдавъ о движеніи царскихъ воеводъ, Жолкѣвскій раскинулъ станъ подлѣ самыхъ укрѣпленій Волуева, обнесъ его тыномъ и оставивъ тамъ небольшой отрядъ легкой конницы, съ приказаніемъ непрестанно быть въ виду осажденныхъ и уговаривать Волуева покориться королю Польскому, самъ между тѣмъ пошелъ на встрѣчу Москвитянамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Делагарди; оба войска сразились въ Ивановъ день, близъ села Клушина, въ 6 миляхъ отъ Можайска: во время битвы, двѣ роты Французовъ передались Жолкѣвскому и вмѣстѣ съ Поляками начали стрѣлять по Русскимъ, которые, бывъ устрашены измѣною, бросились бѣжать къ Москвѣ и оставили союзниковъ своихъ, Нѣмцевъ. Послѣдніе долго сражались съ упорствомъ и уже побили лучшихъ Польскихъ всадниковъ; но замѣтивъ, что Русскіе оставили поле битвы и что имъ однимъ не устоять противъ Поляковъ, вступили съ непріятелемъ въ переговоры. «Мы готовы сдать-«ся», говорили Нѣмцы, «если только жизнь наша будетъ въ без-«опасности; въ противномъ случаѣ станемъ биться до послѣдняго «человѣка». Поляки прекратили сѣчу и прислали къ нимъ пана Зборовскаго съ клятвеннымъ увѣреніемъ, что будутъ невредимы. Многіе изъ нихъ не хотѣли вѣрить обѣщанію, не забывъ вѣроломнаго поступка Поляковъ съ Динаминдскимъ гарнизономъ, который, сдавшись на честное слово, былъ весь истребленъ. Они напомнили

*

1610. о томъ пану Зборовскому: тогда поклялись знатнѣйшіе изъ Польскихъ вельможъ, что плѣнные не лишатся ни жизни, ни оружія. Нѣмцы рѣшились сдаться. Въ самомъ дѣлѣ договоръ былъ свято соблюдаемъ: кто хотѣлъ служить его величеству, давалъ присягу; а кто не хотѣлъ, удалялся безпрепятственно.[113]

Торжествуя побѣду, Станиславъ Жолкѣвскій возвратился къ Царево-Займищу и приказалъ плѣннымъ боярамъ извѣстить Волуева, что все Русское войско разсѣяно, а Нѣмцы покорились Сигизмунду. Волуевъ, переговоривъ съ плѣнными боярами, сдался со всѣмъ отрядомъ пану Жолкѣвскому. Послѣ того Поляки, Нѣмцы и Русскіе подступили къ Москвѣ и осадили ее съ одной стороны. Въ то же время прибыли изъ Погорѣлаго[114] капитаны Нѣмецкихъ ротъ Лавилла и Эбертъ: соединясь съ войсками его королевскаго величества, они овладѣли Іосифовымъ монастыремъ и весь отрядъ, тамъ находившійся, изрубили до послѣдняго человѣка; этому отряду, бывшему на сторонѣ Димитрія, поручена была защита Іосифова монастыря паномъ Сапѣгою, когда онъ вывелъ войско свое на Угру, а самъ отправился къ королю подъ Смоленскъ.

Димитрій, раздраженный такимъ событіемъ, немедленно приказалъ побросать въ воду всѣхъ Нѣмцевъ, при немъ находившихся. «Теперь-то я вижу», говорилъ онъ, «что Нѣмцы мнѣ ни сколько «не преданы: они служатъ невѣрному королю и бьютъ моихъ людей, «забывъ, что во всемъ мірѣ одинъ я государь христіанскій. Всѣ «они дадутъ отвѣтъ, лишь только бы взойти мнѣ на престолъ!»

Бояре, услышавъ дьявольское слово, спѣшили другъ за другомъ безстыдно оклеветать Нѣмцевъ, особенно жившихъ въ Козельскѣ; послѣднихъ ненавидѣли за то, что опасались потерять прекрасныя деревни, прежде пожалованныя Нѣмцамъ за вѣрную службу, потомъ отобранныя безъ всякой вины ихъ, по одному подозрѣнію, и розданныя царскимъ совѣтникамъ: князю Григорію Шаховскому, Трубецкому, Рындину, Михайлѣ Константиновичу Юшкову, Третьякову и другимъ. Бояре, день и ночь искавшіе средствъ къ погубленію Нѣмцевъ, опасались не безъ причины: ибо

знали невинность честныхъ людей, которые не щадили своей жи- 1610.
зни за Димитрія, теряли здоровье, лишились друзей и пріятелей. И такъ, едва разгнѣванный Димитрій поклялся истребить всѣхъ Нѣмцевъ, въ Россіи находившихся, господа сенаторы донесли ему, что мнимые измѣнники переписывались съ Поляками и предлагали его королевскому величеству сдать городъ Козельскъ, что свѣдавъ о какой либо неудачѣ войска Димитріева, они были внѣ себя отъ радости, плясали, пѣли, веселились, между тѣмъ, какъ вѣрные Москвитяне предавались горести. Клевета еще болѣе озлобила Димитрія: онъ въ ту же минуту отправилъ въ Козельскъ гонца, а въ Калугѣ далъ повелѣніе: какъ скоро приведутъ Нѣмцевъ (числомъ 52), безъ всякаго допроса побросать въ Оку. Приговоръ вѣрно былъ бы исполненъ, если бы не спасъ несчастныхъ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ, которому готовилась та же участь. Распрашивая дорогою обреченныхъ на смерть, точно ли писали они къ Польскому королю, не получали ль отъ него писемъ, или вообще не знаютъ ли за собою какой либо измѣны противъ Димитрія, Беръ требовалъ искренняго признанія, чтобы легче дать отвѣтъ и отвратить бѣду, обѣщая никому не сказывать словъ ихъ: всѣ Нѣмцы клялись небомъ въ невинности и преданности царю-государю. Пастырь съ своей стороны также поклялся, ободрялъ спутниковъ надеждою на Божіе милосердіе, говорилъ, что Всевышній не допуститъ погубить невинныхъ, что въ Его рукѣ сердце царево, что Онъ внушитъ государю справедливость и разсѣетъ прахомъ замыслы враговъ высокомѣрныхъ.

Но какъ ни старался пастырь одушевить мужествомъ своихъ духовныхъ дѣтей, они, большею частію, были неутѣшны, и многіе выдумывали странныя средства къ своему спасенію: жизнь мила, а смерть ужасна! Достигнувъ Калуги, гдѣ находился Димитрій съ дворомъ своимъ, Беръ оставилъ спутниковъ на лугу близъ Оки, а самъ хотѣлъ узнать отъ духовныхъ дщерей своихъ, фрейлинъ царицыныхъ, что было причиною столь ужаснаго царскаго гнѣва? Для того взялъ съ собою капитана Давида Гильбертса, прапорщика

610. Мойтцена и двухъ Ливонскихъ дворянъ, переправился чрезъ рѣку и вмѣстѣ съ провожатыми пробрался къ царицинымъ фрейлинамъ. Гофмейстерина изумилась, увидѣвъ духовнаго отца: спрашивала, зачѣмъ онъ оставилъ несчастныхъ, и со слезами говорила, что никакія просьбы не могутъ смягчить царскаго гнѣва, что всѣхъ Нѣмцевъ ожидаетъ неизбѣжная смерть. «Да поможетъ намъ Богъ!» отвѣчалъ Мартинъ Беръ. «Онъ знаетъ нашу невинность. Если же смерть неизбѣжна, умремъ по крайней мѣрѣ съ утѣшительною мыслію, что погибнемъ не какъ преступники, а какъ истинные христіане, которые всегда подвергаются гоненію, клеветѣ и всякимъ опасностямъ. Господь, Отецъ нашъ, воздастъ въ свое время каждому по дѣламъ. Я также терплю гоненіе отъ Русскихъ, хотя служу не царю, а Богу, никогда не замышлялъ вреднаго противъ его величества и всегда молился за него съ духовными дѣтьми своими. Не жалуюсь на его неблагодарность: такъ всегда награждаетъ міръ истинныхъ христіанъ! Но всѣ прихожане клялись мнѣ царствомъ небеснымъ, что никто изъ нихъ не знаетъ никакой вины за собою; мы смѣло пустились въ дорогу, поручивъ себя благости Всевышняго: если бы совѣсть насъ упрекала, мы безъ сомнѣнія избрали бы иной путь».

Послѣ того пастырь убѣждалъ гофмейстерину и госпожъ фрейлинъ разсказать обо всемъ царицѣ и умолить ее слезами, чтобы она испросила у его величества не помилованія измѣнникамъ, а пощады людямъ вовсе невиннымъ. «Доложите государынѣ», говорилъ Беръ «что въ числѣ обреченныхъ на смерть есть дѣти, что вмѣстѣ съ ними погибаютъ духовный отецъ и многіе родственники падшихъ на полѣ битвы за его величество; что если и сіи витязи трехлѣтней войны умрутъ позорною смертію, во всей Россіи не будетъ никого ихъ злосчастнѣе. Мы просимъ одного», заключилъ Беръ «чтобы милосердая царица убѣдила его величество отдѣлить безвинныхъ отъ виновныхъ: первые да будутъ помилованы, а послѣдніе да испытаютъ всю тяжесть царскаго гнѣва!» Тронутыя словамип астора, всѣ фрейлины пошли къ царицѣ, упали къ ногамъ ея и такъ горько плакали, что ни одна ни могла выговорить ни

слова. Царица, глядя на нихъ, также заплакала, велѣла имъ встать и 1610.
догадываясь, о чемъ идетъ дѣло, спросила: «Пріѣхали ли Нѣмцы изъ Козельска?» «Русскіе выгнали ихъ, не исключая и духовнаго отца нашего!» отвѣчали, рыдая, госпожи фрейлины; потомъ весьма трогательно убѣждали царицу помиловать несчастныхъ. «Не плачьте, дѣти мои!» сказала ея величество. «Царь страшно гнѣвается на всѣхъ Нѣмцевъ: уже отданъ приказъ утопить ихъ въ Окѣ, какъ скоро они сюда прибудутъ; никто не смѣетъ просить о пощадѣ; но я попытаюсь, не тронется ли онъ моими слезами, и не успѣю ли я на этотъ разъ спасти ихъ».

Сказавъ сіе, царица немедленно послала камердинера къ лютому Шаховскому, которому поручено было исполнить царскую волю, съ приказаніемъ остановить казнь до другаго повелѣнія, угрожая смертью въ случаѣ ослушанія; другаго же камердинера послала къ царю съ просьбою удостить ее на минуту своимъ посѣщеніемъ. Царь не хотѣлъ видѣть своей супруги. «Знаю, чего она хочетъ!» сказалъ Димитрій. «Она будетъ просить за поганыхъ Нѣмцевъ; «напрасный трудъ! Всѣхъ въ воду сего же дня, или я не Димитрій! «А если она вздумаетъ меня безпокоить, утопить и ее вмѣстѣ съ «Нѣмцами!» Такой отвѣтъ весьма опечалилъ царицу. «Богъ знаетъ», сказала она, «чѣмъ такъ провинились бѣдные Нѣмцы!»

Одна фрейлина тотчасъ побѣжала къ пастору и объявила ему со слезами, что просьба царицы безуспѣшна. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ пасторъ, и въ ту же минуту послалъ дворянина Рейнгольда Энгеланда за Нѣмцами, бывшими на другой сторонѣ Оки, велѣвъ имъ взять церковную утварь, для того, чтобы вкусивъ св. Тайнъ, послѣдовать примѣру Христа Спасителя. Ожидая прибытія духовныхъ дѣтей, онъ молился и пѣлъ псалмы, которые сочинилъ въ злополучныя минуты. Эти псалмы будутъ приложены въ концѣ лѣтописи.[115]

Между тѣмъ, царица рѣшилась притти къ Димитрію со всѣми своими женщинами, упала ему въ ноги и просила со слезами разсмотрѣть хладнокровно, всѣ ли Нѣмцы виноваты, чтобы не жалѣть

1610. послѣ о невинныхъ, какъ о воеводѣ Скотницкомъ; убѣждала размыслить, что на смерть осуждено 52 челоловѣка, что въ томъ числѣ одинъ пасторъ, много безвинныхъ отроковъ; что вдовы и сироты, потерявъ мужей и отцовъ, не престанутъ умолять небо о страшной мести дерзкому виновнику слезъ ихъ, и что правосудіе предписываетъ наказать только преступниковъ. Сначала Димитрій ничего и слышать не хотѣлъ; наконецъ смягчился трогательною просьбою царицы, поднялъ ее, и всѣмъ женщинамъ также велѣлъ встать. Потомъ спросилъ камердинера: «Далеко ли отсюда до Козельска?» 12 миль, было отвѣтомъ. «И они уже здѣсь!» воскликнулъ царь; «я только вчера послалъ за ними! Чуть ли бояре не наболтали «много лишняго. Не понимаю, какъ могли Нѣмцы такъ скоро пріѣхать! — Они твои», примолвилъ Димитрій, обращаясь къ царицѣ, «дѣлай съ ними, что хочешь».

Печальные Нѣмцы собрались въ одинъ домъ, и уже готовились принять св. Тайны, какъ вдругъ явился главный коморникъ царицинъ Георгъ Гребсбергъ, съ радостною вѣстью, что бѣда миновала и что государыня исходатайствовала у царя милость. «Радуйтесь, Нѣмцы», говорилъ коморникъ, «молитесь о здравіи царя и царицы, своей матери; будьте покорными дѣтьми ея!» «Богъ да сохранитъ милосердую нашу государыню, вмѣстѣ съ супругомъ ея! Вѣчно будемъ молиться за нихъ!» отвѣчали Нѣмцы.

По удаленіи коморника, пасторъ обратился къ духовнымъ дѣтямъ и сказалъ: «Любезные друзья! въ третій разъ мы дѣлаемся жертвою клеветы; Богъ доселѣ хранилъ невинныхъ отъ погибели; но если бы не открылся случай умилостивить царицу, мы пропали бы навѣрное; жены же и дѣти наши мало бы выиграли отъ того, что мы погибли невинно. Подадимъ царицѣ просьбу, въ которой, изъявивъ благодарность, скажемъ, что какъ никто изъ насъ не знаетъ за собою преступленія противъ его величества, то всѣ мы просимъ не милости царской, а строгаго правосудія, и что если хотя одинъ изъ насъ окажется виновнымъ, мы всѣ умереть согласны; посему станемъ просить царицу, чтобы она убѣдила государя

дать намъ очную ставку съ неизвѣстными доносчиками. Они гово- 1610.
рятъ, будто мы писали къ Сигизмунду; пусть представятъ эти письма: каждый знаетъ руку товарища; никто не отречется отъ собственнаго почерка. Мы увѣрены въ своей невинности и преданности государю». Такой совѣтъ немедленно приведенъ былъ въ исполненіе. Царица, принявъ просьбу, представила ее своему супругу. Царь засмѣялся. «Правда», говорилъ онъ, «я никогда не думалъ, чтобы Нѣмцы мнѣ измѣнили: вотъ уже третій годъ они несутъ трудную службу. Завтра же, подъ чистымъ небомъ, въ присутствіи всѣхъ бояръ, всего народа, доставлю имъ случай оправдаться». Такъ и случилось.

На другой день, Димитрій предъ выходомъ къ обѣднѣ, увидѣвъ Нѣмцевъ подлѣ крыльца и узнавъ капитана Давида Гильберта и прапорщика Томаса Мойтцена, сказалъ громко: «Нѣмцы! за трехлѣтнюю усердную службу, я далъ вамъ награду царскую, далъ помѣстья бояръ и князей; вы разбогатѣли и жили въ довольствѣ; всѣ сосѣды ваши знаютъ это. Но когда вы мнѣ измѣнили, перестали оказывать должное почтеніе, хотѣли предать Козельскъ поганому королю Польскому и перейти на его сторону, я взялъ обратно пожалованныя вамъ помѣстья и роздалъ ихъ моимъ боярамъ; а васъ велѣлъ сюда привести и бросить въ Оку». «Даруй Богъ тебѣ, царь-государь! здравіе», отвѣчали Нѣмцы съ низкимъ поклономъ; «мы ни въ чемъ не виноваты; намъ и въ умъ не приходило того, что на насъ насказали. Мы просимъ не милосердія, а строгаго правосудія. Пусть каждый преступникъ воспріиметъ должную казнь. Благоволи, царь-государь, оказать намъ эту милость!» Димитрій сошелъ съ крыльца вмѣстѣ съ боярами и, указавъ на нихъ пальцемъ, примолвилъ, обращаясь опять къ Нѣмцамъ: «Вотъ ваши обвинители! Сверхъ того, я получилъ доносъ изъ Козельска отъ воеводы, бояръ, священниковъ и гражданъ». «Государь!» воскликнули обвиняемые, «въ твоей власти воеводы, князья, бояре, какъ и мы иноземцы: вели имъ вознаградить насъ, или пусть займутъ наше мѣсто!»

1610. Царь, сѣвъ на лошадь, обратился къ господамъ боярамъ и сказалъ: «Я вижу невинность моихъ иноземцевъ, и думаю, что вы поступили съ ними, какъ бездѣльники. Если же вы правы, покажите письма и уличите виновныхъ». Бояре, не имѣя средствъ того сдѣлать, смотрѣли на Нѣмцевъ съ видомъ презрѣнія и говорили: «Мы Русскіе; они ѣдятъ нашъ хлѣбъ, а не мы ихъ». Тутъ его величество явилъ свое правосудіе. «Нѣмцы!» сказалъ онъ ласково, «вы правы! Бояре изъ одной ненависти васъ преслѣдуютъ. Все, чего вы лишились, получите обратно». Потомъ продолжалъ: «Князья и бояре! отдайте немедленно имъ деревни, бывшія причиною вашей зависти; а вы, Нѣмцы, будьте вѣрны и впредь, какъ были до сихъ поръ. Вы получите и другія помѣстья; удалитесь отъ враговъ своихъ изъ Козельска; живите со мною въ Калугѣ: тутъ, при моихъ глазахъ, бояре не станутъ васъ безпокоить». Такъ злодѣи умножили счастіе добрыхъ, а сами покрылись вѣчнымъ стыдомъ!

На обратномъ пути, пасторъ говорилъ духовнымъ дѣтямъ своимъ: «Любезные друзья! подумаемъ о средствахъ избавиться отъ несчастія. Царь объявилъ, что мы окружены врагами, которые завидуютъ, вѣроятно, и тому, что у насъ осталось. Я рѣшился покинуть свой домъ; возьму жену, дѣтей, а если можно, и пожитки. Кто изъ васъ согласенъ со мною, пускай изготовиться въ дорогу: завтра мы отправимся. Не будемъ искушать Бога; довольно мы уже пострадали. Кто ищетъ опасности, тотъ и погибаетъ». Одни согласились на предложеніе пастора; перевезли женъ, дѣтей, и поселились въ Калугѣ; другіе же изъ скупости не хотѣли бросить имѣнія и остались въ Козельскѣ, среди гонителей христіанъ; но вскорѣ испытали Божій гнѣвъ вмѣстѣ съ варварами: 1 сентября незапно пришли отъ Смоленска *вольные люди;* въ два часа овладѣли беззащитнымъ городомъ, побили 7,000 человѣкъ, и предавъ его пламени, увели въ плѣнъ князей, бояръ, воеводу и всѣхъ Нѣмцевъ, которые отвергли совѣтъ духовнаго заступника своего; жены и дѣти ихъ также достались въ руки Поляковъ; все добро ихъ было разграблено.

ГЛАВА XI.

1610.

Жолкѣвскій подъ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложеніе Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Владиславу. Послѣднее покушеніе Самозванца овладѣть Москвою. Бѣгство его. Посольство въ Астрахань. Безумныя дѣла. Смерть хана Касимовскаго. Петръ Ерусланов. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуйскій въ плѣну. Свиданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Турецкимъ. Грозное письмо султана къ Сигизмунду.

Жолкѣвскій, одержавъ рѣшительную побѣду при Клушинѣ, разсѣялъ всю рать Московскую, склонилъ на свою сторону Нѣмцевъ Делагардіевыхъ, заставилъ отрядъ Валуева положить оружіе и наконецъ осадилъ Москву со стороны Можайска. Въ то же время Димитрій II, выступивъ изъ Калуги съ своими Поляками, овладѣлъ Пафнутьевымъ монастыремъ и сжегъ его до основанія, перебивъ въ немъ всѣхъ монаховъ, священниковъ, бояръ и 500 стрѣльцевъ, присланныхъ изъ Москвы на помощь. Москвитяне были въ отчаяніи: не успѣвъ избавиться отъ одного непріятеля, они увидѣли предъ собою другаго.

Среди всеобщаго уныніа, три отважные боярина, уже давно бывшіе въ согласіи съ Жолкѣвскимъ, Захарій Ляпуновъ, Михайло Молчановъ и Иванъ Резецкій, составили заговоръ противъ царя Василія Ивановича: 14 іюля они вышли на Лобное мѣсто, созвали народъ и объявили, въ какомъ горестномъ состояніи находится земля Русская. «Ее», говорили бояре «какъ беззащитную овчарню опустошаютъ волки. Бѣдные жители гибнутъ, и никто не хочетъ, или не можетъ спасти ихъ: царь уже третій годъ ни въ чемъ не имѣетъ счастія, ибо неправдою присвоилъ себѣ правленіе; не одна сотня тысячъ за него пострадала; кровопролитію не будетъ конца, пока не оставитъ престола злосчастный государь, который съ своими братьями только умѣетъ терять сраженія. Если нашъ голосъ», заключили бояре «заслуживаетъ нѣкоторую довѣренность гражданъ, родъ Шуйскаго долженъ быть сведенъ съ престола; а царемъ государственные чины изберутъ того, кого укажетъ Богъ». Этотъ совѣтъ весьма понравился Москвитянамъ:

1610. они рѣшились немедленно приступить къ дѣлу. Тогда бояре велѣли имъ итти въ Кремль и объявить свое намѣреніе царскимъ совѣтникамъ: граждане тотчасъ бросились съ начальниками мятежа въ палаты Шуйскаго, взяли корону и скипетръ, отнесли ихъ въ казну, а царя отвели въ прежній домъ его; тамъ выстригли ему нѣсколько волосъ и принудили его быть монахомъ.

На другой день Москвитяне собрались за городомъ, въ той сторонѣ, гдѣ не было непріятелей, для рѣшенія, кому изъ бояръ вручить царскую корону. Но какъ скоро началось совѣщаніе и знатнѣйшія особы вмѣстѣ съ прочими стали подавать голоса, выступили впередъ нѣсколько человѣкъ съ такими словами: «Въ числѣ князей нѣтъ никого, кто могъ бы сказать, что онъ знатнѣе другихъ родомъ и саномъ: слѣдовательно, если выберемъ царемъ какого либо князя, бояре будутъ ему завидовать и крамольничать: никто не любитъ кланяться равному! И такъ возмемъ чужеземца, который самъ былъ бы королевскаго рода и въ Россіи не имѣлъ бы себѣ подобнаго. Въ Римской имперіи много королей, достойныхъ носить нашу корону; но нѣтъ ни одного, кто и языкомъ, и одеждою, и обычаями такъ былъ бы съ нами согласенъ, какъ Сигизмундъ король Польскій, или сынъ его Владиславъ, уже герой знаменитый. Возведемъ его на престолъ; только тогда успокоится Россія; иначе, при всякомъ другомъ царѣ, бѣдствіямъ не будетъ конца. О Димитріи не говоримъ ни слова: каждому извѣстно, что онъ плутъ и обманщикъ, бѣглый учитель Бѣлорусскій, достойный не престола, а висѣлицы. И такъ, господа, если вы согласны, мы подумаемъ объ условіяхъ, съ коими возведемъ Владислава на престолъ, такъ, что наша вѣра и обычаи останутся неприкосновенными, и народъ не будетъ обремененъ новыми налогами: извольте объявить ваше мнѣніе!»

Всѣ сословія, воскликнувъ, что ничего не можетъ быть лучше этого совѣта, опредѣлили привести его въ исполненіе, только осмотрительно; потомъ въ добромъ согласіи возвратились въ Москву. Съ Жолкѣвскимъ немедленно заключено было перемиріе; а подъ

Смоленскъ отправлено посольство съ предложеніемъ Владиславу 1610.
Русскаго престола, но на многихъ условіяхъ. Сигизмундъ, выслушавъ пословъ, отпустилъ ихъ съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ[116] и уполномочилъ полководца своего Жолкѣвскаго вступить съ Русскими въ переговоры, давъ ему право дѣйствовать по его собственному благоусмотрѣнію и напередъ соглашаясь на все, что онъ ни сдѣлаетъ, кромѣ двухъ статей: 1) королевичъ не перемѣнитъ вѣры и 2) будетъ имѣть при себѣ Польскій дворъ: ибо Сигизмундъ не хотѣлъ предать его одного въ руки Москвитянъ. Впрочемъ же на все былъ согласенъ; обѣщалъ Москвитянамъ свободу вѣроисповѣданія, неприкосновенность ихъ законовъ, правовъ и обычаевъ, и увѣрялъ, что сынъ его не только не дозволитъ нарушать Русскія права, но и будетъ имѣть о нихъ особенное попеченіе.

Обрадованные королевскимъ отвѣтомъ, Москвитяне поклялись признать Владислава царемъ и служить ему вѣрно, пока онъ не нарушитъ предложенныхъ условій; Жолкѣвскій съ своей стороны далъ клятву именемъ Владислава, что всѣ статьи будутъ свято соблюдаемы и что самъ королевичъ вскорѣ пріѣдетъ въ Москву для принятія царства въ свое владѣніе. Послѣ того Польскій военачальникъ въ лицѣ государя приглашенъ былъ въ Кремль, гдѣ ему поднесли весьма богатые дары. Москвитяне подружились съ Поляками: толпы однихъ стремились въ лагерь, толпы другихъ въ Москву; ласкали, честили другъ друга.

Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ отъ нѣкоторыхъ бояръ и казаковъ, пріѣхавшихъ къ нему изъ Москвы, что жители присягнули Владиславу, но что въ ней есть люди ему преданные, и нужно только подступить къ столицѣ, чтобы поселить въ жителяхъ раздоръ, немедленно оставилъ Пафнутьевъ монастырь, собралъ всѣхъ преданныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ, Казаковъ, Татаръ, Русскихъ, и расположился лагеремъ между Москвою и Коломенскимъ монастыремъ, въ надеждѣ на счастливый успѣхъ своихъ клевретовъ. Надежда его была напрасна: ежедневныя вылазки Москвитянъ доказывали, что народъ вовсе не помышляетъ ему покориться. Вскорѣ

1610. онъ замѣтилъ, что въ столицѣ появились Польскіе копѣйщики и что Поляки, ему служившіе, весьма неохотно дерутся съ своими единоземцами; тутъ Самозванецъ сыгралъ прежнюю ролю: бѣжалъ изъ лагеря, и покрытый срамомъ, возвратился въ Калугу съ нѣсколькими сотнями казаковъ и Романовскихъ Татаръ, въ день св. Варѳоломея.[117]

По удаленіи Димитрія, Поляки одинъ за другимъ приходили въ Москву: вскорѣ собралось ихъ до пяти тысячъ человѣкъ. Нѣмцы также успѣли пробраться въ столицу, въ числѣ 800 воиновъ. Размѣщенные въ Кремлѣ, лучшей крѣпости Московской, они имѣли въ рукахъ своихъ военные снаряды. 5,000 Поляковъ, вопреки желанію Москвитянъ, заняли внѣшній замокъ и учредили стражу вокругъ третьей стѣны: имъ отпускались въ избыткѣ всякіе съѣстные припасы и сверхъ того производилось ежемѣсячное жалованье отъ казны, которая чрезъ то оскудѣла еще болѣе, чѣмъ въ правленіе Шуйскаго.[118]

Димитрій весьма досадовалъ на Поляковъ, виновниковъ его срамнаго бѣгства, и еще болѣе на Русскихъ, которые такъ жестоко его обманули. «Мнѣ болѣе ничего не осталось», говорилъ онъ, «какъ собрать Турокъ и Татаръ: они помогутъ мнѣ завоевать наслѣдство моихъ предковъ! Если не успѣю овладѣть Россіею, разорю ее такъ, что она ничего не будетъ стоить. Пока я живъ, не будетъ ей покоя».

Желая поправить неудачу, онъ послалъ въ Астраханское царство любимаго Поляка своего пана Керносицкаго, который былъ впрочемъ болѣе Русскій, съ извѣстіемъ, что царь и царица рѣшились избрать своею столицею Астрахань, не желая жить въ Москвѣ, оскверненной присутствіемъ нехристей. Если бы удался этотъ замыселъ, Россія испытала бы новыя ужаснѣйшія бѣдствія; но Богъ спасъ ее: Димитрій совершенно потерялъ разсудокъ, не щадилъ никого, самыхъ вѣрныхъ сподвижниковъ своихъ, немногихъ Татаръ и казаковъ. Эти люди берегли его день и ночь, были съ нимъ безотлучно, участвовали во всѣхъ увеселеніяхъ, провожали

его на охоту, между тѣмъ, какъ Нѣмцы и Поляки не смѣли къ нему 1610.
подойти; но за всѣ услуги Татаръ, Димитрій приказалъ утопить въ Окѣ хана Касимовскаго, обвиненнаго предъ царемъ собственнымъ сыномъ въ намѣреніи бѣжать въ Москву.

Раздраженный такимъ поступкомъ Димитрія, Татарскій князь Петръ Ерусланов искалъ случая умертвить Ханскаго сына и уже думалъ исполнить свое намѣреніе, когда отцеубійца возвращался домой отъ царя; но князь ошибся: жертвою его мести былъ другой знатный Татаринъ, одѣтый такъ же точно, какъ и тотъ, кого онъ подстерегалъ. Ерусланов, до тѣхъ поръ весьма уважаемый царемъ за то, что онъ зналъ дорогу къ Астрахани, заключенъ въ темницу; а 30 другихъ Татаръ отданы были подъ стражу; впрочемъ постращавъ ихъ нѣсколько дней, Димитрій даровалъ имъ свободу, сталъ попрежнему ласковъ, ѣздилъ съ ними на охоту, посылалъ ихъ въ окрестности для набѣговъ и опустошенія деревень, принадлежавшихъ ненавистнымъ Полякамъ. Но Татары не могли забыть своего оскорбленія и цѣлые два мѣсяца весьма искусно таили намѣреніе отмстить Димитрію: каждую ночь привозили въ Калугу по 10 и по 12 Поляковъ, которыхъ не рѣдко хватали съ постелей; привозили иногда и купцовъ, пойманныхъ на дорогѣ. Царь обыкновенно приказывалъ еще до разсвѣта засѣкать несчастныхъ кнутомъ до смерти; тѣла ихъ бросали собакамъ на съѣденіе; остатки же зарывали въ землю, какъ падалище; благородныхъ Поляковъ топили въ рѣкѣ. Видя такое усердіе Татаръ, Димитрій думалъ, что они уже забыли прежнее оскорбленіе и такъ вѣрилъ имъ, что отправляясь на охоту, всегда бралъ ихъ съ собою человѣкъ по 20 и по 30, а изъ придворныхъ не болѣе 2 или 3, да шута Петра Кошелева, неразлучнаго своего товарища. Вѣроломные Татары изъявляли царю безпредѣльную преданность, выжидая случая отмстить ему. За нѣсколько дней до исполненія заговора, дали знать своимъ единоземцамъ, чтобы они, при первомъ выѣздѣ царя на охоту, выбрались изъ Калуги въ Пельну и, дождавшись тамъ князя Ерусланова, немедленно отправились восвояси.

1610. 11 декабря Димитрій, не предчувствуя своей участи, отправился на охоту съ княземъ Ерусланомъ и 20 Татарами; товарищи ихъ, согласно взаимному условію, взявъ все, что только могли, выѣхали верхами въ разные ворота и соединились на Пельнской дорогѣ въ числѣ 1000 человѣкъ. Какъ скоро Димитрій отъѣхалъ отъ города около четверти пути, князь Петръ, поровнявшись съ нимъ, прострѣлилъ его насквозь; потомъ отрубилъ ему голову. «Я научу тебя», примолвилъ князь «топить хановъ и са«жать въ темницу князей, которые служили тебѣ вѣрно, негодный «обманщикъ!» Шутъ Кошелевъ и два боярина не хотѣли быть свидѣтелями печальнаго зрѣлища: ударили по лошадямъ и не оглядываясь прискакали въ Калугу съ извѣстіемъ, какимъ образомъ кончилась охота.

Татары между тѣмъ пустились по Пельнской дорогѣ восвояси, опустошая и истребляя все, что имъ ни попадалось. Въ Калугѣ ударили тревогу, пушечными выстрѣлами дали знать, чтобы войско собиралось для преслѣдованія вѣроломныхъ, но уже поздо: ихъ не льзя было настигнуть. Только немногіе изъ Татаръ остались въ Калугѣ, потому ли, что не имѣли добрыхъ коней, или недовѣрчивые товарищи не открылись имъ, неизвѣстно. Несчастныхъ гоняли изъ улицы въ улицу, хуже, чѣмъ зайцевъ въ полѣ, дубинами и саблями, пока всѣхъ не перебили. Такъ невинные пострадали за виновныхъ! Все доказываетъ, что они вовсе не знали о злодѣйскомъ умыслѣ; въ противномъ случаѣ, успѣли бы спасти себя, или донесли бы о заговорѣ. Удовлетворивъ мести, князья, бояре и граждане Калужскіе отправились туда, гдѣ погибъ ихъ царь; нашли трупъ и голову; отвезли бренные остатки въ крѣпость, обмыли ихъ и, приставивъ голову къ трупу, положили царя на столъ на показъ всему народу. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, похоронили его съ приличными обрядами въ дворцовой Калужской церкви, гдѣ онъ лежитъ до сихъ поръ. Не забудутъ и позднѣйшіе потомки человѣка, который былъ виною неимовѣрныхъ бѣдствій Россіи!

Легко вообразить, съ какою горестію узнала о несчастномъ

происшествіи благочестивая царица Марина. Давно ли она потеря- 1610.
ла одного супруга, теперь лишилась и другаго! Она была уже беременна, и вскорѣ разрѣшилась сыномъ. Бояре выпросили у нея себѣ новорожденнаго царевича, чтобъ укрыть его отъ убійцъ и, воспитавъ тайно, со временемъ возвести на престолъ. Москвитяне до сихъ поръ оказываютъ Маринѣ царскую почесть; [119] какую же перемѣну произведетъ въ Россіи сынъ ея, узнаютъ тѣ люди, которые проживутъ еще лѣтъ двадцать. [120]

Такъ кончилъ дни свои Димитрій II; смерть его была ужасна! Долго спорилъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ за безцѣнное сокровище; но не могъ имъ овладѣть. Да и Шуйскій не умѣлъ пользоваться: и ему пришлось изъ монарха сдѣлаться монахомъ; а яблоко раздора досталось Владиславу.

Низложивъ Шуйскаго съ престола, Москвитяне отправили его съ двумя братьями, Дмитріемъ и Иваномъ, и знатнѣйшими изъ князей, Голицыными, къ Польскому королю, въ легерь Смоленскій. Отсюда, по волѣ Сигизмунда, ихъ отвезли въ Польшу, какъ плѣнниковъ. Разсказываютъ за достовѣрное, что на Варшавскомъ сеймѣ, бывшемъ около Мартинова дня 1611 года, присутствовалъ посланникъ Турецкаго султана. Пируя за пышнымъ королевскимъ столомъ, онъ желалъ видѣть прежняго царя Московскаго: его желаніе было исполнено. Шуйскаго привели въ царской одеждѣ и посадили за столъ противъ посланника. Послѣдній долго смотрѣлъ на него, не говоря ни слова; потомъ началъ превозносить счастіе короля Польскаго, который за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ имѣлъ въ рукахъ своихъ Максимиліана, а теперь держитъ въ плѣну великомощнаго царя Русскаго. «Не дивись», отвѣчалъ Шуйскій, оскорбленный словами посланника, «не дивись моей участи! Я былъ сильный государь, а теперь плѣнникъ; но знай: когда король Польскій овладѣетъ Россіею, и твоему государю не миновать моей участи! Есть у насъ пословица: сегодня моя очередь, а завтре твоя».

Султанъ, узнавъ о такомъ отвѣтѣ, въ 1612 году прислалъ, какъ

1610. говорятъ, слѣдующее письмо къ королю Польскому: «Мы, султанъ пресвѣтлѣйшій, сынъ великаго императора, сынъ высочайшаго Бога, владѣтель всей Турціи, Греціи, Вавилоніи, Македоніи, Сармаціи, король верхняго и нижняго Египта, Александріи, Индіи, государь всѣхъ народовъ, блистательный сынъ Магомета, покровитель и защитникъ города Псеразира и рая земнаго, стражъ святаго гроба Бога небеснаго, царь царей, повелитель всѣхъ владыкъ и боговъ земныхъ, обладатель древа жизни и святаго града, государь и наслѣдникъ всѣхъ странъ Черноморскихъ — королю Польскому поклонъ! Дошло до насъ, что ты съ своими корольками затѣялъ противъ насъ, могущественнаго и непобѣдимаго императора, злое дѣло, по внушенію людей легкомысленныхъ: расторгнувъ дружбу и миръ, о коемъ ты прежде умолялъ насъ, забывъ обѣщаніе не вести съ нами войны, ты напалъ на наши области, все грабилъ, губилъ, убивалъ, жегъ, истреблялъ. Теперь жди возмездія: изъ всѣхъ областей, намъ подвластныхъ отъ одного края вселенной до другаго, мы соберемъ силы несмѣтныя, подавимъ ничтожныхъ владыкъ и въ Краковѣ явимъ предъ тобою наше величіе; тамъ мы воздвигнемъ такой памятникъ, что государство твое вовѣки насъ не забудетъ. Въ знакъ же сей воли, посылаемъ тебѣ мечъ, стрѣлу и ядро, обагренныя кровію. Наши кони и верблюды опустошатъ твои поля, да вѣдаетъ міръ, сколь ужасенъ гнѣвъ нашъ! Какъ владыка небесный караетъ богоотступниковъ; такъ и мы, владыка земной, хотимъ наказать твое вѣроломство: гнѣвъ нашъ поразитъ тебя прежде, чѣмъ получишь отъ насъ другое письмо. Вразуми себѣ все, что мы сказали; если же не поймешь, то почувствуешь. Султанъ пресвѣтлѣйшій». [121]

ГЛАВА XII.

1611—1612.

Владислава признаютъ царемъ во всей Россіи. Своевольство Поляковъ въ Москвѣ. Негодованіе народа. Правосудіе Гонсѣвскаго. Всеобщая ненависть къ Полякамъ. Ссоры съ ними. Тщетныя усилія намѣстника. Вербное воскресеніе. Патріархъ виновникъ возстанія. Кровопролитіе въ столицѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разореніе Москвы. Полковникъ Струсь. Патріархъ въ темницѣ. Неистовство Поляковъ. Ляпуновъ осаждаетъ ихъ. Сапѣга и Ходкѣвичъ. Заключеніе.

По смерти Димитрія II, города, воевавшіе съ Москвою, прислали къ жителямъ ея письмо слѣдующаго содержанія: «Попуталъ насъ лукавый! Сгубилъ наше царство проклятый Самозванецъ! Мы хотимъ жить съ вами въ добромъ согласіи; но прежде прогоните нехристей, поганыхъ Поляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь христіанская перестанетъ литься». [122]

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ рады и благодарны, если областные жители опомнятся и исправятся; но что нельзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. Вмѣстѣ съ симъ отвѣтомъ, разослали тайно грамматы, въ коихъ совѣтовали своимъ единоземцамъ признать царемъ королевскаго сына, чтобы внутренніе раздоры прекратились и города воевать между собою перестали; но въ то же время убѣждали исподоволь истреблять Поляковъ, имѣвшихъ въ Россіи помѣстья, или просто въ ней жившихъ. «Такимъ образомъ», писали Москвитяне «государство незамѣтно очистится отъ невѣрныхъ. Мы же съ своей стороны довольно имѣемъ силъ побить при случаѣ всѣхъ Поляковъ, въ столицѣ живущихъ, хотя они и не скидаютъ съ себя ни латъ, ни шлемовъ». [123] Слѣдуя внушенію, города присягнули Владиславу въ январѣ 1611 года, и думали оставить Поляковъ въ дуракахъ; но Русскіе скоро испытали на себѣ пословицу: не рой яму другому, самъ въ нее попадешь.

25 января Московскіе обыватели жаловались намѣстнику Владислава Гонсѣвскому, [124] что Поляки притѣсняютъ народъ, не уважаютъ Русскаго богослуженія, ругаются надъ св. иконами, да-

1611. же стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей; что Русскимъ и въ домахъ нѣтъ безопасности; казна государственная расхищена и непомѣрныя суммы выдаются на содержаніе 6000 воиновъ, а царь Владиславъ не является, и что король, вопреки обѣщанію, до сихъ поръ не соглашаясь прислать своего сына, обнаруживаетъ намѣреніе только разорить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные велѣли сказать наотрѣзъ намѣстнику и всѣмъ его ротмистрамъ, чтобы они позаботились о скорѣйшемъ прибытіи королевича; въ противномъ случаѣ убрались бы сами туда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. «Для такой невѣсты», говорили Москвитяне, «какова Россія, мы скоро найдемъ и другаго жениха!»

Панъ Гонсѣвскій ласково принялъ жалобу и просилъ Москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастію: ибо, говорилъ намѣстникъ, его величество такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ государствѣ, что не имѣетъ никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ царскому сану достоинствомъ; притомъ же король хочетъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ Польской коронѣ, чтобы въ послѣдствіи не имѣть объ немъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ Гонсѣвскій обѣщалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго Русскими государя, и далъ слово строго наказывать Поляковъ, которые станутъ нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пьянымъ Польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Богоматери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близъ Срѣтинскихъ воротъ, гдѣ находилась эта икона, ему отсѣкли обѣ руки и повѣсили ихъ подъ образомъ; а самаго виновника вывели за городъ и сожгли.[125] При семъ случаѣ панъ Гонсѣвскій обнародовалъ объявленіе, что скоро прибудетъ царь Владиславъ,

что Москвитяне должны молиться о здравіи его величества, что 1611
государь повелѣлъ строжайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать своевольство, охранять гражданъ и святыню ихъ, и что казнь виновнаго дворянина служитъ яснымъ доказательствомъ попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи Россіи.

Москвитяне казались довольными; но Поляки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство, не дремали: разставили при всѣхъ воротахъ сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили Русскимъ имѣть при себѣ что либо смертоносное, обыскивали всѣ возы, пріѣзжавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ ли въ нихъ оружія. Если же Москвитяне изъявляли досаду, Поляки говорили имъ: «Осторожность не мѣшаетъ; насъ горсть, а васъ тысячи; мы не думаемъ ничего дурнаго, вы же, Москвитяне, насъ не любите. Не хотимъ съ вами ссориться: этого требуетъ государь нашъ; только вы будьте спокойны!» Не взирая на убѣжденія, Москвитяне весьма негодовали на Поляковъ. «Уже и теперь», говорили они «нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберется поболѣе этихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотятъ быть нашими господами. Но мы ихъ проучимъ! Мы выбрали царемъ Поляка, только не для того, чтобы каждый безмозглый Ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали отказываться и отъ своего права. Старая собака король не хотѣлъ отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остаться восвояси: не хотимъ Владислава! А эти глаголи пусть добромъ отсюда уберутся; не то, переколотимъ ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдь семьсотъ тысячъ: если на что рѣшимся, постоимъ за себя!»

Злоба народа безпрестанно увеличивалась. Москвитяне насмѣхались надъ стражею Гонсѣвскаго и нерѣдко поносили Поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками. «Эй, пучки!» кричали насмѣшники, «долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно придется собакамъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, когда не хотите добромъ оставить нашего города!» За все, что ни покупали, Поляки должны были платить вдвое дороже противъ Русскихъ,

1611. или возвращались съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные Поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. «Смѣйтесь, какъ хотите», говорили они Русскимъ, «для насъ все равно; мы не будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ раскаяваться!» и уходили домой осмѣянные.

13 февраля Польскіе дворяне велѣли своимъ служителямъ [126] купить овса на рынкѣ, за Московскою дорогою. Одинъ изъ Поляковъ, замѣтивъ, сколько платили Русскіе, приказалъ отмѣрить нѣсколько бочекъ и хотѣлъ заплатить за нихъ по одному флорину, также какъ платили и другіе. Московскій торгашъ, недовольный этою платою, требовалъ съ него за каждую бочку по 2 флорина. «Эй, ты к... с... Москаль»..... закричалъ слуга, «какъ смѣешь ты грабить насъ? Развѣ мы не одному царю служимъ?» «Коли не хочешь дать за бочку по два флорина», возразилъ Москвитинъ, «возьми свои деньги и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!» Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить Москаля, какъ вдругъ сбѣжалось человѣкъ 40 или 50, вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собралось такое множество народа, что Польская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была прибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, и преслѣдуемые Москвитянами, просили помощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое изъ товарищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить вдвое болѣе Русскихъ. Тутъ 12 Польскихъ воиновъ ударили на многія сотни Москвитянъ, убили человѣкъ 15, а прочихъ разогнали.

Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго города, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество Москвитянъ, недовольныхъ Поляками, что дѣло едва не кончилось всеобщимъ бунтомъ. Благоразуміе намѣстника отвратило бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа и сказалъ: «Москвитяне! Вы считаете себя наилучшими христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы

Бога, когда жаждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ 1611.
и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! вы испытаете всю тяжесть его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ царей, вы избрали наконецъ государемъ нашего королевича; но едва присягнули ему въ вѣрности, вы уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самаго щенкомъ, забывъ, что Богъ избралъ ихъ своими намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая царемъ своего законнаго государя; а насъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? Не повинуясь царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностію: конечно шести тысячамъ трудно устоять противъ семисотъ тысячъ; но побѣда зависитъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстію людей Онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Что побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы постоимъ за правое дѣло!»

«Полно врать!» закричали изъ толпы; «безъ ружей и дубинъ, мы побьемъ васъ колпаками».

«Нѣтъ, братцы!» продолжалъ намѣстникъ, «колпаками и съ дѣвками не управитесь: и они васъ утомятъ; чего же не сдѣлаютъ 6000 героевъ? Прошу васъ, умоляю, будьте смирны и покойны!»

«Ну, такъ убирайтеся отсюда и очистите нашъ городъ!» сказали Москвитяне.

«Этого не дозволяетъ намъ присяга», возразилъ намѣстникъ; «государь не за тѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ разбѣжались по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда».

«Такъ не долго вамъ оставаться въ живыхъ!» воскликнулъ народъ.

«Это зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете

1611. ссору, да не съумѣете кончить ее, тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покойны; а не то вы пропали. Съ нами Богъ!» Сказавъ это, намѣстникъ возвратился въ замокъ; а Москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а королевича все не было. Между тѣмъ разнеслась молва, что король не отпускаетъ своего сына, изъ опасенія ввѣрить его столь вѣроломнымъ людямъ. Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда Польскій военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. «Пусть требуетъ платы отъ своего царя», говорилъ народъ.

Болѣе всего Москвитяне злились на своихъ вельможъ, Михайла Глѣбовича Салтыкова, Ѳедора Андронова, Ивана Тарасовича Граматина, и требовали выдачи этихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ царство королевичу Владиславу. Около 3000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ него; но едва начальникъ Нѣмецкой дружины Борковскій ударилъ тревогу и Нѣмцы бросились къ ружью, Москвитяне поспѣшили удалиться. Стража хотѣла запереть ворота, чтобы напасть на вѣроломныхъ; капитанъ удержалъ ее, сказавъ: «Пусть ихъ ругаются! собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ; но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!» Въ четверть часа не было уже видно ни одного Русскаго. Но Поляки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ волненіе народа, полководцы ихъ отмѣнили торжественный выходъ въ Вербное воскресенье, которое послѣ Николина дня считается важнѣйшимъ праздникомъ: они опасались при семъ случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно въ этотъ день выходитъ къ народу царь и отъ двора своего до церкви, называемой Іерусалимомъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ патріархъ; шествіе открываетъ клиръ, воспѣвая *осанну*, съ приличными обрядами; за нимъ слѣдуютъ болѣе 20 боярскихъ дѣтей въ красномъ платьи, и разстилаютъ его по дорогѣ, гдѣ

царь ведетъ патріаршаго осла. Какъ скоро проѣдетъ патріархъ, 1611.
они подбираютъ свою одежду и, забѣжавъ впередъ, снова разстилаютъ ее до самой церкви. За первосвященникомъ везутъ въ саняхъ огромное съ разными плодами дерево, на коемъ сидятъ три или четыре отрока, и поютъ священные гимны; шествіе заключаютъ князья, бояре и купцы. На этотъ праздникъ стекается безчисленное множество народа; причемъ такая бываетъ тѣснота, что люди слабаго сложенія не смѣютъ присутствовать на церемоніи, если хотятъ остаться живыми.

Чернь, узнавъ о запрещеніи намѣстника праздновать столь великій день, изъявила сильный ропотъ и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ стерпѣть такое насиліе; волю народную надлежало исполнить; узду осляти держалъ, вмѣсто царя, знатнѣйшій изъ Московскихъ вельможъ, Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и Поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли тишину столицы.

Между тѣмъ дали знать намѣстнику, что Москвитяне, подстрекаемые патріархомъ, отложили мятежъ до страстной недѣли, и что бояре приготовили сани съ дровами, которыя намѣрены въ минуту возмущенія разставить по улицамъ и лишить Поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о томъ, намѣстникъ и Борковской отдали приказъ, чтобы ни одинъ Нѣмецъ, ни одинъ Полякъ, подъ смертною казнію, не оставался въ городѣ и не выходилъ изъ крѣпости.

На другой день послѣ праздника, всѣ Поляки спѣшили убраться въ крѣпость. Москвитяне, замѣтивъ сіе, догадались, что замыселъ ихъ обнаружился, и въ ту же ночь собрали совѣтъ, гдѣ разсуждали, какимъ образомъ воспрепятствовать соединенію враговъ; наконецъ рѣшились: во вторникъ, т. е. 19 марта, заняли улицы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и побили многихъ Поляковъ, ѣхавшихъ въ замокъ. Намѣстникъ немедленно выслалъ на помощь своимъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копѣйщиковъ; Москвитяне ударили въ нихъ смѣло, и если бы не подоспѣлъ Нѣмецкій полкъ, состоявшій изъ 800 воиновъ, всѣ Поль-

1611. скіе всадники, числомъ 5000, остались бы на мѣстѣ: уже Москвитяне стали одолѣвать Поляковъ; смѣло напирали на нихъ, и удивляясь собственному успѣху, испускали радостные крики, при громѣ набатовъ; въ ту минуту главный капитанъ Нѣмецкой дружины, Яковъ Маржеретъ, выслалъ изъ замка три роты мушкетеровъ до 400 человѣкъ въ Никитскую улицу, пересѣкаемую многими переулками, гдѣ укрѣпились мятежники и поражали Поляковъ. Воины Маржеретовы, овладѣвъ внѣшнимъ укрѣпленіемъ, напали незапно на поклонниковъ Николая [127] и побили ихъ какъ градомъ: сѣча была ужасная! Болѣе часу раздавался крикъ Москвитянъ, звонъ безчисленныхъ колоколовъ, громъ мушкетовъ, ревъ бури. Страшно было смотрѣть! Мушкетеры, пробившись разными улицами въ толпу враговъ, разогнали ее, и преслѣдуя бѣгущихъ, били ихъ, какъ собакъ.

Когда прекратилась пальба, Нѣмцы и Поляки, оставшіеся въ крѣпости, начали горевать объ участи своихъ товарищей, и думая, что всѣ они погибли, заливались слезами; отчаяніе ими овладѣло; въ то самое время возвращаются мушкетеры, имѣя, подобно мясникамъ, окровавленные мечи и рубахи. Безъ ужаса нельзя было взглянуть на нихъ! Москвитянъ пало множество; Нѣмцевъ только восемь человѣкъ. Между тѣмъ, снова закипѣла битва на Срѣтенкѣ, гдѣ Москвитяне также укрѣпились; набаты гудѣли безъ умолку. Мушкетеры и здѣсь явили свою храбрость: при помощи небесъ, они побили въ два часа множество Москвитянъ.

Пораженные на Срѣтенкѣ, мятежники собрались на Покровкѣ. Мушкетеры уже утомились отъ дальныхъ переходовъ съ тяжелыми мушкетами, отъ непрестанной пальбы и сѣчи; посему Борковскій подкрѣпилъ ихъ нѣсколькими отрядами конныхъ копѣйщиковъ, и въ то же время велѣлъ зажечь всѣ домы около того мѣста, гдѣ Москвитяне, перегородивъ улицу, упорно сопротивлялись; въ четверть часа пламя объяло всю Москву отъ Арбата до Кулишки. Для насъ этотъ пожаръ былъ весьма выгоденъ: Москвитяне, не успѣвая и сражаться и гасить огонь, вышли изъ своихъ

жилищъ и обратились въ бѣгство, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. 1611.
Тогда-то сбылась древняя пословица: Haec mea sunt; veteres migrate coloni.

Весь Китай-городъ обратился въ пепелъ; многія сотни людей погибли отъ меча и пламени; улицы были завалены мертвыми тѣлами такъ, что невозможно было пройти. Побѣдители нашли въ купеческихъ лавкахъ несмѣтную добычу, въ вещахъ золотыхъ, шелковыхъ и въ пряныхъ кореньяхъ. Въ слѣдующую ночь Русскіе укрѣпились на Чертолп, подлѣ самаго замка, еще уцѣлѣвшаго отъ пламени. Москвитяне, жившіе на другой сторонѣ, за Москвою рѣкою, также выставили знамена въ своихъ укрѣпленіяхъ: и тѣ и другіе могли подавать взаимную помощь. Чертольскіе мятежники, имѣя въ своей власти уголъ Бѣлой стѣны, расположили на ней до ста стрѣльцовъ и заградили всѣ улицы, въ надеждѣ воспрепятствовать приближенію нашихъ воиновъ; Русскіе же, находившіеся на другой сторонѣ рѣки, укрѣпили мостъ противъ Водяныхъ воротъ, и поставили на немъ орудія, изъ коихъ палили по нашимъ чрезъ рѣку, думая, что и мы также станемъ перестрѣливаться. Но капитанъ Маржеретъ употребилъ слѣдующую весьма удачную хитрость: онъ приказалъ своимъ воинамъ также сдѣлать укрѣпленія; а самъ, зная, что ледъ на Москвѣ рѣкѣ еще крѣпокъ, вывелъ мушкетеровъ въ Водяные ворота замка и неожиданно очутился среди непріятельскихъ отрядовъ, такъ, что могъ бить ихъ справа и слѣва. Въ тоже время двѣнадцать Польскихъ эскадроновъ выстроились на льду для наблюденія, не вздумаетъ ли непріятель, стоявшій на лѣвой сторонѣ, подать помощь Русскимъ, укрѣпившимся въ Чертоли; но какъ они не трогались съ мѣста, то Маржеретъ повелъ своихъ воиновъ по льду, мимо Бѣлой стѣны, и достигнувъ пяти башенъ, ворвался незапно въ ворота, нарочно отворенные, только не для него, а для тѣхъ Москвитянъ, которые были на другой сторонѣ. Эта оплошность погубила мятежниковъ: наши воины перебили ихъ до послѣдняго, а замокъ Чертольскій предали пламени. Несчастіе

1611. разстроило Русскихъ, стоявшихъ на противоположномъ берегу; они потеряли все свое мужество, когда узнали, что Поляки двинулись вверхъ по рѣкѣ, и что въ то же время прибылъ изъ Можайска полковникъ панъ Струсь, котораго отрядъ, состоявшій изъ отборныхъ всадниковъ, напалъ на третій городъ, жегъ, рубилъ, опустошалъ все, что ни попадалось. Воины же капитана Маржерета, разрушивъ замокъ Чертольскій, перешли Москву рѣку и предали пламени всѣ дома, уцѣлѣвшіе отъ прежняго пожара: тутъ уже ничто не помогало Москвитянамъ, ни страшный крикъ, ни звонъ колоколовъ; они нигдѣ не могли найти спасенія; даже пламя, разносимое вѣтромъ, обращалось въ ту сторону, куда бѣжали Москвитяне, и истребляло ихъ. По всему было видно, что самъ Богъ каралъ этотъ народъ за его кровожадность, вѣроломство, лихоимство и развратъ содомскій![128] Немногія толпы укрылись въ монастыряхъ; около полудня все кончилось; никто не думалъ сопротивляться побѣдителямъ.

Двухдневный пожаръ превратилъ въ пепелъ обширную столицу Русскаго царства, имѣвшую въ окружности болѣе 4 миль; ничего въ ней не уцѣлѣло, кромѣ царскаго замка, занятаго королевскимъ войскомъ, и немногихъ церквей каменныхъ: все прочее было жертвою огня; сгорѣли всѣ деревянныя зданія, всѣ красивые домы боярскіе и купеческіе; остались только немногія стѣны, каменные погреба, церкви и часовни. Такимъ образомъ 700,000 человѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ, должны были уступить свой городъ малочисленной дружинѣ, состоявшей изъ 800 Нѣмцевъ и 6,000 Поляковъ, должны были видѣть столицу жертвою пламени, и несмѣтныя сокровища оставить въ рукахъ чужеземцевъ. Въ числѣ сокровищъ царскихъ (на счетъ конхъ и теперь, въ 1612 году, содержится королевское войско) находились 7 коронъ, 3 скипетра, и другія вещи безцѣнныя. Одинъ скипетръ изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмѣвалъ все драгоцѣнное въ мірѣ.

Укротивъ мятежъ, Поляки отрѣшили патріарха, бывшаго,

виною и началомъ всему злу; заперли его въ Кирилловскій мона- 1611.
стырь, и приставили къ нему стражу изъ 50 стрѣльцовъ. Тамъ будетъ онъ содержатся до прибытія Владислава и получитъ воздаяніе за всѣ свои крамолы, за гибель несмѣтнаго множества душъ христіанскихъ.[129]

Есть пословица: не хочешь мира, иди на войну; не хочешь благословенія, терпи проклятіе. Сказано, сверхъ того, въ книгѣ Премудрости: въ чемъ погрѣшишь, тѣмъ и наказанъ будешь. Москвитяне доказали собою истину сихъ изрѣченій: за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напавъ на Ливонію, они все предавали огню и мечу, насиловали женъ и дѣвицъ; теперь имъ отплачено сторицею. Изъ Ливоніи они вывезли 100,000 гульденовъ, а сами лишились всего имѣнія, цѣною во 100 бочекъ золота; имъ удалось обезчестить и полонить нѣсколько женъ и дѣвицъ; за то Поляки осрамили нѣсколько тысячъ Москвитянокъ. Сверхъ того, пожары такъ опустошили всю Россію, что пять Ливоній могли бы помѣститься въ ея пустыняхъ. Наконецъ семилѣтняя война истребила, по исчисленію самихъ Русскихъ, болѣе 600,000 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, которые тайно умерщвлены или брошены подъ ледъ.

Послѣ великаго пожара, въ теченіе двухъ недѣль, Русскіе не являлись въ свою столицу; Нѣмцы и Поляки ничего болѣе не дѣлали, какъ только собирали сокровища; имъ не нужно было ни дорогихъ полотенъ, ни олова, ни мѣди; они брали однѣ богатыя одежды, бархатныя, шелковыя, парчевыя, серебро, золото, жемчугъ, драгоцѣнные каменья, снимали съ образовъ дорогіе оклады; иному Нѣмцу или Поляку досталось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубахи, теперь носилъ богатѣйшую одежду; на пиво и медъ уже не глядѣли; пили только самыя рѣдкія вина, коими изобиловали Русскіе погреба, рейнское, венгерское, малвазію; каждый бралъ, что хотѣлъ. Вскорѣ открылось такое распутство, что Ляпуновъ принужденъ былъ стращать беззаконниковъ своими казаками. Своевольные солдаты стрѣляли въ Русскихъ

1612. жемчужинами, величиною въ добрый бобъ, и проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ у бояръ и купцевъ именитыхъ: съ трудомъ возвращали несчастныхъ малютокъ въ объятія родителей. Никто не заботился о сбереженіи съѣстныхъ припасовъ, масла, сыра, рыбы, солода, ржи, хмѣлю, меду, и прочихъ жизненныхъ потребностей, коими замокъ могъ бы цѣлыя шесть лѣтъ довольствоваться: безумные Поляки все истребили, воображая, что имъ ничего не надобно, кромѣ шелковыхъ одеждъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Правда сіи вещи имѣютъ высокое достоинство; однакожъ голоднаго не накормятъ; глупцы вскорѣ испытали это: въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, часто нельзя было достать ни за какія деньги ни пива, ни хлѣба. За штофъ пива платили цѣлый флоринъ, за кусокъ свинаго сала 8 флориновъ, за корову 40 флориновъ, хлѣба же почти вовсе не было; недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ обнаружился на третьей недѣлѣ послѣ мятежа, когда приведенные Ляпуновымъ казаки и Москвитяне овладѣли Бѣлою стѣною (наши не могли удержать ее по малочисленности) и захватили весь провіантъ, сокрытый въ погребахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Наши воины съ величайшею опасностію добывали съѣстные припасы.

Куй желѣзо, пока оно горячо, говоритъ пословица. Въ день Воскресенья Господня сего 1612 года, Москвитяне окружили крѣпость, гдѣ находились королевскія войска, и начали томить ихъ долговременною осадою; много было работы пастырямъ душевнымъ и врачамъ тѣлеснымъ: нашихъ воиновъ осталось всего навсе 60 человѣкъ. Терзаемые голодомъ, они уже готовы были сдаться: къ счастію, покойный воевода Янъ-Петръ-Павелъ Сапѣга нашелъ путь чрезъ Бѣлую стѣну и ввелъ въ крѣпость 2000 быковъ. Вскорѣ однакожъ Москвитяне, воспользовавшись его отлучкою за съѣстными припасами, овладѣли Дѣвичьимъ монастыремъ и заградили нашимъ всѣ пути за Бѣлую стѣну, такъ, что никому не возможно было ни выйти изъ крѣпости, ни взойти въ нее. Осажденные снова предались унынію, и снова

нашли избавителя: по смерти Сапѣги, около Варооломеева дня, 1612.
прибылъ къ нимъ на помощь Польскій военачальникъ, Карлъ Ходкѣвичъ, присланный королемъ въ Москву, съ нѣсколькими тысячами опытныхъ воиновъ.

Боже милосердый! положи предѣлъ войнѣ кровопролитной; смягчи сердца упорныхъ Египтянъ; да покаются они во грѣхахъ своихъ и да покорятся законному государю! Внуши, Господи! и его величеству королю Польскому благое намѣреніе спасти воиновъ, столь долго томимыхъ осадою, и даруй Русской землѣ миръ и тишину, во славу Твоего имени, для блага самихъ Русскихъ и всѣхъ инозем цевъ! Да исполнится въ семъ же году моленіе мое!

ПАЕРЛЕ.

ПАЕРЛЕ.

Георгъ Паерле, Georg Peyerle, извѣстенъ ученому свѣту только по сочиненіямъ Шмидта-Фисельдека и Карамзина: первый помѣстилъ сокращенную выписку изъ рукописи Паерле въ своемъ Опытѣ введенія въ Русскую исторію;* второй заимствовалъ изъ нея многія свѣдѣнія, описывая смутное время Самозванцевъ.** Гдѣ хранится подлинникъ, неизвѣстно: лучшій списокъ находится въ библіотекѣ герцога Брауншвейгъ-Волфенбительскаго.

Паерле былъ родомъ изъ Аугсбурга и, сколько можно догадываться по его сочиненію, занимался торговлею въ товариществѣ съ двумя единоземцами своими, Андреасомъ Натаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ. Вмѣстѣ съ ними онъ пріѣхалъ въ Москву за нѣсколько дней до бракосочетанія Лжедимитрія, по приглашенію секретаря его, Яна Бучинскаго, усердно старавшагося заманить въ Россію купцовъ иноземныхъ. Надѣясь на покровительство пословъ Польскихъ и еще болѣе на граммату Самозванца, Натанъ, Манлихъ и Паерле привезли въ Москву дорогіе товары, думая сбыть ихъ съ выгодою; но жестоко обманулись: вскорѣ по ихъ прибытіи, народъ возсталъ на обманщика и въ пылу негодованія, хотѣлъ истребить всѣхъ клевретовъ его. Многіе иноземцы, виновные и невинные, были жертвою мести народной; купцамъ Аугс-

* Versuch einer neuen Einleitung in die Russische Geschichte. 1773. Часть I. стр. 317—384.

** Исторія Государства Россійскаго, том. XI и XII.

бургскимъ грозила та же участь. Видя смерть неизбѣжную, они рѣшились дорого продать свою жизнь и вступили съ чернью въ бой неровный; бояре, къ счастію, спасли ихъ; укротивъ народъ, они дали слово купцамъ иноземнымъ вознаградить ихъ за потерю имущества и отправить въ отечество. Не вѣря обѣщанію, купцы, въ числѣ ихъ и Паерле, искали покровительства пословъ Польскихъ и пробрались, съ опасностью жизни, въ ихъ домъ; вышло однако хуже: пословъ задержали, а съ ними и всѣхъ иноземцевъ, укрывшихся на дворѣ посольскомъ. Тамъ они пробыли около 18 мѣсяцевъ подъ строгимъ надзоромъ; не разъ пытались бѣжать изъ плѣна, хотѣли даже силою вырваться изъ Москвы, и только тогда получили свободу, когда царь Василій Іоанновичъ (Шуйскій), заключивъ перемиріе съ Сигизмундомъ III, отпустилъ въ отечество пословъ Литовскихъ.

Томимый скукою неволи, Паерле записывалъ, вѣроятно отъ нечего дѣлать, все, что ни случилось ему видѣть и слышать въ Москвѣ о Димитріи Самозванцѣ и слѣдствіяхъ его дерзкаго предпріятія; потомъ возвратясь на родину, составилъ любопытное для насъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Описаніе путешествія Ганса Георга Паерле, уроженца Аугсбургскаго, съ господами Андреасомъ Натаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ младшимъ, изъ Кракова въ Москву и изъ Москвы въ Краковъ, съ* 19 *марта* 1606 *года по* 15 *декабря* 1608.* Это сочиненіе, по содержанію своему, раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ излагаетъ исторію Димитрія Самозванца, котораго признаетъ сыномъ Іоанна Грознаго; разсказываетъ мнимое спасеніе его отъ смерти въ Угличѣ, пребываніе въ Польшѣ, войну съ Году-

* Beschreibung der Moscowitterischen Rayse, welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mit Hernn Andreasen Nathan und Matheo Bernhardt Manlichen denn jüngern Ady 19 Martii Aj 1606 von Crachaw aus, angefangen, und was wir wahrhafftiges gehört, gesehen und erfahren, alles aufs khürzest beshriben, bis zue vnserer, Gottlob, wider dahirr Ankunft den 15 Decembris Anno 1608. 104 стр. въ листъ.

новымъ, воцареніе, бракъ съ Мариною, споры съ Литовскими послами, наконецъ низверженіе съ престола. Во второй части онъ описываетъ, въ видѣ дневника, осмнадцати-мѣсячное заключеніе пословъ Литовскихъ, переговоры ихъ съ боярами, неустройства въ Москвѣ, волненіе государства и проч.

Въ сочиненіи Паерле наиболѣе замѣчательны подробности Лжедимитріева похода въ Россію: авторъ описываетъ вѣрно и точно весь путь Самозванца отъ предѣловъ Польши до самой Тулы; всѣ его побѣды и неудачи, всѣ намѣренія и хитрости воинскія, даже мѣста, гдѣ онъ останавливался для ночлега. Неизвѣстно, откуда почерпнулъ Паерле любопытныя подробности; но сказанія его такъ опредѣлительны, что, по всѣмъ признакамъ, онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ какой нибудь Польскій дневникъ, или воспользовался дружбою Яна Бучинскаго, и отъ него узналъ всѣ дѣйствія Самозванца до прибытія его въ Москву. Остальное же, въѣздъ Марины, свадьбу, пиры, возстаніе народа и свою неволю, онъ разсказываетъ какъ очевидецъ.

Не имѣя ума тонкаго, наблюдательнаго, которымъ плѣняетъ насъ Маржеретъ, не владѣя даромъ повѣствованія, столь очаровательнымъ въ Лѣтописи Мартина Бера, Паерле заслуживаетъ однако вниманія потомства, какъ по многимъ любопытнымъ извѣстіямъ о Лжедимитріи, о пышности двора Московскаго, такъ и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о политикѣ царя Василія Іоанновича Шуйскаго.

Сочиненіе его переведено мною вполнѣ, безъ малѣйшей перемѣны, не исключая ни погрѣшностей историческихъ, ни ложныхъ умствованій автора. Два главные недостатка наиболѣе въ немъ замѣтны: неправильное понятіе о Самозванцѣ, котораго Паерле признаетъ сыномъ царя Іоанна Васильевича, и злоба на Москвитянъ, т. е. Русскихъ. Дѣло о Самозванцѣ въ наше время кончено: неоспоримыя свидѣтельства удостовѣряютъ каждаго, что мнимый Димитрій былъ обманщикъ; а строгіе приговоры иноземцевъ о грубыхъ Москвитянахъ XVI и XVII столѣтій, доказываютъ только

большею частью ихъ личность, мщеніе за претерпѣнныя ими въ Россіи неудачи, коимъ они подвергались, вмѣшавшись въ тогдашнія политическія ея потрясенія. Мы знаемъ нашихъ предковъ: знаемъ, что они были не безъ слабостей, даже не безъ пороковъ, свойственныхъ народу малообразованному; но отличались и добродѣтелями возвышенными: непоколебимымъ благочестіемъ, безусловною покорностію властямъ, добрыми семейственными качествами, и особенно безпредѣльною преданностію царю-государю, на которой основано величіе и благоденствіе Россіи.

ЗАПИСКИ ПАЕРЛЕ,

О

ПУТЕШЕСТВІИ ИЗЪ КРАКОВА ВЪ МОСКВУ И ОБРАТНО,

СЪ 19 МАРТА 1606 ГОДА ПО 15 ДЕКАБРЯ 1608.

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКОЙ РУКОПИСИ.

ЗАПИСКИ ПАЕРЛЕ.

ГЛАВА I.

ИСТОРІЯ ЦАРЯ ДИМИТРІЯ.

Іоаннъ Великій. Характеръ Ѳеодора. Замыселъ Годунова. Симеонъ спасаетъ царевича Димитрія. Воевода Сендомирскій. Походъ Димитрія на Москву. Покореніе Моравска и Чернигова. Осада Новогродека. Басмановъ. Покорность Путивля, Рыльска, Сѣвска. Битва при Новогродекѣ. Рѣчь Димитрія. Побѣда. Казаки Запорожскіе. Удаленіе воеводы Сендомирскаго. Битва Добрынская. Измѣна казаковъ. Осада Рыльска. Замыселъ Борисовъ отравить Димитрія. Осада Кромъ. Хитрость Запорскаго. Смерть Годунова, жены его и сына. Москва встрѣчаетъ Димитрія. Замыселъ Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Обрученіе съ Мариною. Пріѣздъ ея. Рѣчь воеводы Сендомирскаго. Свадьба Димитрія. Смерть его. Убійство Поляковъ.

Въ 1584 году умеръ свирѣпый мучитель Іоаннъ Васильевичъ, великій князь Московскій, который въ 34 лѣтнее правленіе свое превзошелъ Нерона жестокостію и тиранствомъ, Калигулу злодѣяніями, Еліогабала непотребною жизнію;[130] по смерти сего государя, именуемаго въ Россіи Великимъ, остались два сына, Ѳеодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Ѳеодоръ, наслѣдовалъ престолъ, но не имѣлъ вовсе охоты заниматься дѣлами государственными и все время посвящалъ на служеніе Господу Богу; посему избравъ шурина своего, Бориса Годунова, правителемъ великаго княжества, поручилъ ему власть верховную.

Властвуя именемъ Ѳеодора, Борисъ задумалъ, при удобномъ случаѣ, овладѣть престоломъ: это желаніе съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе въ немъ усиливалось. Онъ предчувствовалъ, что слабый и хилый Ѳеодоръ недолго будетъ царствовать; однакожъ опасался неудачи въ своемъ намѣреніи, если воцарится родной братъ государя, Димитрій, какъ законный наслѣдникъ; посему Годуновъ рѣшился устранить эту преграду: золотомъ склонилъ

1591. на свою сторону нѣсколько Москвитянъ, и послалъ ихъ въ городъ Угличъ съ порученіемъ тайно умертвить жившаго тамъ Димитрія; а какъ это ужасное дѣло не могло совершиться безъ согласія Димитріева наставника, именемъ Симеона, то злоумышленники старались уговорить и его къ участію въ преступномъ замыслѣ, обѣщая великія богатства за содѣйствіе и грозя неминуемою смертію въ случаѣ сопротивленія. Симеонъ далъ имъ слово; но въ то же время, одушевленный любовью и преданностію къ своему питомцу, принялъ столь вѣрныя мѣры, что, съ помощію Божіею, разрушилъ коварный умыселъ слѣдующимъ образомъ: предъ наступленіемъ ночи, увѣдомивъ обо всемъ юнаго князя, Симеонъ объявилъ ему, что нѣтъ никакой надежды отвратить убійство, что они окружены злодѣями, которые пресѣкли всѣ пути извѣстить Ѳеодора; но что онъ придумалъ средство, коимъ надѣется, при помощи Божіей, если только Димитрій согласится, избавить его отъ смерти. Получивъ желаемое согласіе, наставникъ, по волѣ небесъ, взялъ отрока, весьма похожаго лицемъ и видомъ на Димитрія, и въ ту же ночь положилъ его на постель царевича: убійцы, думая, что все устроено согласно съ ихъ намѣреніемъ, прокрались въ комнату и умертвили отрока. Димитрія между тѣмъ Симеонъ спряталъ и въ слѣдующую ночь отправилъ въ одинъ монастырь, давъ ему наставленіе, что дѣлать и какъ называть себя;[131] самъ же удалился изъ Углича, опасаясь, что коварный Борисъ обвинитъ его предъ великимъ княземъ въ смерти царевича и казнитъ безъ всякой пощады; онъ тѣмъ болѣе страшился, что государь возвелъ Бориса на высшую степень и во всемъ вѣрилъ ему.

Великій князь, свѣдавъ о смерти брата, очень горевалъ и сокрушался; онъ велѣлъ Борису узнать немедленно, какимъ образомъ и отъ чего умеръ царевичъ? Борисъ хотя зналъ очень хорошо причину, однако донесъ государю, что Димитрій умертвилъ самъ себя ножемъ въ припадкѣ необыкновеннаго недуга;[132] причемъ утѣшалъ великаго князя хитрыми и льстивыми

рѣчами, говоря, что сколъ ни горестно это несчастіе, но сверхъ 1604.
мѣры кручиниться не должно, и что не мудрено, если неосторожный отрокъ самъ себя лишилъ жизни, особенно въ тяжкой болѣзни. Слабоумный Ѳеодоръ легко повѣрилъ и приказалъ казнить всѣхъ служителей своего брата. Борисъ немедленно исполнилъ это повелѣніе весьма охотно, думая тѣмъ удобнѣе скрыть свою измѣну.[133] Вскорѣ послѣ того, при помощи сестры своей, супруги Ѳеодора, онъ тайно отравилъ государя[134], а самъ овладѣлъ престоломъ.

Между тѣмъ Димитрій, никѣмъ незнаемый, въ одеждѣ инока переходилъ изъ обители въ обитель, и достигъ наконецъ предѣловъ Польши. Пробывъ нѣсколько времени на границѣ въ Русскихъ монастыряхъ, онъ явился сперва къ благородному господину Адаму Вишневецкому, а потомъ къ знатному вельможѣ Георгу Мнишку, воеводѣ страны Сендомирской, правителю Русскаго Львова, Самбора и другихъ: здѣсь, объявивъ, что онъ родной сынъ великаго князя Іоанна Васильевича, что его преслѣдуетъ измѣнникъ Борисъ, въ намѣреніи лишить жизни, и что спасенный милостію Бога и помощію своего наставника, онъ долженъ былъ укрыться отъ злодѣя, который тайно отравилъ его брата Ѳеодора и беззаконно овладѣлъ престоломъ, Димитрій молилъ воеводу быть ему отцемъ и убѣдить короля Польскаго къ защитѣ и содѣйствію овладѣть прародительскою державою. Воевода исполнилъ его желаніе; но король отказалъ въ пособіи, отложивъ дѣло до собранія сейма.[135] Между тѣмъ Димитрій, убѣждаемый нѣкоторыми Москвитянами поспѣшить пришествіемъ въ предѣлы отечества безъ всякаго замедленія, не хотѣлъ столь долго ожидать королевскаго отвѣта и просилъ воеводу собрать тайно столько воиновъ, сколько было можно, объявивъ, что многіе единоземцы обѣщаютъ присоединиться къ нему немедленно, какъ скоро онъ вступитъ въ Россію.

Воевода, исполненный благочестія и страха Божія, такъ тронулся усердною просьбою и жалкимъ положеніемъ царевича, что

1604. не только нашелъ воиновъ, но и самъ рѣшился провожать его до предѣловъ Польши, даже въ страну Московскую.

Такимъ образомъ, собравъ 1100 Польскихъ всадниковъ, да 500 человѣкъ пѣхоты, и снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, Димитрій и воевода Сендомирскій отправились съ слабымъ отрядомъ 22 августа 1604 года изъ Самбора къ Москвѣ.[136] Усиленные на пути двумя тысячами казаковъ, приставшихъ къ нимъ подъ начальствомъ нѣсколькихъ атамановъ, они достигли 26 октября Московской границы и стройно двинулись на первую Русскую крѣпость Моравскъ;[137] за три мили встрѣтили ихъ граждане города, привели къ Димитрію связанныхъ правителей, покорились ему и признали его законнымъ государемъ страны Московской. Не успѣвъ въ тотъ же день вступить съ отрядомъ въ Моравскъ, онъ послалъ туда Польскаго ротмистра, давъ ему 150 воиновъ, съ повелѣніемъ занять крѣпость и городъ и привести жителей къ присягѣ. Повелѣніе тогда же было исполнено. На утро сопровождаемый воеводою и всѣми спутниками, онъ вошелъ въ крѣпость и принесъ благодареніе Богу за столь счастливое начало предпріятія, не стоившее ни одной капли крови. Пробывъ здѣсь двое сутокъ, въ третій день онъ двинулся въ добромъ устройствѣ къ другой крѣпости, Чернигову, отстоящей отъ Моравска на 12 миль, и выслалъ впередъ 2000 казаковъ. Отрядъ еще на цѣлую милю не дошелъ до города, какъ Черниговцы, узнавъ о приближеніи его, составили совѣтъ и начали разсуждать, что имъ дѣлать? Наконецъ положили: связавъ правителей, сдать крѣпость и покориться Димитрію.

Воеводы Черниговскіе, свѣдавъ о намѣреніи народа, рѣшились обороняться и выстроили 300 стрѣльцовъ съ 20 орудіями. Жители хотѣли принудить ихъ къ покорности силою; но отбитые отъ крѣпости, не имѣя средствъ овладѣть ею, пригласили на помощь 2000 казаковъ, соединились съ ними и снова пошли на приступъ: тогда стрѣльцы отворили ворота и впустили гражданъ вмѣстѣ съ казаками, которые, схвативъ воеводъ, посла-

ли ихъ къ Димитрію. Обрадованный вѣстію, онъ немедленно 1604.
поручилъ Польскому дворянину Бучинскому занять городъ и крѣпость; на другой же день самъ вступилъ въ Черниговъ, и съ восторгомъ былъ принятъ жителями, которые, признавъ его истиннымъ государемъ, присягнули ему, какъ вѣрноподданные. Послѣ осьмидневнаго отдыха, онъ двинулся далѣе съ своимъ слабымъ отрядомъ къ третьей крѣпости, Малому Новугродеку. [138]

Между тѣмъ Борисъ овладѣлъ великимъ княжествомъ и держалъ народъ въ страхѣ и повиновеніи. Когда же по всей Россіи разнеслась молва о Димитріи, и въ Москвѣ узнали о покореніи имъ двухъ крѣпостей, царь выслалъ противъ него многочисленную рать, и въ то же время чрезъ посла своего, дворянина Огарева, [139] извѣстилъ его величество короля Польскаго, что человѣкъ, называющій себя сыномъ великаго князя Іоанна Васильевича, есть не царевичъ Димитрій, а бѣглый монахъ и измѣнникъ, Гришка Отрепьевъ; почему и просилъ короля не нарушать взаимной дружбы, не вѣрить обманщику и не давать ему помощи ни казною, ни людьми. О слѣдствіяхъ сего посольства увидимъ ниже.

Собирая силы для борьбы съ Димитріемъ, Борисъ немедленно отправилъ впередъ боярина Петра Басманова съ 600 Московскихъ стрѣльцовъ. Воевода, прибывъ къ Новугродеку и узнавъ о приближеніи къ нему Димитрія, созвалъ всѣхъ городскихъ обывателей въ крѣпость и заперъ ее; городъ же приказалъ 200 стрѣльцамъ сжечь до основанія, такъ, что уцѣлѣла одна крѣпость, стоявшая на горѣ. Димитрій, подступивъ къ ней на 4 мили, выслалъ впередъ 200 казаковъ, подъ начальствомъ Яна Бучинскаго; отрядъ подошелъ къ самой крѣпости. Москвитяне, увидѣвъ ихъ, начали немедленно палить и бросили вверхъ шапки, означая тѣмъ, что желаютъ вступить въ переговоры. Бучинскій, провождаемый 11 воинами, подъѣхалъ къ стѣнѣ, чтобы узнать, чего они хотятъ. «Чего требуешь ты?» спрашивалъ Басмановъ. «Я присланъ», отвѣчалъ Бучинскій «моимъ всемилостивѣйшимъ «государемъ, сыномъ блаженной памяти великаго князя Іоанна

1604. «Васильевича, Димитріемъ Іоанновичемъ. Небесный промыслъ «сохранилъ его отъ смерти, приготовленной въ Угличѣ измѣнни-«комъ Борисомъ: онъ здравствуетъ, и чрезъ меня, слугу своего, «объявляетъ, что если вы, подобно жителямъ Чернигова и Морав-«ска, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному госу-«дарю, то будете помилованы; если же не согласитесь, то «знайте, что всѣхъ васъ предастъ онъ смерти, и мужей и женъ, «и старыхъ и малыхъ; самымъ младенцамъ въ материней утробѣ «не будетъ пощады». Басмановъ отвѣчалъ: «Государь нашъ и «великій князь Борисъ теперь въ Москвѣ: онъ повелитель всей «Россіи! Тотъ же, о комъ говоришь ты, есть измѣнникъ и него-«дяй; скоро онъ будетъ на колѣ со всѣми его клевретами! Спѣши «удалиться туда, откуда пришелъ ты, если хочешь остаться въ «живыхъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Москвитяне снова начали пальбу; но пули ихъ не долетали до отряда Бучинскаго, который, расположивъ его на горѣ, откуда все въ крѣпости было видно, самъ поскакалъ къ Димитрію съ увѣдомленіемъ о слѣдствіяхъ переговоровъ. Царевичъ, узнавъ о неудачѣ, не рѣшился итти впередъ и двое сутокъ простоялъ на одномъ мѣстѣ, совѣтуясь съ воеводою Сендомирскимъ и другими особами, что надлежало предпринять, ибо крѣпость не сдавалась добровольно; наконецъ положили: подступить къ ней на слѣдующее утро; что и было исполнено. Димитрій, велѣвъ Полякамъ поставить шатры на городскомъ пепелищѣ, отправилъ къ стѣнамъ укрѣпленія нѣсколько дворянъ и преданныхъ ему бояръ Московскихъ для переговоровъ, обѣщая милость покорнымъ. Но посланные получили тотъ же отвѣтъ, какъ и прежніе.

Нѣсколько дней Димитрій питалъ себя надеждою на добровольную покорность жителей Новагродека и оставался въ бездѣйствіи; наконецъ, видя ихъ непреклонное упорство, болѣе и болѣе возраставшее, слыша только брань и ругательства, онъ приказалъ итти на приступъ; удачи однако не было: слабый отрядъ его, не имѣвшій достаточнаго количества орудій, былъ отбитъ съ поте-

рею 50 воиновъ. Послѣ того, три недѣли онъ не предпринималъ 1604.
ничего важнаго, потому, что Поляки въ то время готовили горючія вещества, чтобы взорвать крѣпость; но и то кончилось не такъ, какъ надѣялись: шпіоны предостерегли Русскихъ, и потому, когда осаждающіе вышли ночью изъ лагеря въ намѣреніи зажечь крѣпость и уже приблизились къ ней, непріятель открылъ столь сильный огонь, что изъ нихъ около ста человѣкъ пало на мѣстѣ. Поляки, не успѣвъ овладѣть замкомъ ни хитростію, ни силою, съ великою печалію возвратились въ лагерь и остальное время ночи провели въ совѣщаніяхъ, на что имъ рѣшиться? Наконецъ условились съ наступленіемъ дня отправиться восвояси. Димитрій, свѣдавъ о ихъ намѣреніи, весьма огорчился; сильная горесть не могла поколебать однако его великодушія; онъ рѣшился ждать, когда счастіе будетъ къ нему благосклоннѣе, и размышлялъ о средствахъ къ безопасному отступленію.

Между тѣмъ съ разсвѣтомъ дня, когда Поляки уже хотѣли отъ него удалиться, прискакалъ одинъ Москвитинъ съ извѣстіемъ, что Путивль, главный городъ Сѣверской области, покорился добровольно и что воеводъ его ведутъ уже, какъ плѣнниковъ. Эта радостная вѣсть ободрила унывшихъ: Поляки снова рѣшились остаться въ лагерѣ. Вскорѣ привели связанныхъ правителей Путивля и выдали ихъ Димитрію. Около полудня другой вѣстникъ увѣдомилъ его, что и Рыльскъ, обширный городъ, отстоящій отъ Путивля на 12 миль, покорился ему вмѣстѣ съ крѣпостью: тогда же привели связанныхъ градоначальниковъ. Чрезъ часъ по захожденіи солнца, прибылъ третій вѣстникъ, что укрѣпленный Сѣвскъ въ княжествѣ Сѣверскомъ и 40 крѣпостей окрестныхъ, всѣ изъявили покорность; около полуночи явились до 100 Москвитянъ, которые выдали Димитрію Сѣвскихъ воеводъ. Въ слѣдующее утро приказалъ онъ привести всѣхъ вышеозначенныхъ сановниковъ и принялъ ихъ весьма благосклонно: они же немедленно поклялись служить ему вѣрно, какъ истинному государю и законному наслѣднику Русскаго престола.

*

1604. Въ тотъ же день Димитрій послалъ ихъ съ нѣсколькими Поляками къ Новугродеку для переговоровъ о добровольной сдачѣ; но посланные возвратились, обруганные, безъ всякаго успѣха. Пылая гнѣвомъ, онъ приказалъ привести всю артиллерію изъ покорившихся крѣпостей, какъ можно поспѣшнѣе; между тѣмъ велѣлъ рыть окопы; когда же, по прошествіи двухъ недѣль, подвезли довольно орудій, открылась по крѣпости пальба въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ безпрерывно. Осажденные, замѣтивъ непреклонность непріятеля, начали опасаться и, бросая вверхъ шапки, давали знать о своемъ согласіи вступить въ переговоры. Димитрій выслалъ нѣсколько Поляковъ съ повелѣніемъ узнать, чего желаютъ Москвитяне, и услышавъ, что они просятъ двухнедѣльнаго перемирія, сначала не хотѣлъ согласиться, требуя немедленной покорности. Осажденные объявили, что они просятъ перемирія не безъ причины: ибо увѣдомились о скоромъ прибытіи вѣстника съ письмами, изъ которыхъ узнаютъ, въ какомъ состояніи находится Москва. «Это извѣстіе», говорили Русскіе, «и вамъ будетъ полезно: тогда вы лучше можете судить, какія предпринять мѣры; если же въ теченіе сего времени, мы не получимъ никакого свѣдѣнія, тогда предадимъ себя милосердію вашего государя». Димитрій согласился.

Но прежде окончанія двухнедѣльнаго срока, 60,000 воиновъ прибыли изъ Москвы на помощь крѣпости (она того только и ожидала) и расположились станомъ въ двухъ миляхъ отъ Польскаго лагеря. Простоявъ спокойно пять дней, въ шестой они двинулись на обширную равнину, гдѣ былъ станъ Димитрія. Поляки сначала дрогнули: силы ихъ были ничтожны въ сравненіи съ многочисленнымъ воинствомъ непріятеля, а укрыться отъ него не было никакого средства; но размысливъ, что мужественная битва и смерть на полѣ ратномъ благороднѣе, славнѣе постыднаго бѣгства, они ободрились и выступили изъ лагеря на встрѣчу врагамъ. Димитрій же, неустрашимый и исполненный радости, говорилъ къ нимъ слѣдующимъ образомъ:

«Наконецъ, мои добрые, вѣрные сподвижники! настало время, 1604.
«когда всемогущій, милосердый Богъ разсудитъ меня съ Бори-
«сомъ и рѣшитъ мое дѣло. Что же предпринять намъ? должны
«ли мы страшиться, или желать суда Его? Богъ судія правди-
«вый и строгій; Онъ любитъ правду и смиреніе, ненавидитъ не-
«правоту и высокомѣріе. Уже Онъ обратилъ грозный взоръ на
«Бориса: настало время, когда преступникъ получитъ возмездіе за
«свои злодѣянія! Божій промыслъ вѣдаетъ, какимъ вѣроломъ-
«ствомъ онъ присвоилъ мое наслѣдственное право на Русскую
«корону, какою смертоносною измѣною овладѣлъ моею прароди-
«тельскою державою. Я увѣренъ, и никто не будетъ въ томъ
«сомнѣваться, что одинъ Богъ хранилъ меня до сего времени;
«пусть Борисъ не признаетъ Его правосудія и могущества: про-
«мыслъ Всевышняго располагаетъ всѣми дѣлами человѣка и ничто
«не совершается безъ воли Божіей. Этотъ самый промыслъ,
«хранившій меня доселѣ отъ всякаго зла и бѣдствія, избавившій
«отъ смерти, казалось, неизбѣжной, и разрушившій коварный,
«ужасный замыслъ, назначилъ день для наказанія злодѣя: все
«не умъ человѣка устроилъ, а судьбы Всевышняго предопре-
«дѣлили. Онѣ отвели отъ меня страшный, убійственный ударъ,
«въ чемъ будутъ свидѣтельствовать самыя стѣны Углича, обрыз-
«гашныя кровію невинныхъ, погибшихъ отъ руки смертоубійцъ,
«на грудь мою устремленной; но ихъ кровожадная душа не нашла
«своей жертвы. Богъ разрушилъ ихъ замыслъ. Я живъ для казни
«преступниковъ! И такъ, мои вѣрные товарищи, возмемъ оружіе
«и мужественно, радостно, съ нами Божія помощь и благодать,
«ударимъ на вѣроломныхъ измѣнниковъ, презирающихъ и чело-
«вѣческое и божественное право! Не страшитесь множества
«противниковъ: поле битвы остается не за тѣмъ, кто сильнѣе,
«но кто мужественнѣе и добродѣтельнѣе, чему находимъ много
«примѣровъ въ бытописаніи, и что вы сами теперь узнаете
«собственнымъ опытомъ. Меня не обманетъ надежда возвратить
«наслѣдіе отцевъ моихъ; а васъ ожидаетъ безсмертная слава,

1604. «изъ всѣхъ наградъ самая сладостная! Она утѣшаетъ насъ въ «кратковременной жизни, по смерти же передаетъ вѣкамъ па- «мять нашихъ дѣлъ, и это воспоминаніе такъ могущественно, «что съ нами, уже мертвыми, потомки будутъ бесѣдовать, какъ «съ живыми. Слава ведетъ человѣка прямо въ небеса!»

По окончаніи рѣчи, одушевившей воиновъ новымъ мужествомъ, Поляки немедленно стали въ ряды и приготовились къ битвѣ; когда же приблизились Москвитяне, раздался трубный звукъ и битва началась съ ужаснымъ крикомъ, громомъ, трескомъ. Поляки ударили въ толпы непріятеля съ такою яростію, что разорвали его ряды: онъ оробѣлъ, началъ уступать мужеству витязей, покровительствуемыхъ Небесами, и наконецъ обратился въ бѣгство. Димитрій, овладѣвъ полемъ битвы, съ веселымъ торжествомъ возвратился въ свой лагерь. Москвитяне лишились 4,000 человѣкъ убитыми, кромѣ множества раненыхъ и плѣнныхъ; уронъ Димитрія былъ незначителенъ.

На другой день пришли къ нему на помощь 12,000 Запорожскихъ казаковъ, съ 14 полевыми орудіями; изъ числа ихъ 8,000 были на коняхъ, а прочіе пѣшіе. Димитрій встрѣтилъ ихъ въ довольномъ разстояніи отъ своего лагеря и изъявилъ особенную ласку и признательность; они расположились станомъ также подъ крѣпостью, отдыхали два дня и совѣтовались съ Поляками о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Тѣ и другіе условились было въ слѣдующую ночь довершить пораженіе непріятеля, который снова собрался недалеко отъ Новагродека, потомъ начать рѣшительную осаду крѣпости, или овладѣть ею приступомъ; но въ то время пріѣхалъ изъ Польши вѣстникъ съ указами его королевскаго величества къ воеводѣ и всѣмъ Полякамъ, находившимся при Димитріи: король, исполняя Борисово желаніе, объявленное посломъ его, о коемъ мы выше упоминали, предписалъ воеводѣ возвратиться въ отечество немедленно со всѣми Поляками, подъ опасеніемъ потери имущества и самой жизни. Поляки едва узнали о королевскомъ повелѣніи, тотчасъ отправились съ воеводою

восвояси, вмѣсто того, чтобы итти на враговъ, и оставили Дими- 1604.
трія съ одними Запорожцами. По удаленіи ихъ, казаки не смѣли напасть на Московскій лагерь и, углубясь вмѣстѣ съ Димитріемъ въ Сѣверскую область, засѣли въ крѣпости Сѣвскѣ, отстоящей на 12 миль отъ Новагродека.

Въ третій день по отшествіи воеводы, 400 Польскихъ всадниковъ возвратились къ Димитрію, желая снова служить ему. Пробывъ въ Сѣвскѣ 8 сутокъ, безъ всякаго извѣстія, гдѣ находится Московскій лагерь и что дѣлается въ Новѣгродекѣ, онъ выслалъ 500 казаковъ, съ повелѣніемъ развѣдать, не слышно ли чего либо о непріятелѣ. Казаки, не доходя двухъ миль до крѣпости, приблизились къ одной большой деревнѣ и за четверть мили отъ нея встрѣтили въ кустарникѣ 30 Москвитянъ на копяхъ: схвативъ изъ нихъ троихъ, помощію ударовъ и пытки, они свѣдали, что въ этой деревнѣ стояли 4 тысячи непріятелей, а главное войско, оставивъ прежній лагерь при Новѣгродекѣ, расположилось въ 12 миляхъ отъ большой деревни и за нѣсколько дней усилилось 130,000 человѣкъ. Казацкій атаманъ, увѣдомивъ о томъ Димитрія, немедленно просилъ прислать на помощь 100 гусаръ или Польскихъ уланъ, чтобы разсѣять четырехтысячный отрядъ, стоявшій въ деревнѣ. Димитрій отправилъ къ нему 120 всадниковъ съ Польскимъ хорунжіемъ; но прежде, чѣмъ они подоспѣли, казаки начали битву съ Москвитянами и уже отступали; однакожъ, увидѣвъ Поляковъ, идущихъ на помощь, снова ударили на враговъ, положили около 1200 человѣкъ на мѣстѣ и съ незначительною потерею возвратились въ крѣпость побѣдителями. Димитрій, узнавъ теперь достовѣрно, что непріятель всѣми силами ежедневно подвигается впередъ и уже отстоитъ не болѣе, какъ на 3 мили отъ Сѣвска, собралъ своихъ для совѣта и разсуждалъ, что надлежало предпринять? Долго не знали, на что рѣшиться; Димитрій наконецъ согласился съ мнѣніемъ тѣхъ, которые совѣтовали итти врагамъ на встрѣчу, не дожидаясь ихъ приближенія къ Сѣвску: еслибъ они обложили крѣпость,

1605. сопротивленіе было бы невозможно, потому что силою нельзя одолѣть столь многочисленнаго войска; они же, имѣя средства преградить всѣ пути, успѣли бы пресѣчь подвозъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и поморили бы осажденныхъ голодомъ. «Лучше», говорилъ Димитрій «встрѣтить ихъ въ полѣ, и въ битвѣ найти славную смерть, или вѣроятнѣе побѣду». Воины приготовились въ слѣдующее утро выступить противъ непріятеля.

На другой день, по совершеніи божественной службы, Димитрій повелъ свое войско, состоявшее изъ 14,000 человѣкъ, на лагерь Москвитянъ. Но едва прошелъ онъ половину пути, какъ передовой отрядъ его встрѣтилъ наблюдательный полкъ Москвитянъ, изъ 5,000 ратниковъ, и завязалъ съ нимъ столь жаркое дѣло, что побивъ около 1,000 человѣкъ, полонилъ двухъ знатныхъ бояръ и многихъ воиновъ; прочіе же побѣжали въ лагерь съ великимъ крикомъ. Царскій воевода, узнавъ о пораженіи сторожеваго отряда, немедленно оставилъ лагерь, расположенный подлѣ большой деревни, вывелъ войско на открытую равнину и устроилъ его къ битвѣ, убѣждая сразиться мужественно. Димитрій вступилъ также на эту равнину, и замѣтивъ, что его дружина слабая начала колебаться при видѣ столь многочисленныхъ враговъ, старался ободрить ее слѣдующими словами: «Мои вѣрные друзья, мои любезные сподвижники! будьте смѣлы и мужественны; надѣйтесь на Бога; Всемогущій съ нами! Вы это уже видѣли: Онъ насъ никогда не оставлялъ; Онъ неизмѣнный нашъ покровитель. Я твердо увѣренъ, что Богъ судья безпристрастный, что враги испытаютъ нынѣ Его могущество и справедливость, что Онъ разсѣетъ и истребитъ ихъ». Потомъ раздѣлилъ свое воинство на трп отряда: первый, въ коемъ онъ самъ находился, состоялъ изъ 400 Поляковъ и 2,000 Москвитянъ, (они надѣли на латы бѣлыя рубахи, для различія отъ своихъ единоземцевъ); въ другомъ было 8,000 конныхъ Запорожцевъ, въ третьемъ 4,000 казаковъ пѣшихъ. Этотъ послѣдній отрядъ остановился въ значительномъ разстояніи отъ двухъ первыхъ за горою, съ тяжелымъ снарядомъ,

для того, чтобы въ случаѣ неудачи, прочіе могли найти опору и орудіями остановить непріятеля. 1605.

Когда все было такимъ образомъ устроено, раздался трубный звукъ и битва началась. Димитрій, съ обнаженнымъ палашемъ въ рукѣ, на каремъ аргамакѣ, поскакалъ прямо въ толпы враговъ, въ надеждѣ увлечь за собою дружину. Слѣдуя за нимъ, 400 Поляковъ и 2,000 Москвитянъ устремились съ быстротою неимовѣрною. Непріятель, чтобы заманить ихъ подъ картечь, уклонился назадъ на значительное разстояніе, и потомъ раздвинувъ свои ряды, встрѣтилъ нападающихъ залпомъ изъ 14 пушекъ и 16,000 длинныхъ ружей. Тутъ Богъ всемогущій явилъ Димитрію свою необыкновенную, чудесную милость: этотъ ужасный залпъ сразилъ не болѣе 3 человѣкъ и ранилъ только пятерыхъ! Непріятель, не видя болѣе Димитріевыхъ ратниковъ, покрытыхъ дымомъ, и полагая, что всѣ они были побиты, прекратилъ пальбу; между тѣмъ, Димитрій, замѣтивъ, что облака дыма, гонимыя вѣтромъ, ослѣпили Москвитянъ, устремился впередъ съ частію войска своего и надѣлалъ имъ столько вреда, что если бы 8,000 казаковъ немедленно подали помощь, онъ безъ сомнѣнія удержалъ бы за собою поле сраженія; но казаки измѣнили и разбѣжались (они были подкуплены Борисомъ за нѣсколько дней, какъ послѣ открылось). Димитрій, не имѣя средствъ, безъ помощи казаковъ, выдержать сильнаго напора и увидѣвъ, что ему измѣнили, въ бѣгствѣ искалъ спасенія. Враги быстро его преслѣдовали до третьяго отряда, гдѣ находились пѣшіе казаки, которые, остановивъ ихъ выстрѣлами, долго мужественно сражались и многихъ побили; наконецъ, подавленные безмѣрными силами, всѣ были изрублены на мѣстѣ. Димитрій ускакалъ съ прочими воинами въ Сѣвскъ, и если бы казаки не удержали на время непріятеля, онъ достался бы живой или мертвый со всѣми остальными въ руки побѣдителей. Въ этомъ сраженіи онъ потерялъ до 3,000 человѣкъ.[140] Хотя Москвитяне, довольные побѣдою, возвратились въ лагерь и нѣсколько дней оставались въ бездѣйствіи; однакожъ онъ спѣшилъ

1605. удалиться изъ своего убѣжища, опасаясь погибнуть съ слабою дружиною, если враги вздумаютъ осадить крѣпость; на остальныхъ же 8,000 казаковъ не смѣлъ положиться; посему въ ту же ночь удалился съ немногими Поляками въ крѣпость Рыльскъ, на 36 миль отъ Сѣвска, и потомъ въ Путивлъ, главный городъ Сѣверской области. Казаки, свѣдавъ о скрытномъ удаленіи Димитрія изъ Сѣвска, немедленно пустились по его слѣдамъ; но подъ стѣнами Рыльска, ихъ встрѣтили ружейною пальбою и поносными словами, какъ предателей государя Димитрія Іоанновича; получивъ такой же отвѣтъ и въ Путивлѣ, они вышли со стыдомъ изъ предѣловъ Московскихъ.

Между тѣмъ непріятель, оставивъ лагерь, приступилъ къ Рыльску и началъ сильную пальбу какъ по городу, такъ и по крѣпости. Димитрій, убѣждаемый осажденными подать помощь, немедленно отправилъ къ нимъ изъ Путивля 1,000 Москвитянъ и 5,000 Донскихъ казаковъ;[141] эти казаки, въ числѣ 4,000 человѣкъ, присоединились къ нему въ Путивлѣ; они составляютъ лучшее войско великихъ князей Московскихъ; имѣя длинныя ружья, сражаются на коняхъ и еще гораздо лучше пѣшіе; живутъ за 100 верстъ отъ Путивля на берегахъ Дона. Не доходя двухъ миль до Рыльска, посланные Димитріемъ воины встрѣтили сторожевой отрядъ непріятельскій, разбили его и нѣсколько плѣнниковъ отправили въ Путивль; прочіе же враги, спасшіеся отъ пораженія, бросились въ лагерь и съ ужасомъ объявили своимъ, что изъ Путивля идутъ страшныя силы, отъ которыхъ они едва спаслися. Это случилось за 3 часа до разсвѣта. Вѣсть поразила непріятеля, по волѣ Небесъ, такимъ ужасомъ, что онъ покинулъ свой лагерь и разбѣжался. Рыльчане, услышавъ необыкновенное волненіе въ станѣ враговъ, думали, что они, по минованіи ночи, пойдутъ на приступъ, и бросились на твердыни, чтобы отразить ихъ; но съ разсвѣтомъ увидѣли, что непріятель скрылся, и не могли придумать причины его отступленія: прибытіе вспомогательнаго отряда наконецъ объяснило загадку; тогда осажденные,

вмѣстѣ съ отрядомъ, устремились по слѣдамъ непріятеля, настигли 1605.
его въ бѣгствѣ, побили около 3,000 человѣкъ, многихъ взяли въ плѣнъ и потомъ, разграбивъ его лагерь, гдѣ нашли 14 орудій со множествомъ съѣстныхъ припасовъ, немедленно обо всемъ увѣдомили Димитрія; такое извѣстіе очень его обрадовало. Послѣ того около 4 недѣль, никто не зналъ, куда дѣвались Москвитяне; наконецъ прибылъ въ Путивль вѣстникъ съ увѣдомленіемъ, что они стоятъ въ 36 миляхъ и весьма дѣятельно осаждаютъ Кромы, и что на походѣ къ той крѣпости, безчеловѣчно опустошили всѣ города и села въ Сѣверскомъ княжествѣ, признавшіе Димитрія, не давая пощады ни старымъ, ни малымъ, ни женщинамъ, ни мущинамъ. Не льзя не подивиться, съ какою радостію невинные люди переносили истязанія и муки за Димитрія, котораго никогда не видали, считая самую смерть блаженствомъ, если за него гибли! Перо не можетъ выразить, съ какимъ жестокосердіемъ свирѣпствовали Москвитяне въ собственномъ отечествѣ.

Въ это время Борисъ подослалъ въ Путивль трехъ монаховъ съ грамматами къ духовенству и гражданамъ, требуя, что бы они схватили Димитрія со всѣми приверженцами и отправили ихъ въ Москву; за что обѣщалъ наградить ихъ щедро и помиловать за измѣну. Монахи, прочитавъ грамматы народу, съ своей стороны убѣждали его не вѣрить тому, кто называетъ себя Димитріемъ, сказывая, что онъ бѣглый чернецъ, а не сынъ блаженной памяти Іоанна Васильевича. «Мы жили вмѣстѣ» говорили они «въ одномъ монастырѣ, и замѣтивъ, что онъ занимается чародѣйствомъ, наказали его какъ старшіе, въ намѣреніи отучить отъ дьявольскаго дѣла, а онъ бѣжалъ въ Польшу и выдалъ себя за сына Іоанна Васильевича. Притомъ всякому извѣстно, что истинный Димитрій за нѣсколько лѣтъ скончался въ Угличѣ». Подобными рѣчами монахи думали ослѣпить народъ. Но Димитрій тотчасъ провѣдалъ о томъ, приказалъ ихъ поймать и привести къ себѣ; между тѣмъ прежде, нежели ихъ представили, велѣлъ одному Польскому дворянину, именемъ Иваницкому, надѣть свое

1605. платье и сѣсть на своемъ мѣстѣ. Монахи, приведенные предъ дворянина, были спрашиваемы нѣкоторыми Поляками: «Узнаете ли вы Димитрія!» «Какъ прежде говорили мы народу», отвѣчали они «такъ и теперь повторяемъ, что онъ не тотъ, кѣмъ хочетъ быть». Желая открыть, не имѣютъ ли они другаго умысла, Димитрій приказалъ ихъ пытать. Двое ни въ чемъ не хотѣли признаться. Но третій, уже старецъ, предъ самымъ началомъ истязанія, умолялъ о пощадѣ и просилъ дозволенія переговорить съ Димитріемъ наединѣ, обѣщая открыть все, что ему извѣстно. Просьбу немедленно исполнили. Представленный Димитрію, монахъ тотчасъ узналъ его, упалъ ему въ ноги и отъ ужаса не могъ сказать ни слова. Димитрій велѣлъ ему встать и говорить безъ всякаго опасенія, откровенно. «Да будетъ вѣчная хвала и благодарность «Творцу неба и земли», воскликнулъ монахъ «за милосердое спасе«ніе «моего всемилостивѣйшаго государя отъ смерти, въ Угличѣ ему «приготовленной! Ты нашъ законный царь и наслѣдникъ всей «Русской державы! Тотъ же, кого мы всѣ трое видѣли вчера «сидѣвшаго на твоемъ мѣстѣ, былъ не царевичъ». Потомъ онъ просилъ, чтобы Димитрій приказалъ другимъ нѣсколько удалиться и тщательно смотрѣть, чтобы никто не вышелъ изъ крѣпости. Когда это было исполнено и съ Димитріемъ осталось не болѣе 3 особъ, монахъ продолжалъ: «Всепресвѣтлѣйшій князь! да будетъ «извѣстно твоей княжеской милости, что одинъ изъ моихъ това«рищей имѣетъ у себя разные яды, и самый смертоносный спря«танъ у него въ сапогѣ, между подошвами: кто хотя нѣсколько «прикоснется къ этому яду, тотъ всѣмъ тѣломъ такъ распухнетъ, «что въ девятый день долженъ лопнуть. Двое изъ твоихъ бояръ «взялись смѣшать его съ ладаномъ, которымъ священникъ дол«женъ окурить тебя, государь, въ церкви; они подкуплены Бори«сомъ, и уже неоднократно объ этомъ пересылали къ «нему письма; о чемъ и доношу вашему величеству».

Димитрій, услышавъ такія слова, благодарилъ Бога всемогущаго, который столь милостиво оберегалъ его доселѣ отъ погибе-

ли, и въ тоже время велѣлъ позвать обвиняемыхъ бояръ. Они по 1605.
обычаю ударили челомъ въ землю. Гнѣвно и грозно вскричалъ на нихъ Димитрій: «Вамъ ли, при вашихъ сѣдинахъ, вѣроломные «злодѣи! быть измѣнниками своему государю? такъ ли платите «мнѣ за царскую милость, за отеческую любовь мою? уже ли «забыли вы, коварные злодѣи! то милосердіе, которое оказалъ я «вамъ, когда граждане привели васъ, измѣнниковъ? Я, по своему «добродушію, даровалъ вамъ жизнь и пощаду и ввелъ васъ въ «тайный совѣтъ мой; а вы доносили Борису о всѣхъ помышленіяхъ «моихъ. Но Тотъ, Кто всегда покровительствовалъ правое дѣло, и «теперь обнаружилъ чрезъ монаха вашу измѣну: вы приняли ядъ «отъ проклятыхъ людей, чтобы лишить меня жизни. Теперь нѣтъ «милосердія, безбожные преступники! Васъ ожидаетъ казнь мучи-«тельная, въ страхъ другимъ подобнымъ измѣнникамъ!» Они во всемъ повинились. Граждане, свѣдавъ объ ужасномъ умыслѣ, просили Димитрія выдать имъ бояръ, желая сами совершить надъ ними казнь, и получивъ на свою просьбу его согласіе, схватили ихъ, раздѣли до-нага, вывели на площадь, привязали къ столбу, врытому землю, и разстрѣляли изъ луковъ и пищалей. Два же монаха, не хотѣвшіе на пыткѣ ни въ чемъ признаться, были заключены въ темницу; а третьяго, за открытіе измѣны, Димитрій осыпалъ милостями.

Спустя нѣсколько времени, Димитрій получилъ изъ Кромъ извѣстіе, что враги поступаютъ съ своими единоземцами весьма безчеловѣчно и что крѣпость намѣрена покориться непріятелю, если вскорѣ не присланы будутъ Поляки ей помощь: эта вѣсть весьма его опечалила, особенно потому, что у него не было Польскаго войска, кромѣ сотни тѣлохранителей, и хотя онъ ежедневно ожидалъ прибытія другаго отряда, однакожъ не рѣшился отпустить послѣднихъ воиновъ. Между тѣмъ, какъ онъ не зналъ, что дѣлать, Польскіе хорунжіе отправились въ Путивль и привели съ собою оттуда нѣсколько гусаръ, да около 500 Пятигорцевъ, [142] къ великой радости Димитрія, которому подобное вспо-

1605. моженіе никогда не было столь необходимо, какъ въ это время. По двухдневномъ отдыхѣ, отрядъ посланъ былъ съ 3 тысячами Москвитянъ на помощь Кромскимъ гражданамъ, подъ начальствомъ благороднаго Поляка Запорскаго.

Не доходя 6 миль до Кромъ, Запорскій написалъ отъ имени Димитрія письмо и отправилъ его въ крѣпость съ однимъ Москвитиномъ, давъ ему наставленіе, какъ должно поступать, если попадется въ руки непріятеля. Этотъ Москвитинъ, обѣщая оказать важную услугу, изъявилъ готовность пожертвовать за Димитрія самою жизнію и скорѣе перенесть всевозможныя муки, нежели открыть хотя что либо о своемъ государѣ. Въ трехъ миляхъ отъ Кромъ, онъ былъ схваченъ непріятельскимъ дозоромъ, и на вопросъ, откуда идетъ, смѣло отвѣчалъ: «изъ Путивля, отъ моего всемилостивѣйшаго государя, царя Димитрія Іоанновича, великаго князя всея Россіи, съ грамматою въ Кромы». Услышавъ о письмѣ, враги немедленно переслали его своимъ воеводамъ, князю Голицыну, занимавшему одно изъ первыхъ мѣстъ въ Московскомъ сенатѣ, и Петру Басманову, храброму защитнику Новагродека. Оба вельможи, послѣ многихъ распросовъ, на которые посланный отвѣчалъ съ неизмѣнною неустрашимостію, развернули письмо и читали слѣдующее:

«Мы, Димитрій Ивановичъ, великій князь всея Россіи, на«слѣдникъ всего великаго княжества Московскаго, царь Казанскій, «царь Астраханскій, посылаемъ къ вамъ, любезно-вѣрные Кром«скіе жители, по просьбѣ и желанію вашему, на помощь 2,000 «Поляковъ и 8,000 Москвитянъ. Мы сами нейдемъ лично къ вамъ «съ этимъ отрядомъ, потому, что ежедневно ожидаемъ 40,000 «Польскихъ воиновъ, которые уже не далѣе 16 миль стоятъ отъ «Путивля. Впрочемъ остаемся въ полной надеждѣ, что вы съ этимъ «отрядомъ, при помощи Бога и справедливости нашего дѣла, не «только отразите враговъ, но и причините имъ великое бѣдствіе. «Въ заключеніе увѣщаваемъ васъ быть намъ столь же вѣрными, «какъ и прежде, и не забывать клятвы, которою вы обязались не

«щадить ни жизни, ни имущества; за что вознаградимъ васъ 1605.
«въ свое время».

Запорскій, написавъ граммату безъ вѣдома Димитрія, въ надеждѣ устрашить и испугать враговъ, вовсе не ожидалъ, чтобы она произвела столь доброе дѣйствіе, какъ въ самомъ дѣлѣ случилось: воеводы ужаснулись, увидѣвъ изъ грамматы, сколь сильное войско непріятелей приближается къ ихъ лагерю и сколь многочисленна другая рать, которая вскорѣ прибыть долженствуетъ. Разсуждая другъ съ другомъ, они долго не знали на что рѣшиться, доколѣ всемогущій Богъ чудеснымъ образомъ не озарилъ ума ихъ: убѣжденные долговременнымъ совѣщаніемъ въ невозможности сопротивляться, они признали за лучшее покориться со всѣмъ войскомъ. «Мы видимъ ясно», говорилъ Басмановъ, «что государь, «охраняемый десницею Всемогущаго, назначенъ быть нашимъ «повелителемъ: сколь долго мы ни преслѣдовали его, какихъ «средствъ ни употребляли мы, всегда онъ подавлялъ нашу силу, «всегда разрушалъ наши планы. Такъ, онъ долженъ быть закон«ный наслѣдникъ Русскаго престола и государь нашъ! Если бы «онъ былъ измѣнникъ, какъ мы доселѣ думали, Богъ не помогалъ «бы ему столь чудеснымъ образомъ; поэтому я считаю за лучшее «ему покориться, когда есть еще время получить его милость». Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Голицынъ. Но опасаясь сопротивленія воиновъ, и особенно четырехтысячнаго иноземнаго отряда, состоявшаго изъ людей разнаго племени, наиболѣе изъ Нѣмцевъ, оба воеводы призвали тайно предводителя этого отряда Лифляндскаго дворянина Розена, показали ему письмо и объявили свое намѣреніе. Розенъ, думая, что они хотятъ только испытать преданность его Борису, сперва не хотѣлъ вѣрить словамъ ихъ; напослѣдокъ убѣжденный въ истинѣ, согласился также передаться Димитрію съ своею дружиною.

Между тѣмъ, какъ три военачальника еще разсуждали другъ съ другомъ, сторожевой отрядъ, разбитый на голову, въ совершенномъ безпорядкѣ прибѣжалъ въ лагерь и съ ужаснымъ кри-

1605. комъ извѣстилъ о приближеніи непобѣдимой силы Поляковъ. Тотда только главное войско начало вѣрить письму. Послѣ того Басмановъ приказалъ Розену съ его дружиною перейти по мосту черезъ Волгу,[143] на обширную равнину, и выстроиться въ боевой порядокъ; за нимъ долженствовало слѣдовать и прочее войско, заключавшее въ себѣ, по словамъ Москвитянъ, отъ 50 до 60,000 человѣкъ. Замѣтивъ движеніе, Борисовъ братъ Иванъ Годуновъ, стоявшій на другой сторонѣ крѣпости съ 90,000 ратью, спрашивалъ, для чего войска переходятъ за Волгу? и получилъ въ отвѣтъ, что князь Голицынъ и Басмановъ, узнавъ о приближеніи Польскихъ силъ, приказали выстроиться въ боевой порядокъ, сами пошли въ обходъ, и войско ожидаетъ ихъ прибытія. Оба воеводы не замедлили явиться.

Голицынъ, ставъ на мосту вмѣстѣ съ Басмановымъ, обратился къ другому лагерю и, поднявъ вверхъ мнимое письмо Димитрія, закричалъ громкимъ голосомъ: «Воины! извѣщаемъ васъ, что эта «грамматa прислана сыномъ великаго князя Іоанна Васильевича, «Димитріемъ Іоанновичемъ, котораго хотѣлъ погубить Борисъ. «Небесное Провидѣніе спасло его! Мы признаемъ его нынѣ закон«нымъ государемъ и наслѣдникомъ великаго княжества Всерос«сійскаго! Кто хочетъ покориться ему, да перейдетъ на эту «сторону; а кто не хочетъ, тотъ пусть остается измѣнникомъ, «подобно Борису и клевретамъ его!» Все войско взволновалось, началась сѣча и нѣсколько тысячъ пало на мѣстѣ. Одни хотѣли передаться Димитрію, другіе упорствовали; но принявшихъ сторону его было гораздо болѣе: они связали Годунова и другихъ главныхъ воеводъ.

Кромскіе жители, узнавъ о покорности всего войска Димитрію, отворили городъ и крѣпость, дозволивъ каждому приходить невозбранно. Враги сдѣлались друзьями. На другой день Басмановъ отправился къ Димитрію въ Путивль съ 4,000 человѣкъ, взявъ съ собою Годунова и другихъ плѣнниковъ. Въ 5 миляхъ отъ Кромъ, онъ встрѣтилъ капитана Запорскаго, который,

поразивъ наканунѣ сторожевой отрядъ, отступилъ на 2 мили. 1605.
Дружина его была въ наилучшемъ порядкѣ и устройствѣ, но такъ малочисленна, что Басмановъ стыдился своей оплошности и только теперь свѣдалъ о подлогѣ присланной къ нему грамматы. Впрочемъ, прибывъ въ Путивль и явившись къ Димитрію, онъ узналъ царевича, ударилъ ему челомъ въ землю и молилъ о милосердіи. Димитрій даровалъ милость, и принявъ клятву въ вѣрности, послалъ его въ Кромы, съ повелѣніемъ привести къ присягѣ все войско и объявить Голицыну, чтобы онъ съ Розеномъ немедленно прибылъ въ Путивль; что и было исполнено. Годунова же и другихъ плѣнниковъ Димитрій приказалъ держать подъ стражею.

Вѣсть о покорности всего войска Димитрію такъ перепугала Бориса, что онъ впалъ въ болѣзнь и вскорѣ умеръ.[144] По мнѣнію многихъ, онъ самъ себя отравилъ; по крайней мѣрѣ достовѣрно, что смерть его была скоропостижная. Димитрій, узнавъ о столь неожиданномъ событіи, оставилъ Путивль и черезъ Кромы направилъ путь къ Москвѣ; въ 36 миляхъ отъ столицы, въ крѣпости Тулѣ, явились къ нему два знатнѣйшіе боярина и сенатора князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій и князь Василій Ивановичъ Шуйскій: они поднесли ему, какъ законному наслѣднику всего государства Московскаго, богатые дары, состоявшіе въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, золотѣ, серебрѣ, одеждахъ, и на другой день возвратясь въ Москву, объявили народу, что Димитрій есть истинный сынъ Іоанновъ.

Между тѣмъ вдова Борисова приготовила весьма сильный ядъ, которымъ хотѣла отравить и себя и дѣтей своихъ за обѣдомъ; сынъ выпилъ съ нею смертную чашу, не зная, что въ ней было; но дочь (дѣвица рѣдкой красоты) замѣшкала и не успѣла принять отравы, которая уже начала дѣйствовать: мать и сынъ вдругъ поблѣднѣли и упали на землю; тутъ царевна догадалась, что это значило, и такимъ образомъ избавилась отъ смерти.[145] Москвитяне, узнавъ о этомъ, взволновались, разграбили домъ Борисовъ, а родственниковъ его отчасти побили, отчасти побросали въ тем-

1605. ницы; тѣло же царицы и ея сына похоронили. Послѣ того князья Мстиславскій и Шуйскій привели гражданъ къ присягѣ.

На третій день по смерти вдовы Годунова, нѣсколько тысячъ Москвитянъ, въ нарядныхъ одеждахъ, вышли изъ столицы на встрѣчу Димитрію и проводили его въ царскія палаты. Такимъ образомъ 30 іюня 1605 года онъ вступилъ на тронъ своихъ предковъ. Вскорѣ послѣ того,[146] Димитрій послалъ нѣсколько знатныхъ бояръ за своею матерью, жившею въ одномъ монастырѣ, въ 36 миляхъ отъ столицы. 28 іюля 1605 года она пріѣхала въ Москву. Царь встрѣтилъ ее пышно со многими князьями, воеводами и боярами, почти на полчаса пути отъ города: тамъ онъ слезъ съ коня. Мать и сынъ увидѣли другъ друга съ такою радостію, что не только они, но и многіе изъ присутствовавшихъ при свиданіи ихъ плакали отъ умиленія.[147] Димитрій проводилъ ее до дворца, и всю дорогу шёлъ подлѣ ея кареты съ непокрытою головою. Царица немедленно признала его предъ всѣми гражданами своимъ истиннымъ, роднымъ сыномъ. 31 іюля онъ былъ коронованъ по Русскому обычаю, какъ великій князь Московскій и всея Россіи.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ коронованія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій началъ разглашать въ народѣ, что Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а измѣнникъ и разстрига. Нѣкоторые граждане донесли о томъ царю: поступокъ Шуйскаго показался ему весьма страннымъ; измѣнникъ былъ взятъ подъ стражу, найденъ виновнымъ, и какъ сенатомъ, такъ и народомъ, осужденъ на смерть; его вывели на площадь предъ замкомъ, положили на плаху, и когда палачь уже поднялъ сѣкиру или топоръ, чтобъ отсѣчь ему голову, вдругъ раздался вдали крикъ: «Стой, стой!» Прибѣжалъ изъ дворца чиновникъ и объявилъ, что великій князь, по просьбѣ и желанію народа Польскаго,[148] даруетъ виновному жизнь. Его сослали въ Сибирь, но еще съ дороги воротили: Димитрій, руководимый врожденною добротою и думая скорѣе милосердіемъ, нежели строгостію заслужить любовь грубыхъ,

злыхъ Москвитянъ, довольствовался одною клятвою Шуйскаго 1605.
болѣе не замышлять измѣны, и возвелъ его въ прежнее достоинство. Дорого стопла доброму царю эта милость, какъ увидимъ!

4 сентября того же года, Димитрій отправилъ посломъ Аѳанасія Ивановича [149] къ его величеству королю Польскому съ слѣдующимъ порученіемъ: во-первыхъ объявить королю царское привѣтствіе и желаніе быть съ нимъ въ дружбѣ и добромъ сосѣдствѣ; во-вторыхъ, увѣдомить его величество, что Богъ, вопреки всѣмъ кознямъ враговъ и недоброжелателей, помогъ Димитрію взойти на прародительскій престолъ, за что онъ изъявляетъ признательность и благодѣтелю своему королю Польскому; въ-третьихъ, просить его величество о дозволеніи благородному господину Георгу Мнишку, воеводѣ Сендомирскому, пріѣхать въ Москву съ дочерью панною Мариною, на которой царь желаетъ жениться. Сверхъ того посолъ долженъ былъ благодарить короля за его привѣтствіе, объявленное чрезъ великаго канцлера Литовскаго, и трактовать о разныхъ дѣлахъ тайныхъ.

Аѳанасій Ивановичъ, исполнивъ порученіе, поздравилъ короля отъ имени своего государя съ счастливымъ бракосочетаніемъ его величества, [150] и какъ Сигизмундъ, въ знакъ своей радости, согласился исполнить желаніе Димитрія, то посолъ объявилъ, что онъ считаетъ обязанностію присутствовать на свадебномъ празднествѣ государя Польскаго и представилъ въ даръ огромный сапфиръ, весьма красивый лукъ съ стрѣлами, нѣсколько связокъ дорогихъ мѣховъ собольихъ, чернолисьихъ и куньихъ.

20 ноября 1605 года въ Краковѣ, въ присутствіи короля, принца и принцессы, [151] совершилось обрученіе Марины съ царемъ Русскимъ, коего мѣсто заступалъ Аѳанасій Ивановичъ. Предъ началомъ обряда, Московскій посолъ подарилъ невѣстѣ, при королѣ и Польскихъ вельможахъ, 6 связокъ соболей, нѣсколько связокъ мѣховъ чернолисьихъ, рысьихъ и выдровыхъ, 15 золотыхъ монетъ и въ серебряномъ ящикѣ 3 большіе алмаза, впрочемъ не высокой цѣны и не лучшаго достоинства; послѣ того

1606. кардиналъ вывелъ ее въ другую комнату и тамъ совершилъ обрядъ обрученія, въ присутствіи только короля, принца, принцессы, воеводы Сендомирскаго и его супруги. Посолъ при семъ случаѣ не снималъ перчатки съ правой руки и не хотѣлъ надѣть невѣстина перстня на палецъ, а принялъ его въ бѣлую тафту и положилъ въ золотой ларчикъ.

Отпраздновавъ бракосочетаніе короля съ принцессою Констанціею, дочерью Австрійскаго эрцгерцога Карла, Марина и отецъ ея, воевода Сендомирскій, отправились изъ Самбора въ Москву. Въ слѣдъ за ними король послалъ къ Димитрію, для присутствованія при его бракосочетаніи, благороднаго господина Николая Олесницкаго, кастеляна Малаговскаго, и съ нимъ Александра Корвина Гонсѣвскаго, воеводу Велижскаго, каммергера двора его величества. Какъ скоро воевода Сендомирскій съ дочерью, королевскими послами и многими Польскими вельможами, вступилъ въ Русскіе предѣлы, нѣсколько тысячъ Москвитянъ выѣхали къ нимъ на встрѣчу и проводили ихъ съ торжествомъ до перваго пограничнаго города Смоленска: тутъ Марина остановилась со многими господами на 8 дней для отдыха, а отецъ ея поѣхалъ въ Москву, пышно былъ встрѣченъ Московскими боярами и получилъ отъ великаго князя въ подарокъ весьма красивую лошадь съ разрѣзанными ноздрями (такихъ лошадей Русскіе называютъ бахматами);[152] вся сбруя на ней была золотая; стремена и разныя украшенія, слитыя изъ чистаго золота, вѣсили 10,000 червонцевъ. Воеводѣ отвели обширный домъ въ Кремлѣ недалеко отъ царскаго дворца.

Въ слѣдующій день (4 мая 1606 года) воевода Сендомирскій представлялся великому князю въ торжественной аудіенціи: знатные бояре ввели его въ такъ называемую золотую палату; тамъ сидѣлъ Димитрій на высокихъ креслахъ изъ чистаго серебра съ позолотою, подъ балдахиномъ; двуглавый орелъ съ распущенными крыльями, вылитый изъ чистаго золота, украшалъ этотъ балдахинъ; подъ нимъ внутри было распятіе, также золотое съ огромнымъ восточнымъ

топазомъ, а надъ креслами находилась икона Богоматери, осыпан- 1606.
ная драгоцѣнными каменьями. Всѣ украшенія трона были изъ литаго золота; къ нему вели три ступени; вокругъ его лежали 4 льва серебряные, до половины вызолоченные, а по обѣимъ сторонамъ на высокихъ серебряныхъ ножкахъ стояли два грифона, изъ коихъ одинъ держалъ государственное яблоко, а другой обнаженный мечъ. Димитрій былъ въ дорогой одеждѣ, унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, съ алмазнымъ и рубиновымъ ожерельемъ, на коемъ висѣлъ смарагдовый крестъ; на головѣ имѣлъ онъ императорскую корону, а въ правой рукѣ драгоцѣнный скипетръ. Предъ нимъ, по обѣимъ сторонамъ, стояли по два князя, въ бѣлыхъ кафтанахъ изъ серебряной парчи съ золотыми цѣпями, крестообразно на груди висящими; каждый, изъ нихъ держалъ на плечѣ небольшую широкую сѣкиру, съ украшенною золотомъ и драгоцѣнными каменьями рукояткою; [153] близь трона находился еще одинъ князь, въ темной, каштановаго цвѣта, одеждѣ изъ бархата и золотой парчи, подбитой соболями: обѣими руками онъ держалъ обнаженный мечъ съ золотымъ крестомъ; подлѣ князя стоялъ сынъ канцлера въ парчевомъ кафтанѣ, съ великокняжескимъ платкомъ; нѣсколько вдали отъ трона, по правую сторону сидѣлъ въ креслахъ, покрытыхъ чернымъ бархатомъ, Московскій патріархъ въ черной бархатной рясѣ, обшитой по краямъ на ладонь шириною жемчугомъ и дорогими каменьями; въ правой рукѣ держалъ онъ свой жезлъ патріаршій (похожій на костыль), съ золотымъ украшеніемъ; подлѣ него стоялъ служка съ крестомъ и серебрянымъ сосудомъ, наполненнымъ святою водою; далѣе отъ патріарха сидѣли отдѣльно семь архіепископовъ и епископовъ; впереди же, предъ тономъ, по обѣимъ сторонамъ, находилось множество бояръ и царскихъ совѣтниковъ, изъ коихъ одни стояли, а другіе сидѣли; въ сторонѣ отъ нихъ стояли Польскіе паны и генералы, пришедшіе въ Россію вмѣстѣ съ Димитріемъ. Помостъ всей залы и скамьи были покрыты Персидскими коврами.

1606. Вступивъ въ Золотую палату, воевода остановился среди ея,, нѣсколько времени молчалъ, потомъ поклонился царю и сказалъ:

«Видя своими глазами ваше императорское величество на «этомъ тронѣ, не знаю, не болѣе ли долженъ я удивляться, «нежели радоваться? Могу ли безъ удивленія смотрѣть на того, «кто уже нѣсколько лѣтъ считался мертвымъ, а теперь окруженъ «такимъ величіемъ? кто хотя наслаждался жизнію, но для многихъ «умеръ и отжилъ для свѣта? Давно уже мы оплакали эту мни- «мую кончину; мы проливали слезы состраданія при вѣсти о гибели «невиннаго; а теперь видимъ ваше императорское величество на «высотѣ счастія и славы! Такъ! прежняя жизнь ваша, въ сравне- «ніи съ настоящею, была не жизнь, а смерть: судьба предназначила «вамъ обширнѣйшее царство, а вы скитались странникомъ въ «земляхъ чуждыхъ! О счастіе! какъ ты непостоянно, какъ ты «играешь мертвыми! Но что я говорю? Богъ, Богъ Вседержитель, «Который правитъ всѣмъ міромъ и въ своемъ тайномъ, недоступ- «номъ совѣтѣ, однихъ возводитъ на престолы, другихъ низвер- «гаетъ, однихъ возвеличиваетъ, другихъ унижаетъ, Онъ допус- «тилъ коварному человѣку поднять смертоносную руку на ваше «императорское величество и распространить всеобщую молву о «вашей кончинѣ. Но Божія милость и помощь всегда пребывала «съ вами: злодѣй погибъ, погибъ и сынъ его; а вы, государь, «владѣете блистательнымъ тропомъ своихъ предковъ! Не буду «говорить, какая радость исполняетъ мое сердце: ибо можно ли «сомнѣваться, чтобы я не радовался счастію того, чье злополучіе «меня сокрушало? Языкъ не въ состояніи изъяснить моего «восхищенія. И такъ, не находя словъ для выраженія моего вос- «торга, я могу только поздравить ваше императорское величество, «и въ знакъ неизмѣнной, глубочайшей покорности, съ благоговѣ- «ніемъ облобызать ту руку, которую прежде я жалъ съ нѣжнымъ «участіемъ хозяина къ печальному гостю. Молю Бога всемогу- «щаго даровать вашему величеству здравіе и миръ, во славу Его «святаго имени, въ страхъ врагамъ христіанства, въ утѣшеніе

«всѣмъ государямъ Европейскимъ; да будете красою и честію 1606.
«этой могущественной державы! Сердце мое таетъ въ неизъясни-
«мой радости, когда подумаю, что за мои попеченія съ перваго
«дня свиданія нашего, увѣнчанныя столь счастливымъ успѣхомъ,
«ваше величество изъявили намѣреніе соединиться со мною узами
«родства близкаго, кровнаго. Много доблестей я видѣлъ въ
«вашемъ величествѣ; однѣ изъ нихъ свойственны многимъ геро-
«ямъ; другія удивляютъ болѣе смѣлостію, нежели пріятностію и
«пользою: жить въ полѣ, бить враговъ въ зимнюю стужу, когда
«люди въ домахъ едва могутъ согрѣться, когда самые дикіе звѣри
«скрываются въ норы и воюющіе народы по общему праву пре-
«кращаютъ непріязненныя дѣйствія, все это безъ сомнѣнія доказы-
«ваетъ величіе духа; за то герои съ подобными свойствами и
«великую награду получаютъ въ вѣчное воспоминаніе потомства;
«посему неудивительно, если кто, желая заслужить безсмертное
«имя, рѣшается на такія предпріятія. Но ваше величество пріо-
«брѣли право на такую похвалу, которой ни поэзія, ни исторія
«не могутъ выразить, и которую одинъ только здравый умъ
«постигаетъ: осыпавъ меня золотомъ и серебромъ, вы избрали
«себѣ супругою мою дочь; ни громкій титулъ царя, ни высокая
«почесть не измѣнила вашего намѣренія. Я не столь самонадѣяте-
«лепъ и смѣлъ, чтобъ быть равнодушнымъ къ такому счастію: я
«внѣ себя отъ восторга; однакожъ, если размыслю, какъ воспита-
«на дочь моя, съ какимъ стараніемъ отъ самой колыбели внушали
«ей всѣ добродѣтели, свойственныя ея состоянію, эта мысль
«ободряетъ меня, и я смѣло могу именовать васъ моимъ зятемъ.
«Не буду говорить, что дочь моя родилась въ королевствѣ свобод-
«номъ, что отецъ ея занимаетъ не послѣднее мѣсто въ королев-
«скомъ совѣтѣ, что въ нашей странѣ каждый дворянинъ можетъ
«достигнуть высшей степени достоинства и почестей: одна только
«добродѣтель украшаетъ и вельможъ и царей, ведетъ человѣка
«прямо въ небеса и соединяетъ его съ самимъ Богомъ. Мнѣ
«остается только молить, чтобы Всевышній благословилъ этотъ

1606. «союзъ во славу Его имени, для счастія и благоденствія обшир-«ной державы Русской!»

По окончаніи рѣчи, господинъ воевода поклонился, подошелъ къ царю и поцѣловалъ его правую руку; то же сдѣлали братъ его староста Красмотовскій, сынъ его староста Саноцкій, зять его князь Константинъ Вишневецкій и Павелъ Мнишекъ, воевода Луковскій; всѣ они стояли по лѣвую сторону воеводы, нѣсколько назади; за ними представлялись царю знатнѣйшіе дворяне.

Чрезъ два дня послѣ того, 11 мая 1606 года, пріѣхали въ Москву послы королевскіе; а за ними имѣла торжественный въѣздъ и невѣста великаго князя. Пословъ принимали бояре; ее же встрѣтили слѣдующимъ образомъ: на ружейный выстрѣлъ отъ Москвы, были раскинуты два прекрасные шатра; тамъ стояла присланная великимъ княземъ колесница, запряженная десятью конями съ черными пятнами, въ богатой раззолоченной сбруѣ изъ краснаго бархата; каждаго коня велъ особенный конюхъ; колесница была вызолочена внутри и снаружи и обита червленною матерією; за нею должны были итти сто Нѣмцевъ изъ великокняжеской лейбъ-гвардіи, въ платьяхъ шелковыхъ, или суконныхъ каштановаго цвѣта, съ зеленою бархатною обшивкою; по дорогѣ отъ шатровъ до городскихъ воротъ, были выстроены въ два ряда пѣшіе Московскіе стрѣльцы до 1,000 человѣкъ, въ красныхъ кафтанахъ, съ бѣлою на груди перевязью; стрѣльцы имѣли длинныя ружья, съ красными ложами; недалеко отъ нихъ стояли 2,000 конныхъ стрѣльцовъ, одѣтыхъ такъ же точно, какъ и пѣшіе, съ луками и стрѣлами на одной сторонѣ, и съ ружьями, привязанными къ сѣдлу, на другой; вмѣстѣ съ ними находились 100 Польскихъ гусаръ, съ красными пиками и бѣлыми значками; гусары имѣли сверхъ того литавры и трубы; у Москвитянъ же не было никакихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Невѣста великаго князя провела двѣ ночи въ двухъ миляхъ отъ Москвы, гдѣ на зеленыхъ лугахъ раскинуты были шатры драгоцѣнные, разставленные такъ искусно, что издали они каза-

лись красивымъ замкомъ; отсюда она имѣла торжественное вшес- 1606.
твіе въ Москву, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, который возвратился къ ней изъ столицы наканунѣ. Впереди ѣхали 1,000 бояръ, вооруженныхъ луками и стрѣлами: они провожали Марину отъ самой границы; за ними слѣдовали 200 Польскихъ гусаръ, служившихъ воеводѣ Сендомирскому, въ полномъ нарядѣ, съ бѣлыми и красными значками на пикахъ; далѣе знатнѣйшіе дворяне, также сынъ, зять и братъ воеводы, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, на красивыхъ коняхъ Турецкихъ, коихъ сбруя была украшена золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями; воевода ѣхалъ, подлѣ кареты своей дочери, на превосходномъ аргамакѣ, въ багряно-парчевомъ кафтанѣ, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; шпоры и стремена были изъ литаго золота съ бирюзовыми накладками; невѣста сидѣла въ каретѣ, обитой зеленою парчею; кучеръ былъ въ зеленомъ кафтанѣ шелковомъ; ее везли 8 бѣлыхъ Турецкихъ коней, выкрашенныхъ отъ копытъ до половины тѣла красною краскою: сбруя была на нихъ красная, бархатная, съ серебряными вызолоченными застежками; за невѣстою въ 4 каретахъ ѣхали ея женщины въ богатыхъ нарядахъ; а по сторонамъ шли 300 гайдуковъ, очень красиво одѣтыхъ въ голубыя суконныя платья съ длинными бѣлыми перьями на венгеркахъ или шапкахъ.

Подъѣхавъ къ двумъ шатрамъ, о коихъ выше упомянуто, Марина остановилась; ее встрѣтила Нѣмецкая гвардія и ввела въ одинъ шатеръ, гдѣ она сѣла въ креслы; тутъ явились къ ней въ парчевыхъ кафтанахъ 300 бояръ, которые, проводивъ Польскихъ пословъ въ столицу, возвратились для привѣтствія невѣсты своего государя: остановясь въ 60 шагахъ отъ шатровъ, они слезли съ коней, горѣвшихъ серебромъ и золотомъ, вступили въ палату, поклонились Маринѣ въ поясъ по обычаю и сказали рѣчь отъ имени своего государя; потомъ вышли и стали за шатрами, гдѣ ожидали, по надѣвая шапокъ, когда великая княгиня сядетъ въ присланную женихомъ ея колесницу. Какъ скоро она отправилась, окруженная Нѣмцами и Московскою гвардіею, которая никого къ колесницѣ

1606. не допустила, кромѣ 6 ся лакеевъ, одѣтыхъ въ зеленые бархатные кафтаны, съ золотыми позументами, бояре сѣли на копей и въ слѣдъ за нею поскакали; на мосту, ведущемъ въ Кремль, стояли 50 барабанщиковъ, да столько же трубачей, которые производили шумъ несносный, болѣе похожій на собачій лай, нежели на музыку, отъ того, что барабанили и трубили безъ всякаго такта, какъ кто умѣлъ. Невѣсту немедленно отвели въ монастырь царской матери; тамъ ожидалъ ее женихъ: какъ онъ, такъ и царица приняли гостью съ непзъяснимою радостію. Марина жила въ этомъ монастырѣ до самаго бракосочетанія.

На другой день по пріѣздѣ невѣсты, великій князь давалъ аудіенцію Польскимъ посламъ, съ тѣми же обрядами, съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ принималъ и тестя своего, воеводу Сендомирскаго. Приведенные въ аудіенцъ-залу думнымъ боярином Микулинымъ, послы сняли шапки, поклонились Димитрію, сказали привѣтствіе и представили королевскую граммату. Великій князь, увидѣвъ, что на грамматѣ не было императорскаго титула, велѣлъ возвратить ее послу Олесницкому, не распечатывая; потомъ сказалъ: «Я властвую самодержавно въ государствѣ неизмѣри-«момъ, надъ многими народами, и повелѣваю не только великими «князьями, но и королями; нѣтъ мнѣ равнаго ни на востокѣ, ни «на западѣ; одинъ Богъ надо мною: слѣдовательно я имѣю не «менѣе права на императорскій титулъ, какъ и древніе цари «Ассирійскіе, Мидійскіе, Римскіе; всѣ государи въ подсолнечной «именуютъ меня императоромъ; одинъ только Сигизмундъ III не «признаетъ меня. Не думаю, чтобы это происходило отъ невѣдѣнія «или неосмотрительности его министровъ: ибо я и чрезъ бывшаго «здѣсь посланника Польскаго Александра Гонсѣвскаго, губернатора «Велижскаго, и чрезъ собственнаго посла Аѳанасія, увѣдомлялъ «короля, сколь непріятенъ мнѣ его отказъ въ томъ, чего не «оспариваютъ у меня прочіе государи. Посему онъ не можетъ «быть моимъ другомъ, и я не принимаю его грамматы!»

Олесницкій возразилъ: «Никто не споритъ, что великій князь

повелѣваетъ многими народами, что государство его весьма об- 1606.
ширно, что власть его неограниченна; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы король Польскій обязанъ былъ называть его императоромъ: ибо не каждый государь самодержавный, повелѣвающій страною обширною, имѣетъ право на сей титулъ; въ противномъ случаѣ его потребовали бы и восточные короли, Китайскій, Японскій Индѣйскій, коихъ области неизмѣримы, какъ теченіе солнца, а власть такъ неограниченна, что подданные считаютъ ихъ богами; притомъ же неслыханное, необыкновенное дѣло, чтобы въ Москвѣ когда либо царствовалъ императоръ, въ чемъ сознаются и бояре, изъ коихъ многіе дожили до сѣдинъ, если великій князь спроситъ ихъ мнѣнія; и не льзя найти ни одной грамматы королей Польскихъ съ такою надписью, какой онъ требуетъ; да и самая исторія не упоминаетъ, чтобы владѣтели Московскіе когда либо носили титулъ императора; хотя же они часто домогались у королей Польскихъ имени королевскаго; однакожъ въ этомъ требованіи имъ всегда было отказываемо, не говоря уже о титулѣ императорскомъ.[154] Пусть другіе государи называютъ великаго князя, какъ имъ угодно: король Польскій руководствуется не обычаемъ, а правомъ. Константинъ Великій раздѣлилъ имперію на восточную и западную; первая досталась Туркамъ, а вторая Нѣмцамъ: когда великій князь побѣдитъ Турковъ и возметъ Константинополь, тогда онъ можетъ принять титло императора. Теперь власть его на югѣ вовсе неизвѣстна, а ограничивается только сѣверомъ и частію востока. Что же касается до Александра Гонсѣвскаго, то посланникъ и его товарищи обязаны были трактовать единственно о тѣхъ дѣлахъ, которыя поручены имъ его величествомъ. Правда Аѳанасій Власьевъ объявилъ требованіе на титулъ императорскій, и его представленіе поручено разсмотрѣнію сейма; но никакой сеймъ не можетъ рѣшить такого дѣла; для того надобно, чтобы въ совѣтѣ присутствовалъ самъ папа, намѣстникъ Христа въ здѣшнемъ мірѣ, владыка надъ вселенною, поставленный самимъ Богомъ». Въ заключеніе своего отвѣта, Олесницкій удивлялся, что великій

1606. князь, при имени короля Польскаго, весьма часто опускалъ титулъ королевскій, который уже нѣсколько вѣковъ принадлежалъ его величеству. «Вижу», сказалъ наконецъ посолъ «что ты забылъ «милости моего короля и преданность народа Польскаго! Я не «хочу здѣсь долѣе оставаться и требую отпустить меня немед- «ленно въ его величеству: спорить я не намѣренъ».

Великій князь долго не соглашался уступить и звалъ къ себѣ Олесницкаго, не какъ посла, а какъ стариннаго знакомаго, коего дружбу онъ испыталъ, странствуя въ Польшѣ. «Для меня очень «лестно и пріятно видѣть благосклонность великаго князя», возразилъ Олесницкій; «но теперь я не долженъ и не могу оставить «званія, возложеннаго на меня королемъ; въ Польшѣ я оказалъ «великому князю услугу; здѣсь я также готовъ служить ему; но «да позволитъ онъ въ точности испонить волю моего государя». Удивленный благоразуміемъ, великодушіемъ и твердостію посла, Димитрій наконецъ объявилъ, что онъ для всеобщей радости и въ угожденіе гостямъ своимъ, Полякамъ, пріѣхавшимъ на свадьбу его, забываетъ унизительное оскорбленіе; но впредь никогда не приметъ грамматы съ подобною надписью и свидѣтельствуется Богомъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, что не онъ будетъ виновникомъ бѣдъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ несогласія. Послѣ того принялъ королевскую граммату, далъ послу свою руку, а при вопросѣ о здравіи короля, снялъ корону и нѣсколько приподнялся съ своего мѣста. Олесницкій отвѣтствовалъ съ низкимъ поклономъ, что его величество, по милости Божіей, находится въ добромъ здоровьи; послѣ того сказалъ торжественно: «Его королевское «величество, узнавъ отъ Московскаго посла Аѳанасія Власьева о «восшествіи великаго князя на престолъ прародительскій, радуется «столь счастливому окончанію предпринятаго имъ дѣла и желаетъ «ему царствовать мирно и благополучно. Государь Польскій не «менѣе радуется бракосочетанію великаго князя, въ надеждѣ, что «этотъ союзъ утвердитъ навсегда согласіе между обоими народами; «для того охотно дозволяетъ воеводѣ Сендомирскому проводить

«дочь его въ Москву. Его величество присутствовалъ самъ, 1606.
«вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою своею принцессою Шведскою,
«также со многими знатными вельможами, при началѣ столь
«вожделѣннаго брака; для окончанія же его посылаетъ, вмѣсто
«себя, своего посла, пана Олесницкаго». За симъ посломъ го-
ворилъ Александръ Гонсѣвскій, воевода Велижскій: «Его величе-
«ство, узнавъ отъ посла Аѳанасія Власьева о намѣреніи великаго
«князя избавить всѣхъ плѣнныхъ злополучныхъ христіанъ изъ
«Татарской неволи, весьма радуется столь богоугодному пред-
«пріятію и убѣждаетъ государя Московскаго привести его въ
«исполненіе какъ можно поспѣшнѣе; съ своей же стороны король
«не оставитъ употребить всѣ мѣры для лучшаго успѣха; посему
«желаетъ знать, какое онъ можетъ оказать пособіе?» На эту рѣчь
отвѣчали послу, что будетъ назначено время и мѣсто для условій
съ королемъ Польскимъ. Такъ кончилась аудіенція; пословъ про-
водили въ ихъ домъ съ честію.

18 мая въ четвертокъ, совершилось бракосочетаніе Димитрія весьма пышно и торжественно: царь, или великій князь, былъ одѣтъ почти такъ же, какъ и во время аудіенціи; въ одной рукѣ имѣлъ скипетръ, въ другой державу; подлѣ него шли съ правой стороны воевода Сендомирскій, съ лѣвой одинъ изъ сенаторовъ, именемъ Мстиславскій. Цесаревна была въ Русскомъ платьѣ и въ сапогахъ съ высокими каблуками; она сіяла въ золотѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, такъ что не видно было ни матеріи на платьѣ, ни сафьяну на сапогахъ. Головный уборъ ея состоялъ также изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которые, будучи переплетены волосами, по обычаю знатныхъ Полекъ, представляли небольшую корону. Ее провожала супруга князя Мстиславскаго; впереди несли на золотомъ блюдѣ императорскую корону; а сзади шли Польскія дамы.

Въ такомъ порядкѣ женихъ и невѣста сперва вступили въ аудіенцъ-залу и сѣли на тронѣ, другъ подлѣ друга; въ тоже время велѣно было позвать королевскихъ пословъ, бывшихъ въ другой

1606. комнатѣ, въ такъ называемой Золотой палатѣ, гдѣ умеръ Борисъ; когда они явились съ знатнѣйшими Польскими дворянами, великій князь немедленно велѣлъ своему сенатору Григорію Ивановичу Микулину изъявить благодарность его королевскому величеству за дозволеніе Сендомирскому воеводѣ привезти въ Москву свою дочь и за присылку вмѣсто себя благородныхъ пословъ. Какъ скоро Польскіе вельможи заняли мѣста, вошелъ въ залу патріархъ, неся на головѣ въ золотомъ блюдѣ императорскую корону; великій князь принялъ ее и поцѣловалъ. Послѣ того всѣ встали и отправились въ церковь для коронованія. Панъ Малаговскій велъ великаго князя за правую руку; а панъ Гонсѣвскій шелъ впереди, между двумя боярами, изъ коихъ одинъ несъ скипетръ, а другой державу. Вся дорога отъ палатъ до самой церкви была покрыта червленнымъ бархатомъ, въ два полотна. Какъ скоро новобрачные и вся свита вступили въ храмъ, немедленно заперли его отъ тѣсноты; тамъ почти по срединѣ устроенъ былъ амфитеатръ, вышиною въ полтора человѣка; на немъ стояли трое креселъ; среднія, окованныя серебромъ съ позолотою и украшенныя бирюзою и смарагдами, приготовлены были для великаго князя; стоявшія по правую сторону для патріарха, а по лѣвую для великой княгини; и тѣ и другія были окованы серебромъ съ вызолоченными украшеніями. Господа послы Польскіе стали предъ амфитеатромъ, ожидая, что имъ укажутъ мѣста, гдѣ могли бы они сѣсть; но какъ ожиданіе ихъ было тщетно, то они сами потребовали креселъ: великій князь велѣлъ имъ сказать, что по Русскому обычаю въ церквахъ не сидятъ, и что самъ онъ сидитъ только по случаю коронованія. Послы, постоявъ нѣсколько времени, отошли въ сторону и сѣли. Между тѣмъ начали служить литургію по Русскому обряду; по окончаніи же, принесли на золотомъ блюдѣ царское украшеніе, которое патріархъ повѣсилъ на царевну; за тѣмъ подали также на золотомъ блюдѣ ожерелье, въ коемъ сіяли 6 большихъ смарагдовъ: патріархъ возложилъ его на плеча царевны, а на голову надѣлъ императорскую корону и поцѣловалъ ея руку, или широкій

рукавъ ея одежды; за патріархомъ подходили къ ней всѣ духовныя 1606.
особы. Сенаторы, цѣловавшіе руку ея и присягнувшіе въ вѣрности еще въ понедѣльникъ и вторникъ, принесли теперь обѣтъ преданности и покорности

Не излишнимъ будетъ упомянуть, какимъ образомъ царь, въ продолженіе обряда, хотѣлъ показать посламъ свое величіе: подозвавъ знатнѣйшаго сенатора, Ивана Васильевича Шуйскаго, [155] онъ велѣлъ подставить себѣ скамейку и положить на нее свои ноги; то же приказалъ сдѣлать и брату его Дмитрію Шуйскому; потомъ выслалъ ихъ обоихъ съ какимъ-то повелѣніемъ; вмѣсто ихъ подозвалъ другихъ знатныхъ бояръ и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; выславъ и этихъ, призвалъ снова другихъ князей. Такъ онъ подзывалъ и высылалъ своихъ вельможъ нѣсколько разъ. Всѣ они должны были исполнять такія порученія, какихъ наши государи не даютъ и послѣднему дворянину. Видя это послы и другіе Польскіе вельможи; благодарили Бога всемогущаго за тѣ права, коими онъ наградилъ ихъ отечество. По окончаніи коронованія, великій князь вошелъ въ царскіе врата, находящіеся между двумя алтарями, и тамъ совершилъ молитву; великая же княгиня молилась въ отдѣльномъ небольшомъ придѣлѣ по своему обряду. Потомъ они стали между двухъ алтарей, [156] гдѣ обвѣнчалъ ихъ патріархъ со многими церемоніями; причемъ наиболѣе то было замѣчательно, что первосвятитель взялъ жениха и невѣсту за руки, обвелъ ихъ кругомъ три раза, потомъ взялъ стаканъ съ краснымъ виномъ, и выпивъ изъ него сначала самъ, давалъ пить трижды великому князю и великой княгинѣ; послѣ того поставилъ стаканъ на землю предъ великимъ княземъ, который растопталъ его ногами: Русскіе говорятъ, что эти церемоніи представляютъ бракъ Галилейскій; но это слишкомъ старо. Наконецъ вышли изъ храма. Когда великій князь переступалъ чрезъ порогъ, Мстиславскій бросилъ народу изъ золотаго сосуда, подлѣ него стоявшаго, нѣсколько золотыхъ монетъ, цѣною въ 1, 5, 10 и даже 20 червонцевъ; бросали ихъ и Польскимъ посламъ и ихъ

1606. свитѣ; ни одинъ Полякъ не бралъ ихъ; Москвитяне же кидались за монетами, не исключая самыхъ знатныхъ бояръ, въ числѣ коихъ былъ Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Между тѣмъ господа послы откланялись великому князю и уже вечеромъ возвратились въ свой домъ.

Въ слѣдующій день былъ свадебный праздникъ, что̀ случилось въ пятницу, къ неудовольствію Москвитянъ, которые считали такое обстоятельство худымъ предзнаменованіемъ: этотъ день язычники посвящали Венерѣ. Пословъ звали на обѣдъ; но они не хотѣли пріѣхать потому, что имъ назначено было не такое мѣсто, какое имѣлъ Аѳанасій Власьевъ, который, по особенной милости короля, на свадьбѣ его величества сидѣлъ за королевскимъ столомъ съ императорскими, королевскими и княжескими послами, чего прежде никогда не бывало: ибо Москвитяне всегда обѣдали за особенными столами. Послы требовали той же почести; Димитрій отказалъ имъ, говоря, что король, посадивъ за своимъ столомъ пословъ королевскихъ и княжескихъ, не могъ не дать мѣста за нимъ и его послу; но что произвольный поступокъ не можетъ служить закономъ для двора Московскаго. Послы весьма разумно возражали на такое мнѣніе; однакожъ сочли за лучшее уступить высокомѣрію и упорству великаго князя, заботясь болѣе о дѣлахъ общественной пользы, нежели о пустыхъ обрядахъ, которые могли повредить главной цѣли ихъ посольства.

Гонсѣвскій занялъ обыкновенное мѣсто съ прочими гостями; панъ же Олесницкій, какъ главный посолъ, посаженъ былъ, вопреки обычаю и приличію, за отдѣльнымъ столомъ, недалеко отъ великаго князя, по правую его сторону. Хотя по волѣ его королевскаго величества, послы должны были сидѣть, во время торжественнаго обѣда, подлѣ великаго князя за его столомъ; но это повелѣніе не могло быть исполнено: часто случается, что короли возлагаютъ на своихъ пословъ такія обязанности, которыя бываютъ несогласны съ обстоятельствами времени и мѣста; посему весьма было бы нужно давать имъ волю дѣйствовать сообразно

съ обстоятельствами, чтобы отъ слишкомъ строгаго наблюденія мелочей, предписываемыхъ королями, дѣла важныя не оставались безъ успѣха: и по бурному морю искусный кормчій проведетъ свой корабль. Не даромъ хвалятъ Римлянъ, которые, отправляя пословъ, говорили имъ, что всѣ ихъ дѣйствія должны клониться ко благу республики. 1606.

Великій князь давалъ обѣдъ въ аудіенцъ-залѣ. Среди находилась высокая колонна, а подлѣ стоялъ огромный столъ, покрытый золотою и серебряною посудою; сверхъ того предъ залою лежали кучи серебряныхъ сосудовъ, изъ коихъ нѣкоторые были величиною съ наши ведра, котлы и боченки; въ концѣ залы стоялъ столъ великаго князя, который сидѣлъ за нимъ съ великою княгинею: они были въ Польскихъ платьяхъ, сіявшихъ отъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ; на головахъ имѣли короны. По правую сторону великаго князя, вблизи его, былъ отдѣльный столъ, приготовленный для пана Олесницкаго; прочіе же господа и гости съ нѣкоторыми Московскими боярами сидѣли по обѣимъ сторонамъ Димитрія, за длинными узкими столами; панъ Гонсѣвскій занималъ первое мѣсто. На столахъ не было ни ложекъ, ни тарелокъ; сперва подали водки и весьма вкуснаго бѣлаго хлѣба; потомъ разставили разныя блюда съ кушаньями, большею частію съ пастетами, худо приготовленными; въ числѣ ихъ находился огромный пирогъ, наполненный небольшими рыбами; кушанья подавали не вдругъ, а одно за другимъ: ихъ было очень много; но всѣ безъ вкуса, отчасти отъ излишняго количества масла, отчасти отъ меда, которымъ Москвитяне замѣняютъ сахаръ. Подавали также множество напитковъ, особенно же разныхъ сортовъ меда, напитка, приготовляемаго изъ вишень, сливъ, сока винограднаго и проч.

Димитрій нѣсколько разъ пилъ за здоровье пословъ и гостей, при веселыхъ звукахъ разныхъ инструментовъ, на коихъ весьма пріятно играли Польскіе музыканты, прибывшіе съ великимъ княземъ изъ Польши; Московскіе музыканты стояли на дворѣ

1606. и производили страшный громъ и трескъ своими барабанами. Трудно повѣрить, какъ много при этомъ случаѣ было золотыхъ сосудовъ; чаши и бокалы сіяли въ рубинахъ, сафирахъ, гіяцинтахъ, кораллахъ и жемчугахъ: весь столъ горѣлъ отъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ! Было также много разнаго сорта закусокъ, лимонныхъ корокъ, колачей, яблокъ, орѣховъ и проч. За столомъ прислуживали около 150 молодыхъ бояръ, одѣтыхъ въ парчевые кафтаны; каждому изъ нихъ, въ награду за усердіе и вѣрность, самъ великій князь, по окончаніи обѣда, далъ по нѣскольку сушеныхъ сливъ. Въ этотъ день откланялись царю послы, отправленные имъ въ Персію. [157]

На другой день великая княгиня пригласила пословъ его величества на обѣдъ въ свои комнаты, гдѣ они пировали по обычаю Польскому; при этомъ случаѣ панъ Олесницкій поднесъ ей отъ имени короля разные подарки, и напомнилъ, какъ она должна поступать въ отношеніи къ королю и своему отечеству. Этотъ день провели очень весело, въ пляскахъ и разныхъ забавахъ; но радость человѣка непродолжительна: скоро смѣняетъ ее горькое горе!

27 мая, въ субботу рано утромъ, открылся страшный мятежъ: знатнѣйшіе Московскіе бояре, составивъ заговоръ, вломились во дворецъ, чтобы умертвить Димитрія. Нѣмецкая гвардія, стоявшая при воротахъ въ числѣ 30 человѣкъ, была прогнана (прочіе солдаты находились въ своихъ домахъ, гдѣ велѣлъ имъ остаться, именемъ великаго князя, одинъ изъ заговорщиковъ); послѣ того бояре разломали двери въ покояхъ великокняжескихъ и ворвались въ нихъ. Димитрій, свѣдавъ о такой измѣнѣ, бросился въ комнаты своей супруги, разсказалъ ей о бунтѣ, и давъ совѣтъ, какимъ образомъ спасти себя, быстро побѣжалъ изъ одной комнаты въ другую, наконецъ выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для свадебнаго празднества; отсюда хотѣлъ спрыгнуть на другія, но оступился и упалъ съ ужасной высоты, среди небольшаго двора; тутъ увидѣвъ нѣсколько

стрѣльцовъ, бывшихъ на стражѣ, онъ умолялъ ихъ спасти его 1606.
жизнь, за что обѣщалъ имъ щедрую награду. Всѣ стрѣльцы дали клятву умереть за него. Между тѣмъ измѣнники не зѣвали, быстро его преслѣдовали по всѣмъ комнатамъ, выламывали двери; наконецъ увидѣли жертву среди стрѣльцовъ и многочисленною толпою бросились по лѣстницамъ на дворъ. Стрѣльцы сначала твердо стояли за великаго князя и нѣсколько отогнали крамольниковъ; но Василій Ивановичъ Шуйскій, зачинщикъ и глава всего заговора, собравъ своихъ товарищей, убѣждалъ ихъ мужественно довершить начатый подвигъ: «Мы имѣемъ дѣло не съ «такимъ человѣкомъ», говорилъ онъ «который могъ бы забыть «малѣйшую обиду; только дайте ему волю, онъ запоетъ другую «пѣсню: предъ своими глазами погубитъ насъ въ жесточайшихъ «мукахъ! Такъ! мы имѣемъ дѣло не просто съ коварнымъ плутомъ, «но съ свирѣпымъ чудовищемъ; задушимъ, пока оно въ ямѣ! Горе «намъ, горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если эта бестія выползетъ «изъ пропасти!» Тутъ завопили къ толпѣ: «Пойдемъ въ стрѣлец«кую слободу; истребимъ семейства блядиныхъ дѣтей, если они «не хотятъ выдать измѣнника, плута, обманщика!» [158] Какъ скоро стрѣльцы услышали угрозы, тотчасъ забыли клятвенное обѣщаніе спасти Димитрія и оставили его: любовь къ женѣ и дѣтямъ всегда сильнѣе царскихъ сокровищъ! Бояре же бросились на великаго князя, избили его жестоко, и неоднократно спрашивали, точно ли онъ сынъ Іоанна Васильевича? «Отведите меня къ матери», отвѣчалъ Димитрій «и ее спросите; если она отречется «отъ меня, тогда дѣлайте, что хотите». «Она отрекается отъ тебя!» воскликнулъ Голицынъ, бывшій въ числѣ главныхъ заговорщиковъ, «и говоритъ торжественно, что ты не сынъ ея, а обман«щикъ!» Съ этимъ словомъ Голицынъ разсѣкъ ему голову саблею; это еще болѣе остервенило прочихъ бунтовщиковъ; наконецъ одинъ изъ нихъ, именемъ Григорій Воейковъ, [159] подскочилъ къ Димитрію и выстрѣлилъ въ него: онъ упалъ и тутъ же испустилъ духъ. Вмѣстѣ съ нимъ убитъ вѣрный слуга его Петръ Басмановъ,

1606. главный вождь Русской арміи. Трупы ихъ, нагіе, безобразные, были брошены на площадь предъ замкомъ: тамъ они лежали трое сутокъ.

Великая княгиня, между тѣмъ, заперлась съ своими женщинами въ одной комнатѣ; туда ломилась чернь; но одинъ благородный Полякъ, именемъ Осмольскій, смѣло, мужественно отражалъ толпу, до тѣхъ поръ, пока не пришли два боярина, которые прогнали чернь и спасли благородныхъ Полекъ отъ насилія. [160] Осмольскій однако былъ застрѣленъ; пуля, поразивъ его на вылетъ, пробила стѣну и ранила благородную вдову Хмѣлинскую, которая умерла чрезъ нѣсколько дней отъ раны.

Послѣ того убійцы излили злобу на музыкантовъ великаго князя: 16 человѣкъ умертвили, а многихъ изуродовали; не убили же послѣднихъ только потому, что считали ихъ уже мертвыми; потомъ вломились въ домъ главнаго повара великой княгини, Адама Горскаго, умертвили многихъ служителей и разграбили все имѣніе его. Воеводу же Сендомирскаго они не тронули потому, что съ нимъ было много людей вооруженныхъ, и только увѣдомили его о смерти Димитрія. «Я не знаю ничего, «что случилось», отвѣчалъ воевода; «но подумайте, что вы «дѣлаете? Я никого не трону; если же меня оскорбятъ, буду «защищаться до послѣднихъ силъ, до послѣдняго человѣка!» Измѣнники приняли мѣры, чтобы Поляки во время смятенія не подоспѣли на помощь къ великому князю и не разстроили бы ихъ замысла: для этаго ночью перегородили огромными деревьями ту улицу, гдѣ расположена была Польская конница; били въ набатъ во всѣхъ церквахъ и вездѣ кричали, что Поляки рѣжутъ бояръ въ Кремлѣ и хотятъ овладѣть столицею. Чернь, многочисленными толпами, съ яростію бросилась на постоялые дворы иноземцевъ, особенно же въ Никитскую улицу, гдѣ жили придворные чины великаго князя и великой княгини. Поляки спрашивали у мятежниковъ, что имъ надобно? они же издали кричали: «Отдайте оружіе, если хотите остаться живыми!» Нѣко-

торые, ничего не вѣдая и вовсе не подозрѣвая злаго умысла, 1606.
выдали свои ружья и сабли; но тотчасъ были схвачены, раздѣты до-нага и изрублены въ мелкіе куски. Другіе же, размысливъ, что все равно, пасть ли въ битвѣ, или отдать себя въ руки безумной черни, рѣшились обороняться и сражались мужественно до послѣдняго издыханія. Рѣзня была страшная; вся Никитская улица покрылась трупами и кровью: никогда, ни въ какой битвѣ не погибало вдругъ такъ много юныхъ дворянъ Польскихъ, даже и во время трехлѣтней войны Стефана Баторія съ Россіею. Надобно замѣтить, что Поляки были размѣщены далеко одинъ отъ другаго: изъ этаго видно, съ какими мыслями принимали Москвитяне своихъ гостей; сверхъ того за нѣсколько дней до мятежа, всѣмъ купцамъ строго было запрещено продавать иностранцамъ порохъ и свинецъ, для того, чтобы веселые гости безпрестанными выстрѣлами не потревожили народа и не нарушили общаго спокойствія; это было только предлогомъ; въ душѣ Русскихъ скрывались иные замыслы!

Умертвивъ многихъ, мятежники приступили къ дому князя Вишневецкаго; но были отбиты его людьми. Князь, видя, что разъяренная чернь снова стремится на дворъ его съ луками, пищалями и двумя пушками, собралъ своихъ людей, съ геройскою храбростію бросился въ средину непріятелей, взялъ одну большую пушку, множество злодѣевъ положилъ на мѣстѣ собственнымъ ихъ оружіемъ, и только тогда прекратилъ битву, когда Василій Шуйскій, въ знакъ переговоровъ бросивъ вверхъ шапку, предложилъ ему миръ и безопасность, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ оставить его невредимымъ, только съ условіемъ, чтобы Поляки отдали все свое оружіе. Князь согласился исполнить это требованіе: самъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ и немногими изъ своихъ людей отправился на постоялый дворъ; но едва удалился, чернь напала на безоружныхъ служителей его, оставленныхъ въ домѣ для надзора за вещами, побила ихъ всѣхъ до одного, а имущество разграбила.

1606. Отсюда она спѣшила къ дому Сигизмунда Тарло, гдѣ, кромѣ жены его и благородной вдовы Герботины, были многіе знатные Поляки съ своими служителями, какъ то: Любомирскій, панъ Іорданъ и другіе; чернь бросилась на дворъ, но не смѣла вломиться въ покои, ибо видѣла, что находившіеся тамъ господа и служители, имѣя довольно ружей, приготовились къ упорному сопротивленію; посему она кричала: «Отдайте ружья, если дорога «вамъ жизнь; мы не хотимъ вашей крови, а желаемъ только «возстановить въ городѣ спокойствіе; когда же не вѣрите нашимъ «словамъ, мы готовы присягнуть, что вы останетесь невредимы». Поляки не знали, что дѣлать; наконецъ, по просьбѣ женщинъ, выдали свое оружіе. Москвитяне, получивъ его, принялись сперва за бывшихъ на дворѣ служителей, обобрали ихъ до послѣдней рубахи и прибили до полусмерти; когда же господа напомнили имъ клятвенное обѣщаніе, они еще болѣе разъярились, и умертвили несчастныхъ; послѣ того разграбили нижній этажъ дома, коней увели, экипажи изломали въ куски, всю посуду похитили; потомъ ворвались въ верхніе покои, не давая пощады никому, самимъ женщинамъ: супругу Тарло и госпожу Герботину не только обобрали до чиста, но били кулаками безъ милосердія; все же золото, серебро, дорогія платья и другія вещи, найденныя въ домѣ, раздѣлили между собою (въ общемъ дѣлѣ и добыча общая!). При этомъ случаѣ благородная панна Варвара Дульская лишилась всего имѣнія своего; сама же она, по особенной благости Небесъ, находилась въ другомъ домѣ, гдѣ не было мятежниковъ.

Между тѣмъ Павелъ Тарло и Баалъ, друзья юные, благонравные, мужественные, не хотѣли отдать своего оружія, и при помощи 15 слугъ сражались долго, какъ герои, съ многочисленными толпами; наконецъ Баалъ былъ убитъ; друга же его Тарло спасъ хозяинъ дома, полюбившій юношу за кротость и благонравіе. Въ то же время погибли Петръ Домарацкій и Станиславъ Борза, люди съ прекрасною душею. Жалостнѣе была

участь достопочтеннаго Франциска Помацци: благочестивый 1606.
мужъ совершалъ божественную службу, когда святотатцы, выломавъ двери, схватили его при самомъ алтарѣ, сильнымъ ударомъ сшибли съ ногъ и сорвали съ него святительскія ризы; потомъ совлекли съ алтаря покровъ и похитили дароносицу; брата же Помацціева, бывшаго въ военной службѣ, связали и умертвили; послѣ того снова обратились къ святителю; нанесли ему нѣсколько тяжкихъ ранъ и только тогда укротили свою ярость, когда увидѣли, что онъ уже при послѣднемъ издыханіи; они оставили его въ боревіи съ смертію, впрочемъ не изъ состраданія, а отъ увѣренности, что жертва ихъ не воскреснетъ; не доставало одного удара для прекращенія тогда же его жизни. Онъ испустилъ духъ на третій день.

Паны Стадницкіе, жившіе вмѣстѣ на одномъ дворѣ, узнавъ о бунтѣ, немедленно вооружились для обороны и, отворивъ двери, ожидали непріятелей: чернь, видя ихъ рѣшительность, не посмѣла ворваться въ домъ и удалилась; она также не тронула двора посольскаго, который находился недалеко отъ дома Стадницкихъ; впрочемъ всѣ, искавшіе покровительства въ домѣ пословъ, не взирая на право народное, находились въ явной опасности потерять жизнь, и уже готовились встрѣтить мужественно неминуемую смерть, когда прибыли два боярина и освободили ихъ отъ бѣды.

Павелъ Мнишекъ, староста города Лукова, жившій противъ дома посольскаго, также остался невредимъ, но не потому, что Москвитяне хотѣли пощадить его, а потому, что опасались свиты посольской, которая могла подать помощь. Станиславъ Мнишекъ, староста Саноцкій, спасся инымъ средствомъ: мятежники неоднократно порывались напасть на него; но видя, что онъ окруженъ конными и пѣшими воинами, прибывшими съ нимъ изъ Польши, не рѣшились на битву и оставили его въ покоѣ. Съ нимъ заключилъ Шуйскій такой же договоръ, какъ и съ княземъ Вишневецкимъ; только не могъ отобрать отъ него

1606. оружія и приставилъ къ дому сильную стражу изъ стрѣльцовъ, совѣтуя Полякамъ быть смирными и спокойными. Панъ староста хотѣлъ было пробиться сквозь толпы черни, чтобы соединиться съ отцемъ своимъ воеводою Сендомирскимъ; но единоземцы отсовѣтовали ему это намѣреніе.

Іоаннъ Мнишекъ, староста города Красны, былъ спасенъ отъ смерти своимъ хозяиномъ, со всѣми людьми, кромѣ его духовника, Іоанна Сандеція, который рано утромъ пошелъ къ Помацци, былъ схваченъ на дорогѣ Москвитянами и обобранъ до чиста; впрочемъ не потерялъ жизни: его спасли Нѣмцы, коихъ языкъ онъ разумѣлъ. Польскіе воины, служившіе великому князю, узнавъ о смерти государя, немедленно сѣли на коней и выѣхали въ чистое поле; тамъ они заключили съ Москвитянами договоръ, по коему могли выйти изъ Россіи; но потеряли все свое имѣніе. Дружина же воеводы Сендомирскаго, при самомъ началѣ волненія, схватила оружіе и приготовилась къ битвѣ; но увидѣвъ, что на нее навели пушки, удалилась на большой дворъ, гдѣ обыкновенно стояла, и тамъ заключила договоръ съ Русскими. Много можно было бы разсказать, какъ Москвитяне разбивали постоялые дворы, грабили, рѣзали безъ милосердія Поляковъ, обманутыхъ лестью и ложными клятвами; но для краткости прекратимъ нашу повѣсть. Во время смятенія погибло Поляковъ около 600 человѣкъ, а Москвитянъ слишкомъ 1,000; ихъ пало бы гораздо болѣе, если бы они коварнымъ обѣщаніемъ мира не выманили оружія у своихъ гостей, которые, отдавъ его, гибли беззащитными жертвами.

Обнаженный трупъ Димитрія, какъ выше сказано, брошенъ былъ на площадь. Тамъ издѣвалась надъ нимъ чернь: положивъ на брюхо маску, вымазанную нечистою грязью, Москвитяне кричали: «вотъ твой Богъ!» Иные вонзали въ тѣло ножи и бросали его съ одного мѣста на другое. Наконецъ, по прошествіи трехъ сутокъ, одинъ купецъ выпросилъ у бояръ позволеніе похоронить Димитрія за городомъ, отчасти изъ состра̀да-

нія, отчасти въ намѣреніи прекратить безстыдныя надъ нимъ 1606.
забавы площадныхъ торговокъ. И въ могилѣ ему не было покоя: въ народѣ разнеслась молва, что ночью тамъ виденъ огонь и раздается веселая музыка; для того чрезъ восемь дней вырыли трупъ изъ могилы, сожгли въ пепелъ, и зарядивъ имъ огромную пушку, выстрѣлили въ тѣ ворота, коими онъ вступилъ въ Москву, чтобы и праха его не оставалось.

ГЛАВА II.

ДНЕВНИКЪ ПАЕРЛЕ.

Причина путешествія автора въ Москву. Опасность его во время мятежа. Стараніе бояръ прекратить волненіе. Соединеніе съ Литовскими послами. Избраніе Шуйскаго царемъ. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Споры пословъ съ боярами во дворцѣ Рѣчь Мстиславскаго. Отвѣтъ посольскій. Заключеніе пословъ. Молва о Димитріи. Послы выдаютъ боярамъ многихъ Поляковъ. Походы Шуйскаго на мятежниковъ. Приступъ ихъ къ Москвѣ. Спасеніе столицы. Неволи Поляковъ. Назначеніе королемъ новыхъ пословъ. Походъ Шуйскаго на Тулу Отправленіе иноземныхъ купцовъ въ отечество. Прибытіе новыхъ пословъ королевскихъ. Извѣстія изъ Польши. Возвращеніе Шуйскаго. Аудіенція вновь прибывшихъ пословъ. Наглость повара. Смѣлость Гонсѣвскаго и товарища его. Свиданіе ихъ во дворцѣ съ послами. Переговоры и неудовольствія.

Разскажу теперь, что случилось со мною и спутниками моими, Андреасомъ Натаномъ и Матвѣемъ Бернгардомъ Манлихомъ Младшимъ, также съ переводчикомъ Натановымъ Себастіаномъ Лефелемъ и служителемъ его Яковомъ де-Ви, гражданами Краковскими.

Виновникомъ нашего путешествія въ Моству былъ тайный совѣтникъ Димитрія, Янъ Бучинскій: онъ вручилъ Натану грамату, за своеручною великаго князя подписью и за большою его печатью, такого содержанія, что всякій купецъ, который повезетъ въ Россію, на свой страхъ, добрые и красивые товары, во всѣхъ областяхъ Московскаго государства будетъ принятъ съ особенною ласкою, за все проданное царю получитъ немедленно плату изъ казны, на обратномъ же пути найдетъ продовольствіе и помощь.

1606. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, первый пограничный городъ, мы предъявили тамошнему воеводѣ граммату великаго князя и тотчасъ получили въ довольномъ количествѣ съѣстные припасы. Здѣсь мы опять увидѣли Яна Бучинскаго: онъ просилъ Натана убѣдительно не дожидаться королевскихъ пословъ (принявшихъ насъ подъ свое покровительство), ссылаясь на царское повелѣніе отправить насъ какъ можно скорѣе въ Москву, чтобъ мы успѣли пріѣхать туда прежде царевны. И такъ, во имя Божіе, мы пустились въ дорогу съ людьми Бучинскаго, изъ коихъ одни были на коняхъ, а другіе ѣхали въ повозкѣ. Воевода же Смоленскій далъ намъ приставовъ или коммиссаровъ, для снабженія насъ на пути всѣмъ необходимымъ. Въ Москвѣ насъ помѣстили на дворѣ Бучинскаго, извѣстномъ подъ именемъ Склинскаго;[161] среди его находился небольшой бѣлый домъ, крытый соломою. Во время бунта, когда свирѣпая чернь устремилась на дворъ, мы, въ числѣ 32 человѣкъ, заперлись въ домѣ и разломавъ крышу, рѣшились дорого продать свою жизнь; мятежники, увидѣвъ наше намѣреніе, не смѣли вступить въ битву, а бросились сначала въ кухню, отворили ее съ робостію и похитили всю нашу мѣдную посуду; потомъ ворвались въ покои братьевъ Бучинскихъ и въ наши комнаты, гдѣ также все разграбили; мы же, стрѣляя издали, не могли ихъ остановить. Между тѣмъ, слуга нашего хозяина, родомъ Москвитинъ, пришедшій вмѣстѣ съ прочими изъ города, просилъ насъ убѣдительно не стрѣлять, если народъ насъ самихъ не тронетъ, увѣряя, что всѣ наши вещи должны быть отнесены во дворецъ, и намъ будутъ отданы. И такъ, по его совѣту, мы прекратили пальбу. Къ несчастію, не всѣ наши заперлись въ бѣломъ домѣ: Яковъ де-Ви, думая, что опасность не велика, остался въ комнатахъ: тамъ напали на него Москвитяне, и когда онъ хотѣлъ обороняться, два сильные злодѣя выхватили у него саблю; онъ было бѣжать, но уже поздно; его догнали, и тою же саблею разсѣкли ему плечо, а при второмъ ударѣ разрубили голову до самой бороды: бѣдный де-Ви тутъ же испустилъ духъ.

Да умилосердится надъ нимъ Всемогущій и да вознаградитъ его 1606.
страданіе въ день Страшнаго суда!

Разграбивъ всѣ комнаты, расхитивъ и коней нашихъ, чернь обратилась наконецъ на насъ, и уже хотѣла выломать желѣзныя двери въ нашемъ убѣжищѣ: мы дали сквозь нихъ два сильные залпа изъ мушкетовъ и принудили ее, при помощи Всевышняго, отступить; между тѣмъ явился Дмитрій Шуйскій: онъ просилъ насъ не стрѣлять и отворить двери, увѣряя съ клятвою, что насъ никто не тронетъ; мы однакожъ не вѣрили, и чтобы узнать, чего онъ хочетъ, спустили изъ окна по веревкѣ одного молодаго дворянина, хорошо разумѣвшаго Русскій языкъ. «Я присланъ отъ сенаторовъ», говорилъ Шуйскій «увѣдомить васъ, что если вы будете мирны и спокойны, народъ васъ не тронетъ. Разстрига (такъ величалъ онъ убіеннаго Димитрія) получилъ достойное возмездіе, и вы должны благодарить Бога за свое спасеніе. Что же касается до вашихъ вещей, о коихъ вы такъ заботитесь, будьте спокойны: вы получите вознагражденіе; а для вашей безопасности, я оставлю одного боярина, который не дозволитъ черни никакого насилія». Сказавъ сіе, Шуйскій поскакалъ въ Кремль. Такимъ образомъ спасъ насъ милосердый Богъ, вопреки злобѣ убійцъ, которые желали омыть свои руки въ крови невинной.

Вскорѣ послѣ того, около вечера, прибыли два боярина, съ требованіемъ, чтобъ мы отдали имъ свое оружіе; сначала мы не согласились. Бояре стали увѣрять насъ страшною клятвою, что это дѣлается единственно для успокоенія народа, который до тѣхъ поръ не смирится, пока не увидитъ себя безопаснымъ, и сверхъ того показали списокъ многихъ знатныхъ господъ, исполнившихъ такое требованіе; убѣжденные, мы наконецъ, по взаимномъ совѣщаніи, согласились на его просьбу, но съ условіемъ, чтобы намъ дали одного боярина въ заложники для лучшей безопасности; это условіе тотчасъ было исполнено. Между тѣмъ, мы спрятали въ сѣно четыре топора и четыре сабли. Двое сутокъ насъ томили голодомъ; въ третій день, поздно вечеромъ, присла-

1606. ли намъ корову и нѣсколько куръ; мы тотчасъ ихъ закололи и приготовили пищу, которая показалась намъ вкуснѣе самыхъ лакомыхъ обѣдовъ во время путешествія; запивали же ее квасомъ, то есть кислымъ напиткомъ изъ воды, муки и хлѣба. 4 іюня, наши приставы отлучились; мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, и перешли не безъ опасности въ посольскій домъ.

20 мая, въ понедѣльникъ, часа чрезъ два по восхожденіи солнца, снова раздался во всемъ городѣ и въ крѣпости колокольный звонъ и громъ барабановъ. Не зная ничего о происходившемъ въ городѣ и ожидая себѣ новыхъ бѣдъ, мы полагали, что злодѣи хотятъ умертвить остальныхъ иноземцевъ; но мы скоро успокоились: Москвитяне сказали намъ, что въ колокола звонятъ въ знакъ радости, по случаю избранія государемъ князя Василія Шуйскаго (главнаго зачинщика и виновника мятежа). Вскорѣ пріѣхали изъ крѣпости два боярина, которые объявили посламъ, что всѣ чины государства провозгласили Шуйскаго великимъ княземъ, что опасность теперь миновала, и что царь, помиловавъ пословъ и всѣхъ Поляковъ, намѣренъ возвратить имъ все утраченное, а самихъ отправить въ отечество.

1 іюня пришли къ посламъ два другіе боярина Игнатьевичъ и Татищевъ: [162] они требовали, именемъ Московскаго сената, списка всѣмъ особамъ, которыя во время мятежа укрылись въ посольскомъ дворѣ, объявивъ притомъ, что царь въ слѣдующее воскресенье допуститъ ихъ къ рукѣ своей, а на будущей недѣлѣ дозволитъ отправиться въ Польшу.

2 іюня всѣхъ Поляковъ, находившихся въ Москвѣ, исключая самыхъ знатныхъ пановъ и людей, бывшихъ въ посольской свитѣ, также слугъ Бучинскаго, отослали въ Польшу, назначивъ каждому для пропитанія не болѣе 2 крейцеровъ въ день.

3 іюня явились назначенные къ посламъ приставы или коммиссары, съ требованіемъ великаго князя и бояръ выдать имъ всѣхъ людей, которые, во время бунта и послѣ его, пришли на дворъ посольскій; когда же послы хотѣли знать, для чего они

нужны? приставы объявили, что великій князь, движимый мило- 1606.
сердіемъ, велѣлъ отвести Поляковъ въ прежніе ихъ домы, снабдить въ довольствѣ всякими припасами, и потомъ одаривъ щедро золотомъ, серебромъ, платьями, отпустить восвояси. Услышавъ о такомъ предложеніи, всѣ Поляки, въ числѣ ихъ и многіе паны, молили пословъ явить имъ королевскую защиту и не выдавать ихъ злодѣямъ Москвитянамъ. «Мы согласимся», говорили они «питаться крошками съ посольскаго стола, только бы не ѣсть «хлѣба великокняжескаго!» Послы исполнили ихъ желаніе, и послѣ сильныхъ споровъ съ приставами, удержали всѣхъ людей, искавшихъ покровительства въ домѣ посольскомъ.

4 іюня, въ воскресенье, послы ожидали, что ихъ допустятъ, какъ было сказано, къ царской рукѣ, но тщетно: въ городѣ было страшное волненіе; народъ возсталъ на стрѣльцовъ, бояръ и великаго князя, обвиняя всѣхъ ихъ, какъ измѣнниковъ, въ умерщвленіи истиннаго государя, Димитрія. Великій князь, при помощи бояръ, скоро прекратилъ ропотъ черни, увѣривъ ее, что убитъ не Димитрій, а плутъ и обманщикъ, что истинный царевичъ погибъ въ Угличѣ, и что народъ увидитъ своими глазами его нетлѣнныя, чудотворныя мощи, которыя уже везутъ въ столицу. Между тѣмъ бояре достали мальчика лѣтъ 13 или 14, сына какого-то бѣдняка, перерѣзали ему горло, продержали трупъ его нѣсколько дней въ землѣ, потомъ вынули, привезли въ Москву и, показывая народу, говорили черни: «Вотъ истинный «Димитрій! Нѣсколько лѣтъ тѣло его лежало въ землѣ, но все еще «нетлѣнно и невредимо!» Грубая, безсмысленная чернь повѣрила и успокоилась. [163]

5 іюня, одинъ изъ пословъ, староста Гонсѣвскій, капитанъ Велижскій, ѣздилъ во дворецъ къ родному брату великаго князя, Дмитрію Ивановичу Шуйскому, съ просьбою исходатайствовать посламъ у государя дозволеніе возвратиться со всѣми ихъ людьми и Поляками въ отечество.

6 іюня, послы были приглашены во дворецъ; ихъ провожали

1606. туда многіе бояре. Когда они вступили въ Золотую палату, гдѣ собралось до 14 или 15 Московскихъ вельможъ, одинъ изъ бояръ, сдѣлавъ обыкновенный поклонъ, прочиталъ предъ послами бумагу слѣдующаго содержанія:

«За нѣсколько предъ симъ лѣтъ, по смерти нашего великаго князя Ивана Васильевича, остались два сына: старшій изъ нихъ, Ѳеодоръ, вступилъ на престолъ и господствовалъ надъ нами съ вожделѣннымъ благополучіемъ, въ страхѣ Божіемъ; а младшій, Димитрій Ивановичъ, еще юный лѣтами, получилъ въ удѣлъ отъ своего отца три отдѣльныя княжества [164] и жилъ въ городѣ Угличѣ. Въ послѣдствіи, за наши грѣхи, по волѣ Всемогущаго, Борисъ Годуновъ погубилъ царевича, а самъ овладѣлъ престоломъ Россійскаго государства. Къ Борису прислалъ король вашъ Сигизмундъ посломъ Льва Сапѣгу, канцлера Литовскаго, съ товарищемъ: посолъ, заключивъ перемиріе между нашимъ государствомъ и вашимъ королевствомъ на двадцать лѣтъ, утвердилъ его клятвою. Между тѣмъ одинъ изъ нашихъ монаховъ, именемъ Гришка сынъ Богдановъ Отрепьевъ, за колдовство и чародѣйство присужденный святыми отцами и епископами къ лишенію живота, бѣжалъ отъ казни при помощи дьявольскаго искусства, удалился въ Польшу и тамъ, предъ королемъ вашимъ и предъ всею Польскою короною, выдалъ себя за князя Димитрія Ивановича. Мы, бояре, свѣдавъ о такомъ плутовствѣ, послали къ сенату, для уличенія обманщика, письма съ родственникомъ его Смирнымъ Отрепьевымъ, а для большаго удостовѣренія, нашъ патріархъ и епископы дали знать о семъ вашему архіепископу и епископамъ; но Сигизмундъ и его совѣтники, уловленные обманщикомъ, вскорѣ забыли условія мирнаго договора, въ слѣдствіе коихъ Польша не должна была помогать ни людьми, ни деньгами, ни совѣтомъ, никакому врагу Россіи: король далъ обманщику и войско, и деньги, и добрыя наставленія; онъ послалъ въ наши предѣлы воеводу Сендомирскаго со многими Поляками. Когда же измѣнникъ явился съ Польскими войсками въ княжествѣ Сѣверскомъ, чернь, всегда и

вездѣ неразумная, признала его законнымъ наслѣдникомъ Русскаго 1606.
престола, и выдала ему градоначальниковъ и воеводъ, такъ, что все княжество Сѣверское покорилось самозванцу. Вскорѣ послѣ того государь нашъ Борисъ умеръ, а онъ обманщикъ, при помощи короля, овладѣлъ всею страною Русскою. Мало того: онъ хотѣлъ всѣхъ насъ, бояръ, истребить, Русскую вѣру искоренить, а супругу великаго князя Ивана Васильевича, мать истиннаго Димитрія, принуждалъ признать себя сыномъ своимъ. Хотя же великая княгиня сначала, отъ страха, назвала его своимъ сыномъ; но въ послѣдствіи не могла долѣе обманывать другихъ, и намъ, боярамъ, объявила, что онъ не сынъ ея, а плутъ и обманщикъ, умоляя насъ, чтобъ мы не дозволяли господствовать надъ собою бродягѣ. Убѣжденные какъ ея рѣчами, такъ и многими другими причинами, также и внушеніемъ св. Духа, мы умертвили злодѣя. При семъ случаѣ погибли нѣкоторые изъ Поляковъ, пришедшихъ съ воеводою Сендомирскимъ, за то, что они раздражили народъ наглыми поступками, оскорбляя женъ, отнимая ихъ у мужей, и проч.; но это случилось безъ нашего вѣдома: слѣдовательно не мы виновны въ ужасномъ кровопролитіи, а вашъ король и ваши единоземцы, которые нарушили мирныя условія. Теперь же, по милости Божіей, какъ свѣтскіе, такъ и духовные чины избрали государемъ всея Россіи Василія Ивановича Шуйскаго. Какъ разумный и добрый царь, онъ оплакиваетъ безбожное смертоубійство и повелѣваетъ объявить вамъ, что всѣ ваши единоземцы, оставшіеся въ живыхъ, могутъ отправиться со всѣмъ имуществомъ въ свое отечество. Король же вашъ поступилъ вопреки правиламъ христіанства; о чемъ да будетъ вамъ извѣстно!»

Такъ говорилъ бояринъ Мстиславскій; когда онъ кончилъ свою рѣчь, послы отошли въ сторону, поговорили другъ съ другомъ, и послѣ взаимныхъ совѣщаній, панъ Гонсѣвскій, разумѣвшій лучше своего товарища языкъ Русскій, отвѣчалъ боярамъ: «Мы слышали и поняли вашу рѣчь; просимъ сообщить намъ ее письменно, чтобъ мы могли дать удовлетворительный отвѣтъ; а

1606. между тѣмъ, считаемъ долгомъ объяснить слѣдующее: всемилостивѣйшій государь нашъ, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, получилъ извѣстіе, что по кончинѣ великаго князя Ивана Васильевича, остался юный сынъ Димитрій Ивановичъ, коему отецъ при жизни своей пожаловалъ княжество Углицкое съ двумя другими; потомъ разнеслась молва, что царевичъ тайно умерщвленъ Борисомъ, къ великой горести всѣхъ Поляковъ: мы оплакивали кончину его изъ христіанскаго состраданія. Вскорѣ послѣ того, пришелъ къ намъ изъ Москвы тотъ, кого вы не признаете Димитріемъ: этотъ человѣкъ благоразумными рѣчами и разными тѣлесными признаками увѣрялъ насъ, что онъ истинный Димитрій Ивановичъ, что всемогущій Богъ спасъ его отъ сѣтей Борисовыхъ, что коварный измѣнникъ, отравивъ царя Ѳеодора и завладѣвъ Русскою державою, истребляетъ многія знаменитыя семейства, отчасти тайною смертію, отчасти ссылкою въ вѣчную неволю, и тиранствуетъ надъ своими подданными. О тиранствѣ Борисовомъ разсказывали намъ и другіе единоземцы ваши; даже отъ васъ самихъ, господа бояре! мы неоднократно слыхали единогласныя жалобы на его свирѣпость и вѣроломство. Впрочемъ ни король, ни королевскіе чины не повѣрили посламъ того, кто называлъ себя Димитріемъ: онъ скитался странникомъ въ жалкомъ положеніи изъ одного мѣста въ другое, доколѣ не пришли къ нему въ Польшу многіе Москвитяне изъ разныхъ городовъ вашихъ и не провозгласили его торжественно своимъ государемъ. Его величество хотя и симъ не убѣдился; однакожъ съ другой стороны не могъ не размыслить, что правосудный и милосердый Богъ неоднократно разрушалъ ковы злоумышленниковъ, устроивавшихъ гибель дѣтямъ великихъ государей, какъ свидѣтельствуетъ о томъ бытописаніе, и возводилъ невинныхъ на прародительскіе престолы. Борисъ, между тѣмъ, сильно оскорбилъ нашего всемилостивѣйшаго государя: задержавъ, вопреки правамъ народнымъ, пословъ королевскихъ, онъ послалъ войско на предѣлы Польши, разорилъ Прилуки, городъ князя Вишневецкаго, а жителей его, числомъ до 300,

старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей, повелѣлъ умертвить безъ 1606.
пощады; другой отрядъ его, занявъ пограничную область нашу на 8 миль до самаго Велижа, все предалъ огню и мечу; многія иныя мѣста испытали подобную же участь. Король, встревоженный слезами своихъ подданныхъ и раздраженный Борисомъ, послалъ къ вамъ, господа бояре! нѣсколько писемъ съ увѣдомленіемъ, что послѣ такого кровопролитія, между обоими государствами не можетъ быть ни дружбы, ни мира. Потому его величество, считая себя необязаннымъ исполнять требованія вѣроломнаго сосѣда, забывшаго любовь и доброе расположеніе народа Польскаго, не хотѣлъ ни умертвить Димитрія, ни заключить его въ темницу, ни прислать въ Москву, какъ желалъ того Борисъ: требованіе было бы конечно исполнено, если бы князь Московскій поступалъ съ короною Польскою, какъ сосѣдъ добрый и правдивый. При всемъ томъ король нашъ, одушевляемый христіанскимъ благочестіемъ, не хотѣлъ нарушить утвержденнаго клятвою мирнаго договора, и за Димитрія не рѣшился начать войны съ Борисомъ, а предоставилъ царевича въ волю Божію, размысливъ, что если Господь спасъ его жизнь чудеснымъ образомъ, то Онъ же подастъ ему и средства взойти на престолъ прародительскій.[165] Посему ни Польша, ни Литва не дали Димитрію ни одного хорунжія: на него смотрѣли, какъ на бѣднаго странника; люди благочестивые, знатные и незнатные, давали ему милостыню изъ христіанскаго состраданія. Болѣе всѣхъ сжалился надъ нимъ благородный панъ воевода Сендомирскій: добрый и сострадательный вельможа такъ полюбилъ Димитрія, что призналъ его законнымъ наслѣдникомъ Русскаго престола и рѣшился, по просьбѣ бывшихъ при немъ Москвитянъ, проводить его съ небольшимъ отрядомъ до вашихъ предѣловъ, но не далѣе; тамъ, говорили ему Москвитяне, вся страна Русская покорится царевичу; если же того не будетъ, панъ воевода можетъ возвратиться въ отечество, не нарушая мирнаго трактата. Еще за нѣсколько миль до границы, встрѣтили Димитрія жители вашего города Моравеска съ хлѣбомъ-солью; въ то же время покорились

1606. ему и граждане Черниговскіе. Столь явная помощь небесная свидѣтельствовала очевидно, что Димитрій былъ истинный царевичъ. Между тѣмъ, вы прислали письмо къ нашему сенату, архіепископамъ и епископамъ: но ваши единоземцы, бывшіе съ Димитріемъ, узнавъ о томъ, немедленно извѣстили насъ съ своей стороны, что въ тѣхъ письмахъ нѣтъ ни слова правды, и что они присланы къ намъ не боярами и не духовенствомъ, а Борисомъ. Посему его величество не давалъ помощи ни той, ни другой сторонѣ, ожидая окончанія дѣлу отъ правосудія Божія. Когда же Димитрій осадилъ Новогродекъ и встрѣтилъ въ немъ упорное сопротивленіе, а Борисъ увѣдомилъ короля нашего, чрезъ дворянина Огарева, что сей человѣкъ есть самозванецъ Гришка Отрепьевъ, и просилъ не нарушать мира вспомоществованіемъ обманщику; его величество отправилъ къ воеводѣ Сендомирскому и ко всѣмъ бывшимъ при Новѣгродекѣ Полякамъ универсалъ, съ повелѣніемъ, подъ смертною казнію, возвратиться немедленно изъ Московскихъ предѣловъ и оставить Димитрія. Панъ Воевода и бывшіе съ нимъ Поляки тотчасъ исполнили королевскую волю, покинули Димитрія съ одними Донскими казаками и другими вашими единоземцами, а сами вышли изъ Россіи. При всемъ томъ, и послѣ удаленія Поляковъ, города Русскіе, одинъ за другимъ, покорялись царевичу. Мы не можемъ не удивляться, что по смерти Борисовой, давшей вамъ свободу дѣйствовать произвольно, вы не захотѣли просить отъ нашего государя ни помощи, ни совѣта, въ чемъ онъ безъ сомнѣнія не отказалъ бы, и сами собою признали Димитрія законнымъ наслѣдникомъ престола, ввели его въ Москву, посадили на тронъ и короновали царскою короною; супругу же Борисову и сына его умертвили.

«Сами вы, господа бояре, и многіе изъ вашихъ единоземцевъ говорили неоднократно, что намъ было бы невозможно дать царя землѣ Русской, и что вы добровольно возвели Димитрія на престолъ. Не вы ли также присылали къ намъ посла Аѳанасія Ивановича благодарить короля и Польскую корону за оказанныя

ему благодѣянія? Не вы ли просили о заключеніи съ нимъ вѣч- 1606.
наго мира, и о дозволеніи воеводѣ Сендомирскому привезти въ Москву дочь его Марину, для бракосочетанія съ великимъ княземъ? Его величество съ удовольствіемъ принялъ вашу просьбу, надѣясь чрезъ этотъ бракъ примирить Московскую державу съ короною Польскою и общими силами одолѣть врага всему христіанству: убѣжденный вашими собственными свидѣтельствами, что Димитрій былъ истинный царевичъ, онъ охотно дозволилъ воеводѣ ѣхать въ Москву, и вашъ посолъ, именемъ Димитрія, обручился съ его дочерью. Сверхъ того, чрезъ другаго посла, вы благодарили воеводу Сендомирскаго за участіе его въ судьбѣ вашего государя, томившагося въ изгнаніи. И такъ по вашей просьбѣ, по вашему желанію, панъ воевода, не взирая на преклонныя лѣта, привезъ въ Москву свою дочь; а его величество отправилъ насъ сюда, для присутствія при бракосочетаніи и для заключенія вѣчнаго мира между обоими столь сильными государствами. Ваши знатнѣйшіе сенаторы, князь Василій Мосальскій и Михайло Нагой встрѣтили воеводу и дочь его на границѣ и проводили ихъ до Москвы; предъ столицею вы приняли невѣсту Димитрія, какъ великую княгиню; въ послѣдствіи присягнули ей, какъ вѣрные подданные, и наконецъ вашъ патріархъ короновалъ ее торжественно, безъ всякаго спора. Мы же, послы, сообразно древнему обыкновенію, пріѣхали сюда съ приличными почестями, при вашемъ присутствіи исправили свое посольство, и съ вами въ одной комнатѣ разсуждали о войнѣ съ врагами христіанства; а чтобы государь вашъ не былъ истинный Димитрій, того мы отъ васъ не слыхали: даже, когда нѣкоторые изъ нашихъ единоземцевъ изъявили сомнѣніе касательно рода великаго князя, вы свидѣтельствовались Богомъ и всѣмъ міромъ, что онъ государь истинный, законный; теперь же, умертвивъ его, вы говорите, что онъ былъ обманщикъ, забывъ Бога, міръ, свою собственную совѣсть!

«Мы не можемъ надивиться, что вы, господа бояре, столь

1606. разумные люди, какъ мы полагали, сами себѣ противорѣчите! Вы называете короля и корону Польскую виновниками всего зла, между тѣмъ, какъ вы сами во всемъ виноваты: не вы ли доказывали, что не король нашъ возвелъ Димитрія на престолъ, что этотъ человѣкъ естъ природный Москвитинъ? Лишь только онъ появился на Русской границѣ, ваши единоземцы признали его государемъ, встрѣтили съ хлѣбомъ-солью, сдали ему города, крѣпости, оружіе, проводили его до самой Москвы и короновали: тутъ онъ вамъ не понравился; вы узнали свою ошибку, и Божій гнѣвъ поразилъ его! Мы не участвовали въ цареубійствѣ и не имѣли причины оплакивать смерть человѣка, поступавшаго столь нагло и гордо съ нашимъ государемъ; если же сокрушались, то потому только, что многіе знатные вельможи Польскіе, подданные его величества, не оскорбившіе ни чѣмъ ни васъ, ни его, не воевавшіе, вопреки словамъ вашимъ, съ Россіею, погибли жалостною смертію, сонные, въ постеляхъ.... И вы еще говорите, что миръ нарушенъ нами! Вмѣсто того, чтобы оплакивать наше горе, наше бѣдствіе, вы говорите непристойныя рѣчи, которыя еще болѣе растравляютъ наше печальное сердце! Богъ, награждающій добродѣтель, Богъ, наказующій злодѣйство, отмститъ убіеніе нашихъ братій, погибшихъ, по словамъ вашимъ, отъ рукъ черни! Наконецъ мы считаемъ долгомъ сказать, что если вашъ государь немедленно отпуститъ воеводу Сендомирскаго и насъ, пословъ, со всѣми Поляками въ отечество, возративъ имъ все имущество, мы постараемся убѣдить его величество не разрывать заключеннаго предъ симъ за нѣсколько лѣтъ мирнаго договора; если же, вопреки всякой справедливости, наблюдаемой не только христіанскими государями, но и язычниками, Турками, Татарами, мы будемъ задержаны, къ неудовольствію короны Польской, знайте, что въ такомъ случаѣ его величество обратитъ свой гнѣвъ не на чернь, которую вы обвиняете, а на вашего великаго князя, и на васъ самихъ, господа бояре! Страшная вражда запылаетъ между народами, и вы, какъ виновники, дадите за нее отвѣтъ правосудному Богу!»

Такъ говорилъ панъ Гонсѣвскій; рѣчь его изумила Москви- 1606.
тянъ: они посматривали другъ на друга, и легко можно было замѣтить, что посольскій отвѣтъ имъ очень не понравился. Наконецъ всталъ одинъ бояринъ и говорилъ ласково посламъ, что всему виною былъ измѣнникъ, обманувшій и короля, и Поляковъ, и всѣхъ Москвитянъ; потомъ, указавъ на престарѣлаго вельможу, Михайла Нагаго, роднаго брата царицы, сказалъ: «Спросите его, кто былъ Димитрій, истинный ли царевичъ, или нѣтъ? О желаніи же вашемъ возвратиться въ отечество, мы доложимъ царю и увѣдомимъ васъ, какое онъ дастъ рѣшеніе». Тѣмъ кончилась бесѣда.

9 іюня пришли къ посламъ приставы, съ увѣдомленіемъ, что великій князъ отправляетъ ихъ послами къ его королевскому величеству; приставами же назначены другіе сановники, которыхъ они привели съ собою.

11 іюня послы цѣлый день не видали своихъ приставовъ: они явились уже вечеромъ, извиняясь въ отсутствіи тѣмъ, что должны были все время находиться во дворцѣ, вмѣстѣ съ боярами. Потомъ, снявъ шапки, сказали торжественно: «По неизрѣченной благости правосуднаго Бога, заступленіемъ херувимовъ и серафимовъ, всѣ чины могущественной Русской державы, покланяющіеся св. Троицѣ, возложили сего дня царскую корону на милосердаго царя и государя, Василія Ивановича Шуйскаго, къ великой радости всего государства Московскаго. Мы увѣрены, что и вы порадуетесь нашему счастію; бояре же не успѣли дать вамъ отвѣта». Послы отвѣчали, что имъ весьма пріятно слышать такое извѣстіе, что теперь они надѣются тѣмъ скорѣе возвратиться въ отечество, и не удивляются молчанію бояръ, зная, какими заботами они обременены.

15 іюня пришли къ посламъ два знатные боярина, Михайло Татищевъ и Василій Телепневъ, дьякъ. Татищевъ, сказавъ посламъ рѣчь, почти въ такомъ же смыслѣ, какъ и Мстиславскій, наполненную упреками королю Польскому, коего они считали виновни-

1606. комъ всего несчастія, показалъ списокъ договора, заключеннаго Димитріемъ съ воеводою Сендомирскимъ: Димитрій обязался дать воеводѣ огромныя суммы денегъ, жениться на его дочери и подарить ей въ вѣно Новгородъ и Псковъ; потомъ Татищевъ показалъ письмо королевское къ Димитрію, когда онъ былъ уже на престолѣ: въ этомъ письмѣ было сказано, что великій князь обязанъ престоломъ дружбѣ его величества и помощи народа Польскаго. Сверхъ того представили буллу папскую, присланную съ легатомъ: его святѣйшество убѣждалъ Димитрія не забыть даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія, выстроить въ Москвѣ католическія церкви. Къ сему бояринъ присовокупилъ, что у нихъ есть много подобныхъ писемъ, которыя отправлены съ посломъ къ его величеству, также къ Польской коронѣ и великому княжеству Литовскому.[166] «Посему» сказалъ Татищевъ, «царь государь и боярская дума повелѣли объявить, что вы должны оставаться здѣсь со всѣми Поляками, пока не возвратится нашъ посолъ и не привезетъ объясненія: иначе мы васъ не выпустимъ».

Послы отвѣчали боярамъ: «Слышавъ рѣчь Мстиславскаго, мы уже объяснили, можно ли приписывать всю вину его королевскому величеству и народу Польскому: болѣе разсуждать о этомъ предметѣ считаемъ излишнимъ. Что же касается до заключеннаго прежнимъ вашимъ государемъ съ воеводою Сендомирскимъ договора, мы думаемъ, что этотъ договоръ болѣе васъ уличаетъ, нежели насъ: его милость панъ воевода согласился выдать свою дочь только тогда, когда свидѣтельство вашихъ единоземцевъ увѣрило его, что Димитрій былъ истинный царевичъ, законный наслѣдникъ Русскаго престола: а согласившись на бракъ, онъ долженъ былъ устроить свои дѣла какъ можно получше. Слѣдовательно, заключенныя имъ условія ни сколько не удивительны; притомъ же Димитрій самъ предложилъ ихъ, и все дѣло шло чрезъ ваши руки: когда воевода пріѣхалъ въ Москву, и Димитрій, созвавъ государственный совѣтъ, спрашивалъ васъ, какимъ образомъ устроить участь его супруги, чтобъ она, въ

случаѣ его преждевременной кончины, имѣла средства жить при- 1606.
лично ея сану, вы, бояре, совѣтовали закрѣпить за нею, кромѣ Новгорода и Пскова, другіе города, даже соглашались признать ее не только великою княгинею, но и наслѣдственною государынею: вы клялись ей въ вѣрности и били челомъ! Граммата папская равнымъ образомъ ничего не доказываетъ: развѣ впервые вы слышите подобныя предложенія? Всегда, при заключеніи трактатовъ о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею, обѣ стороны договаривались, чтобы Поляки въ Россіи, а Русскіе въ Польшѣ, имѣли право вступать въ бракъ, наниматься въ службу, производить торговлю, и чтобы намъ дозволено было въ знатнѣйшихъ городахъ вашихъ строить римско-католическія церкви и монастыри. Папа же, намѣстникъ Христа и глава католической вѣры, обязанный по званію своему распространять Божее имя и слово во всѣ концы міра, узнавъ о намѣреніи вашемъ навсегда примириться съ Польшею, счелъ полезнымъ въ число нашихъ условій включить вышеозначенное, чтобы тѣмъ болѣе утвердить вѣру христіанскую и чтобы тѣмъ легче, при тѣсной дружбѣ обоихъ народовъ, одолѣть закоренѣлаго врага христіанскаго имени. Наконецъ вы ссылаетесь на граммату его величества, въ коей сказано, что бывшій государь вашъ обязанъ короною дружбѣ королевской и содѣйствію народа Польскаго: но развѣ не ваши послы, князь Датсовъ,[167] Аѳанасій и другіе, приписывали эту честь нашему государю и благодарили его за дружеское вспоможеніе Димитрію? Слѣдовательно, вы поступаете не добросовѣстно, обвиняя въ другихъ то, что сами прежде хвалили! А насъ, пословъ его величества, удерживая какъ бы въ темницѣ, вы дѣйствуете вопреки закону христіанскому, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ, которыя уважаютъ самые Турки и Татары».

Татищевъ, выслушавъ рѣчь посольскую, говорилъ и спорилъ нѣсколько времени; между прочимъ сказалъ: «Мы получили извѣстіе, что все Польское и Литовское дворянство возстало на короля, ханъ Крымскій вторгнулся въ королевство съ безчислен-

1606. нымъ войскомъ, Карлъ Шведскій овладѣлъ Литвою, а король вашъ выступилъ лично на Татаръ». «Кому что нравится, тотъ и мечтаетъ о томъ!» отвѣчали послы. Бояре откланялись, и возвратясь во дворецъ, донесли обо всемъ великому князю.

16 іюня, послы отправили къ боярамъ письмо, съ жалобою на свою неволю. Въ слѣдующій день боярская дума отвѣтствовала на письмо, что присланный его королевскимъ величествомъ къ блаженной памяти царю и великому князю Іоанну Васильевичу посломъ, Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, не заставъ государя въ живыхъ, не хотѣлъ исправить своего порученія предъ наслѣдникомъ его, великимъ княземъ Ѳеодоромъ, и ожидалъ отъ своего короля Стефана новыхъ инструкцій. Послы возразили, что тотъ случай не льзя сравнивать съ настоящимъ, ибо Левъ Сапѣга еще въ Можайскѣ узналъ о смерти Іоанновой, и когда объявлено было, что Ѳеодоръ велѣлъ проводить его въ Москву, онъ просилъ дозволенія послать въ Польшу курьера за королевскимъ повелѣніемъ.

Но всѣ просьбы пословъ остались тщетными: они должны были ожидать отвѣта королевскаго. Трудно описать, въ какомъ горестномъ положеніи находились всѣ мы, какъ бы заключенные въ темницу! Одно только утѣшало насъ: надежда увидѣть отечество, какъ скоро возвратятся Московскіе послы съ отвѣтомъ его величества.

18 іюня, великій князь и бояре дозволили посламъ отправить въ Польшу одного дворянина съ нѣсколькими людьми, для увѣдомленія родныхъ и знакомыхъ о ихъ здоровьи и разныхъ дѣлахъ. Панъ Малаговскій назначилъ для посылки гофмейстера своего Барановскаго, съ 30 особами, и далъ ему письма къ королю, женѣ, дѣтямъ и знакомымъ. Бояре обѣщали не задерживать гонца, какъ скоро онъ привезетъ отвѣтъ, и допустить его къ посламъ немедленно. Между тѣмъ, не взирая на всѣ старанія Москвитянъ утаить, что у нихъ дѣлается, дошли до насъ разныя вѣсти; впрочемъ мы невсегда имъ вѣрили. Замѣчательны наиболѣе слѣдующія:

Носилась въ Москвѣ всеобщая молва, что убитъ не Димитрій, 1606.
а одинъ изъ Нѣмецкихъ тѣлохранителей, родомъ изъ Праги, весьма на него похожій; Димитрій же, провѣдавъ о заговорѣ, тайно бѣжалъ, по невозможности предупредить мятежъ, готовый вспыхнуть, и удалился въ княжество Сѣверское, гдѣ народъ принялъ его по прежнему, какъ законнаго государя; разсказывали, что онъ уже собралъ многочисленное войско и шелъ на Москву. Одни вѣрили этому; другіе же говорили намъ, что Димитрій дѣйствительно умерщвленъ, что мы своими глазами могли видѣть трупъ его, лежавшій на площади трое сутокъ, и что многія другія доказательства удостовѣряютъ въ его смерти. Мы не знали, чему вѣрить: одни говорили, что онъ убитъ, другіе, что онъ живъ, и въ доказательство представляли даже письменныя свидѣтельства.

Тогда же нѣкоторыя особы дали намъ знать, что бояре не признаютъ пословъ послами: ибо они пріѣхали къ самозванцу; посему намъ совѣтовали быть осторожными, чтобы чернь, раздраженная Поляками, и еще подстрекаемая надеждою грабежа, не вломилась ночью въ нашъ домъ и не оскорбила насъ. Послы хотя утѣшали себя народнымъ правомъ, однакожъ, не довѣряя коварнымъ, вѣроломнымъ Москвитянамъ, учредили изъ насъ добрую стражу, стоявшую день и ночь на карауле.

15 іюля наши приставы привели до 30 коней и, сообразно древнему обычаю, проводили пословъ во дворецъ, гдѣ одинъ изъ сенаторовъ сказалъ имъ: «Великій князь и всѣ бояре удивляются, что вы не хотите выдать тѣхъ людей, которые укрываются въ вашемъ домѣ. Его царское величество желаетъ единственно помѣстить ихъ въ прежнихъ домахъ и снабдить всѣмъ необходимымъ. Если же вы долѣе будете упорствовать, берегитесь, чтобы не было вамъ стыдно! Мы просимъ васъ убѣдительно исполнить волю великаго князя». Послы отвѣчали: «Не знаемъ, для чего требуютъ отъ насъ нашихъ братьевъ, которые едва спасли жизнь отъ отъ кровожадныхъ рукъ вашихъ и пришли

1606. къ намъ нагіе, израненные. Если великому князю угодно дать имъ приличное содержаніе, намъ кажется, онъ могъ бы исполнить свою волю столь же удобно въ нашемъ домѣ, какъ и внѣ его. Право защищаетъ насъ отъ всякаго посрамленія: ибо эти люди не силою приведены къ намъ, а сами пришли по доброй волѣ». Послы готовы были отдать жизнь за своихъ братьевъ; но размысливъ, что жертва не принесетъ никакой пользы ихъ отечеству, и что силу одолѣть невозможно, согласились исполнить требованіе бояръ, которые обѣщали содержать Поляковъ прилично ихъ званію, и по заключеніи мира, возвратить ихъ посламъ, удовлетворивъ всѣ убытки. Имена ихъ записали, и послы возвратились изъ дворца.

21 іюля явились на посольскій дворъ нѣсколько бояръ и наши приставы; за ними вели лошадей для принятія тѣхъ людей, которыхъ они требовали: ихъ было 120 человѣкъ, въ числѣ коихъ находились многіе дворяне: два пана Стадницкихъ, панъ Рогановскій, престарѣлый Стеенбахъ и другіе. Распростившись съ послами и поблагодаривъ ихъ за всѣ оказанныя благодѣянія, они молили, именемъ Бога, не покидать ихъ въ злой землѣ и не забыть о нихъ, когда приступятъ къ мирнымъ переговорамъ. Послы обѣщали не предпринимать ничего вреднаго для своихъ собратій; сенаторовъ же просили, сообразно съ волею великаго князя, обходиться съ ними, какъ съ христіанами, и дать имъ приличное содержаніе. Послѣ того вышеозначенныя лица простились съ горькими слезами; іезуитъ Саницкій далъ имъ благословеніе; всѣ видѣвшіе разлуку плакали неутѣшно. Бояре хотѣли посадить благородныхъ особъ на приведенныхъ лошадей, которыхъ прислалъ, говорили они, изъ милости великій князь; послы не согласились, и велѣли маршалку отвезти ихъ въ собственныхъ повозкахъ.

Вскорѣ послѣ того, мы узнали, что Москвитяне сильно вооружаются; мы получали свѣдѣнія большею частію отъ стрѣльцовъ, стоявшихъ у насъ на стражѣ; но вѣсти были несогласны:

одни разсказывали, что великій князь готовится къ войнѣ съ 1606.
Турками; другіе же говорили, что какой-то знатный воевода или князь, по убіеніи Димитрія, бѣжалъ въ страну Сѣверскую, объявилъ тамъ о смерти его, поклялся жертвовать для блага народнаго самою жизнію, и распустивъ молву, будто бы приверженцы Шуйскаго хотятъ истребить Сѣверянъ, которые первые признали Димитрія, убѣдилъ ихъ возстать на великаго князя, а себя провозгласить государемъ. Иные увѣряли, что самъ Димитрій, котораго Шуйскій и бояре считали мертвымъ, появился въ Сѣверскомъ княжествѣ, что жители тамошніе снова покорились ему и вознамѣрились оружіемъ возвести его на тронъ. Нѣкоторые наконецъ сказывали намъ, что Сѣверская страна возстала на бояръ за убіеніе Димитрія и самовольное избраніе Василія Ивановича Шуйскаго великимъ княземъ, безъ вѣдома тамошнихъ гражданъ, которые хотѣли возвести на престолъ другаго князя, имѣвшаго болѣе права. Такимъ образомъ, отъ разногласія вѣстей, мы не могли узнать ничего опредѣлительнаго. Видно было однакожъ, что Москвитяне боролись съ врагомъ сильнымъ и опаснымъ: ибо, сколько разъ мы ни спрашивали ихъ, кто кого одолѣваетъ, всегда они отвѣчали: *воры*, т. е. мятежники. Бояре, разбитые на берегахъ Оки, должны были отступить къ столицѣ, куда ежедневно приходили толпы раненыхъ, избитыхъ, изуродованныхъ.

1 ноября, приставы требовали отъ насъ, именемъ великаго князя и всѣхъ бояръ, нашего оружія, увѣряя, что это дѣлается для общей безопасности пословъ и народа. «Мы боимся», говорили они, «чтобы вы не вздумали взяться за оружіе, и не дали повода къ страшному кровопролитію». Послы отвѣчали имъ: «Скорѣе умремъ въ этомъ домѣ, чѣмъ согласимся на такое безчестіе! Не думаете ли выманить у насъ оружіе тѣмъ же коварствомъ, какъ отняли нашихъ братьевъ, чтобы послѣ поступать съ нами, какъ вамъ захочется? О народѣ же не безпокойтесь: мы не трогались съ мѣста и не употребляли противъ васъ

1606. оружія, когда вы убивали нашихъ единоземцевъ; тѣмъ менѣе теперь захотимъ дѣйствовать непріязненно. Сверхъ того, мы пріѣхали сюда послами: требуемъ, чтобы насъ и отправили какъ пословъ, а не плѣнниками. Вы можете пересказать наши слова великому князю и боярамъ». Бояре, видя непреклонную твердость пословъ, запретили всѣмъ купцамъ своимъ, подъ тѣлеснымъ наказаніемъ, продавать Полякамъ оружіе, желѣзо, свинецъ, сѣру, порохъ, и велѣли строго наблюдать за ними.

26 ноября, въ воскресенье, во время обѣдни, ударили въ набатъ: народъ взволновался и бросился къ Кремлю съ ружьями и пищалями. Не зная, что случилось, мы немедленно взялись за оружіе, стали по мѣстамъ, подъ начальствомъ своихъ ротмистровъ, и приготовились мужественно отразить насиліе. Между тѣмъ явились приставы: они убѣждали пословъ быть покойными и ничего не опасаться. Когда же спросили, отъ чего волнуется народъ? они отвѣчали, что предъ городомъ показалась толпа самой ничтожной черни, непослушной великому князю, и что для усмиренія посылаютъ теперь войско. Мы однакожъ скоро убѣдились, что бояре имѣли дѣло не съ чернію, а съ силънымъ войскомъ, которое обложило Москву, и не взирая на частыя вылазки осажденныхъ, стояло предъ нею цѣлыя пять недѣль, такъ, что въ городѣ уже начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно въ хлѣбѣ: мѣра, стоившая прежде 1 грошъ, продавалась по 3 и по 4 гроша. Положеніе столицы было бы еще хуже, если бы великій князь и бояре, безсильные въ битвахъ, не уловили въ свои сѣти начальника мятежниковъ, именемъ Пашкова.[163] Этотъ воевода, обманутый коварными рѣчами и обѣщаніями бояръ, измѣнилъ своему дѣлу, далъ слово великому князю расположить своихъ товарищей такъ, чтобы Москвитяне могли, окруживъ ихъ, побить на голову, и сдержалъ обѣщаніе. Мятежники, замѣтивъ измѣну, обратились въ бѣгство: 5,000 лучшихъ воиновъ спаслись; прочіе же, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, были изрублены, лагерь ихъ разграбленъ и сож-

женъ, а Пашковъ пришелъ въ Москву. Такимъ образомъ сто- 1607.
лица избавилась отъ осады. Въ послѣдствіи многіе Москвитяне говорили, что если бы Пашковъ не оставилъ своихъ товарищей, жители столицы приняли бы его сторону, и что они уже готовы были предаться ему. Очень вѣроятно: въ народѣ, утомленномъ осадою, царствовалъ раздоръ.

Вотъ все, что испытали мы и что случилось въ Москвѣ, въ продолженіе нашего плѣна до конца декабря 1606 года. Боже милосердый! дай намъ встрѣтить и провести новый годъ радостно и счастливо!

1607 годъ.

Мы встрѣтили новый годъ весьма непріятною перемѣною, которая увеличила тягость нашей неволи: Москвитяне не стали присылать намъ быковъ и назначили отпускать говядину, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ столицѣ нѣтъ рогатаго скота, что его надобно пригонять за сто миль, и что жестокая стужа этого не дозволяетъ. Послы запретили брать приносимое мясо, опасаясь, чтобы не прислали намъ стервы. И такъ цѣлыя 6 недѣль мы оставались безъ говядины: каждый кормилъ самъ себя чѣмъ могъ и какъ умѣлъ; это пощеніе было бы сносно, если бы насъ не посѣтили разныя болѣзни: жестокая головная боль, кашель, ломъ въ членахъ; многіе умерли отъ недуговъ; оставшіеся въ живыхъ терпѣливо переносили страданія, ожидая отъ Бога своего спасенія.

6 марта, приставы доставили посламъ письмо отъ старосты Оршинскаго, который увѣдомлялъ ихъ, что Польское королевство наслаждается миромъ, что его величество уже отправилъ пословъ въ Москву, и что ихъ съ часу на часъ ожидаютъ на границѣ. Легко вообразить, какъ обрадовало насъ это извѣстіе: мы узнали истинное положеніе дѣлъ въ Польшѣ и увѣрились, что насъ не забыли, какъ прежде намъ казалось.

20 марта, Русскіе послы возвратились изъ Польши въ

1607. Москву. Бояре дали знать о томъ посламъ королевскимъ, съ увѣреніемъ, что они помнятъ свое обѣщаніе вступить въ переговоры, или отпустить ихъ, пословъ, въ отечество.

Между тѣмъ, ежедневно доходили до насъ вѣсти, что *воры* (мятежники) засѣли въ городахъ Тулѣ и Калугѣ, что они обороняются упорно, что подъ Калугою отъ нечаянныхъ вылазокъ ихъ, днемъ и ночью, погибаетъ много народу, что царское войско потеряло нѣсколько орудій, отбитыхъ и увезенныхъ мятежниками, и что съ каждымъ днемъ многіе города и крѣпости принимаютъ ихъ сторону, частію силою, частію добровольно.

22 марта, приставы увѣдомили пословъ, что слуга ихъ Дульскій возвратился изъ Польши въ Россію; а 30 марта онъ самъ пришелъ къ посламъ и вручилъ имъ письма. Когда же спросили, отъ чего онъ такъ замедлилъ прибытіемъ? Дульскій отвѣчалъ, что бояре держали его въ дорогѣ около 12 недѣль, стараясь и ласками, и угрозами выманить у него письма и разныя вещи; но что онъ никакъ не соглашался исполнить ихъ требованія; сверхъ того объявилъ, что, по милости Небесъ, рокошъ (раздоръ дворянства съ королемъ) кончился благополучнѣе, чѣмъ ожидали, хотя нельзя было не опасаться бѣдственныхъ послѣдствій: ибо съ обѣихъ сторонъ вооружилось до 180,000 человѣкъ.

Послы отправили къ думнымъ боярамъ письмо, въ коемъ было сказано, что какъ его величество назначилъ въ Москву другаго посла, то они должны быть отправлены въ отечество; но получили въ отвѣтъ, что скоро переговоры великаго князя съ королемъ Польскимъ кончатся къ общему удовольствію. И такъ, сколько ни старались послы просьбами и угрозами открыть себѣ путь въ отечество, всѣ усилія ихъ оставались тщетными.

Между тѣмъ въ Россіи свирѣпствовала война междоусобная; великій князь отступилъ отъ Калуги и осадилъ Тулу; мятежники съ своей стороны также оставили Калугу, почти до основанія разрушенную, и заперлись въ Тулѣ, которая имѣла прочныя

укрѣпленія. Наши приставы, разсуждая съ послами о этой войнѣ, 1607.
говорили откровенно, что въ продолженіе внутреннихъ раздоровъ, Шуйскій потерялъ болѣе 100,000 человѣкъ. Эти слова насъ очень удивили: прежде приставы не смѣли молвить слова безъ вѣдома великаго князя, и тѣмъ менѣе сказать что либо не въ похвалу ему.

11 мая, Шуйскій выступилъ изъ Москвы со всѣмъ дворянствомъ и многими гражданами: онъ отправился подъ Тулу, чтобы, взявъ ее покорить потомъ другіе города мятежные; предпріятіе казалось нетруднымъ: въ войскѣ его было по крайней мѣрѣ 150,000 человѣкъ; вышло напротивъ: засѣвшіе въ Тулѣ мятежники оборонялись упорно и мужественно. Посему великій князь велѣлъ ополчиться всѣмъ Москвитянамъ, которые только могли держать оружіе; самъ возвратился въ Москву, а за нимъ пришло и все войско, которое собирали въ окрестностяхъ столицы, на пространствѣ 100 или 200 миль, цѣлыя шесть недѣль; потомъ въ Кремлѣ переписали и вооружили. При составленіи переписи, каждому ратнику даютъ копѣйку, которую онъ долженъ возвратить по окончаніи похода: такъ узнаютъ число воиновъ.[169] Кто не видалъ своими глазами этого войска, тотъ не повѣритъ, что за народъ собралъ Шуйскій: оно состояло большею частію изъ Татаръ Казанскихъ, которые не только не умѣли стрѣлять, но и ружья никогда въ руки не брали. Видя такую армію, мы увѣрились, что великій князь имѣлъ дѣло не съ простыми поселянами.

Купцы, жившіе съ нами на одномъ дворѣ, представили посламъ, что они терпятъ большіе убытки, товары ихъ не продаются и легко могутъ испортиться отъ долговременной увязки, сами же они не имѣютъ средствъ къ пропитанію; почему и просили пословъ исходатайствовать имъ у великокняжескаго брата, князя Дмитрія, вѣрныхъ проводниковъ, съ коими они могли бы, какъ торговцы, возвратиться въ Литву, на родину. Послы обѣщали исполнить ихъ желаніе и велѣли самимъ подать просьбу князю

1607. Дмитрію Шуйскому. Но просители долго не могли достигнуть своей цѣли: когда согласились на ихъ желаніе господа послы, отказали бояре; когда же бояре согласились, заупрямились послы: обѣ стороны дѣйствовали наперекоръ одна другой; послѣ долговременнаго прѣнія, пришли наконецъ два боярина, дьякъ или вице-канцлеръ и Корсакъ,[170] которые спрашивали пословъ, отъ имени князя Дмитрія и всей боярской думы, угодно ли имъ согласиться на отправленіе челобитчиковъ, объявивъ притомъ, что бояре готовы удовлетворить ихъ просьбѣ. Послы сначала не согласились. «Это значитъ», говорили они, «что бояре долго думаютъ держать насъ здѣсь! Купцы пріѣхали съ нами; должны и выѣхать вмѣстѣ, а не прежде». Бояре клялись Христомъ-Богомъ, что чрезъ нѣсколько недѣль, послы могутъ отправиться: ибо съ каждымъ днемъ ожидаютъ въ Москвѣ прибытія новыхъ пословъ королевскихъ. Клятва прекратила споръ: купцамъ велѣно готовиться въ дорогу.

10 августа, ихъ перевели съ посольскаго двора на *купецкій* дворъ, гдѣ торгуютъ иноземцы: тамъ они пробыли 8 дней, могли закупить все, что было имъ угодно; наконецъ отправились въ Литву.

25 сентября, мы видѣли комету: каждую ночь она являлась, чрезъ часъ по захожденіи солнца, на сѣверѣ, и стремилась къ востоку; скрывалась за 2 или за 3 часа до разсвѣта. Впрочемъ не болѣе 11 ночей ее было видно. Время покажетъ, что она предвѣщаетъ. Помилуй насъ, Боже милосердый!

25 октября, въѣхали въ Москву новые послы королевскіе. Бояре строго приказали караульнымъ стрѣльцамъ наблюдать, чтобы никто не увѣдомилъ насъ о ихъ прибытіи; нашлись однако люди, которые насъ извѣстили. Господа послы сперва не вѣрили этому: и прежде имъ сказали, что пріѣхалъ посолъ Польскій, когда прибылъ Шведскій посланникъ. Желая удостовѣриться въ истинѣ молвы, они приказали своему трубачу, какъ скоро настанетъ вечеръ и все успокоится, дать сигналъ звукомъ трубы: отвѣта однако не было. Пріѣхавшіе Поляки, имѣя квар-

тиру въ дальномъ разстояніи отъ посольскаго двора, не разслу- 1607.
шали сигнала. Это случилось въ воскресенье. На другой день, также вечеромъ, затрубили уже трое вмѣстѣ: новые послы тотчасъ отвѣчали трубнымъ звукомъ; тогда, наконецъ, мы убѣдились, что насъ не обманули.

Въ этотъ же день получено извѣстіе о покореніи Тулы, принужденной къ сдачѣ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ; простымъ ратникамъ великій князь даровалъ жизнь, а двухъ главныхъ мятежниковъ отправилъ въ Москву плѣнниками. Ихъ привезли торжественно 20 октября: главный назывался Ѳедоровичемъ, потому что онъ выдавалъ себя за сына великаго князя Ѳеодора Іоанновича; товарищъ его и воевода былъ Болотниковъ.[171]

Народъ толпился по улицамъ, когда ввозили ихъ въ городъ; двое изъ нашихъ видѣли торжество Москвитянъ, когда ходили въ рынокъ для закупки разныхъ вещей; приставы и стрѣльцы провели ихъ въ толпу народную посмотрѣть на измѣнниковъ, только тайно, и повидимому съ великимъ опасеніемъ, а въ самомъ дѣлѣ водили ихъ для того, чтобы они пересказали посламъ, какъ удачно идутъ дѣла великаго князя. Послы, однакожъ, тотчасъ догадались, что не эти два плѣнника были виновниками страшнаго мятежа и войны кровопролитной, а другіе люди; бояре же радуются и торжествуютъ, только для того, чтобы ослѣпить чернь и увѣрить пословъ въ силѣ великаго князя, успѣвшаго управиться съ врагами и мятежниками: т. е. имъ хотѣлось заставить Поляковъ быть уступчивѣе и миролюбивѣе. Когда же мы спросили стрѣльцовъ, совершенно ли прекратилась въ Россіи война междоусобная, нѣкоторые изъ нихъ сказали за тайну, что имъ неизвѣстно, и что главный бунтовщикъ, единственный виновникъ всему злу, бѣжалъ въ Польшу, гдѣ собравъ силы, если можно, опять придетъ въ Россію. Каждый день приносили намъ новыя вѣсти, но большею частію невѣроятныя.

8 ноября, приставы принесли открытое письмо на Русскомъ языкѣ отъ недавно прибывшихъ пословъ Польскихъ Стенцеля Ви-

1607. товскаго и Яна Соколепскаго: они увѣдомляли пановъ Гонсѣвскаго и Олесницкаго, что его величество съ супругою, юнымъ принцемъ и принцессою пользуются вожделѣннымъ здравіемъ, что королевство наслаждается миромъ и спокойствіемъ, что жены, дѣти и знакомые ихъ, господъ пословъ, также находятся въ добромъ здоровьи; касательно же прочихъ дѣлъ, они теперь не упоминаютъ, надѣясь при личномъ свиданіи объясниться объ нихъ словесно. Это письмо весьма насъ обрадовало: мы надѣялись скоро вырваться изъ неволи. Господа послы тотчасъ написали отвѣтъ по-Русски, и просили приставовъ исходатайствовать дозволеніе у князя Дмитрія доставить его вновь пріѣхавшимъ посламъ: приставы обѣщали исполнить просьбу.

10 ноября, великій князь возвратился въ Москву со многими боярами и другими сановниками; лошадей подъ ними было до 2,000. Его встрѣтили бояре и знатнѣйшіе купцы. Онъ сидѣлъ одинъ въ колесницѣ, покрытой краснымъ шарлахомъ и запряженной цугомъ въ 4 бѣлыя лошади; недалеко отъ дворца, слѣзъ съ колесницы и шелъ пѣшкомъ между боярами, встрѣтившими его у Кремлевскаго моста. Въѣздъ былъ не пышный; только звонили въ колокола, и то не ладно. Лучше всего встрѣтили великаго князя наши послы, которые едва завидѣли его вдалекѣ, тотчасъ велѣли играть на трубахъ и бить въ барабаны: наша музыка не умолкала, пока онъ не вошелъ во дворецъ.

12 ноября, великій князь опять выѣхалъ изъ Москвы въ монастырь, именуемый св. Троицею. Въ тотъ же день пришли къ посламъ приставы съ увѣдомленіемъ, что царь отправился только на нѣсколько дней для богомолья, и что по возвращеніи своемъ, онъ немедленно приступитъ къ переговорамъ и отпуститъ пословъ съ честію.

17 ноября, царь, совершивъ набожное путешествіе, возвратился въ Москву.

20 ноября, приставы извѣстили насъ, что великій князь назначилъ сей день для пріема новыхъ пословъ королевскихъ, и объ-

цали дать намъ знать, чѣмъ кончится аудіенція. Мы видѣли по- 1607.
словъ, когда они ѣхали во дворецъ: наши послы привѣтствовали ихъ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ; мы же, въ изъявленіе радости, махали имъ шапками. Впереди пословъ несли торжественно дары королевскіе: золотой столикъ съ образомъ Богоматери и нѣсколько серебряныхъ вызолоченыхъ сосудовъ; король прислалъ сверхъ того 4 красивыя Турецкія лошади. Аудіенція происходила такимъ образомъ: сначала сказалъ панъ Стенцель Витовскій:

«Всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ третій, Божіею милостію, король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Самогитскій, Волынскій, Подольскій, Подляхскій, Лифляндскій, Эстляндскій, наслѣдникъ Шведскій, Готѳскій, Вандальскій, герцогъ Финляндскій и прочая — Василію Ивановичу, Божіею милостію великому князю всея Руси, князю Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и многихъ иныхъ земель обладателю, посылаетъ свой поклонъ и привѣтствіе. Всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ, король Польскій и великій князь Литовскій, вамъ, великій князь Василій Ивановичъ! повелѣлъ сказать: вы извѣстили его величество, письменно и словесно, чрезъ посла вашего князя Григорія Константиновича Волконскаго старосту Телятевскаго и дьяка Андрея Иванова, что Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, бѣжавшій изъ Москвы въ Польское королевство и тамъ выдавшій себя за сына великаго князя Ивана Васильевича, за Димитрія Углицкаго, увѣривъ короля въ истинѣ словъ своихъ, получилъ какъ отъ его величества, такъ и Польскихъ вельможъ, войско, деньги и всякое вспоможеніе, что государь нашъ, вопреки мирному договору и клятвенному обѣщанію, послалъ съ нимъ въ предѣлы Московскіе, въ княжество Сѣверское, знатнѣйшихъ совѣтниковъ своихъ, Георга Мнишка, воеводу Сендомирскаго, старосту Остроскаго, и многихъ другихъ пановъ Польскихъ и Литовскихъ; что Гришка,

1607. опустошивъ Русскую землю и проливъ множество крови, овладѣлъ престоломъ Московскимъ, а дочь воеводы Сендомирскаго взялъ за себя; что вы, великій князь, вступивъ послѣ того на престолъ, оказали во время бунта защиту подданнымъ его величества, не давъ народу ихъ убить, а имѣніе разграбить; что всѣ они отпущены въ Литву и Польшу, исключая главныхъ виновниковъ зла, поссорившихъ Москву съ Польшею, и пословъ его величества Олесницкаго, кастеляна Малаговскаго, и Александра Корвина Гонсѣвскаго, камергера и секретаря его величества, старосту Велижскаго, и что, по совѣту и приговору бояръ, вы рѣшились отправить къ нашему государю пословъ, для увѣдомленія обо всемъ Польское правительство. Сверхъ того вы желали, чтобы король назначилъ сановниковъ для разсужденія о тѣхъ дѣлахъ, которыя подробно изложены вашими послами.

«Его величество, всемилостивѣйшій государь нашъ», продолжалъ панъ Соколенскій, въ качествѣ посла великаго княжества Литовскаго, «повелѣлъ сказать вамъ, Василій Ивановичъ! Когда какой-то Москвитинъ явился въ странѣ Польской и назвалъ себя Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, сыномъ Ивана Васильевича и законнымъ наслѣдникомъ государства Московскаго, толпы единоземцевъ вашихъ бросились къ нему изъ Русскихъ городовъ и крѣпостей, признали его истиннымъ государемъ, служили ему и оказывали царскія почести, хотя онъ былъ еще бѣднымъ странникомъ. Наши, видя это, повѣрили не столько словамъ его, сколько свидѣтельству преданныхъ ему Москвитянъ, и по христіанскому состраданію, оказали ему всевозможныя ласки и вспоможеніе. Между тѣмъ онъ послалъ въ Россію своихъ приверженцевъ разсказать о себѣ въ разныхъ мѣстахъ и развѣдать, что думаютъ прочіе Москвитяне и признаютъ ли его государемъ; когда же увѣрился, что всѣ готовы покориться ему, онъ убѣдилъ Георга Мнишка, воеводу Сендомирскаго, проводить его съ небольшею дружиною, а не съ войскомъ, до Русскихъ предѣловъ, сказывая, что тамъ всѣ присягнутъ ему добровольно. Его величе-

ство ничего не зналъ объ этомъ, не помогалъ Димитрію ни войс- 1607.
комъ, ни казною, и даже строго, съ гнѣвомъ, приказалъ воеводѣ возвратиться изъ Россіи, лишь только свѣдалъ о его поступкѣ.[172] Панъ воевода немедленно исполнилъ королевское повелѣніе: всѣ Поляки оставили Димитрія, исключая сотни казаковъ и другихъ своевольниковъ. Вскорѣ послѣ того, сами Москвитяне провозгласили его своимъ государемъ, возвели на престолъ, короновали, присягнули ему, однимъ словомъ, поступили такъ, какъ всегда поступаютъ подданные. Можете ли вы обвинять теперь нашего всемилостивѣйшаго государя и нашихъ единоземцевъ въ нарушеніи мира? Народъ Московскій самъ началъ, самъ и кончилъ! Возведенный вами на престолъ, Димитрій прислалъ къ его королевскому величеству Аѳанасія Власьева, для заключенія вѣчнаго союза противъ язычниковъ и всѣхъ враговъ христіанскаго имени; а государь нашъ отправилъ къ нему старосту Велижскаго для довершенія этого дѣла и для условія, какимъ образомъ одолѣть общаго врага христіанства. Между тѣмъ, по словамъ вашимъ, Димитрія не стало.... Если онъ не былъ истиннымъ сыномъ великаго князя Ивана Васильевича, зачѣмъ же вы признали его государемъ, возвели на престолъ и короновали? Въ этомъ трудно обвинить подданныхъ его королевскаго величества! Да нельзя упрекать и васъ, Москвитяне: все было дѣломъ Божіяго промысла! Его десница все устроила! Иначе какъ могло случиться, чтобы Москвитяне сами своего единоземца провозгласили государемъ, возвели на тронъ, посадили, короновали, явили всѣ знаки преданности и умертвили? Всѣ это извѣстно одному Богу, Коего дѣла непостижимы! Но въ то же время, въ самой столицѣ, когда наши единоземцы покоились глубокимъ сномъ, полагаясь на увѣренія въ дружбѣ и пріязни, вы предали злой смерти многихъ подданныхъ его величества, совершенно невинныхъ, а имѣніе и добро ихъ расхитили; воеводу же Сендомирскаго, дочь его, друзей его, и многихъ подданныхъ королевскихъ, пріѣхавшихъ сюда по просьбѣ покойнаго государя, вы заключили въ темницы и доселѣ

1607. держите какъ плѣнниковъ. Мало того: вы задержали самихъ пословъ королевскихъ, чего не дѣлаютъ ни язычники, ни варварскіе народы! Въ слѣдствіе сего, король, всемилостивѣйшій государь нашъ, прислалъ насъ сюда, объявить вамъ, великому князю Василію Ивановичу, отъ имени его величества, всей короны Польской и великаго княжества Литовскаго, чтобы послы королевскіе, панъ Николай Олесницкій, кастелянъ Малаговскій, и панъ Александръ Корвинъ Гонсѣвскій, староста Велижскій, также Георгъ Мнишекъ, воевода Сендомирскій, дочь его и всѣ пріятели, вступившіе въ Россію не врагами, а друзьями, по просьбѣ и желанію прежняго государя вашего, равнымъ образомъ всѣ подданные его величества и нѣсколько знатныхъ купцовъ изъ областей императора Рудольфа II, брата и шурина королевскаго, въ особенности же Андреасъ Натанъ и его товарищи, чтобы всѣ эти лица были отправлены въ Польшу немедленно, съ честію и вѣрными проводниками; за убытки же, ими понесенные, король требуетъ вознагражденія, а за смерть своихъ подданныхъ, расправы и наказанія виновниковъ. А какъ сверхъ того, въ прежнее время, многіе купцы Польскіе и Литовскіе, задержанные въ Москвѣ, лишились своихъ товаровъ, какъ и въ нынѣшнемъ случаѣ, (съ вашего ли вѣдома или нѣтъ, король оставляетъ безъ изслѣдованія); то мы надѣемся, что согласно съ справедливостію, за всѣ товары, взятые у этихъ людей въ казну при прежнихъ великихъ князьяхъ Иванѣ Васильевичѣ, Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Ѳеодоровичѣ и Димитріи Ивановичѣ, вы заплатите цѣну ихъ и вознаградите убытки. Того требуетъ самая справедливость: въ областяхъ королевскихъ трое Московскихъ купцовъ, на основаніи мирнаго договора, торгуютъ свободно, безъ всякой обиды».

«Всемилостивѣйшій государь! (сказалъ въ заключеніе первый посолъ, панъ Витовскій) товарищъ мой объяснилъ главную цѣль нашего прибытія: мы просимъ отпустить въ отечество пословъ королевскихъ, воеводу Сендомирскаго съ его дочерью и друзьями, также всѣхъ подданныхъ его величества и купцевъ иноземныхъ,

со всѣмъ добромъ ихъ и товарами. Сверхъ того намъ велѣно, 1607.
прежде всякихъ переговоровъ, объясниться съ великими послами его величества и съ воеводою Сендомирскимъ; посему, да будетъ намъ позволено пореговорить съ ними о необходимыхъ дѣлахъ, и потомъ условиться съ вашими совѣтниками». Въ заключеніе послы представили подарки и возвратились на свой дворъ.

Между тѣмъ у насъ случилось слѣдующее: принесли въ нашу кухню весьма негодной баранины и одного барана до крайности тощаго; поваръ взялъ его, закололъ и съ досады повѣсилъ въ воротахъ, на улицу. Приставы, увидѣвъ это, тотчасъ поскакали во дворецъ и тамъ объявили, что на посольскомъ дворѣ презираютъ кормъ великокняжескій, что за воротами посольскими виситъ баранъ для насмѣшки. (Послы вовсе ничего не знали о поступкѣ повара). Вскорѣ они возвратились съ увѣдомленіемъ, что на другой день утромъ пріѣдутъ къ посламъ два боярина отъ великаго князя: мы обрадовавались этому извѣстію, надѣясь узнать, какъ приняты новые послы королевскіе.

21 ноября, явились съ приставами два боярина Андрей * * * и Чепчуговъ, которые сказали посламъ, что великій князь весьма недоволенъ ихъ насмѣшками, что никакой посолъ не долженъ оказывать такой невѣжливости его царскому величеству. Удивленные послы отвѣчали, что они вовсе ничего не знаютъ о висѣвшемъ за воротами баранѣ, и что если такъ дѣйствительно случилось, то совершенно безъ ихъ вѣдома и приказанія, въ чемъ призывали свидѣтелемъ самаго Бога. «Зачѣмъ не сказали вы намъ прежде», говорили они приставамъ, «если вы видѣли то, о чемъ донесли боярамъ? тогда вы узнали бы, съ нашего ли согласія это сдѣлано. Мы вовсе не участвовали въ этомъ дѣлѣ; виновникъ будетъ наказанъ; а великій князь, мы надѣемся, извинитъ насъ и не вмѣнитъ этаго случая намъ въ насмѣшку или невѣжливость». Бояре объявили сверхъ того: «Новые послы представили свои вѣрющія грамматы, въ коихъ ни слова о васъ не сказано; они присланы не къ намъ, а къ великому князю для переговоровъ;

*

1607. посему вамъ надобно ждать, когда они кончатся и дѣла будутъ приведены въ порядокъ». «Если дѣйствительно такъ», отвѣчали послы, «и намъ здѣсь дѣлать нечего, мы хотимъ возвратиться къ его королевскому величеству. Если же, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ, намъ будетъ отказано въ такомъ требованіи, клянемся нашимъ Богомъ, что мы отправимся въ путь сами собою, торжественно, и въ случаѣ какого либо насилія, скорѣе умремъ, нежели останемся въ неволѣ. Мы рѣшились непремѣнно исполнить свое намѣреніе; скажите объ этомъ великому князю!» Бояре возвратились во дворецъ; а великій князь, между тѣмъ, далъ повелѣніе отпускать намъ въ половину менѣе противъ прежняго съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Это еще болѣе убѣдило пословъ привести въ дѣйствіе задуманное предпріятіе: призвавъ приставовъ, они сказали имъ, что завтре, рано утромъ, ѣдутъ въ Польшу, ибо видятъ, что ихъ уже не признаютъ послами, о чемъ просили объявить боярамъ; а насъ убѣждали примириться съ Богомъ и быть готовыми вырваться изъ темницы, или испить смертную чашу, если Москвитяне захотятъ употребить силу. Мы были согласны; всю ночь провели въ молитвѣ и пріобщились св. Таинъ.

22 ноября, за два часа до разсвѣта, послы приказали укладывать вещи и запрягать лошадей. Ночевавшій тогда въ нашемъ домѣ приставъ, увидѣвъ, что мы сбираемся въ путь, просилъ у пословъ дозволенія повидаться и переговорить съ ними; послы согласились. Приставъ приходитъ къ намъ и видитъ всѣхъ насъ вооруженными съ головы до ногъ: это его чрезвычайно перепугало; онъ молитъ пословъ оставить ихъ намѣреніе, увѣряя, что отъ этаго добра не будетъ, и произойдетъ страшное кровопролитіе. «Вы можете дѣлать что вамъ угодно», отвѣчали послы; «мы ѣдемъ! Если же станете насъ удерживать силою, мы проложимъ путь оружіемъ, и охотнѣе погибнемъ, чѣмъ останемся въ этой темницѣ!» Видя, что дѣло пошло не на шутку, приставъ просилъ по крайней мѣрѣ подождать отзыва бояръ, и ускакалъ во дворецъ.

Мы же стали по мѣстамъ подъ начальствомъ назначенныхъ капи- 1607.
тановъ, ожидая, чѣмъ кончится тревога.

Вскорѣ явились всѣ наши приставы: ихъ было трое; съ ними пришелъ одинъ гражданинъ, которой сказалъ посламъ: «Граждане Московскіе поручили мнѣ просить васъ оставить ваше намѣреніе; всѣ мы оплакиваемъ упорство ваше, предчувствуя, что отъ него возгорится война между Россіею и Польшею; мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ, что необузданная чернь найдетъ случай къ грабежу: а если вы вздумаете обороняться, ударятъ въ набатъ и начнется страшное кровопролитіе». Послы возразили: «Не мы начнемъ! Если насъ не будутъ удерживать, мы ни однимъ словомъ не оскорбимъ гражданъ, не тронемъ послѣдней собаки; если же народъ рѣшится употребить силу, станемъ оборонятся до послѣдней капли крови: мы пріѣхали послами, хотимъ и выѣхать также. Извѣстите гражданъ о нашемъ отвѣтѣ!» Москвитинъ обѣщалъ все пересказать народу и донести самому великому князю; между тѣмъ просилъ пословъ на минуту успокоиться, раскланялся и уѣхалъ. Вскорѣ послѣ того, пришелъ сановникъ отъ великокняжескаго канцлера; онъ заговорилъ было гордо и дерзко; послы тотчасъ его остановили: «Кто прислалъ тебя?» спросили они. «Великій канцлеръ». «Знаетъ ли великій князь?» «Нѣтъ». «Такъ нечего съ тобою и время терять, если ты пришелъ не отъ государя», сказали послы; «мы пріѣхали къ великому князю, а не къ канцлеру. Извѣсти о семъ того, кто прислалъ тебя, и скажи, что если чрезъ часъ не явятся къ намъ два думные боярина съ отвѣтомъ великаго князя, мы садимся въ повозки и отправляемся. Пусть узнаютъ объ этомъ граждане!» Послы вышли къ воротамъ; за ними пошли и мы, имѣя въ рукахъ ружья, сѣкиры, пистолеты, также и знатнѣйшіе дворяне, вооруженные саблями. Каждый изъ насъ приготовился къ битвѣ; послы запретили намъ стрѣлять, пока не дадутъ платкомъ сигнала; особенно же удерживали гайдуковъ, коихъ было до 20 человѣкъ. Москвитяне, собравшіеся у воротъ многочисленными толпами,

1607. увидѣвъ нашихъ въ грозномъ вооруженіи, сначала испугались; однакожъ направили на насъ свои длинныя ружья и тѣмъ болѣе раздражили Поляковъ; мы взвели курки и хотѣли палить: приставы бросились въ средину между обѣими сторонами, умоляя пословъ, ради Бога, успокоиться на минуту, и дождаться боярскаго отвѣта; послы съ трудомъ укротили своихъ людей; въ то же время объявили народу, что побудило ихъ къ отъѣзду (народъ впрочемъ отъ испуга ничего не слыхалъ), и отошли отъ воротъ со всею свитою, ожидая, что скажутъ бояре. Чрезъ нѣсколько минутъ прискакалъ изъ дворца нашъ приставъ, съ увѣдомленіемъ, что за нимъ ѣдутъ два думные боярина: въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ пріѣхалъ дворецкій Артамонъ Михайловъ съ главнымъ секретаремъ, и объявилъ посламъ отъ имени великаго князя, что царь не замедлитъ отпустить ихъ въ отечество съ другими послами и будетъ содержать ихъ по прежнему; въ удостовѣреніе же того, призываетъ въ свидѣтели самого Бога. Послы, выслушавъ клятвенное обѣщаніе великаго князя, долго совѣтовались другъ съ другомъ; наконецъ возратились въ домъ, и все успокоилось. Такъ, благодаря Всевышнему, кончилось это смятеніе! Намъ стали отпускать съѣстныхъ припасовъ вдоволь и лучше прежнихъ.

23 ноября, послы призвали приставовъ, и панъ Олесницкій сказалъ имъ: «Благодаримъ промыслъ Всевышняго, располагающаго дѣлами и поступками людей, за благополучное окончаніе вчерашняго предпріятія нашего! Благодаримъ и великаго князя, давшаго обѣщаніе отпустить насъ въ отечество. Просимъ у него дозволенія повидаться съ послами его королевскаго величества; если же это невозможно, по крайней мѣрѣ, да будетъ имъ дозволено доставить намъ письма, которыя они привезли изъ Польши. Сверхъ того намъ нужно купить лошадей и разныя необходимыя вещи для дороги». Приставы съ своей стороны также благодарили Бога, все кончившаго благополучно; о желаніи же пословъ обѣщали донести государю, и съ тѣмъ уѣхали во дворецъ.

2 декабря, великій князь угощалъ во дворцѣ вновь прибывшихъ 1607.
пословъ королевскихъ; пиръ продолжался 4 часа съ половиною.

5 декабря, господа послы и всѣ мы получили позволеніе закупить лошадей; въ свиданіи же съ новыми послами отказано; только обѣщано прислать немедленно письма, о коихъ мы просили.

8 декабря, посламъ доставлено тайно письмо отъ новыхъ пословъ, которые увѣдомляли ихъ о бывшей аудіенціи, и тѣмъ очень обрадовали: наши господа послы удивлялись только, что они должны вести переговоры; но каждый легко могъ разрѣшить загадку: нашимъ посламъ извѣстнѣе было положеніе всѣхъ дѣлъ въ Россіи.

22 декабря, новые послы опятъ были во дворцѣ; бояре хотѣли знать содержаніе ихъ посольства: послы хотя могли бы начать переговоры безъ пановъ Малаговскаго и Гонсѣвскаго, но рѣшительно отказали въ требованіи бояръ, объявивъ, что по волѣ короля, они не приступятъ ни къ какому разсужденію безъ своихъ товарищей. «Мы можемъ объяснить только нѣкоторыя условія наши: если великіе послы королевскіе съ воеводою Сендомирскимъ, дочерью его и родными, также всѣ подданные его величества, прибывшіе въ Москву на свадьбу прежняго вашего государя, а не для войны, равнымъ образомъ всѣ торговцы, по сему же случаю къ вамъ пріѣхавшіе, если всѣ эти особы не будутъ немедленно отправлены къ предѣламъ Польскимъ, съ честію и въ довольствѣ, да будетъ вамъ извѣстно, что государь нашъ намѣренъ оружіемъ выручить ихъ изъ неволи. Теперь дѣлайте, что хотите!»

Великій князь, узнавъ отъ бояръ, что говорили послы, закипѣлъ гнѣвомъ, тотчасъ приказалъ возвратить имъ подарки и сказать, что они могутъ ѣхать обратно, къ своему королю, если не хотятъ объявить, за чѣмъ пріѣхали. «Мы поднесли дары великому князю», отвѣчали послы, «не для того, чтобы намъ возвращали ихъ, или чтобы насъ отдаривали: мы представили ихъ изъ одной дружбы и добровольно. Если же великому князю не-

1607. угодно, пусть будетъ такъ! Мы готовимся къ отъѣзду». Свитѣ приказано было собираться въ путь. Цѣлую ночь мы укладывали всѣ вещи и къ утру послы были готовы отправиться. Когда донесли о томъ великому князю, онъ прислалъ нѣсколько бояръ объявить посламъ, что государь жалуетъ ихъ своею милостію, и что завтра они могутъ во дворцѣ приступить къ совѣщанію съ великими послами. Коней отложили.

25 декабря, наши послы получили приглашеніе въ слѣдующій день пожаловать во дворецъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ съ боярами. Приставы нарядились въ парчевые кафтаны (кафтаны выдаются имъ на торжественные случаи изъ казны, куда, по минованіи надобности, опять возвращаются), и проводили пословъ до Золотой палаты: тамъ они были приняты княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ и многими знатными боярами, которые отъ имени великаго князя объявили, что государь жалуетъ ихъ и дозволяетъ имъ переговорить съ новыми послами. Наши господа поблагодарили бояръ и чрезъ четверть часа увидѣли своихъ единоземцевъ: свиданіе было самое радостное. Послы говорили другъ съ другомъ около 4 часовъ; наши узнали, между прочимъ, о бывшемъ въ Польшѣ великомъ несогласіи между королемъ и дворянствомъ: раздоръ дошелъ до того, что обѣ стороны вступили въ битву; около 600 человѣкъ пало на мѣстѣ сраженія; виновники вражды спаслись бѣгствомъ въ чужія страны; а въ королевствѣ водворилось спокойствіе. Разсказывали намъ много и другихъ вѣстей. Мы же описывали свою неволю, скуку, горесть, бѣдствіе и проч. Великій князь, между тѣмъ, приказалъ поднести намъ разныхъ напитковъ, дорогихъ медовъ и Нѣмецкаго пива. Послы, наговорившись вдоволь, подозвали знатнѣйшихъ бояръ и объявили, что они кромѣ представленной грамматы, имѣютъ еще другую, вѣрительную, и что въ переговорахъ должны участвовать, согласно съ волею короля, всѣ послы, и прежніе и вновь прибывшіе. Бояре сказали о томъ великому князю, который велѣлъ отвѣчать, что онъ согласенъ на такое предложеніе и что

назначено будетъ время и мѣсто для поднесенія упомянутой 1608.
грамматы. Послы откланялись и возвратились въ свои домы.

29 декабря, приставы объявили нашимъ посламъ, что въ слѣдующій день они увидятъ очи великаго князя, и должны представить граммату, но безъ участія новыхъ пословъ. Наши не согласились: начались споры, прѣнія, посылки къ боярамъ. Наконецъ явился Михайло Борисовичъ Сукинъ съ дьякомъ Андреемъ, и объявилъ, что какъ новые послы уже представили свои грамматы, а прежніе тогда не присутствовали на аудіенціи, то и нельзя начинать конченнаго дѣла. Наши никакъ не хотѣли отступить отъ своихъ инструкцій, и ссылаясь на обѣщаніе великаго князя, объявили рѣшительно, что безъ товарищей они своей грамматы не представятъ.

Такъ провели мы 1607 годъ! Чѣмъ все это кончится, одно время откроетъ. Боже милосердый! ради Христа Спасителя, прекрати наши страданія, разсѣй нашу скуку, горесть, и даруй намъ ту свободу, которою въ отечествѣ мы наслаждались!

1608 годъ.

1 января, наши господа послы отправили къ великому князю и боярамъ письмо, коимъ увѣдомляя, что безъ участія своихъ товарищей, согласно съ волею короля, они не могутъ представить вѣрительной грамматы, ни приступить къ какимъ либо совѣщаніямъ, просили убѣдительно размыслить, сколь бѣдственныя слѣдствія должны произойти отъ упорства бояръ. «Не ждите», сказано было въ письмѣ, «третьяго посольства: оно не принесетъ вамъ ничего добраго! Мы предостерегаемъ васъ въ послѣдній разъ: не станемъ болѣе писать къ вамъ; будемъ ждать, пока самъ король насъ не освободитъ».

Съ этихъ поръ великій князь и бояре изыскивали всѣ пути, какимъ бы образомъ убѣдить новыхъ пословъ къ переговорамъ, безъ участія прежнихъ. Для того звали ихъ опять во дворецъ;

1608. послы сперва не соглашались; наконецъ рѣшились узнать, чего хотятъ Москвитяне, и поѣхали. Бояре, указавъ имъ то мѣсто королевской грамматы, гдѣ было сказано: «Государь Московскій можетъ вѣрить всѣмъ словамъ и дѣйствіямъ пословъ его королевскаго величества» говорили, что это разумѣется только о послахъ вновь прибывшихъ, что о прежнихъ великихъ послахъ въ этой грамматѣ вовсе не упомянуто, и что государь удивляется, почему послы, имѣя полномочіе, не хотятъ приступить къ переговорамъ. «Такъ!» отвѣчали послы, «въ королевской грамматѣ сказано, что вы должны вѣрить всѣмъ нашимъ словамъ и дѣйствіямъ; но вамъ уже извѣстно наше первое предложеніе: согласитесь, иначе мы не станемъ ничего дѣлать». Тѣмъ и кончилась конференція: послы возвратились въ свой домъ.

8 января, бояре пришли къ нашимъ посламъ, стараясь хитрыми и льстивыми рѣчами убѣдить ихъ къ начатію переговоровъ; но и въ томъ не успѣли.[173]

МАРЖЕРЕТЪ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Маржеретъ, Margeret, родомъ Французъ, капитанъ иноземныхъ тѣлохранителей Бориса Годунова и Димитрія Самозванца, около шести лѣтъ съ честію служилъ въ Русскомъ войскѣ. Уже до прибытія въ Россію, онъ прославился въ Европѣ рѣдкимъ удальствомъ и воинскими дарованіями: сражался подъ знаменами Генриха IV во Франціи, бился съ Турками въ Трансильваніи и Венгріи; служилъ королю Польскому и императору Римскому; наконецъ въ 1600 году, по приглашенію нашего посланника Власьева, пріѣхалъ въ Россію. Борисъ Годуновъ поручилъ ему отрядъ иноземныхъ всадниковъ и нашелъ въ немъ слугу вѣрнаго: въ битвѣ Добрынской съ Димитріемъ Самозванцемъ, когда отчаянная храбрость Поляковъ разстроила главную рать нашу, капитаны Маржеретъ и Вальтеръ фонъ-Розенъ, по словамъ Бера, съ крикомъ Hilf Gott! (помоги, Боже), устремились на Самозванца и вырвали побѣду изъ рукъ его. Ободренные Россіяне также воскликнули Hilf Gott, снова сразились и разсѣяли Поляковъ. Скромный Маржеретъ приписываетъ славу побѣды неустрашимости Русскаго пѣхотнаго отряда, хотя мы знаемъ достовѣрно, что Борисъ, награждая воеводъ, изъявилъ какъ ему, такъ и Розену, особенную благодарность.

По смерти Годунова, онъ вмѣстѣ съ прочими покорился Самозванцу, который, овладѣвъ престоломъ, учредилъ для себя охранительную стражу изъ разныхъ иноплеменниковъ, наиболѣе Нѣмцевъ, и первую роту поручилъ *капитану* Маржерету. Вооруженные бердышами, съ золотымъ царскимъ гербомъ на древ-

кахъ, обтянутыхъ краснымъ бархатомъ и увитыхъ серебряною проволокою, тѣлохранители получали столь хорошіе оклады, что могли носить дорогія бархатныя одежды, обшитыя золотымъ позументомъ. Лжедимитрій пзъявлялъ Маржерету особенную милость, разсматривалъ съ нимъ сокровища своей казны, бесѣдовалъ о Франціи, о Генрихѣ IV, и вѣроятно восхищенный его разсказами, такъ плѣнился славою Генриха, что нетерпѣливо желалъ познакомиться съ великимъ государемъ. Ударъ Шуйскаго разсѣялъ его мечты.

Шуйскій, низринувъ Самозванца, разогнавъ всѣхъ приверженцевъ его, не тронулъ Маржерета и, сколько можно догадываться, желалъ удержать его при себѣ: храбрый капитанъ не хотѣлъ служить новому царю, и въ концѣ 1606 года удалился во Францію, для свиданія съ родными, получивъ впрочемъ отъ Шуйскаго щедрый подарокъ.

Вскорѣ онъ снова появился въ Россіи, ознаменовалъ себя мужествомъ необыкновеннымъ, но очернилъ прежнюю славу недобрымъ поступкомъ: онъ присталъ къ вору Тушинскому, и вмѣстѣ съ негодяемъ безъ пощады поражалъ Россіянъ, вѣрныхъ своему отечеству. Отъ вора Тушинскаго онъ перешелъ къ Полякамъ, поступилъ въ роту Борковскаго, съ званіемъ поручика, и подъ знаменами Жолкѣвскаго, участвовалъ въ Клушинской битвѣ. По взятіи Поляками Москвы, въ слѣдствіе избранія Владислава царемъ, Маржеретъ вступилъ въ столицу и нашелъ случай оказать Полякамъ важную услугу: болѣе полугода Москвитяне ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія новаго царя, королевича Владислава; наконецъ, раздраженные обманомъ Сигизмунда и своеволіемъ Ляховъ, 19 марта 1611 года, по гласу патріарха Ермогена, они возстали на своихъ злодѣевъ. Вся Москва незапно вооружилась и ужасная сѣча закипѣла. Малочисленный отрядъ королевскаго намѣстника Гонсѣвскаго (7,000 человѣкъ), тѣснимый княземъ Пожарскимъ и озлобленными жителями столицы, утратилъ всю надежду на спасеніе, заключился въ Китаѣ-городѣ и уже

обрекъ себя на гибель неминуемую, когда подоспѣлъ къ нему на помощь Маржеретъ и отразилъ торжествующихъ Россіянъ. Ободренные его неустрашимостію, Поляки были непобѣдимы и сражались, какъ львы, до глубокой ночи; между тѣмъ Москва со всѣхъ сторонъ запылала: жители разсѣялись, чтобы тушить огонь, а князь Пожарскій, покрытый язвами, не могъ возобновить битву и отступилъ. Русскіе такъ были поражены неудачею, что Гонсѣвскій болѣе года могъ держаться въ Москвѣ. Маржеретъ между тѣмъ замѣтивъ, что Полякамъ не устоять противъ цѣлой Россіи, въ 1611 году удалился къ Сигизмунду и получилъ отъ него въ награду мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ.

Вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ явился въ Гамбургѣ, откуда въ 1612 году просилъ дозволенія у нашихъ бояръ пріѣхать въ Архангельскъ, изъявляя готовность оборонять Россію отъ Поляковъ и Литовцевъ. Подозрѣвая, что его подослалъ Сигизмундъ съ злымъ намѣреніемъ, Русское правительство спѣшило снабдить городъ стражею и оставило безъ отвѣта Маржеретову просьбу. Чрезъ нѣсколько времени, онъ снова предложилъ Россіи свои услуги, вмѣстѣ съ иностранцами фрейгеромъ Эстономъ, Гилемъ и другими. На просьбу послѣднихъ, въ августѣ 1612 года, отвѣчалъ Пожарскій отъ имени Земской думы, слѣдующимъ образомъ: «Благодаримъ васъ, господа капитаны, за ревность и усердіе къ нашему отечеству; съ признательностію примемъ ваши услуги, если враги станутъ одолѣвать насъ; нынѣ же наемные ратники и воеводы намъ ненадобны: всѣ чины Русскаго государства, за правду, дородство и храбрость, избрали къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ стольника и воеводу князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго-Стародубскаго; всѣ Русскіе жертвуютъ и жизнію и имуществомъ за православную вѣру; мы служимъ отечеству безъ жалованья, сражаемся съ врагами неутомимо, бьемъ Поляковъ и очищаемъ отъ нихъ Московское государство. Дивимся только тому, что вы приняли себѣ товарищемъ Француженина Якова Маржерета, который недавно проливалъ христіан-

скую кровь злѣе самыхъ Литовцевъ, а теперь вздумалъ помогать намъ противъ своихъ друзей, Поляковъ! Зачѣмъ явился въ вашей землѣ клевретъ Сигизмундовъ? Намъ казалось, что ему, за его неправду, нигдѣ, кромѣ Полыни, мѣста не будетъ».

Къ чести Маржерета замѣтимъ, что подозрѣніе бояръ едва ли было основательно: по крайней мѣрѣ, въ письмѣ своемъ къ Англичанину Мерику онъ жалѣлъ о бѣдствіяхъ Россіи и, кажется, искренно желалъ оказать ей услугу; желалъ тѣмъ болѣе, что въ Россіи, подъ знаменами Пожарскаго, открывалось блестящее поприще его мужеству и воинскимъ дарованіямъ. Что дѣлалъ онъ въ послѣдствіи, въ какой битвѣ положилъ свою буйную голову, мы не знаемъ. Но имя его никогда не изгладится изъ нашихъ лѣтописей: въ двухъ дѣлахъ достопамятныхъ онъ является главнымъ героемъ: въ битвѣ Добрынской и въ разрушеніи Москвы. Еще болѣе онъ пріобрѣлъ права на вниманіе не только Россіи, но и всей Европы, любопытнымъ сочиненіемъ о нашемъ отечествѣ: по смерти Лжедимитрія I, возвратясь во Францію въ концѣ 1606 года, съ запасомъ свѣдѣній о Россіи, Маржеретъ разсказывалъ о ней многія подробности знаменитому историку де-Ту и государю своему Генриху IV, увѣряя того и другаго, что мнимый Димитрій былъ сынъ Іоанновъ. Генрихъ слушалъ храбраго капитана съ живѣйшимъ любопытствомъ и хотѣлъ, чтобы онъ описалъ наше отечество. Исполняя королевскую волю, Маржеретъ издалъ въ 1607 году весьма рѣдкую нынѣ книгу: *Состояніе Россійской Державы въ началѣ XVII вѣка.**

* Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. jusques en l'an 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margeret. Paris. 1607. Первое изданіе было перепечатано въ 1669 году, безъ малѣйшей перемѣны, со всѣми орѳографическими ошибками, затемняющими нерѣдко самый смыслъ подлинника. Третье подобное изданіе вышло въ 1821 году, подъ надзоромъ Клапрота. Лучшее, согласное съ первымъ изданіемъ 1607 года, напечатано въ Парижѣ въ 1855 году, Шеврёлемъ.

Въ этомъ сочиненіи авторъ разсказываетъ все, что онъ могъ припомнить о Россіи, съ откровенностію солдата, съ любезностію и легкомыслiемъ Француза; описываетъ пространство Русской державы, качество почвы, произведенія, нравы и обычаи, разные обряды церковные, гражданское устройство, образъ правленія, государственные доходы, царскія сокровища, монету, войско, дѣла Іоанна IV, Бориса Годунова, Димитрія Самозванца; наконецъ приводитъ разныя мнѣнія современниковъ о Лжедимитріи и старается доказать, что обманщикъ былъ сынъ Іоанна Грознаго.

Судя по слогу, можно думать, что авторъ никогда не бесѣдовалъ съ музами: онъ провелъ свою жизнь въ битвахъ, въ лагеряхъ. Но природа, одаривъ Французовъ способностью разсказывать все имъ знакомое живо, занимательно, не забыла и Маржерета, давъ ему быстрый смыслъ, вѣрный взглядъ. Вотъ, почему сочиненіе капитана для насъ драгоцѣнно! Онъ не могъ, подобно ученому Герберштейну, разсматривать предметы со всѣхъ сторонъ взоромъ наблюдателя опытнаго, глубокомысленнаго; но, зная хорошо Россію, умѣлъ ловить самыя рѣзкія черты и живо описывать, что видѣлъ. Его извѣстія о Русскомъ дворянствѣ, о свадебныхъ обрядахъ, о царскихъ пиршествахъ, объ устройствѣ нашего войска, о набѣгахъ Татаръ, такъ вѣрны и выразительны, что и въ наше время они украсили бы сочиненіе образованнаго путешественника. Сверхъ того Маржеретъ сообщаетъ много любопытнаго о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Въ особенности же замѣчательны его мысли о этомъ обманщикѣ, заставлявшіе не одного историка призадуматься: только въ наше время, когда открыли Берову лѣтопись и другія важныя свидѣтельства, можно сказать рѣшительно, вопреки Маржерету, что мнимый Димитрій не былъ сыномъ Іоанновымъ.

Въ предисловіи къ первому изданію Маржеретова сочиненія въ Русскомъ переводѣ (1830), я старался указать точку, съ которой должно смотрѣть, по моему мнѣнію, на образъ мыслей автора о Русскихъ XVII вѣка. Тамъ сказано: «Иногда неумышленное невѣдѣніе,

иногда предразсудки, нерѣдко и самыя страсти заставляли его быть несправедливымъ къ нашимъ предкамъ. Просвѣщенный читатель замѣтитъ, что онъ видѣлъ въ нашемъ отечествѣ только худое, и съ какимъ-то удовольствіемъ описывалъ мрачную сторону Русскихъ, оставляя безъ вниманія многія добродѣтели, которымъ удивлялся не только Герберштейнъ, но и самъ Корбъ. Благочестіе, безпредѣльная любовь къ царю, гостепріимство, нѣжная привязанность къ родителямъ, уваженіе къ старцамъ и всѣ прекрасныя качества, которыми наши праотцы могли справедливо гордиться, не сдѣлали никакого впечатлѣнія въ Маржеретѣ, можетъ быть потому, что онъ привыкъ судить о вещахъ по тѣмъ ложнымъ правиламъ, которыя были слѣдствіемъ его страннической жизни. Руководствуясь такими правилами, онъ находилъ смѣшное тамъ, гдѣ мы видимъ глубокое, истинное чувство; на обряды же нашей церкви смотрѣлъ безъ участія потому, что былъ католикъ, а въ XVII вѣкѣ фанатизмъ ослѣплялъ самыхъ благоразумныхъ людей».

Оставаясь и теперь при томъ же мнѣніи, считаю долгомъ присовокупить, что, постоянно слѣдуя правилу не выпускать въ переводѣ ни одного выраженія противъ подлинника, въ новомъ изданіи Маржерета я сохранилъ всѣ мысли его, даже самыя неосновательныя; старался только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправить слогъ перевода и точнѣе выразить смыслъ подлинника.

СОСТОЯНІЕ

РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

И

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ИЗВѢСТІЙ О ДОСТОПАМЯТНЫХЪ СОБЫТІЯХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ,

СЪ 1590 ГОДА ПО СЕНТЯБРЬ 1606.

СОЧИНЕНІЕ

КАПИТАНА МАРЖЕРЕТА.

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

Г Е Н Р И Х У IV,

КОРОЛЮ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Государь!

Еслибъ подданные вашего величества, посѣщая отдаленныя земли, описывали вѣрно достопамятности, ими замѣчаемыя, не только сами получили бы выгоду, но и вашему государству могли бы доставить пользу: они указали бы, чего должно искать, что можно заимствовать у чуждыхъ народовъ, — для успѣховъ общежитія Богъ все въ мірѣ семъ такъ устроилъ, что мы находимъ у другихъ, чего сами не имѣемъ; притомъ же извѣстія ихъ внушили бы охоту многимъ юношамъ, праздным домосѣдамъ, посмотрѣть на бѣлый свѣтъ: тамъ, въ трудныхъ, но благородныхъ странствованіяхъ, или среди воинствъ иноплеменныхъ, они узнали бы добродѣтель; тогда разсѣялось бы заблужденіе многихъ людей, которые предѣломъ христіанскаго міра считаютъ Венгрію: я могу увѣрить, что Россія, описанная мною, по приказанію вашего величества, въ этомъ сочиненіи, служитъ христіанству твердымъ оплотомъ, что она гораздо обширнѣе, сильнѣе, многолюднѣе, изобильнѣе, имѣетъ болѣе средствъ для отраженія Скиѳовъ [174] и другихъ народовъ магометанскихъ, чѣмъ многіе воображаютъ. Властвуя неограниченно, царь заставляетъ подданныхъ повиноваться своей волѣ безпрекословно; порядкомъ же и устройствомъ внутреннимъ ограждаетъ свои земли отъ безпрерывнаго впаденія варваровъ.

Государь! когда побѣдами и счастіемъ вы даровали Франціи то спокойствіе, которымъ она теперь наслаждается, я увидѣлъ, что моя ревность къ службѣ не принесетъ пользы ни вашему величеству, ни моему отечеству, ревность, доказанная мною во время междоусобій, подъ знаменами Г. де-Вогренана, при С. Жанъ-де-Лонѣ и въ другихъ мѣстахъ герцогства Бургундскаго; [175] посему я удалился изъ отечества и служилъ сперва князю Тран-

сильванскому, потомъ государю Венгерскому, послѣ того королю Польскому, въ званіи капитана пѣхотной роты; наконецъ, приведенный судьбою къ Русскому царю Борису,[176] я былъ удостоенъ отъ него чести начальствовать кавалерійскимъ отрядомъ; по смерти же его, Димитрій, вступивъ на царскій тронъ, поручилъ мнѣ первую роту своихъ тѣлохранителей. Въ теченіе этого времени, я имѣлъ средства научиться Русскому языку[177] и собрать очень много свѣдѣній о законахъ, нравахъ и религіи Русскихъ: все это описываю въ представляемомъ небольшемъ сочиненіи съ такою простотою и откровенностію, что не только вы, государь! при удивительно здравомъ и проницательномъ умѣ, но и всякъ увидитъ въ немъ одну истину, которая, по словамъ Древнихъ, есть душа и жизнь исторіи.

Вниманіе вашего величества къ моимъ изустнымъ донесеніямъ подаетъ мнѣ надежду, что книга моя принесетъ вамъ нѣкоторое удовольствіе: вотъ единственное мое желаніе! Въ ней вы найдете извѣстія о событіяхъ весьма замѣчательныхъ, отчасти поучительныхъ для великихъ монарховъ; самая участь несчастнаго государя моего Димитрія можетъ служить для нихъ урокомъ: разрушивъ неодолимыя преграды къ своему престолу, онъ возвысился и ниспалъ скорѣе, нежели въ два года; мало того: его называютъ еще обманщикомъ! Ваше величество узнаете, равнымъ образомъ, многія подробности о Россіи, достойныя вниманія, и совершенно доселѣ неизвѣстныя, какъ по отдаленности этой державы, такъ и по искусству Русскихъ скрывать и умалчивать дѣла своего отечества.

Молю Бога даровать вашему величеству благоденствіе, вашей державѣ миръ, преемнику желаніе подражать вашимъ добродѣтелямъ, мнѣ же неизмѣнную, всегда постоянную ревность дѣлами своими оправдать имя,

ГОСУДАРЬ!

всепокорнѣйшаго подданнаго, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги вашего величества.

Маржеретъ.

СОСТОЯНІЕ

РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

и

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО

въ 1606 году.

Россія есть страна очень обширная,[178] покрытая даже въ областяхъ, наиболѣе обитаемыхъ, дремучими лѣсами, а на предѣлахъ Литовскихъ и Ливонскихъ, пространными болотами, ограждающими ее отъ непріятелей.[179] Она довольно заселена отъ *Нарвы*, крѣпости и пристани на границахъ Ливонскихъ, принадлежащей королевству Шведскому, до *Архангельска* или Св. Николая,[180] другаго приморскаго города, въ разстояніи отъ Нарвы на 2800 верстъ, или на семьсотъ льё, и отъ Смоленска (города близъ предѣловъ Литовскихъ, обнесеннаго каменною стѣною при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Борисомъ Ѳеодоровичемъ, тогдашнимъ правителемъ государства) до Казани, на 1300 верстъ.[181] Въ странѣ Казанской прежде находилось независимое царство, основанное Татарами и покоренное великими князьями Васильемъ Іоанновичемъ и сыномъ его Іоанномъ Васильевичемъ. Владѣтель Казанскій взятъ былъ въ плѣнъ въ самомъ городѣ Іоанномъ Васильевичемъ; онъ живъ и теперь: зовутъ его царь Симеонъ.[182] Казань построена близъ *Волги*, рѣки знаменитой, въ которую впадаетъ *Ока*. Подлѣ этого города обитаютъ Черемисы. За Казанью, по теченію *Волги*, вливающейся при Астрахани въ Каспійское море, простираются обширныя, необитаемыя степи; только немногія крѣпости построены по бере-

гамъ Волги. Отъ Казани до Астрахани около 2000 верстъ. Астрахань, укрѣпленный городъ, производитъ очень дѣятельную торговлю, болѣе, чѣмъ всѣ прочіе города Русскіе, и снабжаетъ почти все государство солью и соленою рыбою. Думаютъ, что земля тамъ весьма плодородна: на степяхъ, между Казанью и Астраханью, растетъ много малыхъ плодоносныхъ вишень и даже нѣсколько лозъ дикаго винограда. Астрахань изобилуетъ хорошими плодами. Въ окрестностяхъ ея, какъ разсказывали прежде нѣкоторые писатели, попадаются животно-растенія, такъ называемые бараны: они вырастаютъ изъ земли, только не могутъ отдѣлиться отъ корня; къ нему привязываетъ ихъ какъ бы кишка, идущая отъ пупа, длиною 3 или 4 сажени: и потому они живутъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ кругомъ себя всей травы; потомъ умираютъ. Эти бараны величиною съ ягненка; шерсть имѣютъ курчавую. Я видѣлъ ихъ шкуры иногда бѣлыя, а иногда съ немногими пятнами.[183] Въ царствованіе Іоанна Васильевича, завоевавшаго землю Астраханскую, Англичане завели здѣсь торговлю съ Персіею.[184] За Волгою обитаютъ Татары, которые называютъ себя Нагаями. Іоаннъ покорилъ еще землю, именуемую Русскими царствомъ Сибирскимъ. Эта страна, покрытая лѣсами, дубравами и болотами, мало извѣстна; думаютъ, что она съ одной стороны прилегаетъ къ рѣкѣ Оби. Снабжая государство мягкою рухлядью, т. е. мѣхами собольими, куньими, черно-пѣсьими, Сибирь доставляетъ царю очень значительный доходъ.[185] Русскіе теперь начали обработывать эту землю, довольно обильную, особенно хлѣбомъ; построили тамъ четыре города и учредили въ нихъ гарнизоны, для удержанія народа въ повиновеніи.[186] Жители Сибири весьма грубы, малорослы, видомъ похожи на Татаръ Нагайскихъ; лице имѣютъ плоское и широкое, носъ сплюснутый, глаза малые; цвѣтомъ весьма смуглы; отращиваютъ волосы, немногіе съ бородою; одѣваются соболями шерстью наружу. Лѣтъ за тридцать они не знали хлѣба. Въ Сибирь обыкновенно ссылаются люди, впавшіе въ немилость государя.

Для отраженія Татаръ Крымскихъ, союзниковъ Турецкаго султана, которому они часто помогали опустошать Венгрію, особенно въ 1595 году, когда была великая битва Агрійская,[187] Русскіе построили въ пограничныхъ степяхъ, съ 1593 года, многіе города и крѣпости; впрочемъ съ той стороны Россія обитаема только до Ливенъ, т. е. на 700 верстъ отъ Москвы. Далѣе, находятся Борисовъ, Бѣлгородъ, Царевъ-городъ (въ 1,000 верстахъ отъ Ливенъ) и другіе города, которые теперь населяются.[188] Не взирая на плодородіе края, жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ. Думаютъ, что отъ Царева-города до великаго хана не болѣе 8 дней пути.[189] Тамъ въ прежнее время обыкновенно собирались Татары, когда они задумывали итти на добычу въ сосѣдственныя земли. Въ заключеніе, Россія очень обширна, имѣя предѣлами Литву, Подолію, Турцію, Татарію, рѣку Обь, Каспійское море, Ливонію, Швецію, Норвегію, Новую землю и Ледовитое море.

Въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ Русской державы, наиболѣе обитаемыхъ, стужа бываетъ жестокая; степи же Татарскія, окрестности Волги, Казани, Астрахани и рѣки Оби имѣютъ климатъ благорастворенный. Въ холодной полосѣ зима стоитъ 6 мѣсяцевъ, такъ, что снѣгъ бываетъ по поясъ, и цѣлыя рѣки можно переѣзжать по льду; не смотря на то, почва весьма плодоносна, изобилуя всякимъ хлѣбомъ, извѣстнымъ у насъ, во Франціи: рожь сѣютъ въ началѣ или въ половинѣ августа, пшеницу и овесъ, по мѣрѣ продолжительности зимы, въ апрѣлѣ или маѣ, ячмень въ концѣ мая. Есть и плоды; дыни бываютъ такъ огромны и вкусны, что подобныхъ я нигдѣ въ другихъ земляхъ не видывалъ; сверхъ того, много огурцовъ, яблокъ, вишень; сливъ и грушъ мало; но орѣховъ, земляники и подобныхъ плодовъ множество. Лѣтомъ дождь идетъ изрѣдка, а зимою никогда не случается. Въ Колмогорахъ, Архангельскѣ и Св. Николаѣ, также и въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ, лѣтомъ въ продолженіе мѣсяца, или 6 недѣль, солнце видимо днемъ и ночью: въ полночь оно отстоитъ

отъ земли сажени на двѣ или на три; зимою же цѣлый мѣсяцъ дня вовсе не бываетъ, потому что солнце не показывается. Далѣе, вы найдете всякаго рода дичь и животныхъ, какъ и во Франціи, исключая кабановъ; ланей и дикихъ козъ довольно въ восточныхъ и южныхъ областяхъ, въ степяхъ Татарскихъ между Астраханью и Казанью; лосей множество во всей Россіи;[130] кролики весьма рѣдки; фазановъ, куропатокъ, дроздовъ сѣрыхъ и черныхъ, перепелокъ, жаворонковъ — очень много, кромѣ безчисленнаго количества другой дичи, исключая бекасовъ, которыхъ мало видно. Въ августѣ и сентябрѣ бываетъ весьма много журавлей, лебедей, гусей и дикихъ утокъ; изъ аистовъ я видѣлъ зимою только одного совершенно чернаго. Плотоядныя животныя: медвѣди бѣлые и черные; ихъ очень много; лисицы; ихъ пять родовъ, и волки, звѣри обыкновенные по обширности лѣсовъ, весьма вредные для домашняго скота.[131] Кромѣ того въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ областяхъ встрѣчается особенный родъ оленей: они менѣе обыкновенныхъ, съ красивыми, вѣтвистыми рогами; шерсть у нихъ сѣроватая, почти бѣлая, а копыта раздвоены болѣе, нежели у обыкновенныхъ оленей. Они доставляютъ пищу, платье и служатъ вмѣсто коней для жителей: запряженный въ сани, для того нарочно устроенныя, олень бѣжитъ скорѣе всякой лошади, и большую часть года питается тѣмъ, что находитъ подъ снѣгомъ. Зайцы зимою бываютъ бѣлые, а лѣтомъ такого же цвѣта, какъ и во Франціи. Сверхъ того во всякое время попадаются соколы, ястребы и другія хищныя птицы. Рѣки изобилуютъ такою вкусною, разнообразною рыбою, что подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ; изъ рыбъ наиболѣе извѣстны: стерляди, бѣлуга, осетрина, бѣлая рыбица (которыя поболѣе семги) и другіе роды, какъ и во Франціи, исключая форелей. Всякая рыба вообще дешева, подобно прочимъ жизненнымъ припасамъ: не взирая на великій голодъ (о чемъ будемъ говорить послѣ), истребившій почти во всемъ государствѣ домашнихъ животныхъ, я купилъ, во время моего отъѣзда, на дорогѣ, ягненка величиною съ нашего барана, или около того, за

10 копѣекъ, что составитъ 13 су 4 денарія, и курицу за 7 денаріевъ (каплуновъ держатъ только иностранцы). Такая дешевизна происходитъ отъ того, что каждая овца приноситъ обыкновенно двухъ, трехъ ягнятъ, и отъ каждаго изъ нихъ въ слѣдующемъ году родится столько же. Рогатый скотъ также размножается чрезвычайно: ибо Русскіе вообще не ѣдятъ телятины, считая ее грѣшнымъ, заповѣднымъ кушаньемъ;[192] кромѣ того ежегодно постятся 15 недѣль, сверхъ среды и пятницы, что составитъ около полугода. Отъ того мясо весьма дешево; хлѣбъ также не дорогъ: собираютъ его много, а за границу не вывозятъ; почва же такъ тучна и такъ плодородна, что ее удабриваютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мальчикъ 12 или 15 лѣтъ съ небольшою лошадью обработываетъ десятину или двѣ ежедневно.

Не взирая на изобиліе и дешевизну съѣстныхъ припасовъ, простой народъ довольствуется очень немногимъ: иначе онъ не могъ бы удовлетворить издержкамъ, ибо не знаетъ никакой промышленности, весьма лѣнивъ, работы не любитъ и такъ преданъ пьянству, какъ нельзя болѣе. Русскіе, желая повеселиться, обыкновенно пьютъ вино и медъ, приготовленный изъ сотовъ, которые достаются безъ труда и въ великомъ изобиліи; о чемъ можно судить по множеству воска, отправляемаго за границу.[193] У нихъ есть также пиво и другіе малоцѣнные напитки. Всѣ, безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ. Когда только есть хмѣльное, приготовляемое впрочемъ не иначе, какъ для извѣстныхъ праздниковъ, Русскіе пируютъ день и ночь, пока всего не осушатъ. Я разумѣю простой народъ: дворяне имѣютъ право дѣлать напитки, какіе имъ угодно, и пить, когда ни пожелаютъ.[194]

Великіе князья ведутъ свой родъ, по извѣстію Русскихъ лѣтописей, отъ трехъ братьевъ, которые переселились изъ Даніи и овладѣли Россіею, Литвою и Подоліею, лѣтъ за 800 до нашего

времени. Старшій изъ братьевъ Рюрикъ назвалъ себя великимъ княземъ Владимірскимъ и былъ въ прямомъ колѣнѣ родоначальникомъ всѣхъ Русскихъ владѣтелей; до временъ Іоанна Васильевича они именовались великими князьями; онъ же, послѣ завоеванія Казани, Астрахани и Сибири, получилъ отъ Максиміліана, цесаря Римскаго, титулъ императора.[195]

Въ разсужденіи титула, Русскіе думаютъ, что слово царь, употребляемое Русскими государями, важнѣе всѣхъ титуловъ на свѣтѣ. Императора Римскаго они именуютъ *цесаремъ*, производя это имя отъ Цезаря; прочихъ же государей *королями*, подражая Полякамъ; владѣтеля Персидскаго называютъ *кизель баша*, а Турецкаго *великій господарь Турскій*, т. е. великій господинъ Турецкій.[196] Слово царь, по ихъ мнѣнію, находится въ св. Писаніи, гдѣ Давидъ, Соломонъ и другіе государи названы: царь Давидъ, царь Соломонъ. Посему они говорятъ, что имя царя, которымъ Богу угодно было нѣкогда почтить Давида, Соломона и другихъ властителей Іудейскихъ и Израильскихъ, гораздо болѣе прилично государю, нежели слово цесарь и король, изобрѣтенное человѣкомъ и присвоенное, по ихъ мнѣнію, какимъ нибудь завоевателемъ. Когда Ѳеодоръ Іоанновичъ царь Россійскій снялъ осаду Нарвы, и полномочные съѣхались для заключенія мира между Россіею и Швеціею, съ обѣихъ сторонъ болѣе двухъ дней спорили о титулѣ императорскомъ: Ѳеодоръ хотѣлъ его принять, Шведы же не соглашались уступить. Русскіе объявили наконецъ, что слово царь еще важнѣе имени императора, и потому рѣшено было называть Ѳеодора всегда царемъ и великимъ княземъ Московскимъ: и тѣ и другіе, объясняя слово царь по-своему, считали себя въ выигрышѣ. Король Польскій пишетъ также точно; императоръ слѣдуетъ примѣру покойной Елисаветы и называетъ царя императоромъ;[197] ему подражаютъ король Великобританскій, король Датскій и великій герцогъ Тосканскій. Шахъ Персидскій и всѣ владѣтели Азіятскіе величаютъ царя такъ, какъ ему угодно. Какъ же называетъ его султанъ Турецкій, я не знаю, потому, что при мнѣ между ними не было сношеній.

Іоаннъ Васильевичъ женатъ былъ семь разъ,[198] вопреки Русской религіи, которая позволяетъ вступать въ бракъ только три раза; онъ имѣлъ трехъ сыновей.[199] Носится молва, что царь собственною рукою умертвилъ старшаго сына; но это несправедливо: хотя Іоаннъ билъ его концемъ палки, окованной четырегранным желѣзнымъ остріемъ въ видѣ жезла (такую палку никто не можетъ носить, кромѣ государя, ибо прежніе великіе князья получали ее въ знакъ покорности отъ Татарскаго владѣтеля, называемаго Крымскимъ),[200] и хотя царевичъ былъ раненъ; однакожъ онъ умеръ не отъ удара, а уже послѣ, во время путешествія на богомолье.[201] Второй сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ по смерти отца; третій былъ отъ послѣдней жены, изъ рода Нагихъ, именемъ Димитрій. Іоаннъ Васильевичъ, прозванный Мучителемъ,[202] сомнѣваясь въ преданности своихъ подданныхъ, испытывалъ ихъ разными средствами; главнымъ же было возведеніе на престолъ царя Симеона, о которомъ говорено выше. Іоаннъ короновалъ его и предоставилъ ему весь царскій титулъ; самъ же, построивъ дворецъ противъ Кремля, повелѣлъ называть себя великимъ княземъ Московскимъ. Симеонъ царствовалъ цѣлые два года, управляя какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами. Разумѣется, что онъ спрашивалъ у Іоанна совѣта, или справедливѣе, получалъ повелѣнія. Въ концѣ втораго года Іоаннъ низложилъ его съ престола и далъ ему великія богатства.[203] По смерти старшаго сына, царь женилъ втораго, т. е. Ѳеодора, на сестрѣ Бориса Ѳеодоровича,[204] который происходилъ изъ хорошаго дома, имѣлъ званіе дворянина Московскаго и мало по малу вкрался въ милость Іоанна.

По кончинѣ сего царя, умершаго въ мартѣ мѣсяцѣ 1584 года, вступилъ на престолъ Ѳеодоръ; онъ былъ весьма не дальняго ума; нерѣдко самъ трезвонилъ на колокольнѣ и большую часть времени проводилъ въ церкви; Борисъ Ѳеодоровичъ, тогда любимый народомъ и весьма жалуемый государемъ, вмѣшался въ правленіе. Обладая умомъ хитрымъ и смѣтливымъ, онъ удовле-

творялъ всякаго, такъ что, когда разнеслась молва о намѣреніи Русскихъ низложить слабоумнаго Ѳеодора съ престола, его избрали правителемъ государства. Съ тѣхъ поръ, какъ говорятъ, онъ началъ искать короны, видя, что Ѳеодоръ не имѣлъ дѣтей, кромѣ дочери, умершей на 3 году возраста; для того старался привлечь къ себѣ народъ благодѣяніями, укрѣпилъ Смоленскъ, обнесъ столицу каменною стѣною, вмѣсто прежней деревянной, построилъ нѣкоторыя крѣпости между Казанью и Астраханью и на предѣлахъ Татарскихъ.[205] Такъ пріобрѣвъ доброе расположеніе народа и самаго дворянства, исключая дальновидныхъ бояръ, онъ удалилъ въ ссылку своихъ недрутовъ, подъ разными предлогами; наконецъ самую царицу, вдову умершаго Іоанна Васильевича, отправилъ съ сыномъ ея, Димитріемъ Іоанновичемъ, въ Угличъ, городъ отстоящій отъ Москвы на 180 верстъ.[206] Разсказываютъ, что царица и нѣкоторые бояре, предугадывая, къ чему стремится Борисъ, и зная, какая опасность ожидаетъ младенца (ибо многіе изъ бояръ, удаленныхъ въ ссылку, были отравлены дорогою), нашли средство подмѣнить царевича и вмѣсто его приняли другаго мальчика.[207] Послѣ того Борисъ предалъ смерти еще многихъ бояръ невинныхъ; наконецъ, не опасаясь уже никого, кромѣ Димитрія, рѣшился уничтожить послѣднюю преграду, и приказалъ его умертвить. Это совершилъ сынъ опредѣленнаго Борисомъ въ секретари къ царицѣ.[208] Злодѣй погибъ на мѣстѣ; а подложнаго царевича, имѣвшаго 7 или 8 лѣтъ, похоронили запросто.

Вѣсть о смерти Димитрія породила въ Москвѣ разные толки; народъ роптalъ. Борисъ, зная все, что ни говорили, приказалъ зажечь въ ночное время гостиный рядъ, купеческіе домы и другія зданія: собственное горе, думалъ онъ, заставитъ народъ забыть царевича; ропотъ утихнетъ и умы успокоятся. Онъ самъ присутствовалъ на пожарѣ, давалъ повелѣнія тушить огонь; причемъ столько хлопоталъ, что по видимому несчастіе города очень его печалило. Потомъ, созвавъ потерпѣвшихъ убытки, старался утѣ-

шить ихъ ласковыми рѣчами, горевалъ о бѣдствіи, далъ слово исходатайствовать у государя вспоможеніе каждому изъ нихъ для постройки домовъ и обѣщалъ воздвигнуть каменныя лавки, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ: все это было исполнено;[209] каждый остался довольнымъ и считалъ себя счастливымъ, имѣя столь добраго покровителя. Наконецъ, въ январѣ 1598 года Ѳеодоръ скончался (нѣкоторые думаютъ, что Борисъ былъ виновникомъ его смерти). Тогда честолюбецъ еще дѣятельнѣе прежняго началъ домогаться короны, но такъ скрытно, что только самые смѣтливые это замѣтили, не дерзая однакожъ сопротивляться. Казалось, онъ хотѣлъ единственно возвести на престолъ свою сестру, вдову покойнаго Ѳеодора, вопреки государственнымъ законамъ, въ слѣдствіе которыхъ овдовѣвшая царица или великая княгиня удаляется въ монастырь черезъ шесть недѣль послѣ погребенія супруга.[210] Борисъ притворно отказывался отъ короны даже и тогда, когда предлагали ее, по совѣту сестры его, въ государственной думѣ, куда всякой воленъ приходить въ продолженіе междуцарствія. И такъ онъ заставилъ просить себя о принятіи царскаго титула; долго не соглашался на просьбу и говорилъ избравшимъ его, что не должно спѣшить, что дѣло требуетъ зрѣлаго размышленія, что никакая опасность ихъ не принуждаетъ, что Россія находится въ мирѣ съ сосѣдами и что она останется въ томъ же состояніи, въ какомъ находилась и прежде, когда онъ самъ, при покойномъ государѣ, былъ ея правителемъ, пока Русскіе, по зрѣломъ разсужденіи, изберутъ другаго царя. Впрочемъ справедливо, что Борисъ, управляя державою при Ѳеодорѣ, устранялъ отъ нея бѣдствія, обогатилъ казну, не говоря уже о городахъ и крѣпостяхъ, имъ построенныхъ, и заключилъ дружбу со всѣми сосѣдами. Посему онъ требовалъ притворно созванія государственныхъ чиновъ, т. е. отъ каждаго города по 8 или 10 человѣкъ, чтобы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ ко всеобщему удовольствію. Между тѣмъ, какъ въ исполненіи того долженство-

вало пройти много времени, онъ распустилъ молву о вторженіи Татарскаго хана въ Россію съ великими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ казаками. Устрашенный народъ еще настоятельнѣе просилъ его возложить на себя корону. Борисъ увѣрялъ, что пріемлетъ ее противъ воли, что многіе изъ благороднѣйшихъ поколѣній имѣютъ справедливое право на царское достоинство, что и безъ вѣнца онъ любилъ бы гражданъ, какъ отецъ, и занимался бы дѣлами съ прежнимъ усердіемъ, но что, видя и желаніе народа, и согласіе вельможъ, онъ готовъ принять тягостное бремя, только не прежде, какъ отразивъ невѣрныхъ, идущихъ опустошать государство съ стотысячнымъ войскомъ, и предписавъ законы имъ и прочимъ сосѣдамъ. Тогда провозгласили его царемъ.

Поспѣшая исполнить свое обѣщаніе, Борисъ собралъ войско на берегахъ Оки, близъ Серпухова, въ 90 верстахъ отъ столицы, тамъ, гдѣ обыкновенно вторгаются Татары; и по удаленіи сестры своей, царицы, въ Дѣвичій монастырь, въ 3 верстахъ отъ Москвы, самъ прибылъ въ Серпуховъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, для обозрѣнія войска. По словамъ какъ иностранцевъ, такъ и Русскихъ, бывшихъ на этомъ смотрѣ, число воиновъ пѣхотныхъ и конныхъ простиралось до 500,000; говорю еще меньшее число: Россія никогда не была въ такомъ волненіи. Въ удостовѣреніе же справедливости сего показанія, разскажу послѣ, какимъ образомъ Русское правительство собираетъ столько людей, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Но война кончилась тѣмъ, что вмѣсто непріятельской рати, явился ханскій посолъ, съ сотнею лихихъ всадниковъ, одѣтыхъ, по Татарскому обычаю, овчинами, для какого-то мирнаго предложенія; о чемъ Борисъ хорошо зналъ и прежде. Миролюбіе хана весьма его прославило: показавъ Татарамъ всѣ Русскія силы, послѣ многократной пальбы изъ пушекъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги на пространствѣ двухъ верстъ и въ довольно дальнемъ одна отъ другой разстояніи, онъ провелъ посла нѣсколько разъ между орудіями и наконецъ отправилъ его съ

великими дарами; потомъ растустивъ ратныхъ людей по домамъ, возвратился въ Москву съ пышнымъ торжествомъ. Носилась молва, что Татаринъ, услышавъ о силахъ Русскихъ, не смѣлъ итти далѣе. Борисъ короновался 1 сентября, т. е. въ первый день 1598 года.

Уже около 700 лѣтъ, какъ Русскіе приняли христіанскую вѣру отъ епископа Константинопольскаго. Они слѣдуютъ Греческому исповѣданію: крещаемыхъ младенцевъ погружаютъ въ воду троекратно, во имя Отца, Сына и св. Духа; потомъ священникъ надѣваетъ на шею младенца крестъ, вручаемый воспріемникомъ въ знаменіе крещенія: крестъ носятъ до самой смерти. Они признаютъ св. Троицу, но тѣмъ не менѣе различаются отъ насъ, исповѣдуя, что Св. Духъ исходитъ не отъ Отца и Сына, но только отъ Отца, и что онъ покоится на Сынѣ. Образовъ у нихъ много; всѣ они вообще живописные, кромѣ одного только Распятія изваяннаго. Говорятъ, что въ Россіи хранится икона св. Дѣвы Маріи, писанная собственною рукою евангелиста Луки.[211] Главный Русскій патронъ св. Николай. Въ число святыхъ, принятыхъ изъ Греціи, они включаютъ много другихъ угодниковъ; но кромѣ Богородицы, не признаютъ ни одной святой.[212] Есть патріархъ, котораго достоинство учреждено при Іоаннѣ Васильевичѣ патріархомъ Константинопольскимъ.[213] Если не ошибаюсь, въ Россіи 5 архіепископовъ, кромѣ многихъ епископовъ и игумновъ. Одни священники, и притомъ женатые, совершаютъ таинства; по смерти своихъ женъ, болѣе не священнодѣйствуютъ;[214] когда не вступятъ въ бракъ вторично, постригаются въ монахи. Иноки безбрачны такъ же, какъ патріархъ, епископы и игумны: почему не могутъ ни пріобщать св. Таинъ, ни ѣсть мяса, и принимаютъ св. Дары отъ священниковъ. Пріобщаются подъ обоими видами всѣ безъ различія, свѣтскіе и духовные, послѣ исповѣди на ухо, обыкновенно однажды въ годъ. Вдовый священникъ, сочетавшись бракомъ, переходитъ въ свѣтское званіе. Русскіе считаютъ истинно крещеными только тѣхъ, которые крестились по Греческому обряду; впрочемъ католиковъ

увольняютъ отъ втораго крещенія. Тщательно наблюдаютъ праздники, даже и субботу наравнѣ съ воскресеньемъ, хотя и въ самые великіе праздники открываютъ лавки и работаютъ послѣ полудня, если требуетъ необходимость. Постятся по средамъ и пятницамъ и сверхъ того держатъ въ году четыре поста, именно: Великій постъ, о которомъ будемъ говорить ниже, два поста по 15 дней каждый, и одинъ предъ Рождествомъ Христовымъ, который начинается спустя восемь дней послѣ праздника св. Николая; наблюдаютъ же ихъ такъ строго, какъ только возможно, не вкушая ни яйцъ, ни другой пищи, доставляемой животными. Они имѣютъ св. Писаніе на своемъ языкѣ, т. е. на Славянскомъ; очень уважаютъ псалмы Давида; въ церквахъ никогда не проповѣдаютъ;[215] а по праздникамъ читаютъ отрывки изъ ветхаго или новаго Завѣта; но таково невѣжество народа, что не найдется и третіи, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую во единаго. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать сто благочестія; онъ ненавидитъ науки, и особенно языкъ Латинскій; не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе впрочемъ занимаются. Русскія буквы большею частію Греческія; книги всѣ почти рукописныя, кромѣ немногихъ печатныхъ экземпляровъ ветхаго и новаго Завѣта, привезенныхъ изъ Польши: ибо не болѣе 10 или 12 лѣтъ, какъ Русскіе узнали искусство книгопечатанія,[216] да и теперь еще рукописныя книги болѣе уважаютъ, нежели печатныя. Дважды въ году освящаютъ рѣки и воду; послѣ освященія, царь и вельможи обыкновенно погружаются въ воду: я самъ видалъ, какъ для того прорубали ледъ и какъ царь прыгалъ въ прорубь.[217] Въ Вербное воскресенье патріархъ ѣздитъ на ослѣ, сидя бокомъ по обычаю женщинъ; по недостатку же ословъ, берутъ лошадь, покрываютъ ее бѣлымъ полотномъ, такъ что кромѣ глазъ ничего не видно, и привязываютъ ей большія уши. Царь ведетъ ее за поводъ изъ Кремля до церкви, именуемой Іерусалимомъ, оттуда въ храмъ Богоматери. Во время шествія, назначенные люди снимаютъ съ

себя одежду и разстилаютъ ее по дорогѣ, слѣдуя впереди святителей.[218] Въ Россіи есть особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы масломъ, однакожъ не умирали. Такіе люди обязываются носить до самой кончины платье, похожее на монашеское. Это считается очень богоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣютъ право выйти за другаго мужа. Никто изъ иновѣрныхъ не можетъ входить въ Русскую церковь. Патріархъ, епископы, игумны назначаются царемъ. Обыкновенныя дѣла церковныя патріархъ рѣшаетъ самъ; о важнѣйшихъ же случаяхъ докладываетъ государю. Мужъ имѣетъ право подъ разными предлогами развестись съ женою, заключить ее монастырь, и потомъ жениться до третьяго раза.

Всѣ иностранцы могутъ исповѣдовать свою религію всенародно, исключая Римскихъ католиковъ; Евреи же нетерпимы со временъ Іоанна Васильевича Мучителя.[219] Этотъ государь приказалъ собрать всѣхъ Евреевъ, находившихся въ Россіи; потомъ связавъ имъ руки и ноги, вывелъ ихъ на мостъ, гдѣ они принуждены были отречься отъ своего закона, и когда сказали, что желаютъ креститься во имя Бога Отца, Сына и св. Духа, царь въ ту минуту велѣлъ бросить ихъ въ воду. Тотъ же Іоаннъ Васильевичъ, лѣтъ за 40 до нашего времени, завоевавъ большую часть Ливоніи и переселивъ въ Россію жителей Дерпта и Нарвы, пожаловалъ плѣнныхъ Ливонцамъ, послѣдователямъ Лютера, двѣ божницы въ Москвѣ, дозволивъ имъ свободно исполнять обряды религіи; но въ послѣдствіи, за дерзость и тщеславіе ихъ, повелѣлъ эти церкви разрушить, домы разграбить, а Ливонцевъ, не взирая ни на возрастъ, ни на полъ, выгнать на улицу въ зимнюю стужу, оставивъ ихъ, въ чемъ матъ родила. Впрочемъ Ливонцы сами виноваты: забывъ минувшее несчастіе, потерявъ отечество и имущество, сдѣлавшись рабами народа грубаго и жестокаго, подъ правленіемъ государя самовластнаго, они, вмѣсто смиренія по причинѣ такихъ бѣдствій, вели себя столь гордо, поступали столь высокомѣрно, одѣвались столь роскошно, что казались прин-

цами и принцессами; женщины, посѣщая церкви, наряжались не иначе, какъ въ бархатъ, атласъ, камку; самая послѣдняя носила тафтяное платье, хотя ничего болѣе не имѣла. Эти Ливонцы получали доходъ преимущественно отъ права продавать хлѣбное вино, медъ и другіе напитки; причемъ имѣли прибыли не по 10 на 100, а 100 на 100: кажется невѣроятно, тѣмъ не менѣе справедливо.

Ливонцы всегда оставались одинаковы: казалось, они были приведены въ Россію только для того, чтобы выказывать свою гордость и высокомѣріе, чего не посмѣли бы сдѣлать и въ собственномъ отечествѣ, по строгости законовъ и правосудія. Почему царь приказалъ отвести имъ мѣсто за городомъ, гдѣ они выстроили домы и одну церковь, не имѣя дозволенія жить въ столицѣ. — Подъ властію Русскихъ находятся даже Татары, Турки, Персіяне, Мордва и другіе народы магометанскіе, исповѣдающіе свободно свою вѣру, не говоря о Сибирякахъ, Лапландцахъ и другихъ племенахъ, которыя не слѣдуютъ ни христіанскому, ни магометанскому закону, и покланяются разнымъ животнымъ, какъ имъ угодно, не претерпѣвая притѣсненій въ своихъ обрядахъ.

Мертвыхъ Русскіе погребаютъ до истеченія 24 часовъ, не исключая ни царя, ни раба, такъ, что умершаго утромъ, вечеромъ уже хоронятъ. Усопшаго обыкновенно оплакиваютъ нанятыя женщины, взывая къ нему: *Зачѣмъ ты умеръ? развѣ царь тебя не жаловалъ? развѣ у тебя мало было богатства, дѣтей, или не имѣлъ ты жены честной?* Если же умираетъ женщина, приговариваютъ: *Развѣ ты не имѣла добраго мужа?* и подобныя глупости. На покойника надѣваютъ новую рубаху, чулки, башмаки, похожіе на туфли, и шапку; потомъ кладутъ его въ гробъ и несутъ на кладбище, въ присутствіи родныхъ и друзей, которые послѣ погребенія плачутъ на могилѣ, съ жалобными воплями. Въ концѣ шестой недѣли приходятъ на могилу вдова и нѣсколько ближайшихъ друзей, приносятъ напитки, яства, и послѣ довольныхъ слезъ, съ прежними стонами, ѣдятъ принесенныя

кушанья, раздавая остатки ихъ нищимъ. Такъ поступаетъ простой народъ; въ случаѣ же смерти особы значительной, дается пиръ въ домѣ, по возвращеніи съ кладбища, гдѣ родственники сами дѣлаютъ вопросы, или нанимаютъ для того женщинъ; причемъ раздаютъ бѣднымъ все, что приносятъ на могилу. Такіе пиры бываютъ ежегодно по одному разу, въ память усопшаго. По прошествіи 6 недѣль, трауръ оканчивается, и вдова можетъ снова выти замужъ.

Великій постъ наблюдаютъ Русскіе слѣдующимъ образомъ: въ послѣднюю недѣлю предъ нимъ, или на Масляницѣ, они мяса не ѣдятъ, а употребляютъ въ пищу сыръ, яйца, молоко, масло; посѣщаютъ одинъ другаго, цѣлуются, прощаются, мирятся, если оскорбили другъ друга словомъ или дѣломъ; встрѣчаясь даже на улицѣ, хотя бы никогда прежде не видались, привѣтствуютъ взаимнымъ поцѣлуемъ. *Прости меня, пожалуй!* говоритъ одинъ; *Богъ тебя проститъ!* отвѣчаетъ другой. При томъ должно замѣтить, что не только въ это время, но и всегда, какъ мужчины, такъ и женщины считаютъ поцѣлуй знакомъ привѣтствія, когда готовятся въ путь, или встрѣчаются послѣ долговременной разлуки. По окончаніи Масляницы, идутъ въ баню; въ первую недѣлю поста вовсе не выходятъ изъ дома, или весьма рѣдко, и цѣлые семь дней ѣдятъ не болѣе трехъ разъ, не употребляя ни мяса, ни рыбы, и довольствуясь только медомъ и овощами. Въ слѣдующую недѣлю являются на улицахъ, но весьма просто одѣтые, какъ будто въ траурѣ; въ остальное время поста, кромѣ послѣднихъ 7 дней, ѣдятъ всякую рыбу, какъ свѣжую, такъ и соленую, но безъ масла и молока; по средамъ же и пятницамъ только соленую и овощи. На послѣдней недѣлѣ постятся такъ же строго, какъ и на первой, или еще строже: тогда обыкновенно пріобщаются св. Таинъ.

По окончаніи поста, наступаетъ Пасха: тутъ начинаются опять посѣщенія, какъ на Масляницѣ; Русскіе подносятъ другъ другу красныя яйца, приговаривая одинъ: *Христосъ воскресе!* другой: *воистину воскресе!* Причемъ размѣнявшись яйцами,

цѣлуются, въ знакъ радости о воскресеніи Господнемъ. Царь наблюдаетъ этотъ обычай такимъ образомъ: какъ въ послѣдній день Масляницы, такъ и на другой день по Пасхѣ, онъ дозволяетъ каждому лобызать свою руку, а въ слѣдующій день, когда отправляется въ церковь, бояре и извѣстные государю сановники подходятъ къ нему и также цѣлуютъ ему руку: онъ раздаетъ поздравляющимъ по одному, по два и по три яйца, смотря по тому, кого болѣе жалуетъ. Въ это время народъ цѣлые 15 дней пируетъ безпрерывно.

При Русскихъ церквахъ находится множество колоколовъ. Хотя Русскіе, по видимому, различаются этимъ отъ Грековъ, которые вовсе ихъ не употребляютъ, что доказываютъ единовѣрцы ихъ Валахи, Молдаване, Ретійцы и другіе народы; но колокольный звонъ дозволяется Греческою религіею; Греки же не смѣютъ звонить потому, что состоятъ подъ властію Турковъ, которымъ алкоранъ запрещаетъ держать колокола въ мечетяхъ. Впрочемъ католики, протестанты и аріане, обитая въ Трансильваніи, могли благовѣстить, когда Стефанъ Баторій, бывшій королемъ Польскимъ, и послѣ него Сигизмундъ управляли ею въ зависимости отъ султана; Греки же и тогда не имѣли колоколовъ.[220]

Всѣ пути изъ Россіи въ другія земли охраняются такъ строго, что безъ царскаго дозволенія не возможно изъ нея выѣхать, и въ наше время съ оружіемъ никто изъ государства не могъ удалиться: я былъ первый. Русскіе, воюя съ Польшею, не рѣшаются имѣть въ дѣйствующей арміи Поляковъ, имъ подвластныхъ, которыхъ довольно много, а распредѣляютъ ихъ на предѣлахъ Татаріи, поступая такъ же и съ прочими единоземцами, изъ опасенія, чтобы они не бѣжали и не предались непріятелю: Русскій народъ самый недовѣрчивый и подозрительный въ мірѣ.

Въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянные, исключая Москвы, Смоленска, Иванъгорода или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны и Путивля (на предѣлахъ Подоліи). Москва городъ обширный; среди его течетъ рѣка, гораздо шире нашей

Сены; весь городъ обнесенъ деревянною оградою, въ окружности, какъ я думаю, болѣе Парижской; внутри его находится другая стѣна, въ половину менѣе первой, не простираясь однакожъ за рѣку; потомъ выведена изъ кирпича еще третья, окружающая всѣ каменныя купеческія лавки. Сверхъ того, есть крѣпость, построенная при Василіи Іоанновичѣ, отцѣ Іоанна Васильевича, однимъ Италіянцемъ.[221] Въ ней много церквей каменныхъ, изъ которыхъ четыре покрыты золоченою мѣдью. Городъ наполненъ деревянными домами; каждый домъ обыкновенно въ два жилья, съ обширнымъ дворомъ, для предупрежденія пожаровъ, которые очень часто случаются. Съ нѣкотораго времени въ Москвѣ построено довольно церквей каменныхъ, деревянныхъ же находится безчисленное множество; самыя улицы вымощены досками.

Высшее дворянство постоянно живетъ въ Москвѣ; оно состоитъ изъ князей, думныхъ бояръ, т. е. членовъ государственнаго совѣта, окольничихъ или маршаловъ, дворянъ думныхъ и Московскихъ; послѣдніе обыкновенно опредѣляются въ правители городовъ. Число членовъ государственной Думы закономъ не ограничено: царь назначаетъ въ нее, кого ему угодно. Я зналъ изъ нихъ до 32. Въ случаѣ дѣлъ важныхъ, собирается тайный совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ царскихъ родственниковъ. Для формы спрашиваютъ мнѣнія духовенства, и приглашаютъ въ Думу патріарха, съ нѣкоторыми епископами; но въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другаго закона, или совѣта, кромѣ безпредѣльной воли государя. Онъ имѣетъ власть поражать всякаго огнемъ и мечемъ, невиннаго и виновнаго. Владѣтель Россіи, по моему мнѣнію, есть самый неограниченный изъ всѣхъ извѣстныхъ вѣнценосцевъ: каждый Русскій, знатный и незнатный, самые царскіе братья называютъ себя *холопами государевыми*. Въ Думѣ еще присутствуютъ два думные дьяка, то есть секретари, а не канцлеры, какъ толкуютъ Русскіе. Одинъ изъ нихъ завѣдываетъ дѣлами посольскими и внѣшними; другой же военнымъ управленіемъ; отъ послѣдняго зависятъ воеводы, намѣстники и другіе

сановники; но стрѣльцы (лучшая пѣхота) состоятъ въ особенномъ вѣдомствѣ.

Сверхъ того, въ каждой области находится членъ Думы, или окольничій, который, вмѣстѣ съ однимъ дьякомъ, рѣшаетъ споры, возникающіе между царскими подданными. Должно замѣтить, что никто изъ судей, или сановниковъ, не смѣетъ принимать никакихъ подарковъ отъ просителей: если обвинятъ судью или собственные слуги, или подарившіе (которые доносятъ нерѣдко, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло), или другіе люди: то уличенный въ лихоимствѣ теряетъ все свое имущество и, возвративъ дары, подвергается *правежу* (о чемъ будемъ говорить послѣ), для заплаты въ пеню, по назначенію государя, пятисотъ, тысячи, или двухъ тысячъ рублей, болѣе или менѣе, по степени сана. По виновнаго дьяка, не слишкомъ любимаго государемъ, наказываютъ всенародно кнутомъ, т. е. сѣкутъ плетью, а не розгами, привязавъ къ шеѣ лихоимца кошелекъ серебра, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу, или другую вещь, взятую въ подарокъ; потомъ отправляютъ наказаннаго въ ссылку, чтобы прекратить беззаконіе и на будущее время. При всемъ томъ взятки не истребляются; выдумали слѣдующую хитрость: челобитчикъ приходитъ къ судьѣ и кладетъ дары предъ его иконами, которыя въ простомъ народѣ называются *Богомъ*, а въ высшемъ кругу *Образомъ*. Къ иконамъ, украшающимъ жилище каждаго въ очень большомъ количествѣ, привѣшиваютъ подарки. Впрочемъ если принесенная вещь стоитъ дороже 7 или 8 рублей, и царь о томъ узнаетъ, судьи не освобождаются отъ наказанія. Въ продолженіе восьми дней послѣ Пасхи, имъ дозволено, вмѣстѣ съ красными яйцами, принимать малоцѣнныя вещи; но запрещено брать подарки, предлагаемые въ надеждѣ пріобрѣсть ихъ расположеніе, и судья подвергается взысканію, если челобитчикъ докажетъ, что онъ получилъ подарокъ за какое либо дѣло. Впрочемъ въ продолженіе того времени, доносъ отъ другихъ лицъ не пріемлется; всѣ же судьи и чиновники должны

довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными отъ государя. На рѣшеніе суда жаловаться не дозволено. Всѣ жители самыхъ отдаленныхъ областей, исключая городскихъ обывателей, приходятъ судиться въ Москву; въ городахъ же всѣ дѣла рѣшаютъ губные старосты; на нихъ можно просить въ столицѣ. Второстепенные сановники также отыскиваютъ и заключаютъ въ тюрьму всѣхъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ, дѣлаютъ имъ допросы и, по окончаніи слѣдствія, доносятъ въ Москву назначенному для такихъ дѣлъ высшему вѣдомству, *Розбойному приказу*. Во всей Россіи никто не можетъ быть казненъ безъ точнаго повелѣнія верховнаго Московскаго совѣта. По Русскимъ законамъ, каждый подаетъ жалобу и въ судѣ оправдываетъ себя или самъ, или посредствомъ родственника, или служителя: въ Россіи неизвѣстны стряпчіе или адвокаты. Всѣ споры, исключая самыхъ очевидныхъ, рѣшаются присягою одной стороны, которая для того цѣлуетъ крестъ въ церкви съ нѣкоторыми обрядами. Должно замѣтить, что всадники, находящіеся въ царской службѣ, лично освобождены отъ присяги: они приказываютъ цѣловать за себя крестъ своимъ служителямъ; но въ вѣрности государю сами клянутся. Должника, неуплатившаго или казнѣ, или частному лицу, какой либо суммы, хотя самой незначительной, по бѣдности, или по упорству, выводятъ на *правежъ*, т. е. въ извѣстномъ мѣстѣ, въ рабочіе дни, особенные люди, именуемые Недѣльщиками, бьютъ его по икрамъ тростью, или прутомъ, отъ восхожденія солнечнаго до 10 или 11 часовъ. Я нерѣдко видалъ, что наказанныхъ на правежѣ отвозили домой на телѣгахъ. Правежъ прекращается по заплатѣ всего долга: всадники царской службы изъяты отъ этого наказанія, имѣя право выставить за себя одного изъ своихъ людей.[224]

Дворяне, т. е. такіе люди, которымъ дается отъ казны жалованье и помѣстья, наблюдаютъ слѣдующій образъ жизни: встаютъ лѣтомъ обыкновенно при восхожденіи солнца, и отправляются во дворецъ (разумѣется, живущіе въ Москвѣ), гдѣ присутствуютъ

въ Думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ идутъ съ государемъ въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ литургію отъ 7 до 8 часовъ (т. е. съ 11 до полудня). По выходѣ государя изъ церкви, возвращаются домой обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ и ложатся спать. Эти господа не любятъ ходить: лѣтомъ ѣздятъ верхомъ, а зимою въ саняхъ, и никогда пѣшкомъ не прогуливаются. Сидячая жизнь производитъ въ нихъ непомѣрную тучность, которою они впрочемъ гордятся: человѣка съ огромнымъ брюхомъ народъ наиболѣе уважаетъ, называя его *дородный человѣкъ*. Дворяне одѣваются обыкновенно очень просто, исключая праздничныхъ дней, торжественныхъ царскихъ выходовъ, или пріема пословъ иноземныхъ.

Благородныя жены лѣтомъ выѣзжаютъ въ колымагахъ, а зимою въ саняхъ. Когда же царица прогуливается, нѣсколько женщинъ слѣдуютъ за ея каретою, сидя на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ на клобуки епископскіе, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдніе бываютъ сѣрые, темные или черные. Онѣ носятъ длинное платье, равно широкое и вверху и внизу, обыковенно изъ алой матеріи, или изъ топкаго краснаго сукна; на это платье надѣваютъ другое, изъ какой нибудь шелковой матеріи, съ большими рукавами, шириною болѣе 3 футовъ Парижскихъ; рукава же перваго платья обшиты парчею до самаго локтя. Голову покрываютъ шляпою, унизанною жемчугомъ, а бездѣтныя, или дѣвицы, черною лисьею, похожею на шапку, надѣваемую боярами при посольскихъ пріемахъ. Сверхъ того всѣ носятъ жемчужныя ожерелья, шириною добрыхъ четыре пальца, и очень длинныя серги; обуваются въ сапожки сафьянные, красные, или желтые, на каблукахъ вышиною въ три пальца, подкованныхъ, какъ сапоги Польскіе или Венгерскіе. Молодыя и старыя, богатыя и бѣдныя,

румянятся и бѣлятся, но очень грубо, и считаютъ за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Знатныя Россіянки находятся подъ строгимъ надзоромъ: имѣя отдѣльныя комнаты, онѣ принимаютъ посѣщенія единственно отъ ближайшихъ родственниковъ, и только по особенному благоволенію, мужъ выводитъ къ постороннему гостю свою жену. Самый женихъ, задумавъ сочетаться бракомъ, ведетъ переговоры съ родителями невѣсты: получивъ сначала ихъ согласіе, онъ посылаетъ вѣрнѣйшаго изъ родственниковъ, или друзей, посмотрѣть свою будущую супругу, и по донесенію посланнаго, заключаетъ брачный договоръ, съ условіемъ, кто долженъ заплатить опредѣленную взаимнымъ согласіемъ сумму. Тогда только женихъ можетъ видѣть невѣсту. Въ день свадьбы, ее ведутъ въ церковь, съ покрываломъ на лицѣ, какъ Ревекку при первомъ ея свиданіи съ Исаакомъ. Она такъ бываетъ закутана, что ни сама никого не видитъ, ни посторонніе лица ея разсмотрѣть не могутъ. По совершеніи обряда, новобрачная тѣмъ же порядкомъ возвращается домой и садится за столъ, не снимая покрывала до исполненія супружескаго союза. На другой день молодые моются въ банѣ, или выливаютъ себѣ на голову ведро воды, считая омовеніе необходимымъ, по обычаю Евреевъ и Турковъ. Желая войти въ церковь, или даже приблизиться къ домашнимъ иконамъ, новобрачные требуютъ благословенія священника, или монаха. Супруги наблюдаютъ это всякій разъ послѣ наслажденія. Приданое невѣсты оцѣнивается вдвое и втрое; если жена умираетъ бездѣтною, мужъ платитъ за него, по оцѣнкѣ ближайшихъ родственниковъ.[225]

Дворяне измѣряютъ свое богатство по числу слугъ и служанокъ, а не по количеству денегъ: каждый изъ нихъ имѣетъ множество слугъ, которые остаются рабами и невольниками, вмѣстѣ съ дѣтьми, за наслѣдниками своего перваго господина. Этотъ обычай Русскіе заимствовали у древнихъ народовъ; да и во многихъ случаяхъ они подражаютъ древнимъ, напримѣръ: всѣ вѣдо-

мости, записки и просьбы свертываютъ свитками, не составляя книгъ и не складывая бумагъ, по нашему обыкновенію. Такъ поступали и древніе. У Евреевъ былъ тотъ же обычай, какъ свидѣтельствуетъ пророкъ Іезекіиль въ главѣ 3.[226] Это сходство замѣтно и въ пиршествахъ: самъ царь, приглашая пословъ къ обѣду, говоритъ только: *хлѣба пять со мною.* Сильнѣйшій упрекъ неблагодарному выражается словомъ: *ты забылъ мою хлѣбъ-соль.* Когда царь отправляется въ дорогу, или вступаетъ на престолъ, или женится, или присутствуетъ на крестинахъ, подданные всегда подносятъ ему, кромѣ другихъ подарковъ, хлѣбъ съ солью. Желая изъявить почтеніе, Русскіе снимаютъ шапку и кланяются, только не кладутъ руки на голову или на грудь, по обычаю Турковъ, Персовъ и другихъ магометанъ; но опускаютъ ее до земли, или менѣе, смотря по степени уваженія. Въ случаѣ же просьбы, или во время молитвы, кланяются до самой земли, какъ предъ начальниками, такъ и предъ образами; другихъ знаковъ покорности не вѣдаютъ, колѣнъ также не преклоняютъ, говоря, что это обычай магометанъ, которые обыкновенно подгибаютъ ноги, садясь на землю. Женщины поступаютъ такимъ же образомъ.

Многіе изъ Русскихъ доживаютъ до 80, 100, 120 лѣтъ, и только въ старости знакомы съ болѣзнями. Врачебныя пособія употребляютъ только царь и нѣкоторые важнѣйшіе вельможи; а простолюдины считаютъ даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимаютъ очень неохотно, промывательное же, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ. Чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпиваютъ хорошую чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и немедленно идутъ въ баню, гдѣ въ нестерпимомъ жару потѣютъ часа два или три. Такъ лечится простой народъ во всѣхъ болѣзняхъ.

Источники доходовъ государственныхъ слѣдующіе: вопервыхъ царская отчина, управляемая особымъ вѣдомствомъ или

Дворцомъ,[227] подъ главнымъ надзоромъ дворецкаго, который распоряжаетъ дѣлами при помощи двухъ дьяковъ; во-вторыхъ подати, взимаемыя со всего государства, раздѣленнаго на пять вѣдомствъ, именуемыхъ *Четями*, куда вносятся постоянные доходы.[228] За этими вѣдомствами наблюдаетъ *Большой приходъ*, собирающій налоги, въ особенныхъ случаяхъ опредѣляемые. Кромѣ отчины, собственный доходъ государя состоитъ: въ подушныхъ деньгахъ, платимыхъ вообще всѣми, какъ городскими, такъ и сельскими, жителями, не исключая и наслѣдственныхъ помѣстьевъ царскихъ родственниковъ; въ налогахъ и пошлинахъ съ товаровъ всякаго рода; въ сборѣ съ питейныхъ домовъ, гдѣ продается вино, медъ и пиво (такими напитками дозволено въ въ городахъ и селахъ торговать однимъ откупщикамъ); въ мягкой рухляди, воскѣ и другихъ произведеніяхъ, особенно же въ потребностяхъ жизненныхъ: хлѣбѣ, винѣ, медѣ, дичи, скотѣ, птицахъ, плодахъ и другихъ съѣстныхъ припасахъ, для стола необходимыхъ. Впрочемъ съ жителей, хотя нѣсколько удаленныхъ отъ столицы, вмѣсто естественныхъ произведеній, собираютъ деньги, и притомъ по очень высокой цѣнѣ, напримѣръ, съ *выти* или участка земли обработанной въ семь или восемь десятинъ, изъ которыхъ на каждой можно посѣять двѣ четверти хлѣба, крестьяне платятъ по 10, 12, 15 рублей, даже до 20, смотря по качеству почвы;[229] а какъ рубль содержитъ около 6 ливровъ 12 су: то ежегодный сборъ простирается на великую сумму. И потому въ *Дворцѣ* хранится обыкновенно отъ 120,000 до 150,000 рублей наличныхъ денегъ, болѣе или менѣе, судя по издержкамъ на посольства и другіе чрезвычайные случаи, которыми онъ завѣдываетъ. Нѣкоторыя же изъ 5 Четей, напримѣръ, Казанская и Новая,[230] сберегаютъ, за всѣми расходами на пенсіи и жалованье войску, до 80 или до 100,000 рублей, другія отъ 40 до 60,000 рублей, не говоря о Большомъ приходѣ, въ который поступаютъ особенные налоги, взимаемые по царскому повелѣнію со всего государства, и другіе случайные источники,

напримѣръ, отъ продажи имѣнія разныхъ особъ, наказываемыхъ за проступки. Далѣе, есть еще особенное вѣдомство, называемое *Казною:*[231] она завѣдываетъ мягкою рухлядью, воскомъ и пошлиною за печать (съ каждой бумаги берутъ по четверти рубля); Казна платитъ за всѣ товары, покупаемые для государя. Сверхъ того, каждое областное вѣдомство въ концѣ года присылаетъ значительную сумму: царь беретъ десятую часть со всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, въ судѣ рѣшаемыхъ. Есть еще два особенныя вѣдомства, которыя имѣютъ свои доходы: *Помѣстный приказъ*, раздавая земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4 рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ помѣстьевъ, принадлежавшихъ опальнымъ, пока государь не отдастъ ихъ кому либо другому. *Конюшенный приказъ* имѣетъ также многіе случайные источники: со всѣхъ лошадей, продаваемыхъ въ государствѣ, кромѣ крестьянскихъ, платятъ ему, за совершаемую при куплѣ запись, около 20 су, чтобы не отвѣчать, если купленная лошадь окажется краденою. Этому приказу доставляетъ еще большую прибыль конскій торгъ, производимый въ Россіи Татарами Нагайскими: царь имѣетъ право избирать для себя изъ приведенныхъ ими коней десятаго, за прочихъ же получаетъ отъ продавца, или покупателя, сообразно взаимному ихъ условію, по 5 копѣекъ на рубль.[232] Выбираемыя для царя лошади, обыкновенно молодыя или жеребята, по прошествіи 2 или 3 лѣтъ, продаются на большую сумму: я видалъ до 40,000 вдругъ такихъ лошадей. Нагаи приводятъ ихъ ежегодно два и три раза, въ большемъ или меньшемъ числѣ, такъ что въ этомъ случаѣ нельзя сказать навѣрное о царскомъ доходѣ.

Не взирая на столь разнообразные налоги, Россія государство очень богатое. Не высылая денегъ за границу, но ежегодно скопляя ихъ, Русскіе платятъ иноземцамъ обыкновенно товарами: мягкою рухлядью, воскомъ, саломъ, кожами воловьими и оленьими, сафьяномъ, льномъ, пенькою, всякаго рода веревками, икрою (которой очень много отправляется въ Италію), соленою семгою, ворванью и другими произведеніями; хлѣба же не смѣютъ выво-

зить за границу со стороны Ливоніи, не взирая на чрезвычайное изобиліе его. Сверхъ того, Русскіе промѣниваютъ иностранцамъ поташъ, льняное сѣмя, пряжу, не покупая ничего отъ нихъ на чистыя деньги; даже самъ царь серебромъ платитъ тогда, когда сумма не превышаетъ 4 или 5,000 рублей; обыкновенно же пушнымъ товаромъ, или воскомъ. Онъ имѣетъ свое неприкосновенное сокровище, ежегодно болѣе или менѣе увеличиваемое. *Росходная казна*, покрывая чрезвычайныя издержки, наполнена въ великомъ количествѣ всякими драгоцѣнными издѣліями, преимущественно изъ жемчуга, который въ Россіи употребляется болѣе, нежели во всей Европѣ. Я видѣлъ въ той Казнѣ до пятидесяти царскихъ платьевъ, вышитыхъ вмѣсто позумента драгоцѣнными узорами; видѣлъ одежды, унизанныя жемчугомъ сверху до низу, или на футъ, полфута и пальца на четыре во всю окружность; съ полдюжины покрывалъ, усыпанныхъ жемчугомъ, и другія подобныя вещи. Тамъ же хранятся очень дорогіе каменья, ежегодно покупаемые, исключая даримыхъ послами; четыре короны, изъ которыхъ три царскія и одна старинная великокняжеская, кромѣ приготовленной, но еще не совсѣмъ отдѣланной, для царицы, Димитріевой супруги (онъ первый хотѣлъ короновать женщину: ни царицы, ни великія княгини по Русскому обычаю не коронуются); два скиптра и двѣ державы золотыя: я видѣлъ эти вещи, имѣвъ честь неоднократно провожать Димитрія Іоанновича въ кладовыя, гдѣ заключаются сокровища. По мнѣнію Русскихъ, платья, драгоцѣнные каменья, парча, серебро, все зависитъ отъ Казны. Въ ней находятся двѣ цѣльныя кости единорога, царскій посохъ, также изъ цѣльной кости во всю длину съ придѣланною рукояткою, и половина единороговой кости, употребляемой ежедневно въ лекарство.[233] Я видѣлъ еще другой посохъ золотой, внутри нѣсколько пустой для уменьшенія тяжести; очень много золотыхъ блюдъ, бокаловъ разной величины, и несмѣтное множество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной; о количествѣ ея можно судить изъ слѣдующаго

примѣра: когда Борисъ Ѳеодоровичъ, по восшествіи на престолъ, собралъ войско въ Серпуховѣ, данъ былъ пиръ, который продолжался цѣлыя шесть недѣль, и каждый день угощали на серебряной посудѣ, подъ шатрами, 10,000 человѣкъ, по свидѣтельству очевидцевъ. Я видѣлъ въ Казнѣ съ полдюжины серебряныхъ бочекъ, слитыхъ, по приказанію Іоанна Васильевича, изъ серебряной посуды, взятой имъ въ покоренной Ливоніи: одна изъ такихъ бочекъ величиною почти съ пол-мюи,[234] другія менѣе; видѣлъ множество очень огромныхъ серебряныхъ тазовъ, съ ручками по сторонамъ: наполнивъ медомъ, ихъ приносятъ обыкновенно четыре человѣка и ставятъ на обѣденные столы по 3 или 4 таза съ большими серебряными ковшами, которыми гости сами черпаютъ напитки; иначе было бы недостаточно 200 или 300 служителей для угощенія пирующихъ за царскими столами. Вся эта посуда Русской работы. Кромѣ того, есть множество серебряной утвари Нѣмецкой, Англійской, Польской, поднесенной царю иноземными послами, или купленной за рѣдкость издѣлія. Казна изобилуетъ всякими шелковыми матеріями, золотою и серебряною парчею Персидскою, Турецкою, всякаго рода бархатомъ, атласомъ, камкою, тафтою и другими шелковыми тканями. Въ самомъ дѣлѣ требуется ихъ великое количество: кто ни служитъ государю, получаетъ обыкновенно, кромѣ денежныхъ окладовъ, парчевыя одежды, кусокъ бархата, камки, атласа, на кафтанъ. Тѣми же издѣліями царь награждаетъ какъ военныя, такъ и гражданскія заслуги. Пословъ Татарскихъ, Крымскихъ, Нагайскихъ и другихъ Азіятскихъ народовъ, вмѣстѣ съ чиновниками ихъ свиты, равнымъ образомъ дарятъ шелковыми матеріями, каждаго по достоинству. Посему для наполненія Казны, купечество, какъ иностранное, такъ и Русское, обязано предъявлять въ нее всякія шелковыя издѣлія и другія дорогія вещи, изъ которыхъ выбираются нѣкоторыя для государя. Если же купецъ скроетъ или продастъ что либо изъ своего товара, даже на 10 или 12 экю, прежде осмотра въ Казнѣ, лишается всего остальнаго, хотя бы

заплатилъ пошлину и другія подати.[235] Въ Россіи нѣтъ никакихъ минераловъ, исключая желѣза, очень мягкаго; впрочемъ я не сомнѣваюсь, чтобы въ столь обширной странѣ не было другихъ рудъ: не достаетъ только людей, искусныхъ въ горномъ дѣлѣ.

Русская ходячая монета состоитъ: изъ *денегъ* или *копѣекъ*, цѣною около 16 денаріевъ Турнскихъ, изъ *московокъ* въ 8 денаріевъ, и *полушекъ* въ 4 денарія. Всѣ эти монеты серебряныя; серебро въ нихъ нѣсколько чище, нежели въ реалахъ; ими платятъ всякія суммы, считая рублями, (изъ которыхъ каждый содержитъ 100 денегъ, или 6 ливровъ 12 су), пол-рублями, четверть-рублями, гривнами (10 копѣекъ) и алтынами (3 деньги, или 4 су).[236] Другой монеты въ Россіи не чеканятъ. Но купцы иноземные привозятъ множество рейхсталеровъ или ефимковъ, которые Русскіе принимаютъ съ выгодою: каждый ефимокъ идетъ за 12 алтынъ, или 36 денегъ, т. е. 48 су; но отъ передѣла въ Русскую монету съ нѣкоторымъ очищеніемъ металла, ефимокъ вѣсомъ въ 40 су даетъ уже 42 деньги.[237] Эти же купцы привозятъ множество червонцевъ: Русскіе покупаютъ и продаютъ ихъ, какъ прочіе товары, часто съ великою прибылью: я видалъ, что за одинъ червонецъ иногда платили 24 алтына, или около 4 ливровъ 16 су, иногда 16 алтынъ, нерѣдко и пол-рубля; обыкновенная же имъ цѣна отъ 18 до 21 алтына. Столь непомѣрная дороговизна червонцевъ бываетъ во время царскаго коронованія, или брака, также при крестинахъ: тогда подносятъ государю какіе нибудь подарки; а простолюдины цѣлыми обществами приходятъ съ богатыми дарами, въ числѣ которыхъ находятся обыкновенно червонцы, иногда въ кубкахъ, иногда въ серебряныхъ чашахъ, или на блюдахъ, покрытыхъ тафтою. Цѣнность монеты увеличивается также за нѣсколько дней до Пасхи: въ продолженіе Святой недѣли, Русскіе, слѣдуя обычаю христосоваться другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ красными яйцами подносятъ вельможамъ и своимъ покровителямъ какія нибудь драгоцѣнныя вещи, жемчугъ, или червонцы. Этотъ праздникъ

*

единственное въ году время, когда сановники могутъ принимать подарки, рублей въ 10 или въ 12; берутъ и болѣе, но тайно: въ противномъ случаѣ подвергаются наказанію.

Важнѣйшую въ Россіи степень занимаетъ *конюшій боярин*ъ; за нимъ слѣдуетъ *аптечный боярин*ъ,[238] главный начальникъ медиковъ и аптекарей; потомъ *дворецкій* и наконецъ *крайчій:* эти четыре сановника главные въ думѣ. Кромѣ того, при Дворѣ находится много другихъ чиновъ: стольниковъ, чашниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и проч.[239] Царскую гвардію составляютъ 10,000 стрѣльцовъ: они живутъ въ Москвѣ и находятся подъ начальствомъ одного генерала, раздѣляясь на приказы, т. е. роты, въ 500 человѣкъ каждая; ротою завѣдываетъ *голова*, по нашему капитанъ; сотнею *сотникъ*, а десяткомъ *десятникъ*, по нашему капралъ; нѣтъ ни лейтенантовъ, ни прапорщиковъ. Каждый капитанъ, смотря по заслугамъ, получаетъ жалованья отъ 30 и 40 до 60 рублей ежегодно, да земли въ такой же соразмѣрности отъ трехъ и четырехъ до пяти сотъ четвертей. (Словомъ четверть я всегда означаю особенную мѣру земли, или арпанъ). Многіе изъ сотниковъ, владѣя землею, получаютъ окладныхъ отъ 12 до 20 рублей: десятники до 10 рублей, а стрѣльцы по 4 и 5 рублей ежегодно; сверхъ того, каждому дается 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда царь отправляется за городъ, хотя бы не далѣе 6 или 7 верстъ, большая часть стрѣльцовъ слѣдуетъ за нимъ на коняхъ изъ царской конюшни; коней даютъ имъ и тогда, когда посылаютъ ихъ на войну, или для охраненія городовъ; сверхъ того, назначаются люди, которые готовятъ имъ пищу, и для каждаго десятка по одной телѣгѣ съ провіантомъ. Кромѣ дворянъ, живущихъ постоянно въ Москвѣ, каждый городъ по возможности присылаетъ отъ 16 до 30 лучшихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, именуемыхъ *выборными дворянами:* по прошествіи трехъ лѣтъ, они смѣняются другими. Такимъ образомъ царь собираетъ многочисленную кавалерію, такъ, что рѣдко выѣзжаетъ безъ 18 или 20,000 всад-

никовъ: тогда всѣ люди, служащіе при Дворѣ, садятся на коней и слѣдуютъ за государемъ. Многіе изъ дворянъ по очереди проводятъ цѣлыя ночи во дворцѣ безъ всякаго оружія. Если надобно принять какого нибудь посла съ особеннымъ отличіемъ, стрѣльцы становятся рядами, въ полномъ вооруженіи, по обѣимъ сторонамъ дороги, начиная отъ деревянныхъ, или каменныхъ воротъ до посольскаго двора; сверхъ того являются Московскіе дворяне и главнѣйшіе купцы въ очень дорогихъ одеждахъ, которыхъ великолѣпіе сообразуется съ степенью уваженія посланнику. Для такихъ случаевъ каждый дворянинъ имѣетъ три или четыре перемѣнныхъ кафтана; иногда они получаютъ изъ Казны платья парчевыя, изъ золотой и серебряной ткани персидской, съ высокою шапкою чернаго лисьяго мѣха; иногда одѣваются въ *цвѣтное платье*,[240] изъ обьяри, камлота, или краснаго тонкаго сукна нѣжнаго цвѣта, съ золотыми вышивками, покрывая голову черною шапкою; въ иныхъ случаяхъ носятъ *чистыя платья*,[241] т. е. нарядную одежду. Число и достоинство людей увеличивается или уменьшается, смотря, по чести, оказываемой посланнику. Встрѣтивъ его за городомъ, на выстрѣлъ изъ лука, а иногда на четверть льё, тамъ, гдѣ подводятъ ему и свитѣ лошадей изъ царской конюшни для въѣзда въ городъ, дворяне провожаютъ его до посольскаго двора, предъ которымъ ставятъ стражей, не дозволяя никому входить въ него, кромѣ назначенныхъ особъ. Никто изъ посольской свиты не можетъ прогуливаться по городу безъ особенныхъ проводниковъ, которые наблюдаютъ, куда пойдетъ чужеземецъ, что будетъ дѣлать и говорить. На границу также посылаютъ приставовъ для продовольствія пословъ; и не только послы, но и всѣ иностранцы, желающіе служить Россійскому государю, снабжаются и въ Москвѣ, и въ дорогѣ, каждый по достоинству, всѣми необходимыми жизненными потребностями какъ сами, такъ и лошади ихъ (это называется *кормомъ*). Содержаніе увеличиваютъ, или уменьшаютъ по повелѣнію царя. Всѣ же припасы доставляетъ вѣдомство, именуемое Дворцомъ.

Приступая къ описанію войска, прежде всего скажемъ о *воеводахъ*, или генералахъ: въ случаѣ войны, царь возводитъ въ это достоинство думныхъ бояръ и окольничихъ; въ мирное же время даетъ званіе воеводъ думнымъ и Московскимъ дворянамъ и посылаетъ ихъ на южные предѣлы, для отраженія набѣга Татарскихъ отрядовъ, которые нерѣдко опустошаютъ Русскія поля и уводятъ лошадей отъ гарнизоновъ; если же не встрѣтятъ сопротивленія, вредятъ и болѣе. Русское воинство раздѣляется на пять частей: авангардъ, который стоитъ подлѣ какого нибудь города на границахъ Татарскихъ; правое крыло близь другаго города; лѣвое крыло, главное войско и аррьергардъ; всѣ эти отряды находятся въ разныхъ мѣстахъ;[242] но воеводы, по первому приказанію, должны соединиться съ главною арміею. Кромѣ воеводъ, другихъ чиновъ военныхъ не бываетъ; впрочемъ, и конница, и пѣхота состоитъ подъ начальствомъ капитановъ; но при нихъ нѣтъ ни лейтенантовъ, ни прапорщиковъ, ни трубъ, ни барабановъ; только воеводы имѣютъ свое особенное знамя, съ ликомъ святаго, освященное патріархомъ; держатъ его два или три человѣка; сверхъ того, за ними возятъ на лошадяхъ около 10 и 12 *набатовъ*, или мѣдныхъ барабановъ, столько же трубъ и нѣсколько гобоевъ. Бьютъ въ набаты только тогда, когда готовятся къ сраженію, или во время небольшой стычки; а одинъ употребляютъ ежедневно: имъ даютъ знакъ слѣзать съ коней или садиться на нихъ.

Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ Татарскихъ, Русскіе поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя царскою, Крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того, изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большой части при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Всадники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣ-

тивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова, садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже издали замѣчаетъ скачущаго вѣстника и едва поймет изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ тото, что видѣли непріятеля; а нерѣдко вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ, или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища; тогда, съ прибытіемъ вѣстника, войско беретъ оружіе, а воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ Русскіе полководцы узнаютъ иногда слѣдующемъ образомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ Татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время, когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ довольно вѣрно силы его по широтѣ дороги, протоптанной въ степяхъ конями. На степяхъ растетъ высокая трава, въ которой самыхъ лошадей бываетъ не видно: Русскіе зажигаютъ ее каждою весною, отчасти для того, чтобы Татары не могли найти корма для своихъ коней, отчасти и для того, чтобы самая трава росла выше. Но если враги идутъ по дорогамъ, выше упомянутымъ, Русскіе столь же вѣрно узнаютъ число ихъ по глубинѣ слѣда, или по вихрямъ отдаленной пыли: вообще Татары избираютъ пути извѣстные и неохотно прокладываютъ новые, по степной травѣ, изъ опасенія утомить лошадей. Когда сторожевые дозоры, пробравшись тайными, знакомыми тропинками, принесутъ вѣсть о силахъ непріятельскихъ, Русскіе отступаютъ къ какой нибудь рѣкѣ, или къ лѣсу, въ намѣреніи остановить врага. Но Татаринъ очень ловокъ и проворенъ: забавляя Русскихъ перестрѣлкою 20 или 30,000 всадниковъ, въ то

же время посылаетъ нѣсколько отрядовъ другими дорогами опустошать царскія владѣнія. Эти отряды столь быстро исполняютъ свое дѣло, что наносятъ ударъ прежде, нежели Русская армія узнаетъ о ихъ вторженіи. Впрочемъ Татары не обременяютъ себя другою добычею, кромѣ плѣнниковъ, и не имѣютъ никакой поклажи, хотя у каждаго есть одна или двѣ запасныя лошади, отлично выѣзжанныя и послушныя. Эти наѣздники столь искусны, что на всемъ скаку прыгаютъ съ одной лошади на другую; кромѣ лука, стрѣлъ и сабли, другаго оружія не знаютъ; стрѣляютъ крѣпче и вѣрнѣе на бѣгу, нежели стоя неподвижно; для пищи запасаются мясомъ, высушеннымъ на солнцѣ и въ мелкіе кусочки изрѣзаннымъ; къ сѣдельному арчаку привязываютъ длинную веревку. Сотня Татаръ всегда разгонитъ двѣсти Русскихъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же Русскую пѣхоту, или стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу, или въ засѣкѣ, Татары поспѣшно удаляются, хотя Русскіе, въ самомъ дѣлѣ, умѣютъ лучше пугать ихъ, нежели вредить имъ; если отрядъ Русскихъ всадниковъ, тысячъ въ пятнадцать или въ двадцать, рѣшится преслѣдовать Татарскихъ наѣздниковъ, они разсыпаются во всѣ стороны, и подъ пушечнымъ выстрѣломъ остается изъ нихъ не болѣе 3 или 4 тысячъ человѣкъ; да и тѣ сходствуютъ болѣе съ привидѣніями на ослахъ, нежели съ воинственными всадниками. Посему Татары обыкновенно возвращаются восвояси безъ большаго урона, если только Русскіе не успѣютъ пресѣчь имъ пути на переправахъ чрезъ рѣки, или не займутъ проходовъ въ лѣсу, гдѣ могутъ напасть на непріятеля. Но это рѣдко случается.

Въ конницѣ главная сила Русской арміи; она состоитъ изъ дворянъ Московскихъ, выборныхъ, городовыхъ, дѣтей боярскихъ и сыновей боярскихъ.[243] Отряды называются по имени городовъ, въ округѣ которыхъ дворяне имѣютъ свои помѣстья; нѣкоторые города, напримѣръ Смоленскъ, Новгородъ и другіе, выставляютъ отъ 300 и 400 до 800 и 1200 всадниковъ. Подобныхъ городовъ очень много. Вступая въ службу, каждый дворянинъ обязанъ

привести съ собою по одному всаднику и одному пѣхотинцу со 100 четвертей владѣемой земли; разумѣю время необходимое: иначе только сами они являются въ войско. Такъ собирается невѣроятное множество народа, но мало воиновъ.

Содержаніе Русскихъ сановниковъ слѣдующее: члены совѣта получаютъ отъ 500 до 1200 рублей (оклада, производимаго князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, занимавшему всегда первое мѣсто въ правленіе четырехъ государей); окольничіе отъ 200 до 400 рублей и земли отъ 1000 до 2000 четвертей (при мнѣ ихъ было до 15 человѣкъ); думные дворяне, которыхъ болѣе шести не бываетъ, отъ 100 до 200 рублей и земли отъ 800 до 1200 четвертей; Московскіе дворяне отъ 20 до 100 рублей и земли отъ 500 до 1000 четвертей; выборные дворяне отъ 8 до 15 рублей; городовые дворяне отъ 5 до 12 рублей и земли до 500 четвертей. Оклады выдаются ежегодно, а земля назначается однажды; владѣльцы ея обязаны выставлять двухъ человѣкъ съ каждыхъ 100 четвертей, какъ выше сказано. Дѣтямъ боярскимъ и сыновьямъ боярскимъ производится жалованье по 4, 5 и 6 рублей, одинъ разъ въ теченіе шести и семи лѣтъ; земли же имъ даютъ по 100 и 300 четвертей. Служба ихъ соотвѣтствуетъ обыкновенно жалованью: смотрятъ только за тѣмъ, чтобы опредѣленное число всегда было полно.

Главнѣйшіе изъ дворянъ обязаны являться на службу въ кольчугѣ, шишакѣ, съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами, и приводить служителей хорошо вооруженныхъ; другіе могутъ имѣть только добрыхъ коней, лукъ, стрѣлы и саблю. Такимъ образомъ царь собираетъ многочисленное войско изъ ратниковъ, худо вооруженныхъ, незнакомыхъ ни съ порядкомъ, ни съ искусствомъ, часто болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ во время войны. Къ нимъ присоединяютъ до 20,000 всадниковъ Казанскихъ и Черемисскихъ; до 7 или 8,000 наѣздниковъ Мордовскихъ и Татарскихъ, подвластныхъ Россіи, коимъ опредѣлено жалованья отъ 8 до 30 рублей; около 4,000 Черкасовъ, до 2,500 Нѣмцевъ, Поляковъ и

Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей (нѣкоторые капитаны ихъ получаютъ до 120 рублей, кромѣ земли отъ 600 до 1000 четвертей). Наконецъ патріархъ, епископы, игумны и другіе духовные владѣльцы помѣстьевъ высылаютъ *людей даточныхъ*, а именно: со 100 четвертей одного всадника и одного пѣхотинца; въ случаѣ надобности святители даютъ, вмѣсто ратниковъ, военные снаряды и множество лошадей для артиллеріи, стрѣльцовъ и разныхъ сановниковъ. Такова Русская кавалерія.

Въ Россію лошади приводятся наиболѣе изъ Татаріи Нагайской: ихъ называютъ *копями;* онѣ роста средняго, весьма удобны для работы и бѣгутъ безъ отдыха 7 или 8 часовъ; но если слишкомъ утомятся и выбьются изъ силъ, то потребно 4 или 5 мѣсяцевъ для ихъ поправленія; имѣя весьма дикій нравъ, онѣ пугаются ружейнаго выстрѣла; обыкновенно бываютъ неподкованы, также, какъ и Русскія; многія овса не ѣдятъ вовсе и пріучаются къ нему исподоволь, ежели хозяинъ намѣренъ кормить имъ. Сверхъ того, Русскіе покупаютъ изрѣдка жеребцовъ Черкасскихъ,[244] которые очень красивы, но въ продолжительной ѣздѣ не столь крѣпки и быстры, какъ Нагайскіе кони; есть лошади Турецкія и Польскія, между которыми попадаются хорошія; ихъ называютъ аргамаками; всѣ аргамаки вообще мерины. У Нагайцевъ бываютъ иногда небольшія, очень красивыя лошадки бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры или леопарды, будто бы разрисованныя. Лошади Русскія называются *меринами:*[245] онѣ малорослы, но крѣпки, особенно изъ окрестностей Вологды, и гораздо понятливѣе Нагайскихъ. Татарская лошадь, или Русская, очень красивая и добрая, купленная за 20 рублей, прослужитъ долѣе аргамака, цѣною въ 50, 60 и 100 рублей. Въ Россіи лошади чаще хвораютъ, нежели во Франціи, особенно отъ болѣзни, именуемой марица.[246] Это гной, накопляющійся въ груди животнаго. Если не истребятъ его немедленно, онъ бросается въ ноги, и тогда нѣтъ спасенія. Хозяинъ, при первомъ знакѣ болѣзни, тотчасъ разсѣкаетъ кожу на груди почти между ногъ, вкладываетъ

въ рану конецъ веревки, свитой изъ пеньки съ древесною корою и натертой варомъ; потомъ гоняетъ лошадь раза два или три ежедневно, до сильнаго пота, часто передвигая веревку; дня черезъ три или четыре, гной созрѣетъ и вытечетъ изъ раны. По прошествіи 15 дней, или 3 недѣль, веревку вынимаютъ и рана закрывается, лошадь же послѣ сего дѣлается совершенно здоровою. Въ предупрежденіе этой болѣзни, обыкновенно гоняютъ лошадей въ рѣку, лишь только растаетъ ледъ, и держатъ ихъ въ водѣ по самую шею, часъ или два, до тѣхъ поръ, когда онѣ отъ сильнаго озноба почти не могутъ стоять. Это повторяется около 15 дней сряду; послѣ чего, онѣ становятся бодрыми и живыми. Сверхъ того, лошади Татарскія и Русскія бываютъ очень одышливы, употребляются въ работу не моложе 7 или 8 лѣтъ, и служатъ до 20-ти. Я видалъ впрочемъ лошадей 24 и 30 лѣтъ, по наружности не старѣе 10 или 12, еще способныхъ къ работѣ. Наконецъ въ Россіи попадаются очень хорошіе иноходцы.

Лучшая пѣхота, какъ сказано, состоитъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ. Первыхъ въ Москвѣ 10,000. Сверхъ того, въ каждомъ городѣ, отстоящемъ на 100 верстъ отъ предѣловъ Татаріи, смотря по величинѣ крѣпостей, находятся гарнизоны изъ 60, 80 и 150 стрѣльцовъ; въ городахъ же пограничныхъ содержатъ ихъ гораздо болѣе. Казаки бываютъ разные: одни оберегаютъ зимою города Заокскіе, не имѣя постоянныхъ жилищъ и получая отъ казны стрѣлецкое жалованье, хлѣбъ, порохъ и свинецъ; другіе владѣютъ помѣстьями и стоятъ въ извѣстныхъ городахъ на стражѣ безсмѣнно; изъ нихъ не болѣе 5 или 6,000 употребляютъ оружіе. Настоящіе казаки обитаютъ въ степяхъ Татарскихъ, по берегамъ Волги, Дона и Днѣпра; часто они вредятъ Татарамъ болѣе, нежели вся Русская армія. Государь даетъ имъ небольшое содержаніе; за то они имѣютъ право своевольничать, какъ хотятъ; временемъ, могутъ приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать необходимыя для себя вещи. Царь, намѣреваясь воспользоваться ихъ оружіемъ, посылаетъ имъ по-

рохъ, свинецъ и отъ 7 до 10,000 рублей. Они всегда первые приводятъ Татарскихъ плѣнниковъ, отъ коихъ Русскій дворъ узнаетъ замыслы непріятеля. Тому, кто возметъ и представитъ плѣнника, даютъ изъ казны обыкновенно конецъ хорошаго сукна и камки на два платья, 40 куницъ, серебряную чашу и 20 или 30 рублей. Эти казаки въ случаѣ надобности, по царскому повелѣнію, оставляютъ свои жилища и въ числѣ 10,000 усиливаютъ Русскую армію. (Впрочемъ Днѣпровскіе безпрестанно грабятъ Подолію). Къ нимъ присоединяютъ людей даточныхъ, со ста четвертей по одному человѣку, поселянъ, болѣе способныхъ управлять сохою, чѣмъ оружіемъ, хотя по виду похожихъ на казаковъ: тѣ и другіе носятъ узкіе кафтаны, съ длиннымъ отложнымъ воротникомъ, висящимъ до пояса. Одни изъ этихъ ратниковъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ казаками, имѣютъ ружья, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю. Другіе же, находясь въ распоряженіи своихъ владѣльцевъ, вооружаются лукомъ, стрѣлами и рогатиною, удобною только для встрѣчи медвѣдя, выходящаго изъ берлоги. Сверхъ того, въ случаѣ необходимости, купцы выставляютъ людей отъ себя, сколько могутъ: иной трехъ, другой четырехъ, болѣе или менѣе.

Когда казаки приведутъ плѣнниковъ, что случается обыкновенно въ началѣ Великаго поста, и Дворъ свѣдаетъ, собирается ли Татаринъ, тогда, судя по вѣстямъ, Русское правительство разсылаетъ повелѣнія по всему государству, чтобы, до растаянія снѣговъ, военные люди отправляли на саняхъ съѣстные припасы въ тѣ города, близъ которыхъ опредѣлено ожидать непріятеля. Провіантъ Русской арміи составляютъ *сухари*, т. е. хлѣбъ изрѣзанный въ мелкіе кусочки и высушенный въ печкѣ; *крупа* ячная, просяная, а наиболѣе овсяная;[247] *толокно*, т. е. поджаренный и высушенный овесъ, измолотый въ муку (его употребляютъ разнымъ способомъ, въ видѣ кушанья и напитка: смѣшавъ въ доброй чашѣ двѣ или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотями соли, воины пьютъ эту смѣсь, считая ее вкусною и

здоровою); соленое и копченое мясо баранье, свиное и рогатаго скота; масло, сыръ, истертый въ муку: его пьютъ съ водою; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ рыба сушеная и соленая, которую ѣдятъ сырую. Это пища начальниковъ: воины довольствуются сухарями, овсяною мукою и толокномъ, съ небольшимъ количествомъ соли. Безъ подножнаго корма, Русскіе рѣдко выходятъ въ поле воевать съ Татарами, наблюдая тоже правило въ войнѣ и съ прочими врагами, если только не бываетъ нечаяннаго вторженія. Для содержанія войска царь болѣе ничего не тратитъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, исключая наградъ за какія нибудь заслуги, напримѣръ: кто приведетъ плѣнника, убьетъ непріятеля, получитъ рану, или отличится другимъ образомъ, тому даютъ деньги, смотря по заслугѣ, кусокъ парчи или другой шелковой матеріи на платье.

Русскіе цари имѣютъ сношеніе съ императоромъ Римскимъ, королями Англійскимъ, Датскимъ и шахомъ Персидскимъ; прежде они были въ союзѣ съ королями Польскимъ и Шведскимъ; но теперь съ ними дружны только по виду, не довѣряя одинъ другому и ожидая войны съ часа на часъ. Между Россіею и Турціею, въ теченіе 40 лѣтъ, были только два взаимныя посольства съ тѣхъ поръ, какъ Турки сняли осаду Астрахани, которую думали завоевать при помощи Нагайскихъ Татаръ и Пятигорскихъ Черкесовъ, т. е. жителей Георгіи; [248] и хотя царь не воюетъ теперь съ султаномъ, однако между ними нѣтъ ни сношеній, ни привѣтствій уже лѣтъ 30, какъ будто они еще болѣе отдалены другъ отъ друга. Въ теченіе этого времени, Русскій государь велъ войну только съ Крымскими Татарами и съ Пятигорскими Черкесами, за то, что построилъ на ихъ землѣ четыре или пять городовъ и крѣпостей, изъ которыхъ главные Терки и Самара. [249] Въ 1605 году Черкесы взяли одну крѣпость, ближайшую къ своимъ предѣламъ, при помощи Турковъ; но дѣло было не важное. Эти наѣздники очень ловки и отважны; имѣютъ коней превосходныхъ, большею частію жеребцовъ; вооружаются легкими

латами изъ крѣпкой стали и копьями или дротиками. Они могли бы очень много вредить Россіи, хотя отдѣляются отъ нея Волгою, обитая между Каспійскимъ и Чернымъ морями, еслибъ были столь же многочисленны, какъ и другіе ея сосѣды.

Возвратимся къ Борису Ѳеодоровичу. Принявъ царскую корону 1 сентября 1598 года, онъ началъ властвовать мирно, счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; но вскорѣ совершенно измѣнился: пересталъ разсматривать жалобы и просьбы, которыя прежде самъ выслушивалъ, скрывался во дворцѣ, рѣдко показывался народу, и то съ недоступными обрядами, неизвѣстными древнимъ государямъ. Имѣя сына и дочь, онъ задумалъ соединиться родствомъ съ вѣнценосцами иноземными, въ намѣреніи утвердить и упрочить какъ себя, такъ и свое поколѣніе на царскомъ престолѣ; въ то же время наказывалъ ссылкою людей подозрительныхъ, заставлялъ бояръ заключать браки по своему произволу и соединялъ узами свойства главнѣйшихъ, наиболѣе полезныхъ себѣ вельможъ, съ своимъ домомъ. Въ Москвѣ осталось не болѣе пяти или шести знатныхъ поколѣній, съ которыми онъ не породнился; къ числу ихъ принадлежало семейство Мстиславскаго. Одна изъ сестеръ этого боярина была въ замужствѣ за царемъ Симеономъ,[250] другая же оставалась дѣвицею: Борисъ приказалъ ее, противъ воли, постричь въ монахини, а Мстиславскому запретилъ жениться. Былъ еще родъ Шуйскихъ, состоявшій изъ трехъ братьевъ. Желая сблизиться съ этимъ домомъ, Борисъ выдалъ за средняго брата, именемъ Дмитрія, сестру своей супруги, а старшему не дозволилъ и думать о бракѣ: то былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, нынѣшній государь Московскій. Борисъ опасался, чтобы нѣсколько домовъ, соединясь узами родства, не вздумали сопротивляться ему; съ тою же мыслію удалилъ въ ссылку царя Симеона, женатаго на сестрѣ Мстиславскаго. Въ день своего рожденія, день который празднуютъ во всей Россіи съ великимъ торжествомъ, царь обрадовалъ

заточеннаго Симеона надеждою скораго освобожденія и прислалъ ему при своемъ письмѣ вина Испанскаго: Симеонъ и служитель его, выпивъ вина за царское здоровье, оба въ короткое время ослѣпли; царь Симеонъ слѣпъ и теперь. Я слышалъ о томъ изъ собственныхъ устъ его.

Во второй годъ своего правленія, Борисъ успѣлъ заманить въ Россію Густава, сына короля Шведскаго Эрика, низложеннаго съ престола роднымъ братомъ Іоанномъ, королемъ Шведскимъ, въ надеждѣ сочетать съ принцемъ собственную дочь, если бы нашелъ его сообразнымъ съ своими видами. Густавъ принятъ былъ очень великолѣпно и получилъ драгоцѣнные дары отъ государя: серебряную посуду для своего дома, множество золотой и серебряной парчи Персидской, бархата, атласа и другихъ шелковыхъ тканей для всей свиты, дорогіе каменья, золотыя цѣпи, жемчужныя ожерелья, красивыхъ коней со всѣмъ уборомъ,всякаго рода мягкую рухлядь и 10,000 рублей деньгами, сумму незначительную въ сравненіи съ дарами. Вшествіе принца въ Москву было царское. Но онъ худо себя велъ; его удалили, какъ опальнаго, въ городъ Угличъ, мѣсто убіенія мнимаго Димитрія Іоанновича, гдѣ при хорошемъ хозяйствѣ, онъ могъ имѣть до 4,000 рублей дохода ежегодно.

Въ 1600 году прибылъ изъ Польши великій посолъ Левъ Сапѣга, нынѣ канцлеръ Литовскій, заключившій миръ на 20 лѣтъ; онъ долго противъ воли жилъ въ Москвѣ, т. е. съ августа мѣсяца до конца великаго поста 1601 года, по случаю Борисовой болѣзни. Принимая отпускную граммату, Сапѣга цѣловалъ царскую руку. Въ этотъ день Борисъ явился въ пріемной палатѣ на царскомъ тронѣ, съ короною на головѣ, со скиптромъ въ десницѣ; держава лежала предъ нимъ; сынъ сидѣлъ подлѣ него по лѣвую сторону; члены совѣта и окольничіе занимали мѣста кругомъ всей палаты на скамьяхъ, въ одеждѣ изъ драгоцѣнной парчи, обшитой жемчугомъ, въ высокихъ шапкахъ черныхъ лисьихъ; по обѣимъ сторонамъ государя стояли по два молодыхъ боярина, одѣтыхъ въ бархатные бѣлые кафтаны, обложенные кругомъ

на полфута шириною горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя огромными золотыми цѣпями, висящими на груди крестообразно:[251] каждый изъ нихъ держалъ дорогія сѣкиры изъ Дамасской стали, поднятыя на плечо, какъ бы для удара; — величіе неизъяснимое! Пространная палата, гдѣ проходятъ послы, наполнена лавками, на которыхъ сидятъ другіе дворяне, также одѣтые въ парчевыя платья: иначе нельзя явиться во дворецъ. Во время шествія посла, они сидятъ неподвижно, наблюдая столь глубокое молчаніе, что зала кажется пустою. Такъ принимаются послы обыкновенно. Сапѣга обѣдалъ въ присутствіи царя, вмѣстѣ съ своею свитою до 300 человѣкъ. Всѣ они были угощаемы на золотой посудѣ, которой очень много: разумѣю блюда; о тарелкахъ и салфеткахъ нечего и упоминать: самъ царь ихъ не употребляетъ; ѣли очень хорошую рыбу, но худо приготовленную: это случилось постомъ, когда не кушаютъ ни яйцъ, ни масла, ни молока. Попивъ довольно за здравіе обоихъ вѣнценосцевъ, Сапѣга отправился съ добрыми и честными дарами.

По старинному обычаю, царскіе пиры бываютъ очень роскошны: прислуживаютъ 200 или 300 дворянъ,[252] одѣтыхъ въ кафтаны изъ золотой и серебряной Персидской парчи, съ длинными воротниками, висящими по спинѣ на добрыхъ полфута и унизанными жемчугомъ; на головѣ у нихъ по двѣ шапки: одна круглая, вышитая жемчугомъ, безъ ручекъ; другая высокая изъ чернаго лисьяго мѣха; ее надѣваютъ сверху первой; а на грудь вѣшаютъ большія золотыя цѣпи. Число этихъ дворянъ соразмѣрно числу гостей. Они подносятъ яства государю и держатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ потребуетъ того или другаго блюда. Пиръ бываетъ такимъ образомъ: когда царь сядетъ за столъ и послы, или другія званыя особы, также займутъ свои мѣста, дворяне въ вышеупомянутомъ уборѣ подходятъ по два въ рядъ къ царскому столу, дѣлаютъ низкій поклонъ и удаляются попарно, одни за другими, въ кухню за яствами, которыя подносятъ потомъ государю; но прежде, нежели подадутъ кушанья, раз-

ставляютъ по всѣмъ столамъ въ серебряныхъ кувшинахъ водку; ее наливаютъ въ небольшія чарки и пьютъ предъ обѣдомъ; на столахъ, кромѣ хлѣба, соли, уксуса и перца, нѣтъ болѣе ничего, ни тарелокъ, ни салфетокъ. Между тѣмъ, какъ угощаемыя особы пьютъ водку, царь разсылаетъ каждому изъ нихъ въ особенности ломоть хлѣба, называя громко того, кому назначаетъ: тотъ встаетъ и ему подносятъ хлѣбъ, съ словами: *царь господарь и великій князь*** всея Руссіи жалуетъ тебѣ;*[253] онъ беретъ хлѣбъ съ поклономъ и садится; также подносятъ и прочимъ. Потомъ, когда царь тѣмъ же порядкомъ раздастъ главнымъ особамъ по одному блюду съ кушаньемъ, на всѣ столы подаютъ яства въ великомъ изобиліи. За этимъ царь посылаетъ каждому отдѣльно кубокъ, наполненный виномъ Испанскимъ, съ тѣми же словами и обрядами, какъ выше сказано. Когда обѣдъ зайдетъ за половину и царь разошлетъ гостямъ снова по большой чашѣ съ какимъ нибудь краснымъ медомъ (онъ бываетъ разныхъ сортовъ); тогда приносятъ и ставятъ по столамъ огромныя серебряныя ведра съ бѣлымъ медомъ, который черпаютъ ковшами. По мѣрѣ того, какъ одни сосуды опоражниваются, подаютъ другіе съ напитками, болѣе или менѣе крѣпкими, по желанію пирующихъ. За симъ царь посылаетъ каждому гостью третью чашу съ крѣпкимъ медомъ или красноватымъ виномъ; а по окончаніи обѣда четвертую и послѣднюю, наполненную *паточнымъ* медомъ,[254] напиткомъ очень вкуснымъ, легкимъ и, какъ вода ключевая, прозрачнымъ. Въ заключеніе жалуетъ блюдо кушанья каждому изъ пирующихъ для домашнихъ; причемъ яства, даримыя особамъ наиболѣе приближеннымъ, государь сначала самъ отвѣдываетъ. Какъ при томъ случаѣ, такъ и въ продолженіе всего пира, повторяются тѣ же слова, о которыхъ выше упомянуто. Кромѣ гостей, царь посылаетъ по одному блюду на домъ каждому дворянину и вообще всѣмъ лицамъ, которые пользуются его милостію. Эти такъ называемыя *подачи* раздаются не только во время праздника, но и всякой день непремѣнно.

Если государь, послѣ торжественнаго пріема, не намѣренъ угощать посла, согласно обычаю, во дворцѣ, то посылаетъ обѣдъ къ нему слѣдующимъ образомъ: знатный дворянинъ въ парчевой одеждѣ, съ вышитымъ воротникомъ, въ шапкѣ унизанной жемчугомъ, отправляется верхомъ объявить послу царское милостивое слово и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать; 15 или 20 служителей идутъ вокругъ его лошади; за ними слѣдуютъ попарно: двое стрѣльцовъ съ скатертями, сложенными свиткомъ; двое съ солонками; двое съ уксусомъ въ склянкахъ; двое съ парою ножей и парою ложекъ драгоцѣнныхъ; шесть человѣкъ съ хлѣбомъ; потомъ съ водкою; за ними несутъ съ дюжину серебряныхъ сосудовъ, въ три шопина каждый,[255] наполненныхъ разными винами, наиболѣе крѣпкими, Испанскимъ, Канарскимъ и другими; послѣ того, столько же огромныхъ бокаловъ Нѣмецкой работы. Далѣе кушанья: холодное (подаваемое спачала), горячее, жареное и пирожное, все въ большихъ серебряныхъ блюдахъ; а въ случаѣ особеннаго царскаго благоволенія, вся посуда бываетъ золотая. Потомъ до 18 или 20 огромныхъ оловянниковъ[256] съ медомъ разныхъ сортовъ: ихъ поднимаютъ по два человѣка; за ними идутъ человѣкъ 10, каждый съ пятью или шестью большими ковшами. Шествіе заключаютъ двѣ или три телѣги съ медомъ и пивомъ для прислуги. Всѣ припасы несутъ стрѣльцы, очень опрятно одѣтые. Я видѣлъ человѣкъ 300 или 400, которые вышеписаннымъ порядкомъ несли кушанья и напитки для одного обѣда; видалъ также, что въ одинъ день посылали три обѣда разнымъ посламъ, одному болѣе, другому менѣе, но всегда съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано.

✕ Въ 1601 году начался достопамятный трехлѣтній голодъ: мѣра хлѣба возвысилась въ цѣнѣ отъ 15 су до 3 рублей, т. е. до 20 ливровъ. Въ три года случались злодѣйства почти невѣроятныя; казалось обыкновеннымъ, если мужъ бросалъ жену и семейство, если жена умерщвляла мужа, мать своихъ дѣтей и съѣдала ихъ. Я самъ видѣлъ ужасное дѣло: четыре женщины, мои сосѣдки, бывъ оставлены мужьями, рѣшились на слѣдующій посту-

покъ: одна пошла въ рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, зазвала крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать ему деньги; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу для полученія платы, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобы не повредилось: сперва хотѣли съѣсть лошадь убитаго, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою. Голодъ свирѣпствовалъ съ такою силою, что, кромѣ умершихъ въ другихъ городахъ, въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120,000 человѣкъ; ихъ похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ, иждивеніемъ государя, повелѣвшаго выдавать даже саваны для погребенія. Столь великая смертность въ Москвѣ произошла отъ того, что царь Борисъ приказалъ раздавать ежедневно милостыню всѣмъ бѣднымъ обитателямъ столицы, каждому по московкѣ, т. е. около 7 денаріевъ. Услышавъ о такой щедрости государя, жители окрестные устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ столицу съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею, не смотря на то, что въ каждый большой праздникъ и воскресенье получали по деньгѣ, т. е. вдвое: посему, терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути. Наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ столицу на явную смерть, оставляя города и села, повелѣлъ раздачу денегъ прекратить. Тогда открылось зрѣлище неописанное: по дорогамъ лежали мертвые и умирающіе отъ холода и голода.[1] Сумма, выданная Борисомъ для бѣдныхъ, невѣроятна: не говоря о Москвѣ, во всей Россіи не было города, куда бы онъ не посылалъ денегъ болѣе или менѣе для раздачи народу. Я знаю, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей. Къ чести царя должно замѣтить, что онъ охотно раздавалъ щедрыя милостыни и награждалъ духовенство, которое также было ему предано.

[1] Голодъ очень уменьшилъ силы и доходы государственные.

Въ началѣ августа 1602 года, посѣтилъ Россію герцогъ Іоаннъ, братъ Христіерна, короля Датскаго, съ намѣреніемъ жениться на царской дочери. Онъ принятъ былъ съ великими почестями, по Русскому обычаю; въ свитѣ его находилось около 200 человѣкъ, а почетная стража состояла изъ 24 стрѣльцовъ и 24 алебардщиковъ. Черезъ три дня послѣ пріѣзда, герцогъ представлялся въ Золотой палатѣ государю, который принялъ его ласково, называя сыномъ, и посадилъ рядомъ съ царевичемъ Ѳеодоромъ. По окончаніи аудіенціи, гость обѣдалъ вмѣстѣ съ его величествомъ; случай безпримѣрный: по Русскимъ обычаямъ, никто, кромѣ государевыхъ сыновей, не можетъ сидѣть за царскимъ столомъ. Послѣ угощенія, герцогъ, щедро одаренный, удалился въ назначенный ему домъ. Дней чрезъ 15 онъ сдѣлался боленъ, какъ думаютъ отъ неумѣренности, и вскорѣ умеръ. Царь посѣтилъ его трижды во время болѣзни, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ; долго сокрушался и прогнѣвался на всѣхъ медиковъ. Не дозволивъ бальзамировать усопшаго, что несогласно съ Русскою вѣрою, Борисъ велѣлъ схоронить его въ Нѣмецкой церкви, версты двѣ за городомъ; все дворянство провождало гробъ и присутствовало на похоронахъ. Три недѣли царь и вельможи носили трауръ. Чрезъ нѣсколько времени скончалась сестра его, вдова царя Ѳеодора Іоанновича; она погребена въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Между тѣмъ недовѣрчивость и подозрѣніе безпрестанно тревожили Бориса: онъ удалялъ неоднократно Шуйскихъ, наиболѣе для него опасныхъ, хотя одинъ изъ нихъ женатъ былъ на царской свояченицѣ; пыталъ многихъ людей невинныхъ только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда послѣдніе были въ милости. Ни одинъ медикъ не дерзалъ, подъ опасеніемъ ссылки, пользовать вельможъ, безъ именнаго приказанія государя (во всей Россіи никогда не было другихъ аптекъ и лекарей, кромѣ царскихъ). Наконецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріи Іоанновичѣ,[257] Борисъ занимался ежедневно только пытками: рабъ, клеветавшій на

своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя награжденіе; а господина его, или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, чтобы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не слыхали и не видали. Димитріеву мать вывели изъ ея монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, по наружности милосердаго: ибо во все время своего царствованія, до появленія Димитрія въ Россіи, онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, кромѣ нѣкоторыхъ мошенниковъ, пойманныхъ изъ шайки до 500 человѣкъ; но тайно терзалъ очень многихъ особъ, иныхъ наказывалъ заточеніемъ, другихъ умерщвлялъ ядомъ и безчисленное множество утопилъ. При всемъ томъ не нашелъ отрады.

Въ 1604 году обнаружилось то, чего онъ столько опасался: Димитрій Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Васильевича, убіенный, какъ думали, въ городѣ Угличѣ, отъ Подольскихъ предѣловъ вступилъ въ Россію съ 4,000 воиновъ. Ему покорились одна за другою крѣпости Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Кромы, Карачевъ и многія другія, послѣ кратковременнаго сопротивленія; со стороны же Татаріи Царевъ-городъ, Борисовъ-городъ, Ливны и другія мѣста. Увеличивъ такимъ образомъ свои силы, онъ осадилъ построенную на горѣ крѣпость Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ начальствовалъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ. Воевода оборонялся такъ упорно, что Димитрій не могъ овладѣть Новгородомъ. Между тѣмъ, царское войско 15 декабря верстъ на десять приблизилось къ его отряду. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, главный вождь Борисовъ, ожидалъ еще подкрѣпленія; но 20 числа дѣло завязалось. Послѣ двухъ или трехъ часовъ битвы, непріятели разошлись безъ важнаго урона; только Димитрій при этомъ случаѣ упустилъ изъ рукъ побѣду, отъ явной неопытности своихъ капитановъ въ военномъ искусствѣ: во время схватки, три Польскіе отряда бросились на одинъ Русскій батальонъ такъ стремительно, что опрокинули его на правое крыло и потомъ на

главный корпусъ; вся царская рать поколебалась и въ смятеніи обратила врагамъ тылъ; уцѣлѣло одно лѣвое крыло. Если бы въ эту минуту другіе 100 всадниковъ ударили во флангъ, или въ другой батальонъ, уже полуразстроенный, нѣтъ сомнѣнія, что четыре Польскіе отряда разбили бы все Русское войско. Главный вождь Мстиславскій, сбитый съ коня, получилъ три или четыре раны въ голову, и дружина стрѣльцовъ едва спасла его отъ плѣна. Казалось, у Русскихъ не было рукъ для сѣчи, хотя число ихъ простиралось отъ 40 до 50,000. Послѣ битвы, оба войска ничего не дѣлали до Рождества Христова; царскіе воеводы послали въ Москву нѣсколько плѣнниковъ и въ числѣ ихъ капитана Польской кавалеріи, Домараскаго.

28 декабря Димитрій Іоанновичъ снялъ осаду Новагорода, не имѣя надежды взять его, и удалился въ страну Сѣверскую, очень плодородную, гдѣ Поляки большею частью его оставили. Не теряя бодрости, онъ собралъ воиновъ, сколько могъ, Русскихъ, Польскихъ, казаковъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, которыхъ пріучилъ владѣть оружіемъ. Борисъ, имѣя запасное войско близъ Кромъ, усиливалъ ежедневно главную рать свою, которая преслѣдовала Димитрія, но такъ медленно, что, казалось, не имѣла охоты къ сраженію: цѣлый мѣсяцъ блуждала по лѣсамъ и дубравамъ, и наконецъ снова приблизилась къ отряду непріятельскому. Димитрій, узнавъ, что войско Борисово тѣснится въ одной деревнѣ такъ, что не можетъ двигаться, рѣшился ночью напасть на него врасплохъ и приказалъ тамошнимъ жителямъ, знавшимъ всѣ выходы, зажечь село; но дозоры замѣтили поджигателей и Русскіе изготовились къ битвѣ. На разсвѣтѣ 21 января 1605 года войска сразились. Послѣ небольшой стычки, когда началась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба, Димитрій приказалъ своей главной конницѣ спуститься въ лощину и отрѣзать царскую рать отъ деревни. Замѣтивъ это, Мстиславскій двинулъ впередъ правое крыло, съ двумя отрядами иноземцевъ, и предупредилъ непріятеля. Но предводитель дру-

жины Польской не оробѣлъ: панъ или пропалъ! думалъ онъ и съ десяткомъ хоругвій бросился на правое крыло Русскихъ съ такою яростью, что, послѣ нѣкотораго сопротивленія иноземцевъ, оно разбѣжалось, и между тѣмъ, какъ главная рать царская стояла неподвижно, въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпенѣніи, Полякъ повернулъ вправо къ селу, гдѣ находилась большая часть Русской пѣхоты съ нѣсколькими орудіями. Допустивъ непріятеля очень близко, она дала залпъ изъ 10 или 12,000 ружей и такъ встрѣтила Поляковъ, что объятые ужасомъ, они поворотили коней въ совершенномъ разстройствѣ. Прочіе Поляки, пѣшіе и конные, думая, что дѣло выиграно, понеслись во весь духъ къ деревнѣ; увидѣвъ же своихъ въ безпорядкѣ бѣгущихъ, спѣшили удалиться, но уже поздно: ихъ преслѣдовали 5 или 6,000 всадниковъ, на пространствѣ 7 или 8 верстъ. Димитрій потерялъ почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій, оставивъ на мѣстѣ 5 или 6,000 убитыми, кромѣ плѣнныхъ. Изъ числа послѣднихъ измѣнившіе Борису были повѣшены среди войска; а прочихъ, вмѣстѣ съ знаменами, трубами и барабанами, торжественно водили по столицѣ.[258]

Димитрій съ остальными силами удалился въ Путивль, гдѣ оставался до мая мѣсяца; полководцы же Борисовы осаждали Рыльскъ, покорившійся Димитрію; но въ 15 дней ничего не сдѣлавъ, сняли осаду и хотѣли распустить на нѣсколько мѣсяцевъ свое войско, очень утомленное. Борисъ, свѣдавъ о томъ, строго запретилъ увольнять воиновъ. И такъ, послѣ кратковременнаго отдохновенія въ Сѣверской землѣ, Мстиславскій и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, присланный ему въ товарищи, двинулись къ другой рати, которая, услышавъ о пораженіи Димитрія, осадила Кромы. Соединенныя войска остановились при томъ городѣ, и занимались дѣлами, достойными одного смѣха, до самой кончины Бориса Ѳеодоровича, умершаго апоплексіею въ субботу, 23 апрѣля того же года.

Прежде продолженія нашей повѣсти, замѣтимъ, что Русскіе

вовсе не терпятъ поединковъ, во-первыхъ потому, что ходятъ всегда безоружные, исключая военнаго времени, или путешествія; во-вторыхъ потому, что оскорбленный словами или другимъ образомъ вѣдается судомъ, который опредѣляетъ виновному наказаніе, именуемое *безчестіемъ*. Оно обыкновенно зависитъ отъ воли обиженнаго: иногда виновнаго сѣкутъ *батожьемъ*, т. е. обнаживъ спину до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ; два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи судьи, истца и постороннихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями, толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока судья скажетъ: стой! Иногда уличенный въ оскорбленіи другаго платитъ обиженному окладъ, получаемый тѣмъ послѣднимъ отъ государя, и сверхъ того женѣ его вдвое: кому даютъ отъ казны 15 рублей ежегодно, тому и безчестія 15 рублей, да женѣ его 30, слѣдовательно всего 45 рублей. Такъ поступаютъ всегда, соразмѣрно жалованью. За иныя обиды, виновнаго сѣкутъ среди города кнутомъ и, взыскавъ означенную пеню, отправляютъ въ ссылку. Въ случаѣ же поединка между иностранцами (что видѣлъ я въ 6 лѣтъ однажды), кто ранитъ другаго, вызвавшаго или вызваннаго, все равно, тотъ наказывается, какъ преступникъ уголовный, и ни чѣмъ оправдать себя не можетъ; еще болѣе: не взирая на жесточайшую брань, запрещено бить поносителя даже рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго взысканія; если же это случится, при чемъ другой и самъ ударитъ, а потомъ дѣло дойдетъ до жалобы: тогда обоихъ наказываютъ тѣлесно, или денежною пенею въ казну, для того, чтобы оскорбленный, говорятъ Русскіе, самовольною расправою не присвоивалъ себѣ власти правосудія, которые одно имѣетъ право разбирать и преслѣдовать преступленія. И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ гораздо скорѣе и строже, нежели въ другихъ дѣлахъ. Такой обычай наблюдаютъ очень тщательно не только мирные жители городовъ, но и воины во время походовъ, разумѣя дворянство: за безчестіе простолюдина и гражданина платится не болѣе 2 рублей. Справедливо и

то, что Русскіе не любятъ придираться къ словамъ: они очень просты въ обхожденіи и всякому говорятъ *ты*; а прежде были еще проще. Если имъ случалось иногда слышать что либо сомнительное, или несправедливое, то вмѣсто словъ: *ваше лишніе* или *извините*, или другихъ учтивыхъ выраженій, они отвѣчали наотрѣзъ: *ты лжешь*. Такъ говорилъ даже слуга своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, названный Мучителемъ, не гнѣвался за подобныя грубости. Но теперь, познакомясь съ иноземцами, Русскіе отвыкаютъ отъ прежней дерзости въ разговорѣ, бывшей обыкновенною лѣтъ за двадцать или за тридцать.[259]

По смерти Бориса, вдовствующая государыня и Ѳеодоръ Борисовичъ, сынъ умершаго, немедленно отозвали князей Мстиславскаго и Шуйскаго, поручивъ главное начальство надъ войскомъ, еще невѣдавшимъ о кончинѣ государя, Петру Ѳедоровичу Басманову. Этотъ воевода, начальствовавшій въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, во время осады крѣпости Димитріемъ, прибылъ въ армію съ товарищемъ, 27 апрѣля, привелъ воиновъ къ присягѣ въ вѣрности и повиновеніи Ѳеодору Борисовичу. Новый царь ласковыми грамматами убѣждалъ ихъ служить ему столь же вѣрно, какъ и покойному отцу его Борису Ѳеодоровичу, обѣщая наградить каждаго щедро, по прошествіи шестинедѣльнаго траура.

17 мая князь Василій Ивановичъ Голицынъ и Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, со многими иными, передались Димитрію Іоанновичу, связавъ двухъ другихъ воеводъ, Ивана Годунова и Михайла Салтыкова. Прочіе воеводы и воины обратились въ бѣгство къ Москвѣ, оставивъ всѣ орудія и снаряды въ окопахъ. Города и крѣпости ежедневно покорялись Димитрію, шедшему отъ Путивля, съ шестью отрядами Польской кавалеріи, числомъ до 600 всадниковъ, съ нѣсколькими казаками Донскими и Днѣпровскими и малымъ числомъ Русскихъ. Прибывъ къ покорившейся арміи, онъ приказалъ немедленно распустить недѣли на двѣ или на три тѣхъ воиновъ, которые имѣли помѣстья подъ Москвою; другихъ же отправилъ къ столицѣ съ повелѣніемъ пресѣчь подвозъ

съѣстныхъ припасовъ; а самъ между тѣмъ подвигался къ ней медленно съ двухтысячнымъ отрядомъ и разсылалъ ежедневно грамматы къ дворянству и простому народу, обѣщая милость покорнымъ, угрожая Божіимъ и царскимъ гнѣвомъ строптивымъ и мятежнымъ. Народъ, получивъ одну изъ такихъ грамматъ, собрался на площади предъ дворцемъ. Тщетно Мстиславскій, Шуйскій, Бѣльскій и другіе хотѣли укротить волненіе: прочитавъ граммату всенародно, Москвитяне съ воплями ворвались во дворецъ, заключили царицу, вдову Борисову, съ ея сыномъ и дочерью, взяли подъ стражу Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, ближайшихъ родственниковъ, и все, что могли найти, разграбили.

Димитрій Іоанновичъ былъ въ Тулѣ за 160 верстъ отъ Москвы, когда получилъ извѣстіе о волненіи Москвитянъ. Онъ отправилъ князя Василія Голицына для приведенія ихъ къ присягѣ; между тѣмъ, всѣ вельможи стремились къ нему на встрѣчу до самой Тулы. 20 іюня погибла вдовствующая царица съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ. Носилась молва, что они сами приняли ядъ; но думаютъ, что ихъ задушили. Къ дочери Борисовой приставили стражу, родственниковъ ея сослали въ разныя мѣста; а тѣло Бориса Ѳеодоровича, по просьбѣ вельможъ, вырыли изъ Архангельскаго собора, гдѣ погребаются государи, и похоронили въ другой церкви.

Наконецъ, 30 іюня, Димитрій Іоанновичъ вступилъ въ столицу. Приказавъ немедленно Мстиславскому, Шуйскому, Воротынскому, Масальскому и другимъ привезти государыню, свою матушку, изъ монастыря, удаленнаго отъ Москвы на 600 верстъ, онъ встрѣтилъ ее за версту отъ города: поговоривъ съ сыномъ около четверти часа, въ присутствіи всѣхъ вельможъ и гражданъ, она сѣла въ колесницу, а царь и бояре провождали ее пѣшкомъ до самаго дворца; здѣсь она жила до того времени, какъ изготовили ей монастырь, въ которомъ погребена супруга царя Ѳеодора Іоанновича, сестра Борисова. Въ послѣдній день іюля, Димитрій

короновался, безъ пышныхъ обрядовъ: только вся дорога отъ дворца до церкви Богоматери и Архангельскаго собора, была устлана по червленной ткани Персидскою парчею.[260] Когда государь прибылъ въ храмъ Богоматери, патріархъ, ожидавшій его со всѣмъ духовенствомъ, совершилъ божественную службу съ разными обрядами; потомъ принесли изъ казны корону, скипетръ и державу, и все это вручили Димитрію. По выходѣ отсюда въ Архангельскій соборъ, бросали на дорогу золотыя монеты, цѣною въ пол-экю, въ экю и въ два экю, нарочно приготовленныя для того случая (въ Россіи вовсе не дѣлаютъ золотой монеты). Изъ Архангельскаго собора Димитрій возвратился въ дворецъ, гдѣ былъ столъ, доступный всякому, кто могъ за нимъ помѣститься. Таковъ обычай при коронаціи.

Чрезъ нѣсколько времени, въ присутствіи выборныхъ чиновъ изъ всѣхъ сословій, князя Василія Шуйскаго судили, и признали виновнымъ въ оскорбленіи величества. Царь повелѣлъ отрубить ему голову, а двухъ братьевъ его сослать въ заточеніе. Въ четвертый день послѣ приговора, Шуйскаго вывели на площадь народную, и когда уже положили его на плаху, объявлено прощеніе, по ходатайству царской матери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ;[261] преступника наказали только, вмѣстѣ съ братьями, ссылкою; но онъ вскорѣ былъ призванъ ко двору. Никогда Димитрій не поступалъ такъ неблагоразумно, какъ въ томъ случаѣ: помиловавъ Шуйскаго, онъ погубилъ самого себя.

Въ то же время царь отправилъ въ Польшу посломъ Аѳанасія Ивановича Власьева, для исполненія, какъ думаютъ, тайнаго договора, заключеннаго съ воеводою Сендомирскимъ: Димитрій далъ слово жениться на его дочери, въ благодарность за содѣйствіе при завоеваніи государства, какъ скоро, съ помощію Божіею, онъ вступитъ на престолъ отца своего, Іоанна Васильевича. Аѳанасій велъ сватовство столь удачно, что въ Краковѣ совершилось торжественное обрученіе, въ присутствіи самого короля Польскаго. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ иноземную стражу изъ

сотни стрѣлковъ, охранявшихъ особу его, подъ моимъ начальствомъ, и двухъ сотенъ алебардщиковъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Россіи.[262] Бояре, не смѣвшіе въ правленіе Борисово заключать брачныхъ союзовъ, получили отъ Димитрія разрѣшеніе. Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ царской матери, которая два дня сряду пировала на свадьбахъ; Василій Шуйскій, освобожденный изъ заточенія и столь же милостиво принятый при дворѣ, какъ и прежде, успѣлъ обручиться съ дѣвицею, также изъ рода Нагихъ;[263] свадьбѣ его надлежало быть чрезъ мѣсяцъ послѣ царской. Только и слышно было о пирахъ и бракахъ; всѣ радовались и веселились. Димитрій мало по малу давалъ чувствовать Русскимъ, сколь счастливъ народъ свободный, управляемый милосердымъ государемъ. Ежедневно разъ или два онъ посѣщалъ царицу, мать свою. Государь иногда, казалось, слишкомъ ласково обходился съ вельможами, которые воспитывались и выростали въ такомъ униженіи и страхѣ, что при царѣ почти не смѣли сказать слова безъ приказанія; впрочемъ, въ случаѣ надобности, онъ умѣлъ являть величіе и достоинство, свойственныя государю; весьма былъ разуменъ и столько смышленъ, что среди членовъ своего совѣта казался учителемъ средп школьниковъ. Не взирая на то, открылись тайные замыслы: схваченъ былъ одинъ дьякъ или секретарь; его пытали въ присутствіи Петра Ѳедоровича Басманова, главнаго любимца Димитріева, но не могли исторгнуть у него признанія и открыть начальника заговора, — Василія Шуйскаго, какъ свѣдали послѣ. Дьяка того сослали.[264]

Между тѣмъ въ предѣлы Россіи вступила царская невѣста съ своимъ отцемъ, братомъ, зятемъ, по имени Вишневецкимъ, и многими другими вельможами. 20 апрѣля Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, боярин, доселѣ очень любимый государемъ, впалъ въ немилость за дерзкое слово, сказанное Димитрію въ защиту князя Василія Шуйскаго, во время ихъ спора о жареной тѣлятинѣ, поданной на столъ, вопреки Русскимъ обычаямъ. Въ день Пасхи Татищевъ получилъ прощеніе, по ходатайству Петра Ѳедо-

ровича Басманова, хотя всѣ догадывались, даже и самъ Димитрій, государь впрочемъ неподозрительный, что Татищевъ задумалъ какое-то коварное дѣло: никогда прежде онъ такъ не поступалъ, какъ дней за 15 до своей опалы. Возвращеніе Татищева было ошибкою столь же важною, какъ и помилованіе Шуйскаго: всѣ знали его злое сердце, не забывавшее никакой обиды.

Въ концѣ апрѣля, Димитрій получилъ извѣстіе о волненіи казаковъ, собравшихся до 4,000 между Казанью и Астраханью. Всѣ вообще казаки, о которыхъ мы доселѣ говорили, сражаются пѣшіе: ихъ не должно смѣшивать съ тѣми наѣздниками, которые, подъ именемъ казаковъ, обитая въ Подоліи и Чермной Россіи, подъ властію короля Польскаго, нерѣдко воюютъ въ Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи и другихъ земляхъ. Казаки, упоминаемые въ нашемъ сочиненіи, какъ одѣяніемъ, такъ и вооруженіемъ, искони сходствуютъ съ Татарами и только съ недавняго времени употребляютъ ружья, обороняясь единственно саблями. Свирѣпствуя по Волгѣ, они распустили молву, что съ ними находится юный принцъ, именемъ царь Петръ, истинный сынъ (по ихъ словамъ) царя Ѳеодора Іоанновича и сестры Бориса Ѳеодоровича, родившійся около 1588 года и тайно подмѣненный дѣвочкою (умершею на 3 году, какъ выше сказано). Если бы казаки говорили правду, то царю Петру было 16 или 17 лѣтъ; но имъ хотѣлось только подъ тѣмъ предлогомъ вольнѣе грабить царскія области, по неудовольствію на Димитрія, недавшаго имъ такой награды, какой они желали. Впрочемъ государь послалъ къ самозванцу письмо, увѣдомляя, что если онъ истинный сынъ Ѳеодора Іоанновича, то пожаловалъ бы въ Москву, и что для продовольствія его въ дорогѣ дано будетъ приказаніе; если же онъ обманщикъ, то удалился бы отъ Русскихъ предѣловъ. Между тѣмъ, какъ гонцы скакали къ нему и отъ него, несчастный Димитрій былъ умерщвленъ; впрочемъ до моего отъѣзда изъ Россіи, казаки взяли и разграбили три Волжскія крѣпости, захватили нѣсколько орудій и военныхъ снарядовъ, наконецъ

разсѣялись: сильнѣйшая толпа удалилась въ Татарскія степи; другіе овладѣли крѣпостью на пути между Казанью и Астраханью, въ надеждѣ грабить купцовъ, отправлявшихъ въ Астрахань свои товары, или по крайней мѣрѣ брать съ нихъ хорошіе окупы. Въ Архангельскѣ же я узналъ, что волненіе утихло и что казаки смирились.

Димитріева невѣста торжественно вступила въ Москву 12 мая, въ пятницу, съ такимъ великолѣпіемъ, какого прежде Русскіе не видывали: ея колесницу везли 10 Ногайскихъ лошадей, всѣ бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры и леопарды, столь сходныя одна съ другою, что нельзя было различить ихъ. Ее провождали Польскіе всадники, богато одѣтые, на лихихъ коняхъ, и отрядъ гайдуковъ, назначенныхъ въ тѣлохранители. Въ свитѣ находились многіе вельможи. Царица остановилась въ монастырѣ, гдѣ обитала мать государева, и жила тамъ до 17 мая, когда заняла во дворцѣ свою половину. На другой день она была коронована, съ тѣми же обрядами, какъ и Димитрій. Ее вели подъ руки справа посолъ короля Польскаго, каштелянъ Малаговскій, слѣва супруга Мстиславскаго; по выходѣ же изъ церкви, за правую руку велъ ее самъ Димитрій, а лѣвую поддерживалъ Василій Шуйскій. Въ праздникѣ этого дня участвовали одни Русскіе. 19 мая совершилось брачное торжество, въ присутствіи всѣхъ Поляковъ, исключая посла, который былъ недоволенъ тѣмъ, что царь не хотѣлъ посадить его за своимъ столомъ. Хотя, по Русскимъ обычаямъ, никакоій посолъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ государемъ; однакожъ Малаговскій не переставалъ твердить Димитрію, что король Польскій удостоилъ Русскаго посла чести сидѣть при обрученіи за столомъ королевскимъ. Въ субботу и воскресенье Малаговскій пировалъ во дворцѣ за особымъ столомъ, подлѣ царскаго.

Въ то время Димитрій, увѣдомленный и своимъ тестемъ, воеводою Сендомирскимъ, и секретаремъ, и Басмановымъ, и другими лицами о умыслѣ на жизнь свою, повелѣлъ взять нѣ-

которыхъ людей подъ стражу; впрочемъ, казалось, не очень вѣрилъ извѣту. Наконецъ 27 мая (по новому стилю, какъ и въ прочихъ мѣстахъ этого сочиненія: Русскіе слѣдуютъ старому), когда менѣе всего помышляли объ опасности, насталъ пагубный день для царя Димитрія Іоанновича: въ 6 часовъ утра его умертвили безчеловѣчно, побивъ въ то же время, какъ полагаютъ, 1705 Поляковъ, разсѣянныхъ по домамъ въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи. Заговорщиками начальствовалъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ былъ убитъ въ сѣняхъ предъ царскими покоями: первый ударъ нанесъ ему тотъ самый Татищевъ, которому онъ недавно исходатайствовалъ свободу; погибли также нѣкоторые стрѣльцы изъ числа тѣлохранителей. Царица, Димитріева супруга, ея отецъ, братъ, зять и всѣ спасшіеся отъ яростной черни были заключены, какъ плѣнники, въ отдѣльныхъ домахъ. А Димитрія, мертваго, нагаго, убійцы влекли мимо жилища его матери, на площадь народную, гдѣ Василій Шуйскій долженствовалъ потерять голову; тамъ положили трупъ его на столѣ длиною въ аршинъ, такъ что съ одного конца висѣла голова, а съ другаго ноги; тѣло же Петра Басманова помѣстили подъ столомъ. Въ такомъ положеніи они были предметомъ всеобщаго любопытства около трехъ дней, до избранія государемъ начальника заговора, Василія Ивановича Шуйскаго. Хотя Русскій престолъ не избирательный, но какъ Димитрій былъ послѣднимъ въ родѣ и никого отъ царской крови не осталось, то Шуйскій получилъ корону чрезъ прописки и хитрые ковы, подобно Борису Ѳеодоровичу. Новый царь приказалъ зарыть Димитрія за городомъ подлѣ большой дороги. Въ первую ночь по убіеніи государя, насталъ жестокій морозъ, который продолжался 8 дней и повредилъ весь хлѣбъ на поляхъ, деревья, даже траву луговую. Для прекращенія бѣдствія, доселѣ неслыханнаго, по челобитью приверженцевъ Шуйскаго, тѣло Димитрія чрезъ нѣсколько дней вырыли изъ могилы, сожгли и обратили въ прахъ. Но ропотъ со всѣхъ сторонъ раздавался: одни плакали, другіе стонали, немногіе

веселились. Въ думѣ, въ народѣ, во всемъ государствѣ возникли раздоры и новыя измѣны; въ областяхъ свирѣпствовали мятежи, и долго было неизвѣстно, чѣмъ они кончатся. Польскаго посла держали въ тѣсномъ заключеніи; всѣхъ, получившихъ отъ покойнаго какую либо милость, сослали. Наконецъ вдовствующую царицу, супругу Димитрія, крѣпко стерегли въ домѣ отца ея, вмѣстѣ съ придворными дамами и другими Польками.

Желая прекратить волненіе умовъ и ропотъ народный, царь Василій Шуйскій послалъ брата своего Дмитрія, Михайла Татищева и другихъ клевретовъ въ Угличъ, съ повелѣніемъ открыть тѣло или кости убіеннаго лѣтъ за 17, по ихъ мнѣнію, истиннаго Димитрія, сына Іоанна Васильевича. Посланные обрѣли (по ихъ словамъ) тѣло невредимое, въ одеждѣ столь свѣжей, какъ въ день погребенія (въ Россіи обыкновенно хоронятъ въ томъ платьѣ, какое находилось на убитомъ), даже самые орѣхи, бывшіе въ рукѣ царевича, оказались совершенно цѣлыми. Вынутое изъ могилы, оно творило, по ихъ извѣстію, многія чудеса какъ въ Угличѣ, такъ и на пути къ столицѣ. При торжественномъ внесеніи въ Москву, его провождали патріархъ, духовенство, со всѣми мощами, царь Василій Шуйскій, царица, мать Димитрія, и все дворянство. Шуйскій повелѣлъ объявить убіеннаго Святымъ, но не успокоилъ народа и двукратно едва не былъ сверженъ съ престола, не смотря на то, что 20 іюня короновался.

Отославъ въ Польшу многихъ незначительныхъ Поляковъ, особенно служителей, царь удержалъ въ Россіи главнѣйшихъ особъ, въ надеждѣ принудить короля Польскаго къ миролюбію; воеводу же Сендомирскаго, страдавшаго тяжкою болѣзнію, и дочь его, царицу, отправилъ въ Угличъ,[265] приказавъ держать ихъ подъ стражею.

Димитрій Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Васильевича, прозваннаго Мучителемъ, погибъ на 25 году; роста онъ былъ средняго, вовсе безъ бороды, крѣпкаго, сильнаго сложенія, цвѣтомъ смугловатый, съ бородавкою подлѣ носа, подъ правымъ

глазомъ; имѣя умъ быстрый и проницательный, душу добрую, милосердую, характеръ очень вспыльчивый, но только на минуту, онъ пылалъ честолюбіемъ, уважалъ людей съ душею благородною и хотѣлъ прославиться въ потомствѣ; въ концѣ августа 1606 года онъ думалъ послать во Францію на Англійскомъ кораблѣ секретаря своего, въ намѣреніи привѣтствовать короля Французскаго и съ нимъ познакомиться: Димитрій часто разговаривалъ со мною о его величествѣ съ великимъ уваженіемъ. Христіанство много потеряло гибелью сего государя, если только онъ умеръ, хотя смерть его кажется несомнительною. Говорю такъ потому, что я не видалъ его трупа своими глазами, бывъ тогда боленъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ мятежа, пронесся слухъ, что умертвили не Димитрія; что онъ, узнавъ за нѣсколько часовъ до разсвѣта о намѣреніи заговорщиковъ, велѣлъ занять свое мѣсто другому человѣку, на него похожему, а самъ скрылся изъ Москвы, не отъ страха (такъ я думаю, если только молва справедлива), — онъ успѣлъ бы разрушить заговоръ, — но въ намѣреніи узнать, кто болѣе всѣхъ ему преданъ: Димитрій могъ прибѣгнуть къ столь опасному средству, для открытія истинныхъ приверженцевъ, чтобы отклонить подозрѣніе о своей недовѣрчивости къ подданнымъ. Эта молва не умолкала до самаго отъѣзда моего изъ Россіи, 14 сентября 1606 года. Тогда я полагалъ, что ее распускали какіе нибудь новые злоумышленники, въ надеждѣ воспламенить въ народѣ ненависть къ Василію Ивановичу Шуйскому, начальнику возмущенія, и тѣмъ удобнѣе достигнуть своей цѣли. То же думаю и теперь, основываясь на доказательствахъ, ниже сего приведенныхъ. Русскіе же, увѣряя въ спасеніи Димитрія отъ смерти, разсказываютъ, что едва миновала полночь, по царскому повелѣнію взяты были изъ малой дворцовой конюшни три коня Турецкіе, которые въ послѣдствіи неизвѣстно куда дѣвались; что Шуйскій, допрашивая того, кто отпустилъ коней, замучилъ виновнаго до смерти; что хозяинъ дома, гдѣ открылся Димитрій въ первый разъ по удаленіи изъ Москвы, разговаривалъ съ царемъ,

и даже принесъ собственноручное письмо его, въ которомъ онъ, будто бы, укоряя Русскихъ въ неблагодарности, въ забвеніи его щедротъ и милосердія, угрожалъ виновнымъ продолжительною местію. Кромѣ того, на улицахъ находили неоднократно подметныя письма, въ которыхъ было сказано, что Димитрія узнавали во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бралъ почтовыхъ лошадей. Въ августѣ же мѣсяцѣ появились вновь подобныя письма, увѣрявшія, что заговорщики обманулись и что Димитрій не замедлитъ повидаться съ ними въ первый день новаго года.

Скажу мимоходомъ, что разсказывалъ мнѣ Французскій купецъ, Бертранъ-де-Кассанъ, видѣвшій на площади трупъ Димитрія: «я не думалъ», говорилъ онъ, «чтобы царь былъ съ бородою, которой прежде я не замѣтилъ (въ самомъ дѣлѣ у Димитрія ея не было); на лицѣ же убіеннаго остались ясные знаки густой бороды, уже обритой; да и волосы у него были длиннѣе, чѣмъ мнѣ казалось, когда я видѣлъ царя наканунѣ его смерти». Кромѣ того, по свидѣтельству секретаря Димитріева, родомъ изъ Польши, Станислава Бучинскаго, былъ молодой Русскій вельможа, очень любимый и жалуемый царемъ, съ которымъ онъ много сходствовалъ, исключая только того, что имѣлъ небольшую бороду: этого господина, по словамъ Русскихъ, нигдѣ не находили, и не знали, что съ нимъ сдѣлалось.

Еще мнѣ разсказывалъ одинъ Французъ, поваръ воеводы Сендомирскаго, что царица, вдова Димитрія, свѣдавъ о посившейся молвѣ, удостовѣрилась въ его спасеніи, говорила, что она иначе не думаетъ, и съ тѣхъ поръ казалась веселѣе прежняго.

Чрезъ нѣсколько времени по избраніи Шуйскаго, открылся бунтъ въ пяти или шести главныхъ городахъ на предѣлахъ Татаріи: мятежники схватили воеводъ и побили часть войска; впрочемъ, еще до отъѣзда моего, въ іюлѣ мѣсяцѣ, раскаялись и получили отъ Московскаго двора прощеніе, оправдавшись тѣмъ, что они были обмануты молвою о спасеніи царя Димитрія. Въ то же вре-

мя вельможи, негодуя на избраніе Шуйскаго государемъ безъ ихъ согласія, едва не свели его съ престола. Наконецъ все успокоилось, и Шуйскій былъ коронованъ 20 іюня.

Послѣ вѣнчанія, возникли опять тайныя козни противъ государя, въ пользу (какъ я думаю) князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, которому, при избраніи царя, многіе предлагали престолъ, и если бы всѣ чины были созваны, ему вручили бы скипетръ: онъ происходилъ отъ самаго знатнаго поколѣнія. Впрочемъ князь, какъ говорятъ, отказывался отъ короны и рѣшился постричься въ монахи, если на него падетъ жребій. За нимъ была двоюродная сестра матери Димитріевой, изъ рода Нагихъ: и потому очень вѣроятно, что возвести Мстиславскаго на престолъ замышляли женины родственники, вопреки его собственному желанію. Главнымъ зачинщикомъ заговора былъ обвиненъ знатный бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ, изъ дома Нагихъ, находившійся въ отсутствіи; его судили только по извѣту свидѣтелей, потомъ сослали и, какъ я слышалъ, на дорогѣ отравили.

Въ то же время на воротахъ многихъ вельможъ и иностранцевъ ночью было написано, что царь Василій Шуйскій повелѣваетъ народу разграбить домы измѣнниковъ. Въ намѣреніи исполнить это повелѣніе, собрались толпы черни, пріученной къ добычѣ прежними перемѣнами и согласной, въ надеждѣ грабежа, имѣть еженедѣльно новаго государя: ее съ трудомъ усмирили. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, въ воскресный день, именемъ Шуйскаго, но безъ его вѣдома, созвали жителей Москвы на дворцовую площадь подъ предлогомъ, что царь желаетъ говорить съ ними. Случайно я находился тогда подлѣ государя, шедшаго къ обѣднѣ: узнавъ о созваніи народа, онъ очень удивился и приказалъ изслѣдовать, кто дерзнулъ на такой поступокъ; между тѣмъ, не трогаясь съ мѣста, въ присутствіи многихъ людей, устремившихся со всѣхъ сторонъ, Шуйскій началъ плакать и, укоряя окружавшихъ въ непостоянствѣ, говорилъ, что имъ не нужно

было выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться; что избравъ его царемъ, имѣютъ власть и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ имъ царскій жезлъ и шапку, продолжалъ: «если такъ, выбирайте, кого хотите!» Но въ ту же минуту снова принялъ жезлъ и сказалъ: «мнѣ уже надоѣли сіи козни: то меня хотите умертвить, то вельможъ и самыхъ иноземцевъ, по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы признаете меня царемъ, я требую казни виновнымъ!» Тогда всѣ окружавшіе государя воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, хотятъ умереть за него и просятъ наказать преступниковъ. Между тѣмъ, народу уже велѣно было разойтись по домамъ; при чемъ поймали пятерыхъ злоумышленниковъ. Думаютъ, что если бы Шуйскій вышелъ изъ дворца, или вся чернь собралась на площади, ему не миновать бы участи Димитрія. Спустя нѣсколько дней, означенные пять человѣкъ были наказаны, по Русскому обычаю, кнутомъ всенародно и сосланы. Въ приговорѣ объявлено, что Мстиславскій, обвиняемый въ зломъ умыслѣ, оправдался, и что вся вина падаетъ на Петра Шереметева.

Василію Шуйскому угрожала новая опасность во время перенесенія въ Москву тѣла истиннаго, по его словамъ, Димитрія, умерщвленнаго за 17 лѣтъ: говорятъ, что царя хотѣли побить каменьями, когда онъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и духовенствомъ, вышелъ за городъ на встрѣчу гробу; но бояре успѣли укротить чернь прежде, чѣмъ она успѣла собраться.

Въ то же время открылся бунтъ въ княжествѣ Сѣверскомъ, уже присягнувшемъ, по сказанію Русскихъ, новому государю: 7 или 8,000 человѣкъ приняли оружіе, утверждая, что Димитрій живъ; но какъ мятежники не имѣли предводителей, то ихъ разсѣяли войска, посланныя Василіемъ Шуйскимъ, въ числѣ 50 или 60,000 человѣкъ, между которыми находились и всѣ иноземные воины; о чемъ я узналъ въ Архангельскѣ. Избѣгнувшіе пораженія

удалились въ Путивль, одинъ изъ главныхъ городовъ области Сѣверской. Говорятъ, что и этотъ городъ покорился и что виновниками смятенія были Поляки: собравшись на предѣлахъ Россіи и Подоліи, они распустили молву, что Димитрій здравствуетъ въ Польшѣ. Вотъ все, что случилось до 14 сентября 1606 года, въ подтвержденіе молвы о мнимомъ спасеніи Димитрія.[266]

Въ заключеніе скажу свои мысли въ отвѣтъ на мнѣніе тѣхъ людей, которые признаютъ Димитрія Іоанновича не сыномъ Іоанна Васильевича Мучителя, а обманщикомъ.

Русскіе, повѣривъ словамъ Бориса Ѳеодоровича, государя очень тонкаго и коварнаго, также разсказамъ и другихъ непріятелей Димитрія, говорятъ, что онъ былъ обманщикъ, разстрига (т. е. монахъ, выгнанный изъ монастыря), Гришка или Григорій Отрепьевъ, и что истинный Димитрій Іоанновичъ умерщвленъ на 8 году въ Угличѣ, за 17 предъ тѣмъ лѣтъ, о чемъ говорили мы выше.

Другіе же, предполагая въ себѣ болѣе проницательности, также иноземцы, знавшіе Димитрія, увѣряютъ, что онъ былъ не Русскій, а Полякъ, Трансильванецъ, или другой иноплеменникъ, избранный только орудіемъ для исполненія замысла другихъ особъ.

Въ отвѣтъ на первое возраженіе, я уже объяснилъ, для чего Борисъ Ѳеодоровичъ, правившій государствомъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, сослалъ Димитрія, вмѣстѣ съ матерью, въ Угличъ. Изъ моего сочиненія очевидно всякому, что Ѳеодоръ, и по простотѣ своей, и по малолѣтству брата, неопаснаго пятилѣтняго младенца, не думалъ удалять его: это сдѣлано коварнымъ Борисомъ.[267] Посему очень вѣроятно, что мать и знатнѣйшіе бояре, напримѣръ, Нагіе, Романовы, угадывая, чего желаетъ Борисъ, употребили всѣ способы къ избавленію младенца отъ погибели. Спасти же царевича они иначе не могли, по моему мнѣнію, какъ подмѣнивъ его и воспитавъ тайно, пока настанетъ лучшее время, или разрушатся планы Бориса Ѳеодоровича. Такой цѣли они

достигли, какъ нельзя лучше: кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не зналъ о подлогѣ; царевичъ воспитывался тайно; по смерти же брата своего Ѳеодора, когда избрали царемъ Бориса, вѣроятно удалился въ Польшу, вмѣстѣ съ разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобы перейти Русскую границу:[268] тамъ вступилъ онъ въ службу къ Польскому вельможѣ, Вишневецкому, зятю воеводы Сендомирскаго; наконецъ перешелъ къ сему послѣднему и открылся. Воевода представилъ его Польскому двору, гдѣ онъ получилъ нѣкоторое вспоможеніе. Изъ вышесказаннаго очевидно, что въ Угличѣ умерщвленъ былъ не царевичъ, а занявшій его мѣсто.

Русскіе называютъ Димитрія разстригою; но дѣло состоитъ въ томъ: вскорѣ по воцареніи Бориса Ѳеодоровича, одинъ монахъ, секретарь патріаршій, именемъ Гришка Отрепьевъ, котораго Борисъ называлъ разстригою, бѣжалъ въ Польшу: этотъ случай возбудилъ подозрѣніе въ Борисѣ; онъ развѣдывалъ до самой смерти, чтобы это значило. Но въ монашескомъ платьѣ, какъ я знаю за достовѣрное, убѣжали двое, разстрига и другой человѣкъ, доселѣ безъименный. Борисъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ предѣламъ государства, съ повелѣніемъ стеречь всѣ дороги и задерживать всякаго, даже съ пропускнымъ видомъ, объявивъ, что два государственные преступника намѣрены скрыться въ Польшѣ. На всѣхъ путяхъ къ границѣ учредили *заставы*, какъ бы отъ моровой язвы, и три или четыре мѣсяца никто не могъ ѣздить изъ города въ городъ.

Кромѣ того, дознано и доказано, что разстригѣ было отъ 35 до 38 лѣтъ; Димитрій же вступилъ въ Россію 23 или 24-лѣтнимъ юношею и привелъ собою разстригу, котораго всякъ могъ видѣть: его братья живы и теперь, имѣя помѣстья близъ Галича. Разстрига, до побѣга изъ Россіи, слылъ негодяемъ и горькимъ пьяницею, за что Димитрій удалилъ его на 230 верстъ отъ столицы въ Ярославль. Тамъ находится домъ Англійской компаніи; одинъ изъ жившихъ въ этомъ домѣ, въ то время, когда умертвили Димитрія, сказывалъ мнѣ, что разстрига, услышавъ о смерти

царя и о восшествіи Шуйскаго на престолъ, признавалъ Димитрія истиннымъ сыномъ Іоанновымъ, котораго онъ вывелъ изъ Россіи; божился, клялся въ справедливости словъ своихъ, называлъ себя Гришкою Отрепьевымъ, разстригою, и говорилъ, что никто не можетъ этого опровергнуть. Вотъ собственное признаніе Отрепьева! И немногіе изъ Русскихъ мыслятъ иначе. Чрезъ нѣсколько времени, Василій Шуйскій, возведенный на царство, приказалъ его отыскать; что же съ нимъ сдѣлалось послѣ, я не знаю. Этого довольно для отвѣта не первое возраженіе. [269]

Разсмотримъ второе: многіе иноземцы, именуя Димитрія Полякомъ, или Трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ говорилъ по-Русски неправильно, осмѣивалъ Русскіе обычаи, наблюдалъ Русскую вѣру только для вида: однимъ словомъ, говорятъ они, всѣ пріемы и поступки обличали въ немъ Поляка.

Но если онъ былъ Полякъ, нарочно воспитанный для потрясенія Бориса, надлежало бы наконецъ узнать: кто избралъ его своимъ орудіемъ? Притомъ, для сей цѣли, безъ сомнѣнія, нельзя было употребить какого нибудь бродягу: замѣчу мимоходомъ, что изъ 500 человѣкъ не сыщется ни одинъ способный къ исполненію того, что предпринялъ двадцати трехъ-лѣтній Димитрій. И чего могли надѣяться замышлявшіе возвести на Русскій престолъ обманщика, въ то время, когда Русскіе не сомнѣвались въ убіеніи царевича, когда Борисъ Ѳеодоровичъ царствовалъ счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, уважаемый народомъ, страшный для всякаго, когда мать Димитрія и многіе изъ родственниковъ ея могли засвидѣтельствовать истину? Вѣроятно ли, чтобы король Польскій дозволилъ помогать обманщику? А подданные, безъ его свѣдѣнія, конечно не рѣшились бы на столь важное дѣло, которое, въ случаѣ неудачи, навлекло бы долговременную, бѣдственную войну государству. Но если бы король согласился содѣйствовать коварному умыслу, то Димитрій вступилъ бы въ

Россію не съ малочисленною толпою: король послалъ бы съ нимъ какихъ нибудь знатныхъ вельможъ, для руководства, и снабдилъ бы его денежною казною: тогда Поляки не оставили бы Димитрія, отступившаго отъ Новагорода-Сѣверскаго, тѣмъ болѣе, что онъ еще имѣлъ въ своихъ рукахъ до 15 городовъ и ежедневно усиливалъ свое войско. Говорить же, что все это предпринялъ самъ собою обманщикъ, который, назвавъ себя Димитріемъ, имѣлъ не болѣе 21 года, и для этой цѣли гораздо прежде научился Русскому языку, даже чтенію и письму, есть мнѣніе нелѣпое. Кромѣ того, что самозванецъ на всѣ вопросы, безъ сомнѣнія предложенные при первомъ его появленіи, долженъ былъ отвѣчать умно и удовлетворительно, гдѣ могъ иноплеменникъ узнать Русскій языкъ? Россія не такая свободная страна, куда всякъ воленъ приходить, учиться языку, вывѣдывать то и другое и потомъ удаляться: въ этомъ государствѣ, почти недоступномъ, все дѣлается съ такою тайною, что очень трудно угадать истину, если не видишь ее собственными глазами. И потому мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы самозванецъ могъ исполнить свой замыселъ безъ содѣйствія другихъ; если же имѣлъ соучастниковъ, то они долженствовали обнаружиться или при жизни, или по смерти его. Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ поступалъ бы иначе съ своими единоземцами; да и самъ воевода Сендомирскій не поспѣшилъ бы дать ему какого либо обѣщанія, не свѣдавъ обстоятельно его рода и племени. Думать, что воевода не зналъ, кто былъ его зять, вовсе невѣроятно, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Другіе говорятъ, что онъ воспитанъ и приготовленъ езуитами: но гдѣ же его отечество? Доказано выше, что онъ не могъ родиться въ Польшѣ и тѣмъ менѣе въ другой странѣ, кромѣ Россіи. Если же признать его Русскимъ, то надобно открыть, гдѣ именно взяли его езуиты? Они, до воцаренія Димитрія, никогда въ Россіи не являлись; немногіе пріѣзжаютъ съ послами, но за ними такъ строго смотрятъ, что имъ невозможно увезти кого либо изъ государства. Езуиты имѣли средства похитить

какого нибудь младенца только въ то время, когда Баторій, лѣтъ за 30, вторгнулся въ Россію, или когда царь воевалъ съ королемъ Шведскимъ; однакожъ вѣроятно ли, чтобы въ Россіи не осталось родственниковъ увезеннаго? Да и нельзя было воспитывать его столь тайно, чтобы кто либо изъ Поляковъ и наконецъ воевода Сендомирскій не удостовѣрились въ обманѣ. По крайней мѣрѣ, Димитрій не могъ не вѣдать своего рода.

Если же онъ воспитывался у езуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать языкъ Латинскій: но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на немъ говорить, и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его, очень нетвердою.[270] Кромѣ того, тогда онъ оказалъ бы езуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое, и то съ Польскими войсками, не имѣвшими другихъ патеровъ. Одинъ изъ нихъ, послѣ царскаго вѣнчанія, отправился въ Римъ, по просьбѣ товарищей.

Возражаютъ еще: Димитрій нечисто объяснялся по-Русски; но и это несправедливо: слышавъ, какъ онъ разговаривалъ на Русскомъ языкѣ вскорѣ по прибытіи въ Россію, я нашелъ выраженія его столь правильными, какъ нельзя лучше; только для прикрасы онъ примѣшивалъ иногда Польскія поговорки. Я видалъ самыя письма о разныхъ предметахъ, писанныя со словъ Димитрія, еще до пришествія его въ Москву: ни одинъ Русскій не могъ найти въ нихъ ошибокъ. Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы этотъ государь былъ иноземецъ, если вспомнимъ, сколь долго, съ юныхъ лѣтъ, онъ не видалъ отечества.

Приводятъ въ свидѣтельство еще то, что онъ осмѣивалъ Русскія обыкновенія и только для вида наблюдалъ обряды религіи. Это неудивительно, когда знаемъ обычаи и нравы Русскихъ: народъ грубъ и необразованъ, очень невѣжливъ, лукавъ, вѣроломенъ, не уважаетъ ни законовъ, ни совѣсти, зараженъ развратомъ содомскимъ и множествомъ другихъ постыдныхъ пороковъ. Если Борисъ Ѳеодоровичъ, коренный Русскій, въ чемъ никто не будетъ

сомнѣваться, ненавидѣлъ не подданныхъ, а пороки ихъ, и произвелъ нѣкоторое преобразованіе въ обычаяхъ: могъ ли Димитрій, знавшій отчасти большой свѣтъ, жившій нѣсколько времени въ Польшѣ, сторонѣ свободной, среди знатныхъ вельможъ, довольствоваться только желаніемъ просвѣщенія и образованности своему народу?

Онъ не строго наблюдалъ обряды религіи: я знаю многихъ Русскихъ, также поступавшихъ, между прочими, Посника Димитрія, который, бывъ въ Даніи посланникомъ Бориса Ѳеодоровича и узнавъ тамъ отчасти истинную религію,[271] по возвращеніи въ отечество, шутилъ явно, въ кругу пріятелей, надъ невѣжествомъ Москвитянъ. Почему же Димитрій не могъ презирать народнаго суевѣрія, тѣмъ болѣе, что онъ владѣлъ здравымъ смысломъ, любилъ читать св. Писаніе и, бывъ въ Польшѣ, вѣроятно слыхалъ сужденія о разныхъ вѣроисповѣданіяхъ, вразумившія его въ догматы религіи, принятые всѣми христіанами? Впрочемъ, я возражаю только на слова; а въ самомъ дѣлѣ найдется очень немного какъ иноземцевъ, такъ и Русскихъ, которые замѣтили бы въ поступкахъ его достаточный поводъ къ обвиненію въ этомъ случаѣ: онъ вообще исполнялъ обряды Русской церкви, хотя и рѣшился, какъ я знаю, основать университетъ. Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ не досаждалъ бы никому изъ своихъ единоземцевъ, и ни Борисъ, ни Василій Шуйскій не упустили бы изъ рукъ своихъ столь завиднаго скиптра, если бы съ достовѣрностію могли доказать, что Димитрій былъ иноплеменникъ.[272]

Нѣкоторые изъ Русскихъ говорятъ: кто бы ни былъ Димитрій, но воевода Сендомирскій не зналъ его истиннаго происхожденія. Если это справедливо и если Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, то вѣроятно ли, чтобы Сендомирскій столь поспѣшно вступилъ съ нимъ въ родство, уже свѣдавъ объ измѣнѣ Шуйскаго, уличеннаго вскорѣ по прибытіи Димитрія въ Москву? А рѣшившись выдать свою дочь за человѣка неизвѣстнаго, воевода, безъ сомнѣнія, присовѣтовалъ бы зятю не распускать пришедшихъ съ

нимъ Поляковъ и казаковъ, которыхъ Димитрій могъ бы удержать при себѣ, не возбудивъ подозрѣнія: всѣ предшественники его старались привлечь въ свою службу сколь можно болѣе иностранцевъ; но этого не было сдѣлано: царь оставилъ при себѣ только сотню всадниковъ. Равнымъ образомъ, Сендомирскій привелъ бы гораздо болѣе войска съ своею дочерью, и нашелъ бы средства расположить Поляковъ въ совокупности, а не разсѣялъ бы ихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ столицы на произволъ Русскихъ. Притомъ же, по совершеніи брака, когда уже посилась всеобщая молва объ измѣнахъ, Польскій вельможа заставилъ бы Димитрія совѣтами, просьбами, убѣжденіями принять мѣры предосторожности, которыми легко можно было предупредить всѣ умыслы.

Для очевиднаго доказательства въ обманѣ, противники Димитрія долженствовали открыть истинныхъ его родителей: враги же государя были столь дѣятельны и при жизни, и по смерти его, что, при извѣстномъ въ Россіи порядкѣ суда и расправы, имъ легко было добраться до истины. Притомъ, чувствуя себя виновнымъ, Димитрій старался бы всѣми средствами понравиться Русскимъ, зная довольно, что Борисъ ничѣмъ не могъ такъ поддержать себя на престолѣ, какъ называя его еретикомъ. Посему онъ не привелъ бы въ Москву никого изъ своей свиты и вступилъ бы въ родство, по обычаю всѣхъ предшественниковъ своихъ, съ какимъ нибудь Русскимъ домомъ, въ которомъ могъ найти опору, не забывъ, что Борисъ навлекъ на себя негодованіе народа намѣреніемъ породниться съ государемъ иноземнымъ. Но Димитрій презиралъ такія средства, и его самоувѣренность доказываетъ, что онъ могъ быть сыномъ только вѣнценосца; его краснорѣчіе восхищало Русскихъ; въ немъ блистало какое-то неизъяснимое величіе, дотолѣ неизвѣстное вельможамъ Русскимъ и тѣмъ менѣе простому народу, гдѣ должны были скрываться его родители, если бы онъ не былъ сыномъ Іоанна Васильевича.[273] Самое намѣреніе овладѣть престоломъ доказываетъ справедливость его дѣла: съ ничтожными силами, онъ идетъ въ обширную державу, никогда столь не про-

цвѣтавшую, какъ въ то время, бороться съ государемъ хитрымъ, грознымъ для подданныхъ, который былъ въ родствѣ съ главнѣйшими Русскими вельможами, изгналъ, уморилъ всѣхъ людей подозрительныхъ, пользовался расположеніемъ всего духовенства, милостями, благодѣяніями привлекалъ сердца всего народа, находился въ дружбѣ со всѣми сосѣдами и 8 или 9 лѣтъ царствовалъ спокойно. Наконецъ, нельзя также забыть и матери Димитрія, и многихъ ея родственниковъ, которые, въ случаѣ обмана, могли бы его обнаружить.

Размышляя, сверхъ того, о положеніи Димитрія, оставленнаго почти всѣми Поляками, чему приписать довѣренность, съ которою предался онъ въ руки 8 или 9,000 Русскихъ поселянъ, еще сомнительныхъ преданностію, и рѣшился итти на встрѣчу стотысячному войску? Неудача въ битвѣ не лишаетъ его бодрости: слабыя силы его разсѣяны, немногія пушки со всѣми снарядами въ рукахъ непріятеля, но онъ отступаетъ, окруженный 30 или 50 воинами, въ городъ Рыльскъ, недавно покорившійся, не бывъ увѣренъ въ приверженности его жителей; оттуда въ Путивль, городъ обширный и богатый, и живетъ тамъ четыре мѣсяца, ни мало не измѣняя, среди несчастій, мужеству своему, не страшась Бориса, который и явно, и скрытно старался погубить его желѣзомъ, ядомъ, или поймать живаго. Увѣряя народъ ложными свидѣтельствами, что Димитрій былъ обманщикъ, Борисъ не хотѣлъ однако допросить матери его всенародно, чтобы узнать истинное его происхожденіе; вмѣсто того объявилъ: что если бы онъ родился и отъ Іоанна Васильевича, то и тогда не имѣлъ бы права на корону, какъ еретикъ и незаконнорожденный,[274] т. е. сынъ отъ 7 брака (что противно обычаю); но это вовсе не идетъ къ дѣлу. Нельзя также забыть, какое милосердіе изъявлялъ онъ каждому и особенно Василію Шуйскому: сего послѣдняго уличили въ измѣнѣ, доказали самыми лѣтописями и поступками предателя въ разсужденіи Бориса, что ни онъ, ни предки его никогда не служили вѣрно Русскимъ государямъ; даже всѣ приближенные

убѣждали Димитрія казнить его, какъ неусыпнаго возмутителя тишины общественной: говорю, что видѣлъ я своими глазами, что слышалъ своими ушами; но Димитрій его помиловалъ, хотя зналъ, что никто, кромѣ рода Шуйскихъ, не дерзалъ помышлять о коронѣ; простилъ и другихъ недруговъ, бывъ чуждъ подозрѣнія.

Если справедливо, что Димитрій былъ самозванецъ, и что въ этомъ увѣрились не задолго до убіенія его, для чего не заключили виновнаго въ темницу, или не вывели на городскую площадь, гдѣ могли бы уличить его предъ всѣмъ народомъ въ обманѣ, не убивая преступника безъ отвѣта и не подвергая всего государства бѣдствіямъ раздоровъ? Могъ ли народъ повѣрить его преступленію безъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства 4 или 5 человѣкъ главныхъ заговорщиковъ? И для чего Василій Шуйскій съ единомышленниками выдумалъ клевету, въ намѣреніи сдѣлать Димитрія ненавистнымъ народу? Они торжественно читали письма, въ которыхъ было сказано, что Димитрій хотѣлъ большую часть Россіи отдать королю Польскому и тестю своему, воеводѣ Сендомирскому, замышлялъ раздробить государство, отправилъ сокровища въ Польшу;[275] даже назначилъ, будто бы, день (второй по смерти его, т. е. воскресенье), когда намѣренъ былъ вывести весь народъ и дворянство за городъ, подъ предлогомъ повеселить своего тестя и показать ему свои пушки, а въ самомъ дѣлѣ тайно приказалъ Полякамъ истребить всѣхъ Русскихъ картечью, разграбить ихъ домы и зажечь городъ,ославъ и въ Смоленскъ подобное повелѣніе.[276] Разсѣявали много и другихъ несправедливыхъ слуховъ. Къ тому присовокупили, какъ выше сказано, что тѣло истиннаго Димитрія, чрезъ 17 лѣтъ по его убіеніи, найдено въ совершенной цѣлости; почему Шуйскій, въ надеждѣ убѣдить народъ, повелѣлъ признать его святымъ.

Въ заключеніе скажу: простая истина, изложенная удовлетворительно, могла бы сдѣлать самозванца ненавистнымъ каждому; Димитрій же, чувствуя себя виновнымъ, повѣрилъ бы доносамъ о заговорахъ и измѣнахъ, противъ его особы замышляемыхъ, и

очень легко успѣлъ бы устранить ихъ. Но какъ извѣстно, что ни при жизни, ни по смерти его, не могли доказать обмана; что Борисъ, узнавъ о появленіи своего врага, терзался совѣстью и тиранствовалъ; что противники Димитрія думаютъ очень несогласно о его происхожденіи, и что самъ онъ изъявлялъ всегда рѣшительную смѣлость и другія качества, свойственныя не обманщику, а государю, соединенныя съ довѣрчивостію и самонадѣянностію: сообразивъ все вышесказанное, я убѣжденъ, что онъ былъ истинный Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича Мучителя.

Д Е - Т У.

ДЕ-ТУ.

Яковъ де-Ту, Jacques Auguste de-Thou (Thuanus), президентъ Парижскаго парламента, жившій въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій (1553—1617), наперсникъ Генриха III, сотрудникъ Генриха IV, другъ Сюлли, Монтаня, Скалигера, принадлежитъ къ числу тѣхъ мужей знаменитыхъ, которыми гордится Франція. Родившись въ бурныя времена фанатизма, онъ провелъ всю жизнь въ трудахъ непрестанныхъ: мирилъ непримиримыя партіи, предупреждалъ злые умыслы, облегчалъ страданія бѣднаго народа, водворялъ правосудіе, тамъ, гдѣ не было другаго права, кромѣ права сильнаго, другаго чувства, кромѣ слѣпаго изувѣрства. Франція въ XVI столѣтіи находилась въ такомъ положеніи, что самому добродѣтельному мужу трудно было явиться правымъ предъ судомъ потомства: ни Генрихъ IV, ни Сюлли не остались безъ упрека; но де-Ту не помрачилъ наслѣдственной славы своего рода: рѣдкій смертный соединялъ въ себѣ столь прекрасныя качества умственныя и душевныя. Познаніе свѣта и людей, пріобрѣтенное въ путешествіяхъ по Франціи, Германіи, Италіи, Нидерландамъ, глубокая ученость, плодъ непрерывныхъ занятій науками, тонкій, нѣжный вкусъ, образованный чтеніемъ классическихъ писателей древности, пламенная любовь къ истинѣ, красотѣ, добродѣтели, и какое-то возвышенное чувство, какое-то неизъяснимое благородство въ дѣлахъ и мысляхъ,

которымъ плѣняютъ насъ Греки и Римляне, все соединялось въ одномъ человѣкѣ и образовало изъ него почти идеальный, величественный характеръ, едва ли не безпримѣрный въ кругу министровъ и царедворцевъ.

Довольно было бы и такихъ достоинствъ для безсмертія въ потомствѣ; но де-Ту съ славою мудраго министра, благороднѣйшаго человѣка, заслужилъ славу и великаго писателя: свидѣтель большей части достопамятныхъ событій своего времени, онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, исполненный опытности, рѣшился описать ихъ для потомства, съ утѣшительною мыслію облагородить человѣчество, вселить любовь къ добродѣтели, омерзѣніе къ пороку, и на смертномъ одрѣ смѣло могъ сказать, что перомъ его руководила святая истина, недоступная ни злобѣ, ни ласкательству. Сочиненіе его, подъ заглавіемъ: *Исторія моего времени*,* содержитъ повѣствованіе о важнѣйшихъ происшествіяхъ всей Европы съ 1544 года по 1607, гражданскихъ, церковныхъ, ученыхъ. Исторію Франціи авторъ разсказываетъ отчасти по собственнымъ наблюденіямъ, отчасти основываясь на государственныхъ актахъ и достовѣрныхъ извѣстіяхъ современниковъ очевидцевъ; о событіяхъ же прочихъ государствъ почерпалъ свѣдѣнія изъ архивовъ, посольскихъ донесеній, договоровъ, изъ частныхъ сочиненій печатныхъ и рукописныхъ, изъ писемъ и преданій изустныхъ; читалъ все, что только можно было читать; распрашивалъ всякаго, кто только могъ сообщить ему свѣдѣнія; не щадилъ никакихъ трудовъ для раскрытія истины; не вѣрилъ слѣпо ни показаніямъ самовидцевъ, ни собственнымъ впечатлѣніямъ; съ строгою разборчивостію, взоромъ судьи безпристрастнаго, искалъ правды, проникалъ въ самыя тайныя побужденія, и, составивъ въ

* Jacob. August. Thuani historiarum sui temporis libri CXXXVIII. Parisiis 1604—1619. Лучшее, полнѣйшее изданіе Лондонское, 1733 года, въ 7 томахъ, in fol. Лучшій Французскій переводъ напечатанъ въ Гагѣ, 1740 года, въ XI томахъ, in 4^0.

умѣ истинную, живую картину, произносилъ судъ ужасный для порока, утѣшительный для добродѣтели. Не говоримъ о слогѣ и искусствѣ повѣствованія: Цицеронъ назвалъ бы де-Ту своимъ другомъ, Тацитъ братомъ.

Обозрѣвая всю Европу, де-Ту неоднократно обращалъ взоръ и на Россію, гдѣ Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ и Димитрій Самозванецъ доставляли обильную пищу его очаровательному искусству; описавъ древнее состояніе нашего отечества до половины XVI вѣка, нравы и обычаи народа, образъ правленія, религію, онъ изобразилъ подробно царствованіе Іоанна IV, въ особенности войну Ливонскую, дѣла Годунова и Лжедимитрія, почерпая свѣдѣнія отчасти изъ писателей намъ извѣстныхъ, Герберштейна, Гваньини, Гейденштейна, Гревенбруха, Маржерета, Фидлера, отчасти изъ рукописей, доселѣ неизданныхъ, изъ записокъ Петра Патерсона Упсальскаго, жившаго въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ, изъ писемъ езуитовъ и изъ преданій изустныхъ.

Разсказывая о Россіи, де-Ту не измѣнялъ своему постоянному правилу, которымъ заслужилъ имя историка первокласнаго и которому такъ часто измѣняли бытописатели знаменитые: боготворить истину и добродѣтель. Слышать о себѣ сужденія такого историка для насъ, безъ сомнѣнія, любопытно; но онъ имѣетъ и другое право на наше вниманіе: отъ него узнаемъ многіе случаи, только ему извѣстные. Не бывъ никогда въ Россіи, де-Ту успѣлъ однако получить о ней свѣдѣнія, большею частію достовѣрныя, отъ самовидцевъ, въ особенности отъ Петра Патерсона и Маржерета, который, возвратясь во Францію въ 1606 году, сообщилъ ему многія подробности о Самозванцѣ, не упомянувъ объ нихъ въ своихъ запискахъ.

Желая дополнить любопытное сочиненіе Маржерета, я перевелъ съ Латинскаго языка, на которомъ писалъ де-Ту, изъ 135 главы его Исторіи, сказанія о Годуновѣ и Лжедимитріи, не касаясь извѣстій объ Іоаннѣ Грозномъ и древнемъ состояніи Россіи, не согласныхъ съ цѣлію моего предпріятія издать сочиненія о *Ди-*

*

митріи Самозванцъ. Впрочемъ все, что ни говоритъ безсмертный историкъ Франціи о нашемъ отечествѣ, заслуживаетъ нашего вниманія, если не всегда достовѣрностію, по крайней мѣрѣ неподражаемымъ искусствомъ повѣствованія, которое можетъ служить намъ урокомъ.

СКАЗАНІЯ

ДЕ-ТУ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

СКАЗАНІЯ ДЕ-ТУ.

ИСТОЧНИКИ, ИЗЪ КОТОРЫХЪ АВТОРЪ ПОЧЕРПАЛЪ СВѢДѢНІЯ:

Рукописное донесеніе Петра Патерсона Упсальскаго. Герардъ Гревенбрухъ. Письма езуитовъ. Записки Якова Маржерета. Сочиненіе Константина Фидлера.[277]

Достопамятное событіе потрясло въ 1605 году Московское государство и на нѣсколько лѣтъ оставило обильную пищу внутреннимъ неустройствамъ, которыя въ послѣдствіи колебали державу, объемлющую сѣверныя страны Европы и Азіи. Много разныхъ бѣдствій испытала она предъ началомъ всеобщаго волненія: никогда въ сѣверной Европѣ не было столь лютаго глада, столь губительной язвы, какъ за два года до войны, воспламененной въ Россіи Димитріемъ; тогда находили матерей, готовыхъ сожрать своихъ малютокъ, и съ трудомъ удерживали ихъ отъ такого злодѣйства. Мясомъ сыновей, убитыхъ голодомъ, питались родители вездѣ, безнаказанно, послѣ того, какъ они переѣли всѣхъ кошекъ, крысъ и другихъ нечистыхъ животныхъ. Голодъ разорвалъ всѣ узы любви, погасилъ всѣ чувства природы и благопристойности. За мѣру пшеницы, стоившую не болѣе 12 су, платили 19 талеровъ. Но уже не хлѣбъ, мясо человѣческое лежало на рынкахъ; туда свозили трупы кто только могъ: родные продавали родныхъ, отцы и матери сыновей и дочерей, мужья своихъ женъ.[278]

Многіе думали, что Богъ каралъ такими бѣдствіями тиранство

Бориса Годунова; другіе же, устремляя взоръ въ будущее, видѣли въ нихъ предзнаменованіе того злополучія, которое грозило погубить цвѣтущую державу Московскую, опасную всѣмъ сосѣдамъ, предавъ ее въ жертву десятилѣтнимъ неустройствамъ и нашествіямъ иноплеменниковъ, доколѣ не успокоилась она подъ властью нынѣ царствующаго государя, Михаила Ѳеодоровича.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, въ 1598 году, Борисъ, при помощи искуснаго притворства, или коварства, овладѣлъ престоломъ. Кромѣ Ѳеодора, принца слабоумнаго и изувѣрнаго, болѣе способнаго, по словамъ собственнаго отца его, трезвонить на колокольнѣ, чѣмъ править кормиломъ государства, Іоаннъ имѣлъ еще другаго сына отъ благородной дѣвицы, именемъ Димитрія: онъ родился за два года до смерти отца, то есть въ 1582 году, и воспитывался за 100 миль отъ столицы, въ городѣ Угличѣ. Еще при жизни Ѳеодора неограниченный самовластитель, Борисъ, обозрѣвая всѣ преграды преступнымъ замысламъ своимъ, вскорѣ убѣдился, что безсиліе Ѳеодора будетъ ему безполезно, если смерть Димитрія не лишитъ царскаго поколѣнія всей надежды господствовать въ Россіи. Въ слѣдствіе того, онъ рѣшился погубить царевича; подкупилъ окружавшихъ его и устроилъ ковъ слѣдующимъ образомъ: въ Россіи очень часто случаются пожары, отъ того, что всѣ строенія тамъ деревянныя; какъ скоро покажется огонь, звонятъ въ большой колоколъ и народъ спѣшитъ загасить пламя: въ такихъ случаяхъ царевичъ обыкновенно выходилъ изъ своихъ покоевъ; Борисъ принялъ мѣры, разставилъ убійцъ; Димитрія подстерегли, когда онъ сходилъ съ крыльца, и закололи.

Быстро разнеслась молва по всему городу о смерти царевича: народъ пересталъ гасить огонь, бросился ко дворцу, прекратилъ жалобные вопли и предалъ смерти встрѣчавшихся служителей, чтобы местью отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, и всю вину въ гибели царевича возложить на дворцовую стражу; но тщетно: Борисъ, желая очистить себя отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ,

поступилъ съ жителями Углича очень безчеловѣчно: богатѣйшихъ гражданъ казнилъ мучительною смертью; иныхъ предалъ безчестнымъ пыткамъ и страданіямъ, подъ предлогомъ открыть истинныхъ виновниковъ Димитріевой смерти, какъ будто они были неизвѣстны; самъ оплакивалъ умершаго, казалось, искренними слезами, а дворецъ приказалъ сжечь, чтобы не оставалось и слѣдовъ мрачнаго злодѣйства.

Люди, бывшіе тогда въ Москвѣ и описавшіе это происшествіе, рѣшительно говорятъ, что въ Угличѣ погибъ истинный Димитрій; другіе же разсказываютъ совсѣмъ иное, въ намѣреніи изъяснить случившіяся въ послѣдствіи событія: они говорятъ, что мать царевича, свѣдавъ чрезъ своихъ друзей о преступномъ замыслѣ Борисовомъ, спасла сына отъ смерти, подмѣнивъ его отрокомъ, очень похожимъ на царевича и возрастомъ и наружнымъ видомъ; что отрокъ умерщвленъ въ постелѣ, а не на крыльцѣ, между тѣмъ, какъ истинный Димитрій отведенъ былъ въ безопасное убѣжище; и что тѣло мнимаго царевича, для лучшаго утаенія подлога, немедленно положили въ гробъ и предали землѣ безъ всякой пышности, въ присутствіи одного только дворецкаго, родомъ Нѣмца, изобрѣвшаго вышеозначенную хитрую мѣру, а въ народѣ между тѣмъ разгласили, будто бы Димитрій умеръ отъ язвы.

Какъ бы то ни было, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого происшествія, на предѣлахъ Россіи и Польши явился человѣкъ, похожій на Димитрія тѣмъ, что одна рука была у него короче другой, а на лицѣ находилась бородавка; оба признака имѣлъ и истинный царевичъ. Впрочемъ отличаясь быстротою ума, присутствіемъ духа, щедростію, привѣтливостію, юноша казался достойнымъ быть царскаго рода. Сперва онъ открылся отцамъ езуитамъ, имѣвшимъ великую въ Польшѣ власть, и далъ имъ слово употребить всѣ мѣры къ соединенію церкви и къ утвержденію въ Россіи божественной вѣры, если они помогутъ ему овладѣть прародительскимъ престоломъ. Езуиты сначала хранили

такія предложенія въ глубокой тайнѣ, и прежде всего старались убѣдить Римскаго первосвященника помочь имъ въ дѣлѣ столь выгодномъ, для утвержденія вѣры и святаго престола, какъ собственно его властію, такъ и ходатайствомъ предъ королемъ и Польскими вельможами. Между тѣмъ познакомили просителя съ Георгомъ Мнишкомъ, воеводою Сендомирскимъ, сильнѣйшимъ изъ вельможъ королевскихъ; съ нимъ заключенъ былъ тайный договоръ, въ слѣдствіе котораго царевичъ, по вступленіи на престолъ, обязался жениться на дочери Сендомирскаго, уже плѣнившей его взоры.

Сложивъ съ себя клобукъ, онъ нѣсколько времени скрывался въ Ливоніи, научился тамъ изрядно языку Латинскому и даже могъ написать собственною рукою довольно складное письмо къ святѣйшему папѣ Клименту VIII.[279] Въ послѣдствіи, представленный Сигизмунду воеводою Сендомирскимъ и зятемъ его Вишневецкимъ, онъ произнесъ, какъ разсказываютъ, предъ королемъ сильную рѣчь, слѣдующаго содержанія: «Вспомни, государь!» говорилъ Димитрій, «что ты родился плѣнникомъ, въ темницѣ, «откуда извелъ тебя милосердый промыслъ Всемогущаго. Раз«мысли о человѣчествѣ и помоги несчастному, угнетенному тѣмъ «же злополучіемъ!» Отецъ Сигизмундовъ, Іоаннъ, былъ заключенъ подозрительнымъ братомъ своимъ Ерикомъ въ безславную темницу: въ томъ заточеніи родился Сигизмундъ отъ супруги Іоанновой Екатерины, изъ поколѣнія Ягеллонова.

Опираясь на благосклонность короля, на золото воеводы Сендомирскаго, на усердную помощь езуитовъ, Димитрій собралъ въ Польшѣ десять тысячъ воиновъ,[280] снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ и направилъ путь въ Россію. Тамъ онъ склонилъ на свою сторону десять тысячъ казаковъ, людей жившихъ войною, грабежемъ, и богатыхъ надеждою на великую награду повелъ въ прародительскую, по словамъ его, державу. Переправясь черезъ Днѣпръ, онъ подступилъ къ пограничной крѣпости, Чернигову, и требовалъ, чтобы жители сдались ему, какъ законному наслѣд-

нику Русскаго престола: они покорились, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, благодаря усердію Ивана Татева, Борисова зложелателя.[281] Потомъ, слѣдуя совѣту казацкаго атамана Корелы, знаменитаго чернокнижника, онъ осадилъ многолюдный городъ Путивль, гдѣ начальствовалъ Михайло Салтыковъ,[282] имѣвшій до восьми тысячъ Волжскихъ казаковъ: воевода сначала оборонялся упорно; напослѣдокъ, убѣжденный Корелою, сдалъ Путивль Димитрію, и самъ покорился ему.

Между тѣмъ Борисъ вооружилъ сто тысячъ воиновъ; но до начатія военныхъ дѣйствій, отправилъ пословъ къ Сигизмунду и Польскому сенату, напоминалъ о союзѣ и перемиріи между обоими народами, убѣждалъ свято сохранять договоры, требовалъ выдачи живымъ или мертвымъ мнимаго Димитрія, незаконнорожденнаго сына поповскаго, безчестнаго колдуна и чародѣя; просилъ особенно, чтобы ему не давали никакой помощи, угрожая местью, если Поляки вздумаютъ оскорбить столь могущественнаго государя, каковъ царь Россійскій. Не надѣясь на угрозы, послы тайно убѣждали каждаго вельможу Польскаго отклонить короля и сенатъ отъ вспоможенія обманщику; однакожъ ни въ чемъ не могли успѣть: папа и езуиты утвердили короля и согласныхъ съ нимъ Поляковъ въ намѣреніи помочь Димитрію, надѣясь чрезъ то упрочить дружбу и вѣчный миръ съ Москвою, уничтожить расколъ и возстановить въ Россіи вѣру праотцевъ.[283]

Наконецъ войско Борисово встрѣтилось съ Димитріевымъ въ концѣ января 1605 года при Новгородѣ (Сѣверскомъ); главный вождь Димитріевой рати, воевода Сендомирскій, надѣясь на вѣрный успѣхъ и ожидая, что враги передадутся царевичу, дерзко устремился въ средину Русскихъ, вѣрныхъ Борису и единодушныхъ; но послѣ кратковременной битвы, окруженный со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ, былъ разбитъ на голову и обратился въ бѣгство; потомъ собравъ толпы, спасшіяся отъ пораженія, ушелъ въ Кармоговію[284] и Путивль, а оттуда въ Польшу.

Димитрій, оставшись съ малочисленною дружиною, нашелъ

убѣжище въ пограничной крѣпости Рыльскѣ; тамъ всѣ его оставили, но самъ себѣ онъ не измѣнилъ. Были при немъ два богослова, изъ ордена бернардиновъ:[285] ихъ водилъ съ собою Димитрій, чтобы казаться набожнымъ и благочестивымъ; утомленные воинскими трудами и безпокойными походами, они спѣшили удалиться во-свояси; но два другіе монаха, братья езуиты, Николай Сѣраковскій и Андрей Ловичъ, виновники похода, были постояннѣе: ободряли врожденное мужество его безпрестанными увѣщаніями, и собственнымъ примѣромъ побуждали его къ довершенію начатаго дѣла.

Димитрій находилъ, по словамъ его, сильнѣйшую опору въ своей совѣсти: обыкновенно предъ началомъ битвы, онъ молился усердно, такъ, чтобы всѣ его слышали, и воздѣвъ руки, обративъ глаза къ небу, восклицалъ: «Боже правосудный! порази, сокруши меня громомъ небеснымъ, если обнажаю мечъ неправедно, своекорыстно, нечестиво; но пощади кровь христіанскую! Ты зришь мою невинность: пособи мнѣ въ дѣлѣ правомъ! Ты же, царица небесная! буть покровомъ мнѣ и моему воинству!» Если дѣйствительно такъ было и если этотъ человѣкъ, зная ложь своихъ рѣчей, не боялся обманывать съ такою увѣренностію: ему надлежало быть самымъ безстыднымъ плутомъ; если же онъ, повѣривъ молвѣ неосновательной, дѣйствительно считалъ себя царевичемъ: нельзя не подивиться, какъ жестоко играла имъ судьба, въ урокъ смертнымъ: приласкала его, обрадовала престоломъ и низринула въ бездну.

Уже часть войска Борисова подступила къ Рыльску; тамъ расположился Димитрій съ своимъ отрядомъ на высокомъ холмѣ, откуда могъ повелѣвать обширною равниною; въ началѣ марта произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ участвовала одна конница; побѣда, по удивительной игрѣ счастія, увѣнчала побѣжденныхъ: при первомъ натискѣ на врага, несравненно сильнѣйшаго, Поляки тысячу человѣкъ побили, двѣсти взяли въ плѣнъ, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Ударъ былъ такъ

стремителенъ, что бѣгущіе всадники Борисовы разорвали ряды своей пѣхоты и оставили ее въ жертву непріятелю. Побѣдоносный Димитрій съ великою добычею возвратился въ Путивль. При первомъ извѣстіи объ этомъ событіи, пять окрестныхъ городовъ съ ихъ округами покорились Димитрію, изъ ненависти ли къ прежнему государю, или изъ одного желанія перемѣнъ, неизвѣстно; въ одной изъ крѣпостей, въ Бѣлгородѣ, побѣдитель нашелъ 150 большихъ орудій, а воеводы ихъ выданы ему, какъ плѣнники. Чрезъ нѣсколько дней присягнули ему Елецъ и Лихвинъ, гдѣ схватили знаменитаго чародѣя Гинска Отіопела.[286] Вскорѣ покорилось ему обширное княжество Сѣверское съ восьмью крѣпостями.

Разсказываютъ, что Димитрій очень благоразумно пользовался столь неожиданнымъ успѣхомъ: болѣе всего заботился о вспомоществованіи Кромамъ, окруженнымъ непріятельскимъ войскомъ; но узнавъ изъ перехваченныхъ писемъ, что осажденные имѣютъ средства къ упорному сопротивленію, перемѣнилъ свое намѣреніе, не считая нужнымъ отваживаться на битву сомнительную, которая могла бы лишить его плодовъ побѣды.

Между тѣмъ, какъ онъ спокойно ждалъ въ Путивлѣ, чѣмъ кончится его дѣло, Борисъ разставлялъ ему разныя сѣти, обѣщая подданнымъ забыть прошедшее и щедро наградить ихъ, если выдадутъ ему Димитрія живымъ или мертвымъ. Къ тому присовокупилъ самое опасное для Димитрія средство, граммату архипопа, — такъ называютъ Русскіе патріарха, —[287] который отлучилъ всѣхъ приверженцевъ его отъ церкви. Димитрій, узнавъ отъ плѣнниковъ о ковѣ Борисовомъ и удостовѣрившись въ томъ письмами, найденными въ ихъ сапогахъ,[288] не только оставилъ виновниковъ безъ всякаго наказанія, но простилъ ихъ и вручилъ имъ къ архипопу очень ласковое письмо, которымъ увѣщавалъ святителя не забывать своей обязанности и не вмѣшивать религіи въ дѣло неправое. Говорятъ, что онъ писалъ и къ Борису, совѣтовалъ ему одуматься и оставить престолъ, неправильно присвоенный, дозволяя избрать

монастырь, какой ему понравится, съ очень выгодными условіями для его и семейства его. Борисъ отвергъ предложеніе съ негодованіемъ.

Все случилось въ то время, когда при дворѣ Московскомъ находились послы Датскій и Шведскій, которые, пользуясь вторженіемъ Поляковъ въ Россію, старались заключить съ Москвитянами союзъ, въ надеждѣ повредить Сигизмунду. Разсказываютъ, что Борисъ, разгоряченный споромъ съ послами, незапно упалъ въ изнеможеніи; кровь хлынула изъ носа, рта и ушей: онъ умеръ въ исходѣ апрѣля. Одни приписываютъ смерть его апоплексіи, другіе отравѣ. Какъ бы то ни было, не вдругъ прекратилась семилѣтняя власть его надъ Россіею: при первой вѣсти о кончинѣ государя, народъ собрался многочисленною толпою и возвелъ на престолъ вдову его и сына. Вельможи присягнули имъ въ вѣрности; а тѣло Борисово похоронили въ церкви, гдѣ покоятся Московскіе государи, впрочемъ безъ пышныхъ обрядовъ. При этомъ случаѣ сказалъ краснорѣчивое слово (напечатанное въ Кёнигсбергѣ) Рижскій Ливонецъ Константинъ Фидлеръ, братъ Каспара Фидлера, служившаго Московскому государю.[289]

Между тѣмъ, Петръ Басмановъ, ознаменовавшій себя великимъ дѣломъ въ правленіе Борисово, отправленъ былъ къ войску съ неограниченною властію. Въ то время подъ Кромами стоялъ ближній родственникъ Борисовъ, Иванъ Годуновъ, осаждая городъ. И та, и другая сторона, и осажденные и осаждающіе, явили опыты рѣдкаго мужества, какъ при жизни Бориса, такъ и по кончинѣ его. Десять разъ Москвитяне ходили на приступъ, и десять разъ были отражаемы упорствомъ осажденныхъ.

Опасаясь, чтобы Кромскіе жители не были подавлены силою непріятеля, Димитрій послалъ на помощь имъ избранную дружину, подъ начальствомъ Запорскаго. Неувѣренный въ успѣхѣ сраженія, Запорскій употребилъ хитрость, чтобы посѣять ужасъ и недоумѣніе въ станѣ враговъ: для виду отправилъ къ осажденнымъ письмо, которымъ увѣдомлялъ ихъ, что вблизи находятся

40,000 вспомогательнаго войска, и совѣтовалъ имъ быть твердыми. Это письмо вручилъ онъ простодушному человѣку, который, бывъ самъ обманутъ, обманулъ и другихъ. Запорскій постарался, чтобы посланный шелъ по дорогѣ, занятой непріятелями, и чтобы они схватили его. Такъ и случилось. Пойманный Москвитянами и преданный пыткѣ, онъ подтвердилъ все, что было сказано въ письмѣ, ибо самъ вѣрилъ ему, и тѣмъ произвелъ въ станѣ враговъ страшное волненіе, почти мятежъ. Годуновъ, оставивъ при крѣпости 2,200 всадниковъ и приказавъ имъ никого не допускать къ осажденнымъ, самъ, съ главнымъ войскомъ, пошелъ на встрѣчу непріятелю. Запорскій, стараясь подкрѣпить молву, распространившуюся въ непріятельскомъ лагерѣ, устроилъ къ бою свою дружину, и чтобы отрядъ его казался многочисленнѣе, велѣлъ сѣсть на копей всѣмъ своимъ служителямъ; сверхъ того, разослалъ въ разныя стороны нѣсколько человѣкъ, которые страшнымъ крикомъ должны были увѣдомить о приближеніи мнимаго вспомогательнаго войска.

Годуновъ сначала ударилъ стремительно; мужество Польскихъ копѣйщиковъ остановило Русскихъ, а всеобщая молва о приближеніи вспомогательнаго войска заставила ихъ помышлять о покорности Димитрію. Прежде всѣхъ передался ему Петръ Басмановъ, знаменитый при Борисѣ Годуновѣ: онъ перешелъ къ Запорскому съ нѣсколькими тысячами воиновъ, и обратясь къ приверженцамъ Борисовымъ, закричалъ изо всей силы, что Димитрій есть законный наслѣдникъ Московскаго престола, и что каждый истинный сынъ отечества долженъ присягнуть ему. Тутъ все взволновалось; многіе, оставивъ знамена Годунова, изъявили готовность послѣдовать примѣру Басманова. Къ нему присоединились и бояре; избранные изъ числа ихъ пять сотъ человѣкъ немедленно были посланы къ Димитрію, находившемуся въ Путивлѣ: онъ принялъ ихъ благосклонно и привелъ къ присягѣ. Это случилось 23 мая 1605 года. Иванъ Годуновъ, по отозваніи въ Москву Борисомъ Годуновымъ товарищей его, Мстиславскаго и

Шуйскаго, оставшійся главнымъ вождемъ царскаго войска, обратился въ бѣгство: его догнали и заключили въ оковы, за то, что онъ не хотѣлъ ударить челомъ Димитрію и признать его царевичемъ. Въ станѣ Борисовомъ найдено 70 орудій, изъ которыхъ нѣкоторыя были такой величины, что два человѣка насилу могли охватить одно орудіе.

Измѣна войска взволновала столицу; народъ съ восторгомъ произносилъ имя Димитрія; а вдову умершаго государя съ сыномъ и дочерью отдали подъ стражу: мать, устрашенная ненавистью ли народа, или скорымъ пришествіемъ Димитрія, приняла отраву; она хотѣла отравить и дочь и сына, чтобы избавить ихъ отъ насмѣшекъ побѣдителя. Сынъ выпилъ смертную чашу, и погибъ; но дочь спаслась отъ смерти, принявъ противоядіе. Такъ разсказываютъ приверженцы Димитрія; другіе же повѣствуютъ, что по его приказанію отравили мать и сына, а дочери даровали жизнь, готовя ее въ наложницы Димитрію. Говорятъ, что Нѣмцы, служившіе въ войскѣ Борисовомъ, наиболѣе содѣйствовали перевороту, переманивъ съ собою многихъ недоброжелателей Годунова.

Чрезъ два дни послѣ освобожденія Кромъ отъ осады, Димитрій, по единодушному желанію бояръ, отправился въ путь къ Москвѣ; оставивъ Кромы, онъ занялъ Тулу и далъ здѣсь войску двое сутокъ для отдохновенія; оттуда перешелъ въ Орелъ.[290] Вездѣ встрѣчали его многочисленныя толпы народа, желавшаго видѣть новаго государя. Наконецъ, совершивъ двадцать переходовъ, онъ вступилъ въ столицу 20 іюня, гдѣ Москвитяне съ радостію привѣтствовали его именемъ царя Русскаго, великаго князя Московскаго, обладателя многихъ странъ, царя Казанскаго и Астраханскаго (оба государства присоединилъ къ Россіи Іоаннъ Васильевичъ). Ему предшествовали Польскіе всадники, вооруженные, по ихъ обычаю, копьями, съ трубами и литаврами; за ними слѣдовали нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, среди которыхъ шесть коней везли Димитріеву колесницу. Далѣе, вели верховыхъ лошадей великаго

князя, въ драгоцѣнной збруѣ, подъ парчевыми чепраками. Въ слѣдъ за колесницею шли молодые священнослужители съ хоругвями, на которыхъ были изображены лики св. угодниковъ или евангеліе. Попы несли иконы пресвятой Богородицы и чудотворца Николая, патрона Москвитянъ. Толпу ихъ заключалъ патріархъ или митрополитъ, впереди котораго находились 4 свѣщеносца; нѣсколько вдали отъ него, ѣхалъ Димитрій, одинъ, на бѣломъ иноходцѣ, сопровождаемый свитою знатнѣйшихъ бояръ. Слѣдуя за духовенствомъ, великій князь вступилъ въ священный храмъ Богоматери, и сотворивъ тамъ молитву, отправился въ соборъ св. архангела Михаила, гдѣ погребенъ отецъ его. Узнавъ, что здѣсь лежалъ и Борисъ, Димитрій приказалъ вырыть тѣло его изъ могилы и похоронить за городомъ, въ бѣдной часовнѣ;[291] а проѣзжая мимо собственнаго Борисова дома, велѣлъ тотчасъ разрушить его, какъ вертепъ злаго чародѣйства. Разсказываютъ, что въ подземельи дома находилась статуя таинственнаго вида, съ горящею въ рукѣ лампадою, обсыпанная внизу значительнымъ количествомъ пороха: увѣряютъ, что еслибъ масло догорѣло, лампада упала бы съ огнемъ на землю, порохъ вспыхнулъ бы и, поднявъ на воздухъ весь домъ, разрушилъ бы сосѣдственныя зданія; къ счастію, говорятъ, замыселъ былъ открытъ и статую сокрушили до гибельнаго взрыва. Борисъ обвинялъ въ чародѣйствѣ Димитрія; Димитрій уличалъ въ томъ же Бориса: въ Россіи и теперь во всемъ видятъ колдовство и жалуются на чародѣевъ.

Послѣ того, новый государь вступилъ въ царскій дворецъ и съ жаромъ принялся за кормило правленія. Очевидно удаляя отъ себя Русскихъ вельможъ, онъ удостоивалъ своей довѣренности однихъ Поляковъ, иноземцевъ, ненавистныхъ Москвитянамъ. Вотъ главная ошибка его, по мнѣнію многихъ людей! Если онъ и имѣлъ причины однихъ подозрѣвать, а другихъ жаловать; при всемъ томъ надобно было выждать время для обнаруженія своихъ мыслей; надлежало сперва утвердиться на престолѣ, чтобы тѣмъ лучше исполнить свои намѣренія. Вмѣсто того, увлекаемый пылкимъ

желаніемъ нетерпѣливой воли и внушеніями совѣтниковъ, имѣвшихъ надъ нимъ слишкомъ много власти, онъ въ цвѣтѣ лѣтъ, отъ излишней поспѣшности, погрузилъ и себя и свое счастіе въ бездну злополучія.

Въ первые дни своего царствованія, Димитрій принималъ отъ вельможъ присягу на вѣрность и наказывалъ мятежниковъ. Болѣе 70 благородныхъ семействъ, бывшихъ въ родствѣ съ Борисомъ, или державшихъ его сторону, сосланы за предѣлы государства, для того, чтобы имущества ихъ, какъ онъ говорилъ, раздать чужеземцамъ, въ особенности Полякамъ, и приманить ими въ Россію новыхъ поселенцевъ. Вотъ первое сѣмя всеобщей къ нему злобы, породившее такіе же плоды, какъ въ недавнее время и въ Венгерскомъ государствѣ, гдѣ Матѳей, воспользовавшись неудовольствіемъ магнатовъ, огорченныхъ презрѣніемъ, вырвалъ королевство изъ рукъ брата своего, императора Римскаго.[292] Начавъ правленіе строгостію, Димитрій явилъ примѣръ великодушія, простивъ Ѳедора Романовича Шуйскаго,[293] знатнѣйшаго изъ бояръ, въ намѣреніи примириться съ недовольными подданными. Это великодушіе погубило его: по неисповѣдимому суду Божію, тотъ, кого избавилъ онъ отъ заслуженной казни, тотъ самый отмстилъ ему за невинныя жертвы его несправедливости. Когда всѣ бояре, ласкательствуя царю, падали къ стопамъ его, одинъ Шуйскій, недовольный новымъ правленіемъ и опасаясь гибельныхъ слѣдствій, былъ непреклоненъ; раздражалъ Димитрія упорствомъ и, презирая опасность, распускалъ о немъ молву неблагопріятную; говорилъ, что царь есть пришлецъ, бродяга, что онъ замышляетъ съ злодѣями Россіи, то есть Поляками, разрушить святые храмы, и что открывъ въ нее путь иноземцамъ, хочетъ истребить древнее дворянство Русское. Димитрій, одаренный искусствомъ убѣжденія, оправдалъ себя въ совѣтѣ вельможъ помощію многорѣчія, и вооружилъ ихъ ненавистью къ виновнику клеветы: Шуйскій былъ схваченъ, преданъ суду и за дерзкія слова приговоренъ къ смерти. 6 іюля его вывели на мѣсто казни: когда онъ палъ на колѣни, и

совершивъ всенародно молитву, ожидалъ отъ палача удара, Димитрій присланною грамматою остановилъ казнь и даровалъ виновнику жизнь.

Все дѣлалось по желанію Димитрія; одни Псковитяне, постоянные въ упорствѣ, не признавали его власти: Димитрій посылалъ имъ грамматы, обѣщалъ забыть все прошедшее; наконецъ склонилъ ихъ къ покорности; воеводу также, и всѣхъ простилъ. Доселѣ правленіе его было счастливо и утѣшительно: народъ торжественно возсылалъ къ небу мольбы о здравіи его; имя же Борисово проклинали. Немедленно выбили монету въ воспоминаніе новаго государя и для всеобщаго употребленія. Разсказываютъ писатели, преданные Димитрію, что въ то время, когда всѣ ожидали отъ него счастія въ будущемъ, найдены были въ государственной казнѣ ненавистныя сокровища,[294] несмѣтное количество золота и серебра на нѣсколько милліоновъ, также двѣнадцать мѣръ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ: все это частію расточено имъ при жизни, частію роздано изъ тщеславія, и все вмѣстѣ съ нимъ исчезло.

Днемъ коронованія назначено было 1 сентября, когда Русскіе, подобно древнимъ Іудеямъ, начинаютъ новый годъ: Димитрій для многихъ причинъ ускорилъ торжество, и короновался въ концѣ іюля. А чтобы подкрѣпить свое право на корону, пригласилъ въ Москву мать царевича, заключенную повелѣніемъ Бориса, послѣ мнимой смерти сына ея, въ небольшомъ монастырѣ, далеко отъ столицы. Посланы были за нею знатнѣйшіе сановники; самъ онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу, съ притворнымъ уваженіемъ; едва завидѣлъ ее издали, скочилъ съ лошади, прошелъ значительное пространство пѣшкомъ и со слезами бросился въ ея объятія. Послѣ того, съ открытою головою, провожалъ колесницу своей матери до самого замка; отсюда царица чрезъ нѣсколько времени переселилась со всѣми женщинами своими въ монастырь, куда обыкновенно удаляются благороднѣйшія вдовы и дѣвицы. Въ продолженіе всего этого времени, любопытные замѣтили, что мать

истиннаго Димитрія отвѣчала царю подобными же ласками, искренними или притворными, неизвѣстно: впрочемъ перенесенная изъ печальнаго уединенія въ кругъ радости и веселія, она не могла смотрѣть безъ восторга даже и на самозванца, коему обязана была такимъ благодѣяніемъ.

По вступленіи Димитрія на престолъ и по окончаніи торжественныхъ обрядовъ, патеръ Николай Кнермоковскій, изъ ордена езуитовъ, привѣтствовалъ его краснорѣчивымъ словомъ; сенатъ также приносилъ ему поздравленіе. Царь отвелъ езуитамъ обширный дворъ, недалеко отъ дворца, гдѣ они могли свободно священнодѣйствовать по Римскому обряду; уже тогда, подстрекаемый усерднымъ желаніемъ ихъ, онъ обнаружилъ бы тайныя мысли души своей, если бы не остановилъ его Шуйскій, который, помышляя о престолѣ, искалъ удобнаго случая исполнить свой замыселъ.

Полагаясь на обманчивую тишину внутреннюю и внѣшнюю, Димитрій заботился о наградѣ Поляковъ за добрыя услуги, о утвержденіи съ Польшею мира, о бракѣ и наслѣдникѣ для укрѣпленія своего престола. Въ слѣдствіе того, отправлено было въ Польшу почетнѣйшее посольство, состоявшее изъ 300 дворянъ, подъ начальствомъ главнаго казначея царскаго, Аѳанасія Ивановича Власьева. 14 ноября прибывъ въ Краковъ, онъ явился къ Сигизмунду и объяснилъ ему цѣль своего прибытія. Власьевъ говорилъ королю, что государь его, рѣшившись пріобрѣсть благосклонность Поляковъ, дабы ихъ силами оградить себя отъ легкомысленныхъ и подозрительныхъ Москвитянъ, не сомнѣвается въ радости короля и всего Польскаго сената о восшествіи его, сверхъ всякаго чаянія и ожиданія, на древній престолъ прародительскій; что обязанный успѣхомъ во-первыхъ благости Всевышняго, а во-вторыхъ содѣйствію короля и всѣхъ вельможъ королевскихъ, онъ никогда не забудетъ ихъ благодѣянія; что, сверхъ того, размышляя о средствахъ къ распространенію имени и закона христіанскаго, онъ съ великою горестію слышитъ о безнаказанномъ, долго-

лѣтнемъ опустошеніи королевствъ и земель христіанскихъ ненавистнымъ тираномъ Турецкимъ, который, къ сожалѣнію, и прежде терзалъ и теперь ежедневно терзаетъ нѣкогда столь цвѣтущее Венгерское королевство, хотя въ томъ и нельзя винить непобѣдимаго императора Рудольфа, отмстившаго мужественно, по мѣрѣ силъ своихъ, проклятому губителю; что государь Московскій не можетъ не сокрушаться, не проливать горькихъ слезъ, при одной мысли о нечестивомъ осквернены святыхъ мѣстъ, ознаменованныхъ стопами Спасителя, Его жизнію, чудесами, Его драгоцѣнною кровію освященныхъ, нынѣ же попираемыхъ лютыми, безбожными изувѣрами; что царь, для освобожденія сихъ странъ, намѣреваясь соединить свои силы съ могущественнымъ королемъ Польскимъ и другими христіанскими вѣнценосцами, не пощадитъ ни своей казны, ни собственной крови; а между тѣмъ, желая упрочить съ королемъ вѣчный миръ, проситъ дозволенія сочетаться бракомъ съ природною Полькою, Анною-Мариною, дочерью воеводы Сендомирскаго Георга Мнишка, который имѣетъ полное право на благодарность за ласковый пріемъ его, Димитрія, еще бѣднаго странника, и за содѣйствіе ему, не безъ опасности собственной жизни, и казною и войскомъ овладѣть прародительскою державою.[295]

Король, принявъ посла благосклонно, отвѣтствовалъ, что онъ съ особеннымъ доброжелательствомъ слышитъ столь благодарныя и лестныя мысли царя Московскаго; за пріятное же привѣтствіе посылаетъ взаимный поклонъ, моля Всевышняго о благоденствіи Димитріевой державы; весьма радуется удачному пріобрѣтенію имъ Русскаго престола, законнаго наслѣдства его; съ удовольствіемъ слышитъ, какую горесть возбуждаютъ въ Димитріи успѣхи Турковъ, и охотно соглашается на предлагаемый союзъ, безъ рѣшительнаго впрочемъ обязательства, котораго безъ согласія всѣхъ вельможъ и Польскаго сената дать не можетъ. Относительно же намѣренія государя Московскаго сочетаться бракомъ съ дочерью воеводы Сендомирскаго, король не только изъявилъ свое согласіе, но и съ величайшею охотою принялъ такое предложеніе, моля

Всевышняго освятить, во славу Его имени, въ утвержденіе вѣчнаго мира, союзъ между обоими столь могущественными народами. Въ осьмой день по пріѣздѣ посла, совершилось обрученіе: священнодѣйствовалъ епископъ Краковскій кардиналъ Бернардъ Маціовскій; невѣста, отецъ ея и посолъ Московскій были угощаемы великолѣпнымъ пиршествомъ; за столомъ сидѣли представители и другихъ государей, также и Персидскій посланникъ. Разсказываютъ, что Димитрій прислалъ невѣстѣ и отцу ея, вмѣсто свадебныхъ закусокъ, подарокъ цѣною въ 200,000 злотыхъ.

Царская невѣста, съ родителемъ своимъ, шуриномъ, посломъ Московскимъ и бывшими при ней женщинами, медленно подвигалась къ Москвѣ, сопровождаемая многочисленною свитою: всѣ желали видѣть отдаленныя страны, брачное веселіе, могущество Русскаго государя и сокровища, расточаемыя для всеобщей радости. Тогда же отправились въ Россію многіе купцы Италіянскіе и Нѣмецкіе, съ надеждою корысти; но жестоко обманулись: большею частію они погибли на Московской свадьбѣ; немногіе избѣжали смерти безъ потери имущества. О продолжительности пути можно судить изъ того, что гости, отправясь въ концѣ января, не прежде 26 апрѣля пріѣхали въ Москву, и еще не успѣвъ оглядѣться, погибли. Въ седьмой день по пріѣздѣ невѣсты, Петръ Басмановъ, любимецъ царя, и знатнѣйшіе бояре ввели ее въ царскій дворецъ, при звукѣ трубъ; тамъ принялъ ее женихъ съ величайшими ласками, а благороднѣйшія жены и дѣвицы принесли ей почтительныя поздравленія. Исполняя обыкновеніе Русскихъ, она вскорѣ удалилась отсюда въ монастырь, жилище царской матери, и оставалась тамъ до свершенія брачнаго союза. Наконецъ, въ четвертый день, когда все было готово для торжественнаго обряда, ее ввели опять въ царскія палаты, великолѣпно убранныя; вечеромъ была всенощная, а на другой день свадьба, которую совершилъ Русскій патріархъ. Царицу короновали съ торжественными обрядами; женихъ, принявшій титло императора, приказалъ нести предъ собою скипетръ, державу и мечъ, а предъ

невѣстою императорскую корону на парчевой, краснаго цвѣта, подушкѣ. Стѣны храма были обиты драгоцѣнною красною тканью съ золотою бахрамою. Отсюда молодые супруги, имѣя на головахъ короны, съ великою пышностію, при громѣ трубъ, барабановъ, отправились во дворецъ, гдѣ они провели ночь въ обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ увеселеніяхъ.

Но тяжкія заботы томили душу Димитрія. Его безпокоили извѣстія о заговорѣ, составленномъ мѣсяцевъ за шесть до свадьбы и уже готовомъ вспыхнуть. Для огражденія себя, онъ прибѣгнулъ къ чужеземной помощи; когда же узналъ, что народъ негодуетъ на довѣренность его къ иностранцамъ болѣе, чѣмъ къ Русскимъ, считая такой поступокъ новостью безпримѣрною, ибо никто изъ прежнихъ царей не употреблялъ иноземной стражи, Димитрій неблагоразумно поспѣшилъ распустить не только тѣлохранителей, но и всѣхъ воиновъ иноземныхъ, при немъ находившихся, въ надеждѣ угодить народу. Но тѣ, не получивъ при увольненіи большею частію заслуженной награды и негодуя на такую неблагодарность, удалились на предѣлы государства съ Поляками, также уволенными, и тамъ долгое время злодѣйствовали неслыханнымъ образомъ; что не мало раздражало Русскихъ, уже недовольныхъ великимъ княземъ и подстрекаемыхъ нѣкоторыми боярами: одни изъ нихъ подозрѣвали царскій родъ Димитрія, другіе не одобряли его намѣреній и обычаевъ, а иные съ негодованіемъ смотрѣли на милость его къ Полякамъ и чужестранцамъ. Отъ того ежедневно появлялись одни за другими мятежныя скопища. Димитрій старался смирить недовольныхъ; но безпрестанные допросы людей подозрительныхъ, тѣлесныя наказанія, ссылки, пытки, смертныя казни только раздражали умы и довели народъ до явнаго неповиновенія. Предчувствуя близкую опасность, царь, въ позднемъ раскаяніи объ увольненіи войска иностраннаго, набралъ новыхъ тѣлохранителей изъ Нѣмцевъ и Ливонцевъ, присовокупивъ къ нимъ три сотни Французовъ, Англичанъ и Шотландцевъ. Сотнею Французовъ начальствовалъ уроженецъ Сенскій, Яковъ Мар-

жеретъ, котораго въ послѣдствіи мы видѣли. Они были вооружены протазанами и носили бархатную одежду, вышитую золотомъ. Сотникомъ Англичанъ былъ Матвѣй Кнотсенъ, Шотландцевъ Албертъ Ланта. Оружіемъ тѣхъ и другихъ были алебарды; одѣвались же по праздникамъ въ кафтаны бархатные, а по будиямъ въ красные, суконные, весьма нарядные. Тѣлохранителямъ производилось жалованья болѣе, чѣмъ прочимъ войскамъ, соразмѣрно достоинству каждаго. Но при наступленіи опасности, они были позднею и слабою опорою.

Не задолго предъ тѣмъ, прибылъ въ Москву Польскій посолъ Александръ Гонсѣвскій-Корвинъ, съ драгоцѣнными дарами и съ письмомъ королевскимъ къ Димитрію: царь не хотѣлъ ни принять, ни распечатать письма, потому, что въ надписи не былъ онъ названъ императоромъ и монархомъ. Оправдывая короля, посолъ наговорилъ Москвитянамъ много досаднаго. «Пусть царь «вашъ», сказалъ онъ «идетъ на Турковъ, и у султана отниметъ «титло императора!» Впрочемъ Димитрій искусно скрылъ свою досаду, помня прежнія услуги Поляковъ и ожидая отъ нихъ новыхъ, необходимыхъ. Время проходило въ забавахъ и увеселеніяхъ; а ропотъ болѣе и болѣе усиливался. Въ день, когда купечество, по старинному обычаю, должно было поднести царю подарки, случился праздникъ, предпочитаемый суевѣрными Москвитянами самой Пасхѣ:[296] они вознегодовали явно, увидѣвъ, что императоръ и императрица, имѣя на главахъ короны, сидѣли за пышнымъ царскимъ столомъ, принимали свадебные дары и угощали какъ своихъ, такъ и чужеземцевъ, роскошнымъ пиромъ. Въ числѣ пировавшихъ находился и Польскій посолъ, который до праздника объявилъ, что не будетъ участвовать въ немъ, если ему не дадутъ мѣста за столомъ царскимъ, каковой чести удостоили въ Краковѣ посла Московскаго. Русскіе сначала рѣшительно отвергли такое требованіе; Димитрій наконецъ уступилъ. Много на этомъ праздникѣ было шума и соблазна; дѣло дошло было до драки, отъ гордости и высокомѣрія Поляковъ, обходив-

шихся съ Русскими, какъ съ побѣжденными. Въ слѣдующій день разосланы были по домамъ кушанья въ золоченыхъ блюдахъ тѣмъ особамъ, которыя наканунѣ поднесли подарки; а чтобы кто не счелъ такой чести вознагражденіемъ за дары, велѣно было кушанья отдать, а блюда возвратить. Веселились еще нѣсколько дней, при звукахъ трубъ, при трескѣ литавръ, при громѣ пушекъ; построили даже для воинской потѣхи деревянную крѣпость и забавлялись битвами.

Между тѣмъ безпрестанно обнаруживались признаки заговора, составленнаго еще до прибытія невѣсты и доселѣ не приведеннаго въ дѣйствіе только потому, что Русскіе жаждали болѣе добычи и такъ были увѣрены въ успѣхѣ, что отъ медленности нисколько не опасались неудачи. Димитрій, прежде совершенно спокойный, сталъ теперь опасаться, совѣтовалъ Полякамъ быть осторожными и собралъ во дворцѣ всѣхъ новыхъ тѣлохранителей своихъ. Наконецъ наступила пятница. Поляки приготовлялись къ защитѣ, Русскіе къ нападенію: думали, что народъ вооружается местью на однихъ Поляковъ и не тронетъ государя. Вечеромъ бояре приказали Москвитянамъ быть готовыми на слѣдующее утро; никто не ожидалъ столь близкой опасности: императрица даже велѣла приготовить къ воскресенью великолѣпное пиршество.

Заговорщики не хотѣли долѣе откладывать своего умысла и въ субботу 17 мая, рано утромъ, соединились. Къ нимъ пристали толпы дворянства и черни. Раздался мятежный крикъ: «смерть Димитрію и Полякамъ!» Одни, жадные добычи, бросаются въ жилища Поляковъ, осаждаютъ ихъ, грабятъ, рѣжутъ, бьютъ; другіе стремятся ко дворцу, гдѣ только встрѣчаютъ немногихъ тѣлохранителей: медленность въ исполненіи заговора, распаливъ ярость злоумышленниковъ, разсѣяла опасенія Димитрія. Во дворцѣ не было даже ни одного сотника. Маржеретъ былъ боленъ, какъ онъ самъ мнѣ сказывалъ; болѣзнь спасла его отъ смерти. Мятежники дѣлали свое дѣло съ такою быстротою и съ такимъ бѣшенствомъ, что многіе Русскіе, одѣтые по-Польски, пали подъ

ихъ ударами, не бывъ узнаны. Немногіе тѣлохранители, по кратковременномъ сопротивленіи, положили оружіе. Петръ Басмановъ, прибѣжавшій на шумъ полунагой, чтобы укротить волненіе, былъ заколотъ однимъ изъ своихъ служителей.[297]

Между тѣмъ Шуйскій, предводитель мятежниковъ, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой обнаженный мечъ, приказалъ бить набатъ въ большой колоколъ, какъ будто по случаю пожара, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы разбудить и выманить Димитрія изъ внутреннихъ покоевъ; въ то же время разгласилъ по городу, для воспламененія злобы народной, будто Поляки вооружаются и хотятъ истребить всѣхъ Русскихъ. Пробужденный шумомъ, Димитрій вскорѣ замѣтилъ, что въ городѣ не пожаръ, а большая бѣда; схватилъ Турецкую саблю, бросился въ окно и отъ сильнаго паденія вывихнулъ ногу, такъ, что едва могъ подняться; толпа окружила его, и по приказанію Шуйскаго отвела въ аудіенцъ-залу, гдѣ обыкновенно принимаются послы иноземные. Тамъ какой-то бояринъ сталъ упрекать его въ измѣнѣ, обманѣ, злодѣйствѣ: царь, всегда стремительный въ гнѣвѣ, взмахнулъ саблею и однимъ ударомъ повергъ его на землю; потомъ обратился къ вельможамъ и смиренно просилъ дозволенія поговорить съ народомъ, чтобы открыть истину; но бояре не согласились.

Такъ повѣствуютъ одни писатели; другіе разсказываютъ иначе: Димитрій, говорятъ они, видя опасность, требовалъ чтобы Шуйскій спросилъ вдову Іоаннову, жившую тогда въ Москвѣ, признаетъ ли она его сыномъ своимъ, соглашаясь немедленно погибнуть, если бы она отреклась отъ него. Шуйскій немедленно вызвалъ ее изъ монастыря, находившагося не въ дальнемъ разстояніи, и она въ присутствіи вельможъ, съ торжественною клятвою, объявила что рожденный ею Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, давно уже погибъ отъ безчеловѣчнаго вѣроломства Борисова, и что она доселѣ таила истину, видя всеобщую благосклонность народа къ обманщику; притомъ же не безъ удовольствія смотрѣла на того, кто отмстилъ за смерть истиннаго Димитрія

низверженіемъ лютаго злодѣя, думая, что самъ Богъ послалъ мстителя. Тогда всѣ бросились на самозванца и поразили его многими ударами. Такъ разсказано это событіе въ донесеніи Петра Патерсона Упсальскаго, бывшаго тогда въ Россіи.

Не то говорятъ другіе писатели, которые доселѣ еще сомнѣваются, былъ ли Димитрій обманщикъ: они упрекаютъ заговорщиковъ въ томъ, что не выслушали всенародно оправданій Димитрія, который просилъ о томъ убѣдительно; коварно утаили всѣ его показанія и вмѣстѣ съ нимъ убили одного Нѣмца, тѣлохранителя, бывшаго при допросѣ, изъ опасенія, чтобы онъ не разгласилъ словъ своего государя.[238]

Изуродованное тѣло Димитрія, по грязной улицѣ выволокли на площадь, привязавъ къ ногамъ веревку,[239] и тамъ, покрытое нечистотою и кровью, разложили для всенароднаго зрѣлища на столѣ, бросивъ подъ него трупъ Басманова, который, однажды давъ слово быть вѣрнымъ, не измѣнилъ обѣщанію. Въ такомъ положеніи они оставались четверо сутокъ. Для большей насмѣшки, кинули на животъ убитаго государя безобразную и безстыдную маску, найденную, какъ увѣряли, въ комнатахъ наложницъ его, а въ ротъ всунули дудку, употребляемую Польскими крестьянами, въ награду за искусство музыканта, или, какъ другіе толковали, для заплаты привратнику при входѣ въ адъ. Такъ поступали съ мертвымъ тѣ люди, которые живому, вмѣстѣ съ вельможами, кланялись благоговѣйно!

Мятежники приступили къ жилищу воеводы Сендомирскаго; но какъ его охраняли воины, то оставивъ при домѣ караулъ, они бросились къ дворамъ другихъ Поляковъ, изъ которыхъ многіе храбро защищались отъ грабителей, и хотя были подавлены числомъ, но дорого продавали свою жизнь. Одинъ только Вишневецкій, послѣ упорной битвы, въ которой пало много Русскихъ, рѣшился выставить бѣлое знамя, въ знакъ согласія на сдачу: ибо видѣлъ, что къ дому его подвезли пушки; въ тоже время приказалъ разбросать предъ входомъ множество денегъ, и когда

чернь кинулась подбирать ихъ, онъ съ мечемъ въ рукѣ открылъ себѣ путь, сразилъ многихъ на мѣстѣ и наконецъ сдался, на честное слово, подоспѣвшимъ изъ дворца боярамъ.

Злополучная невѣста, лишенная и безцѣнныхъ сокровищъ своихъ, и всѣхъ нарядовъ, безпокоилась только объ отцѣ и родственникахъ; теперь верхомъ блаженства для нея было сохранить одну жизнь и невредимо возвратиться въ отечество, откуда недавно пріѣхала она съ такою пышностью. Чуть дыша, въ слабой надеждѣ, безъ платья, безъ постели, едва прикрытая одною рубахою, она съ трепетомъ ожидала, когда затихнетъ ярость черни.

Не одни люди военные, прибывшіе въ Москву съ Димитріемъ, но и многіе купцы испытали злобу народа: Амвросій Челари, родомъ изъ Милана, потерялъ 30,000 червонцевъ, а потомъ и самую жизнь. Якову Вину отрубили голову собственною его саблею. Натанъ, купецъ Аугсбургскій, заплатилъ за свою жизнь 150,000 флориновъ, а Николай Львовскій 50,000. Немтескій, банкиръ Польскій, на канунѣ убійствъ, далъ Димитрію много жемчугу и разныхъ товаровъ драгоцѣнныхъ; а два купца Аугсбургскіе ссудили ему 20,000 флориновъ, и всего лишились. Марцелли потерялъ 100,000 флориновъ. Въ тотъ день погибло 1,200 Поляковъ; многихъ спасли бояре. Русскихъ пало 400. Наконецъ, по захожденіи солнца, мятежъ затихъ: ночью водворилась глубокая тишина во всемъ городѣ. Трупы убіенныхъ трое сутокъ валялись въ грязи; бѣшеный народъ едва согласился похоронить ихъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ.

По прекращеніи столь ужаснаго кровопролитія, бояре составили совѣтъ, и первымъ предметомъ ихъ совѣщаній было избраніе новаго государя: опасались новыхъ смятеній отъ безначалія. Шуйскій, замѣтивъ, что многіе къ нему были благосклонны, старался увеличить число своихъ приверженцевъ и оправдать себя въ прошедшемъ; для того, какъ разсказываютъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Бояре, товарищи и друзья любезные! ненависть къ лютому тирану довела меня до многихъ поступковъ, въ

которыхъ я раскаяваюсь и самъ себя виню; да послужитъ мнѣ оправданіемъ преданность къ царскому роду и любовь къ отечеству. Надѣюсь, что я довольно потрудился съ вами, дабы загладить свою ошибку. Богъ даровалъ Русскому царству, величайшему изъ государствъ христіанскихъ, владѣтелей знаменитыхъ, древняго, непрерывнаго поколѣнія; преемникъ ихъ по праву наслѣдства, Іоаннъ Васильевичъ, не взирая на клевету многихъ людей, увеличилъ свою державу обширнѣйшими государствами и оставилъ по себѣ столько памятниковъ царскаго величія, что каждый, кого радуетъ слава отечества, не можетъ не похвалить его великаго разума. Государь нѣкогда поручилъ мнѣ заключить миръ съ Польскимъ королемъ Стефаномъ: я исполнилъ его волю, и съ тѣхъ поръ такъ усердно занимался дѣлами отечества мирными и военными, что никто не могъ требовать отъ меня болѣе ревности, заботливости и преданности престолу. По смерти Іоанна, государство разстроилось; Ѳеодоръ былъ слабъ и къ довершенію несчастія бездѣтенъ, такъ, что престолъ управлялся уже не умомъ государя, а волею постороннею, волею того, кто воспрепятствовалъ ему развестись съ безплодною супругою и взять себѣ другую, чего требовали законы государственные, кто, при помощи злодѣевъ погубилъ царскаго отрока, законнаго преемника, кто наконецъ, по общему мнѣнію, тайно отравилъ самого Ѳеодора, и пользуясь случайнымъ родствомъ, овладѣлъ кормиломъ правленія, однимъ словомъ волею Бориса! Душа содрогается при одномъ имени его ненавистномъ! Какой плачъ, какіе стоны, бѣдствія, злополучія ознаменовали все время его правленія! Чтобы избавить себя отъ ига лютаго тирана, я подалъ руку Димитрію, не разбирая его рода и племени (въ самозванствѣ его теперь никто не сомнѣвается), и когда вы спрашивали моего мнѣнія, признать ли того человѣка законнымъ наслѣдникомъ, я далъ вамъ совѣтъ и убѣдилъ васъ возвести его на престолъ; но вскорѣ раскаялся: намъ грозило злополучіе ужаснѣйшее прежняго; я видѣлъ опасность прародительской вѣры, нарушеніе

древнихъ законовъ, распространеніе чуждыхъ нравовъ, гибель свободы отечественной; я видѣлъ, что иноземцы сѣли намъ на шею, и смѣло, съ опасностію собственной жизни, не хотѣлъ воздавать новому тирану почтенія, приличнаго государю законному. Горько подумать, что я обязанъ жизнію тому, кто не имѣлъ права въ моей смерти, хотя я былъ обязанъ ему, какъ разбойнику, который могъ отнять у меня жизнь, и не отнялъ. При всемъ томъ, эта мысль неосновательная нѣсколько времени меня удерживала, когда я болѣе думалъ о молвѣ, нежели о спасеніи государства. Наконецъ любовь къ отечеству восторжествовала: видя васъ готовыми на все, я предложилъ себя вождемъ вашимъ, заботясь уже не о молвѣ, а о славѣ и благоденствіи Россіи. Мы единодушно рѣшились на праведное, спасительное дѣло, — о еслибъ оно было не столь убійственно! и Богъ, располагающій судьбою царствъ, одобрилъ наше предпріятіе счастливымъ успѣхомъ. Теперь, когда мы свергли съ своей выи свирѣпаго тирана, когда разсѣялось ослѣпленіе Русскихъ, уловленныхъ его чародѣйствомъ и обманомъ, теперь мы должны избрать себѣ государя: древнее поколѣніе царей, къ несчастію, пресѣклось; поищемъ такого мужа, который превосходилъ бы всѣхъ знатностью рода, уважалъ бы, какъ святыню, законы и обычаи предковъ, имѣлъ бы всѣ добродѣтели, свойственныя царскому сану, славился бы долговременною въ дѣлахъ опытностью, любилъ бы не пышность, не роскошь царскую, но правосудіе и умѣренность, искалъ бы твердой опоры себѣ въ преданности своихъ подданныхъ, и богатый казною, считалъ бы имущества частныя неприкосновенными. Можетъ быть, вы подумаете, что такого властителя едва ли найти возможно, и что онъ существуетъ только въ моемъ воображеніи; но добрый гражданинъ долженъ желать наилучшаго государя, по крайней мѣрѣ, такого, который бы народу казался наилучшимъ».

По окончаніи рѣчи, приступили къ собранію голосовъ, и царемъ всѣ вельможи провозгласили Шуйскаго. Сначала онъ

скромно отказывался отъ предлагаемой чести; наконецъ, поблагодаривъ избирателей, съ радостію согласился на единодушное желаніе ихъ. Это случилось 20 мая.

Новый царь прежде всего счелъ нужнымъ, для оправданія себя въ убійствѣ Димитрія, обнародовать граммату, въ которой обвиняли мертваго въ томъ, что онъ, бывъ самымъ послѣднимъ въ Москвѣ монахомъ, выдалъ себя за сына Іоанна Васильевича; именовался же прежде Гришкою или Григорьемъ Отрепьевымъ и никогда не хотѣлъ посѣтить монастыря своего; изъ опасенія быть тамъ узнаннымъ; въ юношествѣ прилежно учился, особенно исторіи, былъ искусенъ въ музыкѣ и нѣсколько времени служилъ съ пользою патріарху; но въ то же время занимался чародѣйствомъ, посредствомъ котораго, одержавъ многія побѣды, овладѣлъ престоломъ, къ безславію Русскаго имени. Упрекали его еще въ ереси, въ несоблюденіи постовъ, праздничныхъ дней и торжественныхъ обрядовъ Русской церкви, сверхъ того въ данномъ Римскому первосвященнику обѣщаніи искоренить вѣру предковъ; въ удостовѣреніе чего, обнародовали письма папы, (неизвѣстно, истинныя или ложныя), которыми его святѣйшество убѣждалъ Димитрія исполнить обѣтъ и дать езуитамъ храмы, коллегіи и все необходимое. Къ тому присовокупили договоры, которыми онъ отдалъ тестю своему воеводѣ Сендомирскому Смоленскъ, дочери его, своей женѣ, Новгородъ, а шурьямъ страну Сѣверскую. Обвиняли его еще въ замыслѣ истребить всѣхъ Русскихъ вельможъ, а имѣнія ихъ отдать Полякамъ; для чего онъ приказалъ, подъ предлогомъ увеселенія народа воинскими потѣхами, привезти пушки, чтобы смирить столицу, и лишивъ бояръ свободы, утвердить въ государствѣ власть неограниченную. Кромѣ того, бояре и другіе люди жаловались, что онъ былъ недоступенъ, что многіе, приходившіе къ нему съ просьбами, были отгоняемы неучтиво отъ дворцовыхъ дверей стражею, что онъ принималъ однихъ Поляковъ; если же и выслушивалъ просьбы Русскихъ, никогда ихъ не удовлетворялъ. Далѣе, упрекали

мертваго въ расточительности и непомѣрной роскоши, для которой недостаточно было никакихъ сокровищъ, никакихъ богатствъ: говорили, что онъ приказалъ слить тронъ изъ серебра съ позолотою, по сторонамъ котораго на ступеняхъ стояли по шести львовъ, чего прежде никогда не бывало, не упоминая уже о приказаніи его носить всегда предъ собою, какъ предъ царемъ, скипетръ и корону. Осуждали его еще въ томъ, что покупкою драгоцѣнныхъ каменьевъ и товаровъ иностранныхъ, также безмѣрными издержками на бродягъ, тунеядцевъ, шутовъ, музыкантовъ, и переводомъ значительныхъ суммъ въ Польшу, онъ истощилъ казну государственную. Присовокупили страшное преступленіе: говорили, что приказавъ убить жену и сына Бориса Годунова, дочери его онъ даровалъ жизнь, и растлилъ ее въ послѣдствіи; что часто, посѣщая монастырь, гдѣ жила невѣста, осквернялъ его непристойными поступками, плясками и безстыдными пѣснями, оскорбляя взоры и слухъ благочестивыхъ инокинь и всего народа, и что многихъ монахинь сверхъ того лишилъ цѣломудрія; монаховъ жѐ и другихъ людей набожныхъ неоднократно сѣкъ кнутомъ; а монастыри ограбилъ неслыханнымъ разореніемъ, взявъ у нихъ, подъ видомъ займа, значительныя суммы, съ намѣреніемъ никогда не возвращать. На него же возлагали всю вину въ наглыхъ поступкахъ Поляковъ и другихъ чужеземцевъ, также и въ опустошеніи Астрахани со всѣми ея гаванями, наполненными товарами, говоря, что разбойники разорили эту область по его повелѣнію, по крайней мѣрѣ съ его вѣдома. Въ заключеніе жаловались на буйство Поляковъ, которые вступили въ Россію, какъ бы въ землю покоренную ихъ оружіемъ, и столь были наглы, что жены самыхъ знатныхъ вельможъ не смѣли явиться на улицѣ, опасаясь ихъ необузданнаго сладострастія; что многія боярыни были извлекаемы изъ домовъ, даже изъ объятія мужей; что Димитрій, получая непрестанныя жалобы на столь неслыханную дерзость, никогда не хотѣлъ явить примѣрнаго наказанія виновнымъ; что во все время его правленія, только одинъ былъ обвиненъ

приговоромъ суда, и того Поляки, считая себѣ все дозволеннымъ, исхитили изъ рукъ правосудія, убивъ палача.[300] Наконецъ, для лучшаго убѣжденія въ обманѣ, когда случился необычайный морозъ, истребившій вездѣ плоды, и чернь, уже озлобленная убійствами, приписала это бѣдствіе гнѣву Божію, присудили вырыть тѣло бѣднаго Димитрія, погребенное за городомъ, сожгли его и развѣяли прахомъ. Доселѣ не рѣшено, былъ ли онъ Димитрій, или обманщикъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Tyrann. Такъ называютъ Іоанна IV всѣ вообще иноземные современные писатели; потомство отвергло неосновательное прозваніе и, согласно съ характеромъ Іоанна, именуетъ его *Грознымъ*.

2.

Петрей: «По смерти безчеловѣчнаго мучителя *(Іоанна IV)*, въ Россіи случилось странное событіе: царь назначилъ опекуномъ своихъ дѣтей Богдана Бѣльскаго (Bogda Bielßki), вельможу знатнаго, сильнаго, первостепеннаго; но Бѣльскій, задумавъ устранить царевичей отъ престола и присвоить себѣ достоинство великаго князя, собралъ многихъ единомышленниковъ и овладѣлъ Кіевомъ; бояре и граждане вооружились противъ него: ибо, зная гордость и жестокосердіе властолюбца, они опасались вновь испытать всю тягость ужаснаго деспотизма; посему какъ высшія, такъ и низшія сословія, избравъ единодушно государемъ и великимъ княземъ Ѳеодора Іоанновича, осадили крѣпость, навели на нее пушки, палили безъ умолка и побивъ многихъ единоземцевъ, въ крѣпости находившихся, принудили прочихъ злоумышленниковъ выйти изъ нея. Бѣльскій остался какъ ракъ на мели, сдалъ крѣпость своимъ врагамъ и долженъ былъ смириться. Тогда Ѳеодора Іоанновича провозгласили великимъ княземъ и 31 іюня (*31 мая*) 1584 года короновали царскимъ вѣнцомъ въ церкви пресвятой Богоматери, на 22 году его рожденія». Mußkowitiſche Chronika, стран. 255.

Это извѣстіе подтверждаетъ *Лѣтопись о мятежахъ*, съ тѣмъ только различіемъ, что по словамъ ея, народъ былъ обманутъ молвою о замыслахъ Бѣльскаго, совершенно невиннаго Впрочемъ Ѳеодоръ сослалъ его въ Нижній-Новгородъ. *Русск. Лѣтоп. по Никонову списку. VIII.* 6.

3.

Петрей: «Θеодоръ былъ средняго роста и весьма бѣлъ лицемъ; нрава же благочестиваго и набожнаго; отъ супруги своей Ирины Θеодоровны (Irena Vdovia), онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей (?) мужскаго и женскаго пола, которыя однако всѣ умерли, какъ скоро увидѣли свѣтъ. Вступивъ на престолъ, онъ освободилъ немедленно всѣхъ узниковъ и уничтожилъ многіе налоги, обременявшіе подданныхъ: такъ завѣщалъ ему отецъ на смертномъ одрѣ. Но время было смутное и безпокойное: внутри государства свирѣпствовали мятежи и бунты; съ королевствомъ Шведскимъ Россія вела войну; съ Польскимъ надлежало возобновить перемиріе; дѣла съ прочими державами требовали также особеннаго благоразумія. Новый царь былъ вовсе неспособенъ править въ такое время, имѣя умъ самый ограниченный и слабый; притомъ же весьма неохотно занимался дѣлами государственными и мало радѣлъ о внутреннемъ благоустройствѣ: онъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ молился своимъ иконамъ, или бесѣдовалъ о предметахъ душеспасительныхъ; часто ходилъ въ церкви, иногда самъ трезвонилъ на колокольнѣ, созывая народъ къ обѣднѣ. Отецъ нерѣдко упрекалъ его тѣмъ, говоря, что онъ похожъ болѣе на сына пономарскаго, нежели на царскаго.

«Бояре и князья, созванные имъ для совѣта, какія мѣры надлежало принять къ лучшему управленію государства, опредѣлили единогласно избрать въ соправители Θеодору шурина его, *государственнаго* конюшаго, Бориса Θедоровича Годунова. Онъ былъ весьма проворенъ, уменъ и проницателенъ; но душу имѣлъ коварную, обманчивую, лукавую, въ полномъ смыслѣ Русскую. Онъ-то погубилъ Россію. Его призвали въ палату, гдѣ собранъ былъ совѣтъ, и Θеодоръ, вставъ съ своего мѣста, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь, съ сими словами»... *(Слѣдуетъ рѣчь, выписанная изъ Бера).* Mußkow. Chron. 255—257.

Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова о такомъ происшествіи; въ государственныхъ актахъ Борисъ назывался: великимъ ближнимъ бояриномъ, великимъ конюшимъ и слугою. Патріархъ Іовъ именуетъ его изряднымъ *правителемъ.*

4.

И наши лѣтописи и современные писатели иностранные свидѣтельствуютъ единогласно, что никогда, въ правленіе царей, Россія не была такъ счастлива, какъ при Θеодорѣ, подъ властію умнаго Бориса.

5.

Петрей: «По Русскимъ законамъ и обычаямъ, какъ великій князь, такъ и простой гражданинъ имѣетъ право, съ дозволенія патріарха и епископовъ, развестись съ своею женою, если она безплодна, заключить ее въ монастырь и взять за себя другую. Посему вельможи и граждане Московскіе рѣшились постричь бездѣтную царицу въ монахини, а для царя выбрали супругою сестру вельможи знатнѣйшаго по государѣ, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго (*Floro Ivvanowitz Zizlphouschis*). Но Годуновъ искусно устранилъ опасность: онъ тайно убѣдилъ патріарха, имѣвшаго въ семъ дѣлѣ верховный судъ, не давать царю согласія на разводъ: ибо, говорилъ Борисъ, если у царя будутъ дѣти, а Димитрій, еще свѣжій и здоровый, между тѣмъ подростетъ, то все государство сдѣлается жертвою возмущеній и кровопролитныхъ междоусобій. Патріархъ согласился съ Годуновымъ, и оба они, дѣйствуя за-одно, кончили дѣло тѣмъ, что невѣсту тайно вывезли изъ дома, постригли въ монахини и заключили въ монастырь, гдѣ она и умерла. Никто не смѣлъ осуждать ея удаленія, ибо такъ рѣшилъ патріархъ, да Борисъ». Mißkow. Chron. 258—259.

6.

О нелѣпой молвѣ упоминаетъ и Авраамій Палицынъ: «Сему же «царевичу Димитрію, естествомъ возрастающу, и отъ ближнихъ си сму- «щаему, за еже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, «и часто въ дѣтскихъ глумленіихъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о «ближнѣйшихъ брата си, паче же о семъ Борисѣ. И врази суще, и «ласкатели великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лжи состав- «ливающе, съ сими подходятъ вельможъ, пачежъ сего Бориса, и отъ «многія смуты ко грѣху сего низводятъ». *Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. Москва.* 1784, *стр.* 2.

7.

Петрей: «Борисъ подкупилъ четырехъ дворянъ Димитріевыхъ: далъ имъ серебра и золота, съ обѣщаніемъ наградить ихъ землями и помѣстьями, если они погубятъ царевича. Предатели исполнили порученіе такимъ образомъ: однажды ночью зажгли городъ; когда сдѣлалась тревога, они бросились во дворецъ и разбудили Димитрія, который въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно выходилъ изъ дворца и смотрѣлъ на

пожаръ. Онъ всталъ съ постели; но едва сошелъ съ крыльца, злодѣи бросились къ нему и закололи его длинными ножами, намазанными ядомъ.

«Жители Углича, потушивъ огонь и узнавъ, что Димитрій былъ умерщвленъ, бросились во дворецъ и въ яростномъ гнѣвѣ побили всѣхъ почти его служителей, думая отмстить имъ за смерть царевича. Но Годуновъ не былъ еще этимъ доволенъ: казался печальнымъ, сокрушеннымъ и чтобы лучше утаить свое злодѣйство, въ притворномъ гнѣвѣ казнилъ гражданъ Углицкихъ (которые и безъ того потеряли все имущество во время пожара): иныхъ потопилъ, другимъ отсѣкъ головы, нѣкоторыхъ сослалъ въ Сибирь; самъ же плакалъ о царевичѣ, рыдалъ и вопилъ предъ народомъ, а сердце у него прыгало отъ радости. Въ то же время, желая извѣстить всю Россію о Димитріевой смерти, отправилъ въ Угличъ, вмѣстѣ съ своими клевретами, знатнаго князя, Василія Ивановича Шуйскаго, бывшаго въ послѣдствіи царемъ, поручивъ ему удостовѣриться, точно ли Димитрій умерщвленъ, и если это окажется справедливымъ, похоронить его съ царскою пышностію, а дворецъ разрушить до основанія, какъ вертепъ злодѣевъ». Mißkow. Chron. 262.

8.

Происшествія до 1600 года описаны Беромъ по словеснымъ преданіямъ; молва же народная была очень несправедлива къ Борису Годунову: если вѣрить ей, Борисъ былъ тайною пружиною всего злаго. Но современники, обвиняя великаго мужа въ разныхъ преступленіяхъ, нелѣпостію разсказовъ обнаруживаютъ очевидное недоброжелательство: говорятъ, что онъ былъ колдунъ, отравилъ Ѳеодора и даже нареченнаго зятя своего, принца Датскаго. Пожаръ Московскій принадлежитъ кажется къ той же категоріи: явный врагъ Годунова, сочинитель *Лѣтописи о мятежахъ*, говоритъ только, что это было наказаніе Божіе.

9.

Петрей: «Нѣкоторые думаютъ, что Ѳеодоръ отравленъ Борисомъ». Mißkow. Chron. 263.

10.

Сказка: еслибы царь предлагалъ скипетръ Ѳедору Никитичу Романову (въ послѣдствіи патріарху Филарету) и его братьямъ, то безъ всякаго сомнѣнія о столь важномъ обстоятельствѣ было бы упомянуто въ грамматѣ о избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича; но тамъ именно

сказано, что Ѳеодоръ *оставилъ престолъ супругѣ своей Иринѣ; а душу свою праведную приказалъ патріарху Іову, Ѳедору Никитичу Романову и Борису Годунову.* Соб. Госуд. Грам. I. 602. Впрочемъ Беръ не самъ выдумалъ эту басню: въ Москвѣ дѣйствительно вѣрили, что умирающій царь наименовалъ своимъ преемникомъ Ѳедора Никитича Романова. *См. Карамз. Ист. Госуд. Рос. X, пр.* 370.

11.

Петрей говоритъ, что народъ удалился въ столицу и прислалъ оттуда къ монастырю нѣсколько тысячъ мальчиковъ. Mußkow. Chron. 268.

12.

Петрей считаетъ болѣе 200,000 воиновъ, Маржеретъ до 500,000.

13.

«Послы видяху такое великое войско и слышаху стрѣльбу, вельми ужасошася, и пріидоша къ царю, и едва посольство можаху исправити отъ такіе великіе ужасти». *Русск. Лѣт. по Ник. спис. VIII.* 38. Петрей присовокупляетъ, что Борисъ заключилъ съ Татарскимъ посломъ мирный договоръ, коимъ обязался *платить* Татарамъ ежегодную *дань.* Mußkow. Chron. 270.

14.

Когда свершился обрядъ коронованія, Борисъ вовсе неожиданно воскликнулъ: «Отче патріархъ! Богъ свидѣтель, что никто въ моемъ царствѣ не будетъ нищъ или бѣденъ! И тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: сію послѣднюю раздѣлю съ народомъ». *Палицына Сказ. о осадѣ Троиц. монаст.* 7.

15.

Борисъ намѣревался основать не однѣ школы, но и *университеты*, какъ видно изъ письма Нѣмецкаго ученаго Товіи Лонціуса отъ 24 января 1601 года *(Карамз. И. Г. Р. XI, пр.* 125*)*. Что сказать послѣ этого въ похвалу Борису? Мысль его привели въ исполненіе чрезъ *полтораста* лѣтъ.

16.

Петрей присовокупляетъ, что трое изъ нихъ служили съ честію при дворѣ Шведскаго короля Карла IX. Mußkow. Chron. 272.

Изъ дѣлъ Московскаго Архива видно, что въ Любекъ послано 5 молодыхъ Русскихъ; объ нихъ въ ноябрѣ 1606 года Любскіе бургомистры писали царю Василію Шуйскому, что они *непослушливы и поученья не слушали, и что двое изъ нихъ бѣжали, невѣдомо за что.* Въ Англію послано 4 человѣка. *Карамз. И. Г. Р. XI, пр.* 126.

17.

Червонцевъ, говоритъ Петрей. Тогдашній рубль (т. е. сто денегъ) былъ вѣсомъ около 15 золотниковъ, слѣдовательно цѣною равнялся червонцу. Сравни *Петрея, стр.* 601.

18.

Густавъ принадлежитъ къ числу самыхъ злополучныхъ людей, упоминаемыхъ въ исторіи: отецъ его Эрикъ XIV былъ низложенъ съ престола родными братьями и отравленъ въ темницѣ; самъ онъ едва не погибъ еще въ колыбели: похитителя короны Шведской, Іоаннъ, велѣлъ утопить двухлѣтняго принца. Судьба спасла его, но жизнь даровала ему злосчастную: достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ среди безпрерывныхъ опасностей, онъ долго скитался съ матерью изъ одной страны въ другую; наконецъ угнетаемый бѣдностью, рѣшился искать убѣжища въ Краковѣ, гдѣ царствовалъ сынъ его гонителя, Сигизмундъ, надѣясь найти тамъ помощь у сестры своей Зигриды, бывшей въ числѣ королевиныхъ фрейлинъ. Въ одеждѣ нищаго, явился Густавъ въ Краковѣ и нашелъ покровительство у самого Сигизмунда, потому, что не имѣлъ никакихъ замысловъ и своимъ мягкосердечіемъ плѣнилъ короля: безъ содраганія онъ не могъ видѣть даже птицы умирающей. Но милость короля Польскаго продолжалась недолго: злые клеветники вооружили его противъ неосторожнаго принца. Густавъ тайно удалился къ Рудольфу и былъ принятъ очень милостиво за рѣдкія познанія, особенно въ любимой императоромъ наукѣ, алхиміи, такъ, что онъ заслужилъ имя втораго Ѳеофраста Парацельса. Вскорѣ однакожъ, разстроивъ душевныя и тѣлесныя силы безпрерывнымъ ученіемъ, наиболѣе же химическими опытами, онъ оставилъ императора, нѣсколько времени странствовалъ въ Европѣ, питаясь отчасти милостынею, отчасти продажею химическихъ запасовъ; наконецъ въ 1598 году прибылъ въ Торнъ, гдѣ получилъ отъ Годунова приглашеніе поселиться въ Россіи. Царь звалъ его къ себѣ не для того, чтобы женить на своей дочери: ему хотѣлось овладѣть Ливоніею; Густавъ же, какъ второй Магнусъ, по замѣчанію Карамзина, могъ служить орудіемъ его политики.

О пребываніи принца въ Россіи Петрей разсказываетъ слѣдующія обстоятельства, отчасти несогласныя съ извѣстіями Бера: «Въ 1599 году Борисъ отправилъ двухъ пословъ, одного въ Прусскій городъ Торнъ, а другаго въ Лифляндскій, Ригу, съ богатыми дарами къ сыну Шведскаго короля Эрика XIV, Густаву; послы, въ слѣдствіе царской воли, объявили принцу, что пора ему прекратить странствованія по бѣлому свѣту въ нищетѣ и бѣдствіи; убѣждали его пожаловать въ Россію, гдѣ онъ найдетъ въ царѣ не государя, а отца, и получитъ царское содержаніе; а если ему не понравится пребываніе въ Москвѣ, то всегда будетъ воленъ выѣхать со всѣми слугами, со всѣмъ имуществомъ, куда ни пожелаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послы вручили принцу опасную граммату (Geleits-Brieff), которую онъ, при отъѣздѣ въ Москву, отдалъ для сохраненія одному знатному Рижскому гражданину.

«Густавъ, пріѣхавъ въ Россію безъ грамматы, принятъ былъ какъ нельзя лучше: до самой Москвы его угощали по-царски. Борисъ подарилъ какъ ему, такъ и свитѣ его, нѣсколько сотъ червонцевъ, множество всякаго рода дорогихъ матерій для платья, шелковыхъ, бархатныхъ, атласныхъ, камчатныхъ, парчевыхъ, всякаго сорта мѣховъ собольихъ, куньихъ, рысьихъ, лисьихъ, также верховыхъ коней съ бруею, и сверхъ того весь приборъ для княжескаго стола. Эта милость продолжалась два года; наконецъ Борисъ предложилъ Густаву принять Русскую вѣру, обѣщая не только выдать за него свою дочь, но и пособить ему овладѣть Шведскимъ престоломъ: добрый принцъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе согласится навсегда потерять свободу и умереть самою злою смертію, нежели для жены измѣнить своей религіи и погубить любезное отечество; вслѣдъ за тѣмъ, Густавъ просилъ дозволенія выѣхать изъ Россіи, ссылаясь на опасную граммату. Съ нимъ начали поступать совсѣмъ не такъ, какъ прежде; содержаніе уменьшалось день ото дня. Между тѣмъ царь, подкупивъ служителя его Іакова Шульта, родомъ изъ Кёнигсберга, досталъ чрезъ него тайно принцеву печать, и написалъ письмо отъ имени Густава къ Рижскому гражданину съ требованіемъ прислать опасную граммату немедленно; тотъ, увидѣвъ на письмѣ принцеву печать, исполнилъ приказаніе. Имѣя въ рукахъ опасную граммату, Борисъ думалъ, что Густавъ не посмѣетъ упорствовать въ отказѣ перемѣнить свою вѣру; но вышло совсѣмъ не то: принцъ объявилъ, что «государи и князья должны имѣть, по изрѣченію Балдуса, одно перо, одинъ языкъ; ибо сказано въ писаніи, не нарушу глагола устъ моихъ». Этимъ хотѣлъ онъ объяснить, что слово царское должно быть неизмѣнно; но не могъ тро-

нуть повелителя *варваровъ*. И такъ онъ впалъ въ жестокую горесть: проводилъ все время въ занятіяхъ науками и алхиміею; ослабѣлъ въ умственныхъ способностяхъ; не держалъ языка на привязи и часто, разгоряченный виномъ, говорилъ иногда въ шутку, иногда и въ правду, дерзко противъ Бориса. Такъ случилось ему однажды сказать для шутки царскому медику: «Если царь меня не отпуститъ, какъ онъ обѣщалъ и клялся, то я зажгу Москву и дамъ тягу». На другой день медикъ донесъ объ этомъ думному боярину Семену Никитичу, а тотъ немедленно государю: Борисъ такъ разгнѣвался, что велѣлъ знатному вельможѣ Степану Васильевичу отобрать у принца все серебро, посуду, платья, прежде подаренныя, приставилъ къ нему крѣпкій караулъ, и нѣсколько дней морилъ его голодомъ и жаждою. Скоро однакожъ смягчился: далъ Густаву княжество Углицкое, но съ тѣмъ, чтобы Русскіе сановники, посланные для присмотра за нимъ, управляли этою областью и собирали доходы, а принцу давали только необходимое для содержанія его съ служителями; тамъ жилъ онъ до самой смерти Борисовой. Потомъ Гришка Отрепьевъ, первый Лжедимитрій, сослалъ его въ Ярославль, гдѣ онъ содержался какъ плѣнникъ, единственно за то, что болѣе преданъ былъ Карлу IX, королю Шведскому, нежели Сигизмунду III, королю Польскому.

«По смерти Отрепьева, царь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ принца въ Кашинъ, гдѣ было ему нѣсколько лучше, относительно пищи и другихъ жизненныхъ потребностей. Тамъ онъ умеръ въ 1607 году; похороненъ за городомъ въ прекрасной березовой рощѣ, гдѣ не только я, но и Шведскій полководецъ Делагарди, и многія другія особы видѣли своими глазами его могилу; посему несправедливо извѣстіе Мартина Бера (Bär), который пишетъ, что онъ самъ погребалъ Густава въ монастырѣ *Димитрія Солунскаго* (Mitrofzolonski) и получилъ за то 20 рублей въ награду,* ибо Русскіе никакъ не дозволятъ хоронить въ своемъ храмѣ, монастырѣ, или на кладбищѣ какого нибудь иновѣрца, ни знатнаго, ни незнатнаго.

«Не успѣвъ склонить Густава поднять оружіе на свое отечество, Борисъ условился съ нѣсколькими иноземцами овладѣть Нарвою нечаянно посредствомъ коварства и отнять ее у Швеціи. Главнымъ начальникомъ заговора былъ Конрадъ Бусъ; но умыселъ не удался: заговорщики были пойманы, обезглавлены и колесованы. За эту достойную награду имъ надлежало благодарить вѣроломнаго своего руководителя». Mußkow. Chron. 272—277.

* Въ моемъ спискѣ Беровой лѣтописи объ этомъ ничего не сказано.

19.

Петрей называетъ его Христофоръ Ритингъ, родомъ изъ Венгріи, и говоритъ, что онъ былъ архіатеромъ, т. е. самымъ главнымъ. 253.

20.

Никто изъ царей не былъ усерднѣе Бориса къ православію: Іоаннъ похороненъ въ лютеранской церкви единственно потому, что онъ былъ лютеранинъ. «Эта божница выстроена по просьбѣ Густава, принца Шведскаго, который далъ вкладу 100 талеровъ: каждый изъ пяти врачей Нѣмецкихъ внесъ по 40 талеровъ; прочіе Нѣмцы жертвовали по соразмѣрности съ своими окладами». *Петрей*, 253.

21.

«Умный Борисъ», говоритъ Карамзинъ, «не могъ дозволить себѣ такого дѣла». Впрочемъ достовѣрно, что Годуновъ ненавидѣлъ *Турскаго Магметъ-салтана* и старался вооружить противъ него всю Европу.

22.

Ливонія (нынѣшняя Лифляндія, Эстляндія и Курляндія) въ древнѣйшія времена большею частію зависѣла отъ Русскихъ князей. Въ началѣ XIII столѣтія присвоилъ ее орденъ Меченосцевъ. Іоаннъ IV, пользуясь слабостью ордена, рѣшился овладѣть Ливоніею, какъ древнею собственностію Россіи. Меченосцы не могли сопротивляться ему и искали покровительства у державъ сосѣдственныхъ: 1561 года Эстляндія признала надъ собою власть Швеціи, а Лифляндія покорилась королю Польскому, который принялъ подъ свое покровительство и Курляндію, вмѣстѣ съ Семигаліею. Съ тѣхъ поръ возгорѣлась между тремя державами, Россіею, Швеціею и Польшею, кровопролитная война, прекратившаяся уже въ половинѣ XVII столѣтія Оливскимъ миромъ.

23.

Печоры нынѣ безъуѣздный городъ съ 943 жителями, въ 57 верстахъ отъ Пскова.

24.

50 рублей тогдашнихъ составятъ нынѣ около 150 рублей сереб.

Въ четверти считалось 1,200 квадр. сажень доброй земли; 800 четвертей составляли *соху* (400 десятинъ). *Карамз. И. Г. Р. X.* 259.

25.

Петрей присовокупляетъ, «что Любскіе и Ганзейскіе послы поднесли Борису 20 вызолоченныхъ бокаловъ, красивое, очень искусно сдѣланное, также вызолоченное, изображеніе корабля, со всѣмъ приборомъ, и двуглаваго орла, наполненнаго Венгерскими червонцами и розенобліями (монета въ 2 червонца); что царь всѣмъ городамъ Ганзейскимъ даровалъ свободу торговать въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ, дозволивъ купцамъ ихъ приходить въ Россію и выходить изъ нея безъ всякаго препятствія; и что подобное право получили Англичане и Голландцы, которые могли свободно купечествовать въ Колмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ, гдѣ находились ихъ конторы». Müßkow. Chron. 283. Это ложно: извѣстіе Бера подверждается не только бумагами нашего архива, но и хроникою Ганзейскою (см. Wagner's Geſchichte d. Europäiſchen Norden, ч. VIII. стр. 22—40): т. е. однимъ только Любчанамъ даровано было право платить половинную пошлину предъ всѣми иноземцами; съ Ганзою же Борисъ не хотѣлъ имѣть никакого дѣла, во 1) потому, что многіе города Ганзейскіе находились подъ властію разныхъ владѣтелей, во 2), что они не прислали пословъ особенныхъ. Въ слѣдствіе того Любскимъ посламъ было объявлено, что государь Ганзы вовсе не знаетъ.

26.

Такъ говоритъ о Борисѣ патріархъ Іовъ: «Этотъ же изрядный «правитель, Борисъ Ѳеодоровичъ, своимъ бодроопаснымъ правитель-«ствомъ и прилежнымъ попеченіемъ, по царскому изволенію, многіе «грады каменны созда... и самый царствующій богоспасаемый градъ «Москву, яко нѣкую невѣсту, преизрядною лѣпотою украси, многія убо «въ немъ прекрасныя церкви каменны созда и великія палаты устрои... «и стѣны градныя окрестъ всея Москвы превеликі каменны созда и «величества ради и красоты проименова его Царь-градъ» *(Русск. Лит. по Ник. сп. VII.* 328*)*. Это случилось еще при жизни Ѳеодора. Въ послѣдствіи, вступивъ на престолъ, Борисъ воздвигнулъ въ 1600 году колокольню Ивана Великаго.

По словамъ очевидцевъ, древняя стѣна, выведенная Борисомъ около

Смоленска, имѣетъ 25 футовъ въ вышину, 18 фут. въ толщину, 3000 тоазовъ въ окружности.

Борисовъ на Донцѣ, по словамъ Карамзина, основанъ въ 1600 году, а Царевъ-Борисовъ на устьѣ Протвы, около того же времени. *(Ист. Гос. Росс. X, пр. 439).*

27.

Поссевинъ, бывшій въ Россіи въ 1582 году, говоритъ, что Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій былъ очень жалуемъ Іоанномъ, находился при дворѣ неотлучно 13 лѣтъ и спалъ въ царской спальнѣ (Moscovia A. Possevini, p. 27.). Предъ смертію, Грозный назначилъ его опекуномъ несчастнаго царевича Димитрія. Бѣльскій въ свое время былъ то же, что Малюта Скуратовъ.

28.

Нашъ лѣтописецъ оправдываетъ Бѣльскаго, говоря, что онъ былъ человѣкъ добродѣтельный, и что Борисъ велѣлъ его *позорити многими позоры*, единственно за любовь къ нему народную. *Русск. Лѣтоп. по Никон. сп.* VIII. 47.

29.

Т. е. Беръ вѣритъ клеветѣ, которою подозрительный Борисъ хотѣлъ очернить добродѣтельную фамилію Романовыхъ. Не только наши лѣтописцы, но и Маржеретъ, иностранецъ, служившій Годунову, совершенно оправдываетъ этотъ родъ знаменитый. Онъ говоритъ: «Съ 1600 года, «когда разнеслась молва о Димитріи Іоанновичѣ, Борисъ занимался еже«дневно только истязаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего «господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя «награжденіе, а господина его или главнаго изъ служителей дома под«вергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда «не дѣлали, не слыхали и не видали». *Состояніе Росс. Державы въ началѣ XVII вѣка*, стр. 292.

Карамзинъ приводитъ несомнѣнныя доказательства, что бояре, угождая царю, старались самыми нелѣпыми выдумками очернить Романовыхъ. *И. Г. Р.* XI. 99 — 107. Борисъ излилъ на нихъ злобу въ 1601 году: Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, возведенный прежде самимъ же Годуновымъ въ достоинство боярина, былъ постриженъ, названъ Филаретомъ и сосланъ въ Сійскую Антоніеву обитель; супруга его Ксенія

Ивановна, также постриженная и названная Маѳою, отправлена въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; теща Ѳедорова въ Чебоксары. Александръ Никитичъ, бывшій бояриномъ, сосланъ къ Бѣлому морю; Михайло Никитичъ, окольничій, въ Великую Пермь; Иванъ Никитичъ въ Пелымъ, Василій въ Яренскъ; зять ихъ, князь Борисъ Черкаскій съ женою и дѣтьми ея брата Ѳедора Никитича, шестилѣтнимъ *Михаиломъ*, и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро. Всѣ невинные родственники ихъ были также гонимы безъ всякой пощады. Василій, Александръ и Михайло Никитичи умерли въ темницахъ; Иванъ Никитичъ призванъ снова въ Москву. Филаретъ, по волѣ Годунова, посвященъ въ архимандриты; а сынъ его, *Михаилъ*, получилъ дозволеніе жить вмѣстѣ съ матерью въ отчинѣ своей, селѣ Клинѣ.

Лжедимитрій, овладѣвъ престоломъ, вызвалъ Филарета, мнимаго родственника, изъ Сійской пустыни, и далъ ему санъ митрополита Ростовскаго; съ того времени инокиня Маѳа и юный *Михаилъ* жили до 1613 года, въ епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ св. Ипатія. *Карамз. И. Г. Р.* XI. 215.

30.

Петрей приводитъ слова легкомыслевнаго поэта такимъ образомъ (стр. 286):

Hoc solum Monachus nimirum Daemone distat,
Quod quicquid vafer hic suggerit, ille facit,
At si juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebunt Erebi depopulare domum.

31.

Петрей: «Борисъ правилъ государствомъ до тѣхъ поръ, когда явился отчаянный монахъ, который назвалъ себя царевичемъ Димитріемъ, вырвалъ скипетръ изъ рукъ Годунова и заставилъ его съ родственниками и друзьями испытать то же самое, что онъ сдѣлалъ съ царскимъ поколѣніемъ. Этотъ монахъ былъ Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia), сынъ простаго дворянина, родомъ изъ Ярославля. Въ юности онъ велъ жизнь самую распутную и могъ служить образцемъ для всѣхъ негодяевъ. Родители посадили его въ Крыпецкій монастырь (Trinouka), думая, что тамъ, среди суровыхъ иноковъ, онъ перестанетъ непотребствовать и привыкнетъ къ благочестивой жизни; но Гришкѣ монастырскій хлѣбъ былъ очень невкусенъ. Имѣя лукавый и проницательный умъ, онъ

скоро подружился съ однимъ хитрымъ монахомъ, Борисовымъ недоброжелателемъ. Этотъ монахъ предугадывалъ, что Гришка рожденъ къ чему-то необыкновенному: онъ походилъ на убіеннаго царевича Димитрія нѣкоторыми признаками на носу и на правой рукѣ; впрочемъ имѣлъ смуглое лицо, густые черные волосы, средній ростъ и плотное тѣлосложеніе. Монахъ познакомилъ его съ Русскими лѣтописями и научилъ разнымъ плутнямъ, тѣмъ удобнѣе, что самъ былъ чернокнижникъ, а пріятель понималъ его наставленія очень быстро. Потомъ оба они оставили Россію и пришли въ княжество Кіевское; между тѣмъ злой инокъ объяснилъ ему, въ какомъ положеніи были дѣла государственныя, какъ ненавидѣли царя вельможи и что надлежало предпринять для исполненія ихъ замысла: по совѣту его, Гришка долженъ былъ явиться къ князю Адаму Вишневецкому». *Далѣе изъ Бера.* Mußkow. Chron. 284—285.

Въ извѣстіяхъ Петрея и Бера о Самозванцѣ находится важное разнорѣчіе: первый признаетъ его Отрепьевымъ; а второй Полякомъ, побочнымъ сыномъ Стефана Баторія; Отрепьевъ же, по мнѣнію Бера, былъ только руководителемъ Самозванца.

32.

Петрей, разсказывая то же самое, несогласенъ съ Беромъ въ главномъ обстоятельствѣ: Отрепьевъ остался у Вишневецкаго, а злой чернокнижникъ возвратился въ Россію и взбунтовалъ Донскихъ казаковъ.

33.

Петрей прибавляетъ, что Самозванецъ довольно долго исправлялъ должность камердинера; между тѣмъ учился владѣть конемъ и мечемъ, скакалъ, стрѣлялъ, билъ, рубилъ; участвовалъ въ играхъ воинскихъ и выжидалъ случая объясниться съ своимъ господиномъ. Mußkow. Chron. 287.

34.

Княжество Висніовецъ находилось въ Подоліи; Бѣлорусскихъ князей никогда не было.

35.

Это помѣстье было Брагинъ, по извѣстію нашихъ лѣтописей.

36.

Петрей: «Воевода Сендомирскій, съ согласія езуитовъ, обѣщалъ Самозванцу склонить короля Польскаго, папу и другихъ вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами, овладѣть прародительскимъ престоломъ и низложить Бориса, если только онъ обяжется уничтожить въ Россіи старинную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласіе искоренить греческую вѣру и ввести католическую, далъ слово жениться на дочери воеводы Сендомирскаго. Езуиты радовались отъ всей души и тотчасъ дали ему двухъ учителей, которые вскорѣ сдѣлали его настоящимъ католикомъ. Послѣ сего представленный воеводою королю Польскому, онъ принятъ былъ весьма ласково и получилъ дозволеніе набирать въ Польшѣ людей военныхъ. Многіе знатные паны, вмѣстѣ съ обоими воеводами, употребили всѣ силы, даже заложили свои помѣстья, чтобы доставить Самозванцу средства къ походу, и сами съ нимъ отправились». Mußkow. Chron. 291 — 292.

37.

Око́льничій Степанъ Степановичъ Годуновъ былъ троюродный братъ Борису.

38.

Кадь, бочка, или оковъ, содержали въ себѣ 4 четверти; до 1601 года продавали хлѣбъ единственно бочками, четвертями и осминами; а съ того времени безпримѣрная дороговизна ввела новую мѣру *четверика* (*Ис. Г. Р. III, пр. 8*). Карамзинъ выводитъ, что четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до 15 пятьюдесятъ рублей серебряныхъ; по словамъ Петрея, бочка ржи, стоившая прежде 12 грошей, продавалась по 19 талеровъ. Mußkow. Chron. 293.

39.

Петрей: «Я видѣлъ въ Москвѣ бѣдную, истомленную голодомъ женщину, которая, проходя по улицѣ, схватила зубами собственное дитя, бывшее у нея на рукахъ, оторвала изъ рученки два куска, сѣла на дорогѣ и начала жрать ихъ. Народъ едва могъ силою отнять младенца и спасти его». Mußkow. Chron. 292.

40.

Петрей говоритъ, что каждый получалъ по 3 гроша и что такимъ образомъ раздавалось ежедневно по 30,000 талеровъ, пока дороговизна не умепьшилась. 293.

41.

Справедливѣе *убогій домъ*. Скудельницы или убогіе домы учреждены въ Россіи по примѣру бывшаго въ Іерусалимѣ *села скудельница*. На этихъ кладбищахъ погребали бѣдныхъ людей, странниковъ, также самоубійцъ и вообще погибшихъ насильственною смертію. Въ Москвѣ былъ не одинъ убогій домъ: главный, кажется, находился тамъ, гдѣ нынѣ Убожедомскій Покровскій монастырь. Сверхъ того были скудельницы или убогіе домы близъ церкви Іоанна Воина, близъ Варсонофьевскаго монастыря, въ Марьиной рощѣ, у Нѣмецкаго кладбища и проч. *См. Труды Общ. Истор. и Др. Рос. ч. III. кн. I.*

42.

По сказанію Авраамія Палицына, въ 2 года и 4 мѣсяца схоронено въ трехъ скудельницахъ 127,000 труповъ повелѣніемъ Бориса, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ, коихъ считалось болѣе 400. *Сказ. о осадѣ Троиц. мон.* 11.

43.

«Извѣстіе конечно несправедливое, говоритъ Карамзинъ, ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ къ Ивану-городу Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ». *II. Г. Р. XI.* 116.

44.

Авраамій Палицынъ пишетъ, что «послѣ, во время смятеній, обрѣтеся безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы пеистощены, и въ поляхъ скирды стояху; гумна же пренаполнены одоней, и копенъ и взородовъ, и до 40 лѣтъ, отнелѣ же смятеніе бысть во всей Русской землѣ, и питахуся вси старыми труды, такоже и убивающихъ ихъ питаху». *Сказ. о ос. Троиц. м.* 11. Карамзинъ вѣритъ словамъ Бера; но едвали не справедливо замѣчено въ Сѣверномъ Архивѣ (ч. 14), что изъ скирдовъ, поросшихъ деревьями, невозможно молотить хлѣба: ибо

*

деревья иначе не могутъ расти, какъ на твердомъ и плотномъ веществѣ, составляющемъ одну массу. — Впрочемъ дознано опытомъ, что хлѣбъ въ скирдахъ можетъ лежать до 40 лѣтъ безъ поврежденія.

45.

Въ это время, по извѣстію нашей лѣтописи, свирѣпствовалъ злодѣй Хлопко, который подъ самою Москвою сразился съ царскимъ воеводою Иваномъ Ѳедоровичемъ Басмановымъ и убилъ его. *Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII.* 53.

46.

Авторъ не признаетъ Самозванца царевичемъ и при всемъ томъ называетъ его Димитріемъ, вѣроятно для избѣжанія повтореній. Переводчикъ не счелъ нужнымъ безпрестанно повторять слово *Самозванецъ:* всякій увѣренъ, что мнимый Димитрій былъ обманщикъ. То же должно разумѣть и о Тушинскомъ Ворѣ, или Царикѣ, котораго Беръ называетъ Димитріемъ II.

47.

Маржеретъ, служившій тогда въ царскомъ войскѣ, говоритъ, что у Мстиславскаго было отъ 40 до 50,000 ратниковъ. *Сост. Рос. Держ. въ нач. XVII вѣка.*

48.

Петрей: «Главный воевода получилъ 15 ранъ; 2,000 Москвитянъ пало на мѣстѣ; рать Борисова навѣрное потеряла бы еще болѣе, если бы Шведскій капитанъ Лоренцъ Біугге не подоспѣлъ на помощь Басманову съ 600 иноземцевъ и не зажегъ Димитріева лагеря». Mußkow. Chron. 299.

49.

Т. е. 100,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, говоритъ Карамзинъ (XI. пр. 278); но такой расчетъ невѣренъ: если даже принять, что тогдашній рубль заключалъ 5 рублей серебромъ, какъ думаетъ исторіографъ, то 2,000 составятъ только 10,000 рублей серебр. Основываясь на вышеизложенномъ расчетѣ (см. пр. 17), мы думаемъ, что Басманову дано 6,000 рублей серебр.

50.

Петрей присовокупляетъ: «Узнавъ о побѣдѣ при Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, Борисъ отправилъ въ свой лагерь знатнаго боярина Василія Михайловича Мосальскаго, съ 80,000 талеровъ, для раздачи въ награду вѣрному войску; но Мосальскій не нашелъ дороги въ станъ Борисовъ и привезъ деньги въ лагерь Димитріевъ; Самозванецъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ крестомъ, знаменами, при звукѣ трубъ, съ барабаннымъ боемъ, и сдѣлалъ его своимъ маршалкомъ; всѣ деньги были розданы казакамъ; Поляки же, не получивъ ни гроша, отказались служить Димитрію: посему оба воеводы, Сендомирскій и Кіевскій (*Вишневецкій*) отправились на родину добывать денегъ и взяли съ собою 2,000 Поляковъ». Miechow. Chron. 300.

51.

Нынѣ село Добрунь на рѣкѣ Сѣвѣ, недалеко отъ Сѣвска.

52.

Безъ сомнѣнія, ни одному Русскому не приходила въ голову мысль столь нелѣпая.

Петрей разсказываетъ слѣдующія подробности о Добрынской битвѣ: «Послѣ сраженія при Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, разстрига отступилъ на нѣсколько миль къ той сторонѣ, гдѣ находились города, прежде имъ покоренные; Москвитяне преслѣдовали его до деревни Добрыничи; далѣе же итти не смѣли, не зная, какъ сильно войско непріятельское, и остановились лагеремъ въ трехъ миляхъ отъ деревни, въ густомъ лѣсу; между тѣмъ 7,000 ратниковъ отправились въ окрестности, съ намѣреніемъ ограбить жителей и достать овса, сѣна и съѣстныхъ припасовъ; но едва отошли съ милю отъ лагеря, наткнулись на Польскій эскадронъ, который ударилъ на нихъ стремительно и положилъ на мѣстѣ до 4,000; прочіе опрометью побѣжали въ лагерь и такой ужасъ навели на главное войско, что оно на другой день укрѣпило свой станъ огромными деревьями (*гуляемъ?*). Воеводы Московскіе однако ободрились, и на третій день выслали 12,000 отборнѣйшихъ воиновъ, узнать, что дѣлаетъ непріятель и гдѣ его лагерь. Когда отрядъ открылъ враговъ, Самозванецъ бодро вышелъ къ нему на встрѣчу; завязалась перестрѣлка, однако не надолго; ночь прекратила битву, и обѣ стороны возвратились въ свои лагери. Въ этомъ дѣлѣ Русскіе потеряли 200 человѣкъ убитыми и 100

плѣнными; сами же захватили одного Поляка, привели его въ лагерь и отъ радости не знали, что дѣлать: прыгали, плясали, какъ будто одержали знаменитую побѣду. Воеводы начали допрашивать плѣннаго; онъ былъ пьянъ, требовалъ вина и пива и только тогда соглашался дать вѣрныя свѣдѣнія. Раздраженные воеводы приказали его пытать; но ничего не могли вывѣдать: плѣнникъ испустилъ духъ отъ ударовъ; трупъ его обнажили и повѣсили среди лагеря, на высокой ели. Не успѣвъ узнать о силахъ непріятельскихъ, Московскіе воеводы очень безпокоились и не знали, что дѣлать: итти ли впередъ или отступить; наконецъ послѣ многихъ совѣщаній ободрились: строго приказали всему войску готовиться къ битвѣ и на другой день, рано по утру, выступили изъ лѣса на ровное поле со всѣми силами, состоявшими болѣе, нежели изъ 200,000 человѣкъ. Гришка недолго медлилъ, вышелъ врагамъ на встрѣчу, ударилъ отважно и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но иноземная Борисова дружина храбро напала на Димитріевыхъ воиновъ, стрѣлявшихъ изъ пушекъ, побила ихъ и овладѣла орудіями. Москвитяне, которымъ дорога въ лагерь была уже отрѣзана, замѣтивъ успѣхъ иноземцевъ, соединились съ ними и снова начали сражаться: враги не устояли; ихъ преслѣдовали три мили съ такою яростію и быстротою, что немногіе уцѣлѣли. Самому Димитрію, казалось, нельзя было избѣжать смерти или плѣна: раненный въ ногу конь едва могъ нести его; но сами Русскіе воеводы, не доброхотствуя великому князю, спасли Самозванца: они посылали къ войску гонца за гонцемъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу и унять безполезное кровопролитіе: ибо говорили, дѣло сдѣлано: *попался куръ во щи.* И такъ войско возвратилось въ лагерь. Сраженіе Добрынское случилось 20 января 1605 года. Гришка потерялъ 8000 человѣкъ, со всѣми литаврами и орудіями. Борисъ лишился 500 Русскихъ и 25 иноземцевъ». Mußk. Chr. 300 — 302.

II Беръ и Петрей приписываютъ славу побѣды иноземной дружинѣ; но это ложно: Маржеретъ, который съ Розеномъ, по извѣстію Бера, спасъ Москвитянъ, признается откровенно, что иноземцы бѣжали вмѣстѣ съ прочими, и что не они, а Русскіе воины, вырвали побѣду изъ рукъ Самозванца. *Сост. Рос. Держ. въ нач. XVII вѣка* стр. 295.

53.

Около Сѣвска.

54.

Петрей присовокупляетъ, что Корела былъ страшный волшеб-

никъ и много пособлялъ Димитрію своимъ чародѣйствомъ. Mußkow. Chron. 304.

55.

По свидѣтельству Маржерета и нашихъ лѣтописей, въ товарищи Мстиславскому назначенъ былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Князь Катыревъ-Ростовскій посланъ уже въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ Басмановымъ.

56.

Петрей: «Иноземцы хотѣли взять этотъ городъ *(Кромы)* приступомъ; но Русскіе военачальники удержали ихъ, объявивъ, что великій князь не хочетъ кровопролитія и желаетъ принудить осажденныхъ къ покорности голодомъ. Осада продолжалась болѣе 2 мѣсяцевъ. Въ царскомъ лагерѣ между тѣмъ носилась молва, что Борисъ отправилъ послов къ императору Римскому и королю Датскому, жаловался имъ на вѣроломство Поляковъ, на измѣну своихъ подданныхъ, и просилъ прислать ему вспомогательное войско». Mußkow. Chron. 304.

57.

Петрей: «Нѣкоторые думаютъ, что Борисъ самъ принялъ ядъ; а другіе полагаютъ, что онъ отравленъ». Mußkow. Chron. 306.

Смерть Годунова, кажется, навсегда останется загадкою; онъ не могъ быть самоубійцею, еще имѣя всѣ средства сокрушить Самозванца.

58.

Петрей: «По смерти Борисовой, Москвитяне присягнули сыну его Ѳеодору; въ Кромской же лагерь посланъ былъ Петръ Басмановъ съ порученіемъ привести всѣхъ воиновъ къ присягѣ юному государю. Но какъ главный полководецъ Мстиславскій отозванъ былъ въ Москву для вспомоществованія Ѳеодору въ правленіи, и Басмановъ принялъ начальство надъ войскомъ; то прочіе воеводы очень оскорбились и не хотѣли ему повиноваться; открылся раздоръ: когда одинъ желалъ битвы, другой шелъ восвояси; каждый помышлялъ только о томъ, чтобы захватить въ свои руки силу, богатство, самое правленіе, надѣясь воспользоваться смутными обстоятельствами. Воины слѣдовали ихъ примѣру, взбунтовались и раздѣлились на двѣ партіи. Преданные Годуновымъ поклялись въ вѣрности юному царю и расположились съ орудіями на одной сторонѣ

близь города; недоброхоты же Борисову племени собрались на другой сторонѣ, ночью послали казакамъ съѣстные припасы, убѣждали ихъ быть твердыми и назначили часъ, когда надлежало сдѣлать вылазку, обѣщая въ то же время напасть на приверженцевъ Годунова съ противоположной стороны; такъ и случилось: измѣнники соединились съ казаками, и восклицая: «да здравствуетъ Димитрій!» въ числѣ 150,000 ударили на вѣрныхъ царю, кричавшихъ: «да здравствуетъ Ѳеодоръ!» выбили ихъ изъ лагеря, отняли орудія, многихъ побили, многихъ ранили и взяли въ плѣнъ двухъ знатныхъ воеводъ Ивана Ивановича Годунова и Михайла Глѣбовича (Klebawitz) Салтыкова; остальные ратники бѣжали въ Москву». Mißkow. Chron. 306 — 307.

59.

Самозванецъ прислалъ въ Красное село дворянъ Пушкина и Плещеева.

60.

Петрей: «Краспосельцы, съ почтеніемъ принявъ посланнаго Димитріемъ, отправились толпами въ столицу, пришли на площадь и созвали гражданъ Московскихъ, которымъ гонецъ долженъ былъ также прочесть граммату Самозванцеву. Послѣ того Москвитяне явились къ князю Василію Шуйскому съ просьбою сказать имъ откровенно, точно ли Димитрій царевичъ убіенъ въ Угличѣ и его ли хоронилъ Шуйскій? Князь отвѣчалъ, что Димитрій спасся отъ сѣтей Годунова, что онъ живъ и теперь находится въ Тулѣ съ своимъ войскомъ; а въ Угличѣ, вмѣсто его, убитъ сынъ поповскій. Услышавъ это, народъ сказалъ, что свидѣтельство Шуйскаго, преданность бояръ и всего войска доказываетъ неоспоримое право Димитрія на Русскій престолъ». *Далѣе изъ Бера.* Mißk. Chr. 310. Петрей, кажется, баснословитъ: если бы дѣйствительно спрашивали Шуйскаго, Беръ не умолчалъ бы о столь важномъ обстоятельствѣ.

61.

Петрей: «Лжедимитрій, размышляя, что ему трудно будетъ исполнить свои преступные замыслы, если останется живъ юный царь, который можетъ со временемъ лишить его престола, отправилъ въ Москву писаря (Schreiber) Ивана Богданова, съ повелѣніемъ тайно умертвить Ѳеодора и мать его, а въ народѣ разгласить, что они сами себя отравили;

сестру же царскую приказалъ держать подъ стражею до своего прибытія. Богдановъ въ точности исполнилъ порученіе: удавивъ царя и царицу въ ихъ комнатѣ, распустилъ молву, что они сами приняли ядъ; эта молва несправедлива: они погибли насильственною смертію, въ чемъ свидѣтельствовали знаки удавленія, которые я видѣлъ собственными глазами на ихъ трупахъ». Mißk. Chr. 314. Цареубійцами, по извѣстію нашихъ лѣтописей, были князья Голицынъ и Мосальскій. «Они взя съ «собою Михалка Молчанова, да Андрея Шелепеднпова, да 3 человѣкъ «стрѣльцовъ, и поиде на старый царя Борисовъ дворъ, гдѣ сидятъ цари-«ца и царевичъ за приставы, и внидоша въ храмину, гдѣ они сидѣша. «Царевичъ же съ царевною сидяще, аки агни нескверные, ждуще себѣ «заклатія.... Тѣ же стрѣльцы убонцы ихъ развлоша по храминамъ «порознь; царицу Марью удавиша товожъ часа; царевича же многіе часы «давиша, якожъ не младости въ тѣ поры далъ Богъ ему мужество; зло-«дѣи ужасошася, яко единъ съ четырьмя боряшеся; единъ отъ нихъ «взятъ его за таенные уды и раздавы». *Ник. Лѣт. VIII.* 69.

62.

Петрей: «Возложивъ на себя корону, Самозванецъ показалъ первый опытъ своего мужества и великодушія надъ Ксеніею, дочерью Бориса Годунова: взялъ ее во дворецъ и нѣсколько дней утопалъ въ гнусномъ сладострастіи; потомъ, когда царевна ему надоѣла, приказалъ постричь ее и сослать въ монастырь, гдѣ она и умерла». Mißkow. Chron. 318.

Ѳеодоръ Борисовичъ погибъ 10 іюня 1605 года; а отъ 25 декабря воевода Сендомирскій, уже нареченный тесть Лжедимитрія, писалъ къ Самозванцу изъ Кракова: «Много здѣсь вашему царскому величеству усердствующихъ, но много и злодѣевъ, которые о здравіи вашемъ разсѣ-ваютъ разные слухи, отъ чего Богъ да сохранитъ васъ. Хотя люди разсудительные сему не вѣрятъ; однако я, по искренней любви къ ваше-му царскому величеству, Богомъ дарованному мнѣ сыну, прошу васъ имѣть крайнюю предосторожность; *и поелику извѣстная царевна, Борисова дочь, близко васъ находится, то благоволите ваше цар-ское величество, внявъ совѣту благоразумныхъ съ сей стороны людей, отъ себя ее отдалить. Вѣдайте ваше царское величество, что люди самую малѣйшую въ государяхъ погрѣшность обыкно-венно примѣчаютъ и подозрѣнія наводятъ».* *Собр. Госуд. Грам. II.* 243.

Злополучная Ксенія, въ инокиняхъ Ольга, умерла 30 августа 1622 года и погребена въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ. Тамъ донынѣ уцѣлѣла на камнѣ надгробномъ слѣдующая надпись: «Лѣта 7130 августа въ 30 день, преставися благовѣрная царевна инока Ольга Борисовна». *Церк. Рос. Ист. Митр. Платона. II.* 144.

Такъ описываетъ ее современникъ Кубасовъ: «Царевна Ксенія, «отроковица чуднаго домышленія, зѣльною красотою лѣпа, бѣла и лицемъ «румяна, очи имѣя черны, велики, свѣтлостію блистаяся; когда же въ «жалости слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣльною «блисташе; бровьми союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію «обліянна; возрастомъ ни высока, ни низка; власы имѣя черны, велики, «аки трубы по плечамъ лежаху; воистинну, во всѣхъ женахъ благочин- «нѣйша, и писанію книжному многимъ цвѣтуще благорѣчіемъ, во всѣхъ «дѣлѣхъ чредима; гласы воспѣваемые любляше, и пѣсни духовныя «любезнѣ слышати любляше». *Русскія Достопамятности, ч. I.* 164.

63.

Въ одной изъ нашихъ лѣтописей сказано: «Царя Бориса извергоша «изъ храма архистратига Михаила, и повелѣша извлещи на сонмище съ «великимъ поруганіемъ, и каменіе нань метати и ногами пхати тѣло «его, поверженное и на земли лежащее; погребоша его въ единомъ отъ «убогихъ монастырей, именуемомъ Варсонофьевскимъ обону страны «Неглинны». Варсонофьевскій монастырь находился между Срѣтенкою и Рожественкою, гдѣ нынѣ церковь Вознесенія. *Карамз. И. Г. Р. XI, пр.* 351.

64.

Такой приговоръ весьма несправедливъ: Годуновъ заботился о просвѣщеніи подданныхъ, объ искорененіи пороковъ, былъ точно отцемъ народа, строилъ города, ободрялъ промышленность мѣрами благоразумными и возвеличилъ Россію. Безпристрастный современникъ Сергѣй Кубасовъ описываетъ Годуновыхъ, отца и сына, такимъ образомъ: «Царь «Борисъ благолѣпіемъ цвѣтущи и образомъ своимъ множество людей «превозшедъ; возрасту посредство имѣя, мужъ зѣло чудепъ и сладко- «рѣчивъ, вельми благовѣренъ, и нищелюбивъ, и строителенъ вельми о «державѣ и многое попеченіе имѣя, и многое дивное отъ себя творяще; «едино же имѣя неисправленіе и отъ Бога отлученіе, ко врачемъ сер- «дечное прилежаніе, и ко властолюбію несытное желаніе, и на прежде

«бывшихъ ему царей (?) ко убіенію имѣя дерзновеніе; отъ сего же и «возмездіе пріятъ».

«Царевичъ Ѳеодоръ, царя Бориса отроча зѣло чудно, благолѣпіемъ «цвѣтущи, яко цвѣтъ дивный на селѣ отъ Бога преукрашенъ, и яко «кринъ въ полѣ цвѣтущь; очи имѣя велики черны, лице же ему бѣло, «млечною бѣлостію блистаяся, возрастомъ средній, тѣломъ изобиленъ; «наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію, во отвѣтѣхъ «дивенъ и сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гнилое слово никогда «же изъ устъ его исхождаше, о вѣрѣ и поученіи книжномъ со усердіемъ «прилежаше». *Русскія Достоп. ч. I.* 173—174.

65.

Петрей: «Вшествіе въ Москву происходило слѣдующимъ образомъ: царя окружали 60 знатнѣйшихъ вельможъ, одѣтыхъ столь же великолѣпно, какъ и самъ онъ; всѣ они ѣхали на коняхъ. Впередъ посланъ былъ ѣздовой съ отрядомъ трубачей и литаврщиковъ, для наблюденія за порядкомъ и для развѣдыванія, не таится ли гдѣ измѣна. Гонцы скакали взадъ и впередъ съ вѣстями. Предъ самимъ Димитріемъ ѣхали дружины Польскихъ всадниковъ, въ полномъ вооруженіи, по 20 человѣкъ въ рядъ, съ трубами и литаврами. За нимъ слѣдовали также нѣсколько дружинъ, въ такомъ же порядкѣ и вооруженіи; далѣе иностранцы, казаки и стрѣльцы, другъ за другомъ по 20 человѣкъ въ рядъ. Въ городѣ и крѣпости звонили во всѣ колокола, большіе и малые; вездѣ было веселіе и пышное торжество. На большихъ широкихъ улицахъ, на кровляхъ домовъ и церквей было такое множество зрителей, что издали толпы народа казались несмѣтными роями пчелъ. Вездѣ, гдѣ ни проходилъ Димитрій, Москвитяне падали ницъ и восклицали: «Здравствуй отецъ нашъ, государь и великій князь Всероссійскій! даруй Боже тебѣ многія лѣта; да осѣнитъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя въ семъ мірѣ. Ты наше солнце красное!» «Здравствуйте, мои дѣти!» отвѣчалъ Димитрій: «встаньте и молитесь за меня Богу». Какъ скоро онъ въѣхалъ на площадь чрезъ живой мостъ и водяныя ворота, поднялся такой страшный вихрь, что всадники и кони едва не попадали; пыль взвилась столбомъ и всѣхъ ослѣпила. Русскіе перепугались и, сотворивъ крестное знаменіе, говорили другъ другу: «Господи спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію». Mußkow. Chron. 315—317.

66.

Царица жила въ Выксинскомъ монастырѣ (*Карамз. Ист. Госуд. Рос. XI, пр.* 379).

67.

Вотъ особы, составлявшія государственный совѣтъ Лжедимитрія: I) *Особы духовныя:* патріархъ (онъ сидѣлъ по правую руку), митрополиты: Новгородскій и Великолуцкій, Казанскій и Свіяжскій, Ростовскій и Ярославскій, Сарскій и Подонскій; 7 архіепископовъ и 3 епископа. II) *Особы свѣтскія:* бояре перваго класса: князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій; князья Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе; князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій; Михайло Ѳедоровичъ Нагой, конюшій великій; князь Никита Романовичъ Трубецкой; Андрей, Михайло и Аѳанасій Александровичи Нагіе; князь Василій Михайловичъ Масальскій, дворецкій великій; князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій; князь Андрей Романовичъ Трубецкой; Григорій Ѳедоровичъ Нагой; князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ-Голицынъ; князья Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны; Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ; Петръ Никитичъ Шереметевъ; князь Василій Кардануговичъ Черкасскій-Кабардинскій; Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ; князь Андрей Петровичъ Куракинъ; князь Борисъ Петровичъ Татевъ Стародубскій-Ряполовскій; князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ; Иванъ Никитичъ Романовъ; князь Ѳедоръ Ивановичъ Хворостининъ-Ярославскій; Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ; князь Иванъ Никитичъ Большой-Одоевскій; Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, оружейничій великій; князь Андрей Андреевичъ Телятевскій; Михайло Богдановичъ Сабуровъ; князь Семенъ Андреевичъ Куракинъ; Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Масальскій; князь Данило Борисовичъ Пріимковъ-Ростовскій; князь Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Долгорукій; князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, мечникъ великій. III) *Совѣтъ окольничихъ:* Михайло Борисовичъ Шеинъ; Василій Петровичъ Морозовъ; князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ-Ярославскій; Михайло Михайловичъ Салтыковъ; Василій Яковлевичъ Щелкаловъ; князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Масальскій; князь Григорій Борисовичъ Долгорукій; князь Александръ Ѳедоровичъ Жировый-Засѣкинъ; Иванъ и Василій Петровичи Головины; князь Григорій Петровичъ Ромодановскій; Иванъ Ѳедоровичъ Колычевъ; князь Иванъ Ивановичъ Курлятевъ-Оболенскій, подчашій великій;

Алексѣй Романовичъ Плещеевъ; князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, кравчій великій; Богданъ Ивановичъ Сутуповъ, печатникъ и секретарь великій; Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, подскарбій надворный и секретарь великій. IV) *Дворяне:* Гавриило Григорьевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, сокольничій великій; Яковъ Васильевичъ Зюзинъ; Василій Борисовичъ Сукинъ; Григорій Ивановичъ Микулинъ; Артемій Васильевичъ Измайловъ; Андрей Матвѣевичъ Воейковъ, ясельничій. *Собр. Госуд. Грам.* 207—210.

68.

Въ подлинникѣ: „Grobe Moscowitiſche Beſtien". Предки наши, непоколебимые въ православіи, не заслуживали такого упрека.

69.

Въ подлинникѣ: Gleeß; у Петрея Galiß. Лжедимитрій, увѣдомляя папу о непремѣнномъ намѣреніи воевать съ Турками, просилъ его убѣдить императора не мириться съ султаномъ, и общими силами ударить на враговъ христіанства. *См. его грамматy въ Собр. Госуд. Грам. II.* 232.

Въ слѣдъ за извѣстіемъ о войнѣ съ Турками, Петрей присовокупляетъ: «Вспомнивъ свое обѣщаніе, данное въ Польшѣ, всѣми силами стараться о распространеніи въ Россіи католической вѣры, Димитрій приказалъ отвести езуитамъ, вмѣстѣ съ нимъ прибывшимъ, обширный дворъ въ Москвѣ, гдѣ они могли совершать литургію по своимъ обрядамъ. Къ езуитамъ присоединились еще четыре патера, которыхъ прислалъ изъ Польши папскій легатъ Антоній Лонгинъ (Рангони?), вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, для скорѣйшаго распространія католической вѣры». Mußkow. Chron. 321.

70.

Власьевъ былъ надворнымъ подскарбіемъ. Кромѣ его, Лжедимитрій послалъ къ воеводѣ Сендомирскому секретаря своего Яна Бучинскаго, съ слѣдующимъ любопытнымъ наказомъ:

«Память секретарю нашему Яну Бучинскому, какъ ему говорити, именемъ нашимъ, воеводѣ Сендомирскому:

«1) Чтобъ воевода у ксенжа у легата папина промыслилъ и побилъ челомъ о вольномъ позволеніи, чтобъ ея милость панна Марина причастилась на обѣднѣ отъ патріарха нашего, потому что безъ того коронована не будетъ.

«2) Чтобъ панъ воевода, послѣ обрученья, тотчасъ о томъ намъ вѣдомо учинилъ чрезъ гонца; а перстень обручальный прислалъ бы не съ жильцемъ и не съ слугою, но съ честнымъ человѣкомъ.

«3) Чтобъ ея милости панѣ Маринѣ позволено до греческія церкви ходити; набоженство и чинъ свой вольно будетъ держати, какъ похочетъ.

«4) Чтобъ ея милость пашну Марину звали паяснѣйшею и всякую честь государскую воздавали, и чтобъ была во всемъ предостережена.

«5) Волосовъ бы не наряжала.

«6) Чтобъ никто ея не водилъ, только панъ староста Сапоцкій, да Бучинскій, или который иной со племяни.

«7) Промыслити о вольности, чтобъ Марина въ субботу мясо ѣла, а въ середу бъ постилась.

«8) Послѣ обручанья не ѣла ни съ кѣмъ, только особно, или съ воеводою, или съ воеводиною и съ хорунжею, и служилибъ у ней крайчіе». Подпись Самозванца: In Perator. (*Соб. Госуд. Грам. II.* 228).

71.

Бучинскіе, по смерти Лжедимитрія, показали предъ боярами: «Говорилъ имъ Гришка Разстрига, что..... стрѣльцы тѣхъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя части, мало де сами не пересѣклися, сѣкучи ихъ». (*Собр. Госуд. Грам. II.* 297.

72.

Маржеретъ свидѣтельствуетъ, что Шуйскій помпованъ по ходатайству царицы-матери, Полака Бучинскаго и другихъ особъ. *Сост. Росс. Держ. въ нач. XVII вѣка.*

73.

Петрей: «Вся дорога отъ царскихъ палатъ до церкви, гдѣ совершился обрядъ короноваціи, была устлана по красному сукну золотою парчею. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли нѣсколько тысячъ Москвитянъ въ парчевыхъ одеждахъ. Въ такомъ же платьи были камеръюнкеры и другіе дворяне, имѣя на груди золотыя цѣпи, крестообразно висящія, а на головѣ высокія, черныя шапки. Они открывали шествіе. За ними слѣдовали три боярина: одинъ несъ золотой царскій скипетръ, другой золотую державу, третій обнаженную саблю. Потомъ шелъ царь въ коронѣ; его поддерживалъ воевода Сендомирскій, отецъ невѣсты:

по обѣимъ сторонамъ находились по два боярина, также въ парчевыхъ одеждахъ, въ высокихъ черныхъ шапкахъ, съ золотыми на груди цѣпями, съ серебряными на плечѣ сѣкирами. Въ слѣдъ за царемъ изволила итти царица въ Русскомъ платьи; ее вела Московская боярыня. За нею слѣдовали Польскія и Русскія женщины. По совершеніи коронованія и брачнаго обряда, царица сѣла на золотой тронъ, вылитый изъ чистаго золота и усыпанный крупными драгоцѣнными каменьями. Этотъ тронъ, на которомъ сіяло 600 алмазовъ, 600 рубиновъ, 600 сафировъ, 600 смарагдовъ и 600 бирюзовыхъ каменьевъ (иные величиною въ половину голубинаго яйца), былъ подаренъ Персидскимъ шахомъ Іоанну Васильевичу Мучителю».

«По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, бросили народу нѣсколько тысячъ монетъ, нарочно для того приготовленныхъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ орла двуглаваго. Нѣкоторыя изъ медалей стоили два Венгерскихъ червонца; другія менѣе. Свадьба царская была чрезвычайно пышная и великолѣпная: во все продолженіе, музыканты, одѣтые въ Русское платье, гремѣли безъ умолка на 32 трубахъ и 34 литаврахъ». Mußkow. Chron. 338—339.

74.

Sie antworteten ihme: Er ſollte ſeine Mutter vexiren und ihnen ihren verrähteriſchen Großfürſten überantworten.

75.

Петрей присовокупляетъ, что Самозванецъ при семъ словѣ закололъ нѣсколько человѣкъ. Mußkow. Chron. 344.

76.

«Судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не хотѣлъ быть честью Россіи». *Карамзинъ.*

77.

Съ 15 драбантами, по словамъ Петрея.

78.

Беръ (за нимъ и Петрей) объясняетъ на Латинскомъ языкѣ отвѣтъ боярскій. Хотя переводчикъ увѣренъ, что почтенный пасторъ клевещетъ

на грозныхъ каратслей Самозванца; но слѣдуя правилу не выпускать изъ подлинника ни одного слова, считаетъ обязанностью привести также и этотъ отвѣтъ, по всей вѣроятности вымышленный. Вотъ онъ: «Volumus nos omnes, unus post alium stuprum inferre, unus in p. . . . . alter in v. . .; audivimus Polonicas meretrices vestras plurimum concubitus bene sustinere posse; nec ipsis unus vir sufficere». Et postea nudabant sua equina pudenda (proh Sodomia!) coram toto Gynaeceo, dicentes: «videte, meretrices, videte nos multo fortiores sumus Polonis vestris. Probate nos!»

79.

Петрей: «Самозванецъ отвѣчалъ: *Вы знаете всѣ, что я царь вашъ, истинный сынъ Іоанна Васильевича. Если же не вѣрите, ступайте въ монастырь и спросите мать мою.* Василій Ивановичъ Шуйскій, начальникъ возмущенія, бросился въ монастырь и спрашивалъ царицу, признаетъ ли она его своимъ сыномъ? Царица увѣряла съ клятвою, что у нея не было другаго сына, кромѣ царевича Димитрія, который за нѣсколько лѣтъ, еще младенецъ, погибъ въ Угличѣ. Какъ скоро Шуйскій возвратился съ извѣстіемъ, одинъ богатый купецъ, съ пистолетомъ въ рукѣ, бросился на Самозванца и прострѣлилъ его прямо въ сердце, сказавъ: чего толковать съ еретикомъ? конецъ его измѣнамъ и крамольству». Mußkow. Chron. 384.

Въ Лѣтописи о мятежахъ: «И пріидоша (*стрѣльцы*) къ царицѣ, «допрошаху ее; она же со слезами возопи: *нынѣ (ни, не?) знаю ево «окаянново; называла есмь ево сыномъ себѣ, страха ради смертно-«во». Русск. Лѣт. по Никон. сп. VIII.* 75.

Кажется, извѣстіе Петрея и нашей Лѣтописи несправедливо, т. е. царицу не спрашивали: иначе какъ бы не упомянуть о столь важномъ обстоятельствѣ въ грамматѣ, которою Шуйскій увѣрялъ народъ въ самозванствѣ Отрепьева? Тамъ именно сказано, что царица повинилась въ своей слабости уже тогда, когда мощи св. Димитрія принесены были въ Москву изъ Углича и исцѣлили многихъ больныхъ. *Содр. Госуд. Грам. II.* 312. Впрочемъ Самозванецъ остается Самозванцемъ.

80.

Петрей считаетъ всѣхъ убитыхъ вообще 1702 человѣка. Mußkow. Chron. 351.

81.

Въ грамматѣ царя Василія Ивановича (Шуйскаго) изчислены преступленія Самозванца слѣдующимъ образомъ: «Страдникъ вѣдомый, воръ, «богоотступникъ, еретикъ, разстрига Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, «отступя отъ Бога, по совѣту дьяволю и лихихъ людей .. назвалъ себя «царя Ивана Васильевича сыномъ, царевичемъ княземъ Дмитріемъ Ива«новичемъ, и въ Польшѣ и въ Литвѣ короля и многихъ пановъ и слу«живыхъ людей своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ прельстилъ, да «не токмо что въ Польшѣ, и въ Московскомъ государствѣ многихъ лю«дей прельстилъ; а чаяли его царевичемъ Дмитріемъ. И тотъ воръ, «богоотступникъ, по своему бѣсовскому умыслу и по совѣту съ Поль«скимъ королемъ и съ паны радами, въ Московскомъ государствѣ мно«гую смуту и разоренье учинилъ, и церкви Божія осквернилъ, и мно«гихъ православныхъ христіанъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали «и его обличали, злой смерти предалъ, и попялъ за себя воеводы Сендо«мирскаго дочь латинскія вѣры, и не крестивъ ее въ соборной церкви «пречистыя Богородицы вѣнчалъ, и Польскихъ и Литовскихъ людей, «для христіанскаго разоренья, въ Москву многихъ привелъ, и церкви «Божіи и св. иконы обругалъ, и Нѣмецъ, и Римлянъ, и Поляковъ и «розныхъ вѣръ многихъ злыхъ еретиковъ въ церковь пущати велѣлъ со «оружіемъ, а иныхъ скверныхъ дѣлъ и писати не вмѣстимо, какое злое «поруганье христіанской вѣрѣ чинили, и православнымъ христіанамъ «многое насильство и кроворозлитье учинили, и жены у мужей отни«малъ, и иныя нестерпимыя грубости и поносы чинилъ; а послѣднее, «по совѣту съ Польскими и съ Литовскими людьми, измѣннымъ обычаемъ «хотѣлъ бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и гостей и всякихъ «лучшихъ людей побити, а Московское государство хотѣлъ до основанія «разорити, и христіанскую вѣру попрать, церкви разорить, а костелы «Римскіе устроить». *Собр. Госуд. Грам. II, стран.* 309.

82.

Воевода Сендомирскій съ дочерью, сыномъ и зятемъ отправленъ былъ въ Ярославль, какъ справедливо говоритъ Петрей, 369. *См. также Берову Лѣтопись, стр.* 97.

83.

Онъ даже разсорился съ королемъ Польскимъ Сигизмундомъ III, за

то, что, вопреки совѣтамъ самого воеводы Сендомирскаго, принималъ титулъ цесаря и императора. *Собр. Госуд. Грам. II.* 226 и 259.

84.

Петрей обличаетъ самозванство Димитрія слѣдующимъ образомъ:

«1. Если бы истинный Димитрій вступилъ на престолъ, то онъ былъ бы не старѣе 22 лѣтъ; а Гришка имѣлъ по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ.

«2. Едва Гришка былъ коронованъ, явился въ Кремлѣ одинъ монахъ изъ того самаго монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ, и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ новаго царя; что этотъ царь не сынъ Іоанна Васильевича, а Гришка Отрепьевъ (Grisska Trefeja), бѣглецъ, обманщикъ, измѣнникъ; увѣрялъ, что самъ училъ его чтенію и письму, что знаетъ его родину, его отца и мать, знаетъ, почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услышавъ такія рѣчи, схватилъ монаха и представилъ царю. Чернецъ не испугался, говорилъ тоже самое, и смѣло называлъ Димитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго изслѣдованія: *правда глаза колетъ*.

«3. Гришкинъ родственникъ Елеазаръ Отрепьевъ говорилъ и Московскимъ боярамъ, и Польскому королю Сигизмунду, предъ всѣмъ сенатомъ, и Шведскому государю Карлу IX, что мнимый Димитрій былъ сынъ его брата и что заключенный отцемъ въ монастырь, за негодные поступки, для исправленія, онъ ушелъ тайно въ Польшу, научился тамъ военному искусству, и по совѣту злыхъ людей, недоброжелателей Борисовыхъ, особенно какого-то монаха, назвалъ себя Димитріемъ.

«4. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, знавшій истиннаго царевича, видѣвшій его мертвое тѣло и похоронившій его, свидѣтельствовалъ самозванство Отрепьева. Гришка велѣлъ схватить уличителя, вывести на площадь и положить на плаху, въ намѣреніи умертвить его, если не отречется отъ своихъ словъ. Князь, по слабости человѣческой, любилъ жизнь болѣе смерти, зажалъ себѣ ротъ и объявилъ, что всѣ слова его были клеветою: ибо онъ цѣнилъ жизнь и обманъ дороже истины и славы, по обычаю Москвитянъ, которые не знаютъ различія между честію и безчестіемъ. И такъ его простили и возвели въ прежнее достоинство.

«5. Одинъ стопятилѣтній благородный старецъ, служившій убіенному Димитрію, увѣрялъ въ Угличѣ многихъ, что онъ видѣлъ своими глазами мертваго царевича, что убитый былъ точно сынъ Іоанновъ, а

не подложный отрокъ, какъ разглашали крамольники, и что принявшій имя Димитрія былъ самозванецъ.

«6. Голландскій аптекарь Арендъ Клаузендъ, бывшій 40 лѣтъ при царскихъ аптекахъ, свидѣтельствовалъ, что онъ видалъ истиннаго Димитрія еще младенцемъ, что царевичъ былъ такъ же смуглъ, какъ и мать его, Марія Ѳеодоровна, а въ мнимомъ Димитріи этого сходства не замѣтно.

«7. То же самое говорила благородная Лифляндка фонъ-Тизенгаузенъ, которая безотлучно находилась при царицѣ-матери, видѣла Димитрія мертвымъ въ Угличѣ и присутствовала на его погребеніи.

«8. Лжедимитрій, свѣдавъ, что общій голосъ именовалъ его Самозванцемъ, пришелъ въ монастырь къ царицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и объявилъ ей о своемъ намѣреніи вырыть изъ могилы и перенести на другое кладбище кости того священническаго сына, который былъ убитъ вмѣсто его и погребенъ, какъ царевичъ; но царица отвергла такое предложеніе, ибо знала, что въ могилѣ покоился прахъ ея собственнаго сына. Слѣдовательно, если бы Гришка былъ истинный царевичъ, мать охотно исполнила бы его желаніе, для разсѣянія неблагопріятныхъ ему слуховъ и для утвержденія его на престолѣ. Называла же царица обманщика сыномъ своимъ единственно потому, что ложью она возвратила себѣ прежнее достоинство, и что весь родъ Годунова, убійцы ея сына, долженствовалъ погибнуть.

«9. Петръ Басмановъ, вѣрнѣйшій совѣтникъ и паредворецъ Лжедимитрія, пожертвовавшій за него жизнію, признавался по довѣренности многимъ людямъ, еще до смерти Самозванца, что царь былъ не истинный Димитрій, а другой человѣкъ; но какъ онъ правилъ государствомъ благоразумно и Русскіе ему присягнули, то, говорилъ Басмановъ, мы должны быть имъ довольны и молить всемогущаго Бога о его здравіи и благоденствіи; притомъ во всей Россіи нельзя найти лучшаго и умнѣйшаго государя.

«10. Знаменитый Польскій вельможа Янъ Сапѣга говорилъ, что мнимый Димитрій былъ побочный сынъ Стефана Баторія (но это ложь: онъ былъ Гришка Отрепьевъ); что посему-то Поляки словомъ и дѣломъ, войскомъ и казною, помогали ему завоевать Москву; что на зло Русскимъ, Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, умерщвленный и въ Угличѣ и въ Москвѣ, опять воскресъ и долженъ покорить ихъ, хотя бы они перебѣсились отъ досады; что если и сей Димитрій погибнетъ, Поляки

найдутъ другаго и непремѣнно завладѣютъ Московіею». Mißkow. Chron. 370—375.

85.

Руководствуясь правиломъ не выпускать изъ подлинника ни одного слова, переводчикъ оставилъ и эту басню, выдуманную, вѣроятно, самимъ Беромъ. Онъ, какъ лютеранинъ, отвергающій дѣйствительность чудесъ, хотѣлъ объяснить богопосланныя явленія употребленіемъ обыкновенныхъ средствъ подлога. Самое простое замѣчаніе доказываетъ нелѣпость его разсказа: авторъ вѣритъ, что притворявшіеся слѣпыми дѣйствительно ослѣпли, и сомнѣвается, чтобы св. Отрокъ подавалъ облегченіе вѣрующимъ! Между тѣмъ, безчисленные опыты свидѣтельствуютъ, что истинно-пламенная вѣра всегда можетъ творить чудеса. Сверхъ того, Беръ разсказываетъ, что нарочно умертвили поповскаго сына: это случилось, по его же словамъ, въ Угличѣ и притомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ; спрашиваемъ всякаго безпристрастнаго, какъ могло быть свѣжо тѣло *подложнаго* царевича, если привезли его за 350 верстъ въ жаркіе дни? И почему не вѣрить нетлѣнности Димитрія, когда всякъ, кто бывалъ въ Кіевѣ, видѣлъ своими глазами мощи св. угодниковъ? Чьи же останки могли быть священнѣе, если не девятилѣтняго отрока, такъ ужасно погибшаго? Однимъ словомъ, отвергая сказку дерзкаго иновѣрца, мы убѣждены въ истинѣ словъ нашихъ лѣтописей и государственныхъ бумагъ, которыя единогласно свидѣтельствуютъ о семъ случаѣ такимъ образомъ: «Послали мы на Угличъ *(пишетъ царь Василій Ивановичъ)* «по мощи царевича Димитрія Ивановича, митрополита Ростовскаго Фи«ларета, и Астраханскаго епископа Ѳеодосія, и Спасскаго архимандрита «Сергія, и Андроновскаго архимандрита Авраамія, и бояръ: князь Ива«на Михайловича Воротынскаго, и Петра Никитича Шереметева, и Гри«горія Ѳедоровича и Андрея Александровича Нагихъ; и писали къ намъ «изъ Углича богомольцы наши Ростовскій митрополитъ и Астраханскій «епископъ и архимандриты и бояре наши, что они мощи благовѣрнаго «князя Димитрія Ивановича *обрѣли;* и мощи его цѣлыя, ничѣмъ не «вредимыя, только въ нѣкоторыхъ мѣстѣхъ немножко тѣло вреднлося, «и на лицѣ плоть и на головѣ волосы цѣлы и крѣпкіе, и ожерелье жем«чужное съ пугвицами все цѣло, и въ рукѣ лѣвой полотенце тафтяное «шитое золотомъ и серебромъ цѣлое, кафтанъ весь таковожъ, и подъ «кафтаномъ камчатое шитое золотомъ и серебромъ цѣло на плечѣхъ, и «сапожки на немъ цѣлы, только подошвы на ногахъ попоролися, а на «персѣхъ орѣшки положенные на персѣхъ горсть. Сказываютъ, что

«коли онъ игралъ, тѣшился орѣхами и ѣлъ, и въ ту пору его убили, «и орѣхи кровью полились, и того для тые орѣхи ему въ горсти поло-«жили и тые орѣхи цѣлы. И которые были разслабленные различными «болѣзнями, уздоровилися отъ раки его царевича Дмитрія Ивановича, «въ прошлыхъ лѣтѣхъ и въ нынѣшнемъ 1606 году, и до ихъ пріѣзду «тамошніе люди привесли къ нимъ письмо, и тое письмо здѣсь къ «Москвѣ прислано. . . . И какъ понесли мощи его, множество больныхъ «различными болѣзнями уздоровилъ; и какъ его поставили въ церкви «архангела Михаила, и отъ его святыхъ мощей пролились рѣки милосер-«дія, много разслабленныхъ великимъ чудомъ уздоровились: впервое «уздоровилъ различными болѣзнями содержимыхъ человѣкъ 13, и посл-«мѣстъ уздоровляти не перестаетъ всѣхъ, которые къ нему приходятъ «съ истинною вѣрою». *Собр. Госуд. Грам. II.* 311—312.

86.

По словамъ Петрея, въ 4 недѣли присягнули Самозванцу 14 городовъ и крѣпостей.

87.

Изъ нашихъ государственныхъ бумагъ видно, что Болотниковъ былъ *холопъ* князя Андрея Телятевскаго. *Собр. Госуд. Грам. II.* 321: То же говоритъ и Палицынъ, въ *Сказ. о осадѣ Троиц. мон. стр.* 34.

88.

Съ 9,000 вооруженныхъ воиновъ, говоритъ Петрей. Mißk. Chr. стр. 387.

89.

Этотъ новый бездѣльникъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, убійца юнаго царя Ѳеодора, чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время, какъ удостовѣрился посолъ Василіевъ князь Волконскій, бывшій тогда въ Краковѣ. *Кар. И. Г. Р. XII, пр.* 39.

90.

По свидѣтельству А. Палицына, то былъ холопъ Свіяжскаго головы стрѣлецкаго, Григорія Елагина *(см. его Сказ.* 31*)*. То же говоритъ и царь Василій Ивановичъ (Шуйскій) въ окружной грамматѣ или манифестѣ 13 октября 1607 года. *Собр. Госуд. Гр. II.* 325.

91.

Посланникомъ былъ тотъ самый Петрей, который написалъ Mißcowitiſche Chronica. Онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1608 году.

92.

Сіе любопытное происшествіе описано въ Лѣтописи о мятежахъ такимъ образомъ; «Приде къ царю Василію Муромецъ сынъ боярскій, Ѳома «Суминъ сынъ Кравковъ, и рече ко царю Василью: дай мнѣ посохи, «язъ-де потоплю Тулу. Царь же Василій и бояре посмѣяхуся ему, како «ему градъ Тулу потопить! Онъ же съ прилежаніемъ къ нему: вели «меня казнить, будетъ не потоплю Тулы. Царь Василій даде ему на во- «лю; онъ же повелѣ со всей рати со всякаго человѣка привезти по мѣ- «шку съ землею, и нача рѣку подъ Тулою прудити; вода учала прибывати. «Царь же Василій, видя промышленіе, паипаче ему повелѣ совершати, «и повелѣ ему дати на пособь мельниковъ: онъ же рѣку запрудилъ и «градъ Тулу потопилъ совсѣмъ». *Рус. Лѣт. по Ник. списку VIII.* 91.

93.

Въ подлинникѣ Sloba; у Петрея Sokola въ Бѣлоруссіи: вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Соколъ въ Витебской губерніи.

94.

По свидѣтельству нашихъ государственныхъ бумагъ и достовѣрнаго писателя Коберзицкаго, негодяй, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Тушинскаго Вора, былъ *Жидъ (Карамз. И. Г. Р. XII, пр.* 138*)*. Такъ описываетъ его очевидецъ Маскѣвичъ: «Онъ былъ изъ простаго званія, весьма грубъ въ обращеніи, имѣлъ дурныя привычки, и въ разговорахъ употреблялъ самыя постыдныя выраженія; почему Мѣховецкій, для своихъ выгодъ, училъ его свѣтскости и Польскому обращенію, по примѣру перваго Димитрія *(Отрепьева)*, который былъ человѣкъ вѣжливый и обходительный».

95.

См. выше примѣчаніе 90.

96.

Беръ безъ пощады бранитъ Русскихъ; но у насъ не было измѣнниковъ подобныхъ Гапсъ-Бергу.

97.

Скопинъ заключилъ въ Выборгѣ 28 февраля 1609 года съ Шведскими полномочными договоръ, по которому Карлъ IX обязался прислать намъ на помощь 5,000 воиновъ; а мы должны были давать имъ жалованья по 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ и сверхъ того въ знакъ признательности уступить Кексгольмъ. *Собр. Госуд. Грам. II.* 376. См. также Петрея, который считаетъ, вмѣсто 100,000 ефимковъ, 32,000 руб., или по его словамъ, 10,000 талеровъ. Mitt. Chr. 412.

98.

Беръ былъ человѣкъ не глупый; но часто, какъ и въ семъ случаѣ, не льзя не смѣяться надъ его сужденіями.

99.

Митрополитъ Филаретъ возведенъ въ достоинство патріарха гораздо послѣ, уже въ царствованіе сына его Михаила Ѳеодоровича.

100.

Этотъ Шведъ, по словамъ Петрея, былъ капитанъ Біугге, родомъ изъ Шведской провинціи Гелзингеланда, взятый въ плѣнъ Іоанномъ IV въ Ливоніи и жившій въ Россіи лѣтъ тридцать.

101.

По словамъ Петрея, Лисовскій привелъ 5000 казаковъ и 600 всадниковъ.

102.

Этотъ полкъ состоялъ изъ 2000 человѣкъ и находился подъ начальствомъ Пруссака Людвига Вайера. *Дневникъ Маскѣвича.*

103.

«Сдѣлали 80 лѣстницъ, одни вышиною, какъ самыя высокія деревья въ лѣсу, и такой ширины, что 5 или 6 человѣкъ могли всходить рядомъ; другія привѣшивались къ подвижнымъ подъемамъ, которые были построены на подобіе висѣлицъ, и лѣстницы доходили до половины: войско, идучи на штурмъ, катило ихъ предъ собою. Съ помощію лѣстницъ взятъ былъ Смоленскъ». *Дневникъ Маскѣвича.*

104.

«Воеводою Смоленскимъ былъ Шеинъ, храбрый и опытный воинъ, не разъ уже бывавшій на полѣ чести», говоритъ Маскѣвичъ, врагъ Русскихъ.

105.

Достовѣрнѣе извѣстіе Петрея, который говоритъ, что «Шуйскій, не получивъ отъ Сигизмунда на просьбу свою отвѣта и негодуя на его коварство, послалъ гонца къ Смоленскому воеводѣ съ повелѣніемъ обороняться всѣми силами». *Далѣе согласно съ Беромъ.* Mußkow. Chron. 420.

106.

См. выше примѣчаніе 97. Это былъ тотъ самый Делагарди, котораго Густавъ Адольфъ называлъ своимъ учителемъ въ военномъ искусствѣ. Wagner's Gesch. d. Nord. IV. 918.

107.

Рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, по словамъ Карамзина «созданный быть вождемъ и повелителемъ людей въ мятежахъ и буряхъ, одаренный красотою и крѣпостью тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостью и мужествомъ», сначала сражался за тѣнь Димитрія, въ послѣдствіи увидѣлъ обманъ и хотѣлъ спасти вѣру и отечество. Поляки избавились отъ страшнаго мстителя гнуснымъ вѣроломствомъ: при осадѣ ихъ вѣрными Россіянами въ Москвѣ въ 1611 году, Гонсѣвскій написалъ почеркомъ Ляпунова письмо, и выставивъ его предателемъ, распустилъ въ Русскомъ войскѣ: обманутые казаки изрубили героя въ куски. *Дневн. Маскѣвича.*

108.

Марина, кажется, не очень была довольна своею участью. Вотъ ея собственноручное письмо къ отцу отъ 23 марта 1609 года изъ Гушинскаго лагеря: «О дѣлахъ моихъ не знаю, что писать; вижу только проволочку со дня на день; нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ; не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ родительскомъ.... Помню, милостивый государь батюшка, какъ вы съ нами кушали лучшихъ лососей, и старое вино пить изволили: этого здѣсь нѣтъ; если имѣете, покорно прошу прислать». *Собр. Госуд. Грам.* 360.

109.

Петрей, по своему обычаю, приписываетъ побѣду одному Шведскому полководцу и говоритъ, что Скопинъ, не хотѣвшій вступить въ битву, по счастливомъ окончаніи ея, со слезами благодарилъ Понтуса. Mußkow. Chron. 422.

110.

День св. Мартина (11 ноября) западные христіане праздновали въ старину какъ можно веселѣе, въ воспоминаніе угощенія св. Мартина (жившаго въ IV столѣтіи) императоромъ Римскимъ Максиміаномъ. Гусь былъ необходимою принадлежностію празднества.

111.

Komornik — спальникъ, чертожникъ, постельничій. См. Linde, Słownik Języka Polskiego.

112.

«По двою мѣсяцу пришествія его къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страш-«ный юноша ко Господу отъиде: но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли «судъ нань постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? Еди-«ный создавый насъ се вѣсть». *Авраамій Палицынъ, въ Сказаніи о осадѣ Троиц. мон.* 203.

«Мнози же на Москвѣ говоряху то, что испортила его тетка его, «княгиня Катерина, князь Дмитріева Шуйскова». *Русск. Лѣт. по Ник. сп. VIII.* 132.

«Князь Михаилъ», пишетъ современный историкъ, «имѣлъ 23 года отъ рожденія (въ 1609), прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ» (*Карамз. И. Г. Р. XII.* 154). Замѣчательно, что изъ всѣхъ Русскихъ одинъ только Шуйскій-Скопинъ не заслужилъ укоризны отъ Бера, который называетъ его даже героемъ. Хвалитъ и Басманова, но кажется болѣе какъ друга и покровителя Нѣмцевъ.

113.

Описывая Клушинскую битву, столь достопамятную слѣдствіями, Петрей винитъ Русскихъ въ неудачѣ, говоря, что они разбѣжались въ малодушной робости. Это обвиненіе несправедливо. См. *Дневникъ Маскѣвича.*

114.

Погорѣлое городище, древній городъ, нынѣ село, въ Тверской губерніи.

115.

Въ моемъ спискѣ ихъ нѣтъ.

116.

Сигизмундъ задержалъ нашихъ пословъ митрополита Филарета и князя Голицына съ товарищами, и отправилъ ихъ въ Польшу, какъ плѣнниковъ, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ. Вообще извѣстія Бера о избраніи Владислава очень неудовлетворительны.

117.

«Предлагали ему», пишетъ Маскѣвичъ, «чтобы онъ покорился королю и удовольствовался Гродномъ и Самборомъ; но онъ этого не захотѣлъ, себѣ на бѣду: до сихъ поръ могъ бы спокойно ѣсть свой кусокъ хлѣба».

118.

О занятіи Поляками Москвы см. *Дневникъ Маскѣвича.*

119.

Вѣроятно въ одной только Калугѣ. «Евожъ вора взяша и погребо-«ша честно въ соборной церкви у Троицы; а Сердомирскова дочь Ма-«ринка, которая была у вора, роди сына Ивашку; Калужскіежъ люди «всѣ тому обрадовашась, и называху его царевичемъ и крестиху его «честно». *Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII.* 150.

120.

Марина въ 1611 году предалась Ивану Заруцкому, и по восшествіи Михаила Ѳеодоровича на престолъ, удалилась въ Астрахань, откуда хотѣла бѣжать съ Заруцкимъ и сыномъ въ Персію; но въ 1614 году была схвачена на Уралѣ (*Собр. Госуд. Грам. III.* 104), и привезена въ Москву: сама она кончила преступную жизнь въ Московской темницѣ, Заруцкій посаженъ на колъ, а сынъ ея повѣшенъ. *Русск. Лѣт. по Никон. сп. VIII.* 213.

121.

Письмо это, кажется, очень сомнительно.

122.

По извѣстію Петрея, эта грамата была прислана жителями Калуги. Mußkow. Chron.

123.

Въ январѣ 1611 года жители Москвы дѣйствительно разослали грамматы въ разные города Русскіе, только не въ такомъ смыслѣ, какъ разсказываетъ Беръ: Москвитяне убѣждали единоземцевъ крѣпко стоять за вѣру и отечество. *Собр. Госуд. Грам.* 495.

124.

Беръ называетъ его *Ianchowski*, Петрей *Solkouski:* намѣстникомъ былъ Гонсѣвскій, какъ видно изъ *Дневника Маскѣвича*.

125.

См. *Дневникъ Маскѣвича* во II части *Сказ. соврем. о Димитріи Самозв.*

126.

Въ подлинникѣ Pogalaken. Пахолками въ Польскомъ войскѣ называлась челядь. Linde, Słownik Jęz. Polsk.

127.

Чтобъ доставить читателю полную возможность судить о духѣ, въ которомъ писалъ Беръ, переводчикъ рѣшился удержать и это безмысленное выраженіе.

128.

Такъ честитъ Беръ нашихъ предковъ за великій подвигъ, которому удивляется потомство!

129.

Всякому извѣстно, что патріархомъ былъ великодушный Ермогенъ: потомство произноситъ имя его съ благоговѣніемъ. Онъ умеръ въ темницѣ жертвою усердія къ вѣрѣ и любви къ отечеству.

130.

Долгъ переводчика заставилъ меня передать слово въ слово несправедливый приговоръ объ Іоаннѣ Грозномъ, который, не взирая на свои недостатки, заслужилъ многими дѣлами благодарность потомства. Свидѣтельство Паерле не имѣетъ никакого вѣса: во 1) онъ не былъ въ Россіи въ царствованіе Іоанна и писалъ о немъ по одной наслышкѣ, по словамъ иноземцевъ, враговъ нашихъ; 2) самое простое замѣчаніе доказываетъ нелѣпость его сужденія: Неронъ умертвилъ собственную мать свою; можно ли говорить, чтобы Іоаннъ даже сіе чудовище превзошелъ свирѣпостью!

131.

Эту басню авторъ, безъ сомнѣнія, слышалъ отъ Поляковъ. Такъ разсказываетъ одинъ изъ нихъ, Жмудскій дворянинъ Товяновскій, о мнимомъ спасеніи царевича Димитрія (*Zycie I. P. Sapiehy*, изд. въ 1781, *въ Варшавѣ*): «Годуновъ, предпріявъ умертвить Димитрія, за тайну объявилъ свое намѣреніе царевичеву медику, старому Нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно давъ слово участвовать въ злодѣйствѣ, спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ ли онъ столько душевной силы, чтобы снести изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно будетъ искусить твердость его? Царевичъ отвѣтствовалъ: «имѣю!» а медикъ сказалъ: «Въ эту ночь хотятъ тебя умертвить. Ложась спать, «обмѣняйся бѣльемъ съ юнымъ слугою, твоимъ ровесникомъ; положи «его къ себѣ на ложе, и скройся за печь: чтобы не случилось въ ком«натѣ, сиди безмолвно и жди меня». Димитрій исполнилъ приказаніе. Въ полночь отворилась дверь; вошли два человѣка, зарѣзали слугу, вмѣсто царевича, и бѣжали. На разсвѣтѣ увидѣли кровь и мертваго: думали, что убитъ царевичъ, и сказали о томъ матери. Сдѣлалась тревога. Царица кинулась на трупъ и въ отчаяніи не узнала, что мертвый отрокъ не сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми: искали убійцъ; рѣзали виновныхъ и невинныхъ; отнесли тѣло въ церковь, и всѣ разошлися. Дворецъ опустѣлъ, и медикъ въ сумерки вывелъ оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украйну, къ князю Ивану Мстиславскому, который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Іоанновыхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ докторъ и Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію искать безопасности въ Литвѣ. Юноша присталъ къ странствующимъ иновѣрцамъ, былъ съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской, и наконецъ явился въ домѣ князя Вишневецкаго».

Самозванецъ тщательно скрывалъ обстоятельства мнимаго спасенія своего отъ смерти. Вступивъ на престолъ, онъ издалъ окружную грамату или манифестъ, въ которомъ говоритъ только, что Богъ укрылъ его отъ козней Годунова. Вотъ собственныя слова его: «Отъ царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Русіи въ Сибирь, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичу Плещееву, да головѣ Матвѣю Степановичу Хлопову. Божіемъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника, Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго промысла исполнити, и меня, государя вашего прироженнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ. И я, царь и великій князь Дмитрей Ивановичъ всея Русіи, нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божіею помощію, сѣлъ на престолъ прародителей своихъ, на Московскомъ царствѣ и на всѣхъ государствахъ Россійскаго царствія; и на Москвѣ и на всѣхъ городѣхъ бояре наши, и окольничіе, и всякіе приказные люди всего нашего государства, и иноземцы намъ, прирожденному государю своему, крестъ цѣловали; и мы ихъ пожаловали вины ихъ имъ отдали». *Собр. Госуд. Грам. II.* стр. 201.

132.

Не Годуновъ, а соборъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства смерти Димитріевой, донесъ государю, что царевичъ самъ себя умертвилъ въ падучей болѣзни.

133.

См. приговоръ Собора 2 іюня, 1591 года, въ *Собр. Госуд. Грам. II. стр.* 121.

134.

Мрачная клевета, которою къ сожалѣнію и нѣкоторые изъ Русскихъ лѣтописцевъ стараются очернить память Годунова. По нелѣпостью разсказа они сами опровергаютъ себя; напримѣръ, Морозовскій лѣтописецъ баснословитъ такимъ образомъ: «Учредя онъ лукавый Борисъ «Годуновъ нѣкое отравное зеліе, и пойде вверхъ къ царю, и внпде въ «полату во время стола и вшедъ, сталъ у поставца... и государь позна «въ немъ чрезъ св. Духа проклятую мысль, и рече: *о любимый правитель мой! твори, по что пришелъ еси... подаждь ми уготованную чашу пити....* Онъ же окаянный, похвативъ изъ поставца

«чашу златую, и наливъ въ ню меду, и отворотяся всыпа зеліе, и под-«несъ государю, и царь чашу у него пришлъ, и оградилъ себя крест-«нымъ заменіемъ... и выпилъ всю, и рече: *о Борисе! подаждь ми «и другую чашу; сладко бо ми есть твое растворенїе...* Царица «же Ирина прослезися, и рече: *что, государь, ты глаголеши!* и не «хотѣла дати ему другой чаши пити. Царь же рече царицѣ: *остави «мя; уже бо судъ Божїй приспѣ ми.* Царица же не познала рѣчей «царя своего, но позназа коварство брата своего. Борисъ же стоя «поклонися и изыде вонъ, и радовашеся, что царя и благодѣтеля своего «опоилъ .. и государь царь Ѳеодоръ Ивановичъ сталъ изнемогати, и «жилъ по той отравѣ только 12 дней». *Карамз. Ист. Госуд. Рос. X. пр.* 366.

135.

Послушаемъ, что говорилъ самъ воевода Сендомирскій нашимъ боярамъ объ участіи своемъ въ дѣлѣ Самозванцевомъ, отвѣчая на ихъ вопросы по смерти Лжедимитрія:

«Отвѣтъ на предложеніе господъ думныхъ, сдѣланное пану воеводѣ Сендомирскому.

«Какимъ образомъ тотъ человѣкъ явился въ Польшѣ?

«Прежде, чѣмъ появился, пребывалъ онъ въ Кіевѣ, въ монастырѣ, въ старческомъ одѣяніи; а потомъ, бывъ у господина воеводы Кіевскаго, не хотѣлъ сказаться, и пришелъ къ князю Адаму Вишневецкому, сказывая и въ томъ его обнадеживая, что онъ есть истинный потомокъ усопшаго великаго князя Московскаго Ивана, предлагая то, какъ его Господь Богъ, помощію доктора его отъ смерти спасъ, положа на то мѣсто инаго мальчика, который въ Угличѣ зарѣзанъ; а потомъ тотъ докторъ отдалъ его къ нѣкоторому боярскому сыну для воспитанія, который тогда присовѣтовалъ скрыться ему между чернецами. Князь Адамъ извѣстіе о томъ учинилъ брату своему князю Константину Вишневецкому, зятю его милости господина воеводы, а потомъ его и къ нему отдалъ. И въ то время слуга господина канцлера Литовскаго, именемъ Петровскій, въ Жаложицы къ князю Константину Вишневецкому пріѣхалъ, сказывая, какъ онъ ему въ Угличѣ служилъ, и увѣдомляя о знакахъ, которые онъ на его тѣлѣ видѣлъ, и призналъ его за истиннаго сына усопшаго великаго князя Московскаго Ивана. И о томъ помянутый князь его королевскому величеству донесъ: король же повелѣлъ представить его къ себѣ; и ѣхалъ съ нимъ помянутый князь чрезъ Самборъ,

Тогда же господинъ воевода, имѣя нужду къ его величеству, обще съ нимн ѣхалъ, и въ то время съ нимъ знакомство возъимѣлъ. Тамъ же въ Самборѣ, нѣкоторый слуга господина воеводы, пойманный подъ Псковомъ и нѣсколько лѣтъ находившійся въ неволѣ, зналъ его еще въ дѣтствѣ и призналъ его за того же.

«Для чего господинъ воевода къ себѣ его принялъ?

«Свидѣтельство, которое не токмо онъ самъ о себѣ, но и тотъ Петровскій, и Московскій народъ, приходившій къ нему даже до Кракова, о немъ давали, не токмо господину воеводѣ, но и самому королю, и многимъ господамъ сенаторамъ, казалось вѣроятнымъ. И такъ безъ сомнѣнія можно было тому вѣрить, что̀ свои и посторонніе люди согласно признавали.

«Для чего ему король деньги давалъ?

«Въ видѣ милостыни далъ ему деньги чрезъ воеводу изъ тѣхъ денегъ, которыя онъ королю, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ злотыхъ, платить былъ долженъ. Такожъ и прочіе господа ему деньги давали и тѣми деньгами онъ долги оплачивалъ.

«Для чего господинъ воевода его провожалъ?

«Для того, что никто не сыскался, ктобы его порицалъ и противное что либо о немъ сказывалъ. А его королевское величество, разсуждая о перемиріи съ Борисомъ, на то ему, господину воеводѣ, позволеніе далъ, дабы безъ затрудненія рѣчи посполитой Польской справедливости своей искалъ, какъ ему извѣстно, и съ тѣмъ онъ отъ короля съ господиномъ воеводою поѣхалъ. А господинъ воевода въ томъ намѣренія съ нимъ путь предпринялъ, что если бы кто изъ сенаторовъ Московскихъ на границѣ отозвался, что онъ не есть дѣдичъ и истинный сынъ усопшаго великаго князя Ивана; то господинъ воевода не сталъ бы его провожать и назадъ возвратился бы, до границы не доѣзжая. Однакожъ, вмѣсто сопротивленія Москвичей, каждый день много къ нему людей прибывало; замки Моравскъ, Черниговъ и Путивль добровольно поддались; почему господинъ воевода полагалъ, что онъ истинный дѣдичъ, и что вся Москва его за государя согласно признать намѣрена.

«Для чего господинъ воевода по Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ посылалъ?

«Не господинъ воевода, а покойникъ».

Собр. Госуд. Грам. II. 293—296.

Паерле вездѣ хочетъ доказать, что Сигизмундъ былъ *въ сторонѣ* въ дѣлѣ Димитрія: то же говорятъ и Польскіе писатели. Въ опровер-

женіе ложнаго мнѣнія, приведемъ слова *очевидца*, секретаря королевскаго, Александра Чилли (Alessandro Cilli Historia di Moscovia, въ Dz. Pan. Zygmunta): «Я самъ видѣлъ» говоритъ онъ, «какъ нунцій обни-«малъ и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря, что «ему должно торжественно объявить себя католикомъ для успѣха въ «своемъ дѣлѣ. Димитрій, съ видомъ сердечнаго умиленія, клялся въ «непремѣнномъ исполненіи даннаго имъ обѣта, и вторично подтвердилъ «клятву въ домѣ у нунція, въ присутствіи многихъ вельможъ. Угос-«тивъ царевича пышнымъ обѣдомъ, Рангони повезъ его во дворецъ. «Сигизмундъ, обыкновенно важный и величавый, принялъ Димитрія въ «кабинетѣ, стоя, съ ласковою улыбкою. Димитрій поцѣловалъ у него «руку и разсказалъ ему всю свою исторію. Чиновникъ королевскій далъ «знакъ царевичу, чтобы онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ воевода «Сендомирскій и всѣ мы ждали его. Король остался наединѣ съ нун-«ціемъ, и чрезъ нѣсколько минутъ призвалъ Димитрія. Положивъ руку «на сердце, смиренный царевичъ болѣе вздохами; нежели словами, убѣж-«далъ Сигизмунда быть милостивымъ. Тогда король съ веселымъ видомъ, «приподнявъ свою шляпу, сказалъ: Да поможетъ вамъ Богъ, Московскій «князь Димитрій! А мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣ-«тельства, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына, и въ доказа-«тельство нашего искренняго благоволенія, опредѣляемъ вамъ ежегодно «40,000 злотыхъ на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, «какъ истинный другъ республики, вольны сноситься съ нашими панами «и пользоваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ». *См. Карамз. Ист. Госуд. Рос. XI, стр.* 133.

136.

Паерле, описывая походъ Самозванца отъ предѣловъ Польши до Москвы, не упоминаетъ, откуда онъ почерпнулъ приводимыя имъ подробности, коихъ не могъ быть свидѣтелемъ; впрочемъ, кажется, онъ пользовался источникомъ довольно вѣрнымъ: извѣстія его, относительно ко времени, по большой части согласны съ дневникомъ Лжедимитріевымъ, веденнымъ вѣроятно самимъ воеводою Сендомирскимъ, или кѣмъ либо изъ его спутниковъ, и напечатаннымъ во II части *Собранія Государ. Грам. стр.* 167—173, съ подлинника, хранящагося въ архивѣ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Мы приводимъ дневникъ, въ дополненіе къ Паерле, въ современномъ переводѣ:

«Путь съ его милостію царевичемъ, лѣта Господня 1604 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Августъ. миль.

25. Жупновицы . . . . . 2.
26. Лубень. . . . . 4.
27. Сокольники . . . . . 4.
28—7 сентября, тамъ же.

Сентябрь.

8. Гае. . . . . 3.
9—12. Глиняны . . . . . 2.
13. Князье. Господина Сендом. до Буска. . . . . 3.
14. Плусовъ. Г. воев. Любельскаго . . . . . 2.
15. Зборовъ. Г. воев. Любельскаго. . . . . 2.
16. Езерна. Г. воев. Любельскаго. *Девять мѣстечекъ въ Галиціи, на пути отъ Самбора къ Тарнополю.* . . . . 2.
17. Боркъ. Г. стар. Каменц:. . . . . 3.
18. Скалатъ. Г. Ходкевичевъ. *Мѣстечко въ Тарноп. области.* 2.
19. Тамъ же.
20. Маначинъ. К. Константина Вишневецкаго . . . . . 4.
21. Тамъ же.
22. Трисѣнники. К. Константина Вишневецкаго. . . . . 2.
23. Олешинъ . . . . . 4.
24. Тамъ же.
25. Игнатовка. Шляхецкая. . . . . 3.
26. Тамъ же.
27. Западинка. Г. Сеняв. *Пынъ Западницы, деревня въ Волынск. губ* . . . . . 2.
28. Кердановица. Шляхецкая. . . . . 2.
30. Литинья. Владѣніе Г. Лащева. *Городъ Литинъ въ Подольск. губерніи.* . . . . . 2.

Октябрь.

1. Салашевъ. Владѣніе Г. Галицкаго. . . . . 2.
2—4. Стрижевъ. Г. Стрижев. *Стрижевка, село на Бугѣ, въ Подольск. губ.* . . . . . 3.
5. Новогребля. Г. воев. Брацлав. *Деревня въ Кіевск. губ.* . 3.

Октябрь. мили.

6. Губинъ. Княгини Козицкой. *Губино, деревня въ Кіевск. губерніи.* . . . . . 2.
7—9. Бѣлиловка. Княгини Козицкой. *Село на рѣкѣ Ставищѣ, въ Кіевск. губ.* . . . . . 3.
10. Верховня. К. Розинскаго. . . . . 3.
11. Ставище. К. Розинскаго. *Деревня въ Кіевск. губ* . . . . 2.
12. Хвастовъ. К. Бискупа Кіевскаго. *Фастовъ, мѣстечко въ Кіевск. губ.* . . . . . 2.
13—15. Васильковъ. Монастыря Кіевскаго. *Городъ въ Кіевск. губерніи.* . . . . . 4.
16. Бѣлогородка. Г-жи Горностаевой отъ Г. воев. Кіевск. *Городъ въ Кіевск. губ.* . . . . . 3.
17—19. Кіевъ. . . . . 3.
20—22. Надъ Днѣпромъ. . . . . 2.
23—25. За Днѣпромъ. . . . . 2.
26. За Сваромъ. Монастырская. *Сваромье (?) деревня Черн. губ.* 2.
27—28. За Жукиномъ. Шляхецкая. Прислано изъ Моравска съ объявленіемъ подданства. *Деревня на Деснѣ, въ Черниговской губерніи.* . . . . . 4.
29—30. При Полчовѣ. Приходили Московскіе люди, предаваясь въ подданство, и тамъ же воеводы отданы. . . . . 3.
31. Моравскъ. Замокъ отданъ 19 часу. *Мѣстечко Моравскъ на Деснѣ въ Черниговской губерніи.* . . . . . $1\frac{1}{2}$.

Ноябрь.

1. Въ лагерѣ. . . . . 2.
2. Въ лагерѣ. Боярскій сынъ далъ знать о разрывѣ и шпіонъ пойманъ. . . . . 3.
3. Въ лагерѣ. Московскіе люди на 80 коняхъ пріѣзжали. . . 2.
4. Въ лагерѣ. Черниговъ поддался. . . . . 3.
5. Черниговъ отобранъ. . . . . 1.
6—13. Тамъ же.
14. Въ лагерѣ, за рѣкою Свиницею. . . . . 2.
15. Въ лагерѣ, за рѣкою Сновою. . . . . 6.
16. Въ лагерѣ, за мостомъ при деревнѣ . . . . . 3.
17. Въ лагерѣ. . . . . 4.
18. Обозомъ. Принесена папежская граммата. . . . . 1.

Ноябрь. мили.

19. Обозомъ.. . . . . 4.
20. Обозомъ.. . . . . 4.
21. Подъ Новогородкомъ. *Новгородъ-Сѣверскій, Черн. губ.*. . . 1.
22—23. Тамъ же.
24. Тамъ же. Подъ замкомъ пальба.
25—28. Тамъ же. Съ субботы на воскресенье всю ночь пальба; пріѣзжали Путивляне, давая знать о пойманіи воеводъ.
29. Тамъ же. Воеводы изъ Путивля приведены.
30. Тамъ же. Казаковъ 200 поймали. Тамъ же плѣнникъ въ замокъ впущенъ и Путивляне извѣстіе учинили о пойманіи 200 стрѣльцовъ Московскихъ.

Декабрь.

1. Тамъ же. Путивляне голову стрѣлецкаго и съ сотниками отдали.
2—3. Тамъ же. Рыльчане пріѣхали, объявляя, что Рыльскъ поддался и воеводы пойманы. Тогожъ дня изъ Комарницкой волости люди пріѣхали, съ объявленіемъ подданства, и двухъ воеводъ привели.
5—6. Тамъ же.
7. Тамъ же. Передались изъ замка 80 Москвитянъ.
8—9. Тамъ же.
10. Тамъ же. Получено извѣстіе о сдачѣ Курска. Тогожъ дня привезены 5 воеводъ изъ Рыльска и 2 изъ Комарницкой волости.
11. Тамъ же. Стали мы палить изъ большихъ пушекъ.
12. Тамъ же.
13. Тамъ же. Получено извѣстіе, что волость Кромы поддалась.
14. Тамъ же. Наше войско побило 100 Москвитянъ.
15—18. Тамъ же.
19. Тамъ же. Отецъ Петръ выѣхалъ съ Г. Щукою.
20—23. Тамъ же.
24. Тамъ же. Московскихъ 100 человѣкъ вошли въ замокъ.
25. Тамъ же. Наше побили Москвитянъ, которые въ замокъ приходили. Тогожъ дня, съ пятницы на субботу, принесено ко мнѣ письмо изъ войска Борисова.
26. Тамъ же. Три солнца видѣли.
27. Тамъ же.
28. Тамъ же. Войско Борисово приближалось, и при переправѣ, за милю отъ насъ, наши съ ними стрѣлялись. Тогожъ дня передались отъ нихъ два боярина.

Декабрь. мили

29. Тамъ же. Передался боярин изъ войска Борисова.
30. Тамъ же. Начало стычки съ войскомъ Борисовымъ; побито нѣсколько.
31. Тамъ же. Счастливое, по милости Божіей, сраженіе съ войскомъ Борисовымъ; побито до 4000 человѣкъ.

Январь.

1. Тамъ же. Войска Запорожскаго пришло 4000.
2—11. Тамъ же.
12. Съ Новогородка въ Нергодѣ. . . . . 2.
13. Въ лѣсу при деревнѣ. Тревога. . . . . 4.
14. Надъ болотомъ при деревнѣ. . . . . 5.
Надъ озеромъ, и того дни разъѣхались съ его милостію царевичемъ.
15. За Путивлемъ. Уѣхали. . . . . 2.
16. Надъ озеромъ.
17. Въ лѣсу подъ горою . . . . . 2.
18. Подъ буеракомъ въ полѣ. . . . . 4.
19. Въ Перятинѣ. К. Юрья Вишневец. *Гор. Пырятинъ въ Полт. губ* . . . . . 6.
20—22. Тамъ же.
23. Іогатинъ. Госпожи воев. Волынской. *Мѣстечко Яготинъ въ Полт. губ.* . . . . . 7.
24. Переяславль. Госпожи воев. Волынской. *На Трубежѣ, въ Полт. губ.* . . . . . 4.
25. Тамъ же.
26. Борисполь. Г-на гетмана Польскаго. *Мѣстечко въ Полт. губерніи.* . . . . . 6.
27. Кіевъ. . . . . 5.
28. Подъ Бѣлогородкою. *Мѣстечко въ Кіевск. губ.* . . . . 4.
29. Бразиловъ. *Пынь Брусиловъ, мѣст. въ Кіевск. губ.* . . 7.
30. Котельня. Г-на Тишкѣвича. *Мѣстечко въ Волынск. губ.* . 7.
31. Слободище. Г-на Тишкѣвича. . . . . 4.

Февраль.

1. Черторія. Г-на Краковск. *Мѣстечко Новая Черторія, на Случь, въ Волынск. губ.* . . . . . 7.
2. Гричевъ. Г-на воев. Брацлав. *Грицовъ, мѣстечко въ Волынск. губ.* 4

Февраль. мили.

3. Камень. Г-на Челганскаго. . . . . 8.
4. Вербовъ. К. Михаила Вишневецк. . . . . 5.
5. Жалоище. К. Константина Вишневецк. *Залоше (?) въ Галиціи.* . . . . . 5.
6. Тамъ же.
7. Кильчиче. Г-нъ Ходкевичевъ . . . . . 5.
8. Львовъ. *Лембергъ въ Галиціи.* . . . . . 9.
9. Тамъ же.
10. Лубень. . . . . 4.
11. Самборъ. *Городъ на Днѣстрѣ въ Галиціи.*. . . . . 6.
12—17. Тамъ же.

На оборотѣ надпись: «Дневная записка Московскаго пути, т. е. трактъ, по которому слѣдовалъ царь Димитрій изъ Польши въ Москву, иждивеніемъ господина воеводы Сендомирскаго».

137.

Такъ называется это мѣстечко (нынѣ Моровескъ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова) и на картѣ Россіи, составленной въ началѣ XVII вѣка по чертежу царевича Ѳеодора Борисовича Годунова. См. ее въ концѣ II части *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ.*

138.

Klein Nowogrodeck. Авторъ разумѣетъ Новгородъ-Сѣверскій.

139.

Bornika Ogarowa. Борисъ, свѣдавъ о вступленіи Лжедимитрія въ Россію, послалъ сначала къ Сигизмундовымъ вельможамъ дядю разстригина, Смирнаго Отрепьева, а въ послѣдствіи дворянина Огарева къ самому королю.

Въ то же время приказалъ вписать въ Розрядной книгѣ слѣдующую статью:

«Учинилась вѣсть государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всея Русіи, что назвался въ Литвѣ воръ государскимъ именемъ царевичемъ Дмитреемъ Угличкимъ, великаго государя царя Ивановымъ сыномъ.

«А тотъ воръ, разстрига, Гришка сынъ сотника стрѣлецкаго Богдана Отрепьева, постригшись былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ, и

во 111 году (1603) сшелъ на Сѣверу и сбѣжалъ за рубежъ въ Литву и пришелъ въ Печерскій монастырь, а съ нимъ воръ жъ чернецъ Мисаило Повадинъ, и умысля дьявольскою кознію, разболѣлся до умертвія и велѣлъ бить челомъ игумену Печерскому, чтобъ его поновилъ и въ духовнѣ *(на исповѣди)* сказалъ, будто онъ сынъ великаго государя царя Ивана Васильевича, царевичъ Дмитрій Углицкій, а ходитъ будто въ искусѣ непостриженъ избѣгаючи, укрываяся отъ царя Бориса, и онъ бы игуменъ, послѣ его смерти, про то всѣмъ обьявилъ; и послѣ того всталъ, сказалъ, будто полегчело ему.

«И тотъ игуменъ съ тѣхъ мѣстъ учалъ его чтить, чаялъ то правда, и вѣдомо учинилъ королю и сенаторѣмъ; а тотъ разстрига, сложивъ черное платье, сшелъ къ Сендомирскому, называючись царевичемъ, да и Московскаго государства во всеи Сѣверѣ и въ Польскихъ городѣхъ учинилось то вѣдомо». *Собр. Госуд. Грам. II, стр.* 163.

О родѣ и племени Самозванца, представлено было въ послѣдствіи, въ декабрѣ 1606 года, Польскимъ сенаторамъ слѣдующее обстоятельное извѣстіе посломъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, княземъ Волконскимъ:

«Онъ *(Самозванецъ)* былъ не царевичъ Дмитрей, *но* богоотступникъ, еретикъ, чернецъ, разстрига, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, а въ мірѣ его звали Юшкомъ (*Юріемъ*). Дѣдъ его Замятня былъ постриженъ въ Чудовѣ монастырѣ, а отца его, Богдана, зарѣзалъ Литвинъ на Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ. А онъ Юшка былъ въ холопѣхъ у бояръ у Никитиныхъ, дѣтей Романовича, и у князя Бориса Черкасскаго, и заворовался, постригся въ черницы, и былъ въ черницахъ въ Суздалѣ, въ Спасскомъ Евоимьевѣ монастырѣ, и въ Галичѣ у Ивана Предтечи, и по инымъ монастырямъ, а послѣ того былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ съ годъ, а ставилъ его въ дьяконы Іовъ патріархъ Московскій и всея Русіи; а потомъ взялъ его къ себѣ Іовъ патріархъ Московскій *для* письма, и онъ учалъ воровать и безчинствовать, и впалъ въ еретичество, и за тѣ его богомерзкія дѣла съ собору хотѣли сослать въ заточенье на смерть; и онъ, злокозненный врагъ, свѣдавъ о томъ, сбѣжалъ въ Литву въ Кіевъ, и былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ и въ Дермани монастырѣ въ дьяконѣхъ же; и послѣ того тотъ воръ, по дьявольскому ученью, отвергся христіанскія вѣры, образъ ангельскій испоругалъ, черническое платье съ себя сверглъ, и по вражью совѣту, своимъ злодѣинымъ обычаемъ и по умышленію Сендомирскаго воеводы и Вишневецкихъ и иныхъ, которые ему совѣтовали, злочести-

вый и скаредный свой языкъ на злодѣйское дѣло извострилъ, учалъ называтись блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ Углицкимъ». *Собр. Госуд. Грам. II, стр.* 322.

140.

Такъ описываетъ Паерле Добрынское сраженіе. Извѣстія его не согласны ни съ Беровыми, ни съ Маржеретовыми. По словамъ Бера, честь побѣды принадлежитъ Нѣмецкой дружинѣ; а по сказанію Маржерета, Нѣмцы Борисовы разбѣжались вмѣстѣ съ прочими, и только Русская пѣхота могла остановить Самозванца. Маржеретъ, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ болѣе вѣроятія: онъ самъ участвовалъ въ Добрынской битвѣ.

141.

Cosakhen Duinski, но есть Донскіе казаки, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ.

142.

Pedihorzen. Пятигорцы обитали по Кубани и Тереку, какъ видно изъ карты царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, и *Древ. Росс. Идрогр. стр.* 58.

143.

Такъ въ подлинникѣ. Ошибка очевидна: авторъ разумѣетъ рѣку *Кромъ.*

144.

Борисъ Годуновъ умеръ 13 апрѣля 1605 года; а войско передалось Самозванцу подъ Кромами 7 мая. Слѣдовательно спустя почти мѣсяцъ по смерти его.

Лжедимитрій увѣдомлялъ Станислава Мнишка, нареченнаго шурина своего, слѣдующимъ письмомъ о покорности войска, осаждавшаго Кромы:

«При объявленіи благосклонности нашей, желаемъ вашей милости добраго отъ Господа Бога здравія.

«Писали мы къ вамъ въ прежнихъ письмахъ нашихъ чрезъ Сверскаго, объявляя о поведеніи нашемъ; а нынѣ, что по отъѣздѣ вашемъ случилось, извѣстно чинимъ: по волѣ всемогущаго Бога, по смерти Борисовой,

главное войско, съ которымъ мы подъ Новгородкомъ дѣло имѣли, нѣсколько недѣль насъ подъ Кромами ожидая, подлинное о насъ, яко о природномъ государѣ, извѣстіе получа, къ намъ князя Ивана Голицына, великаго и знатнаго человѣка въ государствахъ нашихъ, такожъ и пословъ изъ всѣхъ повѣтовъ, съ объявленіемъ подданства и повиновенія прислало, милосердія прося, дабы мы имъ оную вину, которою они съ невѣденія противъ насъ, природнаго государя, учинили, простить изволили, сказывая то: «Мы всѣ тѣмъ лукавымъ обманомъ отъ Бориса прельщены были, какъ и по смерти Борисовой, сыну его въ томъ присягать и его за государя имѣть хотѣли; а противъ Гришки Отрепьева, котораго онъ быть именовалъ, противостоять обѣщались; но форма присяги инако намъ выдана была, не такъ, какъ мы разумѣли, понеже въ оной формѣ имя Гришки не упомянуто, дабы мы противнымъ образомъ съ тобою, природнымъ государемъ нашимъ, великимъ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ поступали и тебя въ государи себѣ не избрали. Мы же совершенно остереглись и единогласно сказали, дабы ты, яко природный государь, по воспріятіи престола святой памяти предковъ своихъ, надъ нами благополучно въ многолѣтныя времена государствовать изволилъ; и тамъ, вмѣсто присяги Борисову сыну учиненной, тебѣ присягу учинили». Нѣкоторыхъ сенаторовъ, которые сторону Борисову держали, связавъ, къ самому столичному городу Москвѣ нѣсколькихъ знатныхъ людей послали, объявляя, что я подлинный сынъ государствъ дѣдичъ, и къ тому ихъ склоняя, дабы и они, такъ какъ и тѣ, намъ подданство и присягу исполнили. А ежели бы на то склониться не хотѣли, то принудить ихъ къ тому силою. Сверхъ того, насъ чрезъ пословъ своихъ усильно просятъ, чтобы мы безъ замедленія на коронацію поспѣшали; почему мы въ скорости изъ Путивля, мая 25 дня, прямо къ Москвѣ ѣдемъ. Что же съ нами впредь чиниться будетъ, о томъ васъ увѣдомить не оставимъ. Изъ Путивля, 24 мая 1605 года. *Собр. Госуд. Грам. II, стр.* 196.

145.

Послѣ свидѣтельства Бера и Петрея, не остается никакого сомнѣнія, что вдова Бориса Годунова и сынъ его Ѳеодоръ удавлены по приказанію Самозванца.

146.

Не такъ-то скоро: Самозванецъ вступилъ въ Москву 30 іюля: слѣдовательно чрезъ цѣлый мѣсяцъ, хотя она жила только въ пятистахъ

верстахъ отъ столицы. Это значитъ, что мать св. Димитрія не вдругъ согласилась на обманъ.

147.

Многіе готовы были присягнуть, говоритъ Беръ, что Лжедимитрій былъ сынъ ея.

148.

По ходатайству царицы-матери, говоритъ Маржеретъ Какое дѣло было Полякамъ до Шуйскаго? «Совѣсть, вѣроятно, терзала эту несчастную пособницу обмана», замѣчаетъ справедливо Карамзинъ: «спасая мученика истины, Марфа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ».

149.

Власьева, великаго секретаря и казначея.

Кромѣ Власьева, Лжедимитрій послалъ въ Польшу секретаря своего Яна Бучинскаго, который писалъ къ нему въ январѣ 1606 года слѣдующее любопытное донесеніе:

«Много было мнѣ писати къ вашей царской милости то, что ся здѣсь дѣлало, и много о томъ кручинюсь, что было мнѣ писать того не съ кѣмъ; какъ приказалъ былъ ваша царская милость послать Горемыку, и язъ велѣлъ ему готовиться, и наяснѣйшая панна Горемыки мнѣ отъ себя посылати не велѣла, потому что де все у него и что ему прикажетъ, то все онъ дѣлаетъ; и того для язъ не послалъ Горемыки, а съ инымъ ни съ кѣмъ писати подлинно не имѣлъ. А нынѣ пишу, что добре нелюбо было нѣкоторымъ нашимъ панамъ пріѣздъ мой съ тѣмъ вашимъ наказомъ, потому что еще король и первыя грамматы вашей, которую Гасевскій принесъ, панамъ радамъ не казалъ. Пригонилъ гонецъ вашъ на пословъ вашихъ по опасную граммату, и паны рада думали, какъ опасная граммата на вашихъ пословъ дати, съ царскимъ ли титломъ, или безъ титла? И гонецъ де, чаю, безъ титла граммату не возьметъ. И досадовали паны рада на короля, для чего имъ по ся мѣста король первыя грамматы не показалъ, и многіе папы королю говорили, что ты его королевской милости за его великія добродѣтели злымъ отдаешь, а только-бъ онъ тебѣ не помогалъ, и онъ бы за то много дѣлъ по Борисѣ взялъ, а отъ тебя ничего добраго не чаетъ. Въ одной граммать пишешь, чтобы съ тобою случитись и совокупитись противъ Турскаго, а въ иной пишешь съ отказомъ и грозячи его королевской милости; а хочешь того,

чтобъ тебя писалъ: *непобѣдимымъ цесаремъ*; сего ни единъ на свѣтѣ крестьянскій государь такъ не дѣлаетъ. Колибъ де тебя кто иной писалъ *непобѣдимымъ*, ино бы то было не диво, а то ты самъ себя такъ пишешь; а такое слово Богу одному подобаетъ; поганцы некрещеные такъ дѣлаютъ, которые не знаютъ всесильности Божіей; а ты де большее Богажъ не знаючи, такъ ся называешь предъ Богомъ, и по твоей де и той великой спѣси и гордости, подлинно тебя Богъ сопхнетъ съ столицы твоей, и надобе то указать всему свѣту и Москвѣ самой, какой ты человѣкъ, а и сами Москвичи о томъ догадаются, какой ты человѣкъ и что имъ хочешь сдѣлати, коли ты не помнишь добродѣтели короля, его милости; а тѣ слова говорилъ панъ воевода Познаньскій. . . . *Собр. Госуд. Грам. II, стр.* 258.

150.

Авторъ разумѣетъ бракъ Сигизмунда съ Констанціею, дочерью эрцгерцога Карла.

151.

Въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской королевны Анны.

152.

По свидѣтельству Боплана, бахматами, baquemates, назывались лошади Татарскія, неуклюжія, малорослыя, но очень быстрыя и неутомимыя, съ длинными густыми гривами. Тоже говоритъ и Гваньини въ описаніи Татаръ Крымскихъ. Description d'Ukranie, 1660, стр. 38.

153.

То были рынды.

154.

Не только цари, но и великіе князья никогда не искали титула королевскаго.

155.

Не Иванъ Васильевичъ, а Василій Ивановичъ Шуйскій, вступившій на престолъ чрезъ десять дней послѣ бракосочетанія.

156.

Такъ въ подлинникѣ.

Въ поясненіе извѣстій Паерле о свадьбѣ Лжедимитрія съ Мариною, приводимъ слѣдующій современный отрывокъ брачнаго обряда, сохранившійся въ нашемъ архивѣ:

«.... Передъ государынею итти дружкамъ, а за ними протопопу со святою водою, да со крестомъ, въ патрахели и въ поручахъ саженыхъ, а за государынею итти свахамъ всѣмъ и боярынямъ сидячимъ; а вести государыню подъ ручку воеводѣ отцу ея, да княжъ Ѳедоровѣ княгинѣ Ивановича Мстиславскаго. И пришедъ въ столовую избу, протопопу благословить государыню на мѣсто крестомъ; а какъ изготовится все, и итти къ государю сказати про то дружкѣ боярамъ князю Дмитрею Ивановичу, да Григорью Ѳедоровичу, да Рождественскому протопопу. И государь пойдетъ изъ хоромъ въ столовую же избу, а передъ государемъ итти поѣзду и дружкамъ всѣмъ, да протопопу съ святою водою и со крестомъ; а пришедъ, протопопу говорити *достойно есть*, и благословить государя и государыню крестомъ; да говоритъ протопопъ молитвы обручальныя по чину, а дружки въ тѣ поры рѣжутъ караваи и сыры и подносятъ ширинки. А какъ обручанье отойдетъ, и государю и государынѣ итти въ Грановитую палату постельнымъ крыльцомъ; а путь слати сукна и бархаты изъ столовыя избы отъ царскаго мѣста до Грановитыя палаты до царскаго мѣста и до Причистой, и въ Пречистой вдвое. А въ столовой у обручанья быти одному воеводѣ Сендомирскому, да тѣмъ, которые въ поѣзду; а воеводинымъ пріятелямъ и Литовскимъ посламъ всѣмъ дожидатись государева выходу въ Золотой полатѣ, послати полавочники бархатные. И какъ государыня придетъ въ Грановитую полату къ цесарскому престолу, и сядетъ государь; и въ тѣ поры, пришедъ къ государынѣ, говорить рѣчь тысяцкому боярину князю Василью Ивановичу: «А пресвѣтлая и великая государыня цесарева и великая княгиня Марья Юрьевна всея Русіи! Божьимъ праведнымъ судомъ, и за изволеньемъ пресвѣтлаго и непобѣдимаго самодержца великаго государя Дмитрея Ивановича, Божьею милостью цесаря и великаго князя всея Русіи, и многихъ государствъ государя и обладателя, его цесарское величество изволилъ васъ, пресвѣтлую великую государыню взяти себѣ въ цесареву, а намъ въ *государыню*, и Божьею милостію, обручанье ваше цесарское нынѣ совершилось; и вамъ бы пресвѣтлой и великой государынѣ нашей, по Божьей милости и по изволенію великаго государя нашего, его цесарскаго величества, вступити на свой цесарскій маестатъ, и быти съ нимъ великимъ государемъ на своихъ преславныхъ государствахъ». А изговоря, протопопу благословить

крестомъ на мѣсто; и какъ государыня сядетъ на своемъ цесарскомъ мѣстѣ, и въ тѣ поры велитъ государь итти Литовскимъ посламъ и воеводиным пріятелямъ, по списку; взяти списокъ у воеводы; а явить Литовскихъ пословъ Ооопасью (*Власьеву*); и государь пожалуетъ велитъ Литовскимъ посламъ сѣсти по прежнему, а воеводѣ сидѣти на старомъ мѣстѣ, а боярамъ и окольничимъ и дворянамъ всѣмъ сидѣти по мѣстамъ, а поѣзду стоять. А патріархубъ со всѣмъ соборомъ притти въ церковь на третьемъ часу, и пѣти молебны; а въ навечерье того дни велѣти въ соборной церкви и по монастырямъ и по всѣмъ церквамъ пѣти всенощное и праздновати Троицѣ. А чинъ въ соборной церкви устроити: поставити середъ церкви палой съ паволокою, гдѣ стояти царскому чину, а паволака прежняя; да устроити чертожное мѣсто, сдѣлати новое пошире стараго, а у него 12 степеней, обалочи багрецомъ; да поставити государю престолъ Персидскій золотъ съ каменьемъ, да колодка золотная, а съ правую сторону поставить стулъ патріарху, а съ лѣвыя государынѣ цесаревѣ поставити стулъ большой золотой, да колодочка золотная бархатная, или камчата. А отъ чертожнаго мѣста слати сукнажъ багрецовыя и бархаты государю и государынѣ съ золотомъ, а патріарху бархатъ черинъ; и поставити отъ чертожнаго мѣста по обѣ стороны скамьи, гдѣ сидѣти властямъ; а послать полавочники государевы 2 на рядъ съ плетенки. А устроивати окольничему Ивану Ѳедоровичу Колычеву, да думному дворянину Григорью Микулину, а съ ними земскимъ приказнымъ людямъ и дьякамъ. А какъ въ соборной церкви уготовается, и государь пошлетъ на казенный дворъ по царской чинъ; а итти постельничему Семену Шапкину, да стряпчему князю Лукѣ Львову, да протопопа Ѳедора, да дву дьяконовъ Благовѣщенскихъ. И какъ царскій чинъ принесутъ, и государь цесарь и великій князь цесарскій чинъ велитъ принати конюшему Михаилу Ѳедоровичу Нагово, и поднести къ себѣ, и прикладывается къ животворящему кресту и цѣлуетъ корону; а духовникъ говоритъ *достойно есть*. Потомъ пошлетъ съ Михайломъ же тотъ цесарскій чинъ къ государынѣ цесаревѣ, и государыня ступитъ съ своего мѣста ступени съ три, и прикладывается ко кресту и цѣлуетъ корону, и приложась, велитъ государь принати крестъ и корону и діадиму протопопу Ѳедору, и нести на главѣ, покрывъ пеленою, къ пречистой Богородицѣ; и отпустити ихъ въ соборную церковь ко пречистой Богородицѣ съ боярином съ Михайломъ Ѳедоровичемъ, а блюдо нести дьяку Ѳедору Янову. А въ то время, какъ несутъ, звонити во всѣ колокола, и встрѣтитъ чинъ царскій патріархъ у дверей, вышедъ изъ церкви со всѣмъ соборомъ,

а принять у протопопа царскій санъ митрополитамъ Новгородскому, да Ростовскому, и поднесутъ къ патріарху, а патріархъ поставитъ на валоѣ. А проводя, бояринъ Михайло Ѳедоровичъ пойдетъ къ государю и скажетъ, что уготовано. А въ церкви, у царскаго сану и у мѣста оставити окольничего Ивана Колычева, да думнаго дворянина Григорья Микулина, да дьяка Ѳедора Янова. И государь цесарь и великій князь Дмитрій Ивановичъ всея Русіи и государыня цесарева и великая княгиня Марья Юрьевна всея Русіи пойдутъ въ соборную церковь вмѣстѣ, по ряду; а вести государя подъ правую руку воеводѣ Сендомирскому, а государыню вести подъ лѣвую руку Мстиславской княгинѣ. А передъ государемъ итти столникомъ и стряпчимъ, да воеводинымъ пріятелямъ и посламъ, а за ними поѣздъ; а за поѣздомъ нести скипетръ князю Василію Васильевичу Голицыму, яблоко нести Петру Ѳедоровичу Басманову; а достальнымъ боярамъ и думнымъ людямъ и дворянамъ и приказнымъ людямъ и пріятелямъ воеводинымъ итти за государемъ. А протопопъ Ѳедоръ, отнесчи корону, снявъ съ себя ризы, въ патрахели идетъ ко Пречистой, передъ государемъ и передъ государынею кропитъ. А на крыльцѣ, для береженья, быти головамъ стрѣлецкимъ двѣмъ человѣкомъ; а по пути уставливати народы: по праву отъ Грановитыя полаты головы два человѣка, а съ ними 10 человѣкъ сотниковъ, до 100 человѣкъ стрѣльцовъ; а по лѣву отъ судныхъ полатъ головыжъ 2 человѣка, а съ ними 10 человѣкъ стрѣльцовъ; а рцыремъ и драбантамъ съ своими капитаны стоять по чину по обѣ стороны, да съ ними стрѣльцы Посниковъ приказъ Огарива. А какъ войдетъ государь и государыня въ церковь, и пѣти многолѣтье государю; а государь прикладывается къ образамъ къ пречистой Богородицѣ къ чудотворцамъ къ Петру и къ Іонѣ; а государынѣ итти за государемъ, а вести подъ руку воеводѣ, да княжь Ѳедоровѣ княгинѣ Мстиславскаго, да передъ неюжъ итти дружкамъ, а позади итти свахамъ, а у образовъ и у чудотворцевъ, гдѣ государынѣ прикладываться, приступцы сдѣлати колодочки, смотря по мѣстамъ. А въ церкви въ тѣ поры уставливаютъ народы окольничіе, да столники. А патріархъ отъ себя пошлетъ архимандрита, да игумена, да ключарей; и какъ государь и государыня, прикладываясь у образовъ, придетъ къ патріаршу мѣсту, и патріархъ со всѣми властьми поклонится государю и государынѣ, и благословитъ государя и государыню, и возведетъ государя и государыню на чертожное мѣсто; а вести государя по правую руку патріарху, а государыню по лѣвую руку митрополиту Новгородскому. А власти сядутъ по скамьямъ, а бояре станутъ за государемъ

у столпа по правую сторону, а по лѣвую сторону стоять боярынямъ; а стоять у патріарха архидіякону, да протодіякону, по правую сторону за государемъ, а боярынямъ по лѣвую сторону у государыни, пониже чертожнаго мѣста. И посидѣвъ, государю говорити рѣчь патріарху; и патріархъ благословитъ государя и государыню, и говоритъ государю рѣчь. И послѣ рѣчи, велитъ патріархъ 2 архимандритамъ Троицкому, да Володимірскому, да игумену Пафнутьевскому, да Осиповскому принести животворящій крестъ на другомъ на златомъ блюдѣ, а у нихъ примутъ 2 архіепископа Смоленскій да Рязанскій, и подпесутъ къ патріарху, и патріархъ, поцѣловавъ, благословитъ и положитъ на государыню цесареву; и архидіаконъ начнетъ малую октенью, и по октеньѣ, государыня приклонитъ главу, и патріархъ возложитъ на верхъ главы государыни руку и говоритъ молитву во услышанье всѣмъ. И по молитвѣ пошлетъ патріархъ архимандрита Владимірскаго, да Спасскаго, до игуменовъ 2 Борисоглѣбскаго, да Угрѣшскаго, по бармы, по діадиму; а у архимандритовъ пріимати митрополитъ Крутецкій, да архіепископъ Суздальскій, и принесутъ къ патріарху, и патріархъ, пріавъ, цѣлуетъ и знаменуетъ ими государыню цесареву, и государыня ихъ цѣлуетъ; а патріархъ возложитъ на государыню, и благословитъ крестомъ, и говоритъ молитву. И по молитвѣ, пошлетъ патріархъ по царскую корону архіепископовъ двухъ Архангельскаго, Астраханскаго, да архимандритовъ двухъ, Симоновскаго, да Андроникovскаго; а у нихъ примутъ митрополиты Новгородскій, Ростовскій, и принесутъ патріарху; и патріархъ, перекрестивъ рукою, благословитъ государыню крестомъ и положитъ на нее. А свахамъ предъ тѣмъ, какъ принесутъ корону, сняти вѣнецъ, въ которомъ будетъ государыня; и въ то время позакрыти покровцы низаными. И потомъ митрополиты и архіепископы и епископы, вшедъ, на мѣсто, благословляютъ государя и государыню. И послѣ того государь, принявъ государыню за десную руку, посадитъ и самъ сядетъ; и посидѣвъ мало, цесарь и цесарева и патріархъ встанутъ, а архидіаконъ начнетъ октенью большую; и по октеньи, патріархъ говоритъ молитву Пречистой. И по молитвѣ, цесарь и цесарева и патріархъ и власти сядутъ на своихъ мѣстахъ, и архидіаконъ кличетъ на амбонѣ многолѣтье государю и государынѣ цесаревѣ, и священники въ олтарѣ поютъ многолѣтье государю и государынѣ, а дьяки на правомъ крылосѣ поютъ по-трожды. И по многолѣтьи, патріархъ, вставъ со всѣми властьми, поздравляютъ государя и государыню; а послѣ того здороваютъ государя и государыню бояре и дворяне и всякіе люди. А послѣ совершенья молебна, государь

и государыня и патріархъ сойдетъ съ чертожнаго мѣста и начнетъ обѣдню; а государь цесарь станетъ на своемъ цесарскомъ мѣстѣ, а государыня пойдетъ въ придѣлъ Дмитрія Селунскаго, а съ нею свахи и боярыни немногія, кому государь укажетъ. А послѣ херувимской, какъ осѣнятъ свѣщею, положитъ патріархъ на государыню цѣпь злату Мономахову, а государю итти съ государынею вмѣстѣ. А какъ учнутъ пѣти кенаники, и въ тѣ поры постельничему Семену Шапкину послати передъ царскими дверьми коверъ, а на верхъ ковра бархатъ золотой; а архидіаконъ и протодіаконъ зовутъ государыню цесареву на помазанье и къ причастію, а государь пойдетъ съ неюжъ. И послѣ совершенія обѣдни, тутожъ передъ царскими дверьми быти вѣнчанью; а вѣнчати протопопу Ѳедору, а патріарху и властямъ стояти на своемъ мѣстѣ. А у государя и у государыни стоять тысяцкому и дружкамъ и свахамъ, а боярамъ и думнымъ людямъ стояти за царскимъ мѣстомъ, а народъ въ тѣ поры изъ церкви выслати; а съ вином съ церковнымъ стоять и наряжать Аоанасій Алекс. Нагой, а склянницу держати Семену Шапкину, а государеву корону на блюдѣ держать конюшему М. Ѳ. Нагово, а у государыни свахѣ, Андреевѣ женѣ Александровича. А осыпати государя цесаря и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Русіи боярину князю Ѳ. И Мстиславскому, у Пречистыя на рундукѣ, какъ пойдетъ изъ двери; а мису держати казначею Василью Головину, а золотыя деньги посить казенному дьяку Меньшему Булгакову. А пути всѣ слати сукны багрецы, а на нихъ бархаты; а слать казначею Василью Петровичу Головину, да казеннымъ 3 дьякамъ. А какъ изъ двери пойдетъ, и въ дверяхъ осыпати трижды, и итти къ Грановитой полатѣ въ столовую избу, и у Грановитой полаты и у столовой осыпать вездѣ по-трижды; а Литовскихъ пословъ отпустить отъ Пречистыя. А пришедъ государь въ столовую избу, посидитъ немного за столомъ до третьей ѣствы; а ѣствы подать приказныя, и пойдетъ государь въ свои хоромы; а поѣзду провожать до постельныхъ хоромъ, а воеводѣ Сендомирскому и тысяцкому до постели. А за столомъ быти воеводѣ и пріятелямъ его и боярамъ немногимъ. А большаго стола на первый день не будетъ, а быть большимъ столамъ въ Грановитой полатѣ по три дни; сидѣть воеводѣ и посламъ и пріятелямъ воеводскимъ въ кривомъ столѣ, а противъ нихъ; и потчивать боярин П. Ѳ. Басмановъ, да окольничій К. Григорій Ромодановскій, да думный дворянинъ Гр. Микулинъ, да приставы. А слугамъ воеводскимъ и посольскимъ и жолнырамъ лучшимъ выбравъ человѣкъ до 150, посадити въ Золотой полатѣ; а потчивать ихъ думнымъ дворянамъ Пушки-

нымъ, да дьяку Шипилову. А мусикѣ на первой день не быть, а быть въ Грановитой полатѣ за большимъ столомъ». *Собр. Госуд. Грам. II*, 289—293.

157.

Причина посольства неизвѣстна: вѣроятно Самозванецъ хотѣлъ вооружить Персидскаго шаха на Турковъ.

158.

Въ подлинникѣ: Bladini Dyetie.

159.

Gregorius Wokiof. Самозванца умертвили двое: Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ (*Карамз. Ист. Госуд. Рос. XI, пр.* 532.). Волуева Нѣмцы называютъ Wolnik и Mulnik. Историографъ Миллеръ никакъ не могъ разгадать этого имени и думалъ, что Mulnik есть имя нарицательное Мыльникъ, т. е. мыловаръ (Samml. Ruſſ. Geſch. V. 357). И въ Беровой лѣтописи стоитъ Mulnick.

160.

Паерле оправдываетъ нашихъ бояръ въ непристойномъ дѣлѣ, взведенномъ на нихъ пасторомъ Мартиномъ Беромъ. См. выше, стр. 61.

161.

Въ подлинникѣ Sklinskytwor. Въ письмѣ воеводы Сендомирскаго упоминается о какомъ-то Склинскомъ; вѣроятно по имени его названъ дворъ, гдѣ жилъ Бучинскій. *Собр. Госуд. Грам. II.* 286.

162.

Ignaciewiz. Кажется, то былъ Татищевъ, Михайло Игнатьевичъ. Авторъ перемѣшалъ имена.

163.

Безсмыслешная сказка! Въ примѣчаніяхъ къ Беровой лѣтописи, я уже объяснилъ, почему въ семъ случаѣ дерзкія слова иноземца, лютеранина, врага нашего, не заслуживаютъ никакого вѣроятія. *См. выше, пр.* 85. Считая излишнимъ повторять свое мнѣніе, сдѣлаю еще одно замѣчаніе: изъ грамматы царской видно, что въ Угличъ отправлены за мощами св. Димитрія митрополитъ Ростовскій Филаретъ, епископъ

Астраханскій Ѳеодосій, архимандритъ Спасскій Сергій, архимандритъ Андроновскій Авраамій, князь Воротынскій, бояре Шереметевъ, Григорій и Андрей Нагіе (*Собр. Госуд. Грам. часть II. стр.* 311); всѣ они единогласно засвидѣтельствовали нетлѣнность мощей св. Отрока; уже одно это свидѣтельство удостовѣрило бы насъ въ святости царевича, если бы мы и не имѣли другихъ доказательствъ: можно ли думать, чтобы такія особы, какъ Филаретъ, согласились содѣйствовать обману Шуйскаго? Въ такомъ случаѣ, надобно было бы лишить человѣка всякаго нравственнаго достоинства.

164.

Іоаннъ IV назначилъ Димитрію въ удѣлъ Угличь, Дмитровъ и Городецъ.

165.

См. примѣчаніе 135.

166.

Въ Московскомъ Архивѣ большею частію хранятся акты, о которыхъ упоминаетъ Паерле. Приводимъ изъ нихъ вполнѣ самый любопытный: договоръ Лжедимитрія съ воеводою Сендомирскимъ, писанный 25 мая 1604 года на Польскомъ и Русскомъ языкахъ.

«Мы, Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію, царевичъ Великой Русіи, Углецкій, Дмитровскій и иныхъ, князь отъ колѣна предковъ своихъ и всѣхъ государствъ Московскихъ государь и дѣдичь.

«Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только по примѣру иныхъ монарховъ и предковъ нашихъ, но и всѣхъ христіански живущихъ, за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ негожъ, усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи въ королевствѣ въ Польскомъ, въ дому честномъ, великаго роду, житья честнаго и побожнаго, пріятеля и товарыща, съ которымъ бы мнѣ, за помочью Божіею, въ милости и любви непремѣняемой житіе свое проводити, ясневельможную панну Марину съ Великихъ Кончицъ Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Львовскую, Самборскую, Меденицкую и проч., дочь ясневельможнаго пана Юрья Мнишка съ Великихъ Кончицъ, воеводы Сендомирскаго, Львовскаго, Меденицкаго и проч старосты, жупъ Русскихъ жупника, котораго мы испытавши честность, любовь и доброжелательство, для чего мы взяли его себѣ за отца, и о томъ

мы убѣдительно его просили, для большаго утвержденія взаимной нашей любви, чтобы вышереченную дочь свою панну Марину за насъ выдалъ въ замужство. А что тепере мы есть не на государствахъ своихъ, и то теперь до часу: а какъ дастъ Богъ, буду на своихъ государствахъ жити, и емубъ попомнити слово свое прямое, вмѣстѣ съ панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо обѣма сдержати и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся. А впередъ во имя пресвятыя Троицы, даю ему слово свое прямое царское: что женюсь, на панѣ Маринѣ; а не женюсь, и язъ проклятство на себя даю, утверждая сіе слѣдующими условіями. Первое: кой часъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго государства, язъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысячъ злотыхъ Польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея, панны Марины, будущей жены нашей, изъ казны нашей Московской выдамъ клейнотовъ драгоцѣнѣйшихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея, панны, отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ царскимъ словомъ обѣщаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ царскій престолъ отца нашего, и мы тотчасъ пословъ своихъ пришлемъ до наяснѣйшаго короля Польскаго, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое нынѣ промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ сдѣлати безъ убытка. Третее то: той же прежъ реченной панѣ женѣ нашей дамъ два государства великія, Великій Новгородъ да Псковъ, со всѣми уѣзды, и съ думными людьми, и съ дворяны, и съ дѣтьми боярскими, и съ попы, и со всѣми приходы, и съ пригородки, и съ мѣсты, и съ селы, со всякимъ владѣніемъ, и съ повольностью, со всѣмъ съ тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и указывали; а мнѣ въ тѣхъ обоихъ государствахъ, въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, ничѣмъ не владѣти, и въ нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпляемъ и даруемъ ей панѣ то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помочью Божіею, съ нею вѣнчаемся, и мы то все, что въ нынѣшнемъ нашемъ письмѣ написано, отдадимъ ей, и въ кашцрѣріи нашей ей то въ вѣки напишемъ, и печать свою царскую къ тому приложимъ. А будетъ у нашей жены, по грѣхомъ, съ нами дѣтей не будетъ, и тѣ обои государства ей приказати намѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, и вольно ей будетъ своимъ служилымъ

людямъ помѣстья и вотчины давати, и купити и продавати, также вольно ей, какъ ся ей полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣльныхъ государствахъ монастыри и костелы ставити Римскіе, и бискупы и попы Латинскіе, и школы поставляти и ихъ наполняти; какъ имъ впередъ жити; а самой жити съ нами; а попы свои себѣ держати, сколько ей надобе, также набоженство своей Римскіе вѣры держати безо всякіе забороны, якоже и мы сами, съ Божіею милостію, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все государство Московское въ одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ Римскіе устроити. А того Боже намъ не дай, будетъ тѣ наши рѣчи въ государствахъ нашихъ не полюбятся, и въ годъ того не сдѣлаемъ, ино будетъ вольно пану отцу и панѣ Маринѣ со мною розвестися, или пожалуютъ побольше того подождутъ до другаго году. А язъ тепере въ томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, съ крестнымъ цѣлованьемъ, что мнѣ все сдѣлати по сему письму, и присягою на томъ на всемъ, при святцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сей записи сдержати крѣпко и всѣхъ Русскихъ людей въ вѣру Латынскую привести. Писана въ Самборѣ, мѣсяца мая 25 дня, лѣта 1604.

Подпись: Царевичъ Димитрій.

167.

Datsow. Вѣроятно, Татевъ.

168.

Въ подлинникѣ Patska. Шмидтъ-Фисельдекъ думаетъ, что это слово значитъ *Батюшка*, и что такъ называли начальника мятежниковъ. Мнѣніе совершенно ложное: Паерле разумѣетъ извѣстнаго Истому Пашкова.

169.

То же свидѣтельствуетъ Петрей.

170.

Korsak. Должно быть Корсаковъ.

171.

Въ подлинникѣ Fedorowitz и Plotno: извѣстные мятежники Лжепетръ и Болотниковъ. См. о нихъ Берову Лѣтопись.

*

172.

Напомнимъ еще читателю свидѣтельство Александра Чилли. *См. выше примѣч.* 135.

173.

Въ рукописи, которою я пользовался, недостаетъ листовъ двухъ или трехъ; ихъ нѣтъ и въ спискѣ Волфенбительской библіотеки. Изъ дѣлъ нашего архива мы знаемъ, что послы Литовскіе заключили съ боярами 25 іюля 1608 года перемиріе на 3 года и 11 мѣсяцевъ; исходатайствовали свободу Маринѣ и отцу ея; клялись въ дружбѣ и любви; наконецъ отправились восвояси. Паерле достигъ Кракова 15 декабря 1608 года.

174.

Авторъ принимаетъ здѣсь слово *Скиѳы* въ смыслѣ варваровъ: ниже увидимъ, что онъ имѣлъ довольно правильныя понятія о народахъ сосѣдственныхъ Россіи.

175.

Saint-Jean-de-Laune, или de-Lône, небольшой городокъ, въ Бургундіи, на рѣкѣ Сонѣ, въ 6 миляхъ отъ Дижона: жители его прославились въ исторіи упорною защитою въ 1636 году отъ 80,000 войска Нѣмецкаго, Испанскаго и Лотарингскаго. Вогренанъ сражался за Генриха IV.

176.

О пребываніи Маржерета въ Россіи сохранилось въ Московскомъ Архивѣ слѣдующее любопытное письмо князя Пожарскаго къ иностранцамъ Эстону, Гилю и другимъ, желавшимъ вступить въ Русскую службу:

«Великихъ государствъ Россійскаго царствія бояре и воеводы, и по избранію Московскаго государства всякихъ чиновъ людей, въ нынѣшнее настоящее время того многочисленнаго войска у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода князь Дмитрій Пожарскій съ товарыщи. Объявляемъ Ондреяну Ѳрейгеру вольному господину города Ѳладороа, Артору Ястону изъ Турпала, Якову Гилю, начальнымъ надъ войскомъ, и инымъ капитаномъ, которые съ вами. Прислали есте къ намъ съ капитаномъ съ Яковомъ Шавомъ граммату за своими руками; а въ граммать своей къ намъ писали есте, что объявляете намъ свое доброе

радѣнье прямымъ сердцемъ, будто вы о нѣкоторыхъ мѣрахъ, тому ужь 6 мѣсяцевъ, писали въ грамматѣ къ Петру Гамельтуну, чтобъ онъ до насъ донесъ, что вы хотите вѣрно служити въ тѣхъ мѣрахъ, что учинилося межъ насъ и Польскихъ и Литовскихъ людей, и намъ бы не страшитися: государи ваши короли великихъ людей вѣдомыхъ иноземцевъ, ратныхъ большихъ капитановъ и залдатовъ, въ которыхъ нѣтъ такихъ, который бы къ службѣ не пригодился, велѣли сбиратися, и уже на готовѣ; только тому дивитеся, что намъ капитанъ Гемельтонъ того не объявилъ и вашего радѣнья и службы по ся мѣста не сказалъ, и вы положили на то: нѣчто будетъ то ваше письмо до Петра не дошло, или Петръ до насъ не донесъ, что вамъ о томъ отъ насъ письма пѣтъ, и въ томъ вы стали неправы большому въ Амборху (*въ Гамбургѣ*) Якову Мержерету; а Яковъ Мержеретъ послалъ же съ грамматами изъ Амборха къ Архангельскому городу на Николинъ день, мая 9 число, тоежь службу и раденье объявля, и вы тогожъ чаете, что и тѣ не дошли; и только намъ ваше раденье любо будетъ, и о томъ бы намъ отвѣтъ учинити вамъ по нынѣшней лѣтней дорогѣ, чтобъ мочно притти корабельнымъ ходомъ. А нынѣ ты, Ондреянъ, съ своими большими и съ капитаны имянно къ намъ идете вскорѣ, для договора наемнаго войска иноземцевъ, только намъ любо будетъ; да твои же люди идутъ въ Англійскихъ и въ Нидерлянскихъ корабляхъ, а приставать будутъ къ берегу сеѣ осени, и намъ бы съ тобою о воинскихъ людехъ договоръ учинити, чтобъ вамъ, прося у Бога милости, одного лѣта съ недруги управиться; а вы то дѣлаете на славу государемъ своимъ и отечеству своему, не бояся смерти, надѣяся на правду, а въ правдѣ Богъ помогаетъ, и рады вы противъ нашихъ непріятелей, видѣчи нашу правду, биться до смерти, и однолично еси изготовился къ намъ итти моремъ и сухимъ путемъ на Николинъ день, только съ тобою нынѣ о томъ договоръ учинимъ.

«И мы государемъ вашимъ королямъ, за ихъ жалованье, что они о Московскомъ государствѣ радѣютъ и людямъ велятъ сбираться намъ на помочь противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, челомъ бьемъ и ихъ жалованье рады выславляти; а и преже сего великіе государи наши цари и великіе князи Россійскіе съ государи вашими, ни съ которыми короли, въ недружбѣ не бывали. А васъ, Ондреяна Өрейгера вольнаго господина во Флодорѣ, да Артора Ястона изъ Турнала, да Якова Гиля, начальниковъ надъ войскомъ, за ваше доброхотство, что вы хотите Россійскому государству помочь чинити, сами служити и людей воинскихъ на наемъ призывати и битися хотите до смерти, похвалнемъ и

нашею любовью противъ вамъ, гдѣ будетъ возможно, воздавати хотимъ. А тому удивляемся, что вы отомъ дѣлѣ въ совѣтѣ съ Оранцуженином съ Яковомъ Мержеретомъ, а Якова Мержерета мы всѣ Московскаго государства бояре и воеводы знаемъ достаточно и вѣдаемъ про него подлинно:

«Блаженныя памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Оедоровичѣ всеа Русіи выѣхалъ тотъ Яковъ и съ иными иноземцы, съ дьякомъ съ Ооонасьемъ Власьевымъ, изъ цесарскія области къ царю и великому князю Борису Оедоровичу всеа Руссіи на его государское имя служити; и блаженныя памяти великій государь царь и великій князь Борисъ Оедоровичъ всеа Русіи его пожаловалъ своимъ царскимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и вотчины и денежнымъ жалованьемъ, и былъ онъ у иноземцевъ въ ротмистрахъ; а послѣ царя и великаго князя Бориса Оедоровича всеа Русіи, какъ учинился на Россійскомъ государствѣ великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Руси, и Яковъ Мержеретъ великому государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси билъ челомъ, чтобъ его отпустилъ къ родству его во Оранцовскую землю, и царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Руси, по своему милосердому обычаю, пожаловавъ его своимъ царскимъ жалованьемъ, во Оранцовскую землю отпустить велѣлъ. И какъ, за нашъ грѣхъ, въ Россійскомъ государствѣ при царѣ Васильи, нѣкоторый воръ, по умышленью Польскихъ и Литовскихъ людей, назвался блаженныя памяти царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи сыномъ, царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, въ прежняго вора въ Розстригино мѣсто, будто онъ ушелъ съ Москвы живъ, и стоялъ тотъ воръ подъ Москвою, и тотъ Яковъ Мержеретъ къ тому вору присталъ и былъ съ тѣмъ воромъ, и Московскому государству многое зло чинилъ и кровь хрестьянскую проливалъ, вмѣстѣ съ Польскими и съ Литовскими людьми и Московскаго государства съ измѣнники. А какъ Польскій Жигимонтъ король присылалъ подъ Москву гетмана Польскаго Станислава Жолковскаго, и тотъ Яковъ опять пришелъ съ гетманомъ; а послѣ гетмана остался въ Московскомъ государствѣ съ старостою Велижскимъ съ Олександромъ Гасевскимъ, въ Нѣмецкой ротѣ у Полака у Петра Борковскаго въ поручикахъ. И какъ Польскіе и Литовскіе люди крестное свое цѣлованье преступили, оплоша Московскихъ бояръ, царствующій градъ Москву разорили, выжгли и людей сѣкли, и тотъ Яковъ Мержеретъ, вмѣстѣ съ Польскими и съ Литовскими людьми, кровь крестьянскую проливалъ и злѣе Польскихъ

людей, и въ осадѣ съ Польскими съ Литовскими людьми въ Москвѣ отъ насъ сидѣлъ, и награбився государскія казны, дорогихъ узорочей несчетно, изъ Москвы пошелъ въ Польшу въ нынѣшнемъ во 120 году (1611), въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ измѣнники Московскаго государства, что былъ бояринъ, съ Михайломъ Салтыковымъ съ товарыщи. И про то намъ подлинно вѣдомо, что Польскій Жигимонтъ король тому Якову Мержерету за то, что онъ съ Польскими и съ Литовскими людьми Московское государство разорялъ и кровь крестьянскую проливалъ, велѣлъ быти у себя въ радѣ.

«И мы тому удивляемся: такое Яковъ Московскому государству зло учинилъ, съ Польскими и съ Литовскими людьми кровь крестьянскую проливалъ, да и злѣе Польскихъ и Литовскихъ людей чинилъ, и у короля за то жалованье получилъ, въ радѣ его король учинилъ; а нынѣ бъ ему намъ противъ Польскихъ и Литовскихъ людей помогати? И намъ ся мнитъ, что Яковъ хочетъ въ Московское государство быти по умышленію Польскаго короля и Польскихъ и Литовскихъ людей, чтобъ ему злое которое, по умышленію и по приказу Польскаго Жигимонта короля и паповъ радъ, Московскому государству учинити; о томъ мы стали въ опасеньи; для того и къ Архангельскому городу на береженье ратныхъ многихъ людей отпускаемъ, чтобъ Польскаго Жигимонта короля умышленьемъ, какое лихо Архангельскому городу не учинилось.

«Да и наемные намъ люди иныхъ гусударствъ нынѣ не надобеть: по ся мѣста были намъ Польскіе люди сильны потому, что за грѣхъ нашъ государство Московское бымо врозни, Сѣверскіе города были особѣ, а Казанское и Астраханское царства и Понизовные города были особѣ; а во Псковѣ былъ воръ, назвался государскимъ именемъ, и Псковъ и Ивань-городъ были съ нимъ вмѣстѣ; а иные города и люди многіе были съ Польскими и Литовскими людьми. А нынѣ все Россійское государство, видѣвъ Польскихъ и Литовскихъ людей неправду и узнавъ воровскихъ людей заводъ, изобрали всѣми государствы Россійскаго царствія, мы, бояре и воеводы, и чашники, и столники, и дворяне большіе, и стряпчіе, и дворяне изъ городовъ, и приказные люди, и дѣти боярскіе, и стрѣлцы, и казаки, и всякихъ чиновъ служилые люди, и гости, и торговые и всякіе посадскіе жилецкіе люди, также розныхъ государствъ цари и царевичи, которые служили прежнимъ государямъ въ Россійскомъ государствѣ, и царства Казанскаго и Астраханскаго, и иныхъ Понизовныхъ городовъ князи и мурзы, и Татарове, и Черемиса, и Чуваши, и Литва, и Нѣмцы, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, за разумъ, и за

правду, и за дородство, и за храбрость, къ ратнымъ и къ земскимъ дѣламъ стольника и воеводу князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Стародубскаго. Да и тѣ люди, которые были въ воровствѣ съ Польскими и Литовскими людьми и стояли на Московское государство, видя Польскихъ и Литовскихъ людей неправду, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей отстали, и стали съ нами единомышленно противъ Польскихъ и Литовскихъ людей; и бои намъ съ Польскими и съ Литовскими людьми были многіе, и многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побиваемъ, и городы, которые были за Польскими и Литовскими людьми, очищаемъ къ Московскому государству, и что гдѣ сберется съ земли какихъ доходовъ, и мы то даемъ нашимъ ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ, и казакамъ; а сами мы, бояре, и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне, и дѣти боярскіе, служимъ и бьемся за святыя Божьи церкви и за православную нашу крестьянскую вѣру и за свое отечество безъ жалованья. А до Польскихъ и до Литовскихъ людей, за ихъ неправду и крестопреступленье, праведный гнѣвъ Божій до самихъ доходитъ: въ Польской и въ Литовской землѣ, на Волыни и на Подоліи, воевали Турскіе и Крымскіе люди безъ выходу, Волынь и Подолье до конца запустошили, и нынѣ Турскіе и Крымскіе воинскіе люди въ Польской и въ Литовской землѣ воюютъ, и впередъ, по нашей ссылкѣ, Крымскіе люди Польскую и Литовскую землю хотятъ воевати и до конца пустошити; и мы чаемъ милосердаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего милости, оборонимся отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и сами, Россійскимъ государствомъ, и безъ наемныхъ людей. А только будетъ, за грѣхъ нашъ по какимъ случаямъ, Польскіе и Литовскіе люди учнутъ намъ ставиться сильны, и мы тогды пошлемъ къ вамъ о ратныхъ людяхъ на наемъ своихъ людей, наказавъ имъ подлинно, сколько имъ людей наймывати и договоръ великимъ учинити, по чему какимъ ратнымъ людямъ на мѣсяцъ или на четверть году найму дать; а нынѣ намъ наемные люди не надобеть, и договору о нихъ чинити нечего, и вамъ бы къ намъ не ходити и себѣ своимъ проходомъ убытковъ не чинити. А о томъ бы вамъ къ намъ любовь объявити, о Яковѣ о Мержератѣ къ намъ отписати: какими обычаи Яковъ Мержеретъ изъ Польскія земли у васъ объявился, и въ какихъ онъ мѣрахъ нынѣ у васъ, въ каковѣ чести? А мы чаяли, что его, за его неправду, что онъ, не памятуя государей нашихъ жалованья, Московскому государству зло многое чинилъ и кровь крестьянскую проливалъ, ни въ которой землѣ ему, опричь Польши, мѣста не будетъ. Писанъ на стану у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, лѣта 7120 (1612), августа мѣсяца.

177.

Въ Указателѣ объяснено, какъ писалъ авторъ собственныя имена наши; здѣсь же приведемъ нѣсколько выраженій, по коимъ можно судить о степени свѣдѣній его въ Русскомъ языкѣ: *Prosti mene Pojaloi* прости меня, пожалуй; *Boch tibi prosti* Богъ тебя проститъ. *Christus vos Christ* Христосъ воскресъ; *As isten vos Christ* во истину воскресъ; *Kleby est samnoi* хлѣба есть со мной. *Dorotney Schalovec* дородный человѣкъ. *Bolschoi prichod* Большой приходъ. *Pomiesnej pricas* Помѣстный приказъ. *Conusnei pricas* Конюшенный приказъ. *Roschodnoy Casna* Расходная казна. *Dengi, Polusques* деньги, полушки. *Conusnej Baiari* конюшенный боярин. *Petigorsquis Chercassi* Пятигорскіе Черкасы. *Zar hospodar y veliquei Knes: N. fsia Russia ialoet tebe* царь господарь и великій князь *N.* всея Руссіи жалуетъ тебѣ. Изъ сего видно, что Маржеретъ писалъ Русскія слова довольно правильно, по крайней мѣрѣ понятно, и кажется разумѣлъ нашъ языкъ. Есть въ его книгѣ и грубыя, немногія впрочемъ, ошибки, напримѣръ: *vos Christ* воскресъ, *bas Mannof* (только однажды; въ другихъ мѣстахъ вездѣ *Basmannof)* Басмановъ; *Knes Vacile. Juannevits, Calitchin* князь Василій Ивановичъ Голицынъ. Эти промахи, по всѣмъ признакамъ, должно приписать типографіи.

178.

По исчисленію Гасселя, Россія въ началѣ XVII вѣка заключала въ себѣ 154.894. квадр. мили. Hassel's Ephemeriden *на* 1826 *годъ.*

179.

Баронъ Майербергъ, бывшій въ Россіи въ 1661 году, пишетъ, что все пространство между Вязьмою и Можайскомъ, на 150 верстъ, покрыто было дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находилась одна только деревушка. *Iter in Moscoviam Baronis de Mayerberg. Стр.* 98. То же свидѣтельствуетъ сочинитель Извѣстія о трехъ посольствахъ графа Карлиля съ 1663 по 1665 годъ: «Проѣхавъ по Россіи», говоритъ онъ, «по мѣстамъ, наиболѣе заселеннымъ, мы видѣли только лѣса безконечные». *La rélation des trois Amdassades de M. le Comte de Carlisle.* 2 изд. 1672.

180.

«Русскій городъ Архангелъ, означаемый на ландкартахъ обыкновенно

подъ именемъ св. Михаила Архангела, построенъ въ недавнее время, тамъ, гдѣ рѣка Двина раздѣляется на два протока. Прежде корабли приставали къ монастырю св. Николая, въ гавани таго же имени, бывшей въ лѣвомъ рукавѣ Двины. Но какъ въ послѣдствіи сей рукавъ обмелѣлъ отъ наноснаго песку, а правый сдѣлался глубже, то прежнюю гавань оставили и устроили новую въ правомъ протокѣ, тамъ, гдѣ стоитъ Архангелъ». A. Olearii Außführliche Beſchreibung der kundbaren Reiſe nach Muſcow und Perſien.... 1671, *стр.* 150.

Архангельскъ основанъ въ 1584 году при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, тамъ, говоритъ Карамзинъ, гдѣ былъ монастырь св. Николая. *Ис. Гос. Рос.* VIII. 231. X. 70.

181.

Олеарій считаетъ въ одной Нѣмецкой милѣ пять верстъ: слѣдовательно тогдашняя верста была болѣе нынѣшней 200 саженъ.

182.

Дѣйствительно царь Казанскій Едигеръ Магметъ взятъ въ плѣнъ Іоанномъ, и въ Москвѣ, по собственному желанію, принялъ христіанскую вѣру съ именемъ Симеона; на вопросъ митрополита: «не нужда ли, не страхъ ли, не мірская ли польза внушаетъ ему мысль креститься?» онъ отвѣтствовалъ рѣшительно: «нѣтъ! люблю Іисуса и ненавижу Магомета!» Только этотъ Симеонъ, по свидѣтельству современной лѣтописи, умеръ задолго до прибытія Маржерета въ Россію, въ 1565 году. Маржеретъ зналъ другаго царя Симеона. *См. ниже, прим.* 203.

183.

Въ Европѣ около двухъ столѣтій вѣрили существованію Астраханскаго Боранца, и всѣ почти иноземцы, писавшіе о Россіи до начала XVIII столѣтія, разсказываютъ объ немъ болѣе или менѣе невѣроятныя подробности, хотя ни одинъ изъ нихъ не видалъ нашего мнимаго зоофита. Герберштейнъ пишетъ слѣдующее:

«Дмитрій Даниловичъ, мужъ степенный и достовѣрный (какого только можно найти между *варварами*), разсказывалъ мнѣ удивительный и едва ли вѣроятный случай: отецъ его, бывъ нѣкогда посланъ великимъ княземъ къ царю Заволжскому, видѣлъ въ странѣ между Волгою и Яикомъ нѣкоторое сѣмя, похожее на дынное, только болѣе и круглѣе: зарытое въ землю, оно производило нѣчто похожее на ягненка,

вышиною въ пять ладоней; это растеніе Русскіе называютъ Боранецъ (Boranetz), потому, что оно имѣетъ голову, глаза, уши и все прочее, какъ ягненокъ, лишь только родившійся, и притомъ очень нѣжную шкуру, которою въ тѣхъ краяхъ обыкновенно подшиваютъ шапки. Многіе изъ Русскихъ увѣряли, что они видѣли такія шкурки. Сверхъ того, Дмитрій разсказывалъ, что въ этомъ растеніи, ежели только можно назвать его растеніемъ, есть и кровь, но безъ мяса, вмѣсто котораго находятъ матерію весьма похожую на мясо раковое; копыта же у него не роговыя, какъ у ягненка, а покрыты волосами, на подобіе рога; стебель идетъ отъ пупка, или изъ средины брюха; живетъ же оно до тѣхъ поръ, когда съѣстъ кругомъ себя траву, и корень самъ собою отъ недостатка пищи завянетъ. Это растеніе, присовокупилъ Дмитрій, чрезвычайно вкусно и сладко; отъ того волки и другіе хищныя животныя весьма охотно ѣдятъ его.

«Я, съ своей стороны, хотя все сіе считалъ выдумкою, однакожъ рѣшился упомянуть о Боранцѣ, потому, что слыхалъ объ немъ отъ людей ни мало не легкомысленныхъ, и теперь разсказываю объ этомъ тѣмъ охотнѣе, что узналъ отъ весьма ученаго мужа, Вильгельма Постелла, слѣдующее: говорилъ ему нѣкто Михаилъ, переводчикъ Турецкаго и Арабскаго языковъ при Венеціянской республикѣ, что онъ видѣлъ привозимыя изъ Татарскаго города Самарканда и изъ восточныхъ странъ Каспійскихъ весьма нѣжныя шкуры, снимаемыя съ какого-то растенія, въ тѣхъ странахъ находящагося; что сими шкурами нѣкоторые мусульмане подбиваютъ шапки для согрѣванія бритыхъ головъ своихъ, а иныя кладутъ ихъ на голую грудь; и что самъ онъ, Михаилъ, такого растенія не видалъ, имени его не знаетъ, называютъ же его Самаркандскимъ.... Какъ это извѣстіе, заключилъ Постеллъ, не разнорѣчитъ съ словами другихъ лицъ, то я почти увѣренъ, что такое растеніе ни сколько не баснословно, во славу Творца Всемогущаго». Rerum Moscovitticarum Commentarii. 1571, *стр.* 99.

«Намъ разсказывали, *говоритъ Олеарій*, что за Самарою, между Волгою и Дономъ, растутъ дыни или тыквы удивительнаго рода: онѣ величиною съ обыкновенную дыню, а наружнымъ видомъ похожи на ягненка, имѣя ясные признаки членовъ животнаго; отъ того по-Русски называются *Боранцами* (Boranetz); созрѣвая, перекатываются съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ длины стебля, идущаго какъ бы отъ пупа къ корню, и изсушаютъ подъ собою траву, или, по словамъ Русскихъ, *пожираютъ* ее. Когда плодъ созрѣетъ, стебель увядаетъ, а кожа дѣлается

курчавою, какъ на ягненкѣ: ее можно, по мнѣнію Русскихъ, дубить и приготовлять для зимней одежды. Въ Москвѣ намъ показывали нѣсколько небольшихъ лоскутковъ отъ постельнаго покрывала, сшитаго будто бы, изъ овчины Барапца. Шерсть на нихъ мягка и курчава, какъ на ягненкѣ». A. Olearii Außführliche Beſchreibung der kundbaren Reiſe nach Muscow und Perſien. 1671, *стр.* 155.

Многіе изъ другихъ иноземцевъ, бывшихъ въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, разсказываютъ о Баранцахъ въ такомъ же смыслѣ, какъ читалъ гдѣ то нашъ Маржеретъ, напримѣръ *Рейтенфелсъ* (*de rebus Moschoviticis.* 1680, *стр.* 258) и особенно Стрёйсъ (*The voyages of J. Struys through Moscovia* . . . . 1673 *стр.* 180). Ученый *Кемпферъ* (въ началѣ XVIII ст.) первый началъ увѣрять, что овчины такъ называемыхъ Баранцевъ получаются не съ растеній, а съ ягнятъ, вынутыхъ изъ матерней утробы еще до рожденія (см. *Витсена стр.* 288). Впрочемъ источникъ этой сказки неизвѣстенъ.

184.

Въ Астрахани Англичане торговали съ Персіею весьма дѣятельно со временъ Іоанна IV, который въ 1567 и 1569 г. далъ важныя выгоды купцамъ Англійскимъ, по ходатайству посланника Елисаветы Антонія Дженкинсона: они могли ѣздить изъ Россіи въ Персію, имѣть селенія на рѣкѣ Вычегдѣ, съ правомъ плавить тамъ желѣзную руду, и контору въ Ярославлѣ; вездѣ купечествовали свободно, безъ пошлинъ, вездѣ строили жилища, лавки; чеканили для себя талеры и судились только судомъ Опричины. Самъ Дженкинсонъ описалъ свои переговоры съ Іоанномъ въ любопытныхъ донесеніяхъ, помѣщенныхъ въ чрезвычайно рѣдкомъ собраніи разныхъ путешествій: Purchas his pilgrimes, in five bookes. London, 1625, томъ 3. Дженкинсонъ былъ въ Рязани, Касимовѣ, Муромѣ, Нижнемъ-Новѣгородѣ, Свіяжскѣ, Казани, Астрахани, Ургенцѣ, Бохарѣ, Ташкентѣ, Самаркандѣ, Балкѣ. О всѣхъ мѣстахъ, имъ видѣнныхъ, онъ оставилъ важныя извѣстія, которые могутъ поясннть тогдашнюю нашу восточную торговлю. Борисъ Годуновъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ утвердили у насъ монополію Англичанъ, продолжавшуюся до временъ царя Алексѣя Михайловича, который, руководствуясь мудрою политикою, уничтожилъ ее въ 1649 году.

185.

Около 1586 года, Сибирь должна была доставлять въ казну

ежегодно 200,000 соболей, 10,000 лисицъ черныхъ, 500.000 бѣлокъ. *Карамз. Истор. Госуд. Россійс. X. пр. 44.*

186.

Русскіе положили основаніе Сибирскимъ городамъ: Тобольску въ 1587 году, Пелыму, Березову въ 1592, Тарѣ въ 1594, Нарыму и Кетскому Острогу въ 1596. Въ дѣлахъ посольскихъ 1686 года говорится уже о 94 *городахъ* Сибирскихъ. *Ист. Госуд. Рос. X. пр. 44.*

187.

Grande bataille de Agria. Авторъ разумѣетъ вѣроятно завоеваніе Егера или Эрлау въ верхней Венгріи, въ 1596 году султаномъ Магометомъ III, послѣ упорнаго сопротивленія христіанъ, ободряемыхъ героемъ Терцки.

188.

Въ подлинникѣ: Borisof, Gorod, Zaragorod. *Борисовъ*, въ послѣдствіи Новый Царевъ градъ, находился на Осколѣ, при впаденіи въ него рѣчки Бахтина, какъ видно изъ современной карты Олеаріевой, также и изъ карты Ѳ. Б. Годунова. Тамъ нынѣ находится Царево-Борисовъ. *Бѣлгородъ* (если только авторъ разумѣетъ сей городъ и не соединяетъ Gorod съ предъидущимъ Borisof), по свидѣтельству Древней Россійской Идрографіи (*стр.* 24) «стоялъ на Донцѣ, и послѣ Литовскаго разоренья, перенесенъ на другую страну Донца, съ нижнія страны *Бѣлаго кладезя*, отъ берега Донца, отъ Стараго городища, 380 саженъ». Тамъ находится онъ и нынѣ въ 125 верстахъ отъ Курска. *Царевъ-городъ* лежалъ въ 8 верстахъ отъ Изюмскаго перевоза или нынѣшняго Изюма, на сѣверномъ Донцѣ. *Древ. Рос. Идрогр.* 30.

189.

Ils tiennent ce Zaragorod n' estre qu'á huit journées du grand Cam. C'étoit autrefois le rendez-vous des Tartares, lors qu'ils s'assembloient pour venir fourager l'Europe. Подъ словомъ *du grand Cam* авторъ разумѣетъ Крымъ.

190.

Самые большіе лоси находились въ лѣсахъ близь Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми. *Карамз. X.* 251.

191.

Лизекъ, секретарь цесарскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 году, увѣряетъ, что дорога отъ Смоленска до Москвы была весьма опасна отъ множества волковъ, которые изъ темнаго, безпрерывнаго лѣса бросались на путешественниковъ. *Relatio... strictim recensita per Ad. Lyseck.* 1676. *cap.* VII.

192.

Предки наши не ѣли телятины до начала XVIII столѣтія, когда стали продавать ее на рынкахъ, вмѣстѣ съ прочими съѣстными припасами. *Mons. de la Neuville Relation... de Moscovie. стр.* 26.

193.

«Прежде, говоритъ Флетчеръ, воску отпускалось 20,000, а нынѣ т. е. въ 1588 г. только 10,000 пудъ: ибо Россія уже не имѣетъ Нарвской пристани».

194.

«Русскіе всякаго возраста, пола и званія, до такой степени заражены страстію къ вину, что они смотрятъ равнодушно, какъ на дѣло обыкновенное, когда пьяные мужчины валяются въ грязи по улицамъ. Ни одинъ не упуститъ случая вдоволь напиться, особенно горячаго вина. Гостю обыкновенно подносятъ добрую чашу *вина царскаго*; причемъ, если какой нибудь знатный бояринъ подчуетъ простолюдина, послѣдній считаетъ неприличнымъ отказываться, сколько бы ему ни подносили, пока вино не сшибетъ его съ ногъ. Не только чернь, но и бояре, самые послы царскіе, болѣе всѣхъ обязанные внушать уваженіе къ своему государю при дворахъ иноземныхъ, не знаютъ никакой мѣры на пиршествахъ, пьютъ вино, какъ воду, теряютъ разсудокъ, нерѣдко самую жизнь. Такъ великій посолъ царскій, пріѣхавшій въ 1608 году ко двору Карла IX, короля Шведскаго, до того напился крѣпкаго хлѣбнаго вина, что наканунѣ аудіенціи найденъ былъ мертвымъ въ постелѣ». *Олеарій*, 194.

195.

Ссылаясь на Русскія лѣтописи, авторъ хочетъ показать, что онъ ихъ читалъ; но въ приведенномъ отрывкѣ столько ошибокъ, что не льзя не быть увѣрену въ противномъ: Рюрикъ не былъ княземъ Владимірскимъ;

а Максимиліанъ I, прежде всѣхъ западныхъ вѣнценосцевъ называвшій императоромъ государя Россійскаго, Василія Іоанновича, умеръ слишкомъ за 10 лѣтъ до рожденія Іоанна IV.

196.

Ils appellent le Roy de Perse *kisel Bascha*. Et le Turc *Veliqui Ospodar-tursk*, qui veut dire grand Seigneur de Turquie. *Кызылбашъ* на Турецкомъ языкѣ значитъ *красноголовый*. Персы гордились этимъ именемъ, по извѣстію Олеарія. Слова: *Кызылбаши*, *Кызылбашскій посланникъ* употреблялись у насъ до временъ Петра Великаго. Впрочемъ въ государственныхъ бумагахъ XVII столѣтія, владѣтель Персидскій чаще назывался *Шахомъ*, а Турецкій *Салтаномъ Турскимъ*.

197.

Елисавета именовала Іоанна IV императоромъ. *Карамз.* IX. *пр.* 266.

198.

Супруги Іоанна IV: 1. Анастасія Романовна (соч. брак. 1547 года; умер. 1560). 2. Марія Темгрюковна (1561—1569). 3. Марѳа Васильевна, дочь купца Новгородскаго (1571). 4. Анна Алексѣевна (бракъ сей утвержденъ духовенствомъ 1572). 5. Анна Васильчикова (около 1574 безъ имени царицы). 6. Василиса Мелетьева *(женщце)*. 7. Марія Ѳедоровна (1580), мать св. Димитрія Углицкаго.

199.

Іоаннъ IV имѣлъ *пять* сыновей; отъ Анастасіи Романовны: Димитрія (1552—1553), Іоанна (1550—1582) и *Ѳеодора* (1557—1598); отъ Маріи Темгрюковны: Василія (1568), и отъ Маріи Ѳедоровны: *Димитрія* (19 октября 1583—15 мая 1591).

200.

Въ подлинникѣ: Le bruit court qu'il tua son aisnè de sa propre main. Ce qui se trouve autrement, car combien qu'il le frappa du bout d'un baston ferré d'une poincte d'acier carrée, lequel baston est en forme de crosse, nul ne l'osant porter que les Empereurs, qui est un baston dont jadis les grands Ducs recevoient hommage du Tartare Distkrim, it fut aucunement blessé du coup, mais n'en mourut pas, ains quelque temps apres en un pelerinage. Въ изданіи 1821 напечатано: *du Tartare Diot-*

krim; въ изданіи 1855 поправлено согласно съ подлинникомъ, du Tartare Distkrim. *Стр.* 10.

201.

Вообще въ смерти царевича Іоанна обвиняютъ отца его. *Карамз.* IV. *пр.* 610. и 612

202.

«Народъ отвергнулъ или забылъ названіе *Мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой, донынѣ именуетъ его только *Грознымъ*». *Карамзинъ*. Маржеретъ называетъ Іоанна Johannes Basilius surnommé *le Tiran*.

203.

Извѣстіе Маржерета о возведеніи Симеона Іоанномъ IV на престолъ Московскій подтверждаютъ не только иностранцы, напримѣръ Флетчеръ, но и наши лѣтописи; въ Морозовской, рукописной, сказано: «Царство (Іоаннъ) раздѣли на двѣ части, едину себѣ отдѣли, другую же царю Симеону Казанскому поручи; самъ же государь отъиде отъ единыхъ малыхъ градовъ, въ градъ зовомый Старицу, и тамо жительствуя; а другую часть царя Симеона именова Земщина».

Сверхъ того, открытъ любопытный государственный актъ, хранящійся въ спискѣ, въ архивѣ Тульс. Двор. Депут. Собр. и напечатанный въ № 8 Московскаго Телеграфа на 1830 годъ: это граммата, писанная въ 1576 (9 февраля 7084 въ Москвѣ), достопамятная не содержаніемъ, а своею формою; начинается она словами: «*Отъ великаго князя* Симіона Бекбулатовича *всеа Русіи* во Мценской уѣздъ, въ Черпской станъ» и проч. На оборотѣ надпись: «*Князь великій всеа Россіи. Первой день*». Только этотъ Симеонъ былъ, вопреки Маржерету, не Казанскій царь, взятый въ плѣнъ Іоанномъ IV, или Едигеръ (см. выше прим. 182), а вѣроятнѣе Касимовскій, котораго отецъ Бекбулатъ, братъ Еналея и Шигъ-Алея, поселился въ Россіи послѣ 1562 года. Симеонъ Казанскій (Едигеръ) умеръ въ 1565 году, въ чемъ удостовѣряетъ современная Лѣтопись Московская: «Авг. въ 26, въ недѣлю, преставися Казанскій царь Едигеръ, а въ св. крещеніи царь Симеонъ *Касаевичъ* и положенъ бысть у архистратига Михаилова Чуда въ монастырѣ, у церкви Благовѣщенія Пречистыя на полуденной странѣ». (*Карамз. Ист. Госуд. Рос.* IX. *пр.* 137). Ошибка Маржерета тѣмъ удивительнѣе, что онъ зналъ лично Симеона и разговаривалъ съ нимъ.

Слова автора: «Іоаннъ короновалъ его (Симеона) и предоставилъ ему весь царскій титулъ; самъ же, *построивъ дворецъ противъ Кремля*, повелѣлъ называть себя великимъ княземъ Московскимъ», поясняются слѣдующимъ извѣстіемъ нашего лѣтописца: «Царь и великій князь учинилъ Опришнину: изъ града и изъ двора своего перевезся жити за Неглинну на Воздвиженскую улицу, на князь Михайловскій дворъ Темрюковича, и велѣлъ на томъ дворѣ хоромы строити царскія и ограду учинити и все ставити, городъ и дворъ свой». *Карамз.* IX. *пр.* 138.

204.

Въ подлинникѣ: Il maria son second fils á *la fille* de Boris Federuits безъ сомнѣнія опечатка: въ послѣдствіи Маржеретъ вездѣ называетъ супругу Ѳеодора сестрою Годунова. Та же ошибка повторена и въ изданіи 1855 г.

205.

Въ правленіе Ѳеодора, Борисъ основалъ Архангельскъ, крѣпости по Волгѣ: Цывилскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ; Санчурскъ, Самару; сверхъ того: Уфу, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тару, Нарымъ, Кетскій Острогъ: Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку.

206.

Царевичъ Димитрій удалился въ Угличъ по завѣщанію отца своего, который на смертномъ одрѣ назначилъ ему сей городъ въ удѣлъ: слѣдовательно Борисъ не могъ быть виновникомъ мнимой ссылки Димитрія.

207.

На этой *молвѣ* Маржеретъ основываетъ свои доказательства, будто бы Лжедимитрій былъ сынъ Іоанна Грознаго.

208.

Данило Битяговскій, сынъ дьяка Битяговскаго, правившаго въ Угличѣ хозяйствомъ вдовствующей царицы. Злодѣю помогалъ Качаловъ.

209.

Патріархъ Іовъ въ *Повѣсти о честнемъ житіи... царя Ѳеодора Іоанновича* (см. Русск. Лѣт. по Никон. списку, VII. 328), говоритъ: «Самый царствующій богоспасаемый градъ Москву, яко

нѣкую невѣсту, преизрядною лѣпотою (Борисъ) украси; многія убо въ немъ прекрасныя церкви каменныя созда и великія полаты устрои.... и стѣны градныя окрестъ всея Москвы превеликія каменныя созда, и велячества ради и красоты проименова его Царь-градъ; внутрь же его и полаты купеческія созда во упокоеніе и снабденіе торжникомъ».

210.

Вдовствующія великія княгини и царицы не всегда чрезъ 6 недѣль удалялись въ монастырь: мать Іоанна IV около 5 лѣтъ правила государствомъ, вдова же неволею пострижена чрелъ 7 лѣтъ послѣ его смерти.

211.

Описывая избраніе Бориса Годунова на престолъ, Авраамій Палицынъ говоритъ: «Патріархъ же со всѣмъ освященнымъ соборомъ пріемлютъ икону Матери всѣхъ Бога, и иже на ея пречистую руку воображенъ младенецъ, держай всю тварь словомъ велѣнія, написанный Лукою евангелистомъ». Сія икона находится въ Успенскомъ соборѣ и извѣстна подъ именемъ *Владимірской*.

212.

Непонятно, какъ вкралась эта ошибка: св. Софія, Елена, Магдалина были почитаемы столько же, какъ и нынѣ.

213.

Патріаршество учреждено въ 1589 году, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

214.

По извѣстію Олеарія, овдовѣвшій священникъ могъ служить только заутреню и вечерню, не пріобщалъ св. Таинъ и не крестилъ младенцевъ.

215.

Олеарій разсказываетъ, что патріархъ сослалъ одного священника, вздумавшаго, вопреки обычаю, проповѣдывать въ церкви. Этотъ обычай отмѣненъ патріархомъ Никономъ, который восхищалъ народъ своимъ краснорѣчіемъ.

216.

Первая Московская типографія заведена въ 1553 году. Древнѣйшая изъ напечатанныхъ въ ней книгъ, Дѣянія Апостольскія, издана 1564 года.

217.

Въ подлинникѣ: Deux fois l'an les fleuves et eaux courantes y sont benistes, et après ladite bénédiction l'Empereur et les grands ont accoûstumé de saulter dedans l'eau, mesmes j'ay veu couper la glace à cet effect, et l'Empereur saulter dedans.

218.

Олеарій видѣлъ обрядъ сей при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, отмѣненный въ 1678 году Московскимъ соборомъ. *Древняя Рос. Вивліовика, II.* 329. VI. 357.

219.

Еще при Василіи Іоанновичѣ, какъ пишетъ Іовій, предки наши не терпѣли Евреевъ и запрещали имъ жить въ Москвѣ. По извѣстію Олеарія, назвать Русскаго *жидомъ* было самою обидною бранью. Папистовъ также не любили. *Стр.* 317.

220.

Стефанъ Баторій и Сигизмундъ Баторій управляли Трансильваніею въ зависимости отъ Римскаго императора. Schmidt's Geſchichte d. Deutſchen VII. 301. VIII. 121.

221.

Авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ Кремль: но Кремлевскія стѣны и башни воздвигнуты въ правленіе Іоанна III разными Италіянскими художниками. *Карамз.* VI. 78.

222.

По извѣстію Петрея, современника Маржерету, въ Москвѣ считалось 4,500 церквей, а въ Кремлѣ 50. Олеарій уменьшаетъ число ихъ до 2,000. Окружность столицы, по его же словамъ, простиралась на 3 Нѣмец. мили. *Стр.* 146.

223.

Clops hospodaro.

224.

Правежъ могъ продолжаться не болѣе мѣсяца, какъ сказано въ Судебникѣ. Онъ отмѣненъ Петромъ I; Биронъ однако употреблялъ его нерѣдко въ царствованіе Анны Іоанновны для взысканія недоимокъ. *Болтина Примѣч. на Ист. Леклерка.* II. 468.

225.

До сихъ поръ мы еще не имѣемъ подробнаго извѣстія о свадебныхъ Русскихъ обрядахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ: въ Исторіи Государства Россійскаго находимъ только описаніе брака великокняжескаго. Предлагаю отрывокъ изъ сочиненія Олеарія, въ дополненіе къ Маржерету:

«Хотя Венера соблазняетъ Русскихъ не менѣе другихъ людей; но имъ неизвѣстны публичные домы, которые, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Персіи, гдѣ правительство получаетъ отъ нихъ значительную прибыль. Русскіе наблюдаютъ брачные уставы: мужъ имѣетъ только одну жену; вдовецъ можетъ жениться въ другой и третій разъ: законъ болѣе не дозволяетъ, и священникъ, вѣнчавшій кого либо на четвертой женѣ, лишается сана. Святитель церкви, совершающій таинства, долженъ быть непремѣнно женатый; если жена его умретъ, онъ остается навсегда вдовцемъ, или, скинувъ рясу, переходитъ въ купеческое и другое свѣтское званіе.

«Заключая брачные союзы, Русскіе остерегаются близкаго родства, даже свойства; посему двое родныхъ братьевъ не могутъ жениться на двухъ сестрахъ, кума́ не выходитъ за кума. Сватовство же происходитъ такимъ образомъ: юноши не могутъ бесѣдовать съ дѣвицами и тѣмъ менѣе искать ихъ руки, или требовать ихъ согласія на брачные узы: это дѣло родителей. Обыкновенно отецъ взрослой дочери, имѣя на примѣтѣ жениха, отправляется къ нему на домъ и заводитъ рѣчь о невѣстѣ или съ нимъ, или съ его родными и друзьями, старается внушить ему доброе объ ней мнѣніе и охоту жениться. Если предложеніе понравится и родные жениха пожелаютъ видѣть ее, отецъ сперва не соглашается исполнить требованіе, но потомъ дозволяетъ посмотрѣть свою дочь въ присутствіи матери, или подруги, особенно когда дѣвица не дурна собою. Требуется только, чтобы она не имѣла очевидныхъ недостатковъ, не была бы, напримѣръ, слѣпа или кривонога: тогда родители и друзья съ обѣихъ сторонъ договариваются о приданомъ и другихъ условіяхъ брака. Но люди сколько нибудь значительные воспитываютъ своихъ дочерей въ недоступномъ теремѣ, скрывая ихъ отъ взора посторонихъ, и женихъ не прежде увидитъ свою невѣсту, какъ тогда, когда приведутъ ее къ нему въ спальню. Посему нерѣдко случается, что, вмѣсто красавицы, онъ находитъ какого нибудь урода, вмѣсто дочери боярина, совсѣмъ иную дѣвицу, даже служанку. Удивительно ли, если

мужъ нерѣдко живетъ съ своею женою, какъ кошка съ собакою, и если жена обыкновенно терпитъ безпрестанные побои?

«*При* княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ наблюдаются слѣдующіе *обряды:* со стороны жениха и невѣсты назначаютъ двухъ женщинъ, ко*торыя*, подъ именемъ *свахъ*, хозяйничаютъ въ томъ домѣ, гдѣ празднуется свадьба. Сваха невѣстина въ день брака отправляется въ домъ жениха и приготовляетъ брачное ложе; ее провожаютъ до 100 служителей къ кафтанахъ; каждый изъ нихъ несетъ что нибудь на головѣ для убранства спальной комнаты и постели. Брачное ложе стелютъ на 40 ржаныхъ снопахъ, заранѣе женихомъ приготовленныхъ. Подлѣ нихъ ставятъ нѣсколько кадей съ ячменемъ, овсомъ и пшеницею, для того, чтобы молодые жили всегда въ изобиліи и довольствѣ. По окончаніи всѣхъ нужныхъ приготовленій, женихъ отправляется поздно вечеромъ съ своими дружками въ домъ невѣсты; предъ нимъ ѣдетъ попъ, который долженъ вѣнчать его. Друзья невѣстины, ласково принявъ жениха со всѣми провожатыми, главнѣйшихъ, или ближайшихъ изъ нихъ сажаютъ за столъ, гдѣ не болѣе трехъ кушаньевъ, которыхъ никто однако не трогаетъ. На первомъ мѣстѣ сидитъ мальчикъ: женихъ, поговоривъ съ друзьями невѣсты, сводитъ его учтиво и самъ садится. Потомъ приводятъ невѣсту, закутанную въ великолѣпную одежду, и сажаютъ рядомъ съ женихомъ; а чтобы они не увидѣли другъ друга, протягивается между ними красная тафта, которую держатъ два мальчика. Послѣ того, является сваха, разчесываетъ у невѣсты волосы, распущенные по плечамъ, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы и, надѣвъ ей на голову корону (*кику*), оставляетъ ее съ открытымъ лицемъ. Корона дѣлается изъ площенаго золота или серебра съ камчатнымъ подбоемъ; по краямъ же ея, близъ ушей, висятъ по 4, 6 и болѣе жемчужныхъ нитокъ, такъ что, если дѣвица нѣсколько наклонится, подвѣски падаютъ ей на грудь. Ферезь ея бываетъ вышитъ крупнымъ жемчугомъ спереди, около рукавовъ (длинныхъ въ 3 аршина) и по воротнику, шириною въ 3 пальца. Такая одежда стоитъ иногда гораздо болѣе 3,000 талеровъ. Сваха чешетъ и жениха; между тѣмъ женщины, стоя на скамейкахъ, поютъ шутовскія пѣсни. Потомъ приходятъ двое юношей въ красивой одеждѣ съ сыромъ и хлѣбомъ на подносѣ, увѣшанномъ соболями. Это называется крабейникомъ (*караваемъ?*). Священникъ благословляетъ крабейникъ, который относятъ въ церковь. Послѣ того ставятъ на столъ большую серебряную мису, съ четыреугольными отрѣзками атласа, тафты, сколько нужно для небольшаго кошелька, также съ квадратными серебряными пла-

стиками, перемѣшанными съ хмѣлемъ, овсомъ, ячменемъ. Сваха, накрывъ невѣсту, осыпаетъ изъ мисы всѣхъ бояръ и друзей жениховыхъ; они же, если хотятъ, подбираютъ съ земли кусочки серебра и атласа; во все это время поются пѣсни безъ умолку. Въ заключеніе родители невѣсты и жениха, вставъ съ своихъ мѣстъ, размѣниваютъ кольцы молодой четы.

«По окончаніи этихъ обрядовъ, сваха выводитъ изъ дому невѣсту, сажаетъ ее въ сани и везетъ въ церковь подъ покрываломъ. Шея лошади, запряженной въ сани, также и хомутъ увѣшиваются лисьими хвостами. За невѣстою слѣдуетъ женихъ верхомъ съ дружками и священникомъ, который иногда уже на вечеринкѣ такъ хорошо подгуляетъ, что его надобно поддерживать, чтобы онъ не свалился съ лошади; ему нужна помощь и въ церкви, когда онъ отправляетъ свою обязанность. Подлѣ саней идутъ нѣсколько пріятелей и слугъ, поющихъ самыя нескромныя пѣсни. Часть церковнаго помоста, гдѣ происходитъ вѣнчаніе, покрываютъ красною тафтою, и сверхъ того, подъ ноги новобрачныхъ стелютъ особенную ткань. Предъ началомъ обряда, подаютъ священнику пироги и пастеты, а надъ головою жениха и невѣсты держатъ большія иконы. Священникъ, благословивъ чету, беретъ у жениха правую руку, а у невѣсты лѣвую, и соединивъ ихъ, спрашиваетъ новобрачныхъ трижды: желаютъ ли они жить другъ съ другомъ? Когда же услышитъ троекратное *да*, обводитъ ихъ вокругъ и поетъ 128 псаломъ; а они подпѣваютъ ему, приплясывая. Послѣ того, кладетъ имъ на голову красивые вѣнцы (вдовѣ же, или вдовцу на плечо), съ сими словами: *растите и множитесь; что соединяетъ Богъ, не расторгнутъ человѣку.* Между тѣмъ, всѣ гости, находящіеся въ храмѣ, зажигаютъ небольшія восковыя свѣчи и подаютъ священнику деревянную вызолоченную чашу, иногда же хрустальный кубокъ, съ краснымъ виномъ: онъ пьетъ чашу за здоровье новобрачныхъ, которые также должны осушить ее трижды. Женихъ, ударивъ сосудомъ о землю, топчетъ его вмѣстѣ съ невѣстою, приговаривая: *такъ да погибнетъ подъ нашими ногами, кто вздумаетъ ссорить и мутить насъ.* Въ заключеніе женщины осыпаютъ молодыхъ льнянымъ и конопляннымъ сѣменемъ, желая имъ всякаго благополучія; причемъ дергаютъ невѣсту, какъ будто стараются отнять ее у жениха; но онъ держитъ ее крѣпко и, проводивъ до саней, садится опять на лошадь. Подлѣ саней несутъ шесть восковыхъ свѣтильниковъ и припѣваютъ по прежнему всякую всячину.

«Изъ церкви возвращаются къ жениху; гости садятся съ нимъ за

столъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; невѣсту же немедленно раздѣваютъ и кладутъ въ постель Лишь только молодой примется за первое блюдо, его требуютъ къ невѣстѣ; предъ нимъ идутъ шесть или восемь мальчиковъ съ горящими факелами. Молодая, услышавъ о его приближеніи, встаетъ съ постели и, накинувъ на себя шубу, привѣтствуетъ милаго поклономъ. Мальчики, воткнувъ свѣчи въ кадь пшеницы и ячменя, получаютъ въ подарокъ по парѣ соболей и выходятъ вонъ. Женихъ садится за накрытый столъ вмѣстѣ съ невѣстою, которую онъ только теперь видитъ въ лицо. Имъ подаютъ кушанья, между прочимъ жареная пѣтуха; женихъ, разорвавъ его на части, бросаетъ первый кусокъ, ногу или крыло, чрезъ себя, а другой ѣстъ. По окончаніи ужина, впрочемъ непродолжительнаго, молодые ложатся въ постель; за дверьми же спальни остается одинъ только старый служитель; и между тѣмъ, какъ друзья и родныя ворожатъ и колдуютъ для счастія новобрачныхъ, гремятъ трубы и литавры. Чрезъ нѣсколько часовъ молодые идутъ въ баню, гдѣ они моются отдѣльно водою, виномъ, медомъ; за тѣмъ юная жена даритъ мужу новую сорочку съ жемчужнымъ на воротникѣ узоромъ. Слѣдующіе два дня проводятъ въ роскошныхъ пирахъ, пляскахъ и разныхъ увеселеніяхъ, какія только могутъ выдумать, при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ, между прочимъ *псалтыря*, инструмента, похожаго на гусли: его держатъ близь груди и пальцами перебираютъ струны, какъ на арфѣ. На этихъ то пирахъ, когда мужья порядочно подгуляютъ, жены ихъ находятъ случай повеселиться съ посторонними мужчинами. Такъ женятся люди знатные.

«Въ случаѣ же свадьбы простолюдина, женихъ посылаетъ невѣстѣ наканунѣ брака новыя платья, шапку и пару сапоговъ: сверхъ того, ларчикъ съ румянами, гребнемъ и зеркальцемъ. Въ день свадьбы приходитъ попъ съ серебрянымъ крестомъ, провожаемый двумя мальчиками, несущими зажженныя восковыя свѣчи. Онъ благословляетъ сперва мальчиковъ, потомъ гостей; женихъ и невѣста садятся за столъ, раздѣляясь другъ отъ друга также красною тафтою; когда сваха начнетъ чесать невѣстѣ волосы, молодые прижимаются другъ къ другу и прикоснувшись щеками, смотрятся въ зеркальце и посмѣиваются. Между тѣмъ свахи осыпаютъ ихъ и гостей хмѣлемъ. Послѣ того всѣ отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе происходитъ съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано». *Олеарій*, 220—225.

226.

Пророкъ Іезекіиль говоритъ (гл. 2. ст. 9): «И видѣхъ, и се рука простерта ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный. И (Богъ) разви его

предъ мною, и въ томъ писана быша предняя и задняя: и вписано бяше въ немъ рыданіе, и жалость, и горе». Глава 3: «И рече ко мнѣ: сынъ человѣчь! снѣжди свитокъ сей, и иди, и рцы сыномъ Израилевымъ».

227.

Въ подлинникѣ *de Vorest*: правильнѣе, Дворцовый приказъ.

228.

Setuart Слово четверть употреблялось болѣе для означенія мѣры; вѣдомства же именовались обыкновенно *четями*; при Іоаннѣ IV главные приказы, Посольскій, Розрядный, Помѣстный, Казанскій, назывались также четями: первый вѣдалъ дѣла внѣшнія, вторый воинскія, третій земли роздашныя служилымъ людямъ, четвертый дѣла царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые три приказа, сверхъ означенныхъ должностей, занимались и расправою областныхъ городовъ. Вѣроятно сіи-то вѣдомства Маржеретъ именуетъ четями.

229.

Voit. Въ старину величина полей означалась, кромѣ десятинъ, сохами, вытями и мѣрами посѣва, какъ то: четвертями, коробьями, обжами, и проч. Въ *десятинѣ* считали 2 четверти посѣва, *въ выти* 12 четвертей, въ *сохѣ* добрыя земли 800, средніе 1200, худыя 1800. Межевою Инструкціею 1753 года назначено на коробью отмежевывать по 1 десятинѣ, а на обжу по 15, десятину же считать въ 2,400 квадр. сажень. *См. Метрологію Петрушевскаго, стр.* 295.

230.

Noua Setuart. Новая четь или четверть вѣдала доходы съ питейной продажи.

231.

Въ подл. *Casna.* Другія вѣдомства авторъ называетъ такимъ образомъ: Bolschoi Prichod, Pomiesnej pricas, Conusnej prikas, Roschodnoy Casna. Вообще Маржеретъ пишетъ Русскія слова довольно правильно для иностранца.

232.

«Съ лошадей, продаваемыхъ въ городахъ и селахъ брать пошлину, отъ продавца деньгу, отъ купца деньгу же». *Судеб.* § 94.

233.

По извѣстію Бера (стр. 140), Поляки, овладѣвъ Москвою въ 1611 году и разграбивъ царскія сокровища, похитили этотъ скипетръ, единственный въ мірѣ по драгоцѣнности. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кость единорога считали самымъ цѣлебнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ вообще болѣзней. *Рихтерова Исторія Медицины*. II. 202.

234.

Demy-muid: т. е. около 8 ведръ.

235.

«А что царь, государь, князь великій велѣлъ у гостей и у иноземцевъ у всякихъ людей, которые привозятъ бархаты, и камки, и всякое узорочье, и лошади, смотрѣть на себя государя, что ему государю пригодится, и какой гость какой товаръ привезетъ, и таможникомъ тому выписи приносить къ дьякамъ: а доколѣ о томъ дьякамъ выписи принесутъ и доколѣ осмотрятъ, что государю пригодится, того товару таможникомъ не отдавати и продавати не велѣть». *Уставная Таможенная Грамата* 1571 *года, въ Соб. Госуд. Грам.* II. 57.

236.

Основываясь на семъ, Карамзинъ цѣнитъ рубль XVI вѣка въ 5 нынѣшнихъ серебряныхъ, или около 2 червонцевъ. *Ист. Гос. Росс. X. пр.* 406. Въ 17 примѣчаніи къ Беровой Лѣтописи сказано, что тогдашній рубль (т. е. 100 денегъ) былъ вѣсомъ около 15 золотниковъ, слѣдовательно цѣною равнялся одному червонцу. Это мнѣніе основано на извѣстіи Петрея, который говоритъ, что 36 денегъ вѣсятъ *менѣе* 2 лотовъ (Muszkow. Chron. 601): слѣдовательно 100 денегъ, или рубль, имѣли вѣсу до 16 или 15 золотниковъ; а какъ нынѣ изъ фунта серебра выходитъ 19 руб. $75\frac{25}{91}$ коп., то 16 золотниковъ составятъ около 3 руб. 30 коп. серебромъ.

237.

Ефимками назывались у насъ рейхсталеры; слово *ефимокъ* произошло отъ Jochimsthal. *Олеар.* 223. Въ половинѣ XVII вѣка мы принимали ихъ по 50 коп. каждый и передѣлывали въ свою монету съ прибылью: 100 коп. вѣсили полфунта менѣе 2 ефимковъ.

238.

Abtesqui Baiarj едва ли не опечатка, вмѣсто Abtecarsqui.

239.

Stolnic, Tsbesnic, Strepsik, pages (*жильцы*, которыхъ Олеарій называетъ Edelknaben).

240.

Suietnoi Plati.

241.

Schisteit Plati.

242.

Наше войско состояло изъ пяти *полковъ*: *большаго* главнаго корпуса, *передоваго* авангарда, *праваго*, *лѣваго* и *сторожеваго* резерва.

243.

Deti Bajarsqui et sin Bajarsqui *Сынъ* боярскій безъ сомнѣнія есть единственное число; а *дѣти* множественное; у насъ не было различія между *сыновьями и дѣтьми боярскими*. Такъ назывался въ старину многочисленный классъ людей воинскихъ: каждый областной городъ, имѣя своихъ бояръ, имѣлъ и дѣтей боярскихъ, которые составляли воинскую дружину первыхъ. Іоаннъ III, назначивъ земли или помѣстья боярскимъ дѣтямъ, обязалъ ихъ въ случаѣ войны приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья. *Карамз. И. Г. Р.* VI. 344.

244.

De genets des *Georgiens* по изданію 1855 года. Такъ называетъ Маржеретъ въ другомъ мѣстѣ Черкесовъ.

245.

Koin конь, merin меринъ: т. е. авторъ думаетъ, что конями назывались у насъ лошади Ногайскія, а меринами Русскія.

246.

Maritse. Эта болѣзнь извѣстна и нынѣ подъ тѣмъ же названіемъ.

247.

Въ подлинникѣ: Croup qui est fait de millet et orge mondé. Mais le principal est fait *d'avoine.*

248.

Petigorsqui Shercassi qui sont les Georgiens. «Въ рѣку Кубу пала рѣка Лаба изъ-за горъ, отъ Чернаго моря: тѣ горы и до Хвалимскаго моря. А въ тѣхъ горахъ по Терку (Тереку) и по инымъ рѣкамъ Пятигорскіе Черкасы и Кабарда». См карту, приложенную ко второй части. Турки осаждали Астрахань въ 1569 году.

249.

Терки или *Терская* крѣпость названа въ Древ. Рос. Идрогр. *Торки* и сказано, что она находится у Каспійскаго моря, въ 20 верстахъ отъ рѣки Койсы и въ 80 отъ Дербента.

250.

Lequel avoit epousé la soeur dudit Mistisloftsqui. Въ N 20 Москов. Телеграфа на 1831 годъ замѣчено, что супруга царя Симеона, именемъ Анастасія, была дочь, а не *сестра* П. Ѳ. Мстиславскаго, и въ доказательство сего приведена слѣдующая надгробная надпись, сохранившаяся въ Симоновскомъ монастырѣ: «Лѣта 7115 (1607), мѣсяца іюня въ 7 день, на память святаго мученика Ѳеодота, преставися раба Божія царя Симеона Бекбулатовича царица Настасья, въ иноцѣхъ схимница Александра, князя Ивана дочь Ѳедоровича Мстиславскаго». Критикъ забылъ, что говоритъ Маржеретъ выше, на той же страницѣ: «а Мстиславскому запретилъ жениться». Авторъ вездѣ разумѣетъ Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, а не отца его Ивана Ѳедоровича, о которомъ упомянуто въ надгробной надписи.

251.

То были *рынды.*

252.

Въ подлинникѣ: deux ou trois cens Gentils hommes.

253.

Царское привѣтствіе: *Zar hospodar y veliquei knes: N. fsia*

Russia ialoet tebe, qui veut dire, l'Empereur Seigneur et graud Duc: N. de tous les Russes te fait grace.

254.

Patisni mieud, qui veut dire, Medon de miel vierge (т. е. напитокъ изъ крупичатаго меда). Предки наши любили медъ едва ли не болѣе другихъ напитковъ и умѣли приготовлять очень искусно разные сорты: вишневый, смородинный, мозжевеловый, обарный, приварный, бѣлый, паточный, малиновый, черемховый, старый, вешній, медъ съ гвозцы, княжій и боярскій.

255.

Apres iceux une duzaine d'hommes portant chacun un pot d'argent d'environ trois chopine chacun. 16 шопиновъ составляли 1 сетьеръ или полведра; слѣдовательно въ 3 шопинахъ или въ одномъ серебряномъ сосудѣ, о которомъ говоритъ авторъ, было около штофа.

256.

Dix-huict ou vingts grand *brocs*. Слово *brocs* я перевожу *оловянники*; такъ назывались у насъ сосуды мѣрою въ одно ведро и болѣе: это видно изъ росписей яствамъ и питьямъ, посланнымъ съ государева стола къ посламъ. Приводимъ одну изъ нихъ, въ поясненіе извѣстій Маржерета:

«Что послано къ послу отъ государева стола ѣствы и питья, и тому роспись. Съ Сытнаго дворца: кубокъ романеи, к. мушкателя, кубокъ вина францовскаго бѣлого, кубокъ бастру, кубокъ алкану (*аликанту*), кубокъ мармазеи (*мальвазіи?*); медовъ красныхъ: ковшъ вишневаго, к. смородинново, к. меду мозжевеловаго, к. обарново, к. приварнаго, к. бѣлаго паточнаго, к. молинового, к. черехмового, к. старого, к. вешнево, к. меду съ гвозцы; да въ оловянникахъ: ведро меду смородинново, ведро черехмовово, в. мозжевелового, в. старово, в. вешнево; да въ бочкахъ пять ведръ меду вишневого, 5 в. малиноваго, 5 в. боярсково, 5 в. обарново, 5 в. приварнаго выморозки, 10 в. меду паточнаго, 5 в. меду съ гвозцы, 20 в. меду княжого, 5 в. квасу медянаго паточнаго. Съ Кормоваго дворца: лебедь на восмь блюдъ, на блюдо крыло лебяжья потроху, грудь баранья съ шафраномъ, жеравъ (*журавль*) съ зельи на восмь блюдъ, утя верченое, утя съ огурцы, тетеревъ съ шафраномъ, тетеревъ съ сливами, ряби (*рябчики*) съ сливами, кострецъ говяжій верченый, языкъ говяжій верченый, почки бараньи верченыя, ножки бараньи, плечико баранье верченое, четверо куровъ росольныхъ молодыхъ съ инбиремъ, юрмя уха курячья шафранная, уха

курячья черная, уха курячья бѣлая, уха курячья, съ умачемъ манты, калья съ лимоны, калья съ огурцы, калья въ лапшѣ, пирожки кривые, токмачи, заяцъ въ лапшѣ, заяцъ росольный, заяцъ тушеный, заяцъ въ рѣпѣ, кострецъ лосинъ, часть лосины, осердье лосье крошеное, осердье лосье росольное, печень лосья, мозгъ лосій, четверо куровъ верченыхъ молодыхъ, куря рожновое, куря рафленое, куря безкостное, гусь шестная со пшеномъ сорочинскимъ, потрохъ гусинъ, лытка ветчины, куря верченое окрашиванное съ лимоны, кундумы. Съ Хлѣбеннаго дворца: хлѣбецъ крупчатый въ 5 колачей, перепеча крупчатая въ 5 колачей, колачь крупчатый въ 5 колачей, курникъ, колобъ, три пирожка подовые съ бараниною, блюдо пироговъ пряженыхъ кислыхъ съ сыромъ, блюдо оладей приказныхъ большихъ, блюдо котломъ, пирогъ подовой съ сахаромъ, пирогъ подовой съ мясомъ, пирогъ подовой съ яицы, пирогъ подовой съ сыромъ, коровай мягкой, коровай битой, коровай ставленой съ яицы, коровай ставленой съ сыромъ, на блюдо налитковъ, на блюдо трудоношъ, на блюдо пироговъ пряженыхъ съ сахаромъ, на блюдо пироговъ пряженыхъ съ сыромъ, на блюдо сырниковъ съ яицы, на блюдо сырниковъ съ сыромъ, на блюдо блиновъ красныхъ, на блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо жаворонковъ, блюдо карасовъ съ мясомъ, блюдо листней со пшеномъ сорочинскимъ, блюдо киселя бѣлово, ставецъ сливокъ, блюдо сыру губленово, горшечикъ молочка вареново, горшечикъ молочка тверсково, блюдо хворосту, блюдо елецъ, блюдо орѣховъ, блюдо ядеръ, блюдо шишекъ чешуйныхъ, блюдо мисенного». *Ист. Госуд. Росс.* X. пр. 462.

257.

Въ манифестѣ Борисовомъ (см. прим. 139) сказано: «что Разстрига, Отрепьевъ сшелъ съ Москвы на сѣверу (въ Сѣверскую область), *въ* 1603 *году*». Маржеретъ въ 1600 году былъ уже въ Россіи и вѣроятно очень хорошо помнилъ, когда разнеслась молва о Димитріи. Посему извѣстіе его о появленіи Самозванца въ 1600 году, очень важно: оно даетъ обильную пищу догадкамъ о родѣ и племени Лжедимитрія.

258.

Сраженіе происходило при Добрыничахъ, нынѣ село Добрынь, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сѣвѣ.

259.

Въ послѣдствіи Русскіе, особенно изъ высшаго класса, сдѣлались

даже слишкомъ привязчивы къ словамъ, такъ, что царь Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ издать въ 1675 году указъ слѣдующаго содержанія: «Великій государь . . указалъ и бояре приговорили: будетъ кто въ челобитьи своемъ пишетъ въ чьемъ имени или въ прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о*—*а*, *а*—*о*, или вмѣсто *ь*—*ъ*, или вмѣсто *ѣ*—*е*, или вмѣсто *и*—*і*, или вмѣсто *о*—*у*, или вмѣсто *у*—*о*, и иныя въ письмахъ парѣчія подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ безчестье не ставить, и судовъ въ томъ не давать и не розыскивать; а кто кого браня, назоветъ княземъ безъ имени, и за то править безчестье». *Полное Собраніе Законовъ, I. стр. 1000.*

260.

Въ свадебномъ обрядѣ: «А пути всѣ слати сукны багрецы, а на нихъ бархаты.»

261.

Извѣстіе чрезвычайно важное: послѣ такого свидѣтельства не остается сомнѣнія, что Самозванецъ даровалъ Шуйскому жизнь по ходатайству царицы; почему же она вступилась за Шуйскаго? Отвѣтъ ясный: Лжедимитрій былъ не сынъ ея.

262.

См. о семъ Берову Лѣтопись, *стр.* 51.

263.

Шуйскій выбралъ княжну Буйносову-Ростовскую, свойственницу Нагихъ, Марію, на коей женился уже въ 1608 году.

264.

По свидѣтельству Авраамія Палицына, дьякъ Тимооей Осиповъ, рѣшившись обличить Самозванца, пріобщился св. Таинъ, пришелъ во дворецъ и сказалъ прямо въ глаза ему: «Ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, ни царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ». Авраамій присовокупляетъ, что Лжедимитрій тотчасъ велѣлъ Осипова казнить.

265.

Справедливѣе въ Ярославль.

266.

Въ послѣдствіи Маржеретъ опять явился въ Россіи, служилъ Вору Тушинскому и вмѣстѣ съ Гонсѣвскимъ разрушалъ Москву; въ сентябрѣ же 1611 году удалился въ Польшу, былъ обласканъ Сигизмундомъ, но кажется, не хотѣлъ ему служить: отъ 29 января 1612 г. онъ писалъ уже изъ Гамбурга къ бывшему при дворѣ нашемъ резиденту Англичанину Мерику слѣдующее письмо, найденное мною въ 3 томѣ весьма рѣдкаго и драгоцѣннаго собранія путешествій: *Samuel Purchas* Pilgrimes, containing a history of the world in Seavoyages and Landtravels by Englishmen and others. London, 1625:

«Милостивый государь! Я не могъ упустить случая, чтобы не изъявить моей готовности къ вашимъ услугамъ и кратко не увѣдомить васъ о Москвѣ: она совсѣмъ не въ такомъ положеніи, въ какомъ мнѣ хотѣлось бы видѣть ее. Я оставилъ г. Бревстера въ добромъ здоровьи; но черезъ три дня послѣ моего отъѣзда, городъ внутри Красной стѣны былъ выженъ каленьими ядрами, брошенными въ него Русскими; уцѣлѣли только три дома. Англійское подворье превращено въ пепелъ. Г. Бревстеръ принужденъ былъ поселиться въ дворцовомъ погребѣ, не имѣя друзей, кромѣ Мстиславскаго (Misslofsqui). Генералъ Ходкѣвичъ прибылъ въ Москву и, оставивъ достаточное число людей для охраненія замка и Красной стѣны, самъ отправился къ Волгѣ за съѣстными припасами для осажденныхъ Москвитянами въ замкѣ Поляковъ. Король Польскій рѣшился симъ лѣтомъ пріѣхать въ Москву, и если Русскіе не получатъ помощи со стороны, въ чемъ и сомнѣнія быть не можетъ, то сбудутся мои слова, которыя я писалъ къ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, т. е. они должны покориться. Пишу къ вамъ кратко, въ надеждѣ отправиться чрезъ Англію во Францію, и тамъ съ вами увидѣться. Примите, м. г. сіи строки въ удостовѣреніе всегдашней готовности служить вамъ. Тороплюсь отправить письмо.

267.

См. выше примѣчаніе 206.

268.

Догадки, ничѣмъ не подкрѣпляемыя. Самъ Лжедимитрій опровергаетъ ихъ: открывшись князю Адаму Вишневецкому, онъ разсказывалъ, будто

бы въ Угличѣ спасъ его отъ смерти какой-то докторъ. *Собр. Госуд. Грам. II. 294.*

269.

Маржеретъ былъ добросовѣстенъ и не могъ лгать столь торжественно. Карамзинъ разрѣшаетъ загадку слѣдующимъ образомъ: «Доселѣ мы могли затрудниться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генриха IV, знаменитаго историка де-Ту и читателей своей книги о Московской державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедимитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его и, сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго. Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева, для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ *. Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали діакономъ Григоріемъ; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени». *Истор. Госуд. Росс. XI. 320—321.*

270.

Снимки подписей Лжедимитрія, на Латинскомъ языкѣ, выгравированныя во II части *Собранія Госуд. Грамотъ*, подтверждаютъ извѣстіе Маржерета: «въ нихъ», говоритъ Карамзинъ, «видимъ слабую, невѣрную руку ученика». Невѣжество Самозванца въ Латинскомъ языкѣ видно и изъ

* Въ современной рукописной *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*: «Прельстя съ собою отъити въ Кіевъ трехъ иноковъ: черьица Мисаила, да черьица Венедикта, да черьица Леонида Крыпецкаго монастыря; и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, и повелѣ тому Леониду звати своимъ именемъ, Гришкою Отрепьевымъ, а самъ ложно именова себя царевичемъ Димитріемъ».

Русской подписи (приложенной нами къ портрету его въ I части Сказ. современ. о Д. С.). Она находится при договорной записи, данной воеводѣ Сендомирскому еще въ Самборѣ, 25 мая 1604 года. См. выше прим. 166. Лжедимитрій хотѣлъ написать *Деметріусъ*, но ошибся и поставилъ *Демиустри* (ибо такъ, кажется, должно читать сію подпись, а не *Димитрій*, вопреки мнѣнію издателей Госуд. Грамотъ).

271.

То есть ересь Лютерову. Дьякъ Дмитріевъ посланъ былъ Годуновымъ въ 1601 году, съ дворяниномъ Ржевскимъ, къ Датскому королю, для разрѣшенія споровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ.

272.

Они и не думали сего доказывать, называя Лжедимитрія монахомъ Чудовскаго монастыря.

273.

Такъ описываетъ Самозванца современникъ Кубасовъ: «Разстрига возрастомъ малъ; груди широки имѣя, мышцы толсты, лице же имѣя не царскаго достоянія: препростое обличеніе имѣя, тѣло же его вельми помраченно; остроуменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостенъ и велерѣчивъ вельми; конское ристаніе любляше вельми, на враги свои ополчителенъ, смѣлъ вельми, храбрость имѣя и силу велію, воинство же зѣло любляше. Таковъ бѣ Разстрига!»

274.

Борисъ писалъ къ Сигизмунду съ посланникомъ своимъ Огаревымъ, какъ видно изъ отвѣтовъ пословъ Литовскихъ нашимъ боярамъ (въ 1608 году), что если бы Разстрига былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены. *Карамз. Ист. Госуд. Росс. XI. пр. 237.* По свидѣтельству Флетчера, Годуновъ, еще до убіенія царевича, объявилъ его незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги, не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на литургіи.

275.

Лжедимитрій обязался выдать воеводѣ Сендомирскому одинъ милліонъ злотыхъ и уступить его дочери въ вѣчное потомственное владѣніе госу-

дарства Новгородское и Псковское. Договоръ, подписанный Самозванцемъ, *явленъ* королевскимъ главнымъ надзирателемъ въ 1668 году. (См. прим. 166). Подобнымъ же договоромъ 1604 года Лжедимитрій отдавалъ одну половину Смоленской и Сѣверской областей воеводѣ Сендомирскому, а другую королю Польскому. *Собр. Госуд. Грам. II. 139 и 165.*

276.

Шуйскій, вступивъ на престолъ, обнародовалъ слѣдующее показаніе любимцевъ Лжедимитріевыхъ, Станислава и Яна Бучинскихъ:

«Сказывали въ распросѣ Станиславъ да Янъ Бучинскіе, которые жили вверху у тайныя думы и у всякихъ тайныхъ дѣлъ его (Самозванца): канунъ-де того дня, въ пятницу, мая въ 16 день, какъ того Разстригу убили, говорилъ тотъ Разстрига наединѣ съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, а они были тутожъ: «Время-де мнѣ своимъ дѣломъ про-«мышляти, чтобъ государство свое утвердити и вѣру костела Римскаго «распространити. А начальное-де дѣло то, что бояръ побити; а не по-«бить-де бояръ, и мнѣ-де самому отъ нихъ быть убиту; а только-де «побью бояръ, и язъ-де что хочу, то учиню». И Вишневецкій и они, Бучинскіе, молвили: да только ему побить бояръ, и за нихъ землею станутъ. И Разстрига-де Гришка молвилъ: «То-де уже у меня умышлено «тѣмъ обычаемъ: велѣлъ-де я вывезти за городъ нарядъ весь, будто «для потѣхи, и въ эту-де недѣлю, мая въ 18 день, велѣлъ туто выѣхати «за городъ, будто стрѣльбы смотрити, воеводѣ и сыну его старостѣ Се-«натцкому (*Саноцкому*), и Тарломъ, и ротмистру Доматцкому, и съ «нимъ всѣмъ Полякомъ и Литвѣ, въ сбруѣ во всей и съ оружьемъ; и «какъ язъ выѣду на стрѣльбу, а за мною будутъ бояре всѣ и дворяне, и «какъ учнутъ изъ наряду стрѣляти, и въ ту пору Полякамъ всѣмъ уда-«рити на бояръ и дворянъ, и ихъ побивати. А то-де есми указалъ же, «кому на кого на бояръ пріѣхати и убити: князя Ѳедора-де Мстислав-«скаго убити Махайлу Ратомскому, а Шуйскихъ Тарлу да Стадницкимъ; «а про иныхъ бояръ также приказано, кому кого убити; а убити-де «велѣлъ есми бояръ, которые здѣсь владѣютъ двадцать человѣкъ: и «какъ-де тѣхъ побью, и во всемъ будетъ моя воля». И они-де Бу-чинскіе молвили: Московское государство великое, станутъ за бояръ всѣмъ государствомъ, и Поляковъ и Литву всѣхъ самихъ побьютъ. И Разстрига Гришка говорилъ: «Поляки-де и Литва выѣдутъ всѣ «вооруженны; да и извычай-де у меня тотъ уже уложенъ, что на «потѣхи со мною часто выѣзжаютъ роты вооруженны рядяся, какъ

«на битву. Былъ-де есми на Вяземѣ, и со мною-де былъ ротмистръ «Доморатцкій со всею ротою во всей ратной сбруѣ, да и здѣся «ко мнѣ часто пріѣзживали, урядяся, какъ на битву, и то-де будетъ «уже никому непримѣтно, что выѣдутъ нынѣ со мною Поляки и «Литва въ сбруѣ; а бояре-де и дворяне ѣздятъ за мною простымъ «обычаемъ, и имъ-де безъ оружія что учинити? А какъ-де тѣхъ бояръ «побьютъ, и достальные-де всѣ устрашатся, еще-де иные на нихъ «придутъ». И они-де Бучинскіе молвили: великое то дѣло надобе начати, да и совершити; а только не совершится, ино самимъ намъ будетъ худо. И Разстрига-де Гришка говорилъ: «Вѣрьте-де мнѣ одно-«лично, что то совершится; язъ-де уже такія статьи видѣлъ. Сего-де «году, въ Великій постъ, поговорили про меня немногіе стрѣльцы, что «я вѣру ихъ разоряю, и мнѣ-де тотчасъ сказали, и язъ тѣхъ стрѣль-«цовъ велѣлъ сыскати, и приказалъ быти на дворецъ всѣхъ приказовъ «стрѣльцомъ, и тѣхъ, которые говорили, тутожъ велѣлъ привести, и «учалъ-де есми вину ихъ и измѣну всѣмъ стрѣльцомъ сказывати; а у «меня-де уже говорено съ Григоріемъ съ Микулинымъ, какъ ему туто «говорити и что надъ тѣми стрѣльцы учинити; и какъ-де измѣну ихъ «объявили, и Григорій-де учалъ, говорити: освободи-де, государь, мнѣ, «я у тѣхъ твоихъ государевыхъ измѣнниковъ не только что головы «поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю; да мигнулъ-де «на нихъ Григорій стрѣльцомъ, и стрѣльцы-де, блюдясь отъ меня, «тѣхъ моихъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя части, «мало-де сами не пересѣклися, сѣкучи ихъ. А то-де также, чаю, «будетъ: на кого-де только укажу, что измѣнникъ мой, и тотъ-де уже «не пробудетъ; всѣ-де, отъ меня блюдясь, дѣлаютъ, что велю». И они-де, молвили: такихъ ты бояръ велишь побити, да кому у тебя въ государствѣ уряжати и кому въ приказѣхъ быти? И Гришка-де Разстрига говорилъ: «То-де уже у меня умышлено: нынѣ-де у меня «здѣся готовы воеводы Сендомирскій и староста Сенатцкій (*Саноцкій*), «да ты, Вишневецкій, да Тарлы, да Стадницкіе, да вы, Бучинскіе, и «иные ваши пріятели; а по иныхъ-де Поляковъ и по Литву пошлю, и «мнѣ-де уже будетъ надежно, и государство мое будетъ безъ опасенья, «и въ Римскую вѣру вскорѣ всѣхъ приведу. А то-де я уже здѣся видѣлъ; «хотя кого безвинно велю убити, а никто ни за кого и слова не молвитъ». И они де Бучинскіе говорили: слышали есмя здѣся у многихъ, что за вѣру здѣся и такъ насъ не любятъ; а только стати неволею приводити, и за то станутъ всѣ народомъ. И Разстрига Гришка говорилъ: «Видѣли-

*

«де есте сами, что здѣся дѣлается; нарокомъ-де есми приказалъ Поля-«комъ и всякихъ разныхъ вѣръ людямъ ходити здѣся въ большую ихъ «церковь и по всѣмъ ихъ церквамъ въ сабляхъ и какъ кто ходитъ, и «они-де кабы сперва поговаривали межъ себя тайно, а нынѣ-де уже то «ни за что; и язъ-де велѣлъ Полякомъ носити кресты у поясовъ и «ниже гораздо пояса и назади, а они-де тому кланяются, и въ церкви-«де такъ ходили, за то-де никто никаковъ человѣкъ никакого слова не «молвилъ. А какъ-де я вѣнчался, и у меня-де въ ту пору большое «опасенье было, потому что по ихъ крестьянскому закону первое крес-«тивъ, да тожъ ввести въ церковь; а не крестивъ, никому иныхъ «вѣръ въ церковь не входити; язъ-де нарочно велѣлъ быти въ церковь «люторемъ и кальвинцомъ, и евангеликомъ, и инымъ всякихъ вѣръ «людемъ, и они-де въ церкви были, и слышалъ-де есми, что и обра-«зомъ ихъ ругалися и смѣялися, и въ церкви иные сидѣли въ обѣдню; «а иные спали, на образы приклонясь, и за то-де никаковъ человѣкъ «не смѣлъ слова молвити. А больше-де есми всего боялся, что це-«сарева моя Римскія вѣры, и нѣчто митрополиты и архіепископы «и епископы упрямятся, не благословятъ и муромъ не помажутъ, и «во многолѣтье не станутъ поминати; и какъ-де есми вшелъ вѣнчатися «въ церковь, и язъ-де что хотѣлъ, то и дѣлалъ; все-де дѣлалося по «моему хотѣнью и волѣ; а которые-де митрополиты и архіепископы и «епископы и протопопы учали было прежъ сего о томъ поговаривати, и «язъ-де ихъ порозослалъ, и нынѣ-де никаковъ человѣкъ не смѣетъ «слова молвить, и во всемъ волю мою творятъ». И говорилъ-де туто Разстрига Гришка съ клятвою: «Что однолично въ недѣлю, мая въ «18 день, на стрѣльбѣ бояръ Мстиславскаго и Шуйскихъ, и иныхъ «бояръ и дворянъ лучшихъ, и дѣтей боярскихъ, и головъ, и сотниковъ, «и стрѣльцовъ, и черныхъ людей, которые за нихъ любо станутъ, «побити всѣхъ; а совершивъ то, тотчасъ велю костелы Римскіе ставити; «а въ церквахъ Русскихъ пѣти не велю; и то-де все совершу, на чемъ «есми присягалъ папѣ и кардиналомъ, и арцыбискупомъ и бискупомъ,и «какъ-де есми воеводѣ подъ клятвою въ письмѣ своемъ написалъ; да и «Вишневецкому-де приказалъ, чтобъ къ недѣлѣ со всѣми своими людьми «былъ готовъ и промышлялъ бы неоплошно». *Собр. Госуд. Грам.* II. стр. 296.

Карамзинъ говоритъ, и кажется справедливо, о семъ показаніи слѣдующее: «Свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ

слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Русскихъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и не разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя, какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ главою». *Истор. Госуд. Рос. XII. стр.* 7.

277.

Изъ числа приводимыхъ авторомъ источниковъ мы не знаемъ ни писемъ езуитовъ, ни сочиненія *Петра Патерсона*, который, какъ видно изъ исторіи де-Ту, находился въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ. Записки *Маржерета* тѣ самыя, которыя нами переведены. *Герардъ Гравенбрухъ*, справедливѣе Гревенбрухъ, Нѣмецъ, никогда не бывшій въ Россіи, издалъ въ 1609 году нынѣ рѣдкую книгу, заключающую въ себѣ много любопытныхъ извѣстій, подъ заглавіемъ: Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii, qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit, narratio ex fide dignis scriptis et litteris excerpta. Koloniae Agrippinae apud Gerardum Grevenbruch, an. 1609, in 8. Авторъ признаетъ Лжедимитрія сыномъ Іоанновымъ. *Константинъ Фидлеръ* былъ братъ Каспара Фидлера, вызваннаго изъ Кёнигсберга въ 1600 году Борисомъ Годуновымъ, который, узнавъ, что «Кашпиръ хочетъ своимъ дохторствомъ послужити», далъ ему опасную граммату и принялъ его въ службу лейбъ-медикомъ. Константинъ Фидлеръ жилъ въ Россіи вмѣстѣ съ братомъ и написалъ въ 1602 году на Латинскомъ языкѣ похвальное слово Борису Годунову, напечатанное въ Кёнигсбергѣ подъ заглавіемъ: Constantini Fiedleri oratio luculenta in Borissum Godunovium. Regiomonti, 1602. Симъ-то сочиненіемъ, кажется, пользовался де-Ту, хотя онъ и говоритъ, что Фидлеръ произнесъ *надгробное* слово уже по смерти Борисовой, напечатанное въ Кёнигсбергѣ; но это едва ли не ошибка; по крайней мѣрѣ надгробной рѣчи мы не знаемъ. Похвальное слово Фидлера очень любопытно, какъ сочиненіе современника-очевидца; тутъ исчислены всѣ добрыя свойства Годунова: его отеческая заботливость о подданныхъ, кротость, милосердіе, ласковость, любовь къ просвѣщенію и благосклонность къ людямъ ученымъ. Авторъ говоритъ, что Борисъ заслуживаетъ названіе Августа болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Русскіе государи. Сочиненіе его, переведенное на Русскій языкъ Вороновымъ, напечатано въ 1773 году въ С. Петербургѣ.

278.

Описывая страшныя явленія природы, или дѣйствія человѣка, писатели Французскіе рѣдко не выходятъ изъ предѣловъ истины. Де-Ту менѣе всѣхъ заслуживаетъ упрека въ этомъ отношеніи: немногіе были такъ осмотрительны; но и онъ, разсказывая о лютомъ голодѣ временъ Годунова по слухамъ, говоритъ, кажется, небылицы. Дѣйствительно отчаяніе доводило до злодѣйствъ, въ чемъ свидѣтельствуютъ единогласно очевидцы; но злодѣйства совершались *тайно*; на рынкахъ продавали мясо человѣческое въ пирогахъ, но не трупами.

279.

О свѣдѣніяхъ Лжедимитрія въ Латинскомъ языкѣ см. Записки Маржерета стр. 313 и прим. 270. Самозванецъ пишетъ въ одной грамматѣ: *Jn Perator*. См. въ концѣ тома *снимки*.

280.

По извѣстію Паерле, Димитрій набралъ въ Польшѣ 1600 человѣкъ; а по словамъ Маржерета, 4000.

281.

Въ подлинникѣ: *Ioanne Takmevio*. Въ Черниговѣ былъ воеводою князь Иванъ Андреевичь Татевъ.

282.

Въ подлинникѣ: *Michelovtzius Soltekovius*. Салтыкова звали Михайло Глѣбовичъ.

283.

Извѣстіе объ участіи езуитовъ въ дѣлѣ Самозванца очень важно: авторъ, безъ сомнѣнія, основывается на ихъ письмахъ.

284.

Carmohoviam. Трудно отгадать, что значитъ это слово. Въ дневной запискѣ воеводы Сендомирскаго сказано, что съ Новгородка онъ отступилъ въ *Перегоду*, а потомъ за Путивль. *См. выше, прим.* 136.

285.

Въ подлинникѣ *e Cistercinsi ordine*. Такъ назывался орденъ берна-

диновъ отъ монастыря своего Citaux, недалеко отъ Дижона, возникшій въ 1099 году и прославленный дѣятельностью св. Бернарда Клерво. Въ честь знаменитаго мужа, онъ именовался въ Франціи Бернардинскимъ. Лѣтъ черезъ сто послѣ основанія своего, орденъ распространился по всей Европѣ и завелъ до 800 аббатствъ; но послѣ Реформаціи нашелъ убѣжище только въ Испаніи и Польшѣ.

286.

Ни въ нашихъ лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ иноземцевъ не упоминается такого имени. Не смѣшалъ ли авторъ Hinsko Otiopelus съ Гришкою Отрепьевымъ?

287.

Патріархъ всегда назывался у насъ патріархомъ.

288.

Авторъ, кажется, намѣкаетъ на замыселъ Борисовъ погубить Самозванца ядомъ, если вѣрить извѣстіямъ Паерле.

289.

См. о семъ выше, примѣч. 277.

290.

Orla. Орелъ оставался сзади: Лжедимитрій былъ въ немъ прежде занятія Тулы.

291.

По свидѣтельству нашихъ лѣтописей и по сказанію очевидца Бера, тѣло Борисово вырыли изъ Архангельскаго собора и похоронили на Срѣтенкѣ, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, еще до прибытія Самозванца въ Москву.

292.

Императоръ Рудольфъ II, проводившій все время въ занятіяхъ алхиміею, не радѣлъ вовсе о дѣлахъ государства. Венгерцы, досадуя на безпечность императора, избрали въ 1607 году королемъ своимъ брата его Матоія и принудили Рудольфа отказаться отъ Венгерской короны.

293.

Не Ѳедора Романовича, а Василія Ивановича Шуйскаго. Наши имена собственныя камень преткновенія для иностранцевъ.

294.

Авторъ хочетъ сказать, что эти сокровища пріобрѣтены насиліемъ.

295.

Въ приложеніяхъ къ Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliewitch per Sebastiano Ciampi, изд. въ 1827 г. напечатана граммата Самозванца къ Сигизмунду III, отъ 5 сентября 1605 года, заимствованная, какъ говоритъ авторъ, изъ вѣрнаго источника. Ея нѣтъ въ Румянцовскомъ собраніи грамматъ. Лжедимитрій пишетъ: «По принятому великими государями и императорами обыкновенію увѣдомлять сосѣдственныхъ владѣтелей о восшествіи на престолъ, онъ посылаетъ къ королю гонца своего Аѳанасія Власьева съ извѣстіемъ, что промысломъ Всевышняго вступилъ на прародительскій престолъ и, по благословенію императрицы своей матери, короновался не только императоромъ обширной державы Московской, но и царемъ всѣхъ царствъ Татарскихъ, давно уже Русскому скиптру подвластныхъ. Далѣе въ Польскомъ наказѣ сказано: Димитрій желаетъ во-первыхъ быть въ дружбѣ и согласіи со всѣми государями, во славу христіанства, на пагубу нечестивыхъ; во-вторыхъ, сокрушаясь о бѣдствіи христіанъ, терзаемыхъ измаильтянами, которые овладѣли Святыми мѣстами въ Палестинѣ и уже въ самой Венгріи утвердились, отнявъ у императора Рудольфа нѣсколько крѣпостей, онъ намѣренъ помочь бѣднымъ христіанамъ, и молитъ Бога, чтобы всѣ государи соединили свои силы для сей цѣли; посему желаетъ знать мысли короля своего друга и сосѣда, согласенъ ли онъ приступить къ союзу; въ-третьихъ проситъ у Сигизмунда дозволенія воеводѣ Сендомирскому привести въ Москву дочь, на которой онъ, Димитрій, намѣренъ, по благословенію императрицы матери, жениться, въ благодарность за оказанныя воеводою услуги». Нѣтъ сомнѣнія, что де-Ту зналъ эту граммату.

296.

Это случилось 9 мая, въ день св. Николая. Кто сказалъ автору, что Русскіе предпочитали Николинъ день Воскресенію Христову, которое «праздникомъ есть праздникъ, торжествомъ торжество?»

297.

Справедливѣе бояриномъ Татищевымъ, котораго Басмановъ возвратилъ изъ ссылки, какъ свидѣтельствуетъ Маржеретъ.

298.

Убили дворянина Литовскаго Фирстенберга. Въ Legende de la vie et de la mort de Demetrius, писанной очевидцемъ и напечатанной въ 1606 году, сочиненіи рѣдкомъ и любопытномъ, такъ разсказано о смерти Фирстенберга: «Узнавъ, что Димитрій, выпрыгнувъ изъ окна, убился, Фирстенбергъ сбѣжалъ съ крыльца и нашелъ царя еще живаго; но онъ расшибъ себѣ грудь: кровь лилась у него изо рта; голова также была вся въ крови. Фирстенбергъ съ товарищами внесъ Димитрія на верхъ, въ царскія комнаты, гдѣ его освѣжили холодною водою и другими крѣпительными средствами. Тутъ бояре начали говорить съ нимъ и допрашивать; но не льзя знать, что между ими происходило. Фирстенберга умертвили, чтобы онъ не разгласилъ тайны».

299.

Въ подлинникѣ: Ipso autem crudeliter lancinato per pudenda transmittitur et corpus proiectum per coenum ad forum trahitur.

300.

См. эту граммату въ *Собр. Госуд. Грам. и Догов.* II. 308.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

ГЛАВА I.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Ѳеодора. Годуновъ Правитель. Свойства его. Младенчество Димитрія. Убіеніе царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Ѳеодора. Романовы отвергаютъ скипетръ. ..... 11—14

ГЛАВА II.

Дѣятельность Правителя и сестры его. Избраніе Годунова царемъ. Посолъ хана Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о государствѣ. Намѣреніе просвѣтить Россію. Благосклонность къ иноземцамъ. Густавъ герцогъ Шведскій. Врачи иноземные. Союзъ съ Римскимъ императоромъ. Посолъ Турецкаго султана. Сношенія съ разными государями. Іоаннъ, герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Честь Ливонскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Строеніе городовъ. Замыселъ Богдана Бѣльскаго. Романовы. 14—29

ГЛАВА III.

Отрепьевъ. Явленіе Самозванца. Князь Вишневецкій. Письмо къ нему отъ Годунова. Донесеніе Тирфельда. Волненіе казаковъ. Неудача Степана Годунова. Недоумѣніе Борисово. Страшный голодъ. Цесарскій посолъ въ Москвѣ. Знаменія. Разратъ вѣка. Царскій астрологъ. Осада Путивля Самозванцемъ. Ополченіе Борисово. Мужество Басманова. Сраженіе Добрынское. Маржеретъ. Измѣна бояръ. Осада Кромъ. Атаманъ Корела. Кончина Годунова..... 30—42

ГЛАВА IV.

Басмановъ, главный вождь. Измѣна войска. Вѣрность Нѣмцевъ. Мятежъ въ Красномъ селѣ. Бунтъ въ столицѣ. Заточеніе царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдствіе врачей иноземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Ѳеодора и матери его..... 43—46

ГЛАВА V.

Самозванецъ подъ Москвою. Преданность народа. Милость Нѣмцамъ. Вшествіе въ столицу. Свиданіе съ матерью св. Димитрія. Свойства обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Капитанъ Маржеретъ. Притѣсненіе духовенства. Неудача Шуйскаго. Воинскія потѣхи. Прибытіе Марины. Всеобщее негодованіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедимитрія..... 47—63

ГЛАВА VI.

Убійство Поляковъ. Изступленіе народа. Переговоры бояръ съ Мариною и отцемъ ея. Трупъ Самозванца на Красной площади. Мнимое чудо надъ тѣломъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца. Доказательства, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ..... 64—76

ГЛАВА VII.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Отвѣтъ короля. Крамолы. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Чудеса. Измѣна и бѣгство князя Шаховскаго. Волненіе въ Путивлѣ Начало войны междоусобной. Пораженіе царскаго войска. Честь праху Бориса Годунова. Бѣдствіе царевны Ксеніи. 76—81

ГЛАВА VIII.

Пашковъ подъ Москвою. Болотниковъ. Свиданіе его съ новымъ Самозванцемъ. Измѣна Калуги. Лжепетръ вступаетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Вѣроломство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Стародубѣ. Взятіе Тулы. Твердость Болотникова. Неудачи Васильевы. Лжедимитрій подъ Брянскомъ и Болховомъ. Битвы. Предатель Ламсдорфъ. Димитрій подъ Москвою. Марина въ его рукахъ. Недоумѣніе столицы. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ..... 81—101

ГЛАВА IX.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Ляпуновъ. Волненіе сѣверовосточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго воеводы Шмита. Марина, жена Тушинскаго Вора. Высокомѣріе Самозванца. Побѣды Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго.....101—107

ГЛАВА X.

Рожинскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Нѣмцевъ. Волненіе Тушинскаго лагеря. Смерть воеводы Стадницкаго. Тайный пріѣздъ Марины въ Калугу. Скопинъ и Делагарди спасаютъ Россію. Смерть Скопина. Переговоры Сигизмунда съ Поляками. Битва Клушинская. Звѣрство Лжедимитрія. Беръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нѣмцевъ.....108—122

ГЛАВА XI.

Жолкѣвскій подъ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложеніе Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Владиславу. Послѣднее покушеніе Самозванца овладѣть Москвою. Бѣгство его. Посольство въ Астрахань. Безумныя дѣла. Смерть хана Касимовскаго. Петръ Ерусланов. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуйскій въ плѣну. Свиданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Турецкимъ. Грозное письмо султана къ Сигизмунду.....123—130

ГЛАВА XII.

Владиславъ признаютъ царемъ во всей Россіи. Своевольство Поляковъ въ Москвѣ. Негодованіе народа. Правосудіе Гонсѣвскаго. Всеобщая ненависть къ Полякамъ. Ссоры съ ними. Тщетныя усилія намѣстника. Вербное Воскресенье. Патріархъ виновникъ возстанія. Кровопролитіе въ столицѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разореніе Москвы. Полковникъ Струсь. Патріархъ въ темницѣ. Неистовство Поляковъ. Ляпуновъ осаждаетъ ихъ. Сапѣга и Ходкѣвичъ. Заключеніе.....131—143

НАЕРЛЕ.

ГЛАВА I.

Іоаннъ Мучитель, прозванный Великимъ. Характеръ Ѳеодора Іоанновича. Замыселъ Годунова на жизнь Димитрія. Симеонъ спасаетъ царевича отъ смерти. Воевода Сендомирскій. Походъ Димитрія на Москву. Покореніе Моравска и Чернигова. Осада Новгородека. Басмановъ. Покорность Путивля, Рыльска, Сѣвска. Битва при Новѣгродекѣ. Рѣчь Димитрія. Побѣда. Казаки Запорожскіе. Удаленіе воеводы Сендомирскаго въ Польшу. Битва Добрынская. Измѣна казаковъ. Осада Рыльска. Замыселъ Борисовъ отравить Димитрія. Осада Кромъ. Хитрость Запорскаго и оплошность Басманова. Смерть Годунова, жены его и сына. Москва встрѣчаетъ Димитрія. Неудачный замыселъ Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Обрученіе съ Мариною. Пріѣздъ ея. Рѣчь воеводы Сендомирскаго. Свадьба Димитрія. Споры съ послами. Смерть его. Убійство Поляковъ. Развѣяніе праха Димитріева.....153—197

ГЛАВА II.

Причина путешествія автора въ Москву. Опасность его во время мятежа. Стараніе бояръ прекратить волненіе. Соединеніе съ Литовскими послами. Избраніе Шуйскаго царемъ. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Споры пословъ съ боярами во дворцѣ. Рѣчь Мстиславскаго. Отвѣтъ посольскій. Заключеніе пословъ. Молва о Димитріи. Послы выдаютъ боярамъ многихъ Поляковъ. Походы Шуйскаго на мятежниковъ. Приступъ ихъ къ Москвѣ. Спасеніе столицы. Неволя Поляковъ. Назначеніе королемъ новыхъ пословъ. Походъ Шуйскаго на Тулу. Отправленіе иноземныхъ купцовъ въ отечество. Прибытіе новыхъ пословъ королевскихъ. Извѣстія изъ Польши. Возвращеніе Шуйскаго. Аудіенція вновь прибывшихъ пословъ. Наглость повара. Смѣлость Гонсѣвскаго и товарища его. Свиданіе ихъ во дворцѣ съ послами. Переговоры и неудовольствія.....197—234

МАРЖЕРЕТЪ.

Посвященіе автора Генриху IV.....245

I. Взглядъ на Россію въ началѣ XVII вѣка.....249
1. Пространство и области. 2. Границы. 3. Климатъ и качество почвы. 4. Произведенія: a) Хлѣбъ и плоды. b) Дичь. c) Рыба. d) Домашній скотъ.

II. Свойства Русскаго народа.....253

III. Обозрѣніе Русской исторіи.....253

IV. Царскій титулъ 254

V. Правленіе Іоанна IV 255
1. Его супруги и дѣти. 2. Смерть старшаго сына. 3. Симеонъ на престолѣ.

VI. Правленіе Ѳеодора Іоанновича 255
1. Характеръ его. 2. Борисъ Годуновъ правитель. 3. Ссылка Димитрія и спасеніе отъ смерти. 4. Пожаръ Московскій. 5. Кончина Ѳеодора.

VII. Борисъ Годуновъ 257
1. Удаленіе сестры его въ монастырь. 2. Борисъ отвергаетъ корону. 3. Созваніе государственныхъ чиновъ. 4. Возведеніе Бориса на престолъ. 5. Серпуховское ополченіе. 6. Коронованіе.

VIII. Религія Россіянъ 259
1. Крещеніе. 2. Св. Троица. 3. Св. Угодники. 4. Духовенство. 5. Посты. 6. Св. Писаніе. 7. Освященіе воды. 8. Недѣля Ваій. 9. Особенный орденъ монаховъ. 10. Права патріарха. 11. Разводъ. 12. Права иновѣрцевъ: a) евреевъ. b) лютеранъ и католиковъ. c) магометанъ и язычниковъ. 13. Похороны. 14. Пасха.

IX. Гражданское устройство 264
1. Осторожность правительства. 2. Города и крѣпости; Москва. 3. Дворянство. 4. Государственная Дума. 5. Власть царя. 6. Областное управленіе. 7. Судъ и расправа. 8. Полиція. 9. Правежъ.

X. Обычаи 267
1. Образъ жизни дворянъ. 2. Женщины. 3. Свадьба. 4. Простота нравовъ. 5. Врачебныя пособія.

XI. Государственные доходы 270
1. Разныя вѣдомства и количество доходовъ. 2. Торговля. 3. Царскія сокровища.

XII. Монета 275
1. Цѣна рубля, гривны и проч. 2. Ефимки, червонцы.

XIII. Государственныя званія 276

XIV. Войско 278
1. Устройство его. 2. Война съ Татарами. 3. Конница. 4. Оклады чиновъ военныхъ и гражданскихъ. 5. Вооруженіе. 6. Лошади. 7. Пѣхота. 8. Казаки. 9. Содержаніе войска и награды.

XV. Внѣшнія сношенія 285

XVI. Царствованіе Бориса Годунова 286
1. Счастливое начало правленія. 2. Политика. 3. Ослѣпленіе царя Симеона. 4. Густавъ Шведскій. 5. Польскій посолъ. 6. Угощеніе пословъ. 7. Голодъ. 8. Іоаннъ герцогъ Датскій. 9. Тиранство Годунова. 10. Молва о появленіи Димитрія. 11. Начало войны съ нимъ. 12. Битва при Новѣгородѣ Сѣверскомъ. 13. Сраженіе Добрынское. 14. Оплошность воеводъ и кончина Годунова.

XVII. О безчестіи 295

XVIII. Царствованіе Ѳеодора Борисовича 297
1. Басмановъ главный вождь. 2. Измѣна его. 3. Грамматы Димитрія. 4. Волненіе столицы. 5. Смерть царя и матери его.

XIX. Правленіе Димитрія.....298
1. Вступленіе въ Москву. 2. Свиданіе съ матерью. 3. Коронованіе. 4. Замыселъ Шуйскаго. 5. Обрученіе съ Мариною. 6. Гвардія. 7. Милости Димитрія. 8. Замыселъ дьяка (Осипова). 9. Опала Татищева. 10. Лжепетръ и разбои казаковъ. 11. Бракосочетаніе. 12. Споръ съ посломъ Польскимъ. 13. Смерть Димитрія.

XX. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.....303
1. Восшествіе его на престолъ. 2. Волненіе Россіи. 3. Перенесеніе мощей св. Димитрія. 4. Ссылка Сендомирскаго и дочери его. 5. Свойства Димитрія. 6. Молва о спасеніи его: a) Свидѣтельство Бертрана де-Кассана. b) Свидѣтельство Марины. c) Мятежъ въ южныхъ предѣлахъ. d) Замыслы противъ Шуйскаго. e) Бунтъ въ области Сѣверской.

XXI. Разныя мнѣнія о Димитріи.....309
1. Одни признаютъ его Отрепьевымъ. Возраженія автора: a) Мнѣніе его, какъ спасся Димитрій. b) Извѣстія объ Отрепьевѣ. c) Свидѣтельство самого Отрепьева. 2. Другіе признаютъ Димитрія иноземцемъ. Возраженія. 3. Называютъ его еще орудіемъ езуитовъ. 4. Доказательства автора, что Димитрій былъ сынъ Іоанновъ.

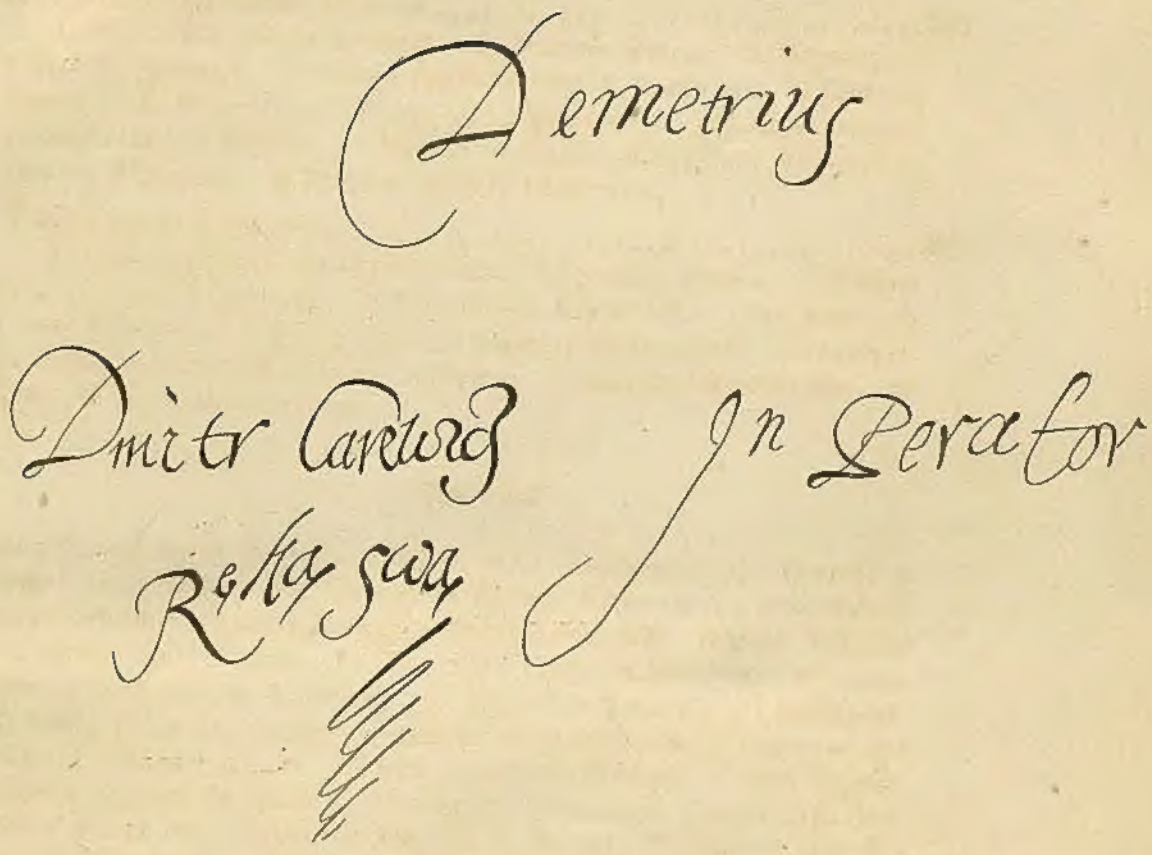
ДЕ-ТУ

Состояніе Россіи предъ появленіемъ Димитрія. Характеръ царя Ѳеодора и смерть царевича Димитрія. Мятежъ въ Угличѣ. Казнь жителей его. Мнѣніе современниковъ о смерти Димитрія. Явленіе Самозванца. Езуиты. Свиданіе его съ королемъ Польскимъ. Походъ въ Россію и покорность городовъ. Посольство Борисово къ Сигизмунду. Пораженіе Димитрія при Новгородѣ. Мужество его и дѣятельность езуитовъ. Пораженіе войска Борисова при Рыльскѣ. Мѣры Годунова. Письмо къ нему отъ Димитрія. Смерть Бориса. Удачная хитрость Запорскаго. Покорность Басманова. Смерть царя Ѳеодора и матери его. Вступленіе Димитрія въ Москву. Разрушеніе дома Борисова. Ссылка многихъ семействъ благородныхъ. Неудачный замыселъ Шуйскаго. Любовь народа. Коронація и свиданіе съ матерью. Милость езуитамъ. Посольство къ Сигизмунду. Обрученіе съ Мариною. Прибытіе ея въ Москву и свадьба. Неудовольствіе народа. Гвардія. Безпечность Димитрія; всеобщее негодованіе. Возстаніе Москвы. Разныя извѣстія о смерти Димитрія. Злоба народная. Бѣдствіе Поляковъ и другихъ иноземцевъ. Избраніе новаго царя и рѣчь Шуйскаго. Восшествіе его на престолъ. Граммата, имъ обнародованная о Димитріи.....327—353

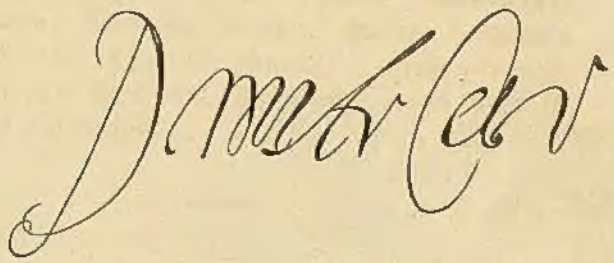
Примѣчанія.....357

СНИМКИ СЪ ПОДПИСЕЙ

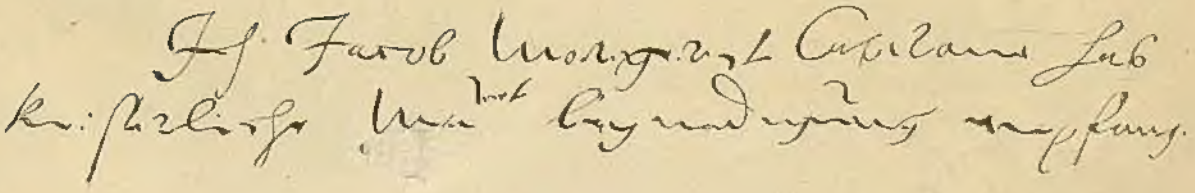
Лжедимитрія I:



Лжедимитрія II:



Капитана Маржерета:



2007058741